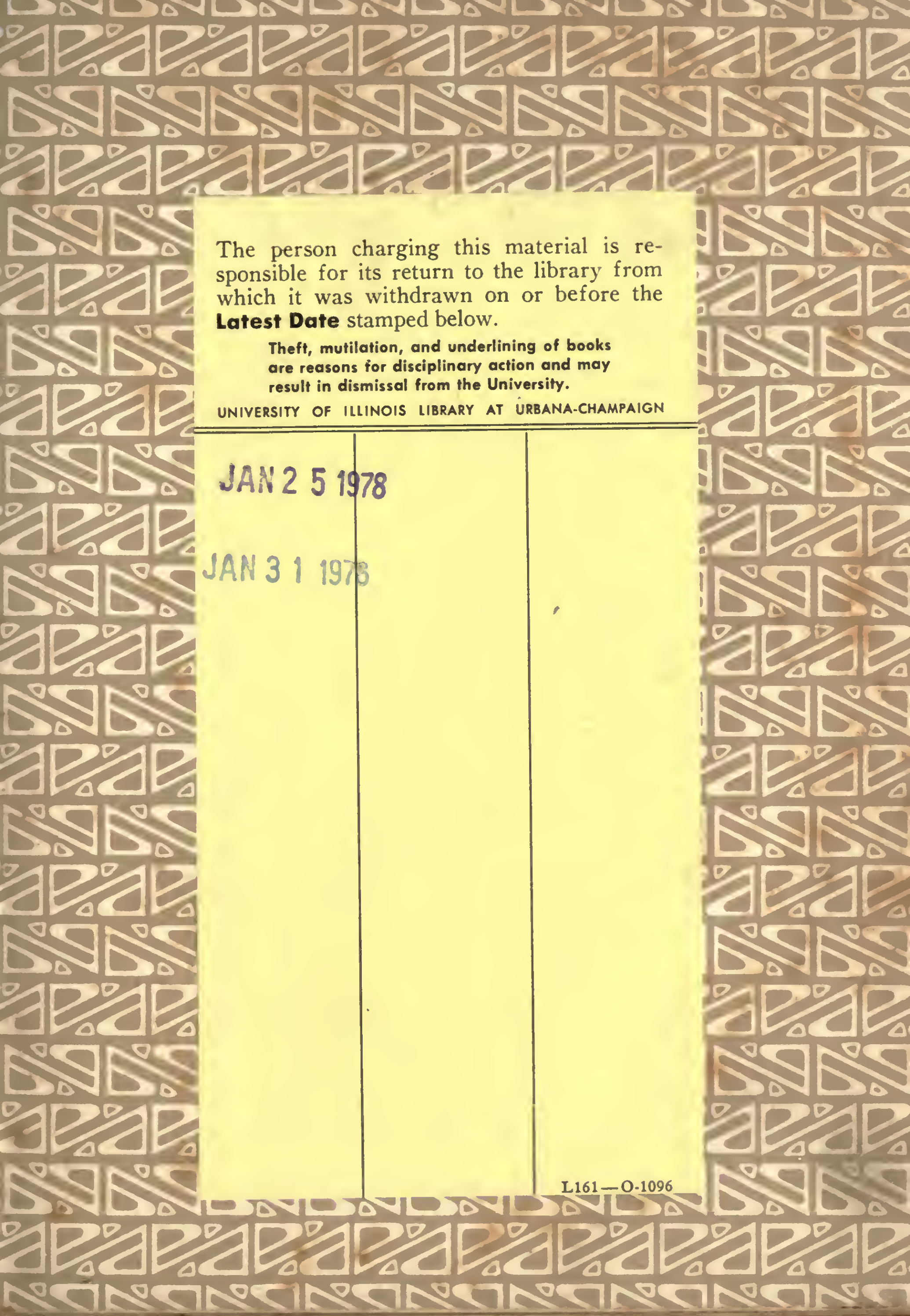
Л. Н. Толстой.

Война и миръ

Левъ Николаевичъ
Толстой.

Война и миръ.

Томъ III.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями
П. И. Бирюкова.

ИЗДАНІЕ
Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА.—1912.

ВОЙНА и МИРЪ.

(1864—1869.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Съ конца 1811 года началось усиленное вооруженіе и сосредоточеніе силъ Западной Европы, и въ 1812 году силы эти — милліоны людей (считая тѣхъ, которые перевозили и кормили армію)—двинулись съ запада на востокъ къ границамъ Россіи, къ которымъ точно такъ же съ 1811 года стягивались силы Россіи. 12-го іюня силы Западной Европы перешли границы Россіи, и началась война, т.-е. совершилось противное человѣческому разуму и всей человѣческой природѣ событіе. Милліоны людей совершали другъ противъ друга такое безчисленное количество злодѣяній, обмановъ, измѣнъ, воровства, поддѣлокъ и выпуска фальшивыхъ ассигнацій, грабежей, поджоговъ и убійствъ, котораго въ цѣлые вѣка не соберетъ лѣтопись всѣхъ судовъ міра, и на которые, въ этотъ періодъ времени, люди, совершавшіе ихъ, не смотрѣли какъ на преступленія.

Что произвело это необычайное событіе? Какія были причины его? Историки съ наивною увѣренностью говорятъ, что причинами этого событія были: обида, нанесенная герцогу Ольденбургскому, несоблюденіе континентальной системы, властолюбіе Наполеона, твердость Александра, ошибки дипломатовъ и т. п.

Слѣдовательно, стоило только Меттерниху, Румянцеву или Талейрану, между выходомъ и раутомъ, хорошенько постараться и написать поискуснѣе бумажку, или Наполеону написать къ Александру: «Monsieur mon frère, je consens à rendre le duché au duc d'Oldenbourg» [1]),—и войны бы не было.

Понятно, что такимъ представлялось дѣло современникамъ. Понятно, что Наполеону казалось, что причиной войны были интриги Англіи (какъ онъ и говорилъ это на островѣ св. Елены).

---

[1]) Государь братъ мой, я соглашаюсь возвратить герцогство герцогу Ольденбургскому.

Понятно, что членамъ англійской палаты казалось, что причиной войны было властолюбіе Наполеона; что принцу Ольденбургскому казалось, что причиной войны было совершонное противъ него насиліе; что купцамъ казалось, что причиной войны была континентальная система, разорявшая Европу; что старымъ солдатамъ и генераламъ казалось, что главной причиной была необходимость употребить ихъ въ дѣло; легитимистамъ того времени то, что необходимо было возстановить les bons principes, а дипломатамъ того времени то, что все произошло оттого, что союзъ Россіи съ Австріей въ 1809 году не былъ достаточно искусно скрытъ отъ Наполеона и что неловко былъ написанъ memorandum за № 178. Понятно, что эти и еще безчисленное, безконечное количество причинъ, количество которыхъ зависитъ отъ безчисленнаго различія точекъ зрѣнія, представлялось современникамъ; но для насъ, потомковъ, созерцающихъ во всемъ его объемѣ громадность совершившагося событія и вникающихъ въ его простой и страшный смыслъ, причины эти представляются недостаточными. Для насъ непонятно, чтобы милліоны людей-христіанъ убивали и мучили другъ друга потому, что Наполеонъ былъ властолюбивъ, Александръ твердъ, политика Англіи хитра и герцогъ Ольденбургскій обиженъ. Нельзя понять, какую связь имѣютъ эти обстоятельства съ самымъ фактомъ убійства и насилія; почему вслѣдствіе того, что герцогъ обиженъ, тысячи людей съ другого края Европы убивали и разоряли людей Смоленской и Московской губерній и были убиваемы ими.

Для насъ—потомковъ, не историковъ, не увлеченныхъ процессомъ изысканія и потому съ незатемненнымъ здравымъ смысломъ созерцающихъ событіе, причины его представляются въ неисчислимомъ количествѣ. Чѣмъ больше мы углубляемся въ изысканіе причинъ, тѣмъ больше намъ ихъ открывается, и всякая отдѣльно взятая причина или цѣлый рядъ причинъ представляются намъ одинаково справедливыми сами по себѣ, и одинаково ложными по своей ничтожности въ сравненіи съ громадностью событія, и одинаково ложными по недѣйствительности своей (безъ участія всѣхъ другихъ совпавшихъ причинъ) произвести совершившееся событіе. Такой же причиной, какъ отказъ Наполеона отвести свои войска за Вислу и отдать назадъ герцогство Ольденбургское, представляется намъ и желаніе или нежеланіе перваго французскаго капрала поступить на вторичную службу; ибо, ежели бы онъ не захотѣлъ идти на службу и не захотѣлъ бы другой и третій и тысячный капралъ и солдатъ, настолько менѣе людей было бы въ войскѣ Наполеона, и войны не могло бы быть.

Ежели бы Наполеонъ не оскорбился требованіемъ отступить за Вислу и не велѣлъ наступать войскамъ, не было бы войны; но ежели бы всѣ сержанты не пожелали поступить на вторичную службу, тоже войны не могло бы быть. Тоже не могло бы быть войны, ежели бы не было интригъ Англіи и не было бы принца Ольденбургскаго, и чувства оскорбленія въ Александрѣ, и не было бы самодержавной власти въ Россіи, и не было бы французской революціи и послѣдовавшихъ диктаторства и имперіи, и всего того, что произвело французскую революцію, и такъ далѣе. Безъ одной изъ этихъ причинъ ничего не могло бы быть. Стало-быть, причины эти всѣ—милліарды причинъ — совпали для того, чтобы произвести то, что было. И слѣдовательно, ничто не было исключительной причиной событія, а событіе должно было совершиться только потому, что оно должно было совершиться. Должны были милліоны людей, отрекшись отъ своихъ человѣческихъ чувствъ и своего разума, идти на востокъ съ запада и убивать себѣ подобныхъ точно такъ же, какъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ съ востока на западъ шли толпы людей, убивая себѣ подобныхъ.

Дѣйствія Наполеона и Александра, отъ слова которыхъ зависѣло, казалось, чтобы событіе совершилось или не совершилось, были такъ же мало произвольны, какъ и дѣйствіе каждаго солдата, шедшаго въ походъ по жребію или по набору. Это не могло быть иначе потому, что для того, чтобы воля Наполеона и Александра (тѣхъ людей, отъ которыхъ, казалось, зависѣло событіе) была исполнена, необходимо было совпаденіе безчисленныхъ обстоятельствъ, безъ одного изъ которыхъ событіе не могло бы совершиться. Необходимо было, чтобы милліоны людей, въ рукахъ которыхъ была дѣйствительная сила,—солдаты, которые стрѣляли, везли провіантъ и пушки,—надо было, чтобы они согласились исполнить эту волю единичныхъ и слабыхъ людей и были приведены къ этому безчисленнымъ количествомъ сложныхъ, разнообразныхъ причинъ.

Фатализмъ въ исторіи неизбѣженъ для объясненія неразумныхъ явленій (то-есть тѣхъ, разумность которыхъ мы не понимаемъ). Чѣмъ болѣе мы стараемся разумно объяснить эти явленія въ исторіи, тѣмъ они становятся для насъ неразумнѣе, непонятнѣе.

Каждый человѣкъ живетъ для себя, пользуется свободой для достиженія своихъ личныхъ цѣлей и чувствуетъ всѣмъ существомъ своимъ, что онъ можетъ сейчасъ сдѣлать или не сдѣлать такое-то дѣйствіе; но какъ скоро онъ сдѣлаетъ его, такъ дѣйствіе это, совершонное въ извѣстный моментъ времени, стано-

вится невозвратимымъ и дѣлается достояніемъ исторіи, въ которой оно имѣетъ не свободное, а предопредѣленное значеніе.

Есть двѣ стороны жизни въ каждомъ человѣкѣ: жизнь личная, которая тѣмъ болѣе свободна, чѣмъ отвлеченнѣе ея интересы, и жизнь стихійная, роевая, гдѣ человѣкъ неизбѣжно исполняетъ предписанные ему законы.

Человѣкъ сознательно живетъ для себя, но служитъ безсознательнымъ орудіемъ для достиженія историческихъ, общечеловѣческихъ цѣлей. Совершонный поступокъ невозвратимъ, и дѣйствіе его, совпадая во времени съ милліонами дѣйствій другихъ людей, получаетъ историческое значеніе. Чѣмъ выше стоитъ человѣкъ на общественной лѣстницѣ, чѣмъ съ бо̀льшими людьми онъ связанъ, тѣмъ больше власти онъ имѣетъ на другихъ людей, тѣмъ очевиднѣе предопредѣленность и неизбѣжность каждаго его поступка.

«Сердце царево въ руцѣ Божьей».

Царь—есть рабъ исторіи.

Исторія, т.-е. безсознательная, общая, роевая жизнь человѣчества, всякой минутой жизни царей пользуется для себя, какъ орудіемъ для своихъ цѣлей.

Наполеонъ, несмотря на то, что ему болѣе, чѣмъ когда-нибудь, теперь, въ 1812 году, казалось, что отъ него зависѣло verser или не verser le sang de ses peuples[1]) (какъ въ послѣднемъ письмѣ писалъ ему Александръ), никогда болѣе, какъ теперь, не подлежалъ тѣмъ неизбѣжнымъ законамъ, которые заставляли его (дѣйствуя въ отношеніи себя, какъ ему казалось, по произволу) дѣлать для общаго дѣла, для исторіи то, что должно было совершиться.

Люди запада двигались на востокъ для того, чтобы убивать другъ друга. И по закону совпаденія причинъ поддѣлались сами собой и совпали съ этимъ событіемъ тысячи мелкихъ причинъ для этого движенія и для войны: укоры за несоблюденіе континентальной системы; и герцогъ Ольденбургскій; и движеніе войскъ въ Пруссію, предпринятое (какъ казалось Наполеону) для того только, чтобы достигнуть вооруженнаго мира; и любовь и привычка французскаго императора къ войнѣ, совпавшая съ расположеніемъ его народа; увлеченіе грандіозностью приготовленій; и расходы по приготовленію; и потребность пріобрѣтенія такихъ выгодъ, которыя бы окупили эти расходы; и одурманивающія

[1]) Проливать или не проливать кровь своихъ народовъ.

почести въ Дрезденѣ; и дипломатическіе переговоры, которые, по взгляду современниковъ, были ведены съ искреннимъ желаніемъ достиженія мира и которые только уязвляли самолюбіе той и другой стороны; и милліоны милліоновъ другихъ причинъ, подделавшихся подъ имѣющее совершиться событіе, совпавшихъ съ нимъ.

Когда созрѣло яблоко и падаетъ—отчего оно падаетъ? Оттого ли, что тяготѣетъ къ землѣ; оттого ли, что засыхаетъ стержень; оттого ли, что сушится солнцемъ, что тяжелѣетъ, что вѣтеръ стрясетъ его; оттого ли, что стоящему внизу мальчику хочется съѣсть его?

Ничто не причина. Все это—совпаденіе только тѣхъ условій, при которыхъ совершается всякое жизненное, органическое, стихійное событіе. И тотъ ботаникъ, который найдетъ, что яблоко падаетъ оттого, что клѣтчатка разлагается и тому подобное, будетъ такъ же правъ, какъ и тотъ ребенокъ, стоящій внизу, который скажетъ, что яблоко упало оттого, что ему хотѣлось съѣсть его и что онъ молился объ этомъ. Такъ же правъ и неправъ будетъ тотъ, кто скажетъ, что Наполеонъ пошелъ въ Москву потому, что онъ захотѣлъ этого, и оттого погибъ, что Александръ захотѣлъ его погибели,—какъ правъ и неправъ будетъ тотъ, кто скажетъ, что завалившаяся, въ милліонъ пудовъ, подкопанная гора упала оттого, что послѣдній работникъ ударялъ подъ нее послѣдній разъ киркою. Въ историческихъ событіяхъ такъ называемые великіе люди суть ярлыки, дающіе наименованіе событію, которые такъ же, какъ ярлыки, менѣе всего имѣютъ связи съ самымъ событіемъ.

Каждое дѣйствіе ихъ, кажущееся имъ произвольнымъ для самихъ себя, въ историческомъ смыслѣ не произвольно, а находится въ связи со всѣмъ ходомъ исторіи и опредѣлено предвѣчно.

II.

29 мая Наполеонъ выѣхалъ изъ Дрездена, гдѣ онъ пробылъ три недѣли, окруженный дворомъ, составленнымъ изъ принцевъ, герцоговъ, королей и даже одного императора. Наполеонъ передъ отъѣздомъ обласкалъ принцевъ, королей и императора, которые того заслуживали; побранилъ королей и принцевъ, которыми онъ былъ недоволенъ; одарилъ своими собственными, т.-е. взятыми у другихъ королей, жемчугами и брильянтами императрицу австрійскую и, нѣжно обнявъ императрицу Марію-Луизу, какъ говоритъ его историкъ, оставилъ ее огорченною разлукой,

которую она—эта Марія-Луиза, считавшаяся его супругой, несмотря на то, что въ Парижѣ оставалась другая супруга — казалось, не въ силахъ была перенести. Несмотря на то, что дипломаты еще твердо вѣрили въ возможность мира и усердно работали съ этою цѣлью; несмотря на то, что императоръ Наполеонъ самъ писалъ письмо императору Александру, называя его Monsieur mon frère[1]) и искренно увѣряя, что онъ не желаетъ войны и что всегда будетъ любить и уважать его, — онъ ѣхалъ къ арміи и отдавалъ на каждой станціи новыя приказанія, имѣвшія цѣлью торопить движеніе арміи отъ запада къ востоку. Онъ ѣхалъ въ дорожной каретѣ, запряженной шестерикомъ, окруженный пажами, адъютантами и конвоемъ, по тракту на Позенъ, Торнъ, Данцигъ и Кенигсбергъ. Въ каждомъ изъ этихъ городовъ тысячи людей съ трепетомъ и восторгомъ встрѣчали его.

Армія подвигалась съ запада на востокъ, и перемѣнныя шестерни несли его туда же. 10-го іюня онъ догналъ армію и ночевалъ въ вильковисскомъ лѣсу, въ приготовленной для него квартирѣ, въ имѣніи польскаго графа.

На другой день Наполеонъ, обогнавъ армію, въ коляскѣ подъѣхалъ къ Нѣману и съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть мѣстность переправы, переодѣлся въ польскій мундиръ и выѣхалъ на берегъ.

Увидавъ на той сторонѣ les cosaques[2]) и разстилавшіяся степи (les steppes), въ серединѣ которыхъ была Moscou, la ville sainte[3]), столица того подобнаго скиѳскому государства, куда ходилъ Александръ Македонскій, Наполеонъ неожиданно для всѣхъ и противно какъ стратегическимъ, такъ и дипломатическимъ соображеніямъ приказалъ наступленіе, и на другой день войска его стали переходить Нѣманъ.

12-го числа рано утромъ онъ вышелъ изъ палатки, раскинутой въ этотъ день на крутомъ лѣвомъ берегу Нѣмана, и смотрѣлъ въ зрительную трубу на выплывающіе изъ вильковисскаго лѣса потоки своихъ войскъ, разливающихся по тремъ мостамъ, наведеннымъ на Нѣманѣ. Войска знали о присутствіи императора, искали его глазами, и когда находили на горѣ передъ палаткой отдѣлившуюся отъ свиты фигуру въ сюртукѣ и шляпѣ, они кидали вверхъ шапки и кричали: «Vive l'Empereur!»[4]) и одни за другими, не истощаясь, вытекали, все вытекали изъ огром-

---

1) Государь братъ мой.
2) Казаковъ.
3) Священный городъ Москва.
4) Да здравствуетъ императоръ!

наго, скрывавшаго ихъ доселѣ лѣса, и, разстроясь по тремъ мостамъ, переходили на ту сторону.

— On fera du chemin cette fois-ci. Oh! quand il s'en mêle lui même, ça chauffe... Nom... de Dieu... Le voilà!.. Vive l'Empereur!.. Les voilà donc les steppes de l'Asie! Vilain pays tout de même. — A revoir, Beauché; je te réserve le plus beau palais de Moscou. — A revoir! Bonne chance... — L'as-tu vu, l'Empereur? Vive l'Empereur... preur! — Si on me fait gouverneur aux Indes, Gérard, je te fais ministre du Cachemire, c'est arrêté. — Vive l'Empereur! Vive! vive! vive! — Les gredins de cosaques, comme ils filent. Vive l'Empereur! Le voilà! Le vois-tu? Je l'ai vu deux fois comme je te vois. Le petit caporal... Je l'ai vu donner la croix à l'un des vieux... — Vive l'Empereur!.. [1]) — говорили голоса старыхъ и молодыхъ людей, самыхъ разнообразныхъ характеровъ и положенiй въ обществѣ. На всѣхъ лицахъ этихъ людей было одно общее выраженiе радости о началѣ давно ожидаемаго похода и восторга и преданности къ человѣку въ сѣромъ сюртукѣ, стоявшему на горѣ.

13-го iюня Наполеону подали небольшую чистокровную арабскую лошадь, и онъ сѣлъ и поѣхалъ галопомъ къ одному изъ мостовъ черезъ Нѣманъ, непрестанно оглушаемый восторженными криками, которые онъ, очевидно, переносилъ только потому, что нельзя было запретить имъ криками этими выражать свою любовь къ нему; но крики эти, сопутствующiе ему вездѣ, тяготили его и отвлекали его отъ военной заботы, охватившей его съ того времени, какъ онъ присоединился къ войску. Онъ проѣхалъ по одному изъ качавшихся на лодкахъ мостовъ на ту сторону, круто повернулъ влѣво и галопомъ поѣхалъ по направленiю къ Ковно, предшествуемый замиравшими отъ счастья восторженными гвардейскими конными егерями, расчищая дорогу по войскамъ, скакавшими впереди его. Подъѣхавъ къ широкой рѣкѣ Вислѣ, онъ остановился подлѣ польскаго уланскаго полка, стоявшаго на берегу.

---

[1]) Теперь будетъ намъ походъ! О, когда онъ самъ возьмется, дѣло загорится. Клянусь Богомъ! Вотъ онъ! Ура! Императоръ! Такъ вотъ онѣ — азiатскiя степи. А вѣдь скверный край! До свиданiя, Боше: я тебѣ припасу самый красивый дворецъ въ Москвѣ. До свиданiя! Всего хорошаго... Видѣлъ ты государя? Да здравствуетъ императоръ! Если меня сдѣлаютъ губернаторомъ въ Индiи, Жераръ, я тебя сдѣлаю министромъ Кашемира, это рѣшено... Да здравствуетъ императоръ! Ура! Ура! Ура! Подлецы казаки, какъ удираютъ. Да здравствуетъ императоръ! Вотъ онъ! Видишь? Я его два раза видѣлъ, какъ тебя вижу. Маленькiй капралъ... я видѣлъ, какъ онъ далъ крестъ одному изъ стариковъ. Ура!

— Виватъ! — такъ же восторженно кричали поляки, разстроивая фронтъ и давя другъ друга для того, чтобы увидать его.

Наполеонъ осмотрѣлъ рѣку, слѣзъ съ лошади и сѣлъ на бревно, лежавшее на берегу. По безсловесному знаку ему подали трубу, онъ положилъ ее на спину подбѣжавшаго счастливаго пажа и сталъ смотрѣть на ту сторону. Потомъ онъ углубился въ разсматриванье листа карты, разложеннаго между бревнами. Не поднимая головы, онъ сказалъ что-то, и двое его адъютантовъ поскакали къ польскимъ уланамъ.

— Что? Что онъ сказалъ? — слышалось въ рядахъ польскихъ уланъ, когда одинъ адъютантъ подскакалъ къ нимъ.

Было приказано, отыскавъ бродъ, перейти на ту сторону. Польскій уланскій полковникъ, красивый старый человѣкъ, раскраснѣвшись и путаясь въ словахъ отъ волненія, спросилъ у адъютанта, позволено ли ему будетъ переплыть съ своими уланами рѣку, не отыскивая брода. Онъ съ очевиднымъ страхомъ за отказъ, какъ мальчикъ, который проситъ позволенія сѣсть на лошадь, просилъ, чтобы ему позволили переплыть рѣку въ глазахъ императора. Адъютантъ сказалъ, что, вѣроятно, императоръ не будетъ недоволенъ этимъ излишнимъ усердіемъ.

Какъ только адъютантъ сказалъ это, старый усатый офицеръ съ счастливымъ лицомъ и блестящими глазами, поднявъ кверху саблю, прокричалъ: «виватъ!» и, скомандовавъ уланамъ идти за собой, далъ шпоры лошади и подскакалъ къ рѣкѣ. Онъ злобно толкнулъ замявшуюся подъ собой лошадь и бухнулся въ воду, направляясь вглубь къ быстринѣ теченія. Сотни уланъ поскакали за нимъ. Было холодно и жутко на серединѣ и на быстринѣ теченія. Уланы цѣплялись другъ за друга, сваливались съ лошадей. Лошади нѣкоторыя тонули, тонули и люди, остальные старались плыть, кто на сѣдлѣ, кто держась за гриву. Они старались плыть впередъ на ту сторону и, несмотря на то, что за полверсты была переправа, гордились тѣмъ, что они плывутъ и тонутъ въ этой рѣкѣ подъ взглядомъ человѣка, сидѣвшаго на бревнѣ и даже не смотрѣвшаго на то, что они дѣлали. Когда вернувшійся адъютантъ, выбравъ удобную минуту, позволилъ себѣ обратить вниманіе императора на преданность поляковъ къ его особѣ, маленькій человѣкъ въ сѣромъ сюртукѣ всталъ и, подозвавъ къ себѣ Бертье, сталъ ходить съ нимъ взадъ и впередъ по берегу, отдавая ему приказанія и изрѣдка недовольно взглядывая на тонувшихъ уланъ, развлекавшихъ его вниманіе.

Для него было не ново убѣжденіе въ томъ, что присутствіе его на всѣхъ концахъ міра, отъ Африки до степей Московіи,

одинаково поражаетъ и повергаетъ людей въ безуміе самозабвенія. Онъ велѣлъ подать себѣ лошадь и поѣхалъ въ свою стоянку.

Человѣкъ 40 уланъ потонуло въ рѣкѣ, несмотря на высланныя на помощь лодки. Большинство прибилось назадъ къ этому берегу. Полковникъ и нѣсколько человѣкъ переплыли рѣку и съ трудомъ вылѣзли на тотъ берегъ. Но какъ только они вылѣзли въ обмокнувшемъ со стекающими ручьями платьѣ, они закричали: «виватъ!» восторженно глядя на то мѣсто, гдѣ стоялъ Наполеонъ, но гдѣ его уже не было, и въ ту минуту считали себя счастливыми.

Ввечеру Наполеонъ между двумя распоряженіями — одно о томъ, чтобы какъ можно скорѣе доставить заготовленныя фальшивыя русскія ассигнаціи для ввоза въ Россію, и другое о томъ, чтобы разстрѣлять саксонца, въ перехваченномъ письмѣ котораго найдены свѣдѣнія о распоряженіяхъ по французской арміи — сдѣлалъ третье распоряженіе о причисленіи бросившагося безъ нужды въ рѣку польскаго полковника къ когортѣ чести (légion d'honneur), которой Наполеонъ былъ самъ главою.

Quos vult perdere — dementat [1])

III.

Русскій императоръ между тѣмъ болѣе мѣсяца уже жилъ въ Вильнѣ, дѣлая смотры и маневры. Ничто не было готово для войны, которой всѣ ожидали и для приготовленія къ которой императоръ пріѣхалъ изъ Петербурга. Общаго плана дѣйствій не было. Колебанія о томъ, какой планъ изъ всѣхъ тѣхъ, которые предлагались, долженъ быть принятъ, еще болѣе усилились послѣ мѣсячнаго пребыванія императора въ главной квартирѣ. Въ трехъ арміяхъ былъ въ каждой отдѣльный главнокомандующій, но общаго начальника надъ всѣми арміями не было, и императоръ не принималъ на себя этого званія.

Чѣмъ дольше жилъ императоръ въ Вильнѣ, тѣмъ менѣе готовились къ войнѣ, уставши ожидать ея. Всѣ стремленія людей, окружавшихъ государя, казалось, были направлены только на то, чтобы заставлять государя, пріятно проводя время, забыть о предстоящей войнѣ.

Послѣ многихъ баловъ и праздниковъ у польскихъ магнатовъ, у придворныхъ и у самого государя въ іюнѣ мѣсяцѣ одному изъ польскихъ генералъ-адъютантовъ государя пришла мысль

---

[1]) Кого хочетъ погубить — лишитъ разума.

дать обѣдъ и балъ государю отъ лица его генералъ-адъютантовъ. Мысль эта радостно была принята всѣми. Государь изъявилъ согласіе. Генералъ-адъютанты собрали по подпискѣ деньги. Особа, которая наиболѣе могла быть пріятна государю, была приглашена быть хозяйкой бала. Графъ Бенигсенъ, помѣщикъ Виленской губерніи, предложилъ свой загородный домъ для этого праздника, и 13 іюня былъ назначенъ балъ, обѣдъ, катанье на лодкахъ и фейерверкъ въ Закретѣ, загородномъ домѣ графа Бенигсена.

Въ тотъ самый день, въ который Наполеономъ былъ отданъ приказъ о переходѣ черезъ Нѣманъ и передовыя войска его, оттѣснивъ казаковъ, перешли черезъ русскую границу, Александръ проводилъ вечеръ на дачѣ Бенигсена—на балѣ, даваемомъ генералъ-адъютантами.

Былъ веселый, блестящій праздникъ; знатоки дѣла говорили, что рѣдко собиралось въ одномъ мѣстѣ столько красавицъ. Графиня Безухова въ числѣ другихъ русскихъ дамъ, пріѣхавшихъ за государемъ изъ Петербурга въ Вильну, была на этомъ балѣ, затемняя своей тяжелой, такъ называемой русской, красотой утонченныхъ польскихъ дамъ. Она была замѣчена, и государь удостоилъ ее танца.

Борисъ Друбецкой, *en garçon* [1]), какъ онъ говорилъ, оставивъ свою жену въ Москвѣ, былъ также на этомъ балѣ, и хотя не генералъ-адъютантъ, былъ участникомъ па большую сумму въ подпискѣ для бала. Борисъ теперь былъ богатый человѣкъ, далеко ушедшій въ почестяхъ, уже не искавшій покровительства, но на равной ногѣ стоявшій съ высшими изъ своихъ сверстниковъ. Онъ встрѣтилъ Эленъ въ Вильнѣ, не видавъ ея давно, и не помнилъ о прежнемъ; но такъ какъ Эленъ пользовалась милостями очень важнаго лица, а Борисъ недавно былъ женатъ, то они сошлись старыми, добрыми друзьями.

Въ 12 часовъ ночи еще танцовали. Эленъ, не имѣвшая достойнаго кавалера, сама предложила мазурку Борису. Они сидѣли въ третьей парѣ. Борисъ, хладнокровно поглядывая на блестящія, обнаженныя плечи Эленъ, выступавшія изъ темнаго газоваго съ золотомъ платья, разсказывалъ про старыхъ знакомыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, незамѣтно для самого себя и для другихъ, ни на секунду не переставалъ наблюдать государя, находившагося въ той же залѣ. Государь не танцовалъ; онъ стоялъ въ дверяхъ и останавливалъ то тѣхъ, то другихъ тѣми ласковыми словами, которыя онъ одинъ только умѣлъ говорить.

---

[1]) Холостякомъ.

При началѣ мазурки Борисъ видѣлъ, что генералъ-адъютантъ Балашевъ, одно изъ ближайшихъ лицъ къ государю, подошелъ къ нему и не-придворно остановился близко отъ государя, говорившаго съ польской дамой. Поговоривъ съ дамой, государь взглянулъ вопросительно и, видно понявъ, что Балашевъ поступилъ такъ только потому, что на это были важныя причины, слегка кивнулъ дамѣ и обратился къ Балашеву. Только что Балашевъ началъ говорить, какъ удивленіе выразилось на лицѣ государя. Онъ взялъ подъ руку Балашева и пошелъ съ нимъ черезъ залу, безсознательно для себя расчищая съ обѣихъ сторонъ сажени на три широкую дорогу сторонившихся передъ нимъ. Борисъ замѣтилъ взволнованное лицо Аракчеева въ то время, какъ государь пошелъ съ Балашевымъ. Аракчеевъ, исподлобья глядя на государя и посапывая краснымъ носомъ, выдвинулся изъ толпы, какъ бы ожидая, что государь обратится къ нему. (Борисъ понялъ, что Аракчеевъ завидуетъ Балашеву и недоволенъ тѣмъ, что какая-то, очевидно важная, новость не черезъ него передана государю.)

Но государь съ Балашевымъ прошли, не замѣчая Аракчеева, черезъ выходную дверь въ освѣщенный садъ. Аракчеевъ, придерживая шпагу и злобно оглядываясь вокругъ себя, прошелъ шагахъ въ двадцати за ними.

Пока Борисъ продолжалъ дѣлать фигуры мазурки, его не переставала мучить мысль о томъ, какую новость привезъ Балашевъ и какимъ бы образомъ узнать ее прежде другихъ.

Въ фигурѣ, гдѣ ему надо было выбирать дамъ, шепнувъ Эленъ, что онъ хочетъ взять графиню Потоцкую, которая, кажется, вышла на балконъ, онъ, скользя ногами по паркету, выбѣжалъ въ выходную дверь въ садъ и, замѣтивъ входящаго съ Балашевымъ на террасу государя, пріостановился. Государь съ Балашевымъ направлялись къ двери. Борисъ, заторопившись, какъ будто не успѣлъ отодвинуться, почтительно прижался къ притолкѣ и нагнулъ голову.

Государь съ волненіемъ лично оскорбленнаго человѣка договаривалъ слѣдующія слова:

— Безъ объявленія войны вступить въ Россію! Я помирюсь только тогда, когда ни одного вооруженнаго непріятеля не останется на моей землѣ, — сказалъ онъ.

Какъ показалось Борису, государю пріятно было высказать эти слова: онъ былъ доволенъ формой выраженія своей мысли, но былъ недоволенъ тѣмъ, что Борисъ услыхалъ ихъ.

— Чтобъ никто не зналъ!—прибавилъ государь, нахмурившись.

Борисъ понялъ, что это относилось къ нему, и, закрывъ глаза, слегка наклонилъ голову. Государь опять вошелъ въ залу и еще около получаса пробылъ на балѣ.

Борисъ первый узналъ извѣстіе о переходѣ французскими войсками Нѣмана и, благодаря этому, имѣлъ случай показать нѣкоторымъ важнымъ лицамъ, что многое, скрытое отъ другихъ, бываетъ ему извѣстно, и черезъ то имѣлъ случай подняться выше во мнѣніи этихъ особъ.

Неожиданное извѣстіе о переходѣ французами Нѣмана было особенно неожиданно послѣ мѣсяца несбывавшагося ожиданія, и на балѣ! Государь, въ первую минуту полученія извѣстія, подъ вліяніемъ возмущенія и оскорбленія, нашелъ то, сдѣлавшееся потомъ знаменитымъ, изреченіе, которое самому понравилось ему и выражало вполнѣ его чувства. Возвратившись домой съ бала, государь въ два часа ночи послалъ за секретаремъ Шишковымъ и велѣлъ написать приказъ войскамъ и рескриптъ къ фельдмаршалу князю Салтыкову, въ которомъ онъ непремѣнно требовалъ, чтобы были помѣщены слова о томъ, что онъ не помирится до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ вооруженный французъ останется на русской землѣ.

На другой день было написано слѣдующее письмо къ Наполеону:

Monsieur mon frère. J'ai appris hier que malgré la loyauté avec laquelle j'ai maintenu mes engagements envers Votre Majesté, ses troupes ont franchi les frontières de la Russie, et je reçois à l'instant de Pétersbourg une note par laquelle le comte Lauriston, pour cause de cette agression, annonce que Votre Majesté s'est considérée comme en état de guerre avec moi dès le moment où le prince Kourakine a fait la demande de ses passeports. Les motifs sur lesquels le duc de Bassano fondait son refus de les lui délivrer, n'auraient jamais pu me faire supposer que cette démarche servirait jamais de pretéxte à l'agression. En effet, cet ambassadeur n'y a jamais été autorisé comme il l'a déclaré lui-même, et aussitôt que j'en fus informé, je lui ai fait connaître combien je le désapprouvais en lui donnant l'ordre de rester à son poste. Si Votre Majesté n'est pas intentionnée de verser le sang de nos peuples pour un malentendu de ce genre et qu'elle consente à retirer ses troupes du territoire russe, je regarderai ce qui s'est passé comme non avenu, et un accommodement entre nous sera possible. Dans le cas contraire, Votre Majesté, je me verrai forcé de repousser une attaque que rien n'a provo-

quée de ma part. Il dépend encore de Votre Majesté d'éviter à l'humanité les calamités d'une nouvelle guerre.

Je suis, etc.

(signé) Alexandre [1]).

IV.

13 іюня въ 2 часа ночи государь, призвавъ къ себѣ Балашева и прочтя ему свое письмо къ Наполеону, приказалъ ему отвезти это письмо и лично передать французскому императору. Отправляя Балашева, государь вновь повторилъ ему слова о томъ, что онъ не помирится до тѣхъ поръ, пока останется хоть одинъ вооруженный непріятель на русской землѣ, и приказалъ непремѣнно передать эти слова Наполеону. Государь не написалъ этихъ словъ въ письмѣ къ Наполеону, потому что онъ чувствовалъ съ своимъ тактомъ, что слова эти неудобны для передачи въ ту минуту, какъ дѣлается послѣдняя попытка къ примиренію; но онъ непремѣнно приказалъ Балашеву передать ихъ лично Наполеону.

Выѣхавъ въ ночь съ 13-го на 14-е, Балашевъ, сопутствуемый трубачомъ и двумя казаками, къ разсвѣту пріѣхалъ въ деревню Рыконты на французскіе аванпосты по сю сторону Нѣмана. Онъ былъ остановленъ французскими кавалерійскими часовыми.

---

[1]) Государь братъ мой! Вчера дошло до меня, что, несмотря на прямодушіе, съ которымъ соблюдалъ я мои обязательства въ отношеніи къ Вашему Императорскому Величеству, войска Ваши перешли русскія границы, и только лишь теперь получилъ изъ Петербурга ноту, которою графъ Лористонъ извѣщаетъ меня, по поводу сего вторженія, что Ваше Величество считаете себя въ непріязненныхъ отношеніяхъ со мною съ того времени, какъ князь Куракинъ потребовалъ свои паспорты. Причины, на которыхъ герцогъ Бассано основывалъ свой отказъ выдать сіи паспорты, никогда не могли бы заставить меня предполагать, чтобы поступокъ моего посла послужилъ поводомъ къ нападенію. И въ дѣйствительности, онъ не имѣлъ на то отъ меня повелѣнія, какъ было объявлено имъ самимъ; и какъ только я узналъ о семъ, то немедленно выразилъ мое неудовольствіе князю Куракину, повелѣвъ ему исполнять попрежнему порученныя ему обязанности. Ежели Ваше Величество не расположены проливать кровь нашихъ подданныхъ изъ-за подобнаго недоразумѣнія и ежели Вы согласны вывести свои войска изъ русскихъ владѣній, то я оставлю безъ вниманія все происшедшее, и соглашеніе между нами будетъ возможно. Въ противномъ случаѣ я буду принужденъ отражать нападеніе, которое ничѣмъ не было возбуждено съ моей стороны. Еще Ваше Величество имѣете возможность избавить человѣчество отъ бѣдствій новой войны.

Пребываю и пр.

(подлинное подписалъ) Александръ.

Французскій гусарскій унтеръ-офицеръ, въ малиновомъ мундирѣ и мохнатой шапкѣ, крикнулъ на подъѣзжавшаго Балашева, приказывая ему остановиться. Балашевъ не тотчасъ остановился, а продолжалъ шагомъ подвигаться по дорогѣ.

Унтеръ-офицеръ, нахмурившись и проворчавъ какое-то ругательство, надвинулся грудью лошади на Балашева, взялся за саблю и грубо крикнулъ на русскаго генерала, спрашивая его, глухъ ли онъ, что не слышитъ того, что̀ ему говорятъ. Балашевъ назвалъ себя. Унтеръ-офицеръ послалъ солдата къ офицеру.

Не обращая на Балашева вниманія, унтеръ-офицеръ сталъ говорить съ товарищами о своемъ полковомъ дѣлѣ и не глядѣлъ на русскаго генерала.

Необычайно странно было Балашеву, послѣ той близости къ высшей власти и могуществу, послѣ разговора три часа тому назадъ съ государемъ и вообще, по своей службѣ, привыкшему къ почестямъ, видѣть тутъ, на русской землѣ, это враждебное, а главное — непочтительное отношеніе къ себѣ грубой силы.

Солнце только начинало подниматься изъ-за тучъ; въ воздухѣ было свѣжо и росисто. По дорогѣ изъ деревни выгоняли стадо. Въ поляхъ одинъ за однимъ, какъ пузырьки въ водѣ, вспырскивали съ чувыканьемъ жаворонки.

Балашевъ оглядывался вокругъ себя, ожидая пріѣзда офицера изъ деревни. Русскіе казаки и трубачъ и французскіе гусары молча изрѣдка глядѣли другъ на друга.

Французскій гусарскій полковникъ, видимо только что съ постели, выѣхалъ изъ деревни на красивой, сытой сѣрой лошади, сопутствуемый двумя гусарами. На офицерѣ, на солдатахъ и на ихъ лошадяхъ былъ видъ довольства и щегольства.

Это было то первое время кампаніи, когда войска еще находились въ исправности, почти равной смотровой, мирной дѣятельности, только съ оттѣнкомъ нарядной воинственности въ одеждѣ и съ нравственнымъ оттѣнкомъ того веселья и предпріимчивости, которыя всегда сопутствуютъ началамъ кампаніи.

Французскій полковникъ съ трудомъ удерживалъ зѣвоту, но былъ учтивъ и, видимо, понималъ все значеніе Балашева. Онъ провелъ его мимо своихъ солдатъ за цѣпь и сообщилъ, что желаніе его быть представлену императору будетъ, вѣроятно, тотчасъ же исполнено, такъ какъ императорская квартира, сколько онъ знаетъ, находится недалеко.

Они проѣхали деревню Рыконты мимо французскихъ гусарскихъ коновязей, часовыхъ и солдатъ, отдававшихъ честь своему полковнику и съ любопытствомъ осматривавшихъ русскій мундиръ,

и выѣхали на другую сторону села. По словамъ полковника, въ двухъ километрахъ былъ начальникъ дивизіи, который приметъ Балашева и проводитъ его по назначенію.

Солнце уже поднялось и весело блестѣло на яркой зелени.

Только что они выѣхали за корчму на гору, какъ навстрѣчу имъ изъ-подъ горы показалась кучка всадниковъ, впереди которой на вороной лошади съ блестящею на солнцѣ сбруей ѣхалъ высокій ростомъ человѣкъ въ шляпѣ съ перьями и черными, завитыми по плечи, волосами, въ красной мантіи и съ длинными ногами, выпяченными впередъ, какъ ѣздятъ французы. Человѣкъ этотъ поѣхалъ галопомъ навстрѣчу Балашеву, блестя и развѣваясь на яркомъ іюньскомъ солнцѣ своими перьями, каменьями и золотыми голунами.

Балашевъ уже былъ на разстояніи двухъ лошадей отъ скачущаго ему навстрѣчу съ торжественно-театральнымъ лицомъ всадника въ браслетахъ, перьяхъ, ожерельяхъ и золотѣ, когда Юльнеръ, французскій полковникъ, почтительно прошепталъ: «Le roi de Naples» [1]). Дѣйствительно, это былъ Мюратъ, называемый теперь неаполитанскимъ королемъ. Хотя и было совершенно непонятно, почему онъ былъ неаполитанскій король, но его называли такъ, и онъ самъ былъ убѣжденъ въ этомъ и потому имѣлъ болѣе торжественный и важный видъ, чѣмъ прежде. Онъ такъ былъ увѣренъ въ этомъ, что онъ дѣйствительно неаполитанскій король, что, когда, наканунѣ отъѣзда изъ Неаполя, во время его прогулки съ женой по улицамъ Неаполя, нѣсколько итальянцевъ прокричали ему: «Viva il re!» [2]), онъ съ грустной улыбкой повернулся къ супругѣ и сказалъ: «Les malheureux, ils ne savent pas que je les quitte demain!» [3])

Но, несмотря на то, что онъ твердо вѣрилъ въ то, что онъ былъ неаполитанскій король и что онъ сожалѣлъ о горести своихъ покидаемыхъ имъ подданныхъ, въ послѣднее время, послѣ того, какъ ему велѣно было опять поступить на службу, и особенно послѣ свиданія съ Наполеономъ въ Данцигѣ, когда августѣйшій шуринъ сказалъ ему: «je vous ai fait roi pour régner à ma manière, mais pas à la vôtre» [4]), — онъ весело принялся за знакомое ему дѣло и, какъ разъѣвшійся, но не зажирѣвшій конь, почуявъ себя въ упряжкѣ, заигралъ въ оглобляхъ и, раз-

---

[1]) Король неаполитанскій.

[2]) Да здравствуетъ король!

[3]) Несчастные, они не знаютъ, что завтра я ихъ покидаю.

[4]) Я васъ сдѣлалъ королемъ, чтобы вы царствовали по-моему, а не по-своему.

рядившись какъ можно пестрѣе и дороже, веселый и довольный, скакалъ, самъ не зная куда и зачѣмъ, по дорогамъ Польши.

Увидавъ русскаго генерала, онъ по-королевски, торжественно откинулъ назадъ голову съ завитыми по плечи волосами и вопросительно поглядѣлъ на французскаго полковника. Полковникъ почтительно передалъ его величеству значеніе Балашева, фамилію котораго онъ не могъ выговорить.

— De Bal-machève! — сказалъ король (своею рѣшительностью превозмогая трудность, представлявшуюся полковнику),— charmé de faire votre connaissance, général [1]), — прибавилъ онъ съ королевски-милостивымъ жестомъ.

Какъ только король началъ говорить громко и быстро, все королевское достоинство мгновенно оставило его, и онъ, самъ не замѣчая, перешелъ въ тонъ добродушной фамильярности. Онъ положилъ свою руку на холку лошади Балашева.

— Eh bien, général, tout est à la guerre, à ce qu'il paraît [2]), — сказалъ онъ, какъ будто сожалѣя объ обстоятельствѣ, о которомъ онъ не могъ судить.

— Sire,—отвѣчалъ Балашевъ,—l'Empereur mon maître ne désire point la guerre, comme Votre Majesté le voit [3]), — говорилъ Балашевъ, во всѣхъ падежахъ употребляя Votre Majesté, съ неизбѣжной аффектаціей учащенія титула, обращаясь къ лицу, для котораго титулъ этотъ еще новость.

Лицо Мюрата сіяло глупымъ довольствомъ въ то время, какъ онъ слушалъ monsieur de Balachoff. Но royauté oblige [4]): онъ чувствовалъ необходимость переговорить съ посланникомъ Александра о государственныхъ дѣлахъ, какъ король и союзникъ. Онъ слѣзъ съ лошади и, взявъ подъ руку Балашева, отойдя на нѣсколько шаговъ отъ почтительно дожидавшейся свиты, сталъ ходить съ нимъ взадъ и впередъ, стараясь говорить значительно. Онъ упомянулъ о томъ, что императоръ Наполеонъ оскорбленъ требованіемъ вывода войскъ изъ Пруссіи, въ особенности тогда, когда это требованіе сдѣлалось всѣмъ извѣстно и когда этимъ оскорблено достоинство Франціи.

Балашевъ сказалъ, что въ требованіи этомъ нѣтъ ничего оскорбительнаго, потому что... Мюратъ перебилъ его.

— Такъ вы считаете зачинщикомъ не императора Александра?—сказалъ онъ неожиданно съ добродушно-глупой улыбкой.

---

1) Очень пріятно съ вами познакомиться, генералъ.

2) Ну, генералъ, кажется, война.

3) Ваше величество, императоръ государь мой не желаетъ войны, какъ ваше величество изволите видѣть.

4) Королевское званіе обязываетъ.

Балашевъ сказалъ, почему онъ дѣйствительно полагалъ, что начинатель войны былъ Наполеонъ.

— Eh, mon cher général, — опять перебилъ его Мюратъ, — je désire de tout mon coeur, que les Empereurs s'arrangent entre eux, et que la guerre commencée malgré moi se termine le plus tôt possible [1]), — сказалъ онъ тономъ разговора слугъ, которые желаютъ остаться добрыми друзьями, несмотря на ссору между господами.

И онъ перешелъ къ разспросамъ о великомъ князѣ, о его здоровьѣ и о воспоминаніяхъ весело и забавно проведеннаго съ нимъ времени въ Неаполѣ. Потомъ вдругъ, какъ будто вспомнивъ о своемъ королевскомъ достоинствѣ, Мюратъ торжественно выпрямился, сталъ въ ту же позу, въ которой онъ стоялъ на коронаціи, и, помахивая правой рукой, сказалъ:

— Je ne vous retiens plus, général; je souhaite le succés de votre mission [2])—и, развѣваясь красной шитой мантіей и перьями и блестя драгоцѣнностями, онъ пошелъ къ свитѣ, почтительно ожидавшей его.

Балашевъ поѣхалъ дальше, по словамъ Мюрата предполагая весьма скоро быть представленнымъ самому Наполеону. Но вмѣсто скорой встрѣчи съ Наполеономъ часовые пѣхотнаго корпуса Даву опять такъ же задержали его у слѣдующаго селенія, какъ и въ передовой цѣпи, и вызванный адъютантъ командира корпуса проводилъ его въ деревню къ маршалу Даву.

V.

Даву былъ Аракчеевъ императора Наполеона — Аракчеевъ не трусъ, но столь же исправный, жестокій и не умѣющій выражать свою преданность иначе, какъ жестокостью.

Въ механизмѣ государственнаго организма нужны эти люди, какъ нужны волки въ организмѣ природы, и они всегда есть, всегда являются и держатся, какъ ни несообразно кажется ихъ присутствіе и близость къ главѣ правительства. Только этою необходимостью можно объяснить то, какъ могъ жестокій, лично выдергивавшій усы гренадерамъ и не могущій по слабости нервовъ переносить опасность, необразованный, непридворный Арак-

---

1) Ахъ, любезный генералъ, отъ всей души я желаю, чтобы императоры покончили дѣло между собой и чтобы война, начатая не по моему желанію, кончилась какъ можно скорѣе.

2) Я васъ болѣе не задерживаю, генералъ; желаю успѣха вашему посольству.

чеевъ держаться въ такой силѣ при рыцарски-благородномъ и нѣжномъ характерѣ Александра.

Балашевъ засталъ маршала Даву въ сараѣ крестьянской избы, сидящаго на боченкѣ и занятаго письменными работами (онъ повѣрялъ счеты). Адъютантъ стоялъ подлѣ него. Возможно было найти лучшее помѣщеніе, но маршалъ Даву былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые нарочно ставятъ себя въ самыя мрачныя условія жизни для того, чтобы имѣть право быть мрачными. Они для того же всегда поспѣшно и упорно заняты. «Гдѣ тутъ думать о счастливой сторонѣ человѣческой жизни, когда, вы видите, я на бочкѣ сижу въ грязномъ сараѣ и работаю», говорило выраженіе его лица. Главное удовольствіе и потребность этихъ людей состоитъ въ томъ, чтобы, встрѣтивъ оживленіе жизни, бросить этому оживленію въ глаза свою мрачную, упорную дѣятельность. Это удовольствіе доставилъ себѣ Даву, когда къ нему ввели Балашева. Онъ еще болѣе углубился въ свою работу, когда вошелъ русскій генералъ, и, взглянувъ черезъ очки на оживленное, подъ впечатлѣніемъ прекраснаго утра и бесѣды съ Мюратомъ, лицо Балашева, не всталъ, не пошевелился даже, а еще больше нахмурился и злобно усмѣхнулся.

Замѣтивъ на лицѣ Балашева произведенное этимъ пріемомъ непріятное впечатлѣніе, Даву поднялъ голову и холодно спросилъ, что ему нужно.

Предполагая, что такой пріемъ могъ быть сдѣланъ ему только потому, что Даву не знаетъ, что онъ генералъ-адъютантъ императора Александра и даже представитель его передъ Наполеономъ, Балашевъ поспѣшилъ сообщить свое званіе и значеніе. Въ противность ожиданія его, Даву, выслушавъ Балашева, сталъ еще суровѣе и грубѣе.

— Гдѣ же вашъ пакетъ?—сказалъ онъ.—Donnez-le moi, je l'enverrai à l'Empereur [1]).

Балашевъ сказалъ, что онъ имѣетъ приказаніе лично передать пакетъ самому императору.

— Приказанія вашего императора исполняются въ вашей арміи, а здѣсь,—сказалъ Даву,—вы должны дѣлать то, что вамъ говорятъ.

И какъ будто для того, чтобы еще больше дать почувствовать русскому генералу его зависимость отъ грубой силы, Даву послалъ адъютанта за дежурнымъ.

Балашевъ вынулъ пакетъ, заключавшій письмо государя, и положилъ его на столъ (столъ, состоявшій изъ двери, на кото-

---

[1]) Дайте мнѣ его, я пошлю его императору.

рой торчали оторванныя петли, положенной на два боченка). Даву взялъ пакетъ и прочелъ надпись.

— Вы совершенно правы оказывать и не оказывать мнѣ уваженіе, — сказалъ Балашевъ. — Но позвольте вамъ замѣтить, что я имѣю честь носить званіе генералъ-адъютанта его величества.

Даву взглянулъ на него молча, и нѣкоторое волненіе и смущеніе, выразившіяся на лицѣ Балашева, видимо доставили ему удовольствіе.

— Вамъ будетъ оказано должное, — сказалъ онъ и, положивъ конвертъ въ карманъ, вышелъ изъ сарая.

Черезъ минуту вошелъ адъютантъ маршала г-нъ де-Кастре и провелъ Балашева въ приготовленное для него помѣщеніе.

Балашевъ обѣдалъ въ этотъ день въ сараѣ съ маршаломъ на той же доскѣ на бочкахъ.

На другой день Даву выѣхалъ рано утромъ и, пригласивъ къ себѣ Балашева, внушительно сказалъ ему, что онъ проситъ его оставаться здѣсь, подвигаться вмѣстѣ съ багажомъ, ежели они будутъ имѣть на то приказанія, и не разговаривать ни съ кѣмъ, кромѣ какъ съ господиномъ де-Кастре.

Послѣ четырехдневнаго уединенія, скуки, сознанія подвластности и ничтожества, особенно ощутительнаго послѣ той среды могущества, въ которой онъ такъ недавно находился, послѣ нѣсколькихъ переходовъ вмѣстѣ съ багажами маршала, съ французскими войсками, занимавшими всю мѣстность, Балашевъ привезенъ былъ въ Вильну, занятую теперь французами, въ ту же заставу, изъ которой онъ выѣхалъ четыре дня тому назадъ.

На другой день императорскій камергеръ monsieur de Turenne пріѣхалъ къ Балашеву и передалъ ему желаніе императора Наполеона удостоить его аудіенціи.

Четыре дня тому назадъ у того же дома, къ которому подвезли Балашева, стояли Преображенскаго полка часовые; теперь же стояли два французскихъ гренадера въ раскрытыхъ на груди синихъ мундирахъ и въ мохнатыхъ шапкахъ, конвой гусаръ и уланъ и блестящая свита адъютантовъ, пажей и генераловъ, ожидавшихъ выхода Наполеона вокругъ стоявшей у крыльца верховой лошади и его мамелюка Рустана. Наполеонъ принималъ Балашева въ томъ самомъ домѣ въ Вильнѣ, изъ котораго отправлялъ его Александръ.

VI.

Несмотря на привычку Балашева къ придворной торжественности, роскошь и пышность двора Наполеона поразили его.

Графъ Тюрепъ ввелъ его въ большую пріемную, гдѣ дожидалось много генераловъ, камергеровъ и польскихъ магнатовъ, изъ которыхъ многихъ Балашевъ видалъ при дворѣ русскаго императора. Дюрокъ сказалъ, что императоръ Наполеонъ приметъ русскаго генерала передъ своей прогулкой.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія дежурный камергеръ вышелъ въ большую пріемную и, учтиво поклонившись Балашеву, пригласилъ его идти за собой.

Балашевъ вошелъ въ маленькую пріемную, изъ которой одна дверь вела въ кабинетъ, въ тотъ самый кабинетъ, изъ котораго отправлялъ его русскій императоръ. Балашевъ простоялъ минуты двѣ ожидая. За дверью послышались поспѣшные шаги. Быстро отворились обѣ половинки двери, все затихло, и изъ кабинета зазвучали другіе, твердые, рѣшительные шаги: это былъ Наполеонъ. Онъ только что окончилъ свой туалетъ для верховой ѣзды. Онъ былъ въ синемъ мундирѣ, раскрытомъ надъ бѣлымъ жилетомъ, спускавшемся на круглый животъ, въ бѣлыхъ лосинахъ, обтягивающихъ жирныя ляжки короткихъ ногъ, и въ ботфортахъ. Короткіе волосы его, очевидно, только что были причесаны, но одна прядь волосъ спускалась книзу надъ серединой широкаго лба. Бѣлая, пухлая шея его рѣзко выступала изъ-за чернаго воротника мундира; отъ него пахло одеколономъ. На моложавомъ, полномъ лицѣ его съ выступающимъ подбородкомъ было выраженіе милостиваго и величественнаго императорскаго привѣтствія.

Онъ вышелъ быстро, подрагивая на каждомъ шагу и откинувъ нѣсколько назадъ голову. Вся его потолстѣвшая, короткая фигура, съ широкими, толстыми плечами и невольно выставленнымъ впередъ животомъ и грудью, имѣла тотъ представительный, осанистый видъ, который имѣютъ въ холѣ живущіе сорокалѣтніе люди. Кромѣ того, видно было, что онъ въ этотъ день находился въ самомъ хорошемъ расположеніи духа.

Онъ кивнулъ головой, отвѣчая на низкій и почтительный поклонъ Балашева, и, подойдя къ нему, тотчасъ же сталъ говорить, какъ человѣкъ, дорожащій всякой минутой своего времени и не снисходящій до того, чтобы приготавливать свои рѣчи, а увѣренный въ томъ, что онъ всегда скажетъ хорошо и что̀ нужно сказать.

— Здравствуйте, генералъ!—сказалъ онъ.—Я получилъ письмо императора Александра, которое вы доставили, и очень радъ васъ видѣть. — Онъ взглянулъ въ лицо Балашева своими большими глазами и тотчасъ же сталъ смотрѣть мимо него.

Очевидно было, что его не интересовала нисколько личность Балашева. Видно было, что только то, что происходило въ *его* душѣ, имѣло интересъ для него. Все, что было внѣ его, не имѣло для него значенія, потому что все въ мірѣ, какъ ему казалось, зависѣло только отъ его воли.

— Я не желаю и не желалъ войны,—сказалъ онъ,—но меня вынудили къ ней. Я и *теперь* (онъ сказалъ это слово съ удареніемъ) готовъ принять всѣ объясненія, которыя вы можете дать мнѣ.

И онъ ясно и коротко сталъ излагать причины своего неудовольствія противъ русскаго правительства. Судя по умѣренно-спокойному и дружелюбному тону, съ которымъ говорилъ французскій императоръ, Балашевъ былъ твердо убѣжденъ, что онъ желаетъ мира и намѣренъ вступить въ переговоры.

— Sire! l'Empereur mon maître... [1]) — началъ Балашевъ давно приготовленную рѣчь, когда Наполеонъ, окончивъ свою рѣчь, вопросительно взглянулъ на русскаго посла; но взглядъ устремленныхъ на него глазъ императора смутилъ его. «Вы смущены—оправьтесь», какъ будто сказалъ Наполеонъ, съ чуть замѣтной улыбкой оглядывая мундиръ и шпагу Балашева.

Балашевъ оправился и началъ говорить. Онъ сказалъ, что императоръ Александръ не считаетъ достаточной причиной для войны требованіе паспортовъ Куракинымъ, что Куракинъ поступилъ такъ по своему произволу и безъ согласія на то государя, что императоръ Александръ не желаетъ войны и что съ Англіей нѣтъ никакихъ сношеній.

— *Еще* нѣтъ, — вставилъ Наполеонъ и, какъ будто боясь отдаться своему чувству, нахмурился и слегка кивнулъ головой, давая этимъ чувствовать Балашеву, что онъ можетъ продолжать.

Высказавъ все, что ему было приказано, Балашевъ сказалъ, что императоръ Александръ желаетъ мира, но не приступитъ къ переговорамъ иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы... Тутъ Балашевъ замялся: онъ вспомнилъ тѣ слова, которыя императоръ Александръ не написалъ въ письмѣ, но которыя непремѣнно приказалъ вставить въ рескриптъ Салтыкову и которыя приказалъ Балашеву передать Наполеону. Балашевъ помнилъ про эти слова: «пока ни одинъ вооруженный непріятель не оста-

---

[1]) Ваше величество, императоръ государь мой...

нется на землѣ русской», но какое-то сложное чувство удержало его. Онъ не могъ сказать этихъ словъ, хотя и хотѣлъ это сдѣлать. Онъ замялся и сказалъ: «съ условіемъ, чтобы французскія войска отступили за Нѣманъ».

Наполеонъ замѣтилъ смущеніе Балашева при высказываніи послѣднихъ словъ: лицо его дрогнуло, лѣвая икра ноги начала мѣрно дрожать. Не сходя съ мѣста, онъ голосомъ, болѣе высокимъ и поспѣшнымъ, чѣмъ прежде, началъ говорить. Во время послѣдующей рѣчи Балашевъ, не разъ опуская глаза, невольно наблюдалъ дрожаніе икры въ лѣвой ногѣ Наполеона, которое тѣмъ болѣе усиливалось, чѣмъ болѣе онъ возвышалъ голосъ.

— Я желаю мира не менѣе императора Александра,—началъ онъ. — Не я ли восемнадцать мѣсяцевъ дѣлаю все, чтобы получить его? Я восемнадцать мѣсяцевъ жду объясненій. Но для того, чтобы начать переговоры, чего же требуютъ отъ меня?— сказалъ онъ, нахмурившись и дѣлая энергически вопросительный жестъ своей маленькой бѣлой и пухлой рукой.

— Отступленія войскъ за Нѣманъ, государь, — сказалъ Балашевъ.

— За Нѣманъ?—повторилъ Наполеонъ.—Такъ теперь вы хотите, чтобы отступили за Нѣманъ — только за Нѣманъ? — повторилъ Наполеонъ, прямо взглянувъ на Балашева.

Балашевъ почтительно наклонилъ голову.

Вмѣсто требованія четыре мѣсяца тому назадъ отступить изъ Помераніи, теперь требовали только отступить за Нѣманъ. Наполеонъ быстро повернулся и сталъ ходить по комнатѣ.

— Вы говорите, что отъ меня требуютъ отступленія за Нѣманъ для начатія переговоровъ; но отъ меня требовали точно такъ же два мѣсяца назадъ отступленія за Одеръ и Вислу, и, несмотря на то, вы согласны вести переговоры.

Онъ молча прошелъ отъ одного угла комнаты до другого и опять остановился противъ Балашева. Балашевъ замѣтилъ, что лѣвая нога его дрожала еще быстрѣе, чѣмъ прежде, и лицо какъ будто окаменѣло въ своемъ строгомъ выраженіи. Это дрожаніе лѣвой икры Наполеонъ зналъ за собой. «La vibration de mon mollet gauche est un grand signe chez moi» [1]), говорилъ онъ впослѣдствіи.

— Такія предложенія, какъ то, чтобы очистить Одеръ и Вислу, можно дѣлать принцу Баденскому, а не мнѣ, — совершенно неожиданно для себя почти вскрикнулъ Наполеонъ. — Ежели бы вы дали мнѣ Петербургъ и Москву, я бы не принялъ

---

[1]) Дрожаніе лѣвой икры у меня — великій признакъ.

этихъ условій. Вы говорите, я началъ эту войну! А кто прежде пріѣхалъ къ арміи? — императоръ Александръ, а не я. И вы предлагаете мнѣ переговоры, тогда какъ я издержалъ милліоны, тогда какъ вы въ союзѣ съ Англіей и когда ваше положеніе дурно. Вы предлагаете мнѣ переговоры! А какая цѣль вашего союза съ Англіей? Что она дала вамъ?—говорилъ онъ поспѣшно, очевидно уже направляя свою рѣчь не для того, чтобы высказать выгоды заключенія мира и обсудить его возможность, а только для того, чтобы доказать и свою правоту, и свою силу, и чтобы доказать неправоту и ошибки Александра.

Вступленіе его рѣчи было сдѣлано, очевидно, съ цѣлью выказать выгоду своего положенія и показать, что, несмотря на то, онъ принимаетъ открытіе переговоровъ. Но онъ уже началъ говорить, и чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ менѣе онъ былъ въ состояніи управлять своею рѣчью.

Вся цѣль его рѣчи теперь уже, очевидно, была въ томъ, чтобы только возвысить себя и оскорбить Александра, то-есть именно сдѣлать то самое, чего онъ менѣе всего хотѣлъ при началѣ свиданія.

— Говорятъ, вы заключили миръ съ турками?

Балашевъ утвердительно наклонилъ голову.

— Миръ заключенъ...—началъ онъ.

Но Наполеонъ не далъ ему говорить. Ему, видно, нужно было говорить одному самому, и онъ продолжалъ говорить съ тѣмъ краснорѣчіемъ и невоздержаніемъ раздраженности, къ которому такъ склонны балованные люди.

— Да, я знаю, вы заключили миръ съ турками, не получивъ Молдавіи и Валахіи. А я бы далъ вашему государю эти провинціи такъ же, какъ я далъ ему Финляндію. Да, — продолжалъ онъ,—я обѣщалъ и далъ бы императору Александру Молдавію и Валахію, а теперь онъ не будетъ имѣть этихъ прекрасныхъ провинцій. Онъ бы могъ, однако, присоединить ихъ къ своей имперіи, и въ одно царствованіе онъ бы расширилъ Россію отъ Ботническаго залива до устьевъ Дуная. Екатерина Великая не могла бы сдѣлать болѣе, — говорилъ Наполеонъ, все болѣе и болѣе разгораясь, ходя по комнатѣ и повторяя Балашеву почти тѣ же слова, которыя онъ говорилъ самому Александру въ Тильзитѣ.—Tout cela il l'aurait dû à mon amitié. Ah! quel beau règne, quel beau règne! [1])—повторилъ онъ нѣсколько

---

[1]) Всѣмъ этимъ онъ былъ бы обязанъ моей дружбѣ. О! какое прекрасное было бы царствованіе.

разъ, остановился, досталъ золотую табакерку изъ кармана и жадно потянулъ изъ нея носомъ.

— Quel beau règne *aurait pu* être celui de l'Empereur Alexandre! [1]).

Онъ съ сожалѣніемъ взглянулъ на Балашева, и только что Балашевъ хотѣлъ замѣтить что-то, какъ онъ опять поспѣшно перебилъ его.

— Чего онъ могъ желать и искать такого, чего бы онъ не нашелъ въ моей дружбѣ?..—сказалъ онъ, съ недоумѣніемъ пожимая плечами. — Нѣтъ, онъ нашелъ лучшимъ окружить себя моими врагами, и кѣмъ же? — продолжалъ Наполеонъ. — Онъ призвалъ къ себѣ Штейновъ, Армфельдовъ, Бенигсеновъ, Винценгероде. Штейнъ — прогнанный изъ своего отечества измѣнникъ; Армфельдъ — развратникъ и интриганъ; Винценгероде — бѣглый подданный Франціи; Бенигсенъ—нѣсколько болѣе военный, чѣмъ другіе, но все-таки неспособный, который ничего не умѣлъ сдѣлать въ 1807 году и который бы долженъ былъ возбуждать въ императорѣ Александрѣ ужасныя воспоминанія... Положимъ, ежели бы они были способны, можно бы ихъ употреблять,—продолжалъ Наполеонъ, едва успѣвая словомъ поспѣвать за безпрестанно возникающими соображеніями, показывающими ему его правоту или силу (что въ его понятіи было одно и то же),— но и того нѣтъ: они не годятся ни для войны, ни для мира! Барклай, говорятъ, дѣльнѣе ихъ всѣхъ; но я этого не скажу, судя по его первымъ движеніямъ. А они что дѣлаютъ, что дѣлаютъ всѣ эти придворные? Пфуль предлагаетъ, Армфельдъ споритъ, Бенигсенъ разсматриваетъ, а Барклай, призванный дѣйствовать, не знаетъ, на что рѣшиться; и время проходитъ, ничего не принося. Одинъ Багратіонъ — военный человѣкъ. Онъ глупъ, но у него есть опытность, глазомѣръ и рѣшительность... И что за роль играетъ вашъ молодой государь въ этой безобразной толпѣ? Они его компрометируютъ и на него сваливаютъ отвѣтственность всего совершающагося. Un souverain ne doit être à l'armée que quand il est général [2]), — сказалъ онъ, очевидно посылая эти слова прямо какъ вызовъ въ лицо государя. Наполеонъ зналъ, какъ желалъ императоръ Александръ быть полководцемъ.

— Уже недѣля, какъ началась кампанія, и вы не сумѣли защитить Вильну. Вы разрѣзаны на-двое и прогнаны изъ польскихъ провинцій. Ваша армія ропщетъ.

---

[1]) Какъ прекрасно могло бы быть царствованіе Александра.

[2]) Государь долженъ находиться при арміи только тогда, когда онъ полководецъ.

— Напротивъ, ваше величество, — сказалъ Балашевъ, едва успѣвшій запомнить то, что говорилось ему, и съ трудомъ слѣдовавшій за этимъ фейерверкомъ словъ, — войска горятъ желаніемъ...

— Я все знаю,—перебилъ его Наполеонъ,—я все знаю, и знаю число вашихъ батальоновъ такъ же вѣрно, какъ и моихъ. У васъ нѣтъ 200 тысячъ войска, а у меня втрое больше; даю вамъ честное слово, — сказалъ Наполеонъ, забывая, что это его честное слово никакъ не могло имѣть значенія, — даю вамъ ma parole d'honneur que j'ai cinq cent trente mille hommes de ce coté de la Vistule [1]). Турки вамъ не помощь: они никуда не годятся и доказали это, замирившись съ вами. Шведы—ихъ предопредѣленіе быть управляемыми сумасшедшими королями. Ихъ король былъ безумный; они перемѣнили его и взяли другого—Бернадота, который тотчасъ же сошелъ съ ума, потому что сумасшедшій только, будучи шведомъ, можетъ заключать союзы съ Россіей.

Наполеонъ злобно усмѣхнулся и опять поднесъ къ носу табакерку.

На каждую изъ фразъ Наполеона Балашевъ хотѣлъ и имѣлъ что возражать; безпрестанно онъ дѣлалъ движеніе человѣка, желавшаго сказать что-то, но Наполеонъ перебивалъ его. Противъ безумія шведовъ Балашевъ хотѣлъ сказать, что Швеція есть островъ, когда Россія за нее; но Наполеонъ сердито вскрикнулъ, чтобы заглушить его голосъ. Наполеонъ находился въ томъ состояніи раздраженія, въ которомъ нужно говорить, говорить и говорить только для того, чтобы самому себѣ доказать свою справедливость. Балашеву становилось тяжело: онъ, какъ посолъ, боялся уронить свое достоинство и чувствовалъ необходимость возражать; но, какъ человѣкъ, онъ сжимался нравственно передъ забытьемъ безпричиннаго гнѣва, въ которомъ, очевидно, находился Наполеонъ. Онъ зналъ, что всѣ слова, сказанныя теперь Наполеономъ, не имѣютъ значенія, что онъ самъ, когда опомнится, устыдится ихъ. Балашевъ стоялъ, опустивъ глаза, глядя на движущіяся толстыя ноги Наполеона, и старался избѣгать его взгляда.

— Да что мнѣ эти ваши союзники?—говорилъ Наполеонъ.— У меня союзники — это поляки: ихъ 80 тысячъ, они дерутся какъ львы. И ихъ будетъ болѣе 200 тысячъ.

И, вѣроятно еще болѣе возмутившись тѣмъ, что, сказавъ это, онъ сказалъ очевидную неправду, и что Балашевъ въ той

---

[1]) Честное слово, что у меня по сю сторону Вислы 530 тысячъ человѣкъ.

же, покорной своей судьбѣ, позѣ молча стоялъ передъ нимъ, онъ круто повернулся назадъ, подошелъ къ самому лицу Балашева и, дѣлая энергическіе и быстрые жесты своими бѣлыми руками, закричалъ почти:

— Знайте, что ежели вы поколеблете Пруссію противъ меня, знайте, что я сотру ее съ карты Европы, — сказалъ онъ съ блѣднымъ, искаженнымъ злобою лицомъ, энергическимъ жестомъ одной маленькой руки ударяя по другой. — Да, я заброшу васъ за Двину, за Днѣпръ и возстановлю противъ васъ ту преграду, которую Европа была преступна и слѣпа, что позволила разрушить. Да, вотъ что съ вами будетъ, вотъ что вы выиграли, удалившись отъ меня, — сказалъ онъ и молча прошелъ нѣсколько разъ по комнатѣ, вздрагивая своими толстыми плечами.

Онъ положилъ въ жилетный карманъ табакерку, опять вынулъ ее, нѣсколько разъ приставлялъ ее къ носу и остановился противъ Балашева. Онъ помолчалъ, поглядѣлъ насмѣшливо прямо въ глаза Балашеву и сказалъ тихимъ голосомъ:

— Et cependant quel beau règne *aurait pu avoir* votre maître! [1]).

Балашевъ, чувствуя необходимость возражать, сказалъ, что со стороны Россіи дѣла не представляются въ такомъ мрачномъ видѣ. Наполеонъ молчалъ, продолжая насмѣшливо глядѣть на него и очевидно его не слушая. Балашевъ сказалъ, что въ Россіи ожидаютъ отъ войны всего хорошаго. Наполеонъ снисходительно кивнулъ головой, какъ бы говоря: «Знаю, такъ говорить ваша обязанность, но вы сами въ это не вѣрите, вы убѣждены мною».

Въ концѣ рѣчи Балашева Наполеонъ вынулъ опять табакерку, понюхалъ изъ нея и, какъ сигналъ, стукнулъ два раза ногой по полу. Дверь отворилась; почтительно изгибающійся камергеръ подалъ императору шляпу и перчатки, другой подалъ носовой платокъ. Наполеонъ, не глядя на нихъ, обратился къ Балашеву:

— Увѣрьте отъ моего имени императора Александра, — сказалъ онъ, взявъ шляпу, — что я ему преданъ попрежнему: я знаю его совершенно и весьма высоко цѣню его высокія качества. Je ne vous retiens plus, général, vous recevrez ma lettre à l'Empereur [2]).

И Наполеонъ пошелъ быстро къ двери. Изъ пріемной все бросилось впередъ и внизъ по лѣстницѣ.

---

[1]) А между тѣмъ, что за прекрасное царствованіе могъ бы имѣть вашъ государь.

[2]) Я васъ болѣе не задерживаю, генералъ, вы получите мое письмо къ императору.

VII.

Послѣ всего того, что̀ сказалъ ему Наполеонъ, послѣ этихъ взрывовъ гнѣва и послѣ послѣднихъ, сухо сказанныхъ словъ: «je ne vous retiens plus, général, vous recevrez ma lettre», Балашевъ былъ увѣренъ, что Наполеонъ уже не только не пожелаетъ его видѣть, но постарается не видать его — оскорбленнаго посла и, главное, свидѣтеля его непристойной горячности. Но, къ удивленію своему, Балашевъ черезъ Дюрока получилъ приглашеніе въ этотъ день къ столу императора.

На обѣдѣ были Бессьеръ, Коленкуръ и Бертье.

Наполеонъ встрѣтилъ Балашева съ веселымъ и ласковымъ видомъ. Не только не было въ немъ выраженія застѣнчивости или упрека себѣ за утреннюю вспышку, но онъ, напротивъ, старался ободрить Балашева. Видно было, что уже давно для Наполеона въ его убѣжденіи не существовало возможности ошибокъ и что въ его понятіи все то, что онъ дѣлалъ, было хорошо не потому, что оно сходилось съ представленіемъ того, что̀ хорошо и дурно, но потому, что *онъ* дѣлалъ это.

Императоръ былъ очень веселъ послѣ своей верховой прогулки по Вильнѣ, въ которой толпы народа съ восторгомъ встрѣчали и провожали его. Во всѣхъ окнахъ улицъ, по которымъ онъ проѣзжалъ, были выставлены ковры, знамена, вензеля его, и польскія дамы, привѣтствуя его, махали ему платками.

За обѣдомъ, посадивъ подлѣ себя Балашева, онъ обращался съ нимъ не только ласково, но обращался такъ, какъ будто онъ и Балашева считалъ въ числѣ своихъ придворныхъ, въ числѣ тѣхъ людей, которые сочувствовали его планамъ и должны были радоваться его успѣхамъ. Между прочимъ разговоромъ онъ заговорилъ о Москвѣ и сталъ спрашивать Балашева о русской столицѣ, не только какъ спрашиваетъ любознательный путешественникъ о новомъ мѣстѣ, которое онъ намѣревается посѣтить, но какъ бы съ убѣжденіемъ, что Балашевъ, какъ русскій, долженъ быть польщенъ этою любознательностью.

— Сколько жителей въ Москвѣ, сколько домовъ? Правда ли, что Moscou называютъ Moscou la sainte? [1]) Сколько церквей въ Moscou? — спрашивалъ онъ.

И на отвѣтъ, что̀ церквей бо̀лѣе двухсотъ, онъ сказалъ:

— Къ чему такая бездна церквей?

— Русскіе очень набожны, — отвѣчалъ Балашевъ.

---

[1]) Священная Москва.

— Впрочемъ, большое количество монастырей и церквей есть всегда признакъ отсталости народа,—сказалъ Наполеонъ, оглядываясь на Коленкура за оцѣнкой этого сужденія.

Балашевъ почтительно позволилъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ французскаго императора.

— У каждой страны свои нравы, — сказалъ онъ.

— Но уже нигдѣ въ Европѣ нѣтъ ничего подобнаго, — сказалъ Наполеонъ.

— Прошу извиненія у вашего величества, — сказалъ Балашевъ: — кромѣ Россіи, есть еще Испанія, гдѣ также много церквей и монастырей.

Этотъ отвѣтъ Балашева, намекавшій на недавнее пораженіе французовъ въ Испаніи, былъ высоко оцѣненъ, по разсказамъ Балашева, при дворѣ императора Александра и очень мало былъ оцѣненъ теперь за обѣдомъ Наполеона и прошелъ незамѣтно.

По равнодушнымъ и недоумѣвающимъ лицамъ господъ маршаловъ видно было, что они недоумѣвали, въ чемъ тутъ состояла острота, на которую намекала интонація Балашева. «Ежели и была она, то мы не поняли ея или она вовсе не остроумна», говорили выраженія лицъ маршаловъ. Такъ мало былъ оцѣненъ этотъ отвѣтъ, что Наполеонъ даже рѣшительно не замѣтилъ его и наивно спросилъ Балашева о томъ, на какіе города идетъ отсюда прямая дорога къ Москвѣ. Балашевъ, бывшій все время обѣда насторожѣ, отвѣчалъ, что comme tout chemin mène à Rome, tout chemin mène à Moscou [1]), что есть много дорогъ и что «въ числѣ этихъ разныхъ путей есть дорога на *Полтаву,* которую избралъ Карлъ XII», — сказалъ Балашевъ, невольно вспыхнулъ отъ удовольствія въ удачѣ этого отвѣта. Не успѣлъ Балашевъ досказать послѣднихъ словъ: «Poltawa», какъ уже Коленкуръ заговорилъ о неудобствахъ дороги изъ Петербурга въ Москву и о своихъ петербургскихъ воспоминаніяхъ.

Послѣ обѣда перешли пить кофе въ кабинетъ Наполеона, четыре дня тому назадъ бывшій кабинетомъ императора Александра. Наполеонъ сѣлъ, потрогивая кофе въ севрской чашкѣ, и указалъ на стулъ подлѣ себя Балашеву.

Есть въ человѣкѣ извѣстное послѣобѣденное расположеніе духа, которое сильнѣе всякихъ разумныхъ причинъ заставляетъ человѣка быть довольнымъ собой и считать всѣхъ своими друзьями. Наполеонъ находился въ этомъ расположеніи. Ему казалось,

---

[1]) Какъ всякая дорога ведетъ къ Риму, такъ всякая дорога ведетъ и къ Москвѣ.

что онъ окруженъ людьми, обожающими его. Онъ былъ убѣжденъ, что и Балашевъ послѣ его обѣда былъ его другомъ и обожателемъ. Наполеонъ обратился къ нему съ пріятной и слегка насмѣшливой улыбкой.

— Это та же комната, какъ мнѣ говорили, въ которой жилъ императоръ Александръ. Странно, неправда ли, генералъ? — сказалъ онъ, очевидно не сомнѣваясь въ томъ, что это обращеніе не могло не быть пріятно его собесѣднику, такъ какъ оно доказывало превосходство его, Наполеона, надъ Александромъ.

Балашевъ ничего не могъ отвѣчать на это и молча наклонилъ голову.

— Да, въ этой комнатѣ четыре дня тому назадъ совѣщались Винценгероде и Штейнъ, — съ той же насмѣшливой, увѣренной улыбкой продолжалъ Наполеонъ. — Чего я не могу понять, — сказалъ онъ, — это того, что императоръ Александръ приблизилъ къ себѣ всѣхъ личныхъ моихъ непріятелей. Я этого не... понимаю. Онъ не подумалъ о томъ, что я могу сдѣлать то же? — съ вопросомъ обратился онъ къ Балашеву, и, очевидно, это воспоминаніе втолкнуло его опять въ тотъ слѣдъ утренняго гнѣва, который еще былъ свѣжъ въ немъ.

— И пусть онъ знаетъ, что я это сдѣлаю, — сказалъ Наполеонъ, вставая и отталкивая рукой свою чашку. — Я выгоню изъ Германіи всѣхъ его родныхъ: Виртембергскихъ, Баденскихъ, Веймарскихъ...—да, я выгоню ихъ. Пусть онъ готовитъ для нихъ убѣжище въ Россіи!

Балашевъ наклонилъ голову, видомъ своимъ показывая, что онъ желалъ бы откланяться, и слушаетъ только потому, что онъ не можетъ не слушать того, что ему говорятъ. Наполеонъ не замѣчалъ этого выраженія; онъ обращался къ Балашеву не какъ къ послу своего врага, а какъ къ человѣку, который теперь вполнѣ преданъ ему и долженъ радоваться униженію своего бывшаго господина.

— И зачѣмъ императоръ Александръ принялъ начальство надъ войсками? Къ чему это? Война—мое ремесло, а его дѣло—царствовать, а не командовать войсками. Зачѣмъ онъ взялъ на себя такую отвѣтственность?

Наполеонъ опять взялъ табакерку, молча прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и вдругъ неожиданно подошелъ къ Балашеву и съ легкой улыбкой такъ увѣренно, быстро, просто, какъ будто онъ дѣлалъ какое-нибудь не только важное, но и пріятное для Балашева дѣло, поднялъ руку къ лицу сорокалѣтняго русскаго генерала и, взявъ его за ухо, слегка дернулъ, улыбнувшись однѣми губами.

«Avoir l'oreille tirée par l'Empereur»[1]) считалось величайшею честью и милостью при французскомъ дворѣ.

— Eh bien, vous ne dites rien, admirateur et courtisan de l'Empereur Alexandre[2]), — сказалъ онъ, какъ будто смѣшно было быть въ его присутствіи чьимъ-нибудь courtisan и admirateur, кромѣ его, Наполеона.—Готовы ли лошади для генерала?—прибавилъ онъ, слегка наклоняя голову въ отвѣтъ на поклонъ Балашева.—Дайте ему моихъ, ему *далеко ѣхать.*

Письмо, привезенное Балашевымъ, было послѣднее письмо Наполеона къ Александру. Всѣ подробности разговора были переданы русскому императору, и война началась...

VIII.

Послѣ свиданія своего въ Москвѣ съ Пьеромъ, князь Андрей уѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ, какъ онъ сказалъ своимъ роднымъ, но въ сущности для того, чтобы встрѣтить тамъ князя Анатолія Курагина, котораго онъ считалъ необходимымъ встрѣтить. Курагина, о которомъ онъ освѣдомился, пріѣхавъ въ Петербургъ, уже тамъ не было. Пьеръ далъ знать своему шурину, что князь Андрей ѣдетъ за нимъ. Анатоль Курагинъ тотчасъ получилъ назначеніе отъ военнаго министра и уѣхалъ въ молдавскую армію. Въ это же время въ Петербургѣ князь Андрей встрѣтилъ Кутузова, своего прежняго, всегда расположеннаго къ нему, генерала, и Кутузовъ предложилъ ему ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ молдавскую армію, куда старый генералъ назначался главнокомандующимъ. Князь Андрей, получивъ назначеніе состоять при штабѣ главной квартиры, уѣхалъ въ Турцію.

Князь Андрей считалъ неудобнымъ писать къ Курагину и вызывать его. Не подавъ новаго повода къ дуэли, князь Андрей считалъ вызовъ съ своей стороны компрометирующимъ графиню Ростову, и потому онъ искалъ лично встрѣчи съ Курагинымъ, въ которой онъ намѣренъ былъ найти новый поводъ къ дуэли. Но въ турецкой арміи ему также не удалось встрѣтить Курагина, который вскорѣ послѣ пріѣзда князя Андрея въ турецкую армію вернулся въ Россію. Въ новой странѣ и въ новыхъ условіяхъ жизни князю Андрею стало жить легче. Послѣ измѣны своей невѣсты, которая тѣмъ сильнѣе поразила его, чѣмъ стара-

---

[1]) Быть выдраннымъ за ухо императоромъ.

[2]) Что же вы не говорите ничего, поклонникъ и придворный императора Александра?

тельнѣе онъ скрывалъ отъ всѣхъ произведенное на него дѣйствіе, для него были тяжелы тѣ условія жизни, въ которыхъ онъ былъ счастливъ, и еще тяжелѣе были свобода и независимость, которыми онъ такъ дорожилъ прежде. Онъ не только не думалъ тѣхъ прежнихъ мыслей, которыя въ первый разъ пришли ему, глядя на небо на Аустерлицкомъ полѣ, которыя онъ любилъ развивать съ Пьеромъ и которыя наполняли его уединеніе въ Богучаровѣ, а потомъ въ Швейцаріи и Римѣ, но онъ даже боялся вспоминать объ этихъ мысляхъ, раскрывавшихъ безконечные и свѣтлые горизонты. Его интересовали теперь только самые ближайшіе, не связанные съ прежними, практическіе интересы, за которые онъ ухватывался съ тѣмъ бо̀льшею жадностью, чѣмъ закрытѣе были отъ него прежніе. Какъ будто тотъ безконечный, удаляющійся сводъ неба, стоявшій прежде надъ нимъ, вдругъ превратился въ низкій, опредѣленный, давившій его сводъ, въ которомъ все было ясно, но ничего не было вѣчнаго и таинственнаго.

Изъ представлявшихся ему дѣятельностей военная служба была самая простая и знакомая ему. Состоя въ должности дежурнаго генерала при штабѣ Кутузова, онъ упорно и усердно занимался дѣлами, удивляя Кутузова своей охотой и аккуратностью къ работѣ. Не найдя Курагина въ Турціи, князь Андрей не считалъ необходимымъ скакать за нимъ опять въ Россію; но при всемъ томъ онъ зналъ, что сколько бы ни прошло времени, онъ не могъ, встрѣтивъ Курагина, несмотря на все презрѣніе, которое онъ имѣлъ къ нему, несмотря на всѣ доказательства, которыя онъ дѣлалъ себѣ, что ему не стоитъ унижаться до столкновенія съ нимъ, онъ зналъ, что, встрѣтивъ его, онъ не могъ не вызвать его, какъ не могъ голодный человѣкъ не броситься на пищу. И это сознаніе того, что оскорбленіе еще не вымещено, что злоба не излита, а лежитъ на сердцѣ, отравляло то искусственное спокойствіе, которое въ видѣ озабоченно-хлопотливой и нѣсколько честолюбивой и тщеславной дѣятельности устроилъ себѣ князь Андрей въ Турціи.

Въ 12-мъ году, когда до Букарешта (гдѣ два мѣсяца жилъ Кутузовъ, проводя дни и ночи у своей валашки) дошла вѣсть о войнѣ съ Наполеономъ, князь Андрей попросилъ у Кутузова перевода въ западную армію. Кутузовъ, которому уже надоѣлъ Болконскій своею дѣятельностью, служившею ему упрекомъ въ праздности, Кутузовъ весьма охотно отпустилъ его и далъ ему порученія къ Барклаю-де-Толли.

Прежде чѣмъ ѣхать въ армію, находившуюся въ маѣ въ дрисскомъ лагерѣ, князь Андрей заѣхалъ въ Лысыя Горы,

которыя были на самой его дорогѣ, находясь въ 3-хъ верстахъ отъ смоленскаго большака. Послѣдніе три года въ жизни князя Андрея было такъ много переворотовъ, такъ много онъ передумалъ, перечувствовалъ, перевидѣлъ (онъ объѣхалъ и Западъ и Востокъ), что его странно и неожиданно поразило при въѣздѣ въ Лысыя Горы все точно то же, до малѣйшихъ подробностей точно то же, теченіе жизни. Онъ, какъ въ заколдованный, заснувшій зàмокъ, въѣхалъ въ аллею и въ каменныя ворота лысогорскаго дома. Та же степенность, та же чистота, та же тишина были въ этомъ домѣ, тѣ же мебели, тѣ же стѣны, тѣ же звуки, тотъ же запахъ и тѣ же робкія лица, только нѣсколько постарѣвшія. Княжна Марья была все та же робкая, некрасивая, старѣющаяся дѣвушка, въ страхѣ и вѣчныхъ нравственныхъ страданіяхъ, безъ пользы и радости проживающая лучшіе годы своей жизни. Bourienne была та же радостно-пользующаяся каждой минутой своей жизни и исполненная самыхъ для себя радостныхъ надеждъ, довольная собой, кокетливая дѣвушка. Она только стала увѣреннѣе, какъ показалось князю Андрею. Привезенный имъ изъ Швейцаріи воспитатель Десаль былъ одѣтъ въ сюртукъ русскаго покроя, коверкая языкъ, говорилъ по-русски со слугами, но былъ все тотъ же ограниченно-умный, образованный, добродѣтельный и педантическій воспитатель. Старый князь перемѣнился физически только тѣмъ, что съ боку рта у него сталъ замѣтенъ недостатокъ одного зуба; нравственно онъ былъ все такой же, какъ и прежде, только съ еще бòльшимъ озлобленіемъ и недовѣріемъ къ дѣйствительности того, что̀ происходило въ мірѣ. Одинъ только Николушка выросъ, перемѣнился, разрумянился, обросъ курчавыми темными волосами, и, самъ не зная того, смѣясь и веселясь, поднималъ верхнюю губку хорошенькаго ротика точно такъ же, какъ ее поднимала покойница маленькая княгиня. Онъ одинъ не слушался закона неизмѣнности въ этомъ заколдованномъ, спящемъ зàмкѣ. Но хотя по внѣшности все оставалось по-старому, внутреннія отношенія всѣхъ этихъ лицъ измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ князь Андрей не видалъ ихъ. Члены семейства были раздѣлены на два лагеря, чуждые и враждебные между собой, которые сходились теперь только при немъ, для него измѣняя свой обычный образъ жизни. Къ одному принадлежали старый князь, Bourienne и архитекторъ, къ другому — княжна Марья, Десаль, Николушка и всѣ няньки и мамки.

Во время его пребыванія въ Лысыхъ Горахъ всѣ домашніе обѣдали вмѣстѣ, но всѣмъ было неловко, и князь Андрей чувствовалъ, что онъ гость, для котораго дѣлаютъ исключеніе, что

онъ стѣсняетъ всѣхъ своимъ присутствіемъ. Во время перваго дня обѣда князь Андрей, невольно чувствуя это, былъ молчаливъ, и старый князь, замѣтивъ неестественность его состоянія, тоже угрюмо замолчалъ и сейчасъ послѣ обѣда ушелъ къ себѣ. Когда ввечеру князь Андрей пришелъ къ нему и, стараясь расшевелить его, сталъ разсказывать ему о кампаніи молодого графа Каменскаго, старый князь неожиданно началъ разговоръ съ нимъ о княжнѣ Марьѣ, осуждая ее за ея суевѣріе, за ея нелюбовь къ m-lle Bourienne, которая, по его словамъ, была одна истинно предана ему.

Старый князь говорилъ, что ежели онъ боленъ, то только отъ княжны Марьи; что она нарочно мучаетъ и раздражаетъ его; что она баловствомъ и глупыми рѣчами портитъ маленькаго князя Николая. Старый князь зналъ очень хорошо, что онъ мучитъ свою дочь, что жизнь ея очень тяжела; но зналъ тоже, что онъ не можетъ не мучить ея и что она заслуживаетъ этого. «Почему же князь Андрей, который видитъ это, мнѣ ничего не говоритъ про сестру?» думалъ старый князь. «Что же онъ думаетъ, что я, злодѣй или старый дуракъ, безъ причины отдалился отъ дочери и приблизилъ къ себѣ француженку? Онъ не понимаетъ, и потому надо объяснить ему, надо, чтобы онъ выслушалъ», думалъ старый князь. И онъ сталъ объяснять причины, по которымъ онъ не могъ переносить безтолковаго характера дочери.

— Ежели вы спрашиваете меня,—сказалъ князь Андрей, не глядя на отца (онъ въ первый разъ въ жизни осуждалъ своего отца),—я не хотѣлъ говорить, но ежели вы меня спрашиваете, то я скажу вамъ откровенно свое мнѣніе насчетъ всего этого. Ежели есть недоразумѣнія и разладъ между вами и Машей, то я никакъ не могу винить ее,—я знаю, какъ она васъ любитъ и уважаетъ. Ежели ужъ вы спрашиваете меня, — продолжалъ князь Андрей, раздражаясь, потому что онъ всегда былъ готовъ на раздраженіе въ послѣднее время, — то я одно могу сказать: ежели есть недоразумѣнія, то причиной ихъ ничтожная женщина, которая бы не должна была быть подругой сестры.

Старикъ сначала остановившимися глазами смотрѣлъ на сына и ненатурально открылъ улыбкой новый недостатокъ зуба, къ которому князь Андрей не могъ привыкнуть.

— Какая же подруга, голубчикъ? А? Ужъ переговорилъ! А?

— Батюшка, я не хотѣлъ быть судьей, — сказалъ князь Андрей желчнымъ и жесткимъ тономъ, — но вы вызвали меня, и я сказалъ и всегда скажу, что княжна Марья не виновата, а виноваты... виновата эта француженка...

— А, присудилъ!.. присудилъ! — сказалъ старикъ тихимъ голосомъ и, какъ показалось князю Андрею, съ смущеніемъ; но потомъ вдругъ онъ вскочилъ и закричалъ:—Вонъ, вонъ! Чтобъ духу твоего тутъ не было!..

Князь Андрей хотѣлъ тотчасъ же уѣхать, но княжна Марья упросила его остаться еще день. Въ этотъ день князь Андрей не видѣлся съ отцомъ, который не выходилъ и никого не пускалъ къ себѣ, кромѣ m-lle Bourienne и Тихона, и спрашивалъ нѣсколько разъ о томъ, уѣхалъ ли его сынъ. На другой день передъ отъѣздомъ князь Андрей пошелъ на половину сына. Здоровый, по матери кудрявый, мальчикъ сѣлъ ему на колѣни. Князь Андрей началъ сказывать ему сказку о Синей Бородѣ, но, не досказавъ, задумался. Онъ думалъ не объ этомъ хорошенькомъ мальчикѣ-сынѣ въ то время, какъ онъ его держалъ на колѣняхъ, а думалъ о себѣ. Онъ съ ужасомъ искалъ и не находилъ въ себѣ ни раскаянія въ томъ, что онъ раздражилъ отца, ни сожалѣнія о томъ, что онъ (въ ссорѣ въ первый разъ въ жизни) уѣзжаетъ отъ него. Главнѣе всего ему было то, что онъ искалъ и не находилъ той прежней нѣжности къ сыну, которую онъ надѣялся возбудить въ себѣ, приласкавъ мальчика и посадивъ его къ себѣ на колѣни.

— Ну, разсказывай же, — говорилъ сынъ.

Князь Андрей, не отвѣчая ему, снялъ его съ колѣнъ и пошелъ изъ комнаты.

Какъ только князь Андрей оставилъ свои ежедневныя занятія, въ особенности какъ только онъ вступилъ въ прежнія условія жизни, въ которыхъ онъ былъ еще тогда, когда онъ былъ счастливъ, тоска жизни охватила его съ прежней силой, и онъ спѣшилъ поскорѣе уйти отъ этихъ воспоминаній и найти поскорѣе какое-нибудь дѣло.

— Ты рѣшительно ѣдешь, André? — сказала ему сестра.

— Слава Богу, что могу ѣхать, — сказалъ князь Андрей;— очень жалѣю, что ты не можешь.

— Зачѣмъ ты это говоришь! — сказала княжна Марья. — Зачѣмъ ты это говоришь теперь, когда ты ѣдешь на эту страшную войну, и онъ такъ старъ! M-lle Bourienne говорила, что онъ спрашивалъ про тебя...

Какъ только она начала говорить объ этомъ, губы ея задрожали, и слезы закапали. Князь Андрей отвернулся отъ нея и сталъ ходить по комнатѣ.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! —сказалъ онъ.—И какъ подумаешь, что и кто—какое ничтожество—можетъ быть причи-

вой несчастья людей! — сказалъ онъ со злобой, испугавшей княжну Марью.

Она поняла, что, говоря про людей, которыхъ онъ называлъ ничтожествомъ, онъ разумѣлъ не только m-lle Bourienne, дѣлавшую ея несчастье, но и того человѣка, который погубилъ его счастье.

— André, объ одномъ я прошу, я умоляю тебя,—сказала она, дотрогиваясь до его локтя и сіяющими сквозь слезы глазами гладя на него.—Я понимаю тебя (княжна Марья опустила глаза). Не думай, что горе сдѣлали люди. Люди—орудіе Его.— Она взглянула немного повыше головы князя Андрея, съ увѣреннымъ, привычнымъ взглядомъ, съ которымъ смотрятъ на знакомое мѣсто портрета.—Горе послано Имъ, а не людьми. Люди— Его орудія, они не виноваты. Ежели тебѣ кажется, что ктонибудь виноватъ передъ тобой, забудь это и прости. Мы не имѣемъ права наказывать. И ты поймешь счастье прощать.

— Ежели бы я былъ женщина, я бы это дѣлалъ, Marie. Это добродѣтель женщины. Но мужчина не долженъ и не можетъ забывать и прощать,—сказалъ онъ, и хотя онъ до этой минуты не думалъ о Курагинѣ, вся невымещенная злоба вдругъ поднялась въ его сердцѣ.

«Ежели княжна Марья уже уговариваетъ меня простить, то, значитъ, давно мнѣ надо было наказать», подумалъ онъ. И, не отвѣчая болѣе княжнѣ Марьѣ, онъ сталъ думать теперь о той радостной, злобной минутѣ, когда онъ встрѣтитъ Курагина, который (онъ зналъ) находится въ арміи.

Княжна Марья умоляла брата подождать еще день, говорила о томъ, что она знаетъ, какъ будетъ несчастливъ отецъ, ежели Андрей уѣдетъ, не помирившись съ нимъ; но князь Андрей отвѣчалъ, что онъ, вѣроятно, скоро пріѣдетъ опять изъ арміи, что непремѣнно напишетъ отцу и что теперь, чѣмъ дольше оставаться, тѣмъ больше растравится этотъ раздоръ.

— Adieu, André. Rappellez-vous que les malheurs viennent de Dieu, et que les hommes ne sont jamais coupables [1], —были послѣднія слова, которыя онъ слышалъ отъ сестры, когда прощался съ нею.

«Такъ это должно быть!» думалъ князь Андрей, выѣзжая изъ аллеи лысогорскаго дома. «Она — жалкое, невинное существо, остается на съѣденіе выжившему изъ ума старику. Старикъ чувствуетъ, что виноватъ, но не можетъ измѣнить себя.

[1] Прощай, Андрей. Помни, что несчастья происходятъ отъ Бога и что люди никогда не виноваты.

Мальчикъ мой растетъ и радуется жизни, въ которой онъ будетъ такимъ же, какъ и всѣ, — обманутымъ или обманываемымъ. Я ѣду въ армію, зачѣмъ — самъ не знаю, и желаю встрѣтить того человѣка, котораго презираю, для того, чтобы дать ему случай убить меня и посмѣяться надо мной!» И прежде были все тѣ же условія жизни, но прежде они всѣ вязались между собой, а теперь все разсыпалось. Одни безсмысленныя явленія, безъ всякой связи, одно за другимъ представлялись князю Андрею.

IX.

Князь Андрей пріѣхалъ въ главную квартиру арміи въ концѣ іюня. Войска первой арміи, той, при которой находился государь, были расположены въ укрѣпленномъ лагерѣ у Дриссы; войска второй арміи отступали, стремясь соединиться съ первой арміей, отъ которой—какъ говорили—они были отрѣзаны большими силами французовъ. Всѣ были недовольны общимъ ходомъ военныхъ дѣлъ въ русской арміи; но объ опасности нашествія въ русскія губерніи никто и не думалъ; никто и не предполагалъ, чтобы война могла быть перенесена далѣе западныхъ польскихъ губерній.

Князь Андрей нашелъ Барклая-де-Толли, къ которому онъ былъ назначенъ, на берегу Дриссы. Такъ какъ не было ни одного большого села или мѣстечка въ окрестностяхъ лагеря, то все огромное количество генераловъ и придворныхъ, бывшихъ при арміи, располагалось въ окружности 10-ти верстъ по лучшимъ домамъ деревень, по сю и по ту сторону рѣки. Барклай-де-Толли стоялъ въ 4-хъ верстахъ отъ государя. Онъ сухо и холодно принялъ Болконскаго и сказалъ своимъ нѣмецкимъ выговоромъ, что онъ доложитъ о немъ государю для опредѣленія ему назначенія, а покамѣстъ проситъ его состоять при его штабѣ. Анатолія Курагина, котораго князь Андрей надѣялся найти въ арміи, не было здѣсь: онъ былъ въ Петербургѣ; и это извѣстіе было пріятно Болконскому. Интересъ центра производящейся огромной войны занялъ князя Андрея, и онъ радъ былъ на нѣкоторое время освободиться отъ раздраженія, которое производила въ немъ мысль о Курагинѣ. Въ продолженіе первыхъ 4-хъ дней, во время которыхъ онъ не былъ никуда требуемъ, князь Андрей объѣздилъ весь укрѣпленный лагерь и съ помощью своихъ знаній и разговоровъ съ свѣдущими людьми старался составить себѣ о немъ опредѣленное понятіе. Но вопросъ о томъ, выгоденъ или невыгоденъ этотъ лагерь, остался

нерѣшеннымъ для князя Андрея. Онъ уже успѣлъ вывести изъ своего военнаго опыта то убѣжденіе, что въ военномъ дѣлѣ ничего не значатъ самые глубокомысленно-обдуманные планы (какъ онъ видѣлъ это въ Аустерлицкомъ походѣ), что все зависитъ отъ того, какъ отвѣчаютъ на неожиданныя и немогущія быть предвидѣнными дѣйствія непріятеля, что все зависитъ отъ того, какъ и кѣмъ ведется все дѣло. Для того, чтобы уяснить себѣ этотъ послѣдній вопросъ, князь Андрей, пользуясь своимъ положеніемъ и знакомствами, старался вникнуть въ характеръ управленія арміей, лицъ и партій, участвовавшихъ въ ономъ, и вывелъ для себя слѣдующее понятіе о положеніи дѣлъ.

Когда еще государь былъ въ Вильнѣ, армія была раздѣлена на-трое: 1-я армія находилась подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, 2-я — подъ начальствомъ Багратіона, 3-я—подъ начальствомъ Тормасова. Государь находился при первой арміи, но не въ качествѣ главнокомандующаго. Въ приказахъ было сказано, что государь будетъ—не командовать, а сказано только, что государь будетъ при арміи. Кромѣ того, при государѣ лично не было штаба главнокомандующаго, а былъ штабъ императорской главной квартиры. При немъ былъ начальникъ императорскаго штаба, генералъ-квартирмейстеръ князь Волконскій, генералы, флигель-адъютанты, дипломатическіе чиновники и большое количество иностранцевъ, но не было штаба арміи. Кромѣ того, безъ должности при государѣ находились: Аракчеевъ—бывшій военный министръ, графъ Бенигсенъ — по чину старшій изъ генераловъ, великій князь цесаревичъ Константинъ Павловичъ, графъ Румянцевъ — канцлеръ, Штейнъ — бывшій прусскій министръ, Армфельдъ — шведскій генералъ, Пфуль — главный составитель плана кампаніи, Паулучи—генералъ-адъютантъ и сардинскій выходецъ, Вольцогенъ и мн. др. Хотя эти лица и находились безъ военныхъ должностей при арміи, но по своему положенію имѣли вліяніе, и часто корпусный начальникъ и даже главнокомандующій не зналъ, въ качествѣ чего спрашиваетъ или совѣтуетъ то или другое Бенигсенъ, или великій князь, или Аракчеевъ, или князь Волконскій, и не зналъ, отъ его ли лица или отъ государя истекаетъ такое-то приказаніе въ формѣ совѣта, и нужно или не нужно исполнять его. Но это была внѣшняя обстановка; существенный же смыслъ присутствія государя и всѣхъ этихъ лицъ съ придворной точки (а въ присутствіи государя всѣ дѣлаются придворными) всѣмъ былъ ясенъ. Онъ былъ слѣдующій: государь не бралъ на себя званія главнокомандующаго, но распоряжался всѣми арміями; люди, окружавшіе его, были его помощники. Аракчеевъ былъ вѣрный

исполнитель-блюститель порядка и тѣлохранитель государя; Бенигсенъ былъ помѣщикъ Виленской губерніи, который какъ будто дѣлалъ les honneurs края, а въ сущности былъ хорошій генералъ, полезный для совѣта и для того, чтобы имѣть его всегда наготовѣ на смѣну Барклая. Великій князь былъ тутъ потому, что ему это было угодно. Бывшій министръ Штейнъ былъ тутъ потому, что онъ былъ полезенъ для совѣта, и потому, что императоръ Александръ высоко цѣнилъ его личныя качества. Армфельдъ былъ злой ненавистникъ Наполеона и генералъ, увѣренный въ себѣ, что имѣло всегда вліяніе на Александра. Паулучи былъ тутъ потому, что онъ былъ смѣлъ и рѣшителенъ въ рѣчахъ. Генералъ-адъютанты были тутъ потому, что они вездѣ были, гдѣ государь, и, наконецъ,—главное— Пфуль былъ тутъ потому, что онъ составилъ планъ войны противъ Наполеона и, заставивъ Александра повѣрить въ цѣлесообразность этого плана, руководилъ всѣмъ дѣломъ войны. При Пфулѣ былъ Вольцогенъ, передавшій мысли Пфуля въ болѣе доступной формѣ, чѣмъ самъ Пфуль, рѣзкій, самоувѣренный до презрѣнія ко всему, кабинетный теоретикъ.

Кромѣ этихъ поименованныхъ лицъ, русскихъ и иностранныхъ (въ особенности иностранцевъ, которые съ смѣлостью, свойственною людямъ въ дѣятельности среди чужой среды, каждый день предлагали новыя неожиданныя мысли), было еще много лицъ второстепенныхъ, находившихся при арміи потому, что тутъ были ихъ принципалы.

Въ числѣ всѣхъ мыслей и голосовъ въ этомъ огромномъ, безпокойномъ, блестящемъ и гордомъ мірѣ князь Андрей видѣлъ слѣдующія болѣе рѣзкія подраздѣленія направленій и партій.

Первая партія была: Пфуль и его послѣдователи, теоретики воины, вѣрящіе въ то, что есть наука войны и что въ этой наукѣ есть свои неизмѣнные законы, законы облическаго движенія, обхода и т. п. Пфуль и послѣдователи его требовали отступленія въ глубь страны, по точнымъ законамъ, предписаннымъ мнимой теоріей войны, и во всякомъ отступленіи отъ этой теоріи видѣли только варварство, необразованность или злонамѣренность. Къ этой партіи принадлежали нѣмецкіе принцы, Вольцогенъ, Винценгероде и другіе, преимущественно нѣмцы.

Вторая партія была противоположная первой. Какъ и всегда бываетъ, при одной крайности были представители другой крайности. Люди этой партіи были тѣ, которые съ Вильны требовали наступленія на Польшу и свободы отъ всякихъ впередъ составленныхъ плановъ. Кромѣ того, что представители этой партіи были представители смѣлыхъ дѣйствій, они вмѣстѣ съ

тѣмъ были и представителями національности, вслѣдствіе чего становились еще одностороннѣе въ спорѣ. Это были русскіе: Багратіонъ, начинавшій возвышаться Ермоловъ и другіе. Въ это время была распространена извѣстная шутка Ермолова, будто бы просящаго государя объ одной милости — производства его въ нѣмцы. Люди этой партіи говорили, вспоминая Суворова, что надо не думать, не накалывать иголками карту, а драться, бить непріятеля, не пускать его въ Россію и не давать унывать войску.

Къ третьей партіи, къ которой болѣе всего имѣлъ довѣрія государь, принадлежали придворные дѣлатели сдѣлокъ между обоими направленіями. Люди этой партіи, большею частью невоенные и къ которой принадлежалъ Аракчеевъ, думали и говорили, что̀ говорятъ обыкновенно люди, не имѣющіе убѣжденій, но желающіе казаться за таковыхъ. Они говорили, что, безъ сомнѣнія, война, особенно съ такимъ геніемъ, какъ Бонапарте (его опять называли Бонапарте), требуетъ глубокомысленнѣйшихъ соображеній, глубокаго знанія науки, и въ этомъ дѣлѣ Пфуль геніаленъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать того, что теоретики часто односторонни, и потому не надо вполнѣ довѣрять имъ, надо прислушиваться и къ тому, что говорятъ противники Пфуля, и къ тому, что говорятъ люди практическіе, опытные въ военномъ дѣлѣ, и изъ всего взять среднее. Люди этой партіи настояли на томъ, чтобы, удержавъ дрисскій лагерь по плану Пфуля, измѣнить движенія другихъ армій. Хотя этимъ образомъ дѣйствій не достигалась ни та, ни другая цѣль, но людямъ этой партіи казалось такъ лучше.

Четвертое направленіе было направленіе, котораго самымъ виднымъ представителемъ былъ великій князь наслѣдникъ цесаревичъ, не могшій забыть своего аустерлицкаго разочарованія, гдѣ онъ, какъ на смотръ, выѣхалъ передъ гвардіей въ каскѣ и колетѣ, разсчитывая молодецки раздавить французовъ, и, попавъ неожиданно въ первую линію, насилу ушелъ въ общемъ смятеніи. Люди этой партіи имѣли въ своихъ сужденіяхъ и качество и недостатокъ искренности. Они боялись Наполеона, видѣли въ немъ силу, въ себѣ слабость и прямо высказывали это. Они говорили: «Ничего, кромѣ горя, срама и погибели, изъ всего этого не выйдетъ! Вотъ мы оставили Вильну, оставили Витебскъ, оставимъ и Дриссу. Одно, что намъ остается умнаго сдѣлать, это заключить миръ и какъ можно скорѣе, пока не выгнали насъ изъ Петербурга!»

Воззрѣніе это, сильно распространенное въ высшихъ сферахъ арміи, находило себѣ поддержку и въ Петербургѣ и въ

канцлерѣ Румянцевѣ, по другимъ государственнымъ причинамъ стоявшемъ также за миръ.

Пятые были приверженцы Барклая-де-Толли, не столько какъ человѣка, сколько какъ военнаго министра и главнокомандующаго. Они говорили: «Какой онъ ни есть (всегда такъ начинали), но онъ честный, дѣльный человѣкъ, и лучше его нѣтъ. Дайте ему настоящую власть, потому что война не можетъ идти успѣшно безъ единства начальствованія, и онъ покажетъ то, что̀ онъ можетъ сдѣлать, какъ онъ показалъ себя въ Финляндіи. Ежели армія наша устроена и сильна и отступила до Дриссы, не понесши никакихъ пораженій, то мы обязаны этимъ только Барклаю. Ежели теперь замѣнятъ Барклая Бенигсеномъ, то все погибнетъ. Потому что Бенигсенъ уже показалъ свою неспособность въ 1807 году», говорили люди этой партіи.

Шестые, бенигсенисты, говорили, напротивъ, что все-таки не было никого дѣльнѣе и опытнѣе Бенигсена, и, какъ ни вертись, все-таки придешь къ нему. «Пускай теперь дѣлаютъ ошибки!» и люди этой партіи доказывали, что все наше отступленіе до Дриссы было постыднѣйшее пораженіе и безпрерывный рядъ ошибокъ. «Чѣмъ больше надѣлаютъ ошибокъ, тѣмъ лучше; по крайней мѣрѣ, скорѣе поймутъ, что такъ не можетъ идти», говорили они. «А нуженъ не какой-нибудь Барклай, а человѣкъ, какъ Бенигсенъ, который показалъ уже себя въ 1807 году, которому отдалъ справедливость самъ Наполеонъ, и такой человѣкъ, за которымъ бы охотно признавали власть, и таковой есть только одинъ Бенигсенъ».

Седьмые были лица, которыя всегда есть, въ особенности при молодыхъ государяхъ, и которыхъ особенно много было при императорѣ Александрѣ, — лица генераловъ и флигель-адъютантовъ, страстно преданные государю не какъ императору, но какъ человѣка обожающіе его, искренно и безкорыстно, какъ его обожалъ Ростовъ въ 1805 году, и видящіе въ немъ не только всѣ добродѣтели, но и всѣ качества человѣческія. Эти лица хотя и восхищались скромностью государя, отказывавшагося отъ командованія войсками, но осуждали эту излишнюю скромность и желали только одного и настаивали на томъ, чтобы обожаемый государь, оставивъ излишнее недовѣріе къ себѣ, объявилъ открыто, что онъ становится во главѣ войска, составилъ бы при себѣ штабъ-квартиру главнокомандующаго и, совѣтуясь гдѣ нужно, съ опытными теоретиками и практиками, самъ бы велъ свои войска, которыхъ одно это довело бы до высшаго состоянія воодушевленія.

Восьмая, самая большая группа людей, которая по своему огромному количеству относилась къ другимъ, какъ 99 къ одному, состояла изъ людей, не желавшихъ ни мира, ни войны, ни наступательныхъ движеній, ни оборонительнаго лагеря ни при Дриссѣ, ни гдѣ бы то ни было, ни Барклая, ни государя, ни Пфуля, ни Бенигсена, но желающихъ только одного, и самаго существеннаго: наибольшихъ для себя выгодъ и удовольствій. Въ той мутной водѣ перекрещивающихся и перепутывающихся интригъ, которыя кишѣли при главной квартирѣ государя, въ весьма многомъ можно было успѣть въ такомъ, что немыслимо бы было въ другое время. Одинъ, не желая только потерять своего выгоднаго положенія, нынче соглашался съ Пфулемъ, завтра—съ противникомъ его, послѣзавтра утверждалъ, что не имѣетъ никакого мнѣнія объ извѣстномъ предметѣ, только для того, чтобы избѣжать отвѣтственности и угодить государю. Другой, желающій пріобрѣсти выгоды, обращалъ на себя вниманіе государя, громко крича то самое, на что намекнулъ государь наканунѣ, спорилъ и кричалъ въ совѣтѣ, ударяя себя въ грудь и вызывая несоглашающихся на дуэль и тѣмъ показывая, что онъ готовъ быть жертвою общей пользы. Третій просто выпрашивалъ себѣ, между двухъ совѣтовъ и въ отсутствіи враговъ, единовременное пособіе за свою вѣрную службу, зная, что теперь некогда будетъ отказать ему. Четвертый нечаянно все попадался на глаза государю, отягченный работой. Пятый для того, чтобы достигнуть давно желанной цѣли — обѣда у государя, ожесточенно доказывалъ правоту или неправоту вновь выступившаго мнѣнія и для этого приводилъ болѣе или менѣе сильныя и справедливыя доказательства.

Всѣ люди этой партіи ловили рубли, кресты, чины и въ этомъ ловленіи слѣдили только за направленіемъ флюгера царской милости, и только что замѣчали, что флюгеръ обратился въ одну сторону, какъ все это трутневое населеніе арміи начинало дуть въ ту же сторону, такъ что государю тѣмъ труднѣе было повернуть его въ другую. Среди неопредѣленности положенія; при угрожающей серьезной опасности, придававшей всему особенно тревожный характеръ; среди этого вихря интригъ, самолюбій, столкновеній различныхъ воззрѣній и чувствъ; при разноплеменности всѣхъ этихъ лицъ — эта восьмая, самая большая партія людей, занятыхъ личными интересами, придавала большую запутанность и смутность общему дѣлу. Какой бы то ни поднимался вопросъ, а ужъ рой трутней этихъ, не оттрубивъ еще надъ прежней темой, перелеталъ на новую и своимъ жужжаніемъ заглушалъ и все болѣе затемнялъ искренніе спорящіе голоса.

Изъ всѣхъ этихъ партій въ то самое время, какъ князь Андрей пріѣхалъ къ арміи, собралась еще одна девятая партія, начинавшая поднимать свой голосъ. Это была партія людей старыхъ, разумныхъ, государственно-опытныхъ и умѣвшихъ, не раздѣляя ни одного изъ противорѣчащихъ мнѣній, отвлеченно посмотрѣть на все, что̀ дѣлалось при штабѣ главной квартиры, и обдумать средства къ выходу изъ этой неопредѣленности, нерѣшительности, запутанности и слабости.

Люди этой партіи говорили и думали, что все дурное происходитъ преимущественно отъ присутствія государя съ военнымъ дворомъ при арміи; что въ армію перенесена та неопредѣленная, условная и колеблющаяся шаткость отношеній, которая удобна при дворѣ, но вредна въ арміи; что государю нужно царствовать, а не управлять войскомъ; что единственный исходъ изъ этого положенія есть отъѣздъ государя съ его дворомъ изъ арміи; что одно присутствіе государя парализуетъ 50 тысячъ войска, нужныхъ для обезпеченія его личной безопасности; что самый плохой, но независимый главнокомандующій будетъ лучше самаго лучшаго, но связаннаго присутствіемъ и властью государя.

Въ то самое время, какъ князь Андрей жилъ безъ дѣла при Дриссѣ, Шишковъ, государственный секретарь, бывшій однимъ изъ главныхъ представителей этой партіи, написалъ государю письмо, которое согласились подписать Балашевъ и Аракчеевъ. Въ письмѣ этомъ, пользуясь позволеніемъ, даннымъ ему отъ государя разсуждать объ общемъ ходѣ дѣлъ, онъ почтительно и подъ предлогомъ необходимости для государя воодушевить къ войнѣ народъ въ столицѣ предлагалъ государю оставить войско.

Одушевленіе государемъ народа и воззваніе къ нему для защиты отечества, то самое (насколько оно произведено было личнымъ присутствіемъ государя въ Москвѣ) одушевленіе народа, которое было главной причиной торжества Россіи, было представлено государю и принято имъ, какъ предлогъ для оставленія арміи.

X.

Письмо это еще не было подано государю, когда Барклай за обѣдомъ передалъ Болконскому, что государю лично угодно видѣть князя Андрея для того, чтобы разспросить его о Турціи, и что князь Андрей имѣетъ явиться въ квартиру Бенигсена въ шесть часовъ вечера.

Въ этотъ же день въ квартирѣ государя было получено извѣстіе о новомъ движеніи Наполеона, могущемъ быть опаснымъ для арміи, — извѣстіе, впослѣдствіи оказавшееся несправедливымъ. И въ это же утро полковникъ Мишо объѣзжалъ съ государемъ дрисскія укрѣпленія и доказывалъ государю, что укрѣпленный лагерь этотъ, устроенный Пфулемъ и считавшійся до сихъ поръ chef-d'oeuvr'омъ тактики, долженствующимъ погубить Наполеона, — что лагерь этотъ есть безсмыслица и погибель русской арміи.

Князь Андрей пріѣхалъ въ квартиру генерала Бенигсена, занимавшаго небольшой помѣщичій домъ на самомъ берегу рѣки. Ни Бенигсена, ни государя не было тамъ; но Чернышовъ, флигель-адъютантъ государя, принялъ Болконскаго и объявилъ ему, что государь поѣхалъ съ генераломъ Бенигсеномъ и съ маркизомъ Паулучи другой разъ въ нынѣшній день для объѣзда укрѣпленій дрисскаго лагеря, въ удобности котораго начинали сильно сомнѣваться.

Чернышовъ сидѣлъ съ книгой французскаго романа у окна первой комнаты. Комната эта, вѣроятно, прежде была залой; въ ней еще стоялъ органъ, на который навалены были какіе-то ковры, и въ одномъ углу стояла складная кровать адъютанта Бенигсена. Этотъ адъютантъ былъ тутъ. Онъ, видно замученный пирушкой или дѣломъ, сидѣлъ на свернутой постели и дремалъ. Изъ залы вели двѣ двери: одна прямо — въ бывшую гостиную, другая направо—въ кабинетъ. Изъ первой двери слышались голоса разговаривающихъ по-нѣмецки и изрѣдка по-французски. Тамъ, въ бывшей гостиной, были собраны по желанію государя не военный совѣтъ (государь любилъ неопредѣленность), но нѣкоторыя лица, которыхъ мнѣнія, въ предстоящихъ затрудненіяхъ, онъ желалъ знать. Это не былъ военный совѣтъ, но какъ бы совѣтъ избранныхъ для уясненія нѣкоторыхъ вопросовъ лично для государя. На этотъ полусовѣтъ были приглашены: шведскій генералъ Армфельдъ, генералъ-адъютантъ Вольцогенъ, Винценгероде, котораго Наполеонъ называлъ бѣглымъ французскимъ подданнымъ, Мишо, Толь, вовсе не военный человѣкъ графъ Штейнъ и, наконецъ, самъ Пфуль, который, какъ слышалъ князь Андрей, былъ la cheville ouvrière [1]) всего дѣла. Князь Андрей имѣлъ случай хорошо разсмотрѣть его, такъ какъ Пфуль вскорѣ послѣ него пріѣхалъ и прошелъ въ гостиную, остановившись на минуту поговорить съ Чернышовымъ.

---

[1]) Главной пружиной.

Пфуль съ перваго взгляда, въ своемъ русскомъ генеральскомъ, дурно сшитомъ мундирѣ, который нескладно, какъ на наряженномъ, сидѣлъ на немъ, показался князю Андрею какъ будто знакомымъ, хотя онъ никогда не видалъ его. Въ немъ былъ и Вейротеръ, и Макъ, и Шмидтъ, и много другихъ нѣмецкихъ теоретиковъ-генераловъ, которыхъ князю Андрею удалось видѣть въ 1805-мъ году: но онъ былъ типичнѣе всѣхъ ихъ. Такого нѣмца-теоретика, соединявшаго въ себѣ все, что было въ тѣхъ нѣмцахъ, еще не видалъ никогда князь Андрей.

Пфуль былъ невысокъ ростомъ, очень худъ, но ширококостъ, грубаго, здороваго сложенія, съ широкимъ тазомъ и костлявыми лопатками. Лицо у него было очень морщинисто, съ глубоко-вставленными глазами. Волосы его спереди у висковъ, очевидно, торопливо были приглажены щеткой, сзади же наивно торчали кисточками. Онъ, безпокойно и сердито оглядываясь, вошелъ въ комнату, какъ будто онъ всего боялся въ большой комнатѣ, куда онъ вошелъ. Онъ, неловкимъ движеніемъ придерживая шпагу, обратился къ Чернышову, спрашивая по-нѣмецки, гдѣ государь. Ему, видно было, какъ можно скорѣе хотѣлось пройти комнаты, окончить поклоны и привѣтствія и сѣсть за дѣло передъ картой, гдѣ онъ чувствовалъ себя на мѣстѣ. Онъ поспѣшно кивалъ головой на слова Чернышова и иронически улыбался, слушая его слова о томъ, что государь осматриваетъ укрѣпленія, которыя онъ самъ, Пфуль, заложилъ по своей теоріи. Онъ что-то басисто и круто, какъ говорятъ самоувѣренные нѣмцы, проворчалъ про себя: Dummkopf... или: zu Grunde die ganze Geschichte... или: s'wird was gescheites d'raus werden...[1]). Князь Андрей не разслышалъ и хотѣлъ пройти, но Чернышовъ познакомилъ князя Андрея съ Пфулемъ, замѣтивъ, что князь Андрей пріѣхалъ изъ Турціи, гдѣ такъ счастливо кончена война. Пфуль чуть взглянулъ не столько на князя Андрея, сколько черезъ него, и проговорилъ смѣясь: «Da muss ein schöner tactischer Krieg gewesen sein»[2]). И, засмѣявшись презрительно, прошелъ въ комнату, изъ которой слышались голоса.

Видно, Пфуль, уже всегда готовый на ироническое раздраженіе, нынче былъ особенно возбужденъ тѣмъ, что осмѣлились безъ него осматривать его лагерь и судить о немъ. Князь Андрей по одному короткому этому свиданію съ Пфулемъ, благодаря своимъ аустерлицкимъ воспоминаніямъ, составилъ себѣ

---

[1]) Дурацкая голова... или: погибнетъ все дѣло... ужъ изъ этого что-нибудь безобразное да выйдетъ.

[2]) То-то, должно-быть, была война по всѣмъ правиламъ тактики.

ясную характеристику этого человѣка. Пфуль былъ одинъ изъ тѣхъ безнадежно, неизмѣнно, до мученичества самоувѣренныхъ людей, которыми только бываютъ нѣмцы, и потому именно, что только нѣмцы бываютъ самоувѣренными на основаніи отвлеченной идеи — науки, то-есть мнимаго знанія совершенной истины. Французъ бываетъ самоувѣренъ потому, что онъ почитаетъ себя лично, какъ умомъ, такъ и тѣломъ, непреодолимо-обворожительнымъ какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Англичанинъ самоувѣренъ на томъ основаніи, что онъ есть гражданинъ благоустроеннѣйшаго государства въ мірѣ, и потому, какъ англичанинъ, знаетъ всегда, что ему дѣлать нужно, и знаетъ, что все, что̀ онъ дѣлаетъ, какъ англичанинъ, несомнѣнно хорошо. Итальянецъ самоувѣренъ потому, что онъ взволнованъ и забываетъ легко и себя и другихъ. Русскій самоувѣренъ именно потому, что онъ ничего не знаетъ и знать не хочетъ, потому что не вѣритъ, чтобы можно было знать что-нибудь. Нѣмецъ самоувѣренъ хуже всѣхъ, тверже всѣхъ и противнѣе всѣхъ, потому что онъ воображаетъ, что знаетъ истину — науку, которую онъ самъ выдумалъ, но которая для него есть абсолютная истина.

Таковъ, очевидно, былъ Пфуль. У него была наука—теорія облическаго движенія, выведенная имъ изъ исторіи войнъ Фридриха Великаго, и все, что̀ встрѣчалось ему въ новѣйшей военной исторіи, казалось ему безсмыслицей, варварствомъ, безобразнымъ столкновеніемъ, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ было сдѣлано столько ошибокъ, что войны эти не могли быть названы войнами: онѣ не подходили подъ теорію и не могли служить предметомъ науки.

Въ 1806-мъ году Пфуль былъ одинъ изъ составителей плана войны, кончившейся Іеной и Ауерштетомъ; но въ исходѣ этой войны онъ не видѣлъ ни малѣйшаго доказательства неправильности своей теоріи. Напротивъ, сдѣланныя отступленія отъ его теоріи, по его понятіямъ, были единственной причиной всей неудачи, и онъ съ свойственной ему радостной ироніей говорилъ: «Ich sagte ja, dass die ganze Geschichte zum Teufel gehen werde»[1]). Пфуль былъ одинъ изъ тѣхъ теоретиковъ, которые такъ любятъ свою теорію, что забываютъ цѣль теоріи — приложеніе ея къ практикѣ; онъ въ любви къ теоріи ненавидѣлъ всякую практику и знать ея не хотѣлъ. Онъ даже радовался неуспѣху, потому что неуспѣхъ, происходившій отъ отступленія въ практикѣ отъ теоріи, доказывалъ ему только справедливость его теоріи.

---

[1]) Вѣдь я же говорилъ, что все дѣло пойдетъ къ чорту.

Онъ сказалъ нѣсколько словъ съ княземъ Андреемъ и Чернышовымъ о настоящей войнѣ съ выраженіемъ человѣка, который знаетъ впередъ, что все будетъ скверно и что онъ даже недоволенъ этимъ. Торчавшія на затылкѣ непричесанныя кисточки волосъ и торопливо причесанные височки особенно краснорѣчиво говорили это.

Онъ прошелъ въ другую комнату, и оттуда тотчасъ же послышались басистые ворчливые звуки его голоса.

XI.

Не успѣлъ князь Андрей проводитъ глазами Пфуля, какъ въ комнату поспѣшно вошелъ графъ Бенигсенъ и, кивнувъ головой Болконскому, не останавливаясь, прошелъ въ кабинетъ, отдавая какія-то приказанія своему адъютанту. Государь ѣхалъ за нимъ, и Бенигсенъ поспѣшилъ впередъ, чтобы приготовить кое-что и успѣть встрѣтить государя. Чернышовъ и князь Андрей вышли на крыльцо. Государь съ усталымъ видомъ слѣзалъ съ лошади. Маркизъ Паулучи что-то говорилъ государю. Государь, склонивъ голову налѣво, съ недовольнымъ видомъ слушалъ Паулучи, говорившаго съ особеннымъ жаромъ. Государь тронулся впередъ, видимо желая окончить разговоръ; но раскраснѣвшійся, взволнованный итальянецъ, забывая приличія, шелъ за нимъ, продолжая говорить:

— Quant à celui qui a conseillé ce camp, le camp de Drissa,— говорилъ Паулучи въ то время, какъ государь, входя на ступеньки и замѣтивъ князя Андрея, вглядывался въ незнакомое ему лицо. — Quant à celui, Sire, — продолжалъ Паулучи съ отчаянностью, какъ будто не въ силахъ удержаться,—qui a conseillé le camp de Drissa, je ne vois pas d'autre alternative que la maison jaune ou le gibet [1]).

Не дослушавъ и какъ будто не слыхавъ словъ итальянца, государь, узнавъ Болконскаго, милостиво обратился къ нему:

— Очень радъ тебя видѣть; пройди туда, гдѣ они собрались, и подожди меня.

Государь прошелъ въ кабинетъ. За нимъ прошелъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій, баронъ Штейнъ, и за ними затворились двери. Князь Андрей, пользуясь разрѣшеніемъ госу-

---

1) Что касается того человѣка, который присовѣтовалъ лагерь при Дриссѣ, то съ нимъ, по моему мнѣнію, надо сдѣлать одно изъ двухъ: или въ желтый домъ, или на висѣлицу.

даря, прошелъ съ Паулучи, котораго онъ зналъ по Турціи, въ гостиную, гдѣ собрался совѣтъ.

Князь Петръ Михайловичъ Волконскій занималъ должность какъ бы начальника штаба государя. Волконскій вышелъ изъ кабинета и, принеся въ гостиную карты и расположивъ ихъ на столѣ, передалъ вопросы, на которые онъ желалъ слышать мнѣніе собранныхъ господъ. Дѣло было въ томъ, что въ ночь было получено извѣстіе (впослѣдствіи оказавшееся ложнымъ) о движеніи французовъ въ обходъ дрисскаго лагеря.

Первый началъ говорить генералъ Армфельдъ, неожиданно, во избѣжаніе представившагося затрудненія, предложивъ совершенно новую, ничѣмъ (кромѣ какъ желаніемъ показать, что онъ тоже можетъ имѣть мнѣніе) необъяснимую позицію въ сторонѣ отъ Петербургской и Московской дорогъ, на которой, по его мнѣнію, армія должна была, соединившись, ожидать непріятеля. Видно было, что этотъ планъ давно былъ составленъ Армфельдомъ и что онъ теперь изложилъ его не столько съ цѣлью отвѣчать на предлагаемые вопросы, на которые планъ этотъ не отвѣчалъ, сколько съ цѣлью воспользоваться случаемъ высказать его. Это было одно изъ милліоновъ предложеній, которыя такъ же основательно, какъ и другія, можно было дѣлать, не имѣя понятія о томъ, какой характеръ приметъ война. Нѣкоторые оспаривали его мнѣніе, нѣкоторые защищали его. Молодой полковникъ Толь горячѣе другихъ оспаривалъ мнѣніе шведскаго генерала и во время спора досталъ изъ бокового кармана исписанную тетрадь, которую онъ попросилъ позволенія прочесть. Въ пространно составленной запискѣ Толь предлагалъ другой, совершенно противный и плану Армфельда и Пфуля, планъ кампаніи. Паулучи, возражая Толю, предложилъ планъ движенія впередъ и атаки, которая одна, по его словамъ, могла вывести насъ изъ неизвѣстности и западни, какъ онъ называлъ дрисскій лагерь, въ которой мы находились. Пфуль во время этихъ споровъ и его переводчикъ Вольцогенъ (его мостъ въ придворномъ отношеніи) молчали. Пфуль только презрительно фыркалъ и отворачивался, показывая, что онъ никогда не унизится до возраженія противъ того вздора, который онъ теперь слышитъ. Но когда князь Волконскій, руководившій преніями, вызвалъ его на изложеніе своего мнѣнія, онъ только сказалъ:

— Что же меня спрашивать? Генералъ Армфельдъ предложилъ прекрасную позицію съ открытымъ тыломъ, или атаку von diesem italienischen Herrn,—sehr schön [1]), или оступленіе—

---

[1]) Этого итальянскаго господина. Отлично.

auch gut [1]). Что жъ меня спрашивать?—сказалъ онъ.—Вѣдь вы сами знаете все лучше меня.

Но когда Волконскій нахмурившись сказалъ, что онъ спрашиваетъ его мнѣнія отъ имени государя, то Пфуль всталъ и, вдругъ одушевившись, началъ говорить:

— Все испортили, все спутали, всѣ хотѣли знать лучше меня, а теперь пришли ко мнѣ. Какъ поправить? Нечего поправлять. Надо исполнять въ точности по основаніямъ, изложеннымъ мною,—говорилъ онъ, стуча костлявыми пальцами по столу.—Въ чемъ затрудненіе? Вздоръ, Kinderspiel [2]).

Онъ подошелъ къ картѣ и сталъ быстро говорить, тыкая сухимъ пальцемъ по картѣ и доказывая, что никакая случайность не можетъ измѣнить цѣлесообразности дрисскаго лагеря, что все предвидѣно и что ежели непріятель дѣйствительно пойдетъ въ обходъ, то непріятель долженъ быть неминуемо уничтоженъ.

Паулучи, не знавшій по-нѣмецки, сталъ спрашивать его по-французски. Вольцогенъ подошелъ на помощь своему принципалу, плохо говорившему по-французски, и сталъ переводить его слова, едва поспѣвая за Пфулемъ, который быстро доказывалъ, что все, все,—не только то, что случилось, но все, что только могло случиться,—все было предвидѣно въ его планѣ, и что ежели теперь были затрудненія, то вся вина была только въ томъ, что не въ точности все исполнено. Онъ безпрестанно иронически смѣялся, доказывалъ и, наконецъ, презрительно бросилъ доказывать, какъ бросаетъ математикъ повѣрять различными способами разъ доказанную вѣрность задачи. Вольцогенъ замѣнилъ его, продолжая излагать по-французски его мысли и изрѣдка говоря Пфулю: «nicht wahr, Exellenz» [3]). Пфуль, какъ въ бою разгоряченный человѣкъ бьетъ по своимъ, сердито кричалъ и на своего, на Вольцогена:

— Nun ja, was soll denn da noch expliziert werden? [4])

Паулучи и Мишо въ два голоса нападали на Вольцогена по-французски. Армфельдъ по-нѣмецки обращался къ Пфулю. Толь по-русски объяснялъ князю Волконскому. Князь Андрей молча слушалъ и наблюдалъ.

Изъ всѣхъ этихъ лицъ болѣе всѣхъ возбуждалъ участіе въ князѣ Андреѣ озлобленный, рѣшительный и безтолково-самоувѣ-

---

[1]) Тоже хорошо.
[2]) Дѣтская игра.
[3]) Не правда ли, ваше превосходительство?
[4]) Ну да, что же тамъ еще-то объяснять?

ренный Пфуль. Онъ одинъ изъ всѣхъ здѣсь присутствующихъ лицъ, очевидно, ничего не желалъ для себя, ни къ кому не питалъ вражды, а только желалъ одного — приведенія въ дѣйствіе плана, выведеннаго изъ теоріи, выведенной имъ годами трудовъ. Онъ былъ смѣшонъ, былъ непріятенъ своею ироничностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ внушалъ невольное уваженіе своею безпредѣльною преданностью идеѣ. Кромѣ того, во всѣхъ рѣчахъ всѣхъ говорившихъ была, за исключеніемъ Пфуля, одна общая черта, которой не было на военномъ совѣтѣ въ 1805-мъ году— это былъ теперь, хотя и скрываемый, но паническій страхъ передъ геніемъ Наполеона, который высказывался въ каждомъ возраженіи. Предполагали для Наполеона все возможнымъ, ждали его со всѣхъ сторонъ и его страшнымъ именемъ разрушали предположенія одинъ другого. Одинъ Пфуль, казалось, и Наполеона считалъ такимъ же варваромъ, какъ и всѣхъ оппонентовъ своей теоріи. Но, кромѣ чувства уваженія, Пфуль внушалъ князю Андрею и чувство жалости. По тому тону, съ которымъ съ нимъ обращались придворные, по тому, что позволилъ себѣ сказать Паулучи императору, но главное—по нѣкоторой отчаянности выраженій самого Пфуля видно было, что другіе знали, и онъ самъ чувствовалъ, что паденіе его близко. И, несмотря на свою самоувѣренность и нѣмецкую, ворчливую ироничность, онъ былъ жалокъ съ своими приглаженными волосами на височкахъ и торчащими на затылкѣ кисточками. Онъ, видимо, хотя и скрывалъ это подъ видомъ раздраженія и презрѣнія, онъ былъ въ отчаяніи — оттого, что единственный теперь случай провѣрить на огромномъ опытѣ и доказать всему міру вѣрность своей теоріи ускользалъ отъ него.

Пренія продолжались долго, и чѣмъ дольше они продолжались, тѣмъ больше разгорались споры, доходившіе до криковъ и личностей, и тѣмъ менѣе было возможно вывести какое-нибудь общее заключеніе изъ всего сказаннаго. Князь Андрей, слушая этотъ разноязычный говоръ и эти предположенія, планы и опроверженія и крики, только удивлялся тому, что они всѣ говорили. Тѣ давно и часто приходившія ему во время его военной дѣятельности мысли, что нѣтъ и не можетъ быть никакой военной науки и поэтому не можетъ быть никакого такъ называемаго военнаго генія, теперь получили для него совершенную очевидность истины. «Какая же могла быть теорія и наука въ дѣлѣ, котораго условія и обстоятельства неизвѣстны и не могутъ быть опредѣлены, въ которомъ сила дѣятелей войны еще менѣе можетъ быть опредѣлена? Никто не могъ и не можетъ знать, въ какомъ будетъ положеніи наша и непріятельская армія черезъ

день, и никто не можетъ знать, какая есть сила этого или того отряда. Иногда, когда нѣтъ труса впереди, который закричитъ: «мы отрѣзаны!» и побѣжитъ, а есть веселый, смѣлый человѣкъ впереди, который крикнетъ: «ура!»—отрядъ въ 5 тысячъ стóитъ 30 тысячъ, какъ подъ Шенграбеномъ; а иногда 50 тысячъ бѣгутъ передъ 8-ю, какъ подъ Аустерлицемъ. Какая же можетъ быть наука въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ, какъ во всякомъ практическомъ дѣлѣ, ничто не можетъ быть опредѣлено и все зависитъ отъ безчисленныхъ условій, значеніе которыхъ опредѣляется въ одну минуту, про которую никто не знаетъ, когда она наступитъ. Армфельдъ говоритъ, что наша армія отрѣзана, а Паулучи говоритъ, что мы поставили французскую армію между двухъ огней; Мишо говоритъ, что негодность дрисскаго лагеря состоитъ въ томъ, что рѣка позади, а Пфуль говоритъ, что въ этомъ его сила. Толь предлагаетъ одинъ планъ, Армфельдъ предлагаетъ другой; и всѣ хороши, и всѣ дурны, и выгоды всякаго предложенія могутъ быть очевидны только въ тотъ моментъ, когда совершится событіе. И отчего всѣ говорятъ: геній военный? Развѣ геній тотъ человѣкъ, который вò-время умѣетъ велѣть подвезти сухари и идти тому направо, тому налѣво? Оттого только, что военные люди облечены блескомъ и властью и массы подлецовъ льстятъ власти, придавая ей несвойственныя качества генія. Напротивъ, лучшіе генералы, которыхъ я зналъ,—глупые или разсѣянные люди. Лучшій—Багратіонъ, самъ Наполеонъ призналъ это. А самъ Бонапарте! Я помню самодовольное и ограниченное его лицо на Аустерлицкомъ полѣ. Не только генія и какихъ-нибудь качествъ особенныхъ не нужно хорошему полководцу, но, напротивъ, ему нужно отсутствіе самыхъ высшихъ, лучшихъ человѣческихъ качествъ — любви, поэзіи, нѣжности, философскаго, пытливаго сомнѣнія. Онъ долженъ быть ограниченъ, твердо увѣренъ въ томъ, что то, чтò онъ дѣлаетъ, очень важно (иначе у него недостанетъ терпѣнія), и тогда только онъ будетъ храбрый полководецъ. Избави Богъ, коли онъ человѣкъ,—полюбитъ кого-нибудь, пожалѣетъ, подумаетъ о томъ, чтò справедливо и нѣтъ. Понятно, что изстари еще для нихъ поддѣлали теорію геніевъ, потому что они—власть. Заслуга въ успѣхѣ военнаго дѣла зависитъ не отъ нихъ, а отъ того человѣка, который въ рядахъ закричитъ: пропали, или закричитъ: ура! И только въ этихъ рядахъ можно служить съ увѣренностью, что ты полезенъ!»

Такъ думалъ князь Андрей, слушая толки, и очнулся только тогда, когда Паулучи позвалъ его и всѣ уже расходились.

На другой день на смотру государь спросилъ у князя Андрея, гдѣ онъ желаетъ служить, и князь Андрей навѣки потерялъ себя въ придворномъ мірѣ, не попросивъ остаться при особѣ государя, а попросивъ позволенія служить въ арміи.

XII.

Ростовъ передъ открытіемъ кампаніи получилъ письмо отъ родителей, въ которомъ, кратко извѣщая его о болѣзни Наташи и о разрывѣ съ княземъ Андреемъ (разрывъ этотъ объясняли ему отказомъ Наташи), они опять просили его выйти въ отставку и пріѣхать домой. Николай, получивъ это письмо, и не попытался проситься въ отпускъ или отставку, а написалъ родителямъ, что очень жалѣетъ о болѣзни и разрывѣ Наташи съ ея женихомъ и что онъ сдѣлаетъ все возможное для того, чтобы исполнить ихъ желаніе. Сонѣ онъ писалъ отдѣльно.

«Обожаемый другъ души моей», писалъ онъ. «Ничто, кромѣ чести, не могло бы удержать меня отъ возвращенія въ деревню. Но теперь, передъ открытіемъ кампаніи, я бы счелъ себя безчестнымъ не только передъ всѣми товарищами, но и передъ самимъ собою, ежели бы я предпочелъ свое счастье своему долгу и любви къ отечеству. Но эта—послѣдняя разлука. Вѣрь, что тотчасъ послѣ войны, ежели я буду живъ и все любимъ тобою, я брошу все и прилечу къ тебѣ, чтобы прижать тебя уже навсегда къ моей пламенной груди».

Дѣйствительно, только открытіе кампаніи задержало Ростова и помѣшало ему пріѣхать — какъ онъ обѣщалъ — и жениться на Сонѣ. Отрадненская осень съ охотой и зима со святками и съ любовью Сони открыла ему перспективу тихихъ дворянскихъ радостей и спокойствія, которыхъ онъ не зналъ прежде и которыя теперь манили его къ себѣ. «Славная жена, дѣти, добрая стая гончихъ, лихія десять-двѣнадцать своръ борзыхъ, хозяйство, сосѣди, служба по выборамъ...» думалъ онъ. Но теперь была кампанія, и надо было оставаться въ полку. А такъ какъ это надо было, то Николай Ростовъ по своему характеру былъ доволенъ и тою жизнью, которую онъ велъ въ полку, и сумѣлъ сдѣлать себѣ эту жизнь пріятною.

Пріѣхавъ изъ отпуска, радостно встрѣченный товарищами, Николай былъ посланъ за ремонтомъ и изъ Малороссіи привелъ отличныхъ лошадей, которыя радовали его и заслужили ему похвалы отъ начальства. Въ отсутствіе его онъ былъ произве-

денъ въ ротмистры, и когда полкъ былъ поставленъ на военное положеніе съ увеличеннымъ комплектомъ, онъ опять получилъ свой прежній эскадронъ.

Началась кампанія, полкъ былъ двинутъ въ Польшу, выдавалось двойное жалованье, прибыли новые офицеры, новые люди, лошади, и, главное, распространилось то возбужденно-веселое настроеніе, которое сопутствуетъ началу войны; и Ростовъ, сознавая свое выгодное положеніе въ полку, весь предался удовольствіямъ и интересамъ военной службы, хотя и зналъ, что рано или поздно придется ихъ покинуть.

Войска отступали отъ Вильны по разнымъ сложнымъ—государственнымъ, политическимъ и тактическимъ—причинамъ. Каждый шагъ отступленія сопровождался сложной игрой интересовъ, умозаключеній и страстей въ главномъ штабѣ. Для гусаръ же Павлоградскаго полка весь этотъ отступательный походъ, въ лучшую пору лѣта, съ достаточнымъ продовольствіемъ, былъ самымъ простымъ и веселымъ дѣломъ. Унывать, безпокоиться и интриговать могли только въ главной квартирѣ, а въ глубокой арміи и не спрашивали себя—куда, зачѣмъ идутъ. Если жалѣли, что отступаютъ, то только потому, что надо было выходить изъ обжитой квартиры, отъ хорошенькой панны. Ежели и приходило кому-нибудь въ голову, что дѣла плохи, то, какъ слѣдуетъ хорошему военному человѣку, тотъ, кому это приходило въ голову, тотъ старался быть веселъ и не думать объ общемъ ходѣ дѣлъ, а думать о своемъ ближайшемъ дѣлѣ. Сначала весело стояли подлѣ Вильны, заводя знакомства съ польскими помѣщиками и ожидая и отбывая смотры государя и другихъ высшихъ командировъ. Потомъ пришелъ приказъ отступить къ Свенціанамъ и истреблять провіантъ, который нельзя было увезти. Свенціаны памятны были гусарамъ только потому, что это былъ *Пьяный лагерь*, какъ прозвала вся армія стоянку у Свенціанъ, и потому, что въ Свенціанахъ много было жалобъ на войска за то, что они, воспользовавшись приказаніемъ отбирать провіантъ, въ числѣ провіанта забирали и лошадей, и экипажи, и ковры у польскихъ пановъ. Ростовъ помнилъ Свенціаны потому, что онъ въ первый день вступленія въ это мѣстечко смѣнилъ вахмистра и не могъ справиться съ перепившимися всѣми людьми эскадрона, которые безъ его вѣдома увезли пять бочекъ стараго пива. Отъ Свенціанъ отступали дальше и дальше до Дриссы, и опять отступили отъ Дриссы, уже приближаясь къ русскимъ границамъ.

13-го іюля павлоградцамъ въ первый разъ пришлось быть въ серьезномъ дѣлѣ.

12-го іюля въ ночь, наканунѣ дѣла, была сильная буря съ дождемъ и градомъ. Лѣто 1812 года вообще было замѣчательно бурями.

Павлоградскіе два эскадрона стояли биваками среди выбитаго до тла скотомъ и лошадьми, уже выколосившагося ржаного поля. Дождь лилъ ливнемъ, и Ростовъ съ покровительствуемымъ имъ молодымъ офицеромъ Ильинымъ сидѣлъ подъ сгороженнымъ на скорую руку шалашикомъ. Офицеръ ихъ полка, съ длинными усами, продолжавшимися отъ щекъ, ѣздившій въ штабъ и застигнутый дождемъ, зашелъ къ Ростову.

— Я, графъ, изъ штаба. Слышали подвигъ Раевскаго?

И офицеръ разсказалъ подробности Салтановскаго сраженія, слышанныя въ штабѣ.

Ростовъ, пожимаясь шеей, за которую затекала вода, курилъ трубку и слушалъ невнимательно, изрѣдка поглядывая на молодого офицера Ильина, который жался около него. Офицеръ этотъ, 16-тилѣтній мальчикъ, недавно поступившій въ полкъ, былъ теперь въ отношеніи Николая тѣмъ, чѣмъ былъ Николай въ отношеніи къ Денисову семь лѣтъ тому назадъ. Ильинъ старался во всемъ подражать Ростову и, какъ женщина, былъ влюбленъ въ него.

Офицеръ съ длинными усами, Здржинскій, разсказывалъ напыщенно о томъ, какъ Салтановская плотина была Ѳермопилами русскихъ, какъ на этой плотинѣ былъ совершонъ генераломъ Раевскимъ поступокъ, достойный древности. Здржинскій разсказывалъ поступокъ Раевскаго, который вывелъ на плотину своихъ двухъ сыновей подъ страшный огонь и съ ними рядомъ пошелъ въ атаку. Ростовъ слушалъ разсказъ и не только ничего не говорилъ въ подтвержденіе восторга Здржинскаго, но, напротивъ, имѣлъ видъ человѣка, который стыдится того, что ему разсказываютъ, хотя и не намѣренъ возражать. Ростовъ послѣ Аустерлицкой и 1807 года кампаній зналъ по своему собственному опыту, что, разсказывая военныя происшествія, всегда врутъ, какъ и самъ онъ вралъ, разсказывая; во-вторыхъ, онъ имѣлъ настолько опытности, что зналъ, какъ все происходитъ на войнѣ, совсѣмъ не такъ, какъ мы можемъ воображать и разсказывать. И потому ему не нравился разсказъ Здржинскаго, не нравился и самъ Здржинскій, который, съ своими усами отъ щекъ, по своей привычкѣ, низко нагибался надъ лицомъ того, кому онъ разсказывалъ, и тѣснилъ его въ тѣсномъ шалашѣ. Ростовъ молча смотрѣлъ на него. «Во-первыхъ, на плотинѣ, которую атаковали, должна была быть, вѣрно, такая путаница и тѣснота, что ежели Раевскій и вывелъ сыновей, то это ни на

кого не могло подѣйствовать, кромѣ какъ человѣкъ па десять, которые были около самого его», думалъ Ростовъ; «остальные и не могли видѣть, какъ и съ кѣмъ шелъ Раевскій по плотинѣ. Но и тѣ, которые видѣли это, не могли очень воодушевиться, потому что что имъ было за дѣло до нѣжныхъ, родительскихъ чувствъ Раевскаго, когда тутъ дѣло шло о собственной шкурѣ? Потомъ, отъ того, что возьмутъ или не возьмутъ Салтановскую плотину, не зависѣла судьба отечества, какъ намъ описываютъ это про Өермопилы. И, стало-быть, зачѣмъ же было приносить такую жертву? И потомъ, зачѣмъ тутъ, на войнѣ, мѣшать своихъ дѣтей? Я бы не только Петю, брата, не повелъ бы, но и Ильина даже, этого чужого мнѣ, но добраго мальчика, постарался бы поставить куда-нибудь подъ защиту», продолжалъ думать Ростовъ, слушая Здржинскаго. Но онъ не сказалъ своихъ мыслей: онъ и на это уже имѣлъ свой опытъ. Онъ зналъ, что этотъ разсказъ содѣйствовалъ къ прославленію нашего оружія, и потому надо было дѣлать видъ, что не сомнѣваешься въ немъ. Такъ онъ и дѣлалъ.

— Однако мочи нѣтъ, — сказалъ Ильинъ, замѣчавшій, что Ростову не нравится разговоръ Здржинскаго.—И чулки, и рубашка, и подъ меня подтекло. Пойду искать пріюта. Кажется, дождикъ полегче.

Ильинъ вышелъ, и Здржинскій уѣхалъ.

Черезъ пять минутъ Ильинъ, шлепая по грязи, прибѣжалъ къ шалашу.

— Ура! Ростовъ, идемъ скорѣе. Нашелъ! Вотъ тутъ шаговъ двѣсти корчма, ужъ туда забрались наши. Хоть посушимся; и Марья Генриховна тамъ.

Марья Генриховна была жена полкового доктора, молодая хорошенькая нѣмка, на которой докторъ женился въ Польшѣ. Докторъ или оттого, что не имѣлъ средствъ, или оттого, что не хотѣлъ первое время женитьбы разлучаться съ молодой женой, возилъ ее вездѣ за собой при гусарскомъ полку, и ревность доктора сдѣлалась обычнымъ предметомъ шутокъ между гусарскими офицерами.

Ростовъ накинулъ плащъ, кликнулъ за собой Лаврушку съ вещами и пошелъ съ Ильинымъ, гдѣ раскатываясь по грязи, гдѣ прямо шлепая подъ утихавшимъ дождемъ, въ темнотѣ вечера, изрѣдка нарушаемой далекими молніями.

— Ростовъ, ты гдѣ?

— Здѣсь. Какова молнія! — переговаривались они.

XIII.

Въ корчмѣ, передъ которой стояла кибитка доктора, уже было человѣкъ пять офицеровъ. Марья Генриховна, полная, бѣлокурая нѣмочка, въ кофточкѣ и ночномъ чепчикѣ, сидѣла въ переднемъ углу на широкой лавкѣ. Мужъ ея, докторъ, спалъ позади нея. Ростовъ съ Ильинымъ, встрѣченные веселыми восклицаніями и хохотомъ, вошли въ комнату.

— И... да у васъ какое веселье,—смѣясь сказалъ Ростовъ.

— А вы что зѣваете?

— Хороши! такъ и течетъ съ нихъ! Гостиную нашу не замочите.

— Марьи Генриховны платье не запачкать,—отвѣчали голоса.

Ростовъ съ Ильинымъ поспѣшили найти уголокъ, гдѣ бы они, не нарушая скромности Марьи Генриховны, могли перемѣнить мокрое платье. Они пошли было за перегородку, чтобы переодѣться; но въ маленькомъ чуланчикѣ, наполняя его весь, съ одной свѣчкой на пустомъ ящикѣ, сидѣли три офицера, играя въ карты, и ни за что не хотѣли уступить свое мѣсто. Марья Генриховна уступила на время свою юбку, чтобы употребить ее вмѣсто занавѣски, и за этой занавѣской Ростовъ и Ильинъ съ помощью Лаврушки, принесшаго вьюки, сняли мокрое и надѣли сухое платье.

Въ разломанной печкѣ разложили огонь. Достали доску, утвердивъ ее на двухъ сѣдлахъ, покрыли попоной, достали самоварчикъ, погребецъ и полбутылки рому, и, попросивъ Марью Генриховну быть хозяйкой, всѣ столпились около нея. Кто предлагалъ ей чистый носовой платокъ, чтобы обтирать прелестныя ручки; кто подъ ножки подкладывалъ ей венгерку, чтобы не было сыро; кто плащомъ завѣшивалъ окно, чтобы не дуло; кто обмахивалъ мухъ съ лица ея мужа, чтобы онъ не проснулся.

— Оставьте его,—говорила Марья Генриховна, робко и счастливо улыбаясь:—онъ и такъ спитъ хорошо послѣ безсонной ночи.

— Нельзя, Марья Генриховна,—отвѣчалъ офицеръ:—надо доктору прислужиться. Все, можетъ-быть, и онъ меня пожалѣетъ, когда ногу или руку рѣзать станетъ.

Стакановъ было только три; вода была такая грязная, что нельзя было рѣшить, когда крѣпокъ или некрѣпокъ чай, и въ самоварѣ воды было только на шесть стакановъ, но тѣмъ пріят-

нѣе было по очереди и старшинству получать свой стаканъ изъ пухлыхъ съ короткими, не совсѣмъ чистыми ногтями ручекъ Марьи Генриховны. Всѣ офицеры, казалось, и дѣйствительно были влюблены въ этотъ вечеръ въ Марью Генриховну. Даже тѣ офицеры, которые играли за перегородкой въ карты, скоро бросили игру и перешли къ самовару, подчиняясь общему настроенію ухаживанья за Марьей Генриховной. Марья Генриховна, видя себя окруженной такой блестящей и учтивой молодежью, сіяла счастьемъ, какъ она ни старалась скрывать этого и какъ ни очевидно робѣла при каждомъ сонномъ движеніи спавшаго за ней мужа.

Ложка была только одна; сахару было больше всего, но размѣшивать его не успѣвали, и потому было рѣшено, что она будетъ поочередно мѣшать сахаръ каждому. Ростовъ, получивъ свой стаканъ и подливъ въ него рому, попросилъ Марью Генриховну размѣшать.

— Да вѣдь вы безъ сахара?—сказала она, все улыбаясь, какъ будто все, что ни говорила она, и все, что ни говорили другіе, было очень смѣшно и имѣло еще другое значеніе.

— Да мнѣ не сахаръ, мнѣ только, чтобъ вы помѣшали своей ручкой.

Марья Генриховна согласилась и стала искать ложку, которую уже захватилъ кто-то.

— Вы пальчикомъ, Марья Генриховна,—сказалъ Ростовъ:— еще пріятнѣе будетъ.

— Горячо! — сказала Марья Генриховна, краснѣя отъ удовольствія.

Ильинъ взялъ ведро съ водой и, капнувъ туда рому, пришелъ къ Марьѣ Генриховнѣ, прося помѣшать пальчикомъ.

— Это моя чашка, — говорилъ онъ. — Только вложите пальчикъ, все выпью.

Когда самоваръ весь выпили, Ростовъ взялъ карты и предложилъ играть въ короли съ Марьей Генриховной. Кинули жребій, кому составлять партію Марьи Генриховны. Правилами игры по предложенію Ростова было то, чтобы тотъ, кто будетъ королемъ, имѣлъ бы право поцѣловать ручку Марьи Генриховны, а чтобы тотъ, кто останется прохвостомъ, шелъ бы ставить новый самоваръ для доктора, когда онъ проснется.

— Ну, а ежели Марья Генриховна будетъ королемъ?—спросилъ Ильинъ.

— Она и такъ королева! И приказанія ея — законъ.

Только что началась игра, какъ изъ-за Марьи Генриховны вдругъ поднялась вспутанная голова доктора. Онъ давно уже

не спалъ и прислушивался къ тому, что говорилось, и видимо не находилъ ничего веселаго, смѣшного или забавнаго во всемъ, что̀ говорилось и дѣлалось. Лицо его было грустно и уныло. Онъ не поздоровался съ офицерами, почесался и попросилъ позволенія выйти, такъ какъ ему загораживали дорогу. Какъ только онъ вышелъ, всѣ офицеры разразились громкимъ хохотомъ, а Марья Генриховна до слезъ покраснѣла и тѣмъ сдѣлалась еще привлекательнѣе на глаза всѣхъ офицеровъ. Вернувшись со двора, докторъ сказалъ женѣ (которая перестала уже такъ счастливо улыбаться и, испуганно ожидая приговора, смотрѣла на него), что дождь прошелъ и что надо идти почевать въ кибитку, а то все растащатъ.

— Да я вѣстового пошлю... двухъ! — сказалъ Ростовъ. — Полноте, докторъ.

— Я самъ стану на часы! — сказалъ Ильинъ.

— Нѣтъ, господа, вы выспались, а я двѣ ночи не спалъ, — сказалъ докторъ и мрачно сѣлъ подлѣ жены, ожидая окончанія игры.

Глядя на мрачное лицо доктора, косившагося на свою жену, офицерамъ стало еще веселѣй, и многіе не могли удержаться отъ смѣха, которому они поспѣшно старались отыскивать благовидные предлоги. Когда докторъ ушелъ, уведя свою жену, и помѣстился съ нею въ кибиточку, офицеры улеглись въ корчмѣ, укрывшись мокрыми шинелями; но долго не спали, то переговариваясь, вспоминая испугъ доктора и веселье докторши, то выбѣгая на крыльцо и сообщая о томъ, что̀ дѣлалось въ кибиточкѣ. Нѣсколько разъ Ростовъ, завертываясь съ головой, хотѣлъ заснуть, но опять чье-нибудь замѣчаніе развлекало его, опять начинался разговоръ, и опять раздавался безпричинный, веселый, дѣтскій хохотъ.

XIV.

Въ 3-мъ часу еще никто не заснулъ, какъ явился вахмистръ съ приказомъ выступать къ мѣстечку Островнѣ.

Все съ тѣмъ же говоромъ и хохотомъ офицеры поспѣшно стали собираться; опять поставили самоваръ на грязной водѣ. Но Ростовъ, не дождавшись чаю, пошелъ къ эскадрону. Уже свѣтало; дождикъ перестаъ, тучи расходились. Было сыро и холодно, особенно въ непросохшемъ платьѣ. Выходя изъ корчмы, Ростовъ и Ильинъ оба въ сумеркахъ разсвѣта заглянули въ

глянцевитую отъ дождя кожаную кибитку, изъ-подъ фартука которой торчали ноги доктора и въ серединѣ которой виднѣлся на подушкѣ чепчикъ докторши и слышалось сонное дыханіе.

— Право, она очень мила!—сказалъ Ростовъ Ильину, выходившему съ нимъ.

— Прелесть какая женщина!—съ шестнадцатилѣтнею серьезностью отвѣчалъ Ильинъ.

Черезъ полчаса выстроенный эскадронъ стоялъ на дорогѣ. Послышалась команда: «садись!» Солдаты перекрестились и стали садиться. Ростовъ, выѣхавъ впередъ, скомандовалъ: «маршъ!» и, вытянувшись въ четыре человѣка, гусары, звуча шлепаньемъ копытъ по мокрой дорогѣ, бренчаньемъ сабель и тихимъ говоромъ, тронулись по большой, обсаженной березами дорогѣ вслѣдъ за шедшей впереди пѣхотой и батареей.

Разорванныя сине-лиловыя тучи, краснѣя на восходѣ, быстро гнались вѣтромъ. Становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе. Ясно виднѣлась та курчавая травка, которая засѣдаетъ всегда по проселочнымъ дорогамъ, еще мокрая отъ вчерашняго дождя; висячія вѣтки березъ, тоже мокрыя, качались отъ вѣтра и роняли въ бокъ отъ себя свѣтлыя капли. Яснѣе и яснѣе обозначались лица солдатъ. Ростовъ ѣхалъ съ Ильинымъ, не отстававшимъ отъ него, стороной дороги, между двойнымъ рядомъ березъ.

Ростовъ въ кампаніи позволялъ себѣ вольность ѣздить не на фронтовой лошади, а на казацкой. И знатокъ, и охотникъ, онъ недавно досталъ себѣ лихую донскую, крупную и добрую игреневую лошадь, на которой никто не обскакивалъ его. Ѣхать на этой лошади было для Ростова наслажденіе. Онъ думалъ о лошади, объ утрѣ, о докторшѣ и ни разу не подумалъ о предстоящей опасности.

Прежде Ростовъ, идя въ дѣло, боялся; теперь онъ не испытывалъ ни малѣйшаго чувства страха. Не оттого онъ не боялся, что онъ привыкъ къ огню (къ опасности нельзя привыкнуть), но оттого, что онъ выучился управлять своей душой передъ опасностью. Онъ привыкъ, идя въ дѣло, думать обо всемъ, исключая того, что́, казалось, было бы интереснѣе всего другого — о предстоящей опасности. Сколько онъ ни старался, ни упрекалъ себя въ трусости, первое время своей службы онъ не могъ этого достигнуть; но съ годами теперь это сдѣлалось само собой. Онъ ѣхалъ теперь рядомъ съ Ильинымъ между березами, изрѣдка отрывая листья съ вѣтокъ, которыя попадались подъ руку, иногда дотрогиваясь ногой до паха лошади, иногда отдавая, не поворачиваясь, докуренную трубку ѣхавшему сзади гусару, съ такимъ спокойнымъ и беззаботнымъ видомъ, какъ

будто онъ ѣхалъ кататься. Ему жалко было смотрѣть на взволнованное лицо Ильина, много и безпокойно говорившаго; онъ по опыту зналъ то мучительное состояніе ожиданія страха и смерти, въ которомъ находился корнетъ, и зналъ, что ничто, кромѣ времени, не поможетъ ему.

Только что солнце показалось на чистой полосѣ изъ-подъ тучи, какъ вѣтеръ стихъ, какъ будто онъ не смѣлъ портить этого прелестнаго послѣ грозы лѣтняго утра; капли еще падали, но уже отвѣсно — и все затихло. Солнце вышло совсѣмъ, показалось на горизонтѣ и исчезло въ узкой и длинной тучѣ, стоявшей надъ нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ солнце еще свѣтлѣе показалось на верхнемъ краѣ тучи, разрывая ея края. Все засвѣтилось и заблестѣло. И вмѣстѣ съ этимъ свѣтомъ, какъ будто отвѣчая ему, раздались впереди выстрѣлы орудій.

Не успѣлъ еще Ростовъ обдумать и опредѣлить, какъ далеки эти выстрѣлы, какъ отъ Витебска прискакалъ адъютантъ графа Остермана-Толстого съ приказаніемъ идти на рысяхъ по дорогѣ.

Эскадронъ объѣхалъ пѣхоту и батарею, также торопившуюся идти скорѣе, спустился подъ гору и, пройдя черезъ какую-то пустую, безъ жителей, деревню, опять поднялся на гору. Лошади стали взмыливаться, люди раскраснѣлись.

— Стой, ровняйся! — послышалась впереди команда дивизіонера. — Лѣвое плечо впередъ, шагомъ маршъ! — скомандовали впереди.

И гусары по линіи войскъ прошли на лѣвый флангъ позиціи и стали позади нашихъ уланъ, стоявшихъ въ первой линіи. Справа стояла наша пѣхота густой колонной, это были резервы; повыше ея на горѣ видны были на чистомъ-чистомъ воздухѣ, въ утреннемъ косомъ и яркомъ освѣщеніи, на самомъ горизонтѣ, наши пушки. Впереди, за лощиной, видны были непріятельскія колонны и пушки. Въ лощинѣ слышна была наша цѣпь, уже вступившая въ дѣло и весело перещелкивающаяся съ непріятелемъ.

Ростову, какъ отъ звуковъ самой веселой музыки, стало весело на душѣ отъ этихъ звуковъ, давно уже не слышанныхъ. «Трапъ-та-та-тапъ!» хлопали то вдругъ, то быстро одинъ за другимъ нѣсколько выстрѣловъ. Опять замолкало все, и опять какъ будто трескались хлопушки, по которымъ ходилъ кто-то.

Гусары простояли около часу на одномъ мѣстѣ. Началась и канонада. Графъ Остерманъ со свитой проѣхалъ сзади эскадрона; остановившись, поговорилъ съ командиромъ полка и отъѣхалъ къ пушкамъ на гору.

Вслѣдъ за отъѣздомъ Остермана у уланъ послышалась команда: «Въ колонну, къ атакѣ — стройся!» Пѣхота впереди ихъ вздвоила взводы, чтобы пропустить кавалерію. Уланы тронулись, колеблясь флюгерами пикъ, и на рысяхъ пошли подъ гору на французскую кавалерію, показавшуюся подъ горой влѣво.

Какъ только уланы сошли подъ гору, гусарамъ велѣно было подвинуться въ гору, въ прикрытіе къ батареѣ. Въ то время, какъ гусары становились на мѣсто уланъ, изъ цѣпи пролетѣли, визжа и свистя, далекія, не попадавшія пули.

Давно неслышанный этотъ звукъ еще радостнѣе и возбудительнѣе подѣйствовалъ на Ростова, чѣмъ прежніе звуки стрѣльбы. Онъ, выпрямившись, разглядывалъ поле сраженія, открывавшееся съ горы, и всей душой участвовалъ въ движеніи уланъ. Уланы близко налетѣли на французскихъ драгунъ, что-то спуталось тамъ въ дыму, и черезъ пять минутъ уланы понеслись назадъ, не къ тому мѣсту, гдѣ они стояли, но лѣвѣе. Между оранжевыми уланами на рыжихъ лошадяхъ и позади ихъ большой кучей видны были синіе французскіе драгуны на сѣрыхъ лошадяхъ.

XV.

Ростовъ своимъ зоркимъ, охотничьимъ глазомъ одинъ изъ первыхъ увидалъ этихъ синихъ французскихъ драгунъ, преслѣдующихъ нашихъ уланъ. Ближе, ближе подвигались разстроенными толпами уланы и французскіе драгуны, преслѣдующіе ихъ. Уже можно было видѣть, какъ эти, казавшіеся подъ горой маленькими, люди сталкивались, нагоняли другъ друга и махали руками или саблями.

Ростовъ, какъ на травлю, смотрѣлъ на то, что дѣлалось передъ нимъ. Онъ чутьемъ чувствовалъ, что ежели ударить теперь съ гусарами на французскихъ драгунъ, они не устоятъ; но ежели ударить, то надо было сейчасъ, сію минуту, иначе будетъ уже поздно. Онъ оглянулся вокругъ себя. Ротмистръ, стоя подлѣ него, точно такъ же не спускалъ глазъ съ кавалеріи внизу.

— Андрей Севастьянычъ, — сказалъ Ростовъ, — вѣдь мы ихъ сомнемъ...

— Лихая бы штука, — сказалъ ротмистръ, — а въ самомъ дѣлѣ...

Ростовъ, не дослушавъ его, толкнулъ лошадь, выскакалъ впередъ эскадрона, и не успѣлъ онъ еще скомандовать движеніе, какъ весь эскадронъ, испытывавшій то же, что и онъ,

тронулся за нимъ. Ростовъ самъ не зналъ, какъ и почему онъ это сдѣлалъ. Все это онъ сдѣлалъ, какъ онъ дѣлалъ на охотѣ, не думая, не соображая. Онъ видѣлъ, что драгуны близко, что они скачутъ, разстроены; онъ зналъ, что они не выдержатъ; онъ зналъ, что была только одна минута, которая не воротится, ежели онъ упуститъ ее. Пули такъ возбудительно визжали и свистѣли вокругъ него, лошадь такъ горячо просилась впередъ, что онъ не могъ выдержать. Онъ тронулъ лошадь, скомандовалъ и въ то же мгновеніе, услыхавъ за собой звукъ топота своего развернутаго эскадрона, на полныхъ рысяхъ сталъ спускаться къ драгунамъ подъ гору. Едва они сошли подъ гору, какъ невольно ихъ аллюръ рыси перешелъ въ галопъ, становившійся все быстрѣе и быстрѣе по мѣрѣ того, какъ они приближались къ своимъ уланамъ и скакавшимъ за ними французскимъ драгунамъ. Драгуны были близко. Передніе, увидавъ гусаръ, стали поворачивать назадъ, задніе—пріостанавливаться. Съ чувствомъ, съ которымъ онъ несся наперерѣзъ волку, Ростовъ, выпустивъ во весь махъ своего донца, скакалъ наперерѣзъ разстроеннымъ рядамъ французскихъ драгунъ. Одинъ уланъ остановился, одинъ пѣшій припалъ къ землѣ, чтобы его не раздавили, одна лошадь безъ сѣдока замѣшалась съ гусарами. Почти всѣ французскіе драгуны скакали назадъ. Ростовъ, выбравъ себѣ одного изъ нихъ на сѣрой лошади, пустился за нимъ. По дорогѣ онъ налетѣлъ на кустъ; добрая лошадь перенесла его черезъ него, и, едва справясь на сѣдлѣ, Николай увидалъ, что онъ черезъ нѣсколько мгновеній догонитъ того непріятеля, котораго онъ выбралъ своею цѣлью. Французъ этотъ, вѣроятно офицеръ, по его мундиру, согнувшись, скакалъ на своей сѣрой лошади, саблей подгоняя ее. Черезъ мгновеніе лошадь Ростова ударила грудью въ задъ лошади офицера, чуть не сбила ее съ ногъ, и въ то же мгновеніе Ростовъ, самъ не зная зачѣмъ, поднялъ саблю и ударилъ ею по французу.

Въ то же мгновеніе, какъ онъ сдѣлалъ это, все оживленіе Ростова вдругъ исчезло. Офицеръ упалъ не столько отъ удара саблей, который только слегка разрѣзалъ ему руку выше локтя, сколько отъ толчка лошади и отъ страха. Ростовъ, сдержавъ лошадь, отыскивалъ глазами своего врага, чтобы увидать, кого онъ побѣдилъ. Драгунскій французскій офицеръ одной ногой прыгалъ на землѣ, другой зацѣпился въ стремени. Онъ, испуганно щурясь, какъ будто ожидая всякую секунду новаго удара, сморщившись, съ выраженіемъ ужаса взглянулъ снизу вверхъ на Ростова. Лицо его, блѣдное и забрызганное грязью, бѣлокурое, молодое, съ дырочкой на подбородкѣ и свѣтлыми голубыми

глазами, было самое не для поля сраженія, не вражеское лицо, а самое простое, комнатное лицо. Еще прежде, чѣмъ Ростовъ рѣшилъ, что онъ съ нимъ будетъ дѣлать, офицеръ закричалъ: «je me rends!»[1]) Онъ, торопясь, хотѣлъ и не могъ выпутать изъ стремени ногу и, не спуская испуганныхъ голубыхъ глазъ, смотрѣлъ на Ростова. Подскочившіе гусары выпростали ему ногу и посадили его на сѣдло. Гусары съ разныхъ сторонъ возились съ драгунами: одинъ былъ раненъ, но, съ лицомъ въ крови, не давалъ своей лошади; другой, обнявъ гусара, сидѣлъ на крупѣ его лошади; третій взлѣзалъ, поддерживаемый гусаромъ, на его лошадь. Впереди бѣжала, стрѣляя, французская пѣхота. Гусары торопливо поскакали назадъ съ своими плѣнными. Ростовъ скакалъ назадъ съ другими, испытывая какое-то непріятное чувство, сжимавшее ему сердце. Что-то неясное, запутанное, чего онъ никакъ не могъ объяснить себѣ, открылось ему взятіемъ въ плѣнъ этого офицера и тѣмъ ударомъ, который онъ нанесъ ему.

Графъ Остерманъ-Толстой встрѣтилъ возвращавшихся гусаръ, подозвалъ Ростова, благодарилъ его и сказалъ, что онъ представитъ государю о его молодецкомъ поступкѣ и будетъ просить для него Георгіевскій крестъ. Когда Ростова потребовали къ графу Остерману, онъ, вспомнивъ о томъ, что атака его была начата безъ приказанія, былъ вполнѣ убѣжденъ, что начальникъ требуетъ его для того, чтобы наказать его за самовольный поступокъ. Поэтому лестныя слова Остермана и обѣщаніе награды должны бы были тѣмъ радостнѣе поразить Ростова; но все то же непріятное, неясное чувство нравственно тошнило ему. «Да, что бишь меня мучаетъ?» спросилъ онъ себя, отъѣзжая отъ генерала. «Ильинъ? Нѣтъ, онъ цѣлъ. Осрамился я чѣмъ-нибудь? Нѣтъ, все не то!» Что-то другое мучило его, какъ раскаяніе. «Да, да, этотъ французскій офицеръ съ дырочкой. И какъ я помню, какъ рука моя остановилась, когда я поднялъ ее».

Ростовъ увидалъ отвозимыхъ плѣнныхъ и поскакалъ за ними, чтобы посмотрѣть своего француза съ дырочкой на подбородкѣ. Онъ въ своемъ странномъ мундирѣ сидѣлъ на заводской гусарской лошади и безпокойно оглядывался вокругъ себя. Рана его на рукѣ была почти не рана. Онъ притворно улыбнулся Ростову и помахалъ ему рукой, въ видѣ привѣтствія. Ростову все такъ же было неловко и чего-то совѣстно.

Весь этотъ день и слѣдующій день друзья и товарищи Ростова замѣчали, что онъ не скученъ, не сердитъ, но молчаливъ,

---

[1]) Сдаюсь.

задумчивъ и сосредоточенъ. Онъ неохотно пилъ, старался оставаться одинъ и о чемъ-то все думалъ.

Ростовъ все думалъ объ этомъ своемъ блестящемъ подвигѣ, который, къ удивленію его, пріобрѣлъ ему Георгіевскій крестъ и даже сдѣлалъ ему репутацію храбреца, и никакъ не могъ понять чего-то. «Такъ и они еще больше боятся нашего!» думалъ онъ. «Такъ только-то и есть всего то, что называется геройствомъ? И развѣ я это дѣлалъ для отечества? И въ чемъ онъ виноватъ съ своей дырочкой и голубыми глазами? А какъ онъ испугался! Онъ думалъ, что я убью его. За что жъ мнѣ убивать его? У меня рука дрогнула. А мнѣ дали Георгіевскій крестъ. Ничего, ничего не понимаю!»

Но пока Николай перерабатывалъ въ себѣ эти вопросы и все-таки не далъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что такъ смутило его, колесо счастья по службѣ, какъ это часто бываетъ, повернулось въ его пользу. Его выдвинули впередъ послѣ Островненскаго дѣла, дали ему батальонъ гусаръ и, когда нужно было употребить храбраго офицера, давали ему порученія.

XVI.

Получивъ извѣстіе о болѣзни Наташи, графиня, еще не совсѣмъ здоровая и слабая, съ Петей и со всѣмъ домомъ пріѣхала въ Москву, и все семейство Ростовыхъ перебралось отъ Марьи Дмитріевны въ свой домъ и совсѣмъ поселилось въ Москвѣ.

Болѣзнь Наташи была такъ серьезна, что, къ счастью ея и къ счастью родныхъ, мысль о всемъ томъ, что было причиной ея болѣзни—ея поступокъ и разрывъ съ женихомъ—перешла на второй планъ. Она была такъ больна, что нельзя было думать о томъ, насколько она была виновата во всемъ случившемся, тогда какъ она не ѣла, не спала, замѣтно худѣла, кашляла и была, какъ давали чувствовать доктора, въ опасности. Надо было думать только о томъ, чтобы помочь ей. Доктора ѣздили къ Наташѣ и отдѣльно, и консиліумами, говорили много по-французски, и по-нѣмецки, и по-латыни, осуждали одинъ другого, прописывали самыя разнообразныя лѣкарства отъ всѣхъ имъ извѣстныхъ болѣзней; но ни одному изъ нихъ не приходила въ голову та простая мысль, что имъ не можетъ быть извѣстна та болѣзнь, которой страдала Наташа, какъ не можетъ быть извѣстна ни одна болѣзнь, которой одержимъ живой человѣкъ: ибо каждый живой человѣкъ имѣетъ свои особенности и всегда имѣетъ особенную и свою, новую, сложную, неизвѣстную медицинѣ бо-

лѣзнь — не болѣзнь легкихъ, печени, кожи, сердца, нервовъ и т. д., записанныхъ въ медицинѣ, но болѣзнь, состоящую изъ одного изъ безчисленныхъ соединеній въ страданіяхъ этихъ органовъ. Эта простая мысль не могла приходить докторамъ (такъ же, какъ не можетъ придти колдуну въ голову мысль, что онъ не можетъ колдовать) потому, что ихъ дѣло жизни состояло въ томъ, чтобы лѣчить; потому, что за то они получали деньги, и потому, что на это дѣло они потратили лучшіе годы своей жизни. Но главное — мысль эта не могла придти докторамъ потому, что они видѣли, что они несомнѣнно полезны, и были дѣйствительно полезны для всѣхъ домашнихъ Ростовыхъ. Они были полезны не потому, что заставляли проглатывать больную большею частью вредныя вещества (вредъ этотъ былъ мало чувствителенъ, потому что вредныя вещества давались въ маломъ количествѣ), но они полезны, необходимы, неизбѣжны были (причина — почему всегда есть и будутъ мнимые излѣчители, ворожеи, гомеопаты и аллопаты) потому, что они удовлетворяли нравственной потребности больной и людей, любящихъ больную. Они удовлетворяли той вѣчной человѣческой потребности надежды на облегченіе, потребности сочувствія и дѣятельности, которыя испытываетъ человѣкъ во время страданія. Они удовлетворяли той вѣчной, человѣческой — въ ребенкѣ замѣтной въ самой первобытной формѣ—потребности потереть то мѣсто, которое ушиблено. Ребенокъ убьется и тотчасъ же бѣжитъ въ руки матери, няньки для того, чтобы ему поцѣловали и потерли больное мѣсто; и ему дѣлается легче, когда больное мѣсто потрутъ или поцѣлуютъ. Ребенокъ не вѣритъ, чтобъ у сильнѣйшихъ и мудрѣйшихъ его не было средства помочь его боли. И надежда на облегченіе и выраженіе сочувствія въ то время, какъ мать третъ его шишку, утѣшаютъ его. Доктора для Наташи были полезны тѣмъ, что они цѣловали и терли *бобо*, увѣряя, что сейчасъ пройдетъ, ежели кучеръ съѣздитъ въ арбатскую аптеку и возьметъ на рубль семь гривенъ порошковъ и пилюль въ хорошенькой коробочкѣ и ежели порошки эти, непремѣнно черезъ два часа, никакъ не больше и не меньше, будетъ въ отварной водѣ принимать больная.

Что же бы дѣлали Соня, графъ и графиня, какъ бы они смотрѣли, ничего не предпринимая, ежели бы не было этихъ пилюль по часамъ, питья тепленькаго, куриной котлетки и всѣхъ подробностей жизни, предписанныхъ докторомъ, соблюдать которыя составляло занятіе и утѣшеніе для окружающихъ? Какъ бы переносилъ графъ болѣзнь своей любимой дочери, ежели бы онъ не зналъ, что ему стоила тысячи рублей болѣзнь Наташи и что онъ не пожалѣетъ еще тысячъ, чтобы сдѣлать ей пользу;

ежели бы онъ не зналъ, что, ежели она не поправится, онъ не пожалѣетъ еще тысячъ и повезетъ ее за границу и тамъ сдѣлаетъ консиліумы; ежели бы онъ не имѣлъ возможности разсказывать подробности о томъ, какъ Метивье и Феллеръ не поняли, а Фризъ понялъ, и Мудровъ еще лучше опредѣлилъ болѣзнь? Что бы дѣлала графиня, ежели бы она не могла иногда ссориться съ больной Наташей за то, что она не вполнѣ соблюдала предписанія доктора?

— Этакъ никогда не выздоровѣешь,—говорила она, подъ досадой забывая свое горе,—ежели ты не будешь слушаться доктора и не во-время принимать лѣкарство! Вѣдь нельзя шутить этимъ, когда у тебя можетъ сдѣлаться пневмонія,—говорила графиня, и въ произношеніи этого непонятнаго не для нея одной слова она уже находила большое утѣшеніе.

Что бы сдѣлала Соня, ежели бы у ней не было радостнаго сознанія того, что она не раздѣвалась три ночи первое время для того, чтобы быть наготовѣ исполнять въ точности всѣ предписанія доктора, и что она теперь не спитъ ночи для того, чтобы не пропустить часы, въ которые надо давать мало-вредныя пилюли изъ золотой коробочки? Даже самой Наташѣ, которая хотя и говорила, что никакія лѣкарства не вылѣчатъ ея и что все это глупости, и ей было радостно видѣть, что для нея дѣлали такъ много пожертвованій, что ей надо было въ извѣстные часы принимать лѣкарства. И даже ей радостно было то, что она, пренебрегая исполненіемъ предписаннаго, могла показывать, что она не вѣритъ въ лѣченіе и не дорожитъ своею жизнью.

Докторъ ѣздилъ каждый день, щупалъ пульсъ, смотрѣлъ языкъ и, не обращая вниманія на ея убитое лицо, шутилъ съ нею. Но зато, когда онъ выходилъ въ другую комнату, графиня поспѣшно выходила за нимъ, и онъ, принимая серьезный видъ и покачивая задумчиво головой, говорилъ, что, хотя и есть опасность, онъ надѣется на дѣйствіе этого послѣдняго лѣкарства и что надо ждать и посмотрѣть; что болѣзнь больше нравственная, но...

Графиня, стараясь скрыть этотъ поступокъ отъ себя и отъ доктора, всовывала ему въ руку золотой и всякій разъ съ успокоеннымъ сердцемъ возвращалась къ больной.

Признаки болѣзни Наташи состояли въ томъ, что она мало ѣла, мало спала, кашляла и никогда не оживлялась. Доктора говорили, что больную нельзя оставлять безъ медицинской помощи, и поэтому въ душномъ воздухѣ держали ее въ городѣ. И лѣто 1812 года Ростовы не уѣзжали въ деревню.

Несмотря на большое количество проглоченныхъ пилюль, капель и порошковъ изъ баночекъ и коробочекъ, изъ которыхъ madame Schoss, охотница до этихъ вещицъ, собрала большую коллекцію, несмотря на отсутствіе привычной деревенской жизни, молодость брала свое: горе Наташи начало покрываться слоемъ впечатлѣній прожитой жизни, оно перестало такой мучительной болью лежать ей на сердцѣ, начинало становиться прошедшимъ, и Наташа стала физически оправляться.

XVII.

Наташа была спокойнѣе, но не веселѣе. Она не только избѣгала всѣхъ внѣшнихъ условій радости: баловъ, катанья, концертовъ, театра, но она ни разу не смѣялась такъ, чтобы изъ-за смѣха ея не слышны были слезы. Она не могла пѣть. Какъ только начинала она смѣяться или пробовала одна сама съ собой пѣть, слезы душили ее: слезы раскаянія, слезы воспоминаній о томъ невозвратномъ, чистомъ времени; слезы досады, что такъ, задаромъ, погубила она свою молодую жизнь, которая могла бы быть такъ счастлива. Смѣхъ и пѣніе особенно казались ей кощунствомъ надъ ея горемъ. О кокетствѣ она и не думала; ей не приходилось даже воздерживаться. Она говорила и чувствовала, что въ это время всѣ мужчины были для нея совершенно то же, что шутъ Настасья Ивановна. Внутренній стражъ твердо воспрещалъ ей всякую радость. Да и не было въ ней всѣхъ прежнихъ интересовъ жизни изъ того дѣвичьяго, беззаботнаго, полнаго надеждъ склада жизни. Чаще и болѣзненнѣе всего она вспоминала осенніе мѣсяцы, охоту, дядюшку и святки, проведенныя съ Nicolas въ Отрадномъ. Что̀ бы она дала, чтобы возвратить хоть одинъ день изъ того времени! Но ужъ это навсегда было кончено. Предчувствіе не обманывало ея тогда, что то состояніе свободы и открытости для всѣхъ радостей никогда уже не возвратится больше. Но жить надо было.

Ей отрадно было думать, что она не лучше, какъ она прежде думала, а хуже и гораздо хуже всѣхъ, всѣхъ, кто только есть на свѣтѣ. Но этого мало было. Она знала это и спрашивала себя: «что жъ дальше?» А дальше ничего не было. Не было никакой радости въ жизни, а жизнь проходила. Наташа, видимо, старалась только никому не быть въ тягость и никому не мѣшать, но для себя ей ничего не нужно было. Она удалялась отъ всѣхъ домашнихъ, и только съ братомъ Петей ей было

легко: съ нимъ она любила бывать больше, чѣмъ съ другими, и иногда, когда бывала съ нимъ съ глазу на глазъ, смѣялась. Она почти не выѣзжала изъ дому и изъ пріѣзжавшихъ къ нимъ рада была только одному человѣку — Пьеру. Нельзя было нѣжнѣе, осторожнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезнѣе обращаться, чѣмъ обращался съ нею графъ Безуховъ. Наташа безсознательно чувствовала эту нѣжность обращенія и потому находила большое удовольствіе въ его обществѣ. Но она не была даже благодарна ему за его нѣжность. Ничто хорошее со стороны Пьера не казалось ей усиліемъ. Пьеру казалось такъ естественно быть добрымъ со всѣми, что не было никакой заслуги въ его добротѣ. Иногда Наташа замѣчала смущеніе и неловкость Пьера въ ея присутствіи, въ особенности когда онъ хотѣлъ сдѣлать для нея что-нибудь пріятное или когда онъ боялся, чтобы что-нибудь въ разговорѣ не навело Наташу на тяжелыя воспоминанія. Она замѣчала это и приписывала это его общей добротѣ и застѣнчивости, которая, по ея понятіямъ, таковая же, какъ съ нею, должна была быть и со всѣми. Послѣ тѣхъ нечаянныхъ словъ о томъ, что ежели бы онъ былъ свободенъ, онъ на колѣняхъ бы просилъ ея руки и любви, сказанныхъ въ минуту такого сильнаго волненія для нея, Пьеръ никогда не говорилъ ничего о своихъ чувствахъ къ Наташѣ; и для нея было очевидно, что тѣ слова, тогда такъ утѣшившія ее, были сказаны, какъ говорятся всякія безсмысленныя слова, для утѣшенія плачущаго ребенка. Не оттого, что Пьеръ былъ женатый человѣкъ, но оттого, что Наташа чувствовала между собой и имъ въ высшей степени ту силу нравственныхъ преградъ, отсутствіе которой она чувствовала съ Курагинымъ, — ей никогда въ голову не приходило, чтобы изъ ея отношеній съ Пьеромъ могла выйти не только любовь съ ея или еще менѣе съ его стороны, но даже и тотъ родъ нѣжной, признающей себя поэтической дружбы между мужчиной и женщиной, которой она знала нѣсколько примѣровъ.

Въ концѣ Петровскаго поста Аграфена Ивановна Бѣлова, отрадненская сосѣдка Ростовыхъ, пріѣхала въ Москву поклониться московскимъ угодникамъ. Она предложила Наташѣ говѣть, и Наташа съ радостью ухватилась за эту мысль. Несмотря на запрещеніе докторовъ выходить рано утромъ, Наташа настояла на томъ, чтобы говѣть и говѣть не такъ, какъ говѣли въ домѣ Ростовыхъ обыкновенно, то-есть отслушать на дому три службы, а чтобы говѣть такъ, какъ говѣла Аграфена Ивановна, то-есть всю недѣлю, не пропуская ни одной вечерни, обѣдни или заутрени.

Графинѣ понравилось это усердіе Наташи; она въ душѣ своей послѣ безуспѣшнаго медицинскаго лѣченія надѣялась, что молитва поможетъ ей больше лѣкарствъ, и хотя со страхомъ и скрывая отъ доктора, но согласилась на желаніе Наташи и поручила ее Бѣловой. Аграфена Ивановна въ три часа ночи приходила будить Наташу и большею частью находила ее уже не спящею. Наташа боялась проспать время заутрени. Поспѣшно умываясь и со смиреніемъ одѣваясь въ самое дурное свое платье и старенькую мантилью, содрогаясь отъ свѣжести, Наташа выходила на пустынныя улицы, прозрачно освѣщенныя утренней зарей. По совѣту Аграфены Ивановны Наташа говѣла не въ своемъ приходѣ, а въ церкви, въ которой, по словамъ набожной Бѣловой, былъ священникъ весьма строгой и высокой жизни. Въ церкви всегда было мало народа; Наташа съ Бѣловой становились на привычное мѣсто передъ иконою Божіей Матери, вдѣланною въ задъ лѣваго клироса, и новое для Наташи чувство смиренія передъ великимъ, непостижимымъ охватывало ее, когда она въ этотъ непривычный часъ утра, глядя на черный ликъ Божіей Матери, освѣщенный и свѣчами, горѣвшими передъ нимъ, и свѣтомъ утра, падавшимъ изъ окна, слушала звуки службы, за которыми она старалась слѣдить, понимая ихъ. Когда она понимала ихъ, ея личное чувство со своими оттѣнками присоединялось къ ея молитвѣ; когда она не понимала, ей еще сладостнѣе было думать, что желаніе понимать все есть гордость, что понимать всего нельзя, что надо только вѣрить и отдаваться Богу, который въ эти минуты — она чувствовала — управлялъ ея душой. Она крестилась, кланялась, и когда не понимала, то только, ужасаясь передъ своею мерзостью, просила Бога простить ее за все, за все и помиловать. Молитвы, которымъ она больше всего отдавалась, были молитвы раскаянія. Возвращаясь домой въ ранній часъ утра, когда встрѣчались только каменщики, шедшіе на работу, дворники, выметавшіе улицу, и въ домахъ еще всѣ спали, Наташа испытывала новое для нея чувство возможности исправленія себя отъ своихъ пороковъ и возможности новой, чистой жизни и счастья.

Въ продолженіе всей недѣли, въ которую она вела эту жизнь, чувство это росло съ каждымъ днемъ. И счастье пріобщиться, или сообщиться, какъ, радостно играя этимъ словомъ, говорила ей Аграфена Ивановна, представлялось ей столь великимъ, что ей казалось, что она не доживетъ до этого блаженнаго воскресенья.

Но счастливый день наступилъ, и когда Наташа въ это памятное для нея воскресенье въ бѣломъ кисейномъ платьѣ вер-

нулась отъ причастія, она въ первый разъ послѣ многихъ мѣсяцевъ почувствовала себя спокойною и не тяготящеюся жизнью, которая ей предстояла.

Пріѣзжавшій въ этотъ день докторъ осмотрѣлъ Наташу и велѣлъ продолжать тѣ послѣдніе порошки, которые онъ прописалъ двѣ недѣли тому назадъ.

— Непремѣнно продолжать утромъ и вечеромъ, — сказалъ онъ, видимо самъ добросовѣстно-довольный своимъ успѣхомъ.— Только, пожалуйста, аккуратнѣе.

— Будьте покойны, графиня, — сказалъ шутливо докторъ, въ мякоть руки ловко подхватывая золотой,—скоро опять запоетъ и зарѣзвится. Очень, очень ей въ пользу послѣднее лѣкарство. Она очень посвѣжѣла.

Графиня посмотрѣла на ногти и поплевала, съ веселымъ лицомъ возвращаясь въ гостиную.

XVIII.

Въ началѣ іюля въ Москвѣ распространялись все болѣе и болѣе тревожные слухи о ходѣ войны: говорили о воззваніи государя къ народу, о пріѣздѣ самого государя изъ арміи въ Москву. И такъ какъ до 11-го іюля манифестъ и воззваніе не были получены, то о нихъ и о положеніи Россіи ходили преувеличенные слухи. Говорили, что государь уѣзжаетъ потому, что армія въ опасности; говорили, что Смоленскъ сданъ, что у Наполеона милліонъ войска и что только чудо можетъ спасти Россію.

11-го іюля, въ субботу, былъ полученъ манифестъ, но еще не напечатанъ; и Пьеръ, бывшій у Ростовыхъ, обѣщалъ на другой день, въ воскресенье, пріѣхать обѣдать и привести манифестъ и воззваніе, которые онъ достанетъ у графа Растопчина.

Въ это воскресенье Ростовы по обыкновенію поѣхали къ обѣднѣ въ домовую церковь Разумовскихъ. Былъ жаркій іюльскій день. Уже въ 10 часовъ, когда Ростовы выходили изъ кареты передъ церковью, въ жаркомъ воздухѣ, въ крикахъ разносчиковъ, въ яркихъ и свѣтлыхъ лѣтнихъ платьяхъ толпы, въ запыленныхъ листьяхъ деревъ бульвара, въ звукахъ музыки и бѣлыхъ панталонахъ прошедшаго на разводъ батальона, въ громѣ мостовой и яркомъ блескѣ жаркаго солнца, было то лѣтнее томленіе, довольство и недовольство настоящимъ, которое особенно рѣзко чувствуется въ ясный жаркій день въ городѣ. Въ церкви Разумовскихъ была вся знать московская, все знакомые Ростовыхъ (въ этотъ годъ, какъ бы ожидая чего-то, очень

много богатыхъ семей, обыкновенно разъѣзжающихся по деревнямъ, остались въ городѣ). Проходя позади ливрейнаго лакея, раздававшаго толпу, подлѣ матери, Наташа услыхала голосъ молодого человѣка, слишкомъ громкимъ шопотомъ говорившаго о ней:

— Это Ростова, та самая...

— Какъ похудѣла, а все-таки хороша!

Она слышала, или ей показалось, что были упомянуты имена Курагина и Болконскаго. Впрочемъ, ей всегда это казалось. Ей всегда казалось, что всѣ, глядя на нее, только и думаютъ о томъ, что съ ней случилось. Страдая и замирая въ душѣ, какъ всегда въ толпѣ, Наташа шла въ своемъ лиловомъ шелковомъ съ черными кружевами платьѣ такъ, какъ умѣютъ ходить женщины: тѣмъ спокойнѣе и величавѣе, чѣмъ больнѣе и стыднѣе у ней было на душѣ. Она знала и не ошибалась, что она хороша; но это теперь не радовало ее, какъ прежде. Напротивъ, это мучило ее больше всего въ послѣднее время, и въ особенности въ этотъ яркій, жаркій лѣтній день въ городѣ. «Еще воскресенье, еще недѣля», говорила она себѣ, вспоминая, какъ она была тутъ въ то воскресенье, «и все та же жизнь безъ жизни, и все тѣ же условія, въ которыхъ такъ легко бывало жить прежде. Хороша, молода, и я знаю, что теперь добра; прежде я была дурная, а теперь я добра, я знаю», думала она, «а такъ, даромъ, ни для кого, проходятъ лучшіе, лучшіе годы». Она стала подлѣ матери и перекинулась съ близко стоявшими знакомыми. Наташа по привычкѣ разсмотрѣла туалеты дамъ, осудила tenue и неприличный способъ креститься на маломъ пространствѣ одной близко стоявшей дамы, опять съ досадой подумала о томъ, что про нее судятъ, что и она судитъ, и вдругъ, услыхавъ звуки службы, ужаснулась своей мерзости, ужаснулась тому, что прежняя чистота опять потеряна ею.

Благообразный, чистый старичокъ служилъ съ той кроткой торжественностью, которая такъ величаво, успокоительно дѣйствуетъ на души молящихся. Царскія двери затворились; медленно задернулась завѣса; таинственный тихій голосъ произнесъ что-то оттуда. Непонятныя для нея самой слезы стояли въ груди Наташи, и радостное и томительное чувство волновало ее.

«Научи меня, что мнѣ дѣлать, какъ мнѣ быть съ моею жизнью, какъ мнѣ исправиться навсегда, навсегда!..» думала она.

Дьяконъ вышелъ на амвонъ, выправилъ, широко отставивъ большой палецъ, свои длинные волосы изъ-подъ стихаря и, положивъ на груди крестъ, громко и торжественно сталъ читать слова молитвы:

— «Міромъ Господу помолимся!»

«Міромъ, всѣ вмѣстѣ, безъ различія сословій, безъ вражды, а соединенные братскою любовью — будемъ молиться», думала Наташа.

— «О свышнемъ мірѣ и о спасеніи душъ нашихъ!»

«О мірѣ ангеловъ и душъ всѣхъ безтѣлесныхъ существъ, которыя живутъ надъ нами», молилась Наташа.

Когда молились за воинство, она вспомнила брата и Денисова. Когда молились за плавающихъ и путешествующихъ, она вспомнила князя Андрея и молилась за него и молилась за то, чтобы Богъ простилъ ей то зло, которое она ему сдѣлала. Когда молились за любящихъ насъ, она молилась о своихъ домашнихъ, объ отцѣ, матери, Сонѣ, въ первый разъ теперь понимая всю свою вину передъ ними и чувствуя всю силу своей любви къ нимъ. Когда молились о ненавидящихъ насъ, она придумывала себѣ враговъ и ненавидящихъ для того, чтобы молиться за нихъ. Она причисляла къ врагамъ кредиторовъ и всѣхъ тѣхъ, которые имѣли дѣло съ ея отцомъ, и всякій разъ, при мысли о врагахъ и ненавидящихъ, она вспоминала Анатоля, сдѣлавшаго ей столько зла, и хотя онъ не былъ ненавидящій, она радостно молилась за него, какъ за врага. Только на молитвѣ она чувствовала себя въ силахъ ясно и спокойно вспоминать и о князѣ Андреѣ и объ Анатолѣ, какъ о людяхъ, къ которымъ чувства ея уничтожались въ сравненіи съ ея чувствомъ страха и благоговѣнія къ Богу. Когда молились за царскую фамилію и за синодъ, она особенно низко кланялась и крестилась, говоря себѣ, что, ежели она не понимаетъ, она не можетъ сомнѣваться и все-таки любитъ правительствующій синодъ и молится за него.

Окончивъ ектенію, дьяконъ перекрестилъ вокругъ груди орарь и произнесъ:

— «Сами себя и животъ нашъ Христу Богу предадимъ».

«Сами себя Богу предадимъ», повторила въ своей душѣ Наташа. «Боже мой, предаю себя Твоей волѣ», думала она. «Ничего не хочу, не желаю; научи меня, что мнѣ дѣлать, какъ употребить свою волю! Да возьми же меня, возьми меня!» съ умиленнымъ нетерпѣніемъ въ душѣ говорила Наташа, не крестясь, опустивъ свои тонкія руки и какъ будто ожидая, что вотъ-вотъ невидимая сила возьметъ ее и избавитъ отъ себя, отъ своихъ сожалѣній, желаній, укоровъ, надеждъ и пороковъ.

Графиня нѣсколько разъ во время службы оглядывалась на умиленное, съ блестящими глазами, лицо своей дочери и молилась Богу о томъ, чтобы Онъ помогъ ей.

Неожиданно, въ серединѣ и не въ порядкѣ службы, который Наташа хорошо знала, дьячокъ вынесъ скамеечку, ту самую,

на которой читались колѣнопреклонныя молитвы въ Троицынъ день, и поставилъ ее передъ царскими дверьми. Священникъ вышелъ въ своей лиловой бархатной скуфьѣ, оправилъ волосы и съ усиліемъ сталъ на колѣни. Всѣ сдѣлали то же и съ недоумѣніемъ смотрѣли другъ на друга. Это была молитва, только что полученная изъ синода, молитва о спасеніи Россіи отъ вражескаго нашествія.

— «Господи Боже силъ, Боже спасенія нашего», началъ священникъ тѣмъ яснымъ, ненапыщеннымъ и кроткимъ голосомъ, которымъ читаютъ только одни духовные славянскіе чтецы и который такъ неотразимо дѣйствуетъ на русское сердце.

«Господи Боже силъ, Боже спасенія нашего! Призри нынѣ въ милостяхъ и щедротахъ на смиренныя люди Твоя и человѣколюбно услыши, и пощади, и помилуй насъ. Се врагъ, смущаяй землю Твою и хотяй положити вселенную всю пусту, возста на ны: се люди беззаконія собрашася, еже погубити достояніе Твое, разорити честный Іерусалимъ Твой, возлюбленную Твою Россію: осквернити храмы Твои, раскопати алтари и поругатися Святынѣ нашей. Доколѣ, Господи, доколѣ грѣшницы восхвалятся? Доколѣ употребляти имать законопреступный власть?

«Владыко Господи! Услыши насъ молящихся Тебѣ: укрѣпи силою Твоею благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго великаго государя нашего императора Александра Павловича; помяни правду его и кротость, воздаждь ему по благости его, ею же и хранитъ ны, Твой возлюбленный Израиль. Благослови его совѣты, начинанія и дѣла; утверди всемогущею Твоею десницею царство его и подаждь ему побѣду на врага, яко же Моусею на Амалика, Гедеону на Мадіама и Давиду на Голіаѳа. Сохрани воинство его, положи лукъ мѣдянъ мышцамъ во имя Твое ополчившихся, и препояши ихъ силою на брань. Пріими оружіе и щитъ и возстани въ помощь нашу; да постыдятся и посрамятся мыслящіи намъ злая; да будутъ предъ лицемъ вѣрнаго Ти воинства, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра, и Ангелъ Твой сильный да будетъ оскорбляяй и погоняяй ихъ; да пріидетъ имъ сѣть, юже не свѣдаютъ, и ихъ ловитва, юже сокрыша, да обыметъ ихъ; да падутъ предъ ногами рабовъ Твоихъ и въ попраніе воемъ нашимъ да будутъ, Господи! Не изнеможетъ у Тебе спасати во многихъ и въ малыхъ; Ты еси Богъ, да не противовозможетъ противу Тебе человѣкъ.

«Боже отецъ нашихъ! Помяни щедроты Твоя и милости, яже отъ вѣка суть; не отвержи насъ отъ лица Твоего, ниже возгнушайся недостоинствомъ нашимъ, но по велицѣй милости Твоей

и по множеству щедротъ Твоихъ, презри беззаконія и грѣхи наша. Сердце чисто созижди въ насъ и духъ правъ обнови во утробѣ нашей; всѣхъ насъ укрѣпи вѣрою въ Тя, утверди надеждою, одушеви истинною другъ къ другу любовью, вооружи единодушіемъ на праведное защищеніе одержанія, еже далъ еси намъ и отцемъ нашимъ: да не вознесется жезлъ нечестивыхъ на жребій освященныхъ.

«Господи Боже нашъ, въ Него же вѣруемъ и на Него же уповаемъ, не посрами насъ отъ чаянія милости Твоея, и сотвори знаменіе во благо; яко да видятъ ненавидящіи насъ и православную вѣру нашу, и посрамятся и погибнутъ, и да увѣдятъ всѣ страны, яко имя Тебѣ Господь, и мы людіе Твои. Яви намъ, Господи, нынѣ милость Твою и спасеніе Твое даждь намъ; возвесели сердце рабовъ Твоихъ о милости Твоей; порази враги наши и сокруши ихъ подъ ноги вѣрныхъ Твоихъ вскорѣ. Ты бо еси заступленіе, помощь и побѣда уповающихъ на Тя, и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и Святому Духу и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь».

Въ томъ состояніи раскрытости душевной, въ которой находилась Наташа, эта молитва сильно подѣйствовала на нее. Она слушала каждое слово о побѣдѣ Моѵсея на Амалика, и Гедеона на Мадіама, и Давида на Голіаѳа, и о разореніи Іерусалима Твоего, и просила Бога съ тою нѣжностью и размягченностью, которою было переполнено ея сердце; но не понимала хорошенько, о чемъ она просила Бога въ этой молитвѣ. Она всей душой участвовала въ прошеніи о духѣ правомъ, объ укрѣпленіи сердца вѣрою, надеждою и о воодушевленіи ихъ любовью. Но она не могла молиться о попраніи подъ ноги враговъ своихъ, когда она за нѣсколько минутъ передъ этимъ только желала имѣть ихъ больше, чтобы молиться за нихъ. Но она тоже не могла сомнѣваться въ правотѣ читаемой колѣнопреклонной молитвы. Она ощущала въ душѣ своей благоговѣйный и трепетный ужасъ предъ наказаніемъ, постигшимъ людей за ихъ грѣхи и въ особенности за свои грѣхи, и просила Бога о томъ, чтобы Онъ простилъ ихъ всѣхъ и ее и далъ бы имъ всѣмъ и ей спокойствія и счастья въ жизни. И ей казалось, что Богъ слышитъ ея молитву.

XIX.

Съ того дня, какъ Пьеръ, уѣзжая отъ Ростовыхъ и вспоминая благодарный взглядъ Наташи, смотрѣлъ на комету, стоявшую на небѣ, и почувствовалъ, что для него открылось что-то

новое,—вѣчно мучившій его вопросъ о тщетѣ и безумности всего земного пересталъ представляться ему. Этотъ страшный вопросъ: зачѣмъ? къ чему? который прежде представлялся ему въ срединѣ всякаго занятія, теперь замѣнился для него не другимъ вопросомъ и не отвѣтомъ на прежній вопросъ, а представленіемъ *ея*. Слышалъ ли онъ или самъ велъ ничтожные разговоры, читалъ ли онъ или узнавалъ про подлость и безсмысленность людскую, онъ не ужасался, какъ прежде; не спрашивалъ себя, изъ чего хлопочутъ люди, когда все такъ кратко и неизвѣстно,—но вспоминалъ *ее* въ томъ видѣ, въ которомъ онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ, и всѣ его сомнѣнія исчезали не потому, что она отвѣчала на вопросы, которые представлялись ему, но потому, что представленіе о ней переносило его мгновенно въ другую, свѣтлую область душевной дѣятельности, въ которой не могло быть праваго или виноватаго, въ область красоты и любви, для которой стоило жить. Какая бы мерзость житейская ни представлялась ему, онъ говорилъ себѣ:

«Ну, и пускай N. N. обокралъ государство и царя, а государство и царь воздаютъ ему почести; а она вчера улыбнулась мнѣ и просила пріѣхать, и я люблю ее, и никто никогда не узнаетъ этого». И на душѣ его было спокойно и ясно.

Пьеръ все такъ же ѣздилъ въ общество, такъ же много пилъ и велъ ту же праздную и разсѣянную жизнь, потому что, кромѣ тѣхъ часовъ, которые онъ проводилъ у Ростовыхъ, надо было проводить и остальное время, и привычки и знакомства, сдѣланныя имъ въ Москвѣ, непреодолимо влекли его къ той жизни, которая захватила его. Но въ послѣднее время, когда съ театра войны приходили все болѣе и болѣе тревожные слухи и когда здоровье Наташи стало поправляться и она перестала возбуждать въ немъ прежнее чувство бережливой жалости, имъ стало овладѣвать болѣе и болѣе непонятное для него безпокойство. Онъ чувствовалъ, что то положеніе, въ которомъ онъ находился, не могло продолжаться долго, что наступаетъ катастрофа, долженствующая измѣнить всю его жизнь, и съ нетерпѣніемъ отыскивалъ во всемъ признаки этой приближающейся катастрофы. Пьеру было открыто однимъ изъ братьевъ-масоновъ слѣдующее, выведенное изъ Апокалипсиса Іоанна Богослова, пророчество относительно Наполеона.

Въ Апокалипсисѣ, главѣ тринадцатой, стихѣ восемнадцатомъ, сказано: «Здѣ мудрость есть; иже имать умъ да почтетъ число звѣрино: число бо человѣческо есть, и число его шестьсотъ шестьдесятъ шесть».

И той же главы въ стихѣ пятомъ: «И даны быша ему уста глаголюща велика и хульна; и дана бысть ему область творити мѣсяцъ четыре-десять два».

Французскія буквы, подобно еврейскому числоизображенію, по которому десятью первыми буквами означаются единицы, а прочими десятки, имѣютъ слѣдующее значеніе:

a	b	c	d	e	f	g	h	i	k	l	m	n	o	p	q	r	s	t	u	v	w	x	y	z
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	20	30	40	50	60	70	80	90	100	110	120	130	140	150	160

Написавъ по этой азбукѣ цифрами слова L'Empereur Napoléon [1]), выходитъ, что сумма этихъ чиселъ равна 666 и что поэтому Наполеонъ есть тотъ звѣрь, о которомъ предсказано въ Апокалипсисѣ. Кромѣ того, написавъ по этой же азбукѣ слова quarante deux [2]), т.-е. предѣлъ, который былъ положенъ звѣрю глаголати велика и хульна, сумма этихъ чиселъ, изображающихъ quarante deux, опять равна 666, изъ чего выходитъ, что предѣлъ власти Наполеона наступилъ въ 1812 году, въ которомъ французскому императору минуло 42 года. Предсказаніе это очень поразило Пьера, и онъ часто задавалъ себѣ вопросъ о томъ, что именно положитъ предѣлъ власти звѣря, т.-е. Наполеона, и, на основаніи тѣхъ же изображеній словъ цифрами и вычисленіями, старался найти отвѣтъ на занимавшій его вопросъ. Пьеръ написалъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ L'Empereur Alexandre? La nation russe? [3]) Сумма цифръ выходила больше или меньше 666. Одинъ разъ, занимаясь этими вычисленіями, онъ написалъ свое имя — Comte Pierre Besouhoff; сумма цифръ не вышла. Онъ, измѣнивъ орѳографію, поставилъ z вмѣсто s, прибавилъ «de», прибавилъ article «le» и все не получалъ желаемаго результата. Тогда ему пришло въ голову, что ежели бы отвѣтъ на искомый вопросъ и заключался въ его имени, то въ отвѣтѣ непремѣнно была бы названа его національность. Онъ написалъ le russe Besuhof [4]) и, сочтя цифры, онъ получилъ 671. Только 5 было лишнихъ; 5 означаетъ «е», то самое «е», которое было откинуто въ article передъ словомъ l'empereur. Откинувъ точно такъ же, хотя и неправильно, «е», Пьеръ получилъ искомый отвѣтъ l'russe Besuhof, равное 666. Открытіе это взволновало его. Какъ, какою связью былъ онъ соединенъ съ тѣмъ великимъ событіемъ, которое было предсказано въ Апокалипсисѣ, онъ не зналъ; но

---

1) Императоръ Наполеонъ.
2) Сорокъ два.
3) Императоръ Александръ? Русскій народъ?
4) Русскій Безуховъ.

онъ ни на минуту не усомнился въ этой связи. Его любовь къ Ростовой, антихристъ, нашествіе Наполеона, комета, 666, l'Empereur Napoléon и l'russe Besuhof,—все это вмѣстѣ должно было созрѣть, разразиться и вывести его изъ того заколдованнаго ничтожнаго міра московскихъ привычекъ, въ которыхъ онъ чувствовалъ себя плѣненнымъ, и привести его къ великому подвигу и великому счастью.

Пьеръ наканунѣ того воскресенья, въ которое читали молитву, обѣщалъ Ростовымъ привезти имъ отъ графа Растопчина, съ которымъ онъ былъ хорошо знакомъ, и воззваніе къ Россіи, и послѣднія извѣстія изъ арміи. Поутру, заѣхавъ къ графу Растопчину, Пьеръ у него засталъ только что пріѣхавшаго курьера изъ арміи. Курьеръ былъ одинъ изъ знакомыхъ Пьеру московскихъ бальныхъ танцоровъ.

— Ради Бога, не можете ли вы меня облегчить?—сказалъ курьеръ:—у меня полна сумка писемъ къ родителямъ.

Въ числѣ этихъ писемъ было письмо отъ Николая Ростова къ отцу. Пьеръ взялъ это письмо. Кромѣ того, графъ Растопчинъ далъ Пьеру воззваніе государя къ Москвѣ, только что отпечатанное, послѣдніе приказы по арміи и свою послѣднюю афишу. Просмотрѣвъ приказы по арміи, Пьеръ нашелъ въ одномъ изъ нихъ, между извѣстіями о раненыхъ, убитыхъ и награжденныхъ, имя Николая Ростова, награжденнаго Георгіемъ 4-й степени, за оказанную храбрость въ Островненскомъ дѣлѣ, и въ томъ же приказѣ назначеніе князя Андрея Болконскаго командиромъ егерскаго полка. Хотя ему и не хотѣлось напоминать Ростовымъ о Болконскомъ, но Пьеръ не могъ воздержаться отъ желанія порадовать ихъ извѣстіемъ о награжденіи сына и, оставивъ у себя воззваніе, афишу и другіе приказы съ тѣмъ, чтобы самому привезти ихъ къ обѣду, послалъ печатный приказъ и письмо къ Ростовымъ.

Разговоръ съ графомъ Растопчинымъ, его тонъ озабоченности и поспѣшности; встрѣча съ курьеромъ, беззаботно разсказывавшимъ о томъ, какъ дурно идутъ дѣла въ арміи; слухи о найденныхъ въ Москвѣ шпіонахъ, о бумагѣ, ходящей по Москвѣ, въ которой сказано, что Наполеонъ до осени обѣщаетъ быть въ обѣихъ русскихъ столицахъ; разговоръ объ ожидаемомъ на завтра пріѣздѣ государя,—все это съ новой силой возбуждало въ Пьерѣ то чувство волненія и ожиданія, которое не оставляло его со времени появленія кометы и въ особенности съ начала войны.

Пьеру давно уже приходила мысль поступить въ военную службу, и онъ бы исполнилъ ее, ежели бы не мѣшала ему, во-первыхъ, принадлежность его къ тому масонскому обществу, съ которымъ онъ былъ связанъ клятвой и которое проповѣдывало вѣчный миръ и уничтоженіе войны, и, во-вторыхъ, то, что ему, глядя на большое количество москвичей, надѣвшихъ мундиры и проповѣдывающихъ патріотизмъ, было почему-то совѣстно предпринять такой шагъ. Главная же причина, по которой онъ не приводилъ въ исполненіе своего намѣренія поступить въ военную службу, состояла въ томъ неясномъ представленіи, что онъ — l'russe Besuhof, имѣющій значеніе звѣринаго числа 666, что его участіе въ великомъ дѣлѣ положенія предѣла власти *звѣрю*, глаголющему велика и хульна, опредѣлено предвѣчно и что поэтому ему не должно предпринимать ничего и ждать того, что должно совершиться.

XX.

У Ростовыхъ, какъ и всегда по воскресеньямъ, обѣдалъ кое-кто изъ близкихъ знакомыхъ.

Пьеръ пріѣхалъ раньше, чтобы застать ихъ однихъ.

Пьеръ за этотъ годъ такъ потолстѣлъ, что онъ былъ бы уродливъ, ежели бы онъ не былъ такъ великъ ростомъ, крупенъ членами и не былъ такъ силенъ, что, очевидно, легко носилъ свою толщину.

Онъ, пыхтя и что-то бормоча про себя, взошелъ на лѣстницу. Кучеръ его уже не спрашивалъ, дожидаться ли. Онъ зналъ, что когда графъ у Ростовыхъ, то до 12-го часу. Лакеи Ростовыхъ радостно бросились снимать съ него плащъ и принимать палку и шляпу. Пьеръ, по привычкѣ клубной, и палку и шляпу оставлялъ въ передней.

Первое лицо, которое онъ увидалъ у Ростовыхъ, была Наташа. Еще прежде, чѣмъ онъ увидалъ ее, онъ, снимая плащъ въ передней, услыхалъ ее. Она пѣла сольфеджи въ залѣ. Онъ зналъ, что она не пѣла со времени своей болѣзни, и потому звукъ ея голоса удивилъ и обрадовалъ его. Онъ тихо отворилъ дверь и увидалъ Наташу въ ея лиловомъ платьѣ, въ которомъ она была у обѣдни, прохаживающуюся по комнатѣ и поющую. Она шла задомъ къ нему, когда онъ отворилъ дверь, но когда она круто повернулась и увидала его толстое удивленное лицо, она покраснѣла и быстро подошла къ нему.

— Я хочу попробовать опять пѣть, — сказала она. — Все-таки занятіе, — прибавила она, какъ будто извиняясь.

— И прекрасно.

— Какъ я рада, что вы пріѣхали! Я нынче такъ счастлива!— сказала она съ тѣмъ прежнимъ оживленіемъ, котораго уже давно не видѣлъ въ ней Пьеръ.—Вы знаете, Nicolas получилъ Георгіевскій крестъ. Я такъ горда за него.

— Какъ же, я прислалъ приказъ. Ну, я вамъ не хочу мѣшать, — прибавилъ онъ и хотѣлъ пройти въ гостиную.

Наташа остановила его.

— Графъ! что это дурно, что я пою?—сказала она, покраснѣвъ, но, не спуская глазъ, вопросительно глядя на Пьера.

— Нѣтъ... отчего же? Напротивъ... Но отчего вы меня спрашиваете?

— Я сама не знаю,—быстро отвѣчала Наташа. — Но я ничего бы не хотѣла сдѣлать, что̀ бы вамъ не нравилось. Я вамъ вѣрю во всемъ. Вы знаете, какъ вы для меня важны, какъ много вы для меня сдѣлали!..—Она говорила быстро и не замѣчая того, какъ Пьеръ покраснѣлъ при этихъ словахъ. — Я видѣла въ томъ же приказѣ: *онъ*, Болконскій (быстро шопотомъ проговорила она это слово), онъ въ Россіи и опять служитъ. Какъ вы думаете, — сказала она быстро, видимо торопясь говорить, потому что она боялась за свои силы,—проститъ онъ меня когда-нибудь? Не будетъ онъ имѣть противъ меня злого чувства? Какъ вы думаете? Какъ вы думаете?

— Я думаю... — сказалъ Пьеръ. — Ему нечего прощать... Ежели бы я былъ на его мѣстѣ...

По связи воспоминаній Пьеръ мгновенно перенесся воображеніемъ къ тому времени, когда онъ, утѣшая ее, сказалъ ей, что ежели бы онъ былъ не онъ, а лучшій человѣкъ въ мірѣ и свободенъ, то онъ на колѣняхъ просилъ бы ея руки; и то же чувство жалости, нѣжности, любви охватило его, и тѣ же слова были у него на устахъ. Но она не дала ему времени сказать ихъ.

— Да вы... вы...—сказала она, съ восторгомъ произнося это слово *вы*, — другое дѣло. Добрѣе, великодушнѣе, лучше васъ я не знаю человѣка, и не можетъ быть. Ежели бы васъ не было тогда, да и теперь, я не знаю, что бы было со мной, потому что...

Слезы вдругъ полились ей въ глаза; она повернулась, подняла ноты къ глазамъ, запѣла и пошла опять ходить по залѣ.

Въ это время изъ гостиной выбѣжалъ Петя.

Петя былъ теперь красивый, румяный пятнадцатилѣтній мальчикъ съ толстыми, красными губами, похожій на Наташу. Онъ готовился въ университетъ, но въ послѣднее время, съ това-

рищемъ своимъ Оболенскимъ, тайно рѣшилъ, что пойдетъ въ гусары.

Петя выскочилъ къ своему тезкѣ, чтобы переговорить о дѣлѣ.

Онъ просилъ его узнать, примутъ ли его въ гусары.

Пьеръ шелъ по гостиной, не слушая Петю.

Петя дернулъ его за руку, чтобы обратить на себя его вниманіе.

— Ну, что мое дѣло, Петръ Кирилычъ, ради Бога! Одна надежда на васъ, — говорилъ Петя.

— Ахъ, да, твое дѣло. Въ гусары-то? Скажу, скажу. Нынче скажу все.

— Ну что, mon cher, ну что, достали манифестъ?—спросилъ старый графъ. — А графинюшка была у обѣдни у Разумовскихъ, молитву новую слышала. Очень хорошая, говоритъ.

— Досталъ, — отвѣчалъ Пьеръ. — Завтра государь будетъ... Необычайное дворянское собраніе и, говорятъ, по десяти съ тысячи наборъ. Да, поздравляю васъ.

— Да, да, слава Богу. Ну, а изъ арміи что?

— Наши опять отступили. Подъ Смоленскомъ уже, говорятъ, — отвѣчалъ Пьеръ.

— Боже мой, Боже мой! — сказалъ графъ. — Гдѣ же манифестъ?

— Воззваніе! Ахъ, да!

Пьеръ сталъ въ карманахъ искать бумагъ и не могъ найти ихъ. Продолжая охлопывать карманы, онъ поцѣловалъ руку у вошедшей графини и безпокойно оглядывался, очевидно ожидая Наташу, которая не пѣла больше, но и не приходила въ гостиную.

— Ma parole, je ne sais plus où je l'ai fourré [1]), — сказалъ онъ.

— Ну, ужъ вѣчно растеряетъ все, — сказала графиня.

Наташа вошла съ размягченнымъ, взволнованнымъ лицомъ и сѣла, молча глядя на Пьера. Какъ только она вошла въ комнату, лицо Пьера, до этого пасмурное, просіяло, и онъ, продолжая отыскивать бумаги, нѣсколько разъ взглядывалъ на нее.

— Ей-Богу, я съѣзжу, я дома забылъ. Непремѣнно...

— Ну, къ обѣду опоздаете?

— Ахъ, и кучеръ уѣхалъ.

Но Соня, пошедшая въ переднюю искать бумаги, нашла ихъ въ шляпѣ Пьера, куда онъ ихъ старательно заложилъ за подкладку. Пьеръ было хотѣлъ читать.

---

[1]) Ей-Богу, не знаю, куда я его дѣлъ.

— Нѣтъ, послѣ обѣда,—сказалъ старый графъ, видимо въ этомъ чтеніи предвидѣвшій большое удовольствіе.

За обѣдомъ, за которымъ пили шампанское за здоровье новаго георгіевскаго кавалера, Шиншинъ разсказывалъ городскія новости: о болѣзни старой грузинской княгини, о томъ, что Метивье исчезъ изъ Москвы, и о томъ, что къ Растопчину привели какого-то нѣмца и объявили ему, что это шампиньонъ (такъ разсказывалъ самъ графъ Растопчинъ), и какъ графъ Растопчинъ велѣлъ шампиньона отпустить, сказавъ народу, что это не шампиньонъ, а просто старый грибъ нѣмецъ.

— Хватаютъ, хватаютъ!—сказалъ графъ.—Я графинѣ и то говорю, чтобы поменьше говорила по-французски. Теперь не время.

— А слышали? — сказалъ Шиншинъ. — Князь Голицынъ русскаго учителя взялъ — по-русски учится, — il commence à devenir dangereux de parler français dans les rues [1]).

— Ну, что жъ, графъ Петръ Кирилычъ, какъ ополченье-то сбирать будутъ, и вамъ придется на коня? — сказалъ старый графъ, обращаясь къ Пьеру.

Пьеръ былъ молчаливъ и задумчивъ во все время этого обѣда. Онъ, какъ бы не понимая, посмотрѣлъ на графа при этомъ обращеніи.

— Да, да, на войну, — сказалъ онъ. — Нѣтъ! Какой я воинъ! А впрочемъ, все такъ странно, такъ странно! Да я и самъ не понимаю. Я не знаю, я такъ далекъ отъ военныхъ вкусовъ; но въ теперешнія времена никто за себя отвѣчать не можетъ.

Послѣ обѣда графъ усѣлся покойно въ кресло и съ серьезнымъ лицомъ попросилъ Соню, славившуюся мастерствомъ чтенія, читать.

«Первопрестольной столицѣ нашей Москвѣ.

«Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любимое наше отечество», старательно читала Соня своимъ тоненькимъ голоскомъ. Графъ закрылъ глаза, слушалъ, порывисто вздыхая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Наташа сидѣла, вытянувшись, испытующе и прямо глядя то на отца, то на Пьера.

Пьеръ чувствовалъ на себѣ ея взглядъ и старался не оглядываться. Графиня неодобрительно и сердито покачивала головой противъ каждаго торжественнаго выраженія манифеста. Она во всѣхъ этихъ словахъ видѣла только то, что опасности, угрожающія ея сыну, еще не скоро прекратятся. Шиншинъ, сложивъ ротъ въ насмѣшливую улыбку, очевидно приготовился на-

1) Становится опаснымъ говорить по-французски на улицахъ.

смѣхаться надъ тѣмъ, что̀ первое представится для насмѣшки: надъ чтеніемъ Сони, надъ тѣмъ, что̀ скажетъ графъ, даже надъ самымъ воззваніемъ, ежели не представится лучше предлога.

Прочтя объ опасностяхъ, угрожающихъ Россіи, о надеждахъ, возлагаемыхъ государемъ на Москву и, въ особенности, на знаменитое дворянство, Соня съ дрожаніемъ голоса, происходившимъ преимущественно отъ вниманія, съ которымъ ее слушали, прочла послѣднія слова: «Мы не умедлимъ сами стать посреди народа своего въ сей столицѣ и въ другихъ государства нашего мѣстахъ для совѣщанія и руководствованія всѣми нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую онъ мнитъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи!»

— Вотъ это такъ! — воскликнулъ графъ, открывая мокрые глаза, и, нѣсколько разъ прерываясь отъ сопѣнія, какъ будто къ носу его подносили склянку съ крѣпкой уксусной солью, онъ проговорилъ: — Только скажи государь, мы всѣмъ пожертвуемъ и ничего не пожалѣемъ.

Шиншинъ еще не успѣлъ сказать приготовленную имъ шутку на патріотизмъ графа, какъ Наташа вскочила съ своего мѣста и подбѣжала къ отцу.

— Что за прелесть этотъ папа! — проговорила она, цѣлуя его; и она опять взглянула на Пьера съ тѣмъ безсознательнымъ кокетствомъ, которое вернулось къ ней вмѣстѣ съ ея оживленіемъ.

— Вотъ такъ патріотка, — сказалъ Шиншинъ.

— Совсѣмъ не патріотка, а просто... — обиженно отвѣчала Наташа. — Вамъ все смѣшно, а это совсѣмъ не шутка...

— Какія шутки! — повторилъ графъ. — Только скажи онъ слово, мы всѣ пойдемъ... Мы не нѣмцы какіе-нибудь...

— А замѣтили вы, — сказалъ Пьеръ, — что сказано: «для совѣщанія».

— Ну, ужъ тамъ для чего бы ни было...

Въ это время Петя, на котораго никто не обращалъ вниманія, подошелъ къ отцу и, весь красный, ломающимся, то грубымъ, то тонкимъ голосомъ, сказалъ:

— Ну, теперь, папенька, я рѣшительно скажу — и маменька тоже, какъ хотите, — я рѣшительно скажу, что вы пустите меня въ военную службу, потому что я не могу... вотъ и все...

Графиня съ ужасомъ подняла глаза къ нему, всплеснула руками и сердито обратилась къ мужу.

— Вотъ и договорился! — сказала она.

Но графъ въ ту же минуту оправился отъ волненія.

— Ну, ну, — сказалъ онъ. — Вотъ воинъ еще! Глупости-то оставь: учиться надо.

— Это не глупости, папенька. Оболенскій Ѳедя моложе меня и тоже идетъ, а главное, все равно, я ничему не могу учиться теперь, когда... — Петя остановился, покраснѣлъ до поту и проговорилъ-таки: — когда отечество въ опасности.

— Полно, полно, глупости...

— Да вѣдь вы сами сказали, что всѣмъ пожертвуемъ.

— Петя! Я тебѣ говорю, замолчи, — крикнулъ графъ, оглядываясь на жену, которая, поблѣднѣвъ, смотрѣла остановившимися глазами на меньшого сына.

— А я вамъ говорю. Вотъ и Петръ Кирилловичъ скажетъ...

— Я тебѣ говорю — вздоръ, еще молоко не обсохло, а въ военную службу хочетъ! Ну, ну, я тебѣ говорю, — и графъ, взявъ съ собою бумаги, вѣроятно чтобы еще разъ прочесть въ кабинетѣ передъ отдыхомъ, пошелъ изъ комнаты. — Петръ Кирилловичъ, что жъ, пойдемъ покурить...

Пьеръ находился въ смущеніи и нерѣшительности. Непривычно-блестящіе и оживленные глаза Наташи, безпрестанно больше чѣмъ ласково обращавшіеся на него, привели его въ это состояніе.

— Нѣтъ, я, кажется, домой поѣду...

— Какъ домой, да вы вечеръ у насъ хотѣли... И то рѣдко стали бывать А эта моя... — сказалъ добродушно графъ, указывая на Наташу, — только при васъ и весела.

— Да, я забылъ... Мнѣ непремѣнно надо домой... Дѣла...— поспѣшно сказалъ Пьеръ.

— Ну, такъ до свиданія,—сказалъ графъ, совсѣмъ уходя изъ комнаты.

— Отчего вы уѣзжаете? Отчего вы разстроены? Отчего?...— спросила Пьера Наташа, вызывающе глядя ему въ глаза.

«Оттого, что я тебя люблю!» хотѣлъ онъ сказать, но онъ не сказалъ этого, до слезъ покраснѣлъ и опустилъ глаза.

— Оттого, что мнѣ лучше рѣже бывать у васъ... Оттого... нѣтъ, просто у меня дѣла...

— Отчего? Нѣтъ, скажите, — рѣшительно начала было Наташа и вдругъ замолчала.

Они оба испуганно и смущенно смотрѣли другъ на друга. Онъ попытался усмѣхнуться, но не могъ: улыбка его выразила страданіе, и онъ молча поцѣловалъ ея руку и вышелъ.

Пьеръ рѣшилъ самъ съ собой: не бывать больше у Ростовыхъ.

XXI.

Петя послѣ полученнаго имъ рѣшительнаго отказа ушелъ въ свою комнату и тамъ, запершись отъ всѣхъ, горько плакалъ. Всѣ сдѣлали, какъ будто ничего не замѣтили, когда онъ къ чаю пришелъ молчаливымъ и мрачнымъ, съ заплаканными глазами.

На другой день пріѣхалъ государь. Нѣсколько человѣкъ дворовыхъ Ростовыхъ отпросились пойти поглядѣть царя. Въ это утро Петя долго одѣвался, причесывался и устраивалъ воротнички такъ, какъ у большихъ. Онъ хмурился передъ зеркаломъ, дѣлалъ жесты, пожималъ плечами и, наконецъ, никому не сказавши, надѣлъ фуражку и вышелъ изъ дома съ задняго крыльца, стараясь быть не замѣченнымъ. Петя рѣшился идти прямо къ тому мѣсту, гдѣ былъ государь, и прямо объяснить какому-нибудь камергеру (Петѣ казалось, что государя всегда окружаютъ камергеры), что онъ, графъ Ростовъ, несмотря на свою молодость, желаетъ служить отечеству, что молодость не можетъ быть препятствіемъ для преданности и что онъ готовъ... Петя въ то время, какъ онъ собирался, приготовилъ много прекрасныхъ словъ, которыя онъ скажетъ камергеру.

Петя разсчитывалъ на успѣхъ своего представленія государю именно потому, что онъ ребенокъ (Петя думалъ даже, какъ всѣ удивятся его молодости); а вмѣстѣ съ тѣмъ въ устройствѣ своихъ воротничковъ, въ прическѣ и въ степенной медлительной походкѣ онъ хотѣлъ представить изъ себя стараго человѣка. Но чѣмъ дальше онъ шелъ, чѣмъ больше онъ развлекался все прибывающимъ и прибывающимъ у Кремля народомъ, тѣмъ больше онъ забывалъ соблюденіе степенности и медлительности, свойственныхъ взрослымъ людямъ. Подходя къ Кремлю, онъ уже сталъ заботиться о томъ, чтобы его не затолкали, и рѣшительно, съ угрожающимъ видомъ выставилъ по бокамъ локти. Но въ Троицкихъ воротахъ, несмотря на всю его рѣшительность, люди, которые вѣроятно не знали, съ какой патріотической цѣлью онъ шелъ въ Кремль, такъ прижали его къ стѣнѣ, что онъ долженъ былъ покориться и остановиться, пока въ ворота съ гудящимъ подъ сводами звукомъ проѣзжали экипажи. Около Пети стояла баба съ лакеемъ, два купца и отставной солдатъ. Постоявъ нѣсколько времени въ воротахъ, Петя, не дождавшись того, чтобы всѣ экипажи проѣхали, прежде другихъ хотѣлъ тронуться дальше и началъ рѣшительно работать локтями; но баба, стоявшая противъ него, на которую онъ первую направилъ свои локти, сердито крикнула на него:

— Что, барчукъ, толкаешься. Видишь — всѣ стоятъ. Что жъ лѣзть-то!

— Такъ и всѣ полѣзутъ, — сказалъ лакей и, тоже начавъ работать локтями, затискалъ Петю въ вонючій уголъ воротъ.

Петя отеръ руками потъ, покрывавшій его лицо, и поправилъ размочившіеся отъ пота воротнички, которые онъ такъ хорошо, какъ у большихъ, устроилъ дома.

Петя чувствовалъ, что онъ имѣетъ непрезентабельный видъ, и боялся, что ежели такимъ онъ представится камергерамъ, то его не допустятъ до государя. Но оправиться и перейти въ другое мѣсто не было возможности отъ тѣсноты. Одинъ изъ проѣзжавшихъ генераловъ былъ знакомый Ростовыхъ. Петя хотѣлъ просить его помощи, но счелъ, что это было бы противно мужеству. Когда всѣ экипажи проѣхали, толпа хлынула и вынесла и Петю на площадь, которая была вся занята народомъ. Не только на площади, но на откосахъ, на крышахъ, вездѣ былъ народъ. Только что Петя очутился на площади, онъ явственно услыхалъ наполнявшіе весь Кремль звуки колоколовъ и радостнаго народнаго говора.

Одно время на площади было просторнѣе, но вдругъ всѣ головы открылись, все бросилось еще куда-то впередъ. Петю сдавили такъ, что онъ не могъ дышать, и все закричало: «Ура! ура! ура!» Петя поднимался на цыпочки, толкался, щипался, но ничего не могъ видѣть, кромѣ народа вокругъ себя.

На всѣхъ лицахъ было одно общее выраженіе умиленія и восторга. Одна купчиха, стоявшая подлѣ Пети, рыдала, и слезы текли у нея изъ глазъ.

— Отецъ, ангелъ, батюшка! — приговаривала она, отирая пальцами слезы.

— Ура! — кричали со всѣхъ сторонъ.

Съ минуту толпа простояла на одномъ мѣстѣ, но потомъ опять бросилась впередъ.

Петя, самъ себя не помня, стиснувъ зубы и звѣрски выкативъ глаза, бросился впередъ, работая локтями и крича: «Ура!» какъ будто онъ готовъ былъ и себя и всѣхъ убить въ эту минуту; но съ боковъ его лѣзли точно такія же звѣрскія лица съ такими же криками: «Ура!»

«Такъ вотъ что такое государь!» думалъ Петя. «Нѣтъ, нельзя мнѣ самому ему подать прошеніе, это слишкомъ смѣло!» Несмотря на то, онъ все такъ же отчаянно пробивался впередъ, и изъ-за спинъ переднихъ ему мелькнуло пустое пространство съ устланнымъ краснымъ сукномъ ходомъ; но въ это время толпа заколебалась назадъ (спереди полицейскіе отталкивали

надвинувшихся слишкомъ близко къ шествію: государь проходилъ изъ дворца въ Успенскій соборъ), и Петя неожиданно получилъ въ бокъ такой ударъ по ребрамъ и такъ былъ придавленъ, что вдругъ въ глазахъ его все помутилось, и онъ потерялъ сознаніе. Когда онъ пришелъ въ себя, какое-то духовное лицо, съ пучкомъ сѣдѣвшихъ волосъ назади, въ потертой синей рясѣ, вѣроятно дьячокъ, одной рукой держало его подъ мышку, другой охраняло отъ напиравшей толпы.

— Барченка задавили!—говорилъ дьячокъ.—Что жъ такое!.. Легче!.. задавили, задавили!

Государь прошелъ въ Успенскій соборъ. Толпа опять разровнялась, и дьячокъ вывелъ Петю, блѣднаго и не дышащаго, къ царь-пушкѣ. Нѣсколько лицъ пожалѣли Петю, и вдругъ вся толпа обратилась къ нему, и уже вокругъ него произошла давка. Тѣ, которые стояли ближе, услуживали ему, разстегивали его сюртучокъ, усаживали на возвышеніе пушки и укоряли кого-то изъ тѣхъ, кто раздавилъ его.

— Этакъ до смерти раздавить можно. Что жъ это! Душегубство дѣлать! Вишь, сердечный, какъ скатерть бѣлый сталъ, — говорили голоса.

Петя скоро опомнился, краска вернулась ему въ лицо, боль прошла, и за эту временную непріятность онъ получилъ мѣсто на пушкѣ, съ которой онъ надѣялся увидать долженствующаго пройти назадъ государя. Петя уже не думалъ теперь о подачѣ прошенія. Ужъ только ему увидать бы его, и то онъ считалъ бы себя счастливымъ!

Во время службы въ Успенскомъ соборѣ — соединеннаго молебствія по случаю пріѣзда государя и благодарственнаго молебствія за заключеніе мира съ турками — толпа пораспространилась; появились покрикивающіе продавцы квасу, пряниковъ, мака, до котораго былъ особенно охотникъ Петя, и послышались обыкновенные разговоры. Одна купчиха показывала свою разорванную шаль и сообщала, какъ дорого она была куплена; другая говорила, что нынче всѣ шелковыя матеріи дороги стали. Дьячокъ, спаситель Пети, разговаривалъ съ чиновникомъ о томъ, кто и кто служитъ нынче съ преосвященнымъ. Дьячокъ нѣсколько разъ повторялъ слово *соборнѣ*, котораго не понималъ Петя. Два молодыхъ мѣщанина шутили съ дворовыми дѣвушками, грызущими орѣхи. Всѣ эти разговоры, въ особенности шуточки съ дѣвушками, для Пети, въ его возрастѣ, имѣвшія особенную привлекательность, всѣ эти разговоры теперь не занимали Петю; онъ сидѣлъ на своемъ возвышеніи — пушкѣ, все такъ же волнуясь при мысли о государѣ и о своей любви къ нему. Совпа-

деніе чувства боли и страха, когда его сдавили, съ чувствомъ восторга еще болѣе усилило въ немъ сознаніе важности этой минуты.

Вдругъ съ набережной послышались пушечные выстрѣлы (это стрѣляли въ ознаменованіе мира съ турками), и толпа стремительно бросилась къ набережной — смотрѣть, какъ стрѣляютъ. Петя тоже хотѣлъ бѣжать туда, но дьячокъ, взявшій подъ свое покровительство барченка, не пустилъ его. Еще продолжались выстрѣлы, когда изъ Успенскаго собора выбѣжали офицеры, генералы, камергеры, потомъ уже не такъ поспѣшно вышли еще другіе, опять снялись шапки съ головъ, и тѣ, которые убѣжали смотрѣть пушки, бѣжали назадъ. Наконецъ вышли еще четверо мужчинъ въ мундирахъ и лентахъ изъ дверей собора. «Ура! ура!» опять закричала толпа.

— Который? который?—плачущимъ голосомъ спрашивалъ вокругъ себя Петя, но никто не отвѣчалъ ему: всѣ были слишкомъ увлечены; и Петя, выбравъ одного изъ этихъ четырехъ лицъ, котораго онъ изъ-за слезъ, выступившихъ ему отъ радости на глаза, не могъ ясно разглядѣть, сосредоточилъ на него весь свой восторгъ, хотя это былъ не государь, закричалъ «ура!» неистовымъ голосомъ и рѣшилъ, что завтра же, чего бы это ему ни стоило, онъ будетъ военнымъ.

Толпа побѣжала за государемъ, проводила его до дворца и стала расходиться. Было уже поздно, и Петя ничего не ѣлъ, и потъ лилъ съ него градомъ; но онъ не уходилъ домой и вмѣстѣ съ уменьшившейся, но еще довольно большой толпой стоялъ передъ дворцомъ, во время обѣда государя, глядя въ окна дворца, ожидая еще чего-то и завидуя одинаково и сановникамъ, подъѣзжавшимъ къ крыльцу къ обѣду государя, и камеръ-лакеямъ, служившимъ за столомъ и мелькавшимъ въ окнахъ.

За обѣдомъ государя Валуевъ сказалъ, оглянувшись въ окно:

— Народъ все еще надѣется увидать ваше величество.

Обѣдъ уже кончился, государь всталъ, доѣдая бисквитъ, и вышелъ на балконъ. Народъ, съ Петей въ серединѣ, бросился къ балкону.

— Ангелъ, батюшка! Ура! Отецъ!.. — кричали народъ и Петя; и опять бабы и нѣкоторые мужчины послабѣе, въ томъ числѣ и Петя, заплакали отъ счастья.

Довольно большой обломокъ бисквита, который держалъ въ рукѣ государь, отломившись, упалъ на перила балкона, съ перилъ на землю. Ближе всѣхъ стоявшій кучеръ въ поддевкѣ бросился къ этому кусочку бисквита и схватилъ его. Нѣкоторые изъ толпы бросились къ кучеру. Замѣтивъ это, государь велѣлъ

подать себѣ тарелку съ бисквитами и сталъ кидать бисквиты съ балкона. Глаза Пети налились кровью, опасность быть задавленнымъ еще болѣе возбуждала его, онъ бросился на бисквиты. Онъ не зналъ зачѣмъ, но нужно было взять одинъ бисквитъ изъ рукъ царя и нужно было не поддаться. Онъ бросился и сбилъ съ ногъ старушку, ловившую бисквитъ. Но старушка не считала себя побѣжденною, хотя и лежала на землѣ: старушка ловила бисквиты и не попадала руками. Петя колѣнкой отбилъ ея руку, схватилъ бисквитъ и, какъ будто боясь опоздать, опять закричалъ: «ура!» уже охрипшимъ голосомъ.

Государь ушелъ, и послѣ этого большая часть народа стала расходиться.

— Вотъ я говорилъ, что еще подождать,—такъ и вышло,—съ разныхъ сторонъ радостно говорили въ народѣ.

Какъ ни счастливъ былъ Петя, но ему все-таки грустно было идти домой и знать, что все наслажденіе этого дня кончилось. Изъ Кремля Петя пошелъ не домой, а къ своему товарищу Оболенскому, которому было пятнадцать лѣтъ и который тоже поступалъ въ полкъ. Вернувшись домой, онъ рѣшительно и твердо объявилъ, что ежели его не пустятъ, то онъ убѣжитъ. И на другой день хотя и не совсѣмъ еще сдавшись, но графъ Илья Андреевичъ поѣхалъ узнавать, какъ бы пристроить Петю куда-нибудь побезопаснѣе.

XXII.

15-го числа утромъ, на третій день послѣ этого, у Слободского дворца стояло безчисленное количество экипажей.

Залы были полны. Въ первой были дворяне въ мундирахъ; во второй—купцы, съ медалями, въ бородахъ и синихъ кафтанахъ. По залѣ дворянскаго собранія шелъ гулъ и движеніе. У одного большого стола, подъ портретомъ государя, сидѣли на стульяхъ съ высокими спинками важнѣйшіе вельможи; но большинство дворянъ ходило по залѣ.

Всѣ дворяне, тѣ самые, которыхъ каждый день видалъ Пьеръ то въ клубѣ, то въ ихъ домахъ,—всѣ были въ мундирахъ, кто въ екатерининскихъ, кто въ павловскихъ, кто въ новыхъ александровскихъ, кто въ общемъ дворянскомъ; и этотъ общій характеръ мундира придавалъ что-то странное и фантастическое этимъ старымъ и молодымъ, самымъ разнообразнымъ и знакомымъ лицамъ. Особенно поразительны были старики, подслѣповатые, беззубые, плѣшивые, оплывшіе желтымъ жиромъ или

сморщенные, худые. Они большею частью сидѣли на мѣстахъ и молчали, и ежели ходили и говорили, то пристроивались къ кому-нибудь помоложе. Такъ же, какъ на лицахъ толпы, которую на площади видѣлъ Петя, на всѣхъ этихъ лицахъ была поразительна черта противоположности: общаго ожиданія чего-то торжественнаго и обыкновеннаго, вчерашняго—бостонной партіи, Петрушки-повара, здоровья Зинаиды Дмитріевны и т. п.

Пьеръ, съ ранняго утра уже стянутый въ неловкомъ, сдѣлавшемся ему узкимъ, дворянскомъ мундирѣ, былъ въ залахъ. Онъ былъ въ волненіи: необыкновенное собраніе не только дворянства, но и купечества — сословій, états généraux — вызвало въ немъ цѣлый рядъ давно оставленныхъ, но глубоко врѣзавшихся въ его душѣ мыслей о Contrat social и французской революціи. Замѣченныя имъ въ воззваніи слова, что государь прибудетъ въ столицу для *совѣщанія* съ своимъ народомъ, утверждали его въ этомъ взглядѣ. И онъ, полагая, что въ этомъ смыслѣ приближается что-то важное, то, чего онъ ждалъ давно, ходилъ, присматривался, прислушивался къ говору, но нигдѣ не находилъ выраженія тѣхъ мыслей, которыя занимали его.

Былъ прочтенъ манифестъ государя, вызвавшій восторгъ, и потомъ всѣ разбрелись, разговаривая. Кромѣ обычныхъ интересовъ, Пьеръ слышалъ толки о томъ, гдѣ стоять предводителямъ въ то время, какъ войдетъ государь, когда дать балъ государю, раздѣлиться ли по уѣздамъ или всей губерніей... и т. д.; но какъ скоро дѣло касалось войны и того, для чего было собрано дворянство, толки были нерѣшительны и неопредѣленны. Всѣ больше желали слушать, чѣмъ говорить.

Одинъ мужчина среднихъ лѣтъ, мужественный, красивый, въ отставномъ морскомъ мундирѣ, говорилъ въ одной изъ залъ, и около него столпились. Пьеръ подошелъ къ образовавшемуся кружку около говоруна и сталъ прислушиваться. Графъ Илья Андреевичъ въ своемъ екатерининскомъ воеводскомъ кафтанѣ, ходившій съ пріятной улыбкой между толпой, со всѣми знакомый, подошелъ тоже къ этой группѣ и сталъ слушать съ своей доброй улыбкой, какъ онъ всегда слушалъ, въ знакъ согласія съ говорившимъ одобрительно кивая головой. Отставной морякъ говорилъ очень смѣло; это видно было по выраженію лицъ, его слушавшихъ, и по тому, что извѣстные Пьеру за самыхъ покорныхъ и тихихъ людей неодобрительно отходили отъ него или противорѣчили. Пьеръ протолкался въ середину кружка, прислушался и убѣдился, что говорившій дѣйствительно былъ либералъ, но совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ думалъ Пьеръ. Морякъ говорилъ тѣмъ особенно звучнымъ, пѣвучимъ дворянскимъ

баритономъ, съ пріятнымъ грасированіемъ и сокращеніемъ согласныхъ, тѣмъ голосомъ, которымъ покрикиваютъ: «чеаекъ, трубку!» и тому подобное. Онъ говорилъ съ привычкой разгула и власти въ голосѣ.

— Что жъ, что смоляне предложили ополченцевъ госуаю. Развѣ намъ смоляне указъ? Ежели буародное дворянство Московской губерніи найдетъ нужнымъ, оно можетъ выказать свою преданность госуаю императору другими средствами. Развѣ мы забыли ополченіе въ седьмомъ году! Только что нажились кутейники да воры-грабители...

Графъ Илья Андреевичъ, сладко улыбаясь, одобрительно кивалъ головой.

— И что же, развѣ наши ополченцы составили пользу для государства? Никакой! Только разорили наши хозяйства. Лучше еще наборъ... а то вернется къ вамъ ни солдатъ, ни мужикъ; и только одинъ развратъ. Дворяне не жалѣютъ своего живота, мы сами поголовно пойдемъ, возьмемъ еще рекрутъ, и всѣмъ намъ только кличъ кликни гусай (онъ такъ выговаривалъ государь), мы всѣ умремъ за него,— прибавилъ ораторъ, одушевляясь.

Илья Андреевичъ проглатывалъ слюни отъ удовольствія и толкалъ Пьера, но Пьеру захотѣлось также говорить. Онъ выдвинулся впередъ, чувствуя себя одушевленнымъ, самъ не зная еще чѣмъ и самъ не зная еще, чтó онъ скажетъ. Онъ только что открылъ ротъ, чтобы говорить, какъ одинъ сенаторъ, совершенно безъ зубовъ, съ умнымъ и сердитымъ лицомъ, стоявшій близко отъ оратора, перебилъ Пьера. Съ видимой привычкой вести пренія и держать вопросы, онъ заговорилъ тихо, но слышно:

— Я полагаю, милостивый государь, — шамкая беззубымъ ртомъ,— сказалъ сенаторъ,— что мы призваны сюда не для того, чтобы обсуждать, чтó удобнѣе для государства въ настоящую минуту—наборъ или ополченіе. Мы призваны для того, чтобы отвѣчать на то воззваніе, которымъ насъ удостоилъ государь императоръ. А судить о томъ, что удобнѣе—наборъ или ополченіе, мы предоставимъ судить высшей власти...

Пьеръ вдругъ нашелъ исходъ своему одушевленію. Онъ ожесточился противъ сенатора, вносящаго эту правильность и узкость воззрѣній въ предстоящія занятія дворянства. Пьеръ выступилъ впередъ и остановилъ его. Онъ самъ не зналъ, чтò онъ будетъ говорить, но началъ оживленно, изрѣдка прорываясь французскими словами и книжно выражаясь по-русски.

— Извините меня, ваше превосходительство, — началъ онъ (Пьеръ былъ хорошо знакомъ съ этимъ сенаторомъ, но считалъ

здѣсь необходимымъ обращаться къ нему офиціально), — хотя я не согласенъ съ господиномъ... (Пьеръ запнулся. Ему хотѣлось сказать: mon très honorable préopinant[1])) съ господиномъ... que je n'ai pas l'honneur de connaître[2]), но я полагаю, что сословіе дворянства, кромѣ выраженія своего сочувствія и восторга, призвано также и для того, чтобы и обсудить тѣ мѣры, которыми мы можемъ помочь отечеству. Я полагаю,—говорилъ онъ, воодушевляясь,— что государь былъ бы самъ недоволенъ, ежели бы онъ нашелъ въ насъ только владѣльцевъ мужиковъ, которыхъ мы отдаемъ ему и бр... chaire à canon[3]), которую мы изъ себя дѣлаемъ, но не нашелъ бы въ насъ со... со... совѣта.

Многіе отошли отъ кружка, замѣтивъ презрительную улыбку сенатора и то, что Пьеръ говоритъ вольно; только Илья Андреевичъ былъ доволенъ рѣчью Пьера, какъ онъ былъ доволенъ рѣчью моряка, сенатора и, вообще, всегда тою рѣчью, которую онъ послѣднею слышалъ.

— Я полагаю, что прежде, чѣмъ обсуждать эти вопросы,— продолжалъ Пьеръ,—мы должны спросить у государя, почтительнѣйше просить его величество комюникировать намъ, сколько у насъ войска, въ какомъ положеніи находятся наши войска и арміи, и тогда...

Но Пьеръ не успѣлъ договорить этихъ словъ, какъ съ трехъ сторонъ вдругъ напали на него. Сильнѣе всѣхъ напалъ на него давно знакомый ему, всегда хорошо расположенный къ нему игрокъ въ бостонъ Степанъ Степановичъ Адраксинъ. Степанъ Степановичъ былъ въ мундирѣ, и, отъ мундира ли, или отъ другихъ причинъ, Пьеръ увидалъ предъ собой совсѣмъ другого человѣка. Степанъ Степановичъ, съ вдругъ проявившейся старческой злобой на лицѣ, закричалъ на Пьера:

— Во-первыхъ, доложу вамъ, что мы не имѣемъ права спрашивать объ этомъ государя, а во-вторыхъ, ежели бы было такое право у россійскаго дворянства, то государь не можетъ намъ отвѣтить. Войска движутся сообразно съ движеніями непріятеля, войска убываютъ и прибываютъ...

Другой голосъ человѣка средняго роста, лѣтъ сорока, котораго Пьеръ въ прежнія времена видалъ у цыганъ и зналъ за нехорошаго игрока въ карты и который, тоже измѣненный въ мундирѣ, придвинулся къ Пьеру, перебилъ Адраксина.

---

1) Мой многоуважамый возражатель.
2) Съ которымъ я не имѣю честь быть знакомымъ.
3) Мясо для пушекъ.

— Да и не время разсуждать,—говорилъ голосъ этого дворянина, — а нужно дѣйствовать: война въ Россіи. Врагъ нашъ идетъ, чтобы погубить Россію, чтобы поругать могилы нашихъ отцовъ, чтобы увезти женъ, дѣтей.—Дворянинъ ударилъ себя въ грудь.—Мы всѣ встанемъ, всѣ поголовно пойдемъ, всѣ за царя-батюшку! — кричалъ онъ, выкатывая кровью налившіеся глаза. Нѣсколько одобряющихъ голосовъ послышалось изъ толпы. — Мы русскіе и не пожалѣемъ крови своей для защиты вѣры, престола и отечества. А бредни надо оставить, ежели мы сыны отечества. Мы покажемъ Европѣ, какъ Россія возстаетъ за Россію, — кричалъ дворянинъ.

Пьеръ хотѣлъ возражать, но не могъ сказать ни слова. Онъ чувствовалъ, что звукъ его словъ, независимо отъ того, какую они заключали мысль, былъ менѣе слышенъ, чѣмъ звукъ словъ оживленнаго дворянина.

Илья Андреевичъ одобривалъ сзади кружка; нѣкоторые бойко поворачивались плечомъ къ оратору, при концѣ фразы, и говорили:

— Вотъ такъ, такъ! Это такъ!

Пьеръ хотѣлъ сказать, что онъ не прочь отъ пожертвованій ни деньгами, ни мужиками, ни собой, но что надо бы знать состояніе дѣла, чтобы помогать ему; но онъ не могъ говорить. Много голосовъ кричало и говорило вмѣстѣ, такъ что Илья Андреевичъ не успѣвалъ кивать всѣмъ, и группа увеличивалась, распадалась, опять сходилась и двинулась вся, гудя говоромъ, въ большую залу, къ большому столу. Пьеру не только не удавалось говорить, но его грубо перебивали, отталкивали, отворачивались отъ него, какъ отъ общаго врага. Это не оттого происходило, что недовольны были смысломъ его рѣчи,—ее и забыли послѣ большого количества рѣчей, послѣдовавшихъ за ней,—но для одушевленія толпы нужно было имѣть ощутительный предметъ любви и ощутительный предметъ ненависти. Пьеръ сдѣлался этимъ послѣднимъ. Много ораторовъ говорило послѣ оживленнаго дворянина, и всѣ говорили въ томъ же тонѣ. Многіе говорили прекрасно и оригинально.

Издатель «Русскаго Вѣстника» Глинка, котораго узнали («писатель, писатель!» послышалось въ толпѣ), сказалъ, что «адъ должно отражать адомъ», что онъ «видѣлъ ребенка, улыбающагося при блескѣ молніи и при раскатахъ грома», но что «мы не будемъ этимъ ребенкомъ».

— Да, да, при раскатахъ грома! — повторяли одобрительно въ заднихъ рядахъ.

Толпа подошла къ большому столу, у котораго въ мундирахъ, въ лентахъ, сѣдые, плѣшивые сидѣли семидесятилѣтніе вельможи-старики, которыхъ всѣхъ почти, по домамъ съ шутами или въ клубахъ за бостономъ, видалъ Пьеръ. Толпа подошла къ столу, не переставая гудѣть. Одинъ за другимъ и иногда два вмѣстѣ, прижатые сзади къ высокимъ спинкамъ стульевъ налегающею толпой, говорили ораторы. Стоявшіе сзади замѣчали, чего не досказалъ говорившій ораторъ, и торопились сказать это пропущенное. Другіе, въ этомъ жару и тѣснотѣ, шарили въ своей головѣ, не найдется ли какая мысль, и торопились говорить ее. Знакомые Пьеру старички-вельможи сидѣли и оглядывались то на того, то на другого, и выраженіе большей части изъ нихъ говорило только, что имъ очень жарко. Пьеръ однако чувствовалъ себя взволнованнымъ, и общее чувство желанія показать, что намъ все нипочемъ, выражавшееся больше въ звукахъ и въ выраженіяхъ лицъ, чѣмъ въ смыслѣ рѣчей, сообщалось и ему. Онъ не отрекся отъ своихъ мыслей, но чувствовалъ себя въ чемъ-то виноватымъ и желалъ оправдаться.

— Я сказалъ только, что намъ удобнѣе было бы дѣлать пожертвованія, когда мы будемъ знать, въ чемъ нужда,—стараясь перекричать другіе голоса, проговорилъ онъ.

Одинъ ближайшій старичокъ оглянулся на него, но тотчасъ былъ отвлеченъ крикомъ, начавшимся на другой сторонѣ стола.

— Да, Москва будетъ сдана! Она будетъ искупительницей!— кричалъ одинъ.

— Онъ врагъ человѣчества! — кричалъ другой. — Позвольте мнѣ говорить... Господа, вы меня давите!..

XXIII.

Въ это время быстрыми шагами передъ разступившейся толпой дворянъ, въ генеральскомъ мундирѣ, съ лентой черезъ плечо, съ своимъ высунутымъ подбородкомъ и быстрыми глазами, вошелъ графъ Растопчинъ.

— Государь императоръ сейчасъ будетъ,—сказалъ Растопчинъ,—я только что оттуда. Я полагаю, что въ томъ положеніи, въ которомъ мы находимся, судить много нечего. Государь удостоилъ собрать насъ и купечество,—сказалъ графъ Растопчинъ. — Оттуда польются милліоны (онъ указалъ на залу купцовъ), а наше дѣло выставить ополченіе и не щадить себя... Это меньшее, чтó мы можемъ сдѣлать!

Начались совѣщанія между одними вельможами, сидѣвшими за столомъ. Все совѣщаніе прошло больше чѣмъ тихо. Оно даже казалось грустно, когда, послѣ всего прежняго шума, поодиночкѣ были слышны старые голоса, говорившіе — одинъ: «согласенъ», другой для разнообразія: «и я того же мнѣнія», и т. д.

Было велѣно секретарю писать постановленіе московскаго дворянства о томъ, что москвичи, подобно смолянамъ, жертвуютъ по 10 человѣкъ съ 1.000 душъ и полное обмундированіе. Господа засѣдавшіе встали, какъ бы облегченные, загремѣли стульями и пошли по залѣ разминать ноги, забирая кое-кого подъ руку и разговаривая.

— Государь! Государь! — вдругъ разнеслось по заламъ, и вся толпа бросилась къ выходу.

По широкому ходу, между стѣной дворянъ, государь прошелъ въ залу. На всѣхъ лицахъ выражалось почтительное и испуганное любопытство. Пьеръ стоялъ довольно далеко и не могъ вполнѣ разслышать рѣчи государя. Онъ понялъ только по тому, что̀ онъ слышалъ, что государь говорилъ объ опасности, въ которой находилось государство, и о надеждахъ, которыя онъ возлагалъ на московское дворянство. Государю отвѣчалъ другой голосъ, сообщавшій о только что состоявшемся постановленіи дворянства.

— Господа! — сказалъ дрогнувшій голосъ государя.

Толпа зашелестила и опять затихла, и Пьеръ ясно услыхалъ столь пріятно-человѣческій и тронутый голосъ государя, который говорилъ:

— Никогда я не сомнѣвался въ усердіи русскаго дворянства. Но въ этотъ день оно превзошло мои ожиданія. Благодарю васъ отъ лица отечества. Господа, будемъ дѣйствовать,—время всего дороже...

Государь замолчалъ, толпа стала тѣсниться вокругъ него, и со всѣхъ сторонъ слышались восторженныя восклицанія.

— Да, всего дороже... царское слово, — рыдая говорилъ сзади голосъ Ильи Андреевича, ничего не слышавшаго, но все понимавшаго по-своему.

Изъ залы дворянства государь прошелъ въ залу купечества. Онъ пробылъ тамъ около 10 минутъ. Пьеръ въ числѣ другихъ увидалъ государя, выходящаго изъ залы купечества со слезами умиленія на глазахъ. Какъ потомъ узнали, государь только что началъ рѣчь купцамъ, какъ слезы брызнули изъ его глазъ, и онъ дрожащимъ голосомъ договорилъ ее. Когда Пьеръ увидалъ государя, онъ выходилъ, сопутствуемый двумя

купцами. Одинъ былъ знакомъ Пьеру, толстый откупщикъ, другой — голова, съ худымъ, узкобородымъ желтымъ лицомъ. Оба они плакали. У худого стояли слезы, но толстый откупщикъ рыдалъ какъ ребенокъ и все твердилъ:

— И жизнь, и имущество возьми, ваше величество!

Пьеръ не чувствовалъ въ эту минуту уже ничего, кромѣ желанія показать, что все ему нипочемъ и что онъ всѣмъ готовъ пожертвовать. Какъ упрекъ ему представлялась его рѣчь съ конституціоннымъ направленіемъ; онъ искалъ случая загладить это. Узнавъ, что графъ Мамоновъ жертвуетъ полкъ, Безуховъ тутъ же объявилъ графу Растопчину, что онъ отдаетъ 1.000 человѣкъ и ихъ содержаніе.

Старикъ Ростовъ безъ слезъ не могъ разсказать женѣ того, что было, и тутъ же согласился на просьбу Пети и самъ поѣхалъ записывать его.

На другой день государь уѣхалъ. Всѣ собранные дворяне сняли мундиры, опять размѣстились по домамъ и клубамъ и, покряхтывая, отдавали приказанія управляющимъ объ ополченіи, и удивлялись тому, что они сдѣлали.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Наполеонъ началъ войну съ Россіей потому, что онъ не могъ не пріѣхать въ Дрезденъ, не могъ не отуманиться почестями, не могъ не надѣть польскаго мундира, не поддаться предпріимчивому впечатлѣнію іюньскаго утра, не могъ воздержаться отъ вспышки гнѣва въ присутствіи Куракина и потомъ Балашева.

Александръ отказывался отъ всѣхъ переговоровъ потому, что онъ лично чувствовалъ себя оскорбленнымъ. Барклай-де-Толли старался наилучшимъ образомъ управлять арміей для того, чтобы исполнить свой долгъ и заслужить славу великаго полководца. Ростовъ поскакалъ въ атаку на французовъ потому, что онъ не могъ удержаться отъ желанія проскакаться по ровному полю. И такъ точно, вслѣдствіе своихъ личныхъ свойствъ, привычекъ, условій и цѣлей, дѣйствовали всѣ тѣ неперечислимыя лица, участники этой войны. Они боялись, тщеславились, радовались, негодовали, разсуждали, полагая, что они знаютъ то, что̀ они дѣлаютъ, и что дѣлаютъ для себя, а всѣ были непроизвольными орудіями исторіи и производили скрытую отъ нихъ, но понятную для насъ работу. Такова неизмѣнная судьба всѣхъ практическихъ дѣятелей, и тѣмъ несвободнѣе, чѣмъ выше они стоятъ въ людской іерархіи.

Теперь дѣятели 1812 года давно сошли со своихъ мѣстъ, ихъ личные интересы исчезли безслѣдно, и одни историческіе результаты того времени передъ нами.

Но допустимъ, что *должны* были люди Европы подъ предводительствомъ Наполеона зайти въ глубь Россіи и тамъ погибнуть, и вся противорѣчащая сама себѣ, безсмысленная, жестокая дѣятельность людей-участниковъ этой войны становится для насъ понятной.

Провидѣніе заставляло всѣхъ этихъ людей, стремясь къ достиженію своихъ личныхъ цѣлей, содѣйствовать исполненію од-

ного огромнаго результата, о которомъ ни одинъ человѣкъ (ни Наполеонъ, ни Александръ, ни еще менѣе кто-либо изъ участниковъ войны) не имѣлъ ни малѣйшаго чаянія.

Теперь намъ ясно, что̀ было въ 1812 году причиной погибели французской арміи. Никто не станетъ спорить, что причиной погибели французскихъ войскъ Наполеона было, съ одной стороны, вступленіе ихъ въ позднее время безъ приготовленія къ зимнему походу въ глубь Россіи, а съ другой стороны—характеръ, который приняла война отъ сожженія русскихъ городовъ и возбужденія ненависти къ врагу въ русскомъ народѣ. Но тогда не только никто не предвидѣлъ того (что̀ теперь кажется очевиднымъ), что только этимъ путемъ могла погибнуть 800-тысячная, лучшая въ мірѣ и предводимая лучшимъ полководцемъ армія въ столкновеніи съ вдвое слабѣйшей, неопытной и предводимой неопытными полководцами русской арміей; *не только никто не предвидѣлъ* этого, но всѣ усилія *со стороны русскихъ* были постоянно устремляемы на то, чтобы помѣшать тому, что̀ одно могло спасти Россію, и *со стороны французовъ*, несмотря на опытность и такъ называемый военный геній Наполеона, были устремлены всѣ усилія къ тому, чтобы растянуться въ концѣ лѣта до Москвы, т.-е. сдѣлать то самое, что̀ должно было погубить ихъ.

Въ историческихъ сочиненіяхъ о 1812 годѣ авторы-французы очень любятъ говорить о томъ, какъ Наполеонъ чувствовалъ опасность растяженія своей линіи, какъ онъ искалъ сраженія, какъ маршалы его совѣтовали ему остановиться въ Смоленскѣ, и тому подобные доводы, доказывающіе, что тогда уже будто понята была опасность кампаніи; а авторы-русскіе еще болѣе любятъ говорить о томъ, какъ сначала кампаніи существовалъ планъ скиѳской войны—заманиванья Наполеона въ глубь Россіи, и приписываютъ этотъ планъ кто Пфулю, кто какому-то французу, кто Толю, кто самому императору Александру, указывая на записки, на проекты и письма, въ которыхъ дѣйствительно находятся намеки на этотъ образъ дѣйствій. Но всѣ эти намеки на предвидѣніе того, что случилось, какъ со стороны французовъ, такъ и со стороны русскихъ, выставляются теперь только потому, что событіе оправдало ихъ. Ежели бы событіе не совершилось, то намеки эти были бы забыты, какъ забыты теперь тысячи и милліоны противоположныхъ намековъ и предположеній, бывшихъ въ ходу тогда, но оказавшихся несправедливыми и потому забытыхъ. Объ исходѣ каждаго совершающагося событія всегда бываетъ столько предположеній, что, чѣмъ бы оно ни кончилось, всегда найдутся люди, которые скажутъ: «я тогда

еще сказалъ, что это такъ будетъ», забывая совсѣмъ, что въ числѣ безчисленныхъ предположеній были дѣлаемы и совершенно противоположныя.

Предположенія о сознаніи Наполеономъ опасности растяженія линіи и со стороны русскихъ—о завлеченіи непріятеля въ глубь Россіи принадлежатъ, очевидно, къ этому разряду, и историки только съ большой натяжкой могутъ приписывать такія соображенія Наполеону и такіе планы русскимъ военачальникамъ. Всѣ факты совершенно противорѣчатъ такимъ предположеніямъ. Не только во все время войны со стороны русскихъ не было желанія заманить французовъ въ глубь Россіи, но все было дѣлаемо для того, чтобы остановить ихъ съ перваго вступленія ихъ въ Россію; и не только Наполеонъ не боялся растяженія своей линіи, но онъ радовался, какъ торжеству, каждому своему шагу впередъ и очень лѣниво, не такъ, какъ въ прежнія свои кампаніи, искалъ сраженія.

При самомъ началѣ кампаніи арміи наши разрѣзаны, и единственная цѣль, къ которой мы стремимся, состоитъ въ томъ, чтобы соединить ихъ; хотя для того, чтобы отступать и завлекать непріятеля въ глубь страны, въ соединеніи армій не представляется выгодъ. Императоръ находится при арміи для воодушевленія ея въ отстаиваньи каждаго шага русской земли, а не для отступленія. Устраивается громадный дрисскій лагерь по плану Пфуля и не предполагается отступать далѣе. Государь дѣлаетъ упреки главнокомандующимъ за каждый шагъ отступленія. Не только сожженіе Москвы, но и допущеніе непріятеля до Смоленска не можетъ даже представиться воображенію императора, и когда арміи соединяются, то государь негодуетъ за то, что Смоленскъ взятъ и сожженъ и не дано передъ стѣнами его генеральнаго сраженія.

Такъ думаетъ государь, но русскіе военачальники и всѣ русскіе люди еще болѣе негодуютъ при мысли о томъ, что наши отступаютъ въ глубь страны.

Наполеонъ, разрѣзавъ арміи, движется въ глубь страны и упускаетъ нѣсколько случаевъ сраженія. Въ августѣ мѣсяцѣ онъ въ Смоленскѣ и думаетъ только о томъ, какъ бы ему идти дальше, хотя, какъ мы теперь видимъ, это движеніе впередъ для него, очевидно, пагубно.

Факты говорятъ очевидно, что ни Наполеонъ не предвидѣлъ опасности въ движеніи на Москву, ни Александръ и русскіе военачальники не думали тогда о заманиваніи Наполеона, а думали о противномъ. Завлеченіе Наполеона въ глубь страны произошло не по чьему-нибудь плану (никто и не вѣрилъ въ

возможность этого), а произошло отъ сложнѣйшей игры интригъ, цѣлей, желаній людей-участниковъ войны, не угадывавшихъ того, что должно быть, и того, что было единственнымъ спасеніемъ Россіи. Все происходитъ нечаянно: Арміи разрѣзаны при началѣ кампаніи. Мы стараемся соединить ихъ съ очевидною цѣлью—дать сраженіе и удержать наступленіе непріятеля, но въ этомъ стремленіи къ соединенію, избѣгая сраженій съ сильнѣйшимъ непріятелемъ и невольно отходя подъ острымъ угломъ, мы заводимъ французовъ до Смоленска. Но мало того сказать, что мы отходимъ подъ острымъ угломъ потому, что французы двигаются между обѣими арміями—уголъ этотъ дѣлается еще острѣе, и мы дальше уходимъ потому, что Барклай-де-Толли, непопулярный нѣмецъ, ненавистенъ Багратіону (имѣющему стать подъ его начальство), и Багратіонъ, командуя 2-й арміей, старается какъ можно дольше не присоединяться къ Барклаю, чтобы не стать подъ его команду. Багратіонъ долго не присоединяется (хотя въ этомъ главная цѣль всѣхъ начальствующихъ лицъ) потому, что ему кажется, что онъ на этомъ маршѣ ставитъ въ опасность свою армію и что выгоднѣе всего для него отступить лѣвѣе и южнѣе, безпокоя съ фланга и тыла непріятеля и комплектуя свою армію въ Украйнѣ. А кажется, это и придумано имъ потому, что ему не хочется подчиняться ненавистному и младшему чиномъ нѣмцу Барклаю.

Императоръ находится при арміи, чтобы воодушевлять ее, а присутствіе его и незнаніе, на что рѣшиться, и огромное количество совѣтниковъ и плановъ уничтожаютъ энергію дѣйствій 1-й арміи, и армія отступаетъ.

Въ дрисскомъ лагерѣ предположено остановиться; но неожиданно Паулучи, мѣтящій въ главнокомандующіе, своей энергіей дѣйствуетъ на Александра, и весь планъ Пфуля бросается, и все дѣло поручается Барклаю. Но такъ какъ Барклай не внушаетъ довѣрія, власть его ограничиваютъ. Арміи раздроблены, нѣтъ единства начальства, Барклай непопуляренъ; но изъ этой путаницы, раздробленія и непопулярности нѣмца-главнокомандующаго, съ одной стороны, вытекаютъ нерѣшительность и избѣганіе сраженія (отъ котораго нельзя было бы удержаться, ежели бы арміи были вмѣстѣ и не Барклай былъ бы начальникомъ), съ другой стороны—все бо̀льшее и бо̀льшее негодованіе противъ нѣмцевъ и возбужденіе патріотическаго духа.

Наконецъ государь уѣзжаетъ изъ арміи, и, какъ единственный и удобнѣйшій предлогъ для его отъѣзда, избирается мысль, что ему надо воодушевить народъ въ столицахъ для возбужде-

нія народной войны. И эта поѣздка государя въ Москву утрояетъ силы русскаго войска.

Государь уѣзжаетъ изъ арміи для того, чтобы не стѣснять единство власти главнокомандующаго, и надѣется, что будутъ приняты болѣе рѣшительныя мѣры; но положеніе начальства арміи еще болѣе путается и ослабѣваетъ. Бенигсенъ, великій князь и рой генералъ-адъютантовъ остаются при арміи съ тѣмъ, чтобы слѣдить за дѣйствіями главнокомандующаго и возбуждать его къ энергіи, и Барклай, еще менѣе чувствуя себя свободнымъ подъ глазами всѣхъ этихъ *глазъ государевыхъ*, дѣлается еще осторожнѣе для рѣшительныхъ дѣйствій и избѣгаетъ сраженія.

Барклай стоитъ за осторожность. Цесаревичъ намекаетъ на измѣну и требуетъ генеральнаго сраженія. Любомирскій, Бронницкій, Влоцкій и тому подобные такъ раздуваютъ весь этотъ шумъ, что Барклай, подъ предлогомъ доставленія бумагъ государю, отсылаетъ поляковъ генералъ-адъютантовъ въ Петербургъ и входитъ въ открытую борьбу съ Бенигсеномъ и великимъ княземъ.

Въ Смоленскѣ наконецъ, какъ ни не желалъ того Багратіонъ, соединяются арміи.

Багратіонъ въ каретѣ подъѣзжаетъ къ дому, занимаемому Барклаемъ. Барклай надѣваетъ шарфъ, выходитъ навстрѣчу и рапортуетъ старшему чиномъ Багратіону. Багратіонъ, въ борьбѣ великодушія, несмотря на старшинство чина, подчиняется Барклаю; но, подчинившись, еще меньше соглашается съ нимъ. Багратіонъ лично, по приказанію государя, доноситъ ему. Онъ пишетъ Аракчееву: «Воля государя моего, я никакъ вмѣстѣ съ *министромъ* (Барклаемъ) не могу. Ради Бога, пошлите меня куда-нибудь хотя полкомъ командовать, а здѣсь быть не могу; и вся главная квартира нѣмцами наполнена, такъ что русскому жить невозможно, и толку никакого нѣтъ. Я думалъ, истинно служу государю и отечеству, а на повѣрку выходитъ, что я служу Барклаю. Признаюсь, не хочу». Рой Бронницкихъ, Винценгероде и тому подобныхъ еще больше отравляетъ сношенія главнокомандующихъ, и выходитъ еще меньше единства. Сбираются атаковать французовъ передъ Смоленскомъ. Посылается генералъ для осмотра позиціи. Генералъ этотъ, ненавидя Барклая, ѣдетъ къ пріятелю, корпусному командиру, и, просидѣвъ у него день, возвращается къ Барклаю и осуждаетъ по всѣмъ пунктамъ поле сраженія, котораго онъ не видалъ.

Пока происходятъ споры и интриги о будущемъ полѣ сраженія, пока мы отыскиваемъ французовъ, ошибившись въ ихъ мѣстѣ нахожденія, французы натыкаются на дивизію Невѣровскаго и подходятъ къ самымъ стѣнамъ Смоленска.

Надо принять неожиданное сраженіе въ Смоленскѣ, чтобы спасти свои сообщенія. Сраженіе дается. Убиваются тысячи съ той и съ другой стороны.

Смоленскъ оставляется вопреки волѣ государя и всего народа. Но Смоленскъ сожженъ самими жителями, обманутыми своимъ губернаторомъ, и разоренные жители, показывая примѣръ другимъ русскимъ, ѣдутъ въ Москву, думая только о своихъ потеряхъ и разжигая ненависть къ врагу. Наполеонъ идетъ дальше, мы отступаемъ, и достигается то самое, что должно было побѣдить Наполеона.

II.

На другой день послѣ отъѣзда сына князь Николай Андреевичъ позвалъ къ себѣ княжну Марью.

— Ну что, довольна теперь?—сказалъ онъ ей,—поссорила съ сыномъ! Довольна? Тебѣ только и нужно было! Довольна?.. Мнѣ это больно, больно. Я старъ и слабъ, и тебѣ этого хотѣлось. Ну, радуйся, радуйся...

И послѣ этого княжна Марья въ продолженіе недѣли не видала своего отца. Онъ былъ боленъ и не выходилъ изъ кабинета.

Къ удивленію своему, княжна Марья замѣтила, что за это время болѣзни старый князь также не допускалъ къ себѣ и m-lle Bourienne. Одинъ Тихонъ ходилъ за нимъ.

Черезъ недѣлю князь вышелъ и началъ опять прежнюю жизнь, съ особенною дѣятельностью занимаясь постройками и садами и прекративъ всѣ прежнія отношенія съ m-lle Bourienne. Видъ его и холодный тонъ съ княжной Марьей какъ будто говорили ей: «вотъ видишь, ты выдумала на меня, налгала князю Андрею про отношенія мои къ этой француженкѣ и поссорила меня съ нимъ; а ты видишь, что мнѣ не нужны ни ты, ни француженка».

Одну половину дня княжна Марья проводила у Николушки, слѣдя за его уроками, сама давала ему уроки русскаго языка и музыки и разговаривала съ Десалемъ; другую часть дня она проводила съ книгами, старухой няней и съ Божьими людьми, которые иногда съ задняго крыльца приходили къ ней.

О войнѣ княжна Марья думала такъ, какъ думаютъ о войнѣ женщины. Она боялась за брата, который былъ тамъ, ужасалась, не понимая ея, передъ людскою жестокостью, заставлявшею ихъ убивать другъ друга; но не понимала значенія этой войны,

казавшейся ей такою же, какъ и всѣ прежнія войны. Она не понимала значенія этой войны, несмотря на то, что Десаль, ея постоянный собесѣдникъ, страстно интересовавшійся ходомъ войны, старался ей растолковать свои соображенія, и, несмотря на то, что приходившіе къ ней Божьи люди всѣ по-своему съ ужасомъ говорили о народныхъ слухахъ про нашествіе антихриста, и несмотря на то, что Жюли, теперь княгиня Друбецкая, опять вступившая съ ней въ переписку, писала ей изъ Москвы патріотическія письма.

«Я вамъ пишу по-русски, мой добрый другъ», писала Жюли, «потому что я имѣю ненависть ко всѣмъ французамъ, равно и къ языку ихъ, который я не могу слышать, говорить... Мы въ Москвѣ всѣ восторжены черезъ энтузіазмъ къ нашему обожаемому императору.

«Бѣдный мужъ мой переноситъ труды и голодъ въ жидовскихъ корчмахъ; но новости, которыя я имѣю, еще болѣе воодушевляютъ меня.

«Вы слышали, вѣрно, о героическомъ подвигѣ Раевскаго, обнявшаго двухъ сыновей и сказавшаго: «Погибну съ ними, но не поколеблемся!» И дѣствительно, хотя непріятель былъ вдвое сильнѣе насъ, мы не колебнулись. Мы проводимъ время, какъ можемъ; но на войнѣ, какъ на войнѣ. Княжна Алина и Sophie сидятъ со мною цѣлые дни, и мы, несчастныя вдовы живыхъ мужей, за корпіей дѣлаемъ прекрасные разговоры; только васъ, мой другъ, недостаетъ...» и т. д.

Преимущественно не понимала княжна Марья всего значенія этой войны потому, что старый князь никогда не говорилъ про нее, не признавалъ ея и смѣялся за обѣдомъ надъ Десалемъ, говорившимъ объ этой войнѣ. Тонъ князя былъ такъ спокоенъ и увѣренъ, что княжна Марья не разсуждая вѣрила ему.

Весь іюль мѣсяцъ старый князь былъ чрезвычайно дѣятеленъ и даже оживленъ. Онъ заложилъ еще новый садъ и новый корпусъ, строеніе для дворовыхъ. Одно, что безпокоило княжну Марью, было то, что онъ мало спалъ и, измѣнивъ своей привычкѣ спать въ кабинетѣ, каждый день мѣнялъ мѣсто своихъ ночлеговъ. То онъ приказывалъ разбить свою походную кровать въ галлереѣ; то онъ оставался на диванѣ или въ вольтеровскомъ креслѣ въ гостиной и дремалъ не раздѣваясь, между тѣмъ какъ не m-lle Bourienne, а мальчикъ Петруша читалъ ему; то онъ ночевалъ въ столовой.

Перваго августа было получено второе письмо отъ князя Андрея. Въ первомъ письмѣ, полученномъ вскорѣ послѣ его отъѣзда, князь Андрей просилъ съ покорностью прощенія у сво-

его отца за то, что онъ позволилъ себѣ сказать ему, и просилъ его возвратить ему свою милость. На это письмо старый князь отвѣчалъ ему ласковымъ письмомъ и послѣ этого письма отдалилъ отъ себя француженку. Второе письмо князя Андрея, писанное изъ-подъ Витебска послѣ того, какъ французы заняли его, состояло изъ краткаго описанія всей кампаніи съ планомъ, нарисованнымъ въ письмѣ, и изъ соображеній о дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи. Въ письмѣ этомъ князь Андрей представлялъ отцу неудобства его положенія вблизи отъ театра войны, на самой линіи движенія войскъ, и совѣтовалъ ѣхать въ Москву.

За обѣдомъ въ этотъ день на слова Десаля, говорившаго о томъ, что, какъ слышно, французы уже вступили въ Витебскъ, старый князь вспомнилъ о письмѣ князя Андрея.

— Получилъ отъ князя Андрея нынче,—сказалъ онъ княжнѣ Марьѣ,—не читала?

— Нѣтъ, mon père,—испуганно отвѣчала княжна.

Она не могла читать письма, про полученіе котораго она даже не слышала.

— Онъ пишетъ про войну про эту,—сказалъ князь съ той, сдѣлавшейся ему привычной, презрительной улыбкой, съ которой онъ говорилъ всегда про настоящую войну.

— Должно-быть, очень интересно,—сказалъ Десаль.—Князь въ состояніи знать...

— Ахъ, очень интересно!—сказала m-lle Bourienne.

— Подите принесите мнѣ,—обратился старый князь къ m-lle Bourienne.—Вы знаете, на маленькомъ столѣ подъ прессъ-папье.

M-lle Bourienne радостно вскочила.

— Ахъ, нѣтъ,—нахмурившись, крикнулъ онъ.—Поди ты, Михаилъ Иванычъ!

Михаилъ Ивановичъ всталъ и пошелъ въ кабинетъ. Но только что онъ вышелъ, старый князь, безпокойно оглядываясь, бросилъ салфетку и пошелъ самъ.

— Ничего не умѣютъ, все перепутаютъ.

Пока онъ ходилъ, княжна Марья, Десаль, m-lle Bourienne и даже Николушка молча переглядывались. Старый князь вернулся поспѣшнымъ шагомъ, сопутствуемый Михайломъ Ивановичемъ, съ письмомъ и планомъ, которые онъ, никому не давая читать во время обѣда, положилъ подлѣ себя.

Перейдя въ гостиную, онъ передалъ письмо княжнѣ Марьѣ и, разложивъ передъ собой планъ новой постройки, на который онъ устремилъ глаза, приказалъ ей читать вслухъ. Прочтя письмо, княжна Марья вопросительно взглянула на отца. Онъ смотрѣлъ на планъ, очевидно погруженный въ свои мысли.

— Что вы объ этомъ думаете, князь? — позволилъ себѣ Десаль обратиться съ вопросомъ.

— Я? я?..—какъ бы непріятно пробуждаясь, сказалъ князь, не спуская глазъ съ плана постройки.

— Весьма можетъ быть, что театръ войны такъ приблизится къ намъ...

— Ха-ха-ха! Театръ войны! — сказалъ князь. — Я говорилъ и говорю, что театръ войны есть Польша, и дальше Нѣмана никогда не проникнетъ непріятель.

Десаль съ удивленіемъ посмотрѣлъ на князя, говорившаго о Нѣманѣ, когда непріятель былъ уже у Днѣпра; но княжна Марья, забывшая географическое положеніе Нѣмана, думала, что то, что̀ ея отецъ говоритъ, правда.

— При ростепели снѣговъ потонутъ въ болотахъ Польши. Они только могутъ не видѣть,—проговорилъ князь, видимо думая о кампаніи 1807 года, бывшей, какъ ему казалось, такъ недавно.— Бенигсенъ долженъ былъ раньше вступить въ Пруссію, дѣло приняло бы другой оборотъ...

— Но, князь,—робко сказалъ Десаль,—въ письмѣ говорится о Витебскѣ...

— А, въ письмѣ? Да...—недовольно проговорилъ князь.— Да... да...—Лицо его приняло вдругъ мрачное выраженіе. Онъ помолчалъ. — Да, онъ пишетъ, французы разбиты, при какой это рѣкѣ?

Десаль опустилъ глаза.

— Князь ничего про это не пишетъ,—тихо сказалъ онъ.

— А развѣ не пишетъ? Ну, я самъ не выдумалъ же.

Всѣ долго молчали.

— Да... да... Ну, Михайла Иванычъ,—вдругъ сказалъ онъ, приподнявъ голову и указывая на планъ постройки,—разскажи, какъ ты это хочешь передѣлать...

Михаилъ Ивановичъ подошелъ къ плану, и князь, поговоривъ съ нимъ о планѣ новой постройки, сердито взглянувъ на княжну Марью и Десаля, ушелъ къ себѣ.

Княжна Марья видѣла смущенный и удивленный взглядъ Десаля, устремленный на ея отца, замѣтила его молчаніе и была поражена тѣмъ, что ея отецъ забылъ письмо сына на столѣ въ гостиной; но она боялась не только говорить и разспрашивать Десаля о причинѣ его смущенія и молчанія, но боялась и думать объ этомъ.

Ввечеру Михаилъ Ивановичъ, присланный отъ князя, пришелъ къ княжнѣ Марьѣ за письмомъ князя Андрея, которое забыто было въ гостиной. Княжна Марья подала письмо. Хотя ей это

и непріятно было, она позволила себѣ спросить у Михаила Ивановича, что̀ дѣлаетъ ея отецъ.

— Все хлопочутъ,—съ почтительно-насмѣшливой улыбкой, которая заставила поблѣднѣть княжну Марью, сказалъ Михаилъ Ивановичъ.—Очень безпокоятся насчетъ новаго корпуса. Читали немножко, а теперь,—понизивъ голосъ, сказалъ Михаилъ Ивановичъ,—у бюра, должно, завѣщаніемъ занялись. (Въ послѣднее время одно изъ любимыхъ занятій князя было занятіе надъ бумагами, которыя должны были остаться послѣ его смерти и которыя онъ называлъ завѣщаніемъ.)

— А Алпатыча посылаютъ въ Смоленскъ?—спросила княжна Марья.

— Какъ же-съ, онъ уже давно ждетъ.

III.

Когда Михаилъ Ивановичъ вернулся съ письмомъ въ кабинетъ, князь въ очкахъ, съ абажуромъ на глазахъ и на свѣчахъ, сидѣлъ у открытаго бюро, съ бумагами въ далеко отставленной рукѣ, и въ нѣсколько торжественной позѣ читалъ свои бумаги (ремарки, какъ онъ называлъ), которыя должны были быть доставлены государю послѣ его смерти.

Когда Михаилъ Ивановичъ вошелъ, у него въ глазахъ стояли слезы воспоминаній о томъ времени, когда онъ писалъ то, что̀ читалъ теперь. Онъ взялъ изъ рукъ Михаила Ивановича письмо, положилъ въ карманъ, уложилъ бумаги и позвалъ уже давно дожидавшагося Алпатыча.

На листочкѣ бумаги у него было написано то, что̀ нужно было купить въ Смоленскѣ, и онъ, ходя по комнатѣ мимо дожидавшагося у двери Алпатыча, сталъ отдавать приказанія.

— Первое—бумаги почтовой, слышишь, восемь дестей, вотъ по образцу; золото-обрѣзной... образчикъ, чтобы непремѣнно по немъ было; лаку, сургучу — по запискѣ Михаила Иваныча.

Онъ походилъ по комнатѣ и заглянулъ въ памятную записку.

— Потомъ губернатору лично письмо отдать о записи.

Потомъ были нужны задвижки къ дверямъ новой постройки, непремѣнно такого фасона, который выдумалъ самъ князь. Потомъ ящикъ переплетный надо было заказать для укладки завѣщанія.

Отдача приказаній Алпатычу продолжалась болѣе двухъ часовъ. Князь все не отпускалъ его. Онъ сѣлъ, задумался и, закрывъ глаза, задремалъ. Алпатычъ пошевелился.

— Ну, ступай, ступай; ежели что нужно, я пришлю.

Алпатычъ вышелъ. Князь подошелъ опять къ бюро, заглянувъ въ него, потрогалъ рукою свои бумаги, опять заперъ и сѣлъ къ столу писать письмо губернатору.

Уже было поздно, когда онъ всталъ, запечатавъ письмо. Ему хотѣлось спать, но онъ зналъ, что не заснетъ и что самыя дурныя мысли приходятъ ему въ постели. Онъ кликнулъ Тихона, пошелъ по комнатамъ, чтобы сказать ему, гдѣ стлать постель на нынѣшнюю ночь. Онъ ходилъ, примѣривая каждый уголокъ.

Вездѣ ему казалось нехорошо, но хуже всего былъ привычный диванъ въ кабинетѣ. Диванъ этотъ былъ страшенъ ему, вѣроятно, по тяжелымъ мыслямъ, которыя онъ передумалъ, лежа на немъ. Нигдѣ не было хорошо, но все-таки лучше всѣхъ былъ уголокъ въ диванной за фортепіано: онъ никогда еще не спалъ тутъ.

Тихонъ принесъ съ офиціантомъ постель и сталъ уставлять.

— Не такъ, не такъ!—закричалъ князь и самъ подвинулъ на четверть подальше отъ угла и потомъ опять поближе.

«Ну, наконецъ, все передѣлалъ, теперь отдохну», подумалъ князь и предоставилъ Тихону раздѣвать себя.

Досадливо морщась отъ усилій, которыя нужно было дѣлать, чтобы снять кафтанъ и панталоны, князь раздѣлся, тяжело опустился на кровать и какъ будто задумался, презрительно глядя на свои желтыя изсохшія ноги. Онъ не задумался, а онъ медлилъ передъ предстоявшимъ ему трудомъ поднять эти ноги и передвинуться на кровати. «Охъ, какъ тяжело! Охъ, хоть бы поскорѣе кончились эти труды, и *вы* бы отпустили меня!» думалъ онъ. Онъ сдѣлалъ, поджавъ губы, въ двадцатитысячный разъ это усиліе и легъ. Но едва онъ легъ, какъ вдругъ вся постель равномѣрно заходила подъ нимъ впередъ и назадъ, какъ будто тяжело дыша и толкаясь. Это бывало съ нимъ почти каждую ночь. Онъ открылъ закрывшіеся было глаза.

— Нѣтъ спокоя, проклятые!—проворчалъ онъ съ гнѣвомъ на кого-то. «Да, да, еще что-то важное было, очень что-то важное я приберегъ себѣ на ночь въ постели. Задвижки? Нѣтъ, про это сказалъ. Нѣтъ, что-то такое, что-то въ гостиной было. Княжна Марья что-то врала. Десаль что-то—дуракъ этотъ—говорилъ. Въ карманѣ что-то — не вспомню».

— Тишка! о чемъ за обѣдомъ говорили?

— О князѣ Михайлѣ...

— Молчи, молчи. — Князь захлопалъ рукой по столу.—Да, знаю, письмо князя Андрея. Княжна Марья читала. Десаль что-то про Витебскъ говорилъ. Теперь прочту.

Онъ велѣлъ достать письмо изъ кармана и придвинуть къ кровати столикъ съ лимонадомъ и витушкой-восковой свѣчкой и, надѣвъ очки, сталъ читать. Тутъ только въ тишинѣ ночи, при слабомъ свѣтѣ изъ-подъ зеленаго колпака, онъ, прочтя письмо, въ первый разъ на мгновеніе понялъ его значеніе.

— Французы въ Витебскѣ, черезъ четыре перехода они могутъ быть у Смоленска; можетъ, они уже тамъ. Тишка!—Тихонъ вскочилъ.—Нѣтъ, не надо, не надо!—прокричалъ онъ.

Онъ спряталъ письмо подъ подсвѣчникъ и закрылъ глаза. И ему представился Дунай, свѣтлый полдень, камыши, русскій лагерь, и онъ входитъ, онъ—молодой генералъ, безъ одной морщины на лицѣ, бодрый, веселый, румяный, въ расписной шатеръ Потемкина, и жгучее чувство зависти къ любимцу, столь же сильное, какъ и тогда, волнуетъ его. И онъ вспоминаетъ всѣ тѣ слова, которыя сказаны были тогда при первомъ свиданіи съ Потемкинымъ. И ему представляется полная, съ желтизною въ жирномъ лицѣ, невысокая, толстая женщина—матушка императрица, ея улыбки, слова, когда она въ первый разъ, обласкавъ, приняла его, и вспоминается ея же лицо на катафалкѣ и то столкновеніе съ Зубовымъ, которое было тогда при ея гробѣ за право подходить къ ея рукѣ.

«Ахъ, скорѣе, скорѣе вернуться къ тому времени и чтобы теперешнее все кончилось поскорѣе, поскорѣе; чтобы оставили они меня въ покоѣ!»

IV.

Лысыя Горы, имѣніе князя Николая Андреевича Болконскаго, находилось въ 60 верстахъ отъ Смоленска, позади него, и въ трехъ верстахъ отъ Московской дороги.

Въ тотъ же вечеръ, какъ князь отдавалъ приказанія Алпатычу, Десаль, потребовавъ у княжны Марьи свиданія, сообщилъ ей, что такъ какъ князь не совсѣмъ здоровъ и не принимаетъ никакихъ мѣръ для своей безопасности, а по письму князя Андрея видно, что пребываніе въ Лысыхъ Горахъ небезопасно, то онъ почтительно совѣтуетъ ей самой написать съ Алпатычемъ письмо къ начальнику губерніи въ Смоленскъ съ просьбой увѣдомить ее о положеніи дѣлъ и о мѣрѣ опасности, которой подвергаются Лысыя Горы. Десаль написалъ для княжны Марьи письмо къ губернатору, которое она подписала, и письмо это было отдано Алпатычу съ приказаніемъ подать его губернатору и, въ случаѣ опасности, возвратиться какъ можно скорѣе.

Получивъ всѣ приказанія, Алпатычъ, провожаемый домашними, въ бѣлой пуховой шляпѣ (княжескій подарокъ), съ палкой, такъ же, какъ князь, вышелъ садиться въ кожаную кибиточку, заложенную тройкой сытыхъ саврасыхъ.

Колокольчикъ былъ подвязанъ, и бубенчики заложены бумажками. Князь никому не позволялъ въ Лысыхъ Горахъ ѣздить съ колокольчикомъ. Но Алпатычъ любилъ колокольчики и бубенчики въ дальней дорогѣ. Придворные Алпатыча, земскій, конторщикъ, кухарка—черная, бѣлая, двѣ старухи, мальчикъ-казачокъ, кучера и разные дворовые провожали его.

Дочь укладывала за спину и подъ него ситцевыя и пуховыя подушки. Свояченица-старушка тайкомъ сунула узелокъ. Одинъ изъ кучеровъ подсадилъ его подъ руку.

— Ну, ну, бабьи сборы! Бабы, бабы!—пыхтя проговорилъ скороговоркой Алпатычъ точно такъ, какъ говорилъ князь, и сѣлъ въ кибитку.

Отдавъ послѣднія приказанія о работахъ земскому и въ этомъ ужъ не подражая князю, Алпатычъ снялъ съ лысой головы шляпу и перекрестился троекратно.

— Вы, ежели что... вы вернитесь, Яковъ Алпатычъ; ради Христа, насъ пожалѣй, — прокричала ему жена, намекающая на слухи о войнѣ и непріятелѣ.

— Бабы, бабы, бабьи сборы!—проговорилъ Алпатычъ про себя и поѣхалъ, оглядывая вокругъ себя поля гдѣ съ пожелтѣвшей рожью, гдѣ съ густымъ еще зеленымъ овсомъ, гдѣ еще черныя, которыя только начинали двоить.

Алпатычъ ѣхалъ, любуясь на рѣдкостный урожай ярового въ нынѣшнемъ году, приглядываясь къ полоскамъ ржаныхъ полей, на которыхъ кое-гдѣ начинали зажинать, и дѣлалъ свои хозяйственныя соображенія о посѣвѣ и уборкѣ и о томъ, не забыто ли какое княжеское приказаніе.

Два раза покормивъ дорогой, къ вечеру 4 августа Алпатычъ пріѣхалъ въ городъ.

По дорогѣ Алпатычъ встрѣчалъ и обгонялъ обозы и войска. Подъѣзжая къ Смоленску, онъ слышалъ дальніе выстрѣлы, но звуки эти не поразили его. Сильнѣе всего поразило его то, что, приближаясь къ Смоленску, онъ видѣлъ прекрасное поле овса, которое какіе-то солдаты косили, очевидно на кормъ, и по которому стояли лагеремъ; это обстоятельство поразило Алпатыча, но онъ скоро забылъ его, думая о своемъ дѣлѣ.

Всѣ интересы жизни Алпатыча уже болѣе тридцати лѣтъ были ограничены одной волей князя, и онъ никогда не выходилъ изъ этого круга. Все, что́ не касалось до исполненія при-

казаній князя, не только не интересовало его, но не существовало для Алпатыча.

Алпатычъ, пріѣхавъ вечеромъ 4-го августа въ Смоленскъ, остановился за Днѣпромъ въ Гаченскомъ предмѣстьи на постояломъ дворѣ, у дворника Ѳерапонтова, у котораго онъ уже тридцать лѣтъ имѣлъ привычку останавливаться. Ѳерапонтовъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, съ легкой руки Алпатыча, купивъ рощу у князя, началъ торговать, и теперь имѣлъ домъ, постоялый дворъ и мучную лавку въ губерніи. Ѳерапонтовъ былъ толстый, черный, красный, сорокалѣтній мужикъ, съ толстыми губами, съ толстымъ шишкой-носомъ, такими же шишками надъ черными нахмуренными бровями и толстымъ брюхомъ.

Ѳерапонтовъ, въ жилетѣ, въ ситцевой рубахѣ, стоялъ у лавки, выходившей на улицу. Увидавъ Алпатыча, онъ подошелъ къ нему.

— Добро пожаловать, Яковъ Алпатычъ. Народъ изъ города, а ты въ городъ, — сказалъ хозяинъ.

— Что жъ такъ, изъ города? — сказалъ Алпатычъ.

— И я говорю — народъ глупъ. Все француза боятся.

— Бабьи толки, бабьи толки! — проговорилъ Алпатычъ.

— Такъ-то и я сужу, Яковъ Алпатычъ. Я говорю, приказъ есть, что не пустятъ его, значитъ—вѣрно. Да и мужики по три рубля съ подводы просятъ — креста на нихъ нѣтъ!

Яковъ Алпатычъ невнимательно слушалъ. Онъ потребовалъ самоваръ и сѣна лошадямъ и, напившись чаю, легъ спать.

Всю ночь мимо постоялаго двора двигались на улицѣ войска. На другой день Алпатычъ надѣлъ камзолъ, который онъ надѣвалъ только въ городѣ, и пошелъ по дѣламъ. Утро было солнечное, и съ восьми часовъ было уже жарко. Дорогой день для уборки хлѣба, какъ думалъ Алпатычъ. За городомъ съ ранняго утра слышались выстрѣлы.

Съ восьми часовъ къ ружейнымъ выстрѣламъ присоединилась пушечная пальба. На улицахъ было много народу, куда-то спѣшащаго, много солдатъ, но такъ же, какъ и всегда, ѣздили извозчики, купцы стояли у лавокъ, и въ церквахъ шла служба. Алпатычъ прошелъ въ лавки, въ присутственныя мѣста, на почту и къ губернатору. Въ присутственныхъ мѣстахъ, въ лавкахъ, на почтѣ всѣ говорили о войскѣ, о непріятелѣ, который уже напалъ на городъ; всѣ спрашивали другъ друга, что дѣлать, и всѣ старались успокоивать другъ друга.

У дома губернатора Алпатычъ нашелъ большое количество народа, казаковъ и дорожный экипажъ, принадлежавшій губернатору. На крыльцѣ Яковъ Алпатычъ встрѣтилъ двухъ господъ-

дворянъ, изъ которыхъ одного онъ зналъ. Знакомый ему дворянинъ, бывшій исправникъ, говорилъ съ жаромъ:

— Вѣдь это не шутки шутить,—говорилъ онъ.—Хорошо, кто одинъ. Одна голова и бѣдна — такъ одна, а то здѣсь 13 человѣкъ семьи, да все имущество... Довели, что пропадать всѣмъ; что жъ это за начальство послѣ этого?.. Эхъ, перевѣшалъ бы разбойниковъ...

— Да ну, будетъ! — говорилъ другой.

— А мнѣ что за дѣло, пускай слышитъ! Что жъ, мы не собаки, — сказалъ бывшій исправникъ и, оглянувшись, увидалъ Алпатыча.

— А, Яковъ Алпатычъ, ты зачѣмъ?

— По приказанію его сіятельства къ господину губернатору,—отвѣчалъ Алпатычъ, гордо поднимая голову и закладывая руку за пазуху, что онъ дѣлалъ всегда, когда упоминалъ о князѣ.—Изволили приказать освѣдомиться о положеніи дѣлъ,—сказалъ онъ.

— Да вотъ и узнавай, — прокричалъ помѣщикъ, — довели, что ни подводъ, ничего!.. Вотъ она, слышишь? — сказалъ онъ, указывая на ту сторону, откуда слышались выстрѣлы.

— Довели, что погибать всѣмъ... разбойники! — опять проговорилъ онъ и сошелъ съ крыльца.

Алпатычъ покачалъ головой и пошелъ на лѣстницу. Въ пріемной были купцы, женщины, чиновники, молча переглядывавшіеся между собой. Дверь кабинета отворилась; всѣ встали съ мѣстъ и подвинулись впередъ. Изъ двери выбѣжалъ чиновникъ, поговорилъ что-то съ купцомъ, кликнулъ за собой толстаго чиновника съ крестомъ на шеѣ и скрылся опять въ дверь, видимо избѣгая всѣхъ обращенныхъ къ нему взглядовъ и вопросовъ. Алпатычъ продвинулся впередъ и при слѣдующемъ выходѣ чиновника, заложивъ руку за застегнутый сюртукъ, обратился къ чиновнику, подавая ему два письма.

— Господину барону Ашу отъ генералъ-аншефа князя Болконскаго,—провозгласилъ онъ такъ торжественно и значительно, что чиновникъ обратился къ нему и взялъ его письмо.

Черезъ нѣсколько минутъ губернаторъ принялъ Алпатыча и поспѣшно сказалъ ему:

— Доложи князю и княжнѣ, что мнѣ ничего неизвѣстно было: я поступалъ по высшимъ приказаніямъ — вотъ... —Онъ далъ бумагу Алпатычу. — А впрочемъ, такъ какъ князь нездоровъ, мой совѣтъ имъ ѣхать въ Москву. Я самъ сейчасъ ѣду. Доложи...

Но губернаторъ не договорилъ; въ дверь вбѣжалъ запыленный и запотѣлый офицеръ и началъ что-то говорить по-французски. На лицѣ губернатора изобразился ужасъ.

— Иди,—сказалъ онъ, кивнувъ головой Алпатычу, и сталъ что-то спрашивать у офицера.

Жадные, испуганные, безпомощные взгляды обратились на Алпатыча, когда онъ вышелъ изъ кабинета губернатора. Невольно прислушиваясь теперь къ близкимъ и все усиливавшимся выстрѣламъ, Алпатычъ поспѣшилъ на постоялый дворъ. Бумага, которую далъ губернаторъ Алпатычу, была слѣдующая:

«Увѣряю васъ, что городу Смоленску не предстоитъ еще ни малѣйшей опасности, и невѣроятно, чтобы оный ею угрожаемъ былъ. Я съ одной, а князь Багратіонъ съ другой стороны идемъ на соединеніе передъ Смоленскомъ, которое совершится 22-го числа, и обѣ арміи совокупными силами станутъ оборонять соотечественниковъ своихъ ввѣренной вамъ губерніи, пока усилія ихъ удалятъ отъ нихъ враговъ отечества или пока не истребится въ храбрыхъ ихъ рядахъ до послѣдняго воина. Вы видите изъ сего, что вы имѣете совершенное право успокоить жителей Смоленска, ибо кто защищаемъ двумя столь храбрыми войсками, тотъ можетъ быть увѣренъ въ побѣдѣ ихъ». (Предписаніе Барклая-де-Толли смоленскому гражданскому губернатору барону Ашу, 1812 года).

Народъ безпокойно сновалъ по улицамъ.

Наложенные вéрхомъ воза съ домашней посудой, стульями, шкапчиками то и дѣло выѣзжали изъ воротъ домовъ и ѣхали по улицамъ. Въ сосѣднемъ домѣ Ѳерапонтова стояли повозки и, прощаясь, выли и приговаривали бабы. Дворняжка-собака, лая, вертѣлась передъ заложенными лошадьми.

Алпатычъ болѣе поспѣшнымъ шагомъ, чѣмъ онъ ходилъ обыкновенно, вошелъ во дворъ и прямо пошелъ подъ сарай къ своимъ лошадямъ и повозкѣ. Кучеръ спалъ; онъ разбудилъ его, велѣлъ закладывать и вошелъ въ сѣни. Въ хозяйской горницѣ слышался дѣтскій плачъ, надрывающіяся рыданія женщины и гнѣвный, хриплый крикъ Ѳерапонтова. Кухарка, какъ испуганная курица, встрепыхалась въ сѣняхъ, какъ только вошелъ Алпатычъ.

— До смерти убилъ — хозяйку убилъ!.. Такъ билъ, такъ волочилъ!..

— За что? — спросилъ Алпатычъ.

— Ѣхать просилась. Дѣло женское! Увези ты, говоритъ, меня, не погуби ты меня съ малыми дѣтьми; народъ, говоритъ, весь уѣхалъ; что, говоритъ, мы-то? Какъ зачалъ бить. Такъ билъ, такъ волочилъ!

Алпатычъ какъ бы одобрительно кивнулъ головой на эти слова и, не желая болѣе ничего знать, подошелъ къ противоположной хозяйской двери горницѣ, въ которой оставались его покупки.

— Злодѣй ты, губитель!—прокричала въ это время худая, блѣдная женщина съ ребенкомъ на рукахъ и съ сорваннымъ съ головы платкомъ, вырываясь изъ дверей и сбѣгая по лѣстницѣ на дворъ.

Ѳерапонтовъ вышелъ за ней и, увидавъ Алпатыча, оправилъ жилетъ, волосы, зѣвнулъ и вошелъ въ горницу за Алпатычемъ.

— Аль ужъ ѣхать хочешь?—спросилъ онъ.

Не отвѣчая на вопросъ и не оглядываясь на хозяина, перебирая свои покупки, Алпатычъ спросилъ, сколько за постой слѣдовало хозяину.

— Сочтемъ! Что жъ, у губернатора былъ?—спросилъ Ѳерапонтовъ.—Какое рѣшеніе вышло?

Алпатычъ отвѣчалъ, что губернаторъ ничего рѣшительно не сказалъ ему.

— По нашему дѣлу развѣ увеземся?—сказалъ Ѳерапонтовъ.—Дай до Дорогобужа по 7 рублей за подводу. И я говорю: креста на нихъ нѣтъ!—сказалъ онъ.—Селивановъ, тотъ угодилъ въ четвергъ, продалъ муку въ армію по девяти рублей за куль. Что жъ, чай пить будете?—прибавилъ онъ.

Пока закладывали лошадей, Алпатычъ съ Ѳерапонтовымъ напились чаю и разговорились о цѣнѣ хлѣбовъ, объ урожаѣ и благопріятной погодѣ для уборки.

— Однако затихать стала,—сказалъ Ѳерапонтовъ, выпивъ три чашки чаю и поднимаясь:—должно, наша взяла. Сказано, не пустятъ. Значитъ—сила... А намесь, сказывали, Матвѣй Иванычъ Платовъ ихъ въ рѣку Марину загналъ, тысячъ восемнадцать, что ли, въ одинъ день потопилъ.

Алпатычъ собралъ свои покупки, передалъ ихъ вошедшему кучеру, расчелся съ хозяиномъ. Въ воротахъ прозвучалъ звукъ колесъ, копытъ и бубенчиковъ выѣзжавшей кибиточки.

Было уже далеко за полдень; половина улицы была въ тѣни, другая была ярко освѣщена солнцемъ. Алпатычъ взглянулъ въ окно и пошелъ къ двери. Вдругъ послышался странный звукъ дальняго свиста и удара, и вслѣдъ затѣмъ раздался сливающійся гулъ пушечной пальбы, отъ которой задрожали стекла.

Алпатычъ вышелъ на улицу; по улицѣ пробѣжали два человѣка къ мосту. Съ разныхъ сторонъ слышались свисты, удары ядеръ и лопанье гранатъ, падавшихъ въ городѣ. Но звуки эти почти не слышны были и не обращали вниманія жителей въ

сравненіи съ звуками пальбы, слышными за городомъ. Это было бомбардированіе, которое въ 5-мъ часу приказалъ открыть Наполеонъ по городу, изъ 130 орудій. Народъ первое время не понималъ значенія этого бомбардированія.

Звуки падавшихъ гранатъ и ядеръ возбуждали сначала только любопытство. Жена Ѳерапонтова, не перестававшая до этого выть подъ сараемъ, умолкла и съ ребенкомъ на рукахъ вышла къ воротамъ, молча приглядываясь къ народу и прислушиваясь къ звукамъ.

Къ воротамъ вышли кухарка и лавочникъ. Всѣ съ веселымъ любопытствомъ старались увидать проносившіеся надъ ихъ головами снаряды. Изъ-за угла вышло нѣсколько человѣкъ людей, оживленно разговаривая.

— То-то сила! — говорилъ одинъ, — и крышку, и потолокъ такъ въ щепки и разбило.

— Какъ свинья и землю-то взрыло, — сказалъ другой. — Вотъ такъ важно, вотъ такъ подбодрилъ! — смѣясь сказалъ онъ. — Спасибо отскочилъ, а то бы она тебя смазала.

Народъ обратился къ этимъ людямъ. Они пріостановились и разсказывали, какъ подлѣ самихъ ихъ ядра попали въ домъ. Между тѣмъ другіе снаряды, то съ быстрымъ, мрачнымъ свистомъ—ядра, то съ пріятнымъ посвистываньемъ — гранаты, не переставали перелетать черезъ головы народа; но ни одинъ снарядъ не падалъ близко, всѣ переносило. Алпатычъ садился въ кибиточку. Хозяинъ стоялъ въ воротахъ.

— Чего не видала!—крикнулъ онъ на кухарку, которая съ засученными рукавами, въ красной юбкѣ, раскачиваясь голыми локтями, подошла къ углу послушать то, что разсказывали.

— Вотъ чуда-то,—приговаривала она, но, услыхавъ голосъ хозяина, она вернулась, обдергивая подотканную юбку.

Опять, но очень близко этотъ разъ, засвистѣло что-то, какъ сверху внизъ летящая птичка, блеснулъ огонь посрединѣ улицы, выстрѣлило что-то и застлало дымомъ улицу.

— Злодѣй, что жъ ты это дѣлаешь? — прокричалъ хозяинъ, подбѣгая къ кухаркѣ.

Въ то же мгновеніе съ разныхъ сторонъ жалобно завыли женщины, испуганно заплакалъ ребенокъ, и молча столпился народъ съ блѣдными лицами около кухарки. Изъ этой толпы слышнѣе всѣхъ слышались стоны и приговоры кухарки.

— Ой-о-охъ, голубчики мои! Голубчики мои бѣлые! Не дайте умереть! Голубчики мои бѣлые!..

Черезъ пять минутъ никого не оставалось на улицѣ. Кухарку съ бедромъ, разбитымъ гранатнымъ осколкомъ, снесли въ кухню.

Алпатычъ, его кучеръ, Ѳерапонтова жена съ дѣтьми, дворникъ сидѣли въ подвалѣ, прислушиваясь. Гулъ орудій, свистъ снарядовъ и жалостный стонъ кухарки, преобладавшій надъ всѣми звуками, не умолкали ни на мгновеніе. Хозяйка то укачивала и уговаривала ребенка, то жалостнымъ шопотомъ спрашивала у всѣхъ, входившихъ въ подвалъ, гдѣ былъ ея хозяинъ, оставшійся на улицѣ. Вошедшій въ подвалъ лавочникъ сказалъ ей, что хозяинъ пошелъ съ народомъ въ соборъ, гдѣ поднимали Смоленскую чудотворную икону.

Къ сумеркамъ канонада стала стихать. Алпатычъ вышелъ изъ подвала и остановился въ дверяхъ. Прежде ясное вечернее небо все было застлано дымомъ. И сквозь этотъ дымъ странно свѣтилъ молодой, высоко стоящій серпъ мѣсяца. Послѣ замолкшаго прежняго страшнаго гула орудій надъ городомъ казалась тишина, прерываемая только какъ бы распространеннымъ по всему городу шелестомъ шаговъ, стоновъ, дальнихъ криковъ и треска пожаровъ. Стоны кухарки теперь затихли. Съ двухъ сторонъ поднимались и расходились черные клубы дыма отъ пожаровъ. На улицѣ не рядами, а какъ муравьи изъ разоренной кочки, въ разныхъ мундирахъ и въ разныхъ направленіяхъ, проходили и пробѣгали солдаты. Въ глазахъ Алпатыча нѣсколько изъ нихъ забѣжали на дворъ Ѳерапонтова. Алпатычъ вышелъ къ воротамъ. Какой-то полкъ, тѣснясь и спѣша, запрудилъ улицу, идя назадъ.

— Сдаютъ городъ, уѣзжайте, уѣзжайте, — сказалъ ему замѣтившій его фигуру офицеръ и тутъ же обратился съ крикомъ къ солдатамъ:

— Я вамъ дамъ по дворамъ бѣгать! — крикнулъ онъ.

Алпатычъ вернулся въ избу и, кликнувъ кучера, велѣлъ ему выѣзжать. Вслѣдъ за Алпатычемъ и за кучеромъ вышли и всѣ домочадцы Ѳерапонтова. Увидавъ дымъ и даже огни пожаровъ, виднѣвшіеся теперь въ начинавшихся сумеркахъ, бабы, до тѣхъ поръ молчавшія, вдругъ заголосили, глядя на пожары. Какъ бы вторя имъ, послышались такіе же плачи на другихъ концахъ улицы. Алпатычъ съ кучеромъ трясущимися руками расправлялъ запутавшіяся вожжи и постромки лошадей подъ навѣсомъ.

Когда Алпатычъ выѣзжалъ изъ воротъ, онъ увидалъ, какъ въ отпертой лавкѣ Ѳерапонтова человѣкъ десять солдатъ съ громкимъ говоромъ насыпали мѣшки и ранцы пшеничной мукой и подсолнухами. Въ то же время, возвращаясь съ улицы въ лавку, вошелъ Ѳерапонтовъ. Увидавъ солдатъ, онъ хотѣлъ крикнуть что-то, но вдругъ остановился и, схватившись за волосы, захохоталъ рыдающимъ хохотомъ.

— Тащи все, ребята! Не доставайся дьяволамъ, — закричалъ онъ, самъ хватая мѣшки и выкидывая ихъ на улицу.

Нѣкоторые солдаты, испугавшись, выбѣжали, нѣкоторые продолжали насыпать. Увидавъ Алпатыча, Ѳерапонтовъ обратился къ нему.

— Рѣшилась Рассея!—крикнулъ онъ.—Алпатычъ! рѣшилась! Самъ запалю. Рѣшилась... — Ѳерапонтовъ побѣжалъ па дворъ.

По улицѣ, запружая ее всю, непрерывно шли солдаты, такъ что Алпатычъ не могъ проѣхать и долженъ былъ дожидаться. Хозяйка Ѳерапонтова съ дѣтьми сидѣла также на телѣгѣ, ожидая того, чтобы можно было выѣхать.

Была уже совсѣмъ ночь. На небѣ были звѣзды и свѣтился изрѣдка застилаемый дымомъ молодой мѣсяцъ. На спускѣ къ Днѣпру повозки Алпатыча и хозяйки, медленно двигавшіяся въ рядахъ солдатъ и другихъ экипажей, должны были остановиться. Недалеко отъ перекрестка, у котораго остановились повозки, въ переулкѣ горѣли домъ и лавки. Пожаръ уже догоралъ. Пламя то замирало и терялось въ черномъ дымѣ, то вдругъ вспыхивало ярко, до странности отчетливо освѣщая лица столпившихся людей, стоявшихъ на перекресткѣ. Передъ пожаромъ мелькали черныя фигуры людей, и изъ-за неумолкаемаго треска огня слышались говоръ и крики. Алпатычъ, слѣзшій съ повозки, видя, что повозку его еще не скоро пропустятъ, повернулся въ переулокъ посмотрѣть пожаръ. Солдаты шныряли безпрестанно взадъ и впередъ мимо пожара, и Алпатычъ видѣлъ, какъ два солдата и съ ними какой-то человѣкъ во фризовой шинели тащили изъ пожара черезъ улицу на сосѣдній дворъ горѣвшія бревна; другіе несли охапки сѣна.

Алпатычъ подошелъ къ большой толпѣ людей, стоявшихъ противъ горѣвшаго полнымъ огнемъ высокаго амбара. Стѣны были всѣ въ огнѣ, задняя завалилась, крыша тесовая обрушилась, балки пылали. Очевидно, толпа ожидала той минуты, когда завалится крыша. Этого же ожидалъ Алпатычъ.

— Алпатычъ! — вдругъ окликнулъ старика чей-то знакомый голосъ.

— Батюшка, ваше сіятельство, — отвѣчалъ Алпатычъ, мгновенно узнавъ голосъ своего молодого князя.

Князь Андрей въ плащѣ верхомъ на вороной лошади стоялъ за толпой и смотрѣлъ на Алпатыча.

— Ты какъ здѣсь? — спросилъ онъ.

— Ваше... ваше сіятельство,—проговорилъ Алпатычъ и зарыдалъ. — Ваше... ваше... или ужъ пропали мы? Отецъ...

— Какъ ты здѣсь? — повторилъ князь Андрей.

Пламя ярко вспыхнуло въ эту минуту и освѣтило Алпатычу блѣдное и изнуренное лицо его молодого барина. Алпатычъ разсказалъ, какъ онъ былъ посланъ и какъ насилу могъ уѣхать.

— Что же, ваше сіятельство, или мы пропали? — спросилъ онъ опять.

Князь Андрей, не отвѣчая, досталъ записную книжку и, приподнявъ колѣно, сталъ писать карандашомъ на вырванномъ листѣ. Онъ писалъ сестрѣ:

«Смоленскъ сдаютъ», писалъ онъ, «Лысыя Горы будутъ заняты непріятелемъ черезъ недѣлю. Уѣзжайте сейчасъ въ Москву. Отвѣчай мнѣ тотчасъ, когда вы выѣдете, приславъ нарочнаго въ Усвяжъ».

Написавъ и передавъ листокъ Алпатычу, онъ на словахъ передалъ ему, какъ распорядиться отъѣздомъ князя, княжны и сына съ учителемъ и какъ и куда отвѣтить ему тотчасъ же. Еще не успѣлъ онъ окончить эти приказанія, какъ верховой штабный начальникъ, сопутствуемый свитой, подскакалъ къ нему.

— Вы полковникъ? — кричалъ штабный начальникъ, съ нѣмецкимъ акцентомъ, знакомымъ князю Андрею голосомъ. — Въ вашемъ присутствіи зажигаютъ дома, а вы стоите? Что это значитъ такое? Вы отвѣтите, — кричалъ Бергъ, который былъ теперь помощникомъ начальника штаба начальника лѣваго фланга пѣхотныхъ войскъ первой арміи, — «мѣсто весьма пріятное и на виду», какъ говорилъ Бергъ.

Князь Андрей посмотрѣлъ на него и, не отвѣчая, продолжалъ, обращаясь къ Алпатычу:

— Такъ скажи, что до десятаго числа жду отвѣта, а ежели десятаго не получу извѣстія, что всѣ уѣхали, я самъ долженъ буду все бросить и ѣхать въ Лысыя Горы.

— Я, князь, только потому говорю, — сказалъ Бергъ, узнавъ князя Андрея, — что я долженъ исполнять приказанія, потому что я всегда точно исполняю... Вы меня, пожалуйста, извините, — въ чемъ-то оправдывался Бергъ.

Что-то затрещало въ огнѣ. Огонь притихъ на мгновеніе; черные клубы дыма повалили изъ-подъ крыши. Еще страшно затрещало что-то въ огнѣ, и завалилось что-то огромное.

— Урруру! — вторя завалившемуся потолку амбара, изъ котораго несло запахомъ лепешекъ отъ сгорѣвшаго хлѣба, заревѣла толпа. Пламя вспыхнуло и освѣтило оживленно-радостныя и измученныя лица людей, стоявшихъ вокругъ пожара.

Человѣкъ во фризовой шинели, поднявъ кверху руки, кричалъ:

— Важно! пошла драть! Ребята, важно!..

— Это самъ хозяинъ,—послышались голоса.

— Такъ—такъ!—сказалъ князь Андрей, обращаясь къ Алпатычу,—все передай, какъ я тебѣ говорилъ,—и, ни слова не отвѣчая Бергу, замолкшему подлѣ него, тронулъ лошадь и поѣхалъ въ переулокъ

V.

Отъ Смоленска войска продолжали отступать. Непріятель шелъ вслѣдъ за ними. 10-го августа полкъ, которымъ командовалъ князь Андрей, проходилъ по большой дорогѣ мимо проспекта, ведущаго въ Лысыя Горы. Жара и засуха стояли болѣе трехъ недѣль. Каждый день по небу ходили курчавыя облака, изрѣдка заслоняя солнце; но къ вечеру опять расчищало, и солнце садилось въ буровато-красную мглу. Только сильная роса ночью освѣжала землю. Остававшіеся на корню хлѣба сгорали и высыпались. Болота пересохли. Скотина ревѣла отъ голода, не находя корма по сожженнымъ солнцемъ лугамъ. Только по ночамъ и въ лѣсахъ, пока еще держалась роса, была прохлада. Но по дорогѣ, по большой дорогѣ, по которой шли войска, даже и ночью, даже и по лѣсамъ не было этой прохлады. Роса незамѣтна была по песочной пыли дороги, встолченной больше чѣмъ на четверть аршина. Какъ только разсвѣтало, начиналось движеніе. Обозы, артиллерія беззвучно шли по ступицу, а пѣхота по щиколку въ мягкой, душной, не остывшей за ночь, жаркой пыли. Одна часть этой песочной пыли мѣсилась ногами и колесами, другая поднималась и стояла облакомъ надъ войскомъ, влипая въ глаза, въ волосы, въ уши, въ ноздри и, главное, въ легкія людямъ и животнымъ, двигавшимся по этой дорогѣ. Чѣмъ выше поднималось солнце, тѣмъ выше поднималось облако пыли, и сквозь эту тонкую жаркую пыль на солнце, не закрытое облаками, можно было смотрѣть простымъ глазомъ. Солнце представлялось большимъ багровымъ шаромъ. Вѣтра не было, и люди задыхались въ этой неподвижной атмосферѣ. Люди шли, обвязавши носы и рты платками. Приходя къ деревнѣ, все бросалось къ колодцамъ. Дрались за воду и выпивали ее до грязи.

Князь Андрей командовалъ полкомъ, и устройство полка, благосостояніе его людей, необходимость полученія и отдачи приказаній занимали его. Пожаръ Смоленска и оставленіе его были эпохой для князя Андрея. Новое чувство озлобленія противъ врага заставляло его забывать свое горе. Онъ весь былъ преданъ дѣламъ своего полка, онъ былъ заботливъ о своихъ людяхъ и офицерахъ и ласковъ съ ними. Въ полку его называли

нашъ князь, имъ гордились и его любили. Но добръ и кротокъ онъ былъ только со своими полковыми, съ Тимохинымъ и т. п., съ людьми совершенно новыми и въ чужой средѣ, съ людьми, которые не могли знать и понимать его прошедшаго; но какъ только онъ сталкивался съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ прежнихъ, изъ штабныхъ, онъ тотчасъ опять ощетинивался: дѣлался злобенъ, насмѣшливъ и презрителенъ. Все, что связывало его воспоминаніе съ прошедшимъ, отталкивало его, и потому онъ старался въ отношеніяхъ этого прежняго міра только не быть несправедливымъ и исполнять свой долгъ.

Правда, все въ темномъ, въ мрачномъ свѣтѣ представлялось князю Андрею, особенно послѣ того, какъ оставили Смоленскъ (который, по его понятіямъ, можно и должно было защищать) 6-го августа, и послѣ того, какъ отецъ, больной, долженъ былъ бѣжать въ Москву и бросить на расхищеніе столь любимыя, обстроенныя и имъ населенныя Лысыя Горы; но, несмотря на то, благодаря полку, князь Андрей могъ думать о другомъ, совершенно независимомъ отъ общихъ вопросовъ, предметѣ — о своемъ полку. 10-го августа колонна, въ которой былъ его полкъ, поровнялась съ Лысыми Горами. Князь Андрей два дня тому назадъ получилъ извѣстіе, что его отецъ, сынъ и сестра уѣхали въ Москву. Хотя князю Андрею и нечего было дѣлать въ Лысыхъ Горахъ, онъ, со свойственнымъ ему желаніемъ растравить свое горе, рѣшилъ, что долженъ заѣхать въ Лысыя Горы.

Онъ велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь и съ перехода поѣхалъ верхомъ въ отцовскую деревню, въ которой онъ родился и провелъ свое дѣтство. Проѣзжая мимо пруда, на которомъ всегда десятки бабъ, переговариваясь, били вальками и полоскали свое бѣлье, князь Андрей замѣтилъ, что на прудѣ никого не было, и оторванный плотикъ, до половины залитый водой, бокомъ плавалъ посрединѣ пруда. Князь Андрей подъѣхалъ къ сторожкѣ. У каменныхъ воротъ въѣзда никого не было, и дверь была отперта. Дорожки сада уже заросли, и телята и лошади ходили по англійскому парку. Князь Андрей подъѣхалъ къ оранжереѣ: стекла были разбиты, и деревья въ кадкахъ нѣкоторыя повалены, нѣкоторыя засохли. Онъ окликнулъ Тараса, садовника. Но никто не откликнулся. Обогнувъ оранжерею на выставку, онъ увидалъ, что тесовый рѣзной заборъ весь изломанъ и фрукты, сливы обдерганы съ вѣтками. Старый мужикъ (князь Андрей видалъ его у воротъ въ дѣтствѣ) сидѣлъ и плелъ лапоть на зеленой скамейкѣ.

Онъ былъ глухъ и не услыхалъ подъѣзда князя Андрея. Онъ сидѣлъ на лавкѣ, на которой любилъ сиживать старый князь,

и около него было развѣшено лычко на сучкахъ обломанной и засохшей магноліи.

Князь Андрей подъѣхалъ къ дому. Нѣсколько липъ въ старомъ саду были срублены, одна пѣгая съ жеребенкомъ лошадь ходила передъ самымъ домомъ между розанами. Домъ былъ заколоченъ ставнями. Одно окно внизу было открыто. Дворовый мальчикъ, увидавъ князя Андрея, вбѣжалъ въ домъ; Алпатычъ, уславъ семью, одинъ оставался въ Лысыхъ Горахъ; онъ сидѣлъ дома и читалъ Житія. Узнавъ о пріѣздѣ князя Андрея, онъ съ очками на носу, застегиваясь, вышелъ изъ дома, поспѣшно подошелъ къ князю и, ничего не говоря, заплакалъ, цѣлуя князя Андрея въ колѣнку.

Потомъ онъ отвернулся съ сердцемъ на свою слабость и сталъ докладывать ему о положеніи дѣлъ. Все цѣнное и дорогое было отвезено въ Богучарово. Хлѣбъ, до 100 четвертей, тоже былъ вывезенъ; сѣно и яровой, необыкновенный, какъ говорилъ Алпатычъ, урожай нынѣшняго года зеленымъ взятъ и скошенъ войсками. Мужики разорены; нѣкоторые ушли тоже въ Богучарово, малая часть остается.

Князь Андрей, не дослушавъ его, спросилъ:

— Когда уѣхали отецъ и сестра? — разумѣя, когда уѣхали въ Москву.

Алпатычъ отвѣчалъ, полагая, что спрашиваютъ объ отъѣздѣ въ Богучарово, что уѣхали 7-го, и опять распространился о дѣлахъ хозяйства, спрашивая распоряженій.

— Прикажете ли отпускать подъ расписку командамъ овесъ? У насъ еще 600 четвертей осталось,—спрашивалъ Алпатычъ.

«Что отвѣчать ему?» думалъ князь Андрей, глядя на лоснѣющуюся на солнцѣ плѣшивую голову старика и въ выраженіи лица его читая сознаніе того, что онъ самъ понимаетъ несвоевременность этихъ вопросовъ, но спрашивалъ только такъ, чтобы заглушить и свое горе.

— Да, отпускай,—сказалъ онъ.

— Ежели изволили замѣтить безпорядки въ саду,—говорилъ Алпатычъ,—то невозможно было предотвратить: три полка проходили и ночевали, въ особенности драгуны. Я выписалъ чинъ и званіе командира для подачи прошенія.

— Ну, что жъ ты будешь дѣлать? Останешься, ежели непріятель займетъ?—спросилъ его князь Андрей.

Алпатычъ, повернувъ свое лицо къ князю Андрею, посмотрѣлъ на него и вдругъ, торжественнымъ жестомъ, поднялъ руки кверху.

— Онъ мой покровитель, да будетъ воля Его!—проговорилъ онъ.

Толпа мужиковъ и дворовыхъ шла по лугу съ открытыми головами, приближаясь къ князю Андрею.

— Ну, прощай!—сказалъ князь Андрей, нагибаясь къ Алпатычу.—Уѣзжай самъ; увози, что можешь, и народу вели уходить въ рязанскую или въ подмосковную.

Алпатычъ прижался къ его ногѣ и зарыдалъ. Князь Андрей осторожно отодвинулъ его и, тронувъ лошадь, галопомъ поскакалъ внизъ по аллеѣ.

На выставкѣ все такъ же безучастно, какъ муха на лицѣ дорогого мертвеца, сидѣлъ старикъ и стукалъ по колодкѣ лаптя, и двѣ дѣвочки со сливами въ подолахъ, которыя онѣ нарвали съ оранжерейныхъ деревьевъ, бѣжали оттуда и наткнулись на князя Андрея. Увидавъ молодого барина, старшая дѣвочка, съ выразившимся на лицѣ испугомъ, схватила за руку свою меньшую товарку и съ ней вмѣстѣ спряталась за березу, не успѣвъ подобрать разсыпавшіяся зеленыя сливы.

Князь Андрей испуганно поспѣшно отвернулся отъ нихъ, боясь дать замѣтить имъ, что онъ ихъ видѣлъ. Ему жалко стало эту хорошенькую испуганную дѣвочку. Онъ боялся взглянуть на нее, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему этого непреодолимо хотѣлось. Новое, отрадное и успокоительное чувство охватило его, когда онъ, глядя на этихъ дѣвочекъ, понялъ существованіе другихъ, совершенно чуждыхъ ему и столь же законныхъ человѣческихъ интересовъ, какъ и тѣ, которые занимали его. Эти дѣвочки, очевидно, страстно желали одного — унести и доѣсть эти зеленыя сливы и не быть пойманными, и князь Андрей желалъ съ ними вмѣстѣ успѣха ихъ предпріятію. Онъ не могъ удержаться, чтобы не взглянуть на нихъ еще разъ. Полагая себя уже въ безопасности, онѣ выскочили изъ засады и, что-то пища тоненькими голосками, придерживая подолы, весело и быстро бѣжали по травѣ луга своими загорѣлыми босыми ножонками.

Князь Андрей освѣжился немного, выѣхавъ изъ района пыли большой дороги, по которой двигались войска. Но недалеко за Лысыми Горами онъ въѣхалъ опять на дорогу и догналъ свой полкъ на привалѣ, у плотины небольшого пруда. Былъ 2-й часъ послѣ полудня. Солнце, красный шаръ въ пыли, невыносимо пекло и жгло спину сквозь черный сюртукъ. Пыль, все такая же, неподвижно стояла надъ говоромъ гудѣвшими, остановившимися войсками. Вѣтру не было. Въ проѣздъ по плотинѣ на князя Андрея пахнуло тиной и свѣжестью пруда. Ему захотѣлось въ воду—какая бы грязная она ни была. Онъ оглянулся

на прудъ, съ котораго неслись крики и хохотъ. Небольшой мутный съ зеленью прудъ, видимо, поднялся четверти на двѣ, заливая плотину, потому что онъ былъ полонъ человѣческими, солдатскими, голыми, барахтающимися въ немъ бѣлыми тѣлами, съ кирпично-красными руками, лицами и шеями. Все это голое, бѣлое, человѣческое мясо съ хохотомъ и гикомъ барахталось въ этой грязной лужѣ, какъ караси, набитые въ лейку. Весельемъ отзывалось это барахтанье, и оттого оно было особенно грустно.

Одинъ молодой бѣлокурый солатъ—еще князь Андрей зналъ его—3-й роты, съ ремешкомъ подъ икрой, крестясь, отступалъ назадъ, чтобы хорошенько разбѣжаться и бултыхнуться въ воду; другой черный, всегда лохматый унтеръ-офицеръ, по поясъ въ водѣ, подергивая счастливо мускулистымъ станомъ, радостно фыркалъ, поливая себѣ голову черными по кисти руками. Слышалось шлепанье другъ по другу, и визгъ и уханье.

На берегахъ, на плотинѣ, въ прудѣ, вездѣ было бѣлое, здоровое, мускулистое мясо. Офицеръ Тимохинъ, съ краснымъ носикомъ, обтирался полотенцемъ на плотинѣ и застыдился, увидавъ князя, однако рѣшился обратиться къ нему:

— То-то хорошо, ваше сіятельство, вы бы изволили!—сказалъ онъ.

— Грязно,—сказалъ князь Андрей, поморщившись.

— Мы сейчасъ очистимъ вамъ.—И Тимохинъ, еще не одѣтый, побѣжалъ очищать.

— Князь хочетъ.

— Какой? нашъ князь?—заговорили голоса, и всѣ заторопились, такъ что насилу князь Андрей успѣлъ ихъ успокоить. Онъ придумалъ лучше облиться въ сараѣ.

«Мясо, тѣло, chair à canon!» [1]) думалъ онъ, глядя и на свое голое тѣло, и вздрагивалъ не столько отъ холода, сколько отъ самому ему непонятнаго отвращенія и ужаса при видѣ этого огромнаго количества тѣлъ, полоскавшихся въ грязномъ прудѣ.

7-го августа князь Багратіонъ въ своей стоянкѣ Михайловкѣ на Смоленской дорогѣ писалъ слѣдующее:

«Милостивый государь графъ Алексѣй Андреевичъ.

(Онъ писалъ Аракчееву, но зналъ, что письмо его будетъ прочтено государемъ, и потому, насколько онъ былъ къ тому способенъ, обдумывалъ каждое свое слово.)

«Я думаю, что министръ уже рапортовалъ объ оставленіи непріятелю Смоленска. Больно, грустно, и вся армія въ отчая-

---

[1]) Мясо для пушекъ.

нія, что самое важное мѣсто понапрасну бросили. Я, съ моей стороны, просилъ лично его убѣдительнѣйшимъ образомъ, наконецъ и писалъ; но ничто его не согласило. Я клянусь вамъ моею честью, что Наполеонъ былъ въ такомъ мѣшкѣ, какъ никогда, и онъ бы могъ потерять половину арміи, но не взять Смоленска. Войска наши такъ дрались и такъ дерутся, какъ никогда. Я удержалъ съ 15-ю тысячами болѣе 35-ти часовъ и билъ ихъ; но онъ не хотѣлъ остаться и 14-ти часовъ. Это стыдно и пятно арміи нашей, а ему самому, мнѣ кажется, и жить на свѣтѣ не должно. Ежели онъ доноситъ, что потеря велика — неправда; можетъ-быть, около 4-хъ тысячъ, не болѣе, но и того нѣтъ; хотя бы и десять, какъ быть? — война. Но зато непріятель потерялъ бездну.

«Что стоило еще оставаться два дня? По крайней мѣрѣ, они бы сами ушли, ибо не имѣли воды напоить людей и лошадей. Онъ далъ слово мнѣ, что не отступитъ, но вдругъ прислалъ диспозицію, что онъ въ ночь уходитъ. Такимъ образомъ воевать не можно, и мы можемъ непріятеля скоро привести въ Москву...

«Слухъ носится, что вы думаете о мирѣ. Чтобы помириться, Боже сохрани! Послѣ всѣхъ пожертвованій и послѣ такихъ сумасбродныхъ отступленій—мириться: вы поставите всю Россію противъ себя, и всякій изъ насъ за стыдъ поставитъ носить мундиръ. Ежели ужъ такъ пошло—надо драться, пока Россія можетъ и пока люди на ногахъ.

«Надо командовать одному, а не двумъ. Вашъ министръ, можетъ, хорошій по министерству, но генералъ не то что плохой, но дрянной; и ему отдали судьбу всего нашего отечества... Я, право, съ ума схожу отъ досады; простите мнѣ, что дерзко пишу. Видно, тотъ не любитъ государя и желаетъ гибели намъ всѣмъ, кто совѣтуетъ заключить миръ и командовать арміей министру. Итакъ, я пишу вамъ правду: готовьте ополченіе. Ибо министръ самымъ мастерскимъ образомъ ведетъ въ столицу за собою гостя. Большое подозрѣніе подаетъ всей арміи господинъ флигель-адъютантъ Вольцогенъ. Онъ, говорятъ, болѣе Наполеона, нежели нашъ, и онъ совѣтуетъ все министру. Я не токмо учтивъ противъ него, но повинуюсь, какъ капралъ, хотя и старѣе его. Это больно; но, любя моего благодѣтеля и государя, повинуюсь. Только жаль государя, что ввѣряетъ такимъ славную армію. Вообразите, что нашею ретирадою мы потеряли людей отъ усталости и въ госпиталяхъ болѣе 15-ти тысячъ, а ежели бы наступали, того бы не было. Скажите, ради Бога, что̀ наша Россія — мать наша—скажетъ, что такъ страшимся, и за что

такое доброе и усердное отечество отдаемъ сволочамъ и вселяемъ въ каждаго подданнаго ненависть и посрамленіе? Чего трусить и кого бояться? Я не виноватъ, что министръ нерѣшимъ, трусъ, безтолковъ, медлителенъ и всѣ имѣетъ худыя качества. Вся армія плачетъ совершенно, и ругаютъ его на-смерть».

VI.

Въ числѣ безчисленныхъ подраздѣленій, которыя можно сдѣлать въ явленіяхъ жизни, можно подраздѣлить ихъ всѣ на такія, въ которыхъ преобладаетъ содержаніе, другія—въ которыхъ преобладаетъ форма. Къ числу таковыхъ, въ противоположность деревенской, земской, губернской, даже московской жизни, можно отнести жизнь петербургскую, въ особенности салонную. Эта жизнь неизмѣнна. Съ 1805 г. мы мирились и ссорились съ Бонапартомъ, мы дѣлали конституціи и раздѣлывали ихъ, а салонъ Анны Павловны и салонъ Эленъ были точно такіе же, какіе они были одинъ 7 лѣтъ, другой 5 лѣтъ тому назадъ. Точно такъ же у Анны Павловны говорили съ недоумѣніемъ объ успѣхахъ Бонапарта и видѣли какъ въ его успѣхахъ, такъ и въ потаканіи ему европейскихъ государей злостный заговоръ, имѣющій единственною цѣлью непріятность и безпокойство того придворнаго кружка, котораго представительницей была Анна Павловна. Точно такъ же у Эленъ, которую самъ Румянцевъ удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ и считалъ замѣчательно умной женщиной, точно такъ же, какъ въ 1808 г., такъ и въ 1812 году съ восторгомъ говорили о великой націи и великомъ человѣкѣ и съ сожалѣніемъ смотрѣли на разрывъ съ Франціей, который, по мнѣнію людей, собиравшихся въ салонѣ Эленъ, долженъ былъ кончиться миромъ.

Въ послѣднее время, послѣ пріѣзда государя изъ арміи, произошло нѣкоторое волненіе въ этихъ противоположныхъ кружкахъ-салонахъ и произведены были нѣкоторыя демонстраціи другъ противъ друга, но направленіе кружковъ осталось то же. Въ кружокъ Анны Павловны принимались изъ французовъ только закоренѣлые легитимисты, и выражалась патріотическая мысль о томъ, что не надо ѣздить во французскій театръ и что содержаніе труппы стоитъ столько же, сколько содержаніе цѣлаго корпуса. За военными событіями слѣдилось жадно, и распускались самые выгодные для нашей арміи слухи. Въ кружкѣ Эленъ, румянцевскомъ, французскомъ, опровергались слухи о жестокости врага и войны и обсуживались всѣ попытки Наполеона къ

примиренію. Въ этомъ кружкѣ упрекали тѣхъ, кто присовѣтовалъ слишкомъ поспѣшныя распоряженія о томъ, чтобы приготавливаться къ отъѣзду въ Казань придворнымъ и женскимъ учебнымъ заведеніямъ, находящимся подъ покровительствомъ императрицы-матери. Вообще все дѣло войны представлялось въ салонѣ Эленъ пустыми демонстраціями, которыя весьма скоро кончатся миромъ, и царствовало мнѣніе Билибина, бывшаго теперь въ Петербургѣ домашнимъ у Эленъ (всякій умный человѣкъ долженъ былъ быть у нея), что не порохъ, а тѣ, кто его выдумали, рѣшаетъ дѣло. Въ этомъ кружкѣ иронически и весьма умно, хотя весьма осторожно, осмѣивали московскій восторгъ, извѣстіе о которомъ прибыло вмѣстѣ съ государемъ въ Петербургъ.

Въ кружкѣ Анны Павловны, напротивъ, восхищались этими восторгами и говорили о нихъ, какъ говоритъ Плутархъ о древнихъ. Князь Василій, занимавшій все тѣ же важныя должности, составлялъ звено соединенія между двумя кружками. Онъ ѣздилъ къ ma bonne amie [1]) Аннѣ Павловнѣ и ѣздилъ dans le salon diplomatique de ma fille [2]) и часто, при безпрестанныхъ переѣздахъ изъ одного лагеря въ другой, путался и говорилъ у Эленъ то, что́ надо было говорить у Анны Павловны, и наоборотъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда государя князь Василій разговорился у Анны Павловны о дѣлахъ войны, жестоко осуждая Барклая-де-Толли и находясь въ нерѣшительности, кого бы назначить главнокомандующимъ. Одинъ изъ гостей, извѣстный подъ именемъ un homme de beaucoup de mérite [3]), разсказавъ о томъ, что онъ видѣлъ нынче выбраннаго начальникомъ петербургскаго ополченія Кутузова, засѣдающаго въ казенной палатѣ для пріема ратниковъ, позволилъ себѣ осторожно выразить предположеніе о томъ, что Кутузовъ былъ бы тотъ человѣкъ, который удовлетворилъ бы всѣмъ требованіямъ.

Анна Павловна грустно улыбнулась и замѣтила, что Кутузовъ, кромѣ непріятностей, ничего не дѣлалъ государю.

— Я говорилъ и говорилъ въ дворянскомъ собраніи,—перебилъ князь Василій,—но меня не послушали. Я говорилъ, что избраніе его въ начальники ополченія не понравится государю. Они меня не послушали.

— Все какая-то манія фрондировать,—продолжалъ онъ.— И передъ кѣмъ? И все оттого, что мы хотимъ обезьянничать

---

1) Своей хорошей пріятельницѣ.
2) Въ дипломатическій салонъ своей дочери.
3) Весьма достойнаго человѣка.

глупымъ московскимъ восторгамъ,—сказалъ князь Василій, спутавшись на минуту и забывъ то, что у Эленъ надо было подсмѣиваться надъ московскими восторгами, а у Анны Павловны восхищаться ими. Но онъ тотчасъ же поправился.—Ну, прилично ли графу Кутузову, самому старому генералу въ Россіи, засѣдать въ палатѣ, et il en restera pour sa peine![1]) Развѣ возможно назначить главнокомандующимъ человѣка, который не можетъ верхомъ сѣсть, засыпаетъ на совѣтѣ, человѣка самыхъ дурныхъ нравовъ! Хорошо онъ себя рекомендовалъ въ Букарештѣ! Я уже не говорю о его качествахъ, какъ генерала, но развѣ можно въ такую минуту назначать человѣка дряхлаго и слѣпого, просто слѣпого? Хорошъ будетъ генералъ слѣпой! Онъ ничего не видитъ. Въ жмурки играть... ровно ничего не видитъ!

Никто не возражалъ на это.

24-го іюля это было совершенно справедливо. Но 29-го іюля Кутузову пожаловано княжеское достоинство. Княжеское достоинство могло означать и то, что отъ него хотѣли отдѣлаться, и потому сужденіе князя Василія продолжало быть справедливо, хотя онъ и не торопился его высказывать теперь. Но 8 августа былъ собранъ комитетъ изъ генералъ-фельдмаршала Салтыкова, Аракчеева, Вязьмитинова, Лопухина и Кочубея для обсужденія дѣлъ войны. Комитетъ рѣшилъ, что неудачи происходили отъ разноначалій, и, несмотря на то, что лица, составлявшія комитетъ, знали нерасположеніе государя къ Кутузову, комитетъ, послѣ короткаго совѣщанія, предложилъ назначить Кутузова главнокомандующимъ. И въ тотъ же день Кутузовъ былъ назначенъ полномочнымъ главнокомандующимъ армій и всего края, занимаемаго войсками.

9 августа князь Василій встрѣтился опять у Анны Павловны съ l'homme de beaucoup de mérite. L'homme de beaucoup de mérite ухаживалъ за Анной Павловной по случаю желанія назначенія попечителемъ женскаго учебнаго заведенія. Князь Василій вошелъ въ комнату съ видомъ счастливаго побѣдителя, человѣка, достигшаго цѣли своихъ желаній.

— Eh bien, vous savez la grande nouvelle. Le prince Koutouzoff est maréchal[2]). Всѣ разногласія кончены. Я такъ счастливъ, такъ радъ! — говорилъ князь Василій. — Enfin voilà un homme[3]), — проговорилъ онъ, значительно и строго оглядывая всѣхъ, находившихся въ гостиной.

---

[1]) И онъ останется ни при чемъ.

[2]) Ну вотъ; знаете великую новость: Кутузовъ — фельдмаршалъ.

[3]) Наконецъ, вотъ это человѣкъ.

L'homme de beaucoup de mérite, несмотря на свое желаніе получить мѣсто, не могъ удержаться, чтобы не напомнить князю Василію его прежнее сужденіе. (Это было неучтиво и передъ княземъ Василіемъ въ гостиной Анны Павловны и передъ Анной Павловной, которая также радостно приняла эту вѣсть; но онъ не могъ удержаться).

— Mais on dit qu'il est aveugle, mon prince? [1])—сказалъ онъ, напоминая князю Василію его же слова.

— Allez donc, il y voit assez [2]),—сказалъ князь Василій своимъ басистымъ, быстрымъ голосомъ съ покашливаніемъ, тѣмъ голосомъ и съ покашливаньемъ, которымъ онъ разрѣшалъ всѣ трудности.

— Allez, il y voit assez,—повторилъ онъ.—И чему я радъ,—продолжалъ онъ,—это то, что государь далъ ему полную власть надъ всѣми арміями, надъ всѣмъ краемъ,—власть, которой никогда не было ни у какого главнокомандующаго. Это другой самодержецъ,—заключилъ онъ съ побѣдоносной улыбкой.

— Дай Богъ, дай Богъ,—сказала Анна Павловна.

L'homme de beaucoup de mérite, еще новичокъ въ придворномъ обществѣ, желая польстить Аннѣ Павловнѣ, выгораживая ея прежнее мнѣніе изъ этого сужденія, сказалъ:

— Говорятъ, что государь неохотно передалъ эту власть Кутузову. On dit qu'il rougit comme une demoiselle à laquelle on lirait Joconde, en lui disant: le souverain et la patrie vous decernent cet honneur.

— Peut-être que le coeur n'était pas de la partie [3]),—сказала Анна Павловна.

— О нѣтъ, нѣтъ,—горячо заступился князь Василій. Теперь онъ уже не могъ никому уступить Кутузова. По мнѣнію князя Василія, не только Кутузовъ былъ самъ хорошъ, но и всѣ обожали его.—Нѣтъ, это не можетъ быть, потому что государь такъ умѣлъ прежде цѣнить его,—сказалъ онъ.

— Дай Богъ только, чтобы князь Кутузовъ,—сказала Анна Павловна,—взялъ дѣйствительную власть и не позволилъ бы *никому* вставлять себѣ палки въ колёса—des batons dans les roues.

Князь Василій тотчасъ понялъ, кто былъ этотъ *никому*. Онъ шопотомъ сказалъ:

---

[1]) Но вѣдь, говорятъ, онъ слѣпъ, князь?

[2]) Подите, онъ достаточно видитъ.

[3]) Говорятъ, онъ покраснѣлъ, какъ барышня, которой прочли бы Жоконду, говоря ему: государь и отечество награждаютъ васъ этою честью.

— Можетъ-быть, сердце здѣсь не участвовало.

— Я вѣрно знаю, что Кутузовъ, какъ непремѣнное условіе, выговорилъ, чтобъ наслѣдникъ цесаревичъ не былъ при арміи. Vous savez ce qu'il a dit à l'Empereur? [1])

И князь Василій повторилъ слова, будто бы сказанныя Кутузовымъ государю: «я не могу наказать его, ежели онъ сдѣлаетъ дурно, и наградить, ежели онъ сдѣлаетъ хорошо».

— О! это умнѣйшій человѣкъ, князь Кутузовъ, je le connais de longue date [2]).

— Говорятъ даже,—сказалъ l'homme de beaucoup de mérite, не имѣвшій еще придворнаго такта,—что свѣтлѣйшій непремѣннымъ условіемъ поставилъ, чтобы самъ государь не пріѣзжалъ къ арміи.

Какъ только онъ сказалъ это, въ одно мгновеніе князь Василій и Анна Павловна отвернулись отъ него и грустно, со вздохомъ о его наивности, посмотрѣли другъ на друга.

VII.

Въ то время, какъ это происходило въ Петербургѣ, французы уже прошли Смоленскъ и все ближе и ближе приближались къ Москвѣ. Историкъ Наполеона Тьеръ такъ же, какъ и другіе историки Наполеона, говоритъ, стараясь оправдать своего героя, что Наполеонъ былъ привлеченъ къ стѣнамъ Москвы невольно. Онъ правъ, какъ и правы всѣ историки, ищущіе объясненія событій историческихъ въ волѣ одного человѣка; онъ правъ такъ же, какъ и русскіе историки, утверждающіе, что Наполеонъ былъ привлеченъ къ Москвѣ искусствомъ русскихъ полководцевъ. Здѣсь, кромѣ закона ретроспективности (возвратности), представляющаго все прошедшее приготовленіемъ къ совершившемуся факту, есть еще взаимность, путающая все дѣло. Хорошій игрокъ, проигравшій въ шахматы, искренно убѣжденъ, что его проигрышъ произошелъ отъ его ошибки, и онъ отыскиваетъ эту ошибку въ началѣ своей игры, но забываетъ, что въ каждомъ его шагѣ, въ продолженіе всей игры, были такія же ошибки, что ни одинъ его ходъ не былъ совершененъ. Ошибка, на которую онъ обращаетъ вниманіе, замѣтна ему только потому, что противникъ воспользовался ею. Насколько же сложнѣе этого игра войны, происходящая въ извѣстныхъ условіяхъ времени, гдѣ не одна воля руководитъ безжизненными машинами, а гдѣ все вытекаетъ изъ безчисленнаго столкновенія различныхъ произволовъ?

---

[1]) Знаете, что онъ сказалъ императору?

[2]) Я его давно знаю.

Послѣ Смоленска Наполеонъ искалъ сраженія за Дорогобужемъ у Вязьмы, потомъ у Царева-Займища; но выходило, что, по безчисленному столкновенію обстоятельствъ, до Бородина, въ 112 верстахъ отъ Москвы, русскіе не могли принять сраженія. Отъ Вязьмы было сдѣлано распоряженіе Наполеономъ для движенія прямо на Москву.

Moscou, la capitale asiatique de ce grand empire, la ville sacrée des peuples d'Alexandre, Moscou avec ses innombrables églises en forme de pagodes chinoises [1],—эта Moscou не давала покоя воображенію Наполеона. На переходѣ изъ Вязьмы къ Цареву-Займищу Наполеонъ верхомъ ѣхалъ на своемъ соловомъ энглизированномъ иноходчикѣ, сопутствуемый гвардіей, карауломъ, пажами и адъютантами. Начальникъ штаба Бертье отсталъ для того, чтобы допросить взятаго кавалеріей русскаго плѣннаго. Онъ галопомъ, сопутствуемый переводчикомъ Lelorme d'Ideville, догналъ Наполеона и съ веселымъ лицомъ остановилъ лошадь.

— Eh bien? — сказалъ Наполеонъ.

— Un cosaque de Platow [2]) говоритъ, что корпусъ Платова соединяется съ большой арміей, что Кутузовъ назначенъ главнокомандующимъ. Très intelligent et bavard! [3]).

Наполеонъ улыбнулся, велѣлъ дать этому казаку лошадь и привести его къ себѣ. Онъ самъ желалъ поговорить съ нимъ. Нѣсколько адъютантовъ поскакало, и черезъ часъ крѣпостной человѣкъ Денисова, уступленный имъ Ростову, Лаврушка, въ денщицкой курткѣ, на французскомъ кавалерійскомъ сѣдлѣ, съ плутовскимъ и пьянымъ, веселымъ лицомъ, подъѣхалъ къ Наполеону. Наполеонъ велѣлъ ему ѣхать рядомъ съ собой и началъ спрашивать:

— Вы казакъ?

— Казакъ-съ, ваше благородіе.

«Le cosaque ignorant la compagnie dans laquelle il se trouvait, car la simplicité de Napoléon n'avait rien qui put révéler à une imagination orientale la présence d'un souverain, s'entretint avec la plus extrême familiarité des affaires de la guerre actuelle» [4]),

---

[1]) Москва, азіатская столица этой великой имперіи, священный городъ народовъ Александра, Москва — съ своими безчисленными церквами, похожими по формѣ на китайскія пагоды!

[2]) Ну? — Платовскій казакъ.

[3]) Очень смѣтливъ и болтливъ.

[4]) Казакъ, не знавшій, въ какомъ онъ обществѣ находился, такъ какъ въ простотѣ Наполеона не было ничего такого, что бы могло обличить для восточнаго воображенія присутствіе государя, разговаривалъ съ крайнею фамильярностью объ обстоятельствахъ настоящей войны.

говоритъ Тьеръ, разсказывая этотъ эпизодъ. Дѣйствительно, Лаврушка, напившійся наканунѣ пьянъ и оставившій барина безъ обѣда, былъ высѣченъ наканунѣ и отправленъ въ деревню за курами, гдѣ онъ увлекся мародерствомъ и былъ взятъ въ плѣнъ французами. Лаврушка былъ одинъ изъ тѣхъ грубыхъ, наглыхъ лакеевъ, видавшихъ всякіе виды, которые считаютъ долгомъ все дѣлать съ подлостью и хитростью, которые готовы служить всякую службу своему барину и которые хитро угадываютъ барскія дурныя мысли, въ особенности тщеславіе и мелочность.

Попавъ въ общество Наполеона, котораго личность онъ очень хорошо и легко призналъ, Лаврушка нисколько не смутился и только старался отъ всей души заслужить новымъ господамъ.

Онъ очень хорошо зналъ, что это самъ Наполеонъ, и присутствіе Наполеона не могло смутить его больше, чѣмъ присутствіе Ростова или вахмистра съ розгами, потому что не было ничего у него, чего бы не могъ лишить его ни вахмистръ, ни Наполеонъ.

Онъ вралъ все, что̀ толковалось между денщиками. Многое изъ этого была правда. Но когда Наполеонъ спросилъ его, какъ же думаютъ русскіе, побѣдятъ они Бонапарта или нѣтъ, Лаврушка прищурился и задумался.

Онъ увидалъ тутъ тонкую хитрость, какъ всегда во всемъ видятъ хитрость люди, подобные Лаврушкѣ, насупился и помолчалъ.

— Оно значитъ: коль быть сраженью, — сказалъ онъ задумчиво, — и въ скорости, то ваша возьметъ. Это такъ точно. Ну, а коли пройдетъ три дня, а послѣ того самаго числа, ну, тогда, значитъ, это самое сраженіе въ оттяжку пойдетъ.

Наполеону перевели это такъ: «Si la bataille est donnée avant trois jours, les français la gagneraient, mais que si elle serait donnée plus tard, Dieu sait ce qui en arriverait», улыбаясь передалъ Lelorme d'Ideville [1]). Наполеонъ не улыбнулся, хотя онъ, видимо, былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа, и велѣлъ повторить себѣ эти слова.

Лаврушка замѣтилъ это и, чтобы развеселить его, сказалъ, притворяясь, что не знаетъ, кто онъ.

— Знаемъ, у васъ есть Бонапартъ, онъ всѣхъ въ мірѣ побилъ, ну да объ насъ другая статья... — сказалъ онъ, самъ не зная, какъ и отчего подъ конецъ проскочилъ въ его словахъ хвастливый патріотизмъ.

---

[1]) Если сраженіе будетъ дано раньше трехъ дней, французы выиграютъ его, если же позже, то Богъ знаетъ, что можетъ изъ этого выйти.

Переводчикъ передалъ эти слова Наполеону безъ окончанія, и Бонапартъ улыбнулся. «Le jeune cosaque fit sourire son puissant interlocuteur» [1]), говоритъ Тьеръ. Проѣхавъ нѣсколько шаговъ молча, Наполеонъ обратился къ Бертье и сказалъ, что онъ хочетъ испытать дѣйствіе, которое произведетъ sur cet enfant du Don [2]) извѣстіе о томъ, что тотъ человѣкъ, съ которымъ говоритъ этотъ enfant du Don [2]), есть самъ императоръ, тотъ самый императоръ, который написалъ на пирамидахъ безсмертно-побѣдоносное имя.

Извѣстіе было передано.

Лаврушка (понявъ, что это дѣлалось, чтобы озадачить его, и что Наполеонъ думаетъ, что онъ испугается), чтобы угодить новымъ господамъ, тотчасъ же притворился изумленнымъ, ошеломленнымъ, выпучилъ глаза и сдѣлалъ такое же лицо, которое ему привычно было, когда его водили сѣчь. «A peine l'interprête de Napoléon», говоритъ Тьеръ, «avait-il parlé, que le cosaque, saisi d'une sorte d'ébahissement ne proféra plus une parole et marcha les yeux constamment attachés sur ce conquérant, dont le nom avait pénétré jusqu'à lui, à travers les steppes de l'Orient. Toute sa loquacité s'était subitement arrêtée, pour faire place à un sentiment d'admiration naïve et silencieuse. Napoléon, après l'avoir récompensé, lui fit donner la liberté, comme à un oiseau qu'on rend aux champs qui l'on vu naître» [3]).

Наполеонъ поѣхалъ дальше, мечтая о той Moscou, которая такъ занимала его воображеніе, а l'oiseau qu'on rendit aux champs qui l'on vu naître [4]) поскакалъ на аванпосты, придумывая впередъ все то, чего не было и что онъ будетъ разсказывать у своихъ. Того же, что̀ дѣйствительно съ нимъ было, онъ не хотѣлъ разсказать именно потому, что это казалось ему недостойнымъ разсказа. Онъ выѣхалъ къ казакамъ, разспросилъ, гдѣ былъ полкъ, состоявшій въ отрядѣ Платова, и къ вечеру же нашелъ своего барина Николая Ростова, стоявшаго въ Янковѣ и только что

---

[1]) Молодой казакъ заставилъ улыбнуться своего могущественнаго собесѣдника.

[2]) Это дитя Дона.

[3]) Какъ только переводчикъ Наполеона сказалъ это казаку, казакъ, охваченный какимъ-то остолбенѣніемъ, не произнесъ ни слова и продолжалъ ѣхать, не спуская глазъ съ завоевателя, имя котораго дошло до него черезъ степи востока. Вся его разговорчивость внезапно пропала и замѣнилась наивнымъ и молчаливымъ чувствомъ восторга. Наполеонъ, наградивъ его, далъ ему свободу, какъ птицѣ, которую возвращаютъ ея роднымъ полямъ.

[4]) Птица, возвращенная роднымъ полямъ.

сѣвшаго верхомъ, чтобы съ Ильинымъ сдѣлать прогулку по окрестнымъ деревнямъ. Онъ далъ другую лошадь Лаврушкѣ и взялъ его съ собой.

VIII.

Княжна Марья не была въ Москвѣ и внѣ опасности, какъ думалъ князь Андрей.

Послѣ возвращенія Алпатыча изъ Смоленска старый князь какъ бы вдругъ опомнился отъ сна. Онъ велѣлъ собрать изъ деревень ополченцевъ, вооружить ихъ и написалъ главнокомандующему письмо, въ которомъ извѣщалъ его о принятомъ имъ намѣреніи оставаться въ Лысыхъ Горахъ до послѣдней крайности и защищаться, предоставляя на его разсмотрѣніе принять или не принять мѣры для защиты Лысыхъ Горъ, въ которыхъ будетъ взятъ въ плѣнъ или убитъ одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ генераловъ, и объявилъ домашнимъ, что онъ остается въ Лысыхъ Горахъ.

Но, оставаясь самъ въ Лысыхъ Горахъ, князь распорядился объ отправкѣ княжны и Десаля съ маленькимъ княземъ въ Богучарово, а оттуда въ Москву. Княжна Марья, испуганная лихорадочной, безсонной дѣятельностью отца, замѣнившей его прежнюю опущенность, не могла рѣшиться оставить его одного и въ первый разъ въ жизни позволила себѣ не повиноваться ему. Она отказалась ѣхать, и на нее обрушилась страшная гроза гнѣва князя. Онъ напоминалъ ей все, въ чемъ онъ былъ несправедливъ противъ нея. Стараясь обвинить ее, онъ сказалъ ей, что она измучила его, что она поссорила его съ сыномъ, имѣла противъ него гадкія подозрѣнія, что она задачей своей жизни поставила отравлять его жизнь, и выгналъ ее изъ своего кабинета, сказавъ ей, что, ежели она не уѣдетъ, ему все равно. Онъ сказалъ, что знать не хочетъ о ея существованіи, но впередъ предупреждаетъ ее, чтобы она не смѣла попадаться ему на глаза. То, что онъ, вопреки опасеній княжны Марьи, не велѣлъ насильно увезти ее, а только не приказалъ ей показываться на глаза, обрадовало княжну Марью. Она знала, что это доказывало то, что въ самой тайнѣ души своей онъ былъ радъ, что она оставалась дома и не уѣхала.

На другой день послѣ отъѣзда Николушки старый князь утромъ одѣлся въ полный мундиръ и собрался ѣхать къ главнокомандующему. Коляска уже была подана. Княжна Марья видѣла, какъ онъ, въ мундирѣ и всѣхъ орденахъ, вышелъ изъ дома и пошелъ въ садъ сдѣлать смотръ вооруженнымъ мужи-

камъ и дворовымъ. Княжна Марья сидѣла у окна, прислушиваясь къ его голосу, раздававшемуся изъ сада. Вдругъ изъ аллеи выбѣжало нѣсколько людей съ испуганными лицами.

Княжна Марья выбѣжала на крыльцо, на цвѣточную дорожку и въ аллею. Навстрѣчу ей подвигалась большая толпа ополченцевъ и дворовыхъ, и въ серединѣ этой толпы нѣсколько людей подъ руки волокли маленькаго старичка въ мундирѣ и орденахъ. Княжна Марья подбѣжала къ нему, и въ игрѣ мелкими кругами падавшаго свѣта, сквозь тѣнь липовой аллеи, не могла дать себѣ отчета въ томъ, какая перемѣна произошла въ его лицѣ. Одно, что она увидала, было то, что прежнее строгое и рѣшительное выраженіе его лица замѣнилось выраженіемъ робости и покорности. Увидавъ дочь, онъ зашевелился безсильными губами и захрипѣлъ. Нельзя было понять, чего онъ хотѣлъ. Его подняли на руки, отнесли въ кабинетъ и положили на тотъ диванъ, котораго онъ такъ боялся послѣднее время.

Привезенный докторъ въ ту же ночь пустилъ кровь и объявилъ, что у князя ударъ правой стороны.

Въ Лысыхъ Горахъ оставаться становилось болѣе и болѣе опаснымъ, и на другой день послѣ удара князя повезли въ Богучарово. Докторъ поѣхалъ съ нимъ.

Когда они пріѣхали въ Богучарово, Десаль съ маленькимъ княземъ уже уѣхали въ Москву.

Все въ томъ же положеніи, не хуже и не лучше, разбитый параличомъ, старый князь три недѣли лежалъ въ Богучаровѣ въ новомъ, построенномъ княземъ Андреемъ домѣ. Старый князь былъ въ безпамятствѣ; онъ лежалъ, какъ изуродованный трупъ. Онъ не переставая бормоталъ что-то, дергаясь бровями и губами, и нельзя было знать, понималъ онъ или нѣтъ то, что̀ его окружало. Одно можно было знать навѣрное — это то, что онъ страдалъ и чувствовалъ потребность еще выразить что-то. Но что это было, этого никто не могъ понять: былъ ли это какой-нибудь капризъ больного и полусумасшедшаго, относилось ли это до общаго хода дѣлъ, или относилось это до семейныхъ обстоятельствъ.

Докторъ говорилъ, что выражаемое имъ безпокойство ничего не значило, что оно имѣло физическія причины; но княжна Марья думала (и то, что ея присутствіе всегда усиливало его безпокойство, подтверждало ея предположеніе), думала, что онъ что-то хотѣлъ сказать ей.

Онъ, очевидно, страдалъ и физически и нравственно. Надежды на исцѣленіе не было. Везти его было нельзя. И что бы было,

ежели бы онъ умеръ дорогой? «Не лучше ли бы было конецъ, совсѣмъ конецъ!» иногда думала княжна Марья. Она день и ночь, почти безъ сна, слѣдила за нимъ и, страшно сказать, она часто слѣдила за нимъ не съ надеждой найти признаки облегченія, но слѣдила, часто *желая* найти признаки приближенія къ концу.

Какъ ни странно было княжнѣ сознавать въ себѣ это чувство, но оно было въ ней. И что было еще ужаснѣе для княжны Марьи, это было то, что со времени болѣзни ея отца (даже едва ли не раньше, не тогда ли, когда она, ожидая чего-то осталась съ нимъ) въ ней проснулись всѣ заснувшія въ ней, забытыя личныя желанія и надежды. То, что́ годами не приходило ей въ голову, — мысли о свободной жизни безъ страха отца, даже мысли о возможности любви и семейнаго счастья, — какъ искушенія дьявола, безпрестанно носились въ ея воображеніи. Какъ ни отстраняла она отъ себя, безпрестанно ей приходили въ голову вопросы о томъ, какъ она теперь, послѣ *того*, устроитъ свою жизнь. Это были искушенія дьявола, и княжна Марья знала это. Она знала, что единственное орудіе противъ *него* были молитвы, и она пыталась молиться. Она становилась въ положеніе молитвы, смотрѣла на образа, читала слова молитвы, но не могла молиться. Она чувствовала, что теперь ее охватилъ другой міръ— житейской, трудовой и свободной дѣятельности, совершенно противоположный тому нравственному міру, въ который она была заключена прежде и въ которомъ лучшее утѣшеніе была — молитва. Она не могла молиться и не могла плакать, и житейская забота охватила ее.

Оставаться въ Богучаровѣ становилось опаснымъ. Со всѣхъ сторонъ слышно было о приближающихся французахъ, и въ одной деревнѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Богучарова, была разграблена усадьба французскими мародерами.

Докторъ настаивалъ на томъ, что надо везти князя дальше, предводитель прислалъ чиновника къ княжнѣ Марьѣ, уговаривая ее уѣзжать какъ можно скорѣе; исправникъ, пріѣхавъ въ Богучарово, настаивалъ на томъ же, говоря, что въ сорока верстахъ французы, что по деревнямъ ходятъ французскія прокламаціи и что ежели княжна не уѣдетъ съ отцомъ до 15-го, то онъ ни за что не отвѣчаетъ.

Княжна 15-го рѣшилась ѣхать. Заботы приготовленій, отдача приказаній, за которыми всѣ обращались къ ней, цѣлый день занимали ее. Ночь съ 14-е на 15-е она провела, какъ обыкновенно, не раздѣваясь, въ сосѣдней отъ той комнаты, въ которой лежалъ князь. Нѣсколько разъ, просыпаясь, она слышала его кряхтѣнье, бормотаніе, скрипъ кровати и шаги Тихона и доктора, ворочав-

шихъ его. Нѣсколько разъ она прислушивалась у двери, и ей казалось, что онъ нынче бормоталъ громче обыкновеннаго и чаще ворочался. Она не могла спать и нѣсколько разъ подходила къ двери, прислушиваясь, желая войти и не рѣшаясь этого сдѣлать. Хотя онъ и не говорилъ, но княжна Марья видѣла, знала, какъ непріятно было ему всякое выраженіе страха за него. Она замѣчала, какъ недовольно онъ отвертывался отъ ея взгляда, иногда невольно и упорно на него устремленнаго. Она знала, что ея приходъ ночью, въ необычное время, раздражитъ его.

Но никогда ей такъ жалко не было, такъ страшно не было потерять его. Она вспоминала всю свою жизнь съ нимъ, и въ каждомъ словѣ, поступкѣ его она находила выраженіе его любви къ ней. Изрѣдка между этими воспоминаніями врывались въ ея воображеніе искушенія дьявола, мысли о томъ, что будетъ послѣ его смерти и какъ устроится ея новая, свободная жизнь. Но съ отвращеніемъ отгоняла она эти мысли. Къ утру онъ затихъ, и она заснула.

Она проснулась поздно. Та искренность, которая бываетъ при пробужденіи, показала ей ясно то, что болѣе всего въ болѣзни отца занимало ее. Она проснулась, прислушалась къ тому, что было за дверью, и, услыхавъ его кряхтѣнье, со вздохомъ сказала себѣ, что было все то же.

— Да чему же быть? Чего же я хотѣла? Я хочу его смерти,— вскрикнула она съ отвращеніемъ къ себѣ самой.

Она одѣлась, умылась, прочла молитвы и вышла на крыльцо.

Къ крыльцу поданы были безъ лошадей экипажи, въ которые укладывали вещи.

Утро было теплое и сѣрое. Княжна Марья остановилась на крыльцѣ, не переставая ужасаться передъ своей душевной мерзостью и стараясь привести въ порядокъ свои мысли прежде, чѣмъ войти къ нему.

Докторъ сошелъ съ лѣстницы и подошелъ къ ней.

— Ему получше нынче, — сказалъ докторъ. — Я васъ искалъ. Можно кое-что понять изъ того, что онъ говоритъ, голова посвѣжѣе. Пойдемте. Онъ зоветъ васъ...

Сердце княжны Марьи такъ сильно забилось при этомъ извѣстіи, что она, поблѣднѣвъ, прислонилась къ двери, чтобы не упасть. Увидать его, говорить съ нимъ, подпасть подъ его взглядъ теперь, когда вся душа княжны Марьи была переполнена этихъ страшныхъ преступныхъ искушеній, было мучительно-радостно и ужасно.

— Пойдемте, — сказалъ докторъ.

Княжна Марья вошла къ отцу и подошла къ кровати. Онъ лежалъ высоко на спинѣ съ своими маленькими, костлявыми, покрытыми лиловыми узловатыми жилками руками на одѣялѣ, съ уставленнымъ прямо лѣвымъ глазомъ и съ скосившимся правымъ глазомъ, съ неподвижными бровями и губами. Онъ весь былъ такой худенькій, маленькій и жалкій. Лицо его, казалось, ссохлось и растаяло, измельчало чертами. Княжна Марья подошла и поцѣловала его руку. Лѣвая рука сжала ея руку такъ, что видно было, что онъ уже давно ждалъ ее. Онъ задергалъ ея руку, и брови и губы его сердито зашевелились.

Она испуганно глядѣла на него, стараясь угадать, чего онъ хотѣлъ отъ нея. Когда она, перемѣня положеніе, подвинулась такъ, что лѣвый глазъ видѣлъ ея лицо, онъ успокоился на нѣсколько секундъ, не спуская съ нея глаза. Потомъ губы и языкъ его зашевелились, послышались звуки, и онъ сталъ говорить, робко и умоляюще глядя на нее, видимо боясь, что она не пойметъ его.

Княжна Марья, напрягая всѣ силы вниманія, смотрѣла на него. Комическій трудъ, съ которымъ онъ ворочалъ языкомъ, заставлялъ княжну Марью опускать глаза и съ трудомъ подавлять поднимавшіяся въ ея горлѣ рыданія. Онъ сказалъ что-то, по нѣскольку разъ повторяя свои слова. Княжна Марья не могла понять ихъ; но она старалась угадать то, что́ онъ говорилъ, и повторяла вопросительно сказанныя имъ слова.

— Гага — бои... бои... — повторилъ онъ нѣсколько разъ.

Никакъ нельзя было понять этихъ словъ. Докторъ думалъ, что онъ угадалъ, и, повторяя его слова, спросилъ: *княжна боится*? Онъ отрицательно покачалъ головой и опять повторилъ то же...

— *Душа, душа болитъ*,—разгадала и сказала княжна Марья.

Онъ утвердительно замычалъ, взялъ ея руку и сталъ прижимать ее къ различнымъ частямъ своей груди, какъ будто отыскивая настоящее для нея мѣсто.

— Все мысли! о тебѣ... мысли... — потомъ выговорилъ онъ гораздо лучше и понятнѣе, чѣмъ прежде, теперь, когда онъ былъ увѣренъ, что его понимаютъ.

Княжна Марья прижалась головой къ его рукѣ, стараясь скрыть свои рыданія и слезы.

Онъ рукой двигалъ по ея волосамъ.

— Я тебя звалъ всю ночь... — выговорилъ онъ.

— Ежели бы я знала... — сквозь слезы сказала она. — Я боялась войти

Онъ пожалъ ея руку.

— Не спала ты?

— Нѣтъ, я не спала,—сказала княжна Марья, отрицательно покачавъ головой.

Невольно подчиняясь отцу, она теперь такъ же, какъ онъ говорилъ, старалась говорить больше знаками, и какъ будто тоже съ трудомъ ворочая языкъ.

— Душенька... или дружокъ...—княжна Марья не могла разобрать; но, навѣрное, по выраженію его взгляда, сказано было нѣжное, ласкающее слово, котораго онъ никогда не говорилъ.—Зачѣмъ не пришла?

«А я желала, желала его смерти!» думала княжна Марья.

Онъ помолчалъ.

— Спасибо тебѣ... дочь, дружокъ... за все, за все... прости... спасибо... прости... спасибо!..—И слезы потекли изъ его глазъ.—Позовите Андрюшу,—вдругъ сказалъ онъ, и что-то дѣтски-робкое и недовѣрчивое выразилось въ его лицѣ при этомъ спросѣ.

Онъ какъ будто самъ зналъ, что спросъ его не имѣетъ смысла. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось княжнѣ Марьѣ.

— Я отъ него получила письмо,—отвѣчала княжна Марья.

Онъ съ удивленіемъ и робостью смотрѣлъ на нее.

— Гдѣ же онъ?

— Онъ въ арміи, mon père, въ Смоленскѣ.

Онъ долго молчалъ, закрывъ глаза; потомъ утвердительно, какъ бы въ отвѣтъ на свои сомнѣнія и въ подтвержденіе того, что онъ теперь все понялъ и вспомнилъ, кивнулъ головой и открылъ глаза.

— Да,—сказалъ онъ явственно и тихо.—Погибла Россія! Погубили!

И онъ опять зарыдалъ, и слезы потекли у него изъ глазъ. Княжна Марья не могла болѣе удерживаться и плакала тоже, глядя на его лицо.

Онъ опять закрылъ глаза. Рыданія его прекратились. Онъ сдѣлалъ знакъ рукой къ глазамъ, и Тихонъ, понявъ его, отеръ ему слезы.

Потомъ онъ открылъ глаза и сказалъ что-то, чего долго никто не могъ понять, и, наконецъ, понялъ и передалъ одинъ Тихонъ. Княжна Марья отыскивала смыслъ его словъ въ томъ настроеніи, въ которомъ онъ говорилъ за минуту передъ этимъ. То она думала, что онъ говоритъ о Россіи, то о князѣ Андреѣ, то о ней, о внукѣ, то о своей смерти. И отъ этого она не могла угадать его словъ.

— Надѣнь твое бѣлое платье, я люблю его,—говорилъ онъ.

Понявъ эти слова, княжна Марья зарыдала еще громче, и докторъ, взявъ ее подъ руку, вывелъ ее изъ комнаты на террасу, уговаривая ее успокоиться и заняться приготовленіями къ отъѣзду. Послѣ того, какъ княжна Марья вышла отъ князя, онъ опять заговорилъ о сынѣ, о войнѣ, о государѣ, задергалъ сердито бровями, сталъ возвышать хриплый голосъ, и съ нимъ сдѣлался второй и послѣдній ударъ.

Княжна Марья остановилась на террасѣ. День разгулялся; было солнечно и жарко. Она не могла ничего понимать, ни о чемъ думать и ничего чувствовать, кромѣ своей страстной любви къ отцу, — любви, которой, ей казалось, она не знала до этой минуты. Она выбѣжала въ садъ и, рыдая, побѣжала внизъ къ пруду по молодымъ, засаженнымъ княземъ Андреемъ, липовымъ дорожкамъ.

— Да... я... я... я желала его смерти! Да, я желала, чтобы скорѣе кончилось... Я хотѣла успокоиться... А что жъ будетъ со мной? На что мое спокойствіе, когда его не будетъ! — бормотала вслухъ княжна Марья, быстрыми шагами ходя по саду и руками давя грудь, изъ которой судорожно вырывались рыданія.

Обойдя кругъ по саду, который привелъ ее опять къ дому, она увидала идущихъ къ ней навстрѣчу m-lle Bourienne (которая оставалась въ Богучаровѣ и оттуда не хотѣла уѣхать) и незнакомаго мужчину. Это былъ предводитель уѣзда, самъ пріѣхавшій къ княжнѣ съ тѣмъ, чтобы представить ей всю необходимость скораго отъѣзда. Княжна Марья слушала и не понимала его; она ввела его въ домъ, предложила ему завтракать и сѣла съ нимъ. Потомъ, извинившись передъ предводителемъ, она подошла къ двери стараго князя. Докторъ съ встревоженнымъ лицомъ вышелъ къ ней и сказалъ, что нельзя.

— Идите, княжна, идите, идите!

Княжна Марья пошла опять въ садъ и подъ горой, у пруда, въ томъ мѣстѣ, гдѣ никто не могъ видѣть, сѣла на траву. Она не знала, какъ долго она пробыла тамъ. Чьи-то бѣгущіе женскіе шаги по дорожкѣ заставили ее очнуться. Она поднялась и увидала, что Дуняша, ея горничная, очевидно бѣжавшая за нею, вдругъ, какъ бы испугавшись вида своей барышни, остановилась.

— Пожалуйте, княжна... князь...—сказала Дуняша сорвавшимся голосомъ.

— Сейчасъ, иду, иду, — поспѣшно заговорила княжна, не давая времени Дуняшѣ договорить ей то, что она имѣла сказать, и, стараясь не видѣть Дуняши, побѣжала къ дому.

— Княжна, воля Божья совершается, вы должны быть на все готовы, — сказалъ предводитель, встрѣчая ее у входной двери.

— Оставьте меня; это неправда, — злобно крикнула она на него.

Докторъ хотѣлъ остановить ее. Она оттолкнула его и подбѣжала къ двери. «И къ чему эти люди съ испуганными лицами останавливаютъ меня? Мнѣ никого не нужно! И что они тутъ дѣлаютъ!» Она отворила дверь, и яркій дневной свѣтъ въ этой прежде полутемной комнатѣ ужаснулъ ее. Въ комнатѣ были женщины и няня. Онѣ всѣ отстранились отъ кровати, давая ей дорогу. Онъ лежалъ все такъ же на кровати; но строгій видъ его спокойнаго лица остановилъ княжну Марью на порогѣ комнаты.

«Нѣтъ, онъ не умеръ, это не можетъ быть!» сказала себѣ княжна Марья, подошла къ нему и, преодолѣвая ужасъ, охватившій ее, прижала къ щекѣ его свои губы. Но она тотчасъ же отстранилась отъ него. Мгновенно вся сила нѣжности къ нему, которую она чувствовала въ себѣ, исчезла и замѣнилась чувствомъ ужаса къ тому, что было передъ нею. «Нѣтъ, нѣтъ его больше! Его нѣтъ, а есть тутъ же, на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ былъ, что-то чуждое и враждебное, какая-то страшная, ужасающая и отталкивающая тайна!» И, закрывъ лицо руками, княжна Марья упала на руки доктора, поддержавшаго ее.

Въ присутствіи Тихона и доктора женщины обмыли то, что былъ онъ, повязали платкомъ голову, чтобы не закостенѣлъ открытый ротъ, и связали другимъ платкомъ расходившіяся ноги. Потомъ онѣ одѣли въ мундиръ съ орденами и положили на столъ маленькое ссохшееся тѣло. Богъ знаетъ, кто и когда позаботился объ этомъ, но все сдѣлалось какъ бы само собой. Къ ночи кругомъ гроба горѣли свѣчи, на гробу былъ покровъ, на полу былъ посыпанъ можжевельникъ, подъ мертвую ссохшуюся голову была положена печатная молитва, а въ углу сидѣлъ дьячокъ, читая псалтырь.

Какъ лошади шарахаются, толпятся и фыркаютъ надъ мертвою лошадью, такъ въ гостиной вокругъ гроба толпился народъ чужой и свой—предводитель, и староста, и бабы; и всѣ съ остановившимися глазами, испуганные, крестились и кланялись и цѣловали холодную и закоченѣвшую руку стараго князя.

IX.

Богучарово было всегда, до поселенія въ немъ князя Андрея, заглазное имѣніе, и мужики богучаровскіе имѣли совсѣмъ другой характеръ отъ лысо-горскихъ. Они отличались отъ нихъ и говоромъ, и одеждой, и нравами. Они назывались степными. Старый князь хвалилъ ихъ за ихъ сносливость къ работѣ, когда они пріѣзжали въ Лысыя Горы подсоблять уборкѣ или копать пруды и канавы, но не любилъ ихъ за ихъ дикость.

Послѣднее пребываніе въ Богучаровѣ князя Андрея, съ его нововведеніями — больницами, школами и облегченіемъ оброка, не смягчило ихъ нравовъ, а, напротивъ, усилило въ нихъ тѣ черты характера, которыя старый князь называлъ дикостью. Между ними всегда ходили какіе-нибудь неясные толки: то о перечисленіи ихъ всѣхъ въ казаки, то о новой вѣрѣ, въ которую ихъ обратятъ, то о царскихъ листахъ какихъ-то, то о присягѣ Павлу Петровичу въ 1797 году (про которую говорили, что тогда еще воля выходила, да господа отняли), то объ имѣющемъ черезъ 7 лѣтъ воцариться Петрѣ Θеодоровичѣ, при которомъ все будетъ вольно и такъ будетъ просто, что ничего не будетъ. Слухи о войнѣ и Бонапарте и его нашествіи соединились для нихъ съ такими же неясными представленіями объ антихристѣ, концѣ свѣта и чистой волѣ.

Въ окрестности Богучарова были все большія села, казенныя и оброчныя помѣщичьи. Живущихъ въ этой мѣстности помѣщиковъ было очень мало; очень мало было также дворовыхъ и грамотныхъ, и въ жизни крестьянъ этой мѣстности были замѣтнѣе и сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, тѣ таинственныя струи народной русской жизни, причины и значеніе которыхъ бываютъ необъяснимы для современниковъ. Одно изъ такихъ явленій было проявившееся лѣтъ 20 тому назадъ движеніе между крестьянами этой мѣстности къ переселенію на какія-то теплыя рѣки. Сотни крестьянъ, въ томъ числѣ и богучаровскіе, стали вдругъ распродавать свой скотъ и уѣзжать семействами куда-то на юго-востокъ. Какъ птицы летятъ куда-то за моря, стремились эти люди съ женами и дѣтьми туда, на юго-востокъ, гдѣ никто изъ нихъ не былъ. Они поднимались караванами, поодиночкѣ выкупались, бѣжали и ѣхали и шли туда, на теплыя рѣки. Многіе были наказаны, сосланы въ Сибирь; многіе съ холода и голода умерли на дорогѣ; многіе вернулись сами, и движеніе затихло само собой такъ же, какъ оно и началось безъ очевидной причины. Но подводныя струи не переставали течь въ этомъ на-

родѣ и собирались для какой-то новой силы, имѣющей проявиться такъ же странно, неожиданно и вмѣстѣ съ тѣмъ просто, естественно и сильно. Теперь, въ 1812 году, для человѣка, близко жившаго съ народомъ, замѣтно было, что эти подводныя струи производили сильную работу и были близки къ проявленію.

Алпатычъ, пріѣхавъ въ Богучарово нѣсколько времени передъ кончиной стараго князя, замѣтилъ, что между народомъ происходило волненіе и что, противно тому, что̀ происходило въ полосѣ Лысыхъ Горъ на шестидесятиверстномъ радіусѣ, гдѣ всѣ крестьяне уходили (предоставляя казакамъ разорять свои деревни), въ полосѣ степной, въ богучаровской, крестьяне, какъ слышно было, имѣли сношенія съ французами, получали какія-то бумаги, ходившія между ними, и оставались на мѣстахъ. Онъ зналъ черезъ преданныхъ ему дворовыхъ людей, что ѣздившій на-дняхъ съ казенной подводой мужикъ Карпъ, имѣвшій большое вліяніе на міръ, возвратился съ извѣстіемъ, что казаки разоряютъ деревни, изъ которыхъ выходятъ жители, но что французы ихъ не трогаютъ. Онъ зналъ, что другой мужикъ вчера привезъ даже изъ села Вислоухова, гдѣ стояли французы, бумагу отъ генерала французскаго, въ которой жителямъ объявлялось, что имъ не будетъ сдѣлано никакого вреда и за все, что у нихъ возьмутъ, заплатятъ, если они останутся. Въ доказательство того мужикъ привезъ изъ Вислоухова сто рублей ассигнаціями (онъ не зналъ, что онѣ были фальшивыя), выданные ему впередъ за сѣно.

Наконецъ, важнѣе всего, Алпатычъ зналъ, что въ тотъ самый день, какъ онъ приказалъ старостѣ собрать подводы для вывоза обоза княжны изъ Богучарова, поутру была на деревнѣ сходка, на которой положено было не вывозиться и ждать. А между тѣмъ время не терпѣло. Предводитель въ день смерти князя, 15-го августа, настаивалъ у княжны Марьи на томъ, чтобы она уѣхала въ тотъ же день, такъ какъ становилось опасно. Онъ говорилъ, что послѣ 16-го онъ не отвѣчаетъ ни за что. Въ день же смерти князя онъ уѣхалъ вечеромъ, но обѣщалъ пріѣхать на похороны на другой день. Но на другой день онъ не могъ пріѣхать, такъ какъ, по полученнымъ имъ самимъ извѣстіямъ, французы неожиданно подвинулись, и онъ только успѣлъ увезти изъ своего имѣнія свое семейство и все цѣнное.

Лѣтъ тридцать Богучаровымъ управлялъ староста Дронъ, котораго старый князь звалъ Дронушкой.

Дронъ былъ одинъ изъ тѣхъ крѣпкихъ физически и нравственно мужиковъ, которые, какъ только войдутъ въ года, об-

растутъ бородой, такъ, не измѣняясь, живутъ до 60 — 70 лѣтъ, безъ одного сѣдого волоса или недостатка зуба, такіе же прямые и сильные въ 60 лѣтъ, какъ и въ 30.

Дронъ вскорѣ послѣ переселенія на теплыя рѣки, въ которомъ онъ участвовалъ, какъ и другіе, былъ сдѣланъ старостой-бурмистромъ въ Богучаровѣ и съ тѣхъ поръ 23 года безупречно пробылъ въ этой должности. Мужики боялись его больше, чѣмъ барина. Господа, и старый князь, и молодой, и управляющій уважали его и въ шутку называли министромъ. Во все время своей службы Дронъ ни разу не былъ ни пьянъ, ни боленъ; никогда, ни послѣ безсонныхъ ночей, ни послѣ какихъ бы то ни было трудовъ, не выказывалъ ни малѣйшей усталости и, не зная грамотѣ, никогда не забывалъ ни одного счета денегъ и пудовъ муки по огромнымъ обозамъ, которые онъ продавалъ, и ни одной копны ужина хлѣба на каждой десятинѣ богучаровскихъ полей.

Этого-то Дрона Алпатычъ, пріѣхавшій изъ разоренныхъ Лысыхъ Горъ, призвалъ къ себѣ въ день похоронъ князя и приказалъ ему приготовить 12 лошадей подъ экипажи княжны и 18 подводъ подъ обозъ, который долженъ былъ быть поднятъ изъ Богучарова. Хотя мужики и были оброчные, исполненіе приказанія этого не могло встрѣтить затрудненія, по мнѣнію Алпатыча, такъ какъ въ Богучаровѣ было 230 тяголъ и мужики были зажиточные. Но староста Дронъ, выслушавъ приказаніе, молча опустилъ глаза. Алпатычъ назвалъ ему мужиковъ, которыхъ онъ зналъ и съ которыхъ онъ приказывалъ взять подводы.

Дронъ отвѣчалъ, что лошади у этихъ мужиковъ въ извозѣ. Алпатычъ назвалъ другихъ мужиковъ. И у этихъ, по словамъ Дрона, лошадей не было: однѣ были подъ казенными подводами, другія безсильны, у третьихъ подохли лошади отъ безкормщины. Лошадей, по мнѣнію Дрона, нельзя было собрать не только подъ обозъ, но и подъ экипажи.

Алпатычъ внимательно посмотрѣлъ на Дрона и нахмурился. Какъ Дронъ былъ образцовымъ старостой-мужикомъ, такъ и Алпатычъ не даромъ управлялъ 20 лѣтъ имѣніями князя и былъ образцовымъ управляющимъ. Онъ въ высшей степени способенъ былъ понимать чутьемъ потребности и инстинкты народа, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло, и потому онъ былъ превосходнымъ управляющимъ. Взглянувъ на Дрона, онъ тотчасъ понялъ, что отвѣты Дрона не были выраженіемъ мысли Дрона, но выраженіемъ того общаго настроенія богучаровскаго міра, которымъ староста уже былъ захваченъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зналъ, что нажившійся и ненавидимый міромъ Дронъ долженъ былъ ко-

лебаться между двумя лагерями—господскимъ и крестьянскимъ. Это колебаніе онъ замѣтилъ въ его взглядѣ, и потому Алпатычъ, нахмурившись, придвинулся къ Дрону.

— Ты, Дронушка, слушай,—сказалъ онъ.—Ты мнѣ пустого не говори. Его сіятельство князь Андрей Николаичъ сами мнѣ приказали, чтобы весь народъ отправить и съ непріятелемъ не оставаться, и царскій на то приказъ есть. А кто останется, тотъ царю измѣнникъ. Слышишь?

— Слушаю, — отвѣчалъ Дронъ, не поднимая глазъ.

Алпатычъ не удовлетворился этимъ отвѣтомъ.

— Эй, Дронъ, худо будетъ! — сказалъ Алпатычъ, покачавъ головой.

— Власть ваша! — сказалъ Дронъ печально.

— Эй, Дронъ, оставь! — повторилъ Алпатычъ, вынимая руку изъ-за пазухи и торжественнымъ жестомъ указывая ею на полъ подъ ноги Дрона.—Я не то, что тебя насквозь, я подъ тобой на три аршина все насквозь вижу,—сказалъ онъ, вглядываясь въ полъ подъ ноги Дрона.

Дронъ смутился, бѣгло взглянулъ на Алпатыча и опять опустилъ глаза.

— Ты вздоръ-то оставь и народу скажи, чтобы собирались изъ домовъ идти въ Москву, и подводы завтра къ утру подъ княжнинъ обозъ; да самъ на сходку не ходи. Слышишь?

Дронъ вдругъ упалъ въ ноги.

— Яковъ Алпатычъ, уволь! Возьми отъ меня ключи, уволь, ради Христа.

— Оставь!—сказалъ Алпатычъ строго.—Подъ тобой насквозь на три аршина вижу,—повторилъ онъ, зная, что его мастерство ходить за пчелами, знаніе того, когда сѣять овесъ, и то, что онъ 20 лѣтъ умѣлъ угодить старому князю, давно пріобрѣли ему славу колдуна, и что способность видѣть на три аршина подъ человѣкомъ приписывается колдунамъ.

Дронъ всталъ и хотѣлъ что-то сказать, но Алпатычъ перебилъ его:

— Что вы это вздумали? А?.. Что жъ вы думаете? А?

— Что мнѣ съ народомъ дѣлать?—сказалъ Дронъ.—Взбуровило совсѣмъ. Я и то имъ говорю...

— То-то говорю, — сказалъ Алпатычъ. — Пьютъ? —коротко спросилъ онъ.

— Весь взбуровился, Яковъ Алпатычъ: другую бочку привезли.

— Такъ ты слушай. Я къ исправнику поѣду, а ты народу повѣсти, и чтобъ они это бросили, и чтобъ подводы были.

— Слушаю, — отвѣчалъ Дронъ.

Больше Яковъ Алпатычъ не настаивалъ. Онъ долго управлялъ народомъ и зналъ, что главное средство для того, чтобы люди повиновались, состоитъ въ томъ, чтобы не показывать имъ сомнѣнія въ томъ, что они могутъ не повиноваться. Добившись отъ Дрона покорнаго «слушаю-съ», Яковъ Алпатычъ удовлетворился этимъ, хотя онъ не только сомнѣвался, но почти былъ увѣренъ въ томъ, что подводы безъ помощи воинской команды не будутъ доставлены.

И дѣйствительно, къ вечеру подводы не были собраны. На деревнѣ у кабака была опять сходка, и на сходкѣ положено было угнать лошадей въ лѣсъ и не выдавать подводъ. Ничего не говоря объ этомъ княжнѣ, Алпатычъ велѣлъ сложить съ пришедшихъ изъ Лысыхъ Горъ свою собственную кладь и приготовить этихъ лошадей подъ кареты княжны, а самъ поѣхалъ къ начальству.

X.

Послѣ похоронъ отца княжна Марья заперлась въ своей комнатѣ и никого не впускала къ себѣ. Къ двери подошла дѣвушка сказать, что Алпатычъ пришелъ спросить приказанія объ отъѣздѣ. (Это было еще до разговора Алпатыча съ Дрономъ.) Княжна Марья приподнялась съ дивана, на которомъ она лежала, и сквозь затворенную дверь проговорила, что она никуда и никогда не поѣдетъ и проситъ, чтобъ ее оставили въ покоѣ.

Окна комнаты, въ которой лежала княжна Марья, были на западъ. Она лежала на диванѣ лицомъ къ стѣнѣ и, перебирая пальцами пуговицы на кожаной подушкѣ, видѣла только эту подушку, и неясныя мысли ея были сосредоточены на одномъ: она думала о неотвратимости смерти и о той своей душевной мерзости, которой она не знала до сихъ поръ и которая выказалась во время болѣзни ея отца. Она хотѣла, но не смѣла молиться, не смѣла въ томъ душевномъ состояніи, въ которомъ она находилась, обращаться къ Богу. Она долго лежала въ этомъ положеніи.

Солнце зашло на другую сторону дома и косыми, вечерними лучами въ открытыя окна освѣтило комнату и часть сафьянной подушки, на которую смотрѣла княжна Марья. Ходъ мыслей ея вдругъ пріостановился. Она безсознательно приподнялась, оправила волосы, встала и подошла къ окну, невольно вдыхая въ себя прохладу яснаго, по вѣтренаго вечера.

«Да, теперь тебѣ удобно любоваться вечеромъ! Его ужъ нѣтъ, и никто тебѣ не помѣшаетъ», сказала она себѣ, и, опустившись на стулъ, она упала головой на подоконникъ.

Кто-то нѣжнымъ и тихимъ голосомъ назвалъ ее со стороны сада и поцѣловалъ въ голову. Она оглянулась. Это была m-lle Bourienne, въ черномъ платьѣ и плерезахъ. Она тихо подошла къ княжнѣ Марьѣ, со вздохомъ поцѣловала ее и тотчасъ же заплакала. Княжна Марья оглянулась на нее. Всѣ прежнія столкновенія съ нею, ревность къ ней вспомнились княжнѣ Марьѣ; вспомнилось и то, какъ *онъ* послѣднее время измѣнился къ m-lle Bourienne, не могъ ея видѣть, и, стало-быть, какъ несправедливы были тѣ упреки, которые княжна Марья въ душѣ своей дѣлала ей. «Да и мнѣ ли, мнѣ ли, желавшей его смерти, осуждать кого-нибудь!» подумала она.

Княжнѣ Марьѣ живо представилось положеніе m-lle Bourienne, въ послѣднее время отдаленной отъ ея общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ зависящей отъ нея и живущей въ чужомъ домѣ. И ей стало жалко ея. Она кротко-вопросительно посмотрѣла на нее и протянула ей руку. M-lle Bourienne тотчасъ заплакала, стала цѣловать руку княжны и говорить о горѣ, постигшемъ княжну, дѣлая себя участницей этого горя. Она говорила о томъ, что единственное утѣшеніе въ ея горѣ есть то, что княжна позволила ей раздѣлить его съ нею. Она говорила, что всѣ бывшія недоразумѣнія должны уничтожиться передъ великимъ горемъ, что она чувствуетъ себя чистой передъ всѣми и что *онъ* оттуда видитъ ея любовь и благодарность. Княжна слушала ее, не понимая ея словъ, но изрѣдка взглядывая на нее и вслушиваясь въ звуки ея голоса.

— Ваше положеніе вдвойнѣ ужасно, милая княжна,—помолчавъ немного, сказала m-lle Bourienne.—Я понимаю, что вы не могли и не можете думать о себѣ; но я моею любовью къ вамъ обязана это сдѣлать... Алпатычъ былъ у васъ? Говорилъ онъ съ вами объ отъѣздѣ?—спросила она.

Княжна Марья не отвѣчала. Она не понимала, куда и кто долженъ былъ ѣхать. «Развѣ можно было что-нибудь предпринимать теперь, думать о чемъ-нибудь? Развѣ не все равно?» Она не отвѣчала.

— Вы знаете ли, chère Marie,—сказала m-lle Bourienne, знаете ли, что мы въ опасности, что мы окружены французами; ѣхать теперь опасно. Ежели мы поѣдемъ, мы почти навѣрное попадемся въ плѣнъ, и Богъ знаетъ...

Княжна Марья смотрѣла на свою подругу, не понимая того, что она говорила.

— Ахъ, ежели бы кто зналъ, какъ мнѣ все, все равно теперь, — сказала она. — Разумѣется, я ни за что не желала бы уѣхать отъ *него*... Алпатычъ мнѣ говорилъ что-то объ отъѣздѣ... Поговорите съ нимъ; я ничего, ничего не могу и не хочу...

— Я говорила съ нимъ. Онъ надѣется, что мы успѣемъ уѣхать завтра; но я думаю, что теперь лучше бы было остаться здѣсь, — сказала m-lle Bourienne. — Потому что, согласитесь, chère Marie, попасть въ руки солдатъ или бунтующихъ мужиковъ въ дорогѣ было бы ужасно.

M-lle Bourienne достала изъ ридикюля объявленіе (не на русской обыкновенной бумагѣ) французскаго генерала Рамо о томъ, чтобы жители не покидали своихъ домовъ, что имъ оказано будетъ должное покровительство французскими властями, и подала его княжнѣ.

— Я думаю, что лучше обратиться къ этому генералу, — сказала m-lle Bourienne, — и я увѣрена, что вамъ будетъ оказано должное уваженіе.

Княжна Марья читала бумагу, и сухія рыданія задергали ея лицо.

— Черезъ кого вы получили это? — сказала она.

— Вѣроятно, узнали, что я француженка, по имени,—краснѣя сказала m-lle Bourienne.

Княжна Марья съ бумагой въ рукѣ встала отъ окна и съ блѣднымъ лицомъ вышла изъ комнаты и пошла въ бывшій кабинетъ князя Андрея.

— Дуняша, позовите ко мнѣ Алпатыча, Дронушку, кого-нибудь!—сказала княжна Марья.—И скажите Амальѣ Карловнѣ, чтобы она не входила ко мнѣ,—прибавила она, услыхавъ голосъ m-lle Bourienne. — Поскорѣе ѣхать! Ѣхать скорѣе! — говорила княжна Марья, ужасаясь мысли о томъ, что она могла остаться во власти французовъ.

«Чтобъ князь Андрей зналъ, что она во власти французовъ! Чтобъ она, дочь князя Николая Андреевича Болконскаго, просила господина генерала Рамо оказать ей покровительство и пользовалась его благодѣяніями!» Эта мысль приводила ее въ ужасъ, заставляла ее содрогаться, краснѣть и чувствовать еще неиспытанные ею припадки злобы и гордости. Все, что было только тяжелаго и, главное, оскорбительнаго въ ея положеніи, живо представлялось ей. «Они, французы, поселятся въ этомъ домѣ; господинъ генералъ Рамо займетъ кабинетъ князя Андрея; будутъ для забавы перебирать и читать его письма и бумаги. M-lle Bourienne lui fera les honneurs de Богучарово. Мнѣ да-

дутъ комнатку изъ милости; солдаты разорятъ свѣжую могилу отца, чтобы снять съ него кресты и звѣзды; они мнѣ будутъ разсказывать о побѣдахъ надъ русскими, будутъ притворно выражать сочувствіе моему горю...» думала княжна Марья не своими мыслями, но чувствуя себя обязанной думать за себя мыслями своего отца и брата. Для нея лично было все равно, гдѣ бы ни оставаться и что бы съ ней ни было; но она чувствовала себя вмѣстѣ съ тѣмъ представительницей своего покойнаго отца и князя Андрея. Она невольно думала ихъ мыслями и чувствовала ихъ чувствами. Что бы они сказали, что бы они сдѣлали теперь, то самое она чувствовала необходимымъ сдѣлать. Она пошла въ кабинетъ князя Андрея и, стараясь проникнуться его мыслями, обдумывала свое положеніе.

Требованія жизни, которыя она считала уничтоженными со смертью отца, вдругъ съ новой, еще неизвѣстной силой возникли передъ княжной Марьей и охватили ее.

Взволнованная, красная, она ходила по комнатѣ, требуя къ себѣ то Алпатыча, то Михаила Ивановича, то Тихона, то Дрона. Дуняша, няня и всѣ дѣвушки ничего не могли сказать о томъ, въ какой мѣрѣ справедливо все то, что объявила m-lle Bourienne. Алпатыча не было дома: онъ уѣхалъ къ начальству. Призванный Михаилъ Ивановичъ, архитекторъ, явившійся къ княжнѣ Марьѣ съ заспанными глазами, ничего не могъ сказать ей. Онъ точно съ той же улыбкой согласія, съ которой онъ привыкъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ отвѣчать, не выражая своего мнѣнія, на обращенія стараго князя, отвѣчалъ на вопросы княжны Марьи, такъ что ничего опредѣленнаго нельзя было вывести изъ его отвѣтовъ. Призванный старый камердинеръ Тихонъ, съ опавшимъ и осунувшимся лицомъ, носившимъ на себѣ отпечатокъ неизлѣчимаго горя, отвѣчалъ «слушаю-съ» на всѣ вопросы княжны Марьи и едва удерживался отъ рыданій, глядя на нее.

Наконецъ вошелъ въ комнату староста Дронъ и, низко поклонившись княжнѣ, остановился у притолки.

Княжна Марья прошла по комнатѣ и остановилась противъ него.

— Дронушка, — сказала княжна Марья, видѣвшая въ немъ несомнѣннаго друга, того самаго Дронушку, который изъ своей ежегодной поѣздки на ярмарку въ Вязьму привозилъ ей всякій разъ и съ улыбкой подавалъ свои особенные пряники. — Дронушка, теперь, послѣ нашего несчастья... — начала она и замолчала, не въ силахъ говорить дальше.

— Всѣ подъ Богомъ ходимъ, — со вздохомъ сказалъ онъ.

Они помолчали.

— Дронушка, Алпатычъ куда-то уѣхалъ, мнѣ не къ кому обратиться; правду ли мнѣ говорятъ, что мнѣ уѣхать нельзя?

— Отчего же тебѣ не ѣхать, ваше сіятельство, ѣхать можно, — сказалъ Дронъ.

— Мнѣ сказали, что опасно отъ непріятеля. Голубчикъ, я ничего не могу, ничего не понимаю, со мной никого нѣтъ. Я непремѣнно хочу ѣхать ночью или завтра рано утромъ.

Дронъ молчалъ. Онъ исподлобья взглянулъ на княжну Марью.

— Лошадей нѣтъ, — сказалъ онъ, — я и Яковъ Алпатычу говорилъ.

— Отчего же нѣтъ? — сказала княжна.

— Все отъ Божьяго наказанія,—сказалъ Дронъ.—Какія лошади были, подъ войска разобрали, а какія подохли: нынче годъ такой. Не то лошадей кормить, а какъ бы самимъ съ голоду не помереть! И такъ по три дня не ѣмши сидятъ. Нѣтъ ничего, разорили въ конецъ.

Княжна Марья внимательно слушала то, что̀ онъ говорилъ ей.

— Мужики разорены? У нихъ хлѣба нѣтъ?—спросила она.

— Голодною смертью помираютъ, — сказалъ Дронъ,—не то, что подводы...

— Да отчего же ты не сказалъ, Дронушка? Развѣ нельзя помочь? Я все сдѣлаю, что могу...

Княжнѣ Марьѣ странно было думать, что теперь, въ такую минуту, когда такое горе наполняло ея душу, могли быть люди богатые и бѣдные и что богатые не могли помочь бѣднымъ. Она смутно знала и слышала, что бываетъ господскій хлѣбъ и что его даютъ мужикамъ. Она знала тоже, что ни братъ, ни отецъ ея не отказали бы въ нуждѣ мужикамъ; она только боялась ошибиться какъ-нибудь въ словахъ насчетъ этой раздачи мужикамъ хлѣба, которымъ она хотѣла распорядиться. Она была рада тому, что ей представился предлогъ заботы такой, для котораго ей не совѣстно было забыть свое горе. Она стала разспрашивать Дронушку подробности о нуждахъ мужиковъ и о томъ, что есть господскаго въ Богучаровѣ.

— Вѣдь у насъ есть хлѣбъ господскій, братнинъ? — спросила она.

— Господскій хлѣбъ весь цѣлъ, — сказалъ съ гордостью Дронъ: — нашъ князь не приказывалъ продавать.

— Выдай его мужикамъ, выдай все, что имъ нужно: я тебѣ именемъ брата разрѣшаю, — сказала княжна Марья.

Дронъ ничего не отвѣтилъ и глубоко вздохнулъ.

— Ты раздай имъ этотъ хлѣбъ, ежели его довольно будетъ для нихъ. Все раздай. Я тебѣ приказываю именемъ брата, и

скажи имъ: что̀ наше, то и ихнее. Мы ничего не пожалѣемъ для нихъ. Такъ имъ скажи.

Дронъ пристально смотрѣлъ на княжну въ то время, какъ она говорила.

— Уволь ты меня, матушка, ради Бога; вели отъ меня ключи принять,—сказалъ онъ.—Служилъ 23 года, худого не дѣлалъ; уволь, ради Бога.

Княжна Марья не понимала, чего онъ хотѣлъ отъ нея и отчего онъ просилъ уволить себя. Она отвѣчала ему, что она никогда не сомнѣвалась въ его преданности и что она все готова сдѣлать для него и для мужиковъ.

XI.

Черезъ часъ послѣ этого Дуняша пришла къ княжнѣ съ извѣстіемъ, что пришелъ Дронъ и всѣ мужики, по приказанію княжны, собрались у амбара, желая переговорить съ госпожей.

— Да я никогда не звала ихъ,—сказала княжна Марья,—я только сказала Дронушкѣ, чтобы раздать имъ хлѣба.

— Только ради Бога, княжна матушка, прикажите ихъ прогнать и не ходите къ нимъ. Все обманъ одинъ, — говорила Дуняша, — а Яковъ Алпатычъ пріѣдутъ и поѣдемъ... а вы не извольте...

— Какой же обманъ? — удивленно спросила княжна.

— Да ужъ я знаю, только послушайте меня, ради Бога. Вотъ и няню хоть спросите. Говорятъ, несогласны уѣзжать по вашему приказанію.

— Ты что-нибудь не то говоришь. Да я никогда не приказывала уѣзжать...—сказала княжна Марья.—Позови Дронушку.

Пришедшій Дронъ подтвердилъ слова Дуняши: мужики пришли по приказанію княжны.

— Да я никогда не звала ихъ, — сказала княжна. — Ты, вѣрно, не такъ передалъ имъ. Я только сказала, чтобы ты имъ отдалъ хлѣбъ.

Дронъ, не отвѣчая, вздохнулъ.

— Если прикажете, они уйдутъ, — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я пойду къ нимъ,—сказала княжна Марья.

Несмотря на отговариванье Дуняши и няни, княжна Марья вышла на крыльцо. Дронушка, Дуняша, няня и Михаилъ Ивановичъ шли за нею.

«Они, вѣроятно, думаютъ, что я предлагаю имъ хлѣбъ съ тѣмъ, чтобы они остались на своихъ мѣстахъ. и сама уѣду,

бросивъ ихъ на произволъ французовъ», думала княжна Марья. «Я имъ буду обѣщать мѣсячину въ подмосковной, квартиры; я увѣрена, что André еще больше бы сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ», думала она, подходя въ сумеркахъ къ толпѣ, стоявшей на выгонѣ у амбара.

Толпа, скучиваясь, зашевелилась, и быстро снялись шляпы. Княжна Марья, опустивъ глаза и путаясь ногами въ платьѣ, близко подошла къ нимъ. Столько разнообразныхъ старыхъ и молодыхъ глазъ было устремлено на нее и столько было разныхъ лицъ, что княжна Марья не видала ни одного лица и, чувствуя необходимость говорить вдругъ со всѣми, не знала, какъ быть. Но опять сознаніе того, что она — представительница отца и брата, придало ей силы, и она смѣло начала свою рѣчь.

— Я очень рада, что вы пришли, — начала княжна Марья, не поднимая глазъ и чувствуя, какъ быстро и сильно билось ея сердце. — Мнѣ Дронушка сказалъ, что васъ разорила война. Это наше общее горе, и я ничего не пожалѣю, чтобы помочь вамъ. Я сама ѣду, потому что опасно здѣсь... и непріятель близко... потому что... Я вамъ отдаю все, мои друзья, и прошу васъ взять все, весь хлѣбъ нашъ, чтобы у васъ не было нужды. А ежели вамъ сказали, что я отдаю вамъ хлѣбъ съ тѣмъ, чтобы вы остались здѣсь, то это неправда. Я, напротивъ, прошу васъ уѣзжать со всѣмъ вашимъ имуществомъ въ нашу подмосковную, и тамъ я беру на себя и обѣщаю вамъ, что вы не будете нуждаться. Вамъ дадутъ и дома и хлѣбъ.

Княжна остановилась. Въ толпѣ только слышались вздохи.

— Я не отъ себя дѣлаю это, — продолжала княжна, — я это дѣлаю именемъ покойнаго отца, который былъ вамъ хорошимъ бариномъ, и за брата, и за его сына.

Она опять остановилась. Никто не прерывалъ ея молчанія.

— Горе наше общее, и будемъ дѣлить все пополамъ. Все, что мое, то ваше, — сказала она, оглядывая лица, стоявшія передъ нею.

Всѣ глаза смотрѣли на нее съ одинаковымъ выраженіемъ, значенія котораго она не могла понять. Было ли это любопытство, преданность, благодарность или испугъ и недовѣріе, но выраженіе на всѣхъ лицахъ было одинаковое.

— Много довольны вашими милостями, только намъ орать господскій хлѣбъ не приходится, — сказалъ голосъ сзади.

— Да отчего же? — сказала княжна.

Никто не отвѣтилъ, и княжна Марья, оглядываясь по толпѣ, замѣчала, что теперь всѣ глаза, съ которыми она встрѣчалась, тотчасъ же опускались.

— Да отчего же вы не хотите? — спросила она опять.

Никто не отвѣчалъ.

Княжнѣ Марьѣ становилось тяжело отъ этого молчанія; она старалась уловить чей-нибудь взглядъ.

— Отчего вы не говорите? — обратилась княжна къ старому старику, который, облокотившись на палку, стоялъ передъ ней. — Скажи, ежели ты думаешь, что еще что-нибудь нужно. Я все сдѣлаю, — сказала она, уловивъ его взглядъ.

Но онъ, какъ будто разсердившись за это, опустилъ совсѣмъ голову и проговорилъ:

— Чего соглашаться-то, не нужно намъ хлѣба.

— Что жъ намъ все бросить-то? Несогласны. Несогласны... Нѣтъ нашего согласія. Мы тебя жалѣемъ, и нашего согласія нѣтъ. Поѣзжай сама, одна...—раздалось въ толпѣ съ разныхъ сторонъ.

И опять на всѣхъ лицахъ этой толпы показалось одно и то же выраженіе, и теперь это было уже навѣрное не выраженіе любопытства и благодарности, а выраженіе озлобленной рѣшительности.

— Да вы не поняли, вѣрно,—съ грустной улыбкой сказала княжна Марья.—Отчего вы не хотите ѣхать? Я обѣщаю поселить васъ, кормить. А здѣсь непріятель разоритъ васъ...

Но голосъ ея заглушали голоса толпы.

— Нѣтъ нашего согласія, пускай разоряетъ! Не беремъ твоего хлѣба, нѣтъ согласія нашего!

Княжна Марья старалась уловить опять чей-нибудь взглядъ изъ толпы, но ни одинъ взглядъ не былъ устремленъ на нее; глаза, очевидно, избѣгали ея. Ей стало странно и неловко.

— Вишь, научила ловко, за ней въ крѣпость поди! Дома разори, да въ кабалу и ступай. Какъ же? Я хлѣбъ, молъ, отдамъ! — слышались голоса въ толпѣ.

Княжна Марья, опустивъ голову, вышла изъ круга и пошла въ домъ. Повторивъ Дрону приказаніе о томъ, чтобы завтра были лошади для отъѣзда, она ушла въ свою комнату и осталась одна съ своими мыслями.

XII.

Долго эту ночь княжна Марья сидѣла у открытаго окна въ своей комнатѣ, прислушиваясь къ звукамъ говора мужиковъ, доносившагося съ деревни, но она не думала о нихъ. Она чувствовала, что, сколько бы она ни думала о нихъ, она не могла

бы понять ихъ. Она думала все объ одномъ — о своемъ горѣ, которое теперь, послѣ перерыва, произведеннаго заботами о настоящемъ, уже сдѣлалось для нея прошедшимъ. Она теперь уже могла вспоминать, могла плакать и могла молиться. Съ заходомъ солнца вѣтеръ затихъ. Ночь была тихая и свѣжая. Въ 12-мъ часу голоса стали затихать; пропѣлъ пѣтухъ; изъ-за липъ стала выходить полная луна; поднялся свѣжій, бѣлый туманъ-роса, и надъ деревней и надъ домомъ воцарилась тишина.

Одна за другой представлялись ей картины близкаго прошедшаго — болѣзни и послѣднихъ минутъ отца. И съ грустною радостью она теперь останавливалась на этихъ образахъ, отгоняя отъ себя съ ужасомъ только одно послѣднее представленіе его смерти, которое — она чувствовала — она была не въ силахъ созерцать даже въ своемъ воображеніи въ этотъ тихій и таинственный часъ ночи. И картины эти представлялись ей съ такою ясностью и съ такими подробностями, что онѣ оказались ей то дѣйствительностью, то прошедшимъ, то будущимъ.

То ей живо представлялась та минута, когда съ нимъ сдѣлался ударъ и его изъ сада въ Лысыхъ Горахъ волокли подъ руки, и онъ бормоталъ что-то безсильнымъ языкомъ, дергалъ сѣдыми бровями и безпокойно и робко смотрѣлъ на нее.

«Онъ и тогда хотѣлъ сказать мнѣ то, что онъ сказалъ мнѣ въ день своей смерти», думала она. «Онъ всегда думалъ то, что онъ сказалъ мнѣ». И вотъ ей со всѣми подробностями вспомнилась та ночь въ Лысыхъ Горахъ, наканунѣ сдѣлавшагося съ нимъ удара, когда княжна Марья, предчувствуя бѣду, противъ его воли осталась съ нимъ. Она не спала и ночью на цыпочкахъ сошла внизъ и, подойдя къ двери въ цвѣточную, въ которой въ эту ночь ночевалъ ея отецъ, прислушалась къ его голосу. Онъ измученнымъ, усталымъ голосомъ говорилъ съ Тихономъ. Онъ говорилъ что-то про Крымъ, про теплыя ночи, про императрицу. Ему, видно, хотѣлось поговорить. «И отчего онъ не позвалъ меня? Отчего онъ не позволилъ быть мнѣ тутъ на мѣстѣ Тихона?» думала тогда и теперь княжна Марья. «Ужъ онъ не выскажетъ никогда никому теперь всего того, что было въ его душѣ. Ужъ никогда не вернется для него и для меня эта минута, когда бы онъ говорилъ все, что ему хотѣлось высказать, а я, а не Тихонъ, слушала бы и понимала его. Отчего я не вошла тогда въ его комнату?» думала она. «Можетъ-быть, онъ тогда же бы сказалъ мнѣ то, что онъ сказалъ въ день смерти. Онъ и тогда, въ разговорѣ съ Тихономъ, два раза спросилъ про меня. Ему хотѣлось видѣть меня, а я стояла тутъ, за дверью. Ему было грустно, тяжело говорить съ Тихономъ,

который не понималъ его. Помню, какъ онъ заговорилъ съ нимъ про Лизу, какъ живую,—онъ забылъ, что она умерла, — и Тихонъ напомнилъ ему, что ея ужъ нѣтъ, и онъ закричалъ: «дуракъ!» Ему тяжело было. Я слышала изъ-за двери, какъ онъ кряхтя легъ на кровать и громко прокричалъ: «Богъ мой!» Отчего я не вошла тогда? Что жъ бы онъ сдѣлалъ мнѣ? Что бы я потеряла? А можетъ-быть, тогда же онъ утѣшился бы, онъ сказалъ бы мнѣ это слово». И княжна Марья вслухъ произнесла то ласкательное слово, которое онъ сказалъ ей въ день смерти. «Ду-ше-нь-ка!» повторила княжна Марья это слово и зарыдала облегчающими душу слезами. Она видѣла теперь передъ собой его лицо. И не то лицо, которое она знала съ тѣхъ поръ, какъ себя помнила, и которое она всегда видѣла издалека, а то лицо робкое и слабое, которое она, пригибаясь къ его рту, чтобы слышать то, что онъ говорилъ, вблизи въ первый разъ разсмотрѣла со всѣми его морщинами и подробностями.

«Душенька», повторила она.

«Что онъ думалъ, когда сказалъ это слово? Что онъ думаетъ теперь?» вдругъ пришелъ ей вопросъ, и, въ отвѣтъ на это, она увидала его передъ собой съ тѣмъ выраженіемъ лица, которое у него было въ гробу на обвязанномъ бѣлымъ платкомъ лицѣ. И тотъ ужасъ, который охватилъ ее тогда, когда она прикоснулась къ нему и убѣдилась, что это не только не былъ онъ, но что-то таинственное и отталкивающее, охватилъ ее и теперь. Она хотѣла думать о другомъ, хотѣла молиться и ничего не могла сдѣлать. Она большими, открытыми глазами смотрѣла на лунный свѣтъ и тѣни, всякую секунду ждала увидать его мертвое лицо и чувствовала, что тишина, стоявшая надъ домомъ и въ домѣ, заковывала ее.

— Дуняша! — прошептала она. — Дуняша!—вскрикнула она дикимъ голосомъ и, вырвавшись изъ тишины, побѣжала къ дѣвичьей навстрѣчу бѣгущимъ къ ней нянѣ и дѣвушкамъ.

XIII.

17-го августа Ростовъ и Ильинъ, сопутствуемые только что вернувшимся изъ плѣна Лаврушкой и вѣстовымъ гусаромъ, изъ своей стоянки Янково, въ 15-ти верстахъ отъ Богучарова, поѣхали кататься верхами—попробовать новую, купленную Ильинымъ, лошадь и разузнать, нѣтъ ли въ деревняхъ сѣна.

Богучарово находилось послѣдніе три дня между двумя непріятельскими арміями, такъ что такъ же легко могъ зайти туда

русскій арьергардъ, какъ и французскій авангардъ; и потому Ростовъ, какъ заботливый эскадронный командиръ, желалъ прежде французовъ воспользоваться тѣмъ провіантомъ, который оставался въ Богучаровѣ.

Ростовъ и Ильинъ были въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Дорогой въ Богучарово, въ княжеское имѣніе съ усадьбой, гдѣ они надѣялись найти большую дворню и хорошенькихъ дѣвушекъ, они то разспрашивали Лаврушку о Наполеонѣ и смѣялись его разсказамъ, то перегонялись, пробуя лошадь Ильина.

Ростовъ и не зналъ и не думалъ, что эта деревня, въ которую онъ ѣхалъ, была имѣніе того самаго Болконскаго, который былъ женихомъ его сестры.

Ростовъ съ Ильинымъ въ послѣдній разъ выпустили на перегонку лошадей въ изволокъ передъ Богучаровомъ, и Ростовъ, перегнавшій Ильина, первый вскакалъ въ улицу деревни Богучарова.

— Ты впередъ взялъ,—говорилъ раскраснѣвшійся Ильинъ.

— Да, все впередъ; и на лугу впередъ и тутъ,—отвѣчалъ Ростовъ, поглаживая рукой своего взмылившагося донца.

— А я на французской, ваше сіятельство,—сзади говорилъ Лаврушка, называя французской свою упряжную клячу,—перегналъ бы, да только срамить не хотѣлъ.

Они шагомъ подъѣхали къ амбару, у котораго стояла большая толпа мужиковъ.

Нѣкоторые мужики сняли шапки, нѣкоторые, не снимая шапокъ, смотрѣли на подъѣхавшихъ. Два старые, длинные мужика, съ сморщенными лицами и рѣдкими бородами, вышли изъ кабака и съ улыбками, качаясь и распѣвая какую-то нескладную пѣсню, подошли къ офицерамъ.

— Молодцы! — сказалъ смѣясь Ростовъ. — Что, сѣно есть?

— И одинакіе какіе... — сказалъ Ильинъ.

— Развесс...о...оо...олая бе...сѣ...бе...е...сѣ... — распѣвалъ мужикъ съ счастливой улыбкой.

Одинъ изъ мужиковъ вышелъ изъ толпы и подошелъ къ Ростову.

— Вы изъ какихъ будете? — спросилъ онъ.

— Французы, — отвѣчалъ, смѣючись, Ильинъ.—Вотъ и Наполеонъ самъ, — сказалъ онъ, указывая на Лаврушку.

— Стало-быть, русскіе будете?—переспросилъ мужикъ.

— А много вашей силы тутъ?—спросилъ другой небольшой мужикъ, подходя къ нимъ.

— Много, много,—отвѣчалъ Ростовъ.—Да вы что жъ собрались тутъ?—прибавилъ онъ: — праздникъ, что ль?

— Старички собрались по мірскому дѣлу, — отвѣчалъ мужикъ, отходя отъ него.

Въ это время по дорогѣ отъ барскаго дома показались двѣ женщины и человѣкъ въ бѣлой шляпѣ, шедшіе къ офицерамъ.

— Въ розовомъ моя; чуръ не отбивать!—сказалъ Ильинъ, замѣтивъ рѣшительно подбѣгавшую къ нему Дуняшу.

— Наша будетъ! — подмигнувъ, сказалъ Ильину Лаврушка.

— Что, моя красавица, нужно?—сказалъ Ильинъ, улыбаясь.

— Княжна приказала спросить, какого вы полка и какъ ваша фамилія.

— Это графъ Ростовъ, эскадронный командиръ, а я вашъ покорный слуга.

— Бе...сѣ...ѣ...ду...шка!.. — распѣвалъ пьяный мужикъ, счастливо улыбаясь и глядя на Ильина, разговаривающаго съ дѣвушкой. Вслѣдъ за Дуняшей подошелъ къ Ростову Алпатычъ, еще издали снявъ свою шляпу.

— Осмѣлюсь безпокоить, ваше благородіе, — сказалъ онъ съ почтительностью, но съ относительнымъ пренебреженіемъ къ юности этого офицера и заложивъ руку за пазуху. — Моя госпожа, дочь скончавшагося сего 15-го числа генералъ-аншефа князя Николая Андреевича Болконскаго, находясь въ затрудненіи по случаю невѣжества этихъ лицъ,—онъ указалъ на мужиковъ,—проситъ васъ пожаловать... Не угодно ли будетъ,—съ грустной улыбкой сказалъ Алпатычъ, — отъѣхать нѣсколько, а то не такъ удобно при...—Алпатычъ указалъ на двухъ мужиковъ, которые сзади такъ и носились около него, какъ слѣпни около лошади.

— А!.. Алпатычъ... А, Яковъ Алпатычъ... Важно! прости, ради Христа. Важно! А?... — говорили мужики, радостно улыбаясь ему.

Ростовъ посмотрѣлъ на пьяныхъ мужиковъ и улыбнулся.

— Или, можетъ, это утѣшаетъ ваше сіятельство?—сказалъ Яковъ Алпатычъ съ степеннымъ видомъ, незаложенной за пазуху рукой указывая на стариковъ.

— Нѣтъ, тутъ утѣшенья мало, — сказалъ Ростовъ и отъѣхалъ. — Въ чемъ дѣло? — спросилъ онъ.

— Осмѣлюсь доложить вашему сіятельству, что грубый народъ здѣшній не желаетъ выпустить госпожу изъ имѣнія и угрожаетъ отпрячь лошадей, такъ что съ утра все уложено, и ея сіятельство не могутъ выѣхать.

— Не можетъ быть! — вскрикнулъ Ростовъ.

— Имѣю честь докладывать вамъ сущую правду,—повторилъ Алпатычъ.

Ростовъ слѣзъ съ лошади и, передавъ ее вѣстовому, пошелъ съ Алпатычемъ къ дому, разспрашивая его о подробностяхъ дѣла. Дѣйствительно, вчерашнее предложеніе княжны мужикамъ хлѣба, ея объясненіе съ Дрономъ и съ сходкой такъ испортили дѣло, что Дронъ окончательно сдалъ ключи, присоединился къ мужикамъ и не являлся по требованію Алпатыча, и что поутру, когда княжна велѣла закладывать, чтобы ѣхать, мужики вышли большой толпой къ амбару и выслали сказать, что они не выпустятъ княжны изъ деревни, что есть приказъ, чтобы не вывозиться, и они выпрягутъ лошадей. Алпатычъ выходилъ къ нимъ, усовѣщивая ихъ, но ему отвѣчали (больше говорилъ Карпъ; Дронъ не показывался изъ толпы), что княжну нельзя выпустить, что на то приказъ есть, а что пускай княжна остается, и они по-старому будутъ служить ей и во всемъ повиноваться.

Въ ту минуту, когда Ростовъ и Ильинъ проскакали по дорогѣ, княжна Марья, несмотря на отговариванье Алпатыча, няни и дѣвушекъ, велѣла закладывать и хотѣла ѣхать; но, увидавъ проскакавшихъ кавалеристовъ, ихъ приняли за французовъ, кучера разбѣжались, и въ домѣ поднялся плачъ женщинъ.

— Батюшка! отецъ родной! Богъ тебя послалъ, — говорили умиленные голоса въ то время, какъ Ростовъ проходилъ черезъ переднюю.

Княжна Марья, потерянная и безсильная, сидѣла въ залѣ въ то время, какъ къ ней ввели Ростова. Она не понимала, кто онъ, и зачѣмъ онъ, и что̀ съ нею будетъ. Увидавъ его русское лицо и по входу его и первымъ сказаннымъ словамъ признавъ его за человѣка своего круга, она взглянула на него своимъ глубокимъ и лучистымъ взглядомъ и начала говорить обрывавшимся и дрожавшимъ отъ волненія голосомъ. Ростову тотчасъ же представилось что-то романическое въ этой встрѣчѣ. «Беззащитная, убитая горемъ дѣвушка, одна, оставленная на произволъ грубыхъ, бунтующихъ мужиковъ! И какая-то странная судьба натолкнула меня сюда!» думалъ Ростовъ, слушая ее и глядя на нее. «И какая кротость, благородство въ ея чертахъ и въ выраженіи!» думалъ онъ, слушая ея робкій разсказъ.

Когда она заговорила о томъ, что все это случилось на другой день послѣ похоронъ отца, ея голосъ задрожалъ. Она отвернулась и потомъ, какъ бы боясь, чтобы Ростовъ не принялъ ея слова за желаніе разжалобить его, вопросительно-испуганно взглянула на него. У Ростова слезы стояли въ глазахъ. Княжна Марья замѣтила это и благодарно посмотрѣла на Ростова тѣмъ своимъ лучистымъ взглядомъ, который заставлялъ забывать некрасивость ея лица.

— Не могу выразить, княжна, какъ я счастливъ тѣмъ, что я случайно заѣхалъ сюда и буду въ состояніи показать вамъ свою готовность,—сказалъ Ростовъ, вставая.—Извольте ѣхать, и я отвѣчаю вамъ своею честью, что ни одинъ человѣкъ не посмѣетъ сдѣлать вамъ непріятность, ежели вы мнѣ только позволите конвоировать васъ,—и, почтительно поклонившись, какъ кланяются дамамъ царской крови, онъ направился къ двери.

Почтительностью своего тона Ростовъ какъ будто показывалъ, что, несмотря на то, что онъ за счастье счелъ бы свое знакомство съ нею, онъ не хотѣлъ пользоваться случаемъ ея несчастья для сближенія съ нею.

Княжна Марья поняла и оцѣнила этотъ тонъ.

— Я очень, очень благодарна вамъ, — сказала ему княжна по-французски, — но надѣюсь, что все это было только недоразумѣніе и что никто не виноватъ въ томъ. — Княжна вдругъ заплакала. — Извините меня, — сказала она.

Ростовъ, нахмурившись, еще разъ низко поклонился и вышелъ изъ комнаты.

XIV.

— Ну что, мила? Нѣтъ, братъ, розовая моя — прелесть, и Дуняшей зовутъ...

Но, взглянувъ на лицо Ростова, Ильинъ замолкъ. Онъ видѣлъ, что его герой и командиръ находился совсѣмъ въ другомъ строѣ мыслей.

Ростовъ злобно оглянулся на Ильина и, не отвѣчая ему, быстрыми шагами направился къ деревнѣ.

— Я имъ покажу, я имъ задамъ, разбойникамъ, — говорилъ онъ про себя.

Алпатычъ плывущимъ шагомъ, чтобы только не бѣжать, рысью едва догналъ Ростова.

— Какое рѣшеніе изволили принять? — сказалъ онъ, догнавъ его.

Ростовъ остановился и, сжавъ кулаки, вдругъ грозно подвинулся на Алпатыча.

— Рѣшеніе? Какое рѣшеніе? Старый хрычъ!—крикнулъ онъ на него.—Ты чего смотрѣлъ? А? Мужики бунтуютъ, а ты не умѣешь справиться? Ты самъ измѣнникъ! Знаю я васъ, шкуру спущу со всѣхъ...—И, какъ будто боясь растратить понапрасну запасъ своей горячности, онъ оставилъ Алпатыча и быстро пошелъ впередъ.

Алпатычъ, подавивъ чувство оскорбленія, плывущимъ шагомъ поспѣвалъ за Ростовымъ и продолжалъ сообщать ему свои соображенія. Онъ говорилъ, что мужики находились въ закоснѣлости; что въ настоящую минуту было неблагоразумно *противоборствовать* имъ, не имѣя военной команды; что не лучше ли бы было послать прежде за командой.

— Я имъ дамъ воинскую команду... Я ихъ попротивоборствую, — безсмысленно приговаривалъ Николай, задыхаясь отъ неразумной, животной злобы и потребности излить эту злобу.

Не соображая того, что будетъ дѣлать, безсознательно быстрымъ, рѣшительнымъ шагомъ онъ подвигался къ толпѣ. И чѣмъ ближе онъ подвигался къ ней, тѣмъ больше чувствовалъ Алпатычъ, что неблагоразумный поступокъ его можетъ принести хорошіе результаты. То же чувствовали и мужики толпы, глядя на его быструю и твердую походку и рѣшительное, нахмуренное лицо.

Послѣ того, какъ гусары въѣхали въ деревню и Ростовъ прошелъ къ княжнѣ, въ толпѣ произошло замѣшательство и раздоръ. Нѣкоторые мужики стали говорить, что это пріѣхавшіе были русскіе, и какъ бы они не обидѣлись тѣмъ, что не выпускаютъ барышню. Дронъ былъ того же мнѣнія; но какъ только онъ выразилъ его, такъ Карпъ и другіе мужики напали на бывшаго старосту.

— Ты міръ-то поѣдомъ ѣлъ сколько годовъ? — кричалъ на него Карпъ, — тебѣ все одно. Ты кубышку выроешь, увезешь; тебѣ что, разори наши домà али нѣтъ?

— Сказано, порядокъ чтобъ былъ; не ѣзди никто изъ домовъ; чтобы ни синь-пороха не вывозить, — вотъ она и вся! — кричалъ другой.

— Очередь на твоего сына была, а ты небось гладуха своего пожалѣлъ, — вдругъ быстро заговорилъ маленькій старичокъ, нападая на Дрона, — а моего Ваньку забрилъ. Эхъ, умирать будемъ!

— То-то умирать будемъ!

— Я отъ міру не отказчикъ, — говорилъ Дронъ.

— То-то не отказчикъ, брюхо отрастилъ!..

Два длинные мужика говорили свое. Какъ только Ростовъ, сопутствуемый Ильинымъ, Лаврушкой и Алпатычемъ, подошелъ къ толпѣ, Карпъ, заложивъ пальцы за кушакъ, слегка улыбаясь, вышелъ впередъ. Дронъ, напротивъ, зашелъ въ задніе ряды, и толпа сдвинулась плотнѣе.

— Эй! кто у васъ староста тутъ? — крикнулъ Ростовъ, быстрымъ шагомъ подойдя къ толпѣ.

— Староста-то? На что вамъ?.. — спросилъ Карпъ.

Но не успѣлъ онъ договорить, какъ шапка слетѣла съ него, и голова мотнулась на бокъ отъ сильнаго удара.

— Шапки долой, измѣнники!—крикнулъ полнокровный голосъ Ростова.—Гдѣ староста?—неистовымъ голосомъ кричалъ онъ.

— Старосту, старосту кличетъ... Дронъ Захарычъ, васъ,— послышались кое-гдѣ торопливо-покорные голоса, и шапки стали сниматься съ головъ.

— Намъ бунтовать нельзя, мы порядки блюдемъ, — проговорилъ Карпъ, и нѣсколько голосовъ сзади въ то же мгновеніе заговорили вдругъ:

— Какъ старички порѣшили, много васъ, начальства...

— Разговаривать?.. Бунтъ!.. Разбойники! Измѣнники! — безсмысленно, не своимъ голосомъ завопилъ Ростовъ, хватая за воротъ Карпа. — Вяжи его, вяжи! — кричалъ онъ, хотя некому было вязать его, кромѣ Лаврушки и Алпатыча.

Лаврушка, однако, подбѣжалъ къ Карпу и схватилъ его сзади за руки.

— Прикажете нашихъ изъ-подъ горы кликнуть? — крикнулъ онъ.

Алпатычъ обратился къ мужикамъ, вызывая двоихъ по именамъ, чтобъ вязать Карпа. Мужики покорно вышли изъ толпы и стали распоясываться.

— Староста гдѣ? — кричалъ Ростовъ.

Дронъ, съ нахмуреннымъ и блѣднымъ лицомъ, вышелъ изъ толпы.

— Ты староста? Вязать, Лаврушка! — кричалъ Ростовъ, какъ будто и это приказаніе не могло встрѣтить препятствій.

И дѣйствительно, еще два мужика стали вязать Дрона, который, какъ бы помогая имъ, снялъ съ себя кушакъ и подалъ имъ.

— А вы всѣ слушайте меня. — Ростовъ обратился къ мужикамъ: — Сейчасъ маршъ по домамъ, и чтобы голоса вашего я не слыхалъ.

— Что жъ, мы никакой обиды не сдѣлали. Мы только, значитъ, по глупости. Только вздоръ надѣлали... Я же сказывалъ, что непорядки,—послышались голоса, упрекавшіе другъ друга.

— Вотъ я же вамъ говорилъ, — сказалъ Алпатычъ, вступая въ свои права. — Нехорошо, ребята!

— Глупость наша, Яковъ Алпатычъ, — отвѣчали голоса, и толпа тотчасъ же стала расходиться и разсыпаться по деревнѣ.

Связанныхъ двухъ мужиковъ повели на барскій дворъ. Два пьяные мужика шли за ними.

— Эхъ, посмотрю я на тебя! — говорилъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ Карпу.

— Развѣ можно такъ съ господами говорить? Ты думалъ что? Дуракъ, — подтверждалъ другой, — право, дуракъ!

Черезъ два часа подводы стояли на дворѣ богучаровскаго дома. Мужики оживленно выносили и укладывали на подводы господскія вещи, и Дронъ, по желанію княжны Марьи выпущенный изъ рундука, куда его заперли, стоя на дворѣ, распоряжался мужиками.

— Ты ее такъ дурно не клади, — говорилъ одинъ изъ мужиковъ, высокій человѣкъ съ круглымъ, улыбающимся лицомъ, принимая изъ рукъ горничной шкатулку. — Она вѣдь тоже денегъ стоитъ. Что же ты ее такъ-то вотъ бросишь или подъ веревку, а она и потрется. Я такъ не люблю. А чтобы все честно, по закону было. Вотъ такъ-то, подъ рогожу, да сѣнцомъ прикрой, вотъ и важно.

— Ишь книгъ-то, книгъ, — сказалъ другой мужикъ, выносившій библіотечные шкафы князя Андрея. — Ты не цѣпляй! А грузно, ребята; книги здоровыя!

— Да, писали, не гуляли! — значительно подмигнувъ, сказалъ высокій круглолицый мужикъ, указывая на лексиконы, лежавшіе сверху.

Ростовъ, не желая навязывать свое знакомство княжнѣ, не пошелъ къ ней, а остался въ деревнѣ, ожидая ея выѣзда. Дождавшись выѣзда экипажей княжны Марьи изъ дома, Ростовъ сѣлъ верхомъ и до пути, занятаго нашими войсками, въ двѣнадцати верстахъ отъ Богучарова, верхомъ провожалъ ее. Въ Янковѣ, на постояломъ дворѣ, онъ простился съ нею почтительно, въ первый разъ позволивъ себѣ поцѣловать ея руку.

— Какъ вамъ не совѣстно, — краснѣя отвѣчалъ онъ княжнѣ Марьѣ на выраженіе благодарности за ея спасеніе (какъ она называла его поступокъ), — каждый становой сдѣлалъ бы то же. Если бы намъ только приходилось воевать съ мужиками, мы бы не допустили такъ далеко непріятеля, — говорилъ онъ, стыдясь чего-то и стараясь перемѣнить разговоръ. — Я счастливъ только, что имѣлъ случай познакомиться съ вами. Прощайте, княжна, желаю вамъ счастья и утѣшенія и желаю встрѣтиться съ вами въ болѣе счастливыхъ условіяхъ. Ежели вы не хотите заставить краснѣть меня, пожалуйста, не благодарите.

Но княжна, если не благодарила болѣе словами, благодарила его всѣмъ выраженіемъ своего сіявшаго благодарностью

и нѣжностью лица. Она не могла вѣрить ему, что ей не за что благодарить его. Напротивъ, для нея несомнѣнно было то, что ежели бы его не было, то она навѣрное должна была бы погибнуть и отъ бунтовщиковъ и отъ французовъ; что *онъ* для того, чтобы спасти ее, подвергалъ себя самымъ очевиднымъ и страшнымъ опасностямъ; и еще несомнѣннѣе было то, что онъ былъ человѣкъ съ высокой и благородной душой, который умѣлъ понять ея положеніе и горе. Его добрые, честные глаза съ выступившими на нихъ слезами въ то время, какъ она, сама заплакавъ, говорила съ нимъ о своей потерѣ, не выходили изъ ея воображенія.

Когда она простилась съ нимъ и осталась одна, княжна Марья вдругъ почувствовала въ глазахъ слезы, и тутъ ужъ не въ первый разъ ей представился странный вопросъ: любитъ ли она его?

По дорогѣ дальше къ Москвѣ, несмотря на то, что положеніе княжны было нерадостно, Дуняша, ѣхавшая съ ней въ каретѣ, не разъ замѣчала, что княжна, высунувшись въ окно кареты, чему-то радостно и грустно улыбалась.

«Ну, что же, ежели бы я и полюбила его?» думала княжна Марья.

Какъ ни стыдно ей было признаться себѣ, что она первая полюбила человѣка, который, можетъ-быть, никогда не полюбитъ ея, она утѣшала себя мыслью, что никто никогда не узнаетъ этого и что она не будетъ виновата, ежели будетъ до конца жизни, никому не говоря о томъ, любить того, котораго она любила въ первый и послѣдній разъ.

Иногда она вспоминала его взгляды, его участіе, его слова, и ей казалось счастье не невозможнымъ. И тогда-то Дуняша замѣчала, что она улыбаясь глядѣла въ окно кареты.

«И надо было ему пріѣхать въ Богучарово, и въ эту самую минуту!» думала княжна Марья. «И надо было его сестрѣ отказать князю Андрею!» И во всемъ этомъ княжна Марья видѣла волю Провидѣнія.

Впечатлѣніе, произведенное на Ростова княжной Марьей, было очень пріятное. Когда онъ вспоминалъ про нее, ему становилось весело, и когда товарищи, узнавъ о бывшемъ съ нимъ приключеніи въ Богучаровѣ, шутили ему, что онъ, поѣхавъ за сѣномъ, подцѣпилъ одну изъ самыхъ богатыхъ невѣстъ въ Россіи, Ростовъ сердился. Онъ сердился именно потому, что мысль о женитьбѣ на пріятной для него, кроткой княжнѣ Марьѣ, съ огромнымъ состояніемъ, не разъ противъ его воли приходила ему въ голову. Для себя лично Николай не могъ желать жены лучше

княжны Марьи: женитьба на ней сдѣлала бы счастье графини, его матери, и поправила бы дѣла его отца, и даже—Николай чувствовалъ это—сдѣлала бы счастье княжны Марьи.

Но Соня? И данное слово? И отъ этого-то Ростовъ сердился, когда ему шутили о княжнѣ Болконской.

XV.

Принявъ командованіе надъ арміями, Кутузовъ вспомнилъ о князѣ Андреѣ и послалъ ему приказаніе прибыть въ главную квартиру.

Князь Андрей пріѣхалъ въ Царево-Займище въ тотъ самый день и въ то самое время дня, когда Кутузовъ дѣлалъ первый смотръ войскамъ. Князь Андрей остановился въ деревнѣ у дома священника, у котораго стоялъ экипажъ главнокомандующаго, и сѣлъ на лавочкѣ у воротъ, ожидая свѣтлѣйшаго, какъ всѣ называли теперь Кутузова. На полѣ за деревней слышны были то звуки полковой музыки, то ревъ огромнаго количества голосовъ, кричавшихъ «ура!» новому главнокомандующему. Тутъ же у воротъ, шагахъ въ 10-ти отъ князя Андрея, пользуясь отсутствіемъ князя и прекрасной погодой, стояли два денщика, курьеръ и дворецкій. Черноватый, обросшій усами и бакенбардами, маленькій гусарскій подполковникъ подъѣхалъ къ воротамъ и, взглянувъ на князя Андрея, спросилъ: здѣсь ли стоитъ свѣтлѣйшій и скоро ли онъ будетъ?

Князь Андрей сказалъ, что онъ не принадлежитъ къ штабу свѣтлѣйшаго и тоже пріѣзжій. Гусарскій подполковникъ обратился къ нарядному денщику, и денщикъ главнокомандующаго сказалъ ему съ той особенной презрительностью, съ которой говорятъ денщики главнокомандующихъ съ офицерами:

— Что? Свѣтлѣйшій? Должно-быть, сейчасъ будетъ. Вамъ что?

Гусарскій подполковникъ усмѣхнулся въ усы на тонъ денщика, слѣзъ съ лошади, отдалъ ее вѣстовому и подошелъ къ Болконскому, слегка поклонившись ему. Болконскій посторонился на лавкѣ. Гусарскій подполковникъ сѣлъ подлѣ него.

— Тоже дожидаетесь главнокомандующаго?—заговорилъ гусарскій подполковникъ.—Говог'ятъ, всѣмъ доступенъ, слава Богу. А то съ колбасниками бѣда! Не даг'омъ Ег'моловъ въ нѣмцы пг'осился. Тепег'ь, авось, и г'усскимъ говог'ить можно будетъ. А то чог'тъ знаетъ, что дѣлали. Все отступали—все отступали. Вы дѣлали походъ?—спросилъ онъ.

— Имѣлъ удовольствіе, — отвѣчалъ князь Андрей, — не только участвовать въ отступленіи, но и потерять въ этомъ отступленіи все, что имѣлъ дорогого, не говоря объ имѣніяхъ и родномъ домѣ... отца, который умеръ съ горя. Я смоленскій.

— А?.. Вы князь Болконскій? Очень г'адъ познакомиться: подполковникъ Денисовъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Васьки,—сказалъ Денисовъ, пожимая руку князя Андрея и съ особенно добрымъ вниманіемъ вглядываясь въ лицо Болконскаго.— Да, я слышалъ,—сказалъ онъ съ сочувствіемъ и, помолчавъ немного, продолжалъ: — Вотъ и скиѳская война. Это все хог'ошо, только не для тѣхъ, кто своими боками отдувается. А вы князь Андг'ей Болконскій? — Онъ покачалъ головой.—Очень г'адъ, князь, очень г'адъ познакомиться, — прибавилъ онъ опять съ грустной улыбкой, пожимая ему руку.

Князь Андрей зналъ Денисова по разсказамъ Наташи о ея первомъ женихѣ. Это воспоминаніе и сладко и больно перенесло его теперь къ тѣмъ болѣзненнымъ ощущеніямъ, о которыхъ онъ послѣднее время давно уже не думалъ, но которыя все-таки были въ его душѣ. Въ послѣднее время столько другихъ и такихъ серьезныхъ впечатлѣній, какъ оставленіе Смоленска, его пріѣздъ въ Лысыя Горы, недавнее извѣстіе о смерти отца,— столько ощущеній было испытано имъ, что эти воспоминанія уже давно не приходили ему и, когда пришли, далеко не подѣйствовали на него съ прежней силой. И для Денисова тотъ рядъ воспоминаній, которыя вызвало имя Болконскаго, было далекое поэтическое прошедшее, когда онъ, послѣ ужина и пѣнія Наташи, самъ не зная какъ, сдѣлалъ предложеніе пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ. Онъ улыбнулся воспоминаніямъ того времени и своей любви къ Наташѣ и тотчасъ же перешелъ къ тому, что страстно и исключительно теперь занимало его. Это былъ планъ кампаніи, который онъ придумалъ, служа во время отступленія на аванпостахъ. Онъ представлялъ этотъ планъ Барклаю-де-Толли и теперь намѣренъ былъ представить его Кутузову. Планъ основывался на томъ, что операціонная линія французовъ слишкомъ растянута и что, вмѣсто того или вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать съ фронта, загораживая дорогу французамъ, нужно было дѣйствовать на ихъ сообщенія. Онъ началъ разъяснять свой планъ князю Андрею.

— Они не могутъ удег'жать всей этой линіи. Это невозможно, я отвѣчаю, что пг'ог'ву ихъ; дайте мнѣ 500 человѣкъ, я г'азог'ву ихъ, это вѣг'но! Одна система — паг'тизанская.

Денисовъ всталъ и, дѣлая жесты, излагалъ свой планъ Болконскому. Въ срединѣ его изложенія крики арміи, болѣе не-

складные, болѣе распространенные и сливающіеся съ музыкой и пѣснями, послышались на мѣстѣ смотра. На деревнѣ послышался топотъ и крики.

— Самъ ѣдетъ, — крикнулъ казакъ, стоявшій у воротъ,— ѣдетъ!

Болконскій и Денисовъ подвинулись къ воротамъ, у которыхъ стояла кучка солдатъ (почетный караулъ), и увидали подвигавшагося по улицѣ Кутузова верхомъ на невысокой гнѣдой лошадкѣ. Огромная свита генераловъ ѣхала за нимъ. Барклай ѣхалъ почти рядомъ; толпа офицеровъ бѣжала за ними и вокругъ нихъ и кричала «ура!»

Впередъ его во дворъ проскакали адъютанты. Кутузовъ, нетерпѣливо подталкивая свою лошадь, плывшую иноходью подъ его тяжестью, и безпрестанно кивая головой, прикладывалъ руку къ бѣлой кавалергардской (съ бѣлымъ околышемъ и безъ козырька) фуражкѣ, которая была на немъ. Подъѣхавъ къ почетному караулу молодцовъ-гренадеровъ, большею частью кавалеровъ, отдававшихъ ему честь, онъ съ минуту молча, внимательно посмотрѣлъ на нихъ начальническимъ упорнымъ взглядомъ и обернулся къ толпѣ генераловъ и офицеровъ, стоявшихъ вокругъ него. Лицо его вдругъ приняло тонкое выраженіе; онъ вздернулъ плечами съ жестомъ недоумѣнія.

— И съ такими молодцами все отступать и отступать! — сказалъ онъ. — Ну, до свиданія, генералъ, — прибавилъ онъ и тронулъ лошадь въ ворота мимо князя Андрея и Денисова.

— Ура! ура! ура! — кричали сзади него.

Съ тѣхъ поръ, какъ не видалъ его князь Андрей, Кутузовъ еще потолстѣлъ, обрюзгъ и оплылъ жиромъ. Но знакомый ему бѣлый глазъ и рана и выраженіе усталости въ его лицѣ и фигурѣ были тѣ же. Онъ былъ одѣтъ въ мундирный сюртукъ (плеть на тонкомъ ремнѣ висѣла черезъ плечо) и въ бѣлой кавалергардской фуражкѣ. Онъ, тяжело расплываясь и раскачиваясь, сидѣлъ на своей бодрой лошадкѣ. «Фю... фю... фю...» засвисталъ онъ чуть слышно, въѣзжая на дворъ. На лицѣ его выражалась радость успокоенія человѣка, намѣревающагося отдохнуть послѣ представительства. Онъ вынулъ лѣвую ногу изъ стремени, повалившись всѣмъ тѣломъ и поморщившись отъ усилія, съ трудомъ занесъ ее на сѣдло, облокотился колѣнкой, крякнулъ и спустился на руки къ казакамъ и адъютантамъ, поддерживавшимъ его.

Онъ оправился, оглянулся своими сощуренными глазами и, взглянувъ на князя Андрея, видимо не узнавъ его, зашагалъ своей ныряющей походкой къ крыльцу. «Фю...фю...фю...» про-

свисталъ онъ и опять оглянулся на князя Андрея. Впечатлѣніе лица князя Андрея только послѣ нѣсколькихъ секундъ (какъ это часто бываетъ у стариковъ) связалось съ воспоминаніемъ о его личности.

— А, здравствуй, князь; здравствуй, голубчикъ; пойдемъ...— устало проговорилъ онъ, оглядываясь, и тяжело вошелъ на скрипящее подъ его тяжестью крыльцо.

Онъ разстегнулся и сѣлъ на лавочку, стоявшую на крыльцѣ.

— Ну, что̀ отецъ?

— Вчера получилъ извѣстіе о его кончинѣ, — коротко сказалъ князь Андрей.

Кутузовъ испуганно-открытыми глазами посмотрѣлъ на князя Андрея, потомъ снялъ фуражку и перекрестился:

— Царство ему небесное! Да будетъ воля Божія надъ всѣми нами!—Онъ тяжело, всею грудью, вздохнулъ и помолчалъ. — Я его глубоко любилъ и уважалъ и сочувствую тебѣ всей душой.

Онъ обнялъ князя Андрея, прижалъ его къ своей жирной груди и долго не отпускалъ отъ себя. Когда онъ отпустилъ его, князь Андрей увидалъ, что расплывшіяся губы Кутузова дрожали и на глазахъ были слезы. Онъ вздохнулъ и взялся обѣими руками за лавку, чтобы встать.

— Пойдемъ, пойдемъ ко мнѣ, поговоримъ,—сказалъ онъ.

Но въ это время Денисовъ, такъ же мало робѣвшій передъ начальствомъ, какъ и передъ непріятелемъ, несмотря на то, что адъютанты у крыльца сердитымъ шопотомъ останавливали его, смѣло, стуча шпорами по ступенькамъ, взошелъ на крыльцо. Кутузовъ, оставивъ руки упертыми на лавку, недовольно смотрѣлъ на Денисова. Денисовъ, назвавъ себя, объявилъ, что имѣетъ сообщить его свѣтлости дѣло большой важности для блага отечества. Кутузовъ усталымъ взглядомъ сталъ смотрѣть на Денисова и, досадливымъ жестомъ принявъ руки и сложивъ ихъ на животѣ, повторилъ: «Для блага отечества? Ну, что такое? Говори». Денисовъ покраснѣлъ какъ дѣвушка (такъ странно было видѣть краску на этомъ усатомъ, старомъ и пьяномъ лицѣ) и смѣло началъ излагать свой планъ разрѣзанія операціонной линіи непріятеля между Смоленскомъ и Вязьмой. Денисовъ жилъ въ этихъ краяхъ и зналъ хорошо мѣстность. Планъ его казался несомнѣнно хорошимъ, въ особенности по той силѣ убѣжденія, которая была въ его словахъ. Кутузовъ смотрѣлъ себѣ на ноги и изрѣдка оглядывался на дворъ сосѣдней избы, какъ будто онъ ждалъ чего-то непріятнаго оттуда. Изъ избы, на которую онъ смотрѣлъ, дѣйствительно, во время рѣчи Денисова, показался генералъ съ портфелемъ подъ мышкой.

— Что?—въ серединѣ изложенія Денисова проговорилъ Кутузовъ,—уже готовы?

— Готовъ, ваша свѣтлость,—сказалъ генералъ.

Кутузовъ покачалъ головой, какъ бы говоря: «какъ это все успѣть одному человѣку», и продолжалъ слушать Денисова.

— Даю честное благог'одное слово г'усскаго офицег'а,—говорилъ Денисовъ,—что я г'азог'ву сообщенія Наполеона.

— Тебѣ Кириллъ Андреевичъ Денисовъ, оберъ-интендантъ, какъ приходится?—перебилъ его Кутузовъ.

— Дядя г'одной, ваша свѣтлость.

— О! пріятели были,—весело сказалъ Кутузовъ.—Хорошо, хорошо, голубчикъ; оставайся тутъ, при штабѣ; завтра поговоримъ.

Кивнувъ головой Денисову, онъ отвернулся и протянулъ руку къ бумагамъ, которыя принесъ ему Коновницынъ.

— Не угодно ли вашей свѣтлости пожаловать въ комнаты,—недовольнымъ голосомъ сказалъ дежурный генералъ:—необходимо разсмотрѣть планы и подписать нѣкоторыя бумаги.

Вышедшій изъ двери адъютантъ доложилъ, что въ квартирѣ все было готово. Но Кутузову, видимо, хотѣлось войти въ комнаты уже свободнымъ. Онъ поморщился...

— Нѣтъ, вели подать, голубчикъ, сюда столикъ; я тутъ посмотрю,—сказалъ онъ.—Ты не уходи,—прибавилъ онъ, обращаясь къ князю Андрею.

Князь Андрей остался на крыльцѣ, слушая дежурнаго генерала.

Во время доклада за входною дверью князь Андрей услышалъ женское шептанье и хрустѣніе женскаго шелковаго платья. Нѣсколько разъ взглянувъ по тому направленію, онъ замѣчалъ за дверью, въ розовомъ платьѣ и лиловомъ шелковомъ платкѣ на головѣ, полную, румяную и красивую женщину съ блюдомъ, которая, очевидно, ожидала входа главнокомандующаго. Адъютантъ Кутузова шопотомъ объяснилъ князю Андрею, что это была хозяйка дома, попадья, которая намѣревалась подать хлѣбъ-соль его свѣтлости. Мужъ ея встрѣтилъ свѣтлѣйшаго съ крестомъ въ церкви, а она дома... «Очень хорошенькая», прибавилъ адъютантъ съ улыбкой. Кутузовъ оглянулся на эти слова. Кутузовъ слушалъ докладъ дежурнаго генерала (главнымъ предметомъ котораго была критика позиціи при Царевѣ-Займищѣ) такъ же, какъ онъ слушалъ Денисова, такъ же, какъ онъ слушалъ семь лѣтъ тому назадъ пренія Аустерлицкаго военнаго совѣта. Онъ, очевидно, слушалъ только оттого, что у него были уши, которыя, несмотря на то, что въ одномъ изъ нихъ

былъ морской канатъ, не могли не слышать; но очевидно было, что ничто изъ того, что̀ могъ сказать ему дежурный генералъ, не могло не только удивить или заинтересовать его, но что онъ зналъ впередъ все, что̀ ему скажутъ, и слушалъ все это только потому, что надо прослушать, какъ надо прослушать поющійся молебенъ. Все, что говорилъ Денисовъ, было дѣльно и умно. То, что говорилъ дежурный генералъ, было еще дѣльнѣе и умнѣе, но очевидно было, что Кутузовъ презиралъ и знаніе и умъ и зналъ что-то другое, что должно было рѣшить дѣло,— что-то другое, независимое отъ ума и знанія. Князь Андрей внимательно слѣдилъ за выраженіемъ лица главнокомандующаго, и единственное выраженіе, которое онъ могъ замѣтить въ немъ, было выраженіе скуки, любопытства къ тому, что такое означалъ женскій шопотъ за дверью, и желаніе соблюсти приличіе. Очевидно было, что Кутузовъ презиралъ умъ и знаніе и даже патріотическое чувство, которое выказывалъ Денисовъ, но презиралъ не умомъ, не чувствомъ, не знаніемъ (потому что онъ и не старался выказывать ихъ), а онъ презиралъ ихъ чѣмъ-то другимъ. Онъ презиралъ ихъ своею старостью, своею опытностью жизни. Одно распоряженіе, которое отъ себя въ этотъ докладъ сдѣлалъ Кутузовъ, относилось до мародерства русскихъ войскъ. Дежурный генералъ въ концѣ доклада представилъ свѣтлѣйшему къ подписи бумагу о взысканіи съ армейскихъ начальниковъ по прошенію помѣщика за скошенный зеленый овесъ.

Кутузовъ зачмокалъ губами и закачалъ головой, выслушавъ это дѣло.

— Въ печку... въ огонь. И разъ навсегда тебѣ говорю, голубчикъ, — сказалъ онъ,—всѣ эти дѣла въ огонь. Пускай косятъ хлѣбъ и жгутъ дрова на здоровье. Я этого не приказываю и не позволяю, но и взыскивать не могу. Безъ этого нельзя. Дрова рубятъ — щепки летятъ. — Онъ взглянулъ еще разъ на бумагу. — О, аккуратность нѣмецкая! — проговорилъ онъ, качая головой.

XVI.

— Ну, теперь все,—сказалъ Кутузовъ, подписывая послѣднюю бумагу, и, тяжело поднявшись и расправляя складки своей бѣлой, пухлой шеи, съ повеселѣвшимъ лицомъ направился къ двери.

Попадья, съ бросившеюся кровью въ лицо, схватилась за блюдо, которое, несмотря на то, что оно такъ долго пригото-

влялось, она все-таки не успѣла подать во-время. И съ низкимъ поклономъ она поднесла его Кутузову.

Глаза Кутузова прищурились; онъ улыбнулся, взялъ рукой ее за подбородокъ и сказалъ:

— И красавица какая! Спасибо, голубушка.

Онъ досталъ изъ кармана шароваръ нѣсколько золотыхъ и положилъ ей на блюдо. «Ну что, какъ живешь?» сказалъ Кутузовъ, направляясь къ отведенной для него комнатѣ. Попадья, улыбаясь ямочками на румяномъ лицѣ, прошла за нимъ въ горницу. Адъютантъ вышелъ къ князю Андрею на крыльцо и приглашалъ его завтракать; черезъ полчаса князя Андрея позвали опять къ Кутузову. Кутузовъ лежалъ на креслѣ въ томъ же разстегнутомъ сюртукѣ. Онъ держалъ въ рукѣ французскую книгу и при входѣ князя Андрея, заложивъ ее ножомъ, свернулъ. Это были «Les chevaliers du Cygne», сочиненіе madame de Genlis, какъ увидалъ князь Андрей по оберткѣ.

— Ну, садись, садись тутъ, поговоримъ, — сказалъ Кутузовъ. — Грустно, очень грустно. Но помни, дружокъ, что я тебѣ отецъ, другой отецъ...

Князь Андрей разсказалъ Кутузову все, что онъ зналъ о кончинѣ своего отца, и о томъ, что онъ видѣлъ въ Лысыхъ Горахъ, проѣзжая черезъ нихъ.

— До чего... до чего довели! — проговорилъ вдругъ Кутузовъ взволнованнымъ голосомъ, очевидно ясно представивъ себѣ изъ разсказа князя Андрея положеніе, въ которомъ находилась Россія.

— Дай срокъ, дай срокъ,—прибавилъ онъ съ злобнымъ выраженіемъ лица и, очевидно, не желая продолжать этого волновавшаго его разговора, сказалъ: — Я тебя вызвалъ, чтобы оставить при себѣ.

— Благодарю вашу свѣтлость,—отвѣчалъ князь Андрей,— но я боюсь, что не гожусь больше для штабовъ, — сказалъ онъ съ улыбкой, которую Кутузовъ замѣтилъ.

Кутузовъ вопросительно посмотрѣлъ на него.

— А главное, — прибавилъ князь Андрей,—я привыкъ къ полку, полюбилъ офицеровъ, и люди меня, кажется, полюбили. Мнѣ бы жалко было оставить полкъ! Ежели я отказываюсь отъ чести быть при васъ, то повѣрьте...

Умное, доброе и вмѣстѣ съ тѣмъ тонко-насмѣшливое выраженіе свѣтилось на пухломъ лицѣ Кутузова. Онъ перебилъ Болконскаго.

— Жалѣю, ты бы мнѣ нуженъ былъ; но ты правъ, ты правъ. Намъ не сюда люди нужны. Совѣтчиковъ всегда много, а людей

нѣтъ. Не такіе бы полки были, если бы всѣ совѣтчики служили тамъ, въ полкахъ, какъ ты. Я тебя съ Аустерлица помню... Помню, помню, съ знаменемъ помню, — сказалъ Кутузовъ, и радостная краска бросилась въ лицо князя Андрея при этомъ воспоминаніи.

Кутузовъ притянулъ его за руку, подставляя ему щеку, и опять князь Андрей на глазахъ старика увидалъ слезы. Хотя князь Андрей и зналъ, что Кутузовъ былъ слабъ на слезы и что онъ особенно ласкаетъ его и жалѣетъ вслѣдствіе желанія выказать сочувствіе къ его потерѣ, но князю Андрею и радостно и лестно было это воспоминаніе объ Аустерлицѣ.

— Иди съ Богомъ своей дорогой. Я знаю, твоя дорога—это дорога чести. — Онъ помолчалъ. — Я жалѣлъ о тебѣ въ Букарештѣ: мнѣ послать надо было.—И, перемѣнивъ разговоръ, Кутузовъ началъ говорить о турецкой войнѣ и о заключенномъ мирѣ.—Да, не мало упрекали меня,—сказалъ Кутузовъ,—и за войну и за миръ... а все пришло во-время. Tout vient à point à celui qui sait attendre [1]). А и тамъ совѣтчиковъ не меньше было, чѣмъ здѣсь...—продолжалъ онъ, возвращаясь къ совѣтчикамъ, которые, видимо, занимали его.—Охъ, совѣтчики, совѣтчики!—сказалъ онъ,—если бы всѣхъ слушать, мы бы тамъ въ Турціи и мира не заключили, да и войны бы не кончили. Все поскорѣе, а скорое на долгое выходитъ. Если бы Каменскій не умеръ, онъ бы пропалъ. Онъ съ тридцатью тысячами штурмовалъ крѣпости. Взять крѣпость не трудно, трудно кампанію выиграть. А для этого не нужно штурмовать и атаковать, а нужно *терпѣніе и время*. Каменскій на Рущукъ солдатъ послалъ, а я ихъ однихъ (терпѣніе и время) посылалъ и взялъ больше крѣпостей, чѣмъ Каменскій, и лошадиное мясо турокъ ѣсть заставилъ.—Онъ покачалъ головой.— И французы тоже будутъ, вѣрь моему слову,—воодушевляясь, проговорилъ Кутузовъ, ударяя себя въ грудь,—будутъ у меня лошадиное мясо ѣсть. — И опять глаза его заслонились слезами.

— Однако должно же будетъ принять сраженіе? — сказалъ князь Андрей.

— Должно будетъ, если всѣ этого захотятъ; нечего дѣлать... А вѣрь, голубчикъ: нѣтъ сильнѣе тѣхъ двухъ воиновъ, *терпѣніе и время*; тѣ все сдѣлаютъ. Да совѣтчики n'entendent pas de cette oreille, voilà le mal [2]). Одни хотятъ, другіе не хотятъ. Что же дѣлать? — спросилъ онъ, видимо ожидая отвѣта. — Да,

---

[1]) Все приходитъ во-время для того, кто умѣетъ ждать.

[2]) Этимъ ухомъ не слышать, — вотъ въ чемъ горе.

что ты велишь дѣлать? — повторилъ онъ, и глаза его блестѣли глубокимъ, умнымъ выраженіемъ.—Я тебѣ скажу, что дѣлать,— проговорилъ онъ, такъ какъ князь Андрей все-таки не отвѣчалъ. — Я тебѣ скажу, что дѣлать, и что я дѣлаю. Dans le doute, mon cher,—онъ помолчалъ,—abstiens toi [1]),—выговорилъ онъ съ разстановкой.—Ну, прощай, дружокъ; помни, что я всей душой несу съ тобой твою потерю и что я тебѣ не свѣтлѣйшій, не князь и не главнокомандующій, а я тебѣ отецъ. Ежели что нужно, прямо ко мнѣ. Прощай, голубчикъ!

Онъ опять обнялъ и поцѣловалъ его. И еще князь Андрей не успѣлъ выйти въ дверь, какъ Кутузовъ успокоительно вздохнулъ и взялся опять за неоконченный романъ мадамъ Жанлисъ «Les chevaliers du Cygne».

Какъ и отчего это случилось, князь Андрей не могъ бы никакъ объяснить, но послѣ этого свиданія съ Кутузовымъ онъ вернулся къ своему полку успокоенный насчетъ общаго хода дѣлъ и насчетъ того, кому оно ввѣрено было. Чѣмъ больше онъ видѣлъ отсутствіе всего личнаго въ этомъ старикѣ, въ которомъ оставались какъ будто однѣ привычки страстей и, вмѣсто ума (группирующаго событія и дѣлающаго выводы), одна способность спокойнаго созерцанія хода событій, тѣмъ болѣе онъ былъ спокоенъ за то, что все будетъ такъ, какъ должно быть. «У него не будетъ ничего своего. Онъ ничего не придумаетъ, ничего не предприметъ», думалъ князь Андрей, «но онъ все выслушаетъ, все запомнитъ, все поставитъ на свое мѣсто, ничему полезному не помѣшаетъ и ничего вреднаго не позволитъ. Онъ понимаетъ, что есть что-то сильнѣе и значительнѣе его воли,—это неизбѣжный ходъ событій; и онъ умѣетъ видѣть ихъ, умѣетъ понимать ихъ значеніе и, въ виду этого значенія, умѣетъ отрекаться отъ участія въ этихъ событіяхъ, отъ своей личной воли, направленной на другое. «А главное», думалъ князь Андрей, «почему вѣришь ему, это то, что онъ русскій, несмотря на романъ Жанлисъ и французскія поговорки; это то, что голосъ его задрожалъ, когда онъ сказалъ: «до чего довели!» и что онъ захлипалъ, говоря о томъ, что онъ «заставитъ ихъ ѣсть лошадиное мясо».

На этомъ же чувствѣ, которое болѣе или менѣе смутно испытывали всѣ, и основано было то единомысліе и общее одобреніе, которое сопутствовало народному, противному придворнымъ соображеніямъ, избранію Кутузова въ главнокомандующіе.

---

[1]) Въ нерѣшительности, мой другъ, воздерживайся.

XVII.

Послѣ отъѣзда государя изъ Москвы московская жизнь потекла прежнимъ обычнымъ порядкомъ, и теченіе этой жизни было такъ обычно, что трудно было вспомнить о бывшихъ дняхъ патріотическаго восторга и увлеченія и трудно было вѣрить, что дѣйствительно Россія въ опасности и что члены Англійскаго клуба суть вмѣстѣ съ тѣмъ и сыны отечества, готовые для него на всякую жертву. Одно, что̀ напоминало о бывшемъ во время пребыванія государя въ Москвѣ общемъ восторженно-патріотическомъ настроеніи, было требованіе пожертвованій людьми и деньгами, которыя, какъ скоро они были сдѣланы, облеклись въ законную, офиціальную форму и казались неизбѣжны.

Съ приближеніемъ непріятеля къ Москвѣ взглядъ москвичей на свое положеніе не только не дѣлался серьезнѣе, но, напротивъ, еще легкомысленнѣе, какъ это всегда бываетъ съ людьми, которые видятъ приближающуюся большую опасность. При приближеніи опасности всегда два голоса одинаково сильно говорятъ въ душѣ человѣка: одинъ всегда разумно говоритъ о томъ, чтобы человѣкъ обдумалъ самое свойство опасности и средства для избавленія отъ нея; другой еще разумнѣе говоритъ, что слишкомъ тяжело и мучительно думать объ опасности, тогда какъ предвидѣть все и спастись отъ общаго хода дѣла не во власти человѣка, и потому лучше отвернуться отъ тяжелаго до тѣхъ поръ, пока оно не наступило, и думать о пріятномъ. Въ одиночествѣ человѣкъ большею частью отдается первому голосу, въ обществѣ, напротивъ, второму. Такъ было и теперь съ жителями Москвы. Давно такъ не веселились въ Москвѣ, какъ этотъ годъ.

Растопчинскія афишки съ изображеніемъ вверху питейнаго дома, цѣловальника и московскаго мѣщанина Карпушки Чигирина, *который, бывъ въ ратникахъ и выпивъ лишній крючокъ на тычкѣ, услыхалъ, будто Бонапартъ хочетъ идти на Москву, разсердился, разругалъ скверными словами всѣхъ французовъ, вышелъ изъ питейнаго дома и заговорилъ подъ орломъ собравшемуся народу,* читались и обсуждались наравнѣ съ послѣднимъ буриме Василія Львовича Пушкина.

Въ клубѣ, въ угловой комнатѣ, собирались читать эти афиши, и нѣкоторымъ нравилось, какъ Карпушка подтрунивалъ надъ французами, говоря, что они *отъ капусты раздуются, отъ каши перелопаются, отъ щей задохнутся, что они все карлики и что ихъ троихъ одна баба вилами закинетъ.* Нѣкоторые не

одобряли этого тона и говорили, что это пошло и глупо. Разсказывали о томъ, что французовъ и даже всѣхъ иностранцевъ Растопчинъ выслалъ изъ Москвы, что между ними шпіоны и агенты Наполеона; но разсказывали это преимущественно для того, чтобы при этомъ случаѣ передать остроумныя слова, сказанныя Растопчинымъ при ихъ отправленіи. Иностранцевъ отправляли на баркѣ въ Нижній, и Растопчинъ сказалъ имъ: «Rentrez en vous-même, entrez dans la barque et n'en faites pas une barque de Charon»[1]). Разсказывали, что уже выслали изъ Москвы всѣ присутственныя мѣста, и тутъ же прибавляли шутку Шиншина, что за это одно Москва должна быть благодарна Наполеону. Разсказывали, что Мамонову его полкъ будетъ стоить 800 тысячъ; что Безуховъ еще больше затратилъ на своихъ ратниковъ; но что лучше всего въ поступкѣ Безухова—это то, что онъ самъ одѣнется въ мундиръ и поѣдетъ верхомъ передъ полкомъ и ничего не будетъ брать за мѣста съ тѣхъ, которые будутъ смотрѣть на него.

— Вы никому не дѣлаете милости,—сказала Жюли Друбецкая, собирая и прижимая кучку нащипанной корпіи тонкими пальцами, покрытыми кольцами.

Жюли собиралась на другой день уѣзжать изъ Москвы и дѣлала прощальный вечеръ.

— Безуховъ est ridicule[2]), но онъ такъ добръ, такъ милъ. Что за удовольствіе быть такъ caustique?[3])

— Штрафъ!—сказалъ молодой человѣкъ въ ополченскомъ мундирѣ, котораго Жюли называла «mon chevalier»[4]) и который съ нею вмѣстѣ ѣхалъ въ Нижній.

Въ обществѣ Жюли, какъ и во многихъ обществахъ Москвы, было положено говорить только по-русски, и тѣ, которые ошибались, говоря французскія слова, платили штрафъ въ пользу комитета пожертвованій.

— Другой штрафъ за галлицизмъ,—сказалъ русскій писатель, бывшій въ гостиной.—«Удовольствіе быть» не по-русски.

— Вы никому не дѣлаете милости,—продолжала Жюли къ ополченцу, не обращая вниманія на замѣчаніе сочинителя.—За caustique виновата,—сказала она,—и плачу, но за удовольствіе сказать вамъ правду я готова еще заплатить; за галлицизмы не отвѣчаю,—обратилась она къ сочинителю:—у меня

---

1) Войдите сами въ себя (т.-е. будьте скрытны), войдите въ барку и старайтесь, чтобы эта барка не сдѣлалась для васъ баркой Харона.

2) Смѣшонъ.

3) Злоязычнымъ.

4) Мой рыцарь.

нѣтъ ни денегъ, ни времени, какъ у князя Голицына, взять учителя и учиться по-русски. А вотъ и онъ, — сказала Жюли.— Quand on... [1]). Нѣтъ, нѣтъ, — обратилась она къ ополченцу,— не поймаете. Когда говорятъ про солнце, видятъ его лучи, — сказала хозяйка, любезно улыбаясь Пьеру. — Мы только говорили о васъ, — со свойственной свѣтскимъ женщинамъ свободой лжи сказала Жюли. — Мы говорили, что вашъ полкъ, вѣрно, будетъ лучше Мамоновскаго.

— Ахъ, не говорите мнѣ про мой полкъ,—отвѣчалъ Пьеръ, цѣлуя руку хозяйки и садясь подлѣ нея.—Онъ мнѣ такъ надоѣлъ.

— Вы вѣдь, вѣрно, сами будете командовать имъ?—сказала Жюли, хитро и насмѣшливо переглянувшись съ ополченцемъ.

Ополченецъ въ присутствіи Пьера не былъ уже такъ caustique, и въ лицѣ его выразилось недоумѣніе къ тому, что̀ означала улыбка Жюли. Несмотря на свою разсѣянность и добродушіе, личность Пьера прекращала тотчасъ же всякія попытки на насмѣшку въ его присутствіи.

— Нѣтъ,—смѣясь отвѣчалъ Пьеръ, оглядывая свое большое, толстое тѣло.—Въ меня слишкомъ легко попасть французамъ, да и я боюсь, что не взлѣзу на лошадь.

Въ числѣ перебираемыхъ лицъ для предмета разговора общество Жюли попало на Ростовыхъ.

— Очень, говорятъ, плохи дѣла ихъ,—сказала Жюли.—И онъ такъ безтолковъ—самъ графъ. Разумовскіе хотѣли купить его домъ и подмосковную, и все это тянется. Онъ дорожится.

— Нѣтъ, кажется, на-дняхъ состоится продажа, — сказалъ кто-то.—Хотя теперь и безумно покупать что-нибудь въ Москвѣ.

— Отчего?—сказала Жюли.—Неужели вы думаете, что есть опасность для Москвы?

— Отчего же вы ѣдете?

— Я? Вотъ странно. Я ѣду потому... ну потому, что всѣ ѣдутъ; и потомъ — я не Іоанна д'Аркъ и не амазонка.

— Ну, да, да. Дайте мнѣ еще тряпочекъ.

— Ежели онъ сумѣетъ повести дѣла, онъ можетъ заплатить всѣ долги, — продолжалъ ополченецъ про Ростова.

— Добрый старикъ, но очень pauvre sire. И зачѣмъ они живутъ тутъ такъ долго? Они давно хотѣли ѣхать въ деревню. Натали, кажется, здорова теперь? — хитро улыбаясь, спросила Жюли у Пьера.

---

[1]) Когда...

— Они ждутъ меньшого сына, — сказалъ Пьеръ. — Онъ поступилъ въ казаки Оболенскаго и поѣхалъ въ Бѣлую Церковь. Тамъ формируется полкъ. А теперь они перевели его въ мой полкъ и ждутъ каждый день. Графъ давно хотѣлъ ѣхать, но графиня ни за что не согласна выѣхать изъ Москвы, пока не пріѣдетъ сынъ.

— Я ихъ третьяго дня видѣла у Архаровыхъ. Натали опять похорошѣла и повеселѣла. Она пѣла одинъ романсъ. Какъ все легко проходитъ у нѣкоторыхъ людей!

— Что проходитъ? — недовольно спросилъ Пьеръ.

Жюли улыбнулась.

— Вы знаете, графъ, что такіе рыцари, какъ вы, бываютъ только въ романахъ madame Suza.

— Какой рыцарь? Отчего? — краснѣя спросилъ Пьеръ.

— Ну, полноте, милый графъ, c'est la fable de tout Moscou. Je vous admire, ma parole d'honneur [1]).

— Штрафъ! Штрафъ! — сказалъ ополченецъ.

— Ну, хорошо. Нельзя говорить, какъ скучно!

— Qu'est-ce qui est la fable de tout Moscou? [2]) — вставая, сказалъ сердито Пьеръ.

— Полноте, графъ. Вы знаете!

— Ничего не знаю, — сказалъ Пьеръ.

— Я знаю, что вы дружны были съ Натали, и потому... Нѣтъ, я всегда дружнѣе съ Вѣрой. Cette chère Véra [3]).

— Non, madame, — продолжалъ Пьеръ недовольнымъ тономъ. — Я вовсе не взялъ на себя роль рыцаря Ростовой, и я уже почти мѣсяцъ не былъ у нихъ. Но я не понимаю жестокость...

— Qui s'excuse — s'accuse [4]), — улыбаясь и махая корпіей, говорила Жюли и, чтобъ за ней осталось послѣднее слово, сейчасъ же перемѣнила разговоръ. — Каково, я нынче узнала: бѣдная Мари Болконская пріѣхала вчера въ Москву. Вы слышали, она потеряла отца?

— Неужели! Гдѣ она? Я бы очень желалъ увидать ее, — сказалъ Пьеръ.

— Я вчера провела съ ней вечеръ. Она нынче или завтра утромъ ѣдетъ въ подмосковную съ племянникомъ.

— Ну, что она, какъ? — сказалъ Пьеръ.

---

[1]) Это знаетъ вся Москва. Я удивляюсь вамъ, честное слово.
[2]) Что знаетъ вся Москва?
[3]) Эта милая Вѣра.
[4]) Кто извиняется, тотъ самъ себя обвиняетъ.

— Ничего, грустна. Но знаете, кто ее спасъ? Это цѣлый романъ. Nicolas Ростовъ. Ее окружили, хотѣли убить, ранили ея людей. Онъ бросился и спасъ ее...

— Еще романъ, — сказалъ ополченецъ. — Рѣшительно, это общее бѣгство сдѣлано, чтобы всѣ старыя невѣсты шли замужъ. Catiche — одна, княжна Болконская — другая.

— Вы знаете, что я въ самомъ дѣлѣ думаю, что она un petit peu amoureuse du jeune homme [1]).

— Штрафъ! Штрафъ! Штрафъ!

— Но какъ же это по-русски сказать?

XVIII.

Когда Пьеръ вернулся домой, ему подали двѣ принесенныя въ этотъ день афиши Растопчина.

Въ первой говорилось о томъ, что слухъ, будто графомъ Растопчинымъ запрещенъ выѣздъ изъ Москвы, несправедливъ и что, напротивъ, графъ Растопчинъ радъ, что изъ Москвы уѣзжаютъ барыни и купеческія жены. «Меньше страху, меньше новостей», говорилось въ афишѣ, «но я жизнью отвѣчаю, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ». Эти слова въ первый разъ ясно показали Пьеру, что французы будутъ въ Москвѣ. Во второй афишѣ говорилось, что главная квартира наша въ Вязьмѣ, что графъ Витгенштейнъ побѣдилъ французовъ, но что такъ какъ многіе жители желаютъ вооружиться, то для нихъ есть приготовленное въ арсеналѣ оружіе: сабли, пистолеты, ружья, которые жители могутъ получать по дешевой цѣнѣ. Тонъ афишъ былъ уже не такой шутливый, какъ въ прежнихъ чигиринскихъ разговорахъ. Пьеръ задумался надъ этими афишами. Очевидно, та страшная грозовая туча, которую онъ призывалъ всѣми силами своей души и которая вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждала въ немъ невольный ужасъ, — очевидно, туча эта приближалась.

«Поступить въ военную службу и ѣхать въ армію или дождаться?» въ сотый разъ задавалъ себѣ Пьеръ этотъ вопросъ. Онъ взялъ колоду картъ, лежавшихъ у него на столѣ, и сталъ дѣлать пасьянсъ.

— Ежели выйдетъ этотъ пасьянсъ, — говорилъ онъ самъ себѣ, смѣшавъ колоду, держа ее въ рукѣ и глядя вверхъ, — ежели выйдетъ, то значитъ... что значитъ?..

---

[1]) Немножечко влюблена въ этого молодого человѣка.

Онъ не успѣлъ рѣшить, что значитъ, какъ за дверью кабинета послышался голосъ старшей княжны, спрашивающей, можно ли войти..

— Тогда будетъ значить, что я долженъ ѣхать въ армію, — договорилъ себѣ Пьеръ. — Войдите, войдите, — прибавилъ онъ, обращаясь къ княжнѣ.

(Одна старшая княжна, съ длинной таліей и окаменѣлымъ лицомъ, продолжала жить въ домѣ Пьера; двѣ меньшія вышли замужъ.)

— Простите, mon cousin, что я пришла къ вамъ, — сказала она укоризненно - взволнованнымъ голосомъ. — Вѣдь надо, наконецъ, на что-нибудь рѣшиться. Что жъ это будетъ такое? Всѣ выѣхали изъ Москвы, и народъ бунтуетъ. Что жъ мы остаемся?

— Напротивъ, все, кажется, благополучно, ma cousine,—сказалъ Пьеръ съ той привычкой шутливости, которую Пьеръ, всегда конфузно переносившій свою роль благодѣтеля передъ княжною, усвоилъ себѣ въ отношеніи къ ней.

— Да, это благополучно... хорошо благополучіе! Мнѣ нынче Варвара Ивановна поразсказала, какъ войска наши отличаются. Ужъ точно можно чести приписать. Да и народъ совсѣмъ взбунтовался, слушать перестаютъ; дѣвка моя, и та грубить стала. Этакъ скоро и насъ бить станутъ. По улицамъ ходить нельзя. А главное—нынче-завтра французы будутъ, что жъ намъ ждать? Я объ одномъ прошу, mon cousin,—сказала княжна,—прикажите свезти меня въ Петербургъ: какая я ни есть, а я подъ Бонапартовскою властью жить не могу.

— Да полноте, ma cousine, откуда вы почерпаете ваши свѣдѣнія? Напротивъ...

— Я вашему Наполеону не покорюсь. Другіе, какъ хотятъ... Ежели вы не хотите этого сдѣлать...

— Да я сдѣлаю, я сейчасъ прикажу.

Княжнѣ, видимо, досадно было, что не на кого было сердиться. Она, что-то шепча, присѣла на стулъ.

— Но вамъ это неправильно доносятъ,—сказалъ Пьеръ.— Въ городѣ все тихо, и опасности никакой нѣтъ. Вотъ я сейчасъ читалъ...—Пьеръ показалъ княжнѣ афишки.—Графъ пишетъ, что онъ жизнью отвѣчаетъ, что непріятель не будетъ въ Москвѣ.

— Ахъ, этотъ вашъ графъ,—съ злобой заговорила княжна,— это лицемѣръ, злодѣй, который самъ настроилъ народъ бунтовать. Развѣ не онъ писалъ въ этихъ дурацкихъ афишахъ, что какой бы тамъ ни былъ, тащи его за хохолъ на съѣзжую (и какъ глупо)! Кто возьметъ, говоритъ, тому и честь и слава.

Вотъ и долюбезничался. Варвара Ивановна говорила, что чуть не убилъ народъ ее за то, что она по-французски заговорила...

— Да вѣдь это такъ... Вы все къ сердцу очень принимаете,— сказалъ Пьеръ и сталъ раскладывать пасьянсъ.

Несмотря на то, что пасьянсъ сошелся, Пьеръ не поѣхалъ въ армію, а остался въ опустѣвшей Москвѣ, все въ той же тревогѣ, нерѣшимости, въ страхѣ и вмѣстѣ въ радости ожидая чего-то ужаснаго.

На другой день княжна къ вечеру уѣхала, и къ Пьеру пріѣхалъ его главноуправляющій съ извѣстіемъ, что требуемыхъ имъ денегъ для обмундированія полка нельзя достать, ежели не продать одно имѣніе. Главноуправляющій вообще представлялъ Пьеру, что всѣ эти затѣи полка должны были разорить его. Пьеръ съ трудомъ скрывалъ улыбку, слушая слова управляющаго.

— Ну, продайте,—говорилъ онъ.—Что жъ дѣлать; я не могу отказаться теперь!

Чѣмъ хуже было положеніе всякихъ дѣлъ, и въ особенности его дѣлъ, тѣмъ Пьеру было пріятнѣе, тѣмъ очевиднѣе было, что катастрофа, которой онъ ждалъ, приближается. Уже никого почти изъ знакомыхъ Пьера не было въ городѣ. Жюли уѣхала, княжна Марья уѣхала. Изъ близкихъ знакомыхъ одни Ростовы оставались; но къ нимъ Пьеръ не ѣздилъ.

Въ этотъ день Пьеръ для того, чтобъ развлечься, поѣхалъ въ село Воронцово смотрѣть большой воздушный шаръ, который строился Леппихомъ для погибели врага, и пробный шаръ, который долженъ былъ быть пущенъ завтра. Шаръ этотъ былъ еще не готовъ; но, какъ узналъ Пьеръ, онъ строился по желанію государя. Государь писалъ графу Растопчину объ этомъ шарѣ слѣдующее:

«Aussitôt que Leppich sera prêt, composez lui un équipage pour sa nacelle d'hommes sûrs et intelligents et dépêchez un courrier au général Koutousoff pour l'en prévenir. Je l'ai instruit de la chose.

«Recommandez, je vous prie, à Leppich d'être bien attentif sur l'endroit, où il descendra la première fois, pour ne pas se tromper et ne pas tomber dans les mains de l'ennemi. Il est indispensable qu'il combine ses mouvements avec le général-en-chef»[1]).

---

[1]) «Только что Леппихъ будетъ готовъ, составьте экипажъ для его лодки, изъ надежныхъ и толковыхъ людей, и пошлите курьера къ генералу Кутузову, чтобы предупредить его. Я сообщилъ ему объ этомъ. Внушите, пожалуйста, Леппиху, чтобы онъ обратилъ хорошенько вниманіе на то мѣсто, куда онъ спустится въ первый разъ, чтобы не ошибиться и не попасть въ руки врага. Необходимо, чтобы онъ соображалъ свои движенія съ движеніями главнокомандующаго».

Возвращаясь домой изъ Воронцова и проѣзжая по Болотной площади, Пьеръ увидалъ толпу у Лобнаго мѣста, остановился и слѣзъ съ дрожекъ. Это была экзекуція французскаго повара, обвиненнаго въ шпіонствѣ. Экзекуція только что кончилась, и палачъ отвязывалъ отъ кобылы жалостно стонавшаго толстаго человѣка съ рыжими бакенбардами, въ синихъ чулкахъ и зеленомъ камзолѣ. Другой преступникъ, худенькій и блѣдный, стоялъ тутъ же. Оба, судя по лицамъ, были французы. Съ испуганно-болѣзненнымъ видомъ, подобнымъ тому, который имѣлъ худой французъ, Пьеръ протолкался сквозь толпу.

— Что это? Кто? За что?—спрашивалъ онъ.

Но вниманіе толпы—чиновниковъ, мѣщанъ, купцовъ, мужиковъ, женщинъ въ салопахъ и шубкахъ—такъ было жадно сосредоточено на томъ, что происходило на Лобномъ мѣстѣ, что никто не отвѣчалъ ему. Толстый человѣкъ поднялся, нахмурившись, пожалъ плечами и, очевидно желая выразить твердость, сталъ, не глядя вокругъ себя, надѣвать камзолъ; но вдругъ губы его задрожали, и онъ заплакалъ, самъ сердясь на себя, какъ плачутъ взрослые сангвиническіе люди. Толпа громко заговорила, какъ показалось Пьеру для того, чтобы заглушить въ самой себѣ чувство жалости.

— Поваръ чей-то княжескій...

— Что, мусью, видно русскій соусъ киселъ французу пришелся... оскомину набилъ?—сказалъ сморщенный приказный, стоявшій подлѣ Пьера, въ то время какъ французъ заплакалъ. Приказный оглянулся вокругъ себя, видимо ожидая оцѣнки своей шутки. Нѣкоторые засмѣялись, нѣкоторые испуганно продолжали смотрѣть на палача, который раздѣвалъ другого.

Пьеръ засопѣлъ носомъ, сморщился и, быстро повернувшись, пошелъ назадъ къ дрожкамъ, не переставая что-то бормотать про себя въ то время, какъ онъ шелъ и садился. Въ продолженіе дороги онъ нѣсколько разъ вздрагивалъ и вскрикивалъ такъ громко, что кучеръ спрашивалъ его:

— Что прикажете?

— Куда же ты ѣдешь?—крикнулъ Пьеръ на кучера, выѣзжавшаго на Лубянку.

— Къ главнокомандующему приказали,—отвѣчалъ кучеръ.

— Дуракъ! скотина!—закричалъ Пьеръ, что рѣдко съ нимъ случалось, ругая своего кучера.—Домой я велѣлъ; и скорѣй ступай, болванъ. Еще нынче надо выѣхать,—про себя проговорилъ Пьеръ.

Пьеръ, при видѣ наказаннаго француза и толпы, окружавшей Лобное мѣсто, такъ окончательно рѣшилъ, что не можетъ долѣе оставаться въ Москвѣ и ѣдетъ нынче же въ армію, что

ему казалось, что онъ или сказалъ объ этомъ кучеру, или что кучеръ самъ долженъ былъ знать это.

Пріѣхавъ домой, Пьеръ отдалъ приказаніе своему всезнающему, всеумѣющему, извѣстному всей Москвѣ, кучеру Евстафьевичу о томъ, что онъ въ ночь ѣдетъ въ Можайскъ къ войску, и чтобы туда были высланы его верховыя лошади. Все это не могло быть сдѣлано въ тотъ же день, и потому, по представленію Евстафьевича, Пьеръ долженъ былъ отложить свой отъѣздъ до другого дня, съ тѣмъ чтобы дать время подставамъ выѣхать на дорогу.

24-го числа прояснѣло послѣ дурной погоды, и въ этотъ день послѣ обѣда Пьеръ выѣхалъ изъ Москвы. Ночью, перемѣняя лошадей въ Перхушковѣ, Пьеръ узналъ, что въ этотъ вечеръ было большое сраженіе. Разсказывали, что здѣсь, въ Перхушковѣ, земля дрожала отъ выстрѣловъ. На вопросы Пьера о томъ, кто побѣдилъ, никто не могъ дать ему отвѣта. (Это было сраженіе 24-го числа при Шевардинѣ.) На разсвѣтѣ Пьеръ подъѣзжалъ къ Можайску.

Всѣ дома Можайска были заняты постоемъ войскъ, и на постояломъ дворѣ, на которомъ Пьера встрѣтили его берейторъ и кучеръ, въ горницахъ не было мѣста: все было полно офицерами.

Въ Можайскѣ и за Можайскомъ вездѣ стояли и шли войска. Казаки, пѣшіе, конные солдаты, фуры, ящики, пушки виднѣлись со всѣхъ сторонъ. Пьеръ торопился скорѣе ѣхать впередъ, и чѣмъ дальше онъ отъѣзжалъ отъ Москвы и чѣмъ глубже погружался въ это море войскъ, тѣмъ больше имъ овладѣвала тревога безпокойства и неиспытанное еще имъ новое радостное чувство. Это было чувство, подобное тому, которое онъ испытывалъ и въ Слободскомъ дворцѣ во время пріѣзда государя,—чувство необходимости предпринять что-то и пожертвовать чѣмъ-то. Онъ испытывалъ теперь пріятное чувство сознанія того, что все то, что̀ составляетъ счастье людей—удобства жизни, богатство, даже самая жизнь,—есть вздоръ, который пріятно откинуть, въ сравненіи съ чѣмъ-то... Съ чѣмъ, Пьеръ не могъ себѣ дать отчета, да и не старался уяснить себѣ, для кого и для чего онъ находитъ особенную прелесть пожертвовать всѣмъ. Его не занимало то, для чего онъ хочетъ жертвовать, но самое жертвованіе составляло для него новое радостное чувство.

XIX.

24-го было сраженіе при Шевардинскомъ редутѣ, 25-го не было пущено ни одного выстрѣла ни съ той, ни съ другой стороны, 26-го произошло Бородинское сраженіе.

Для чего и какъ были даны и приняты сраженія при Шевардинѣ и при Бородинѣ? Для чего было дано Бородинское сраженіе? Ни для французовъ, ни для русскихъ оно не имѣло ни малѣйшаго смысла. Результатомъ ближайшимъ было и должно было быть — для русскихъ то, что мы приблизились къ погибели Москвы (чего мы боялись больше всего въ мірѣ), а для французовъ — то, что они приблизились къ погибели всей арміи (чего они тоже боялись больше всего въ мірѣ). Результатъ этотъ былъ тогда же совершенно очевиденъ, а между тѣмъ Наполеонъ далъ, а Кутузовъ принялъ это сраженіе.

Ежели бы полководцы руководились разумными причинами, казалось, какъ ясно должно было быть для Наполеона, что, зайдя за двѣ тысячи верстъ и принимая сраженіе съ вѣроятною случайностью—потери $^1/_4$ арміи, онъ шелъ на вѣрную погибель; и столь же ясно бы должно было казаться Кутузову, что, принимая сраженіе и тоже рискуя потерять четверть арміи, онъ навѣрное теряетъ Москву. Для Кутузова это было метематически ясно, какъ ясно то, что, ежели въ шашкахъ у меня меньше одной шашкой и я буду мѣняться, я навѣрное проиграю и потому не долженъ мѣняться.

Когда у противника 16 шашекъ, а у меня 14, то я только на одну восьмую слабѣе его; а когда я промѣняюсь 13-ю шашками, то онъ будетъ втрое сильнѣе меня.

До Бородинскаго сраженія наши силы приблизительно относились къ французскимъ какъ пять къ шести, а послѣ сраженія—какъ одинъ къ двумъ, т.-е. до сраженія 100 тысячъ къ 120-ти, а послѣ сраженія 50 къ 100. А вмѣстѣ съ тѣмъ умный и опытный Кутузовъ принялъ сраженіе. Наполеонъ же, геніальный полководецъ, какъ его называютъ, далъ сраженіе, теряя четверть арміи и еще болѣе растягивая свою линію. Ежели скажутъ, что, занявъ Москву, онъ думалъ, какъ занятіемъ Вѣны, кончить кампанію, то противъ этого есть много доказательствъ. Сами историки Наполеона разсказываютъ, что еще отъ Смоленска онъ хотѣлъ остановиться, зналъ опасность своего растянутаго положенія и зналъ, что занятіе Москвы не будетъ концомъ кампаніи, потому что отъ Смоленска онъ видѣлъ, въ какомъ положеніи оставлялись ему русскіе города, и не получалъ ни одного отвѣта на свои неоднократныя заявленія о желаніи вести переговоры.

Давая и принимая Бородинское сраженіе, Кутузовъ и Наполеонъ поступили непроизвольно и безсмысленно. А историки подъ совершившіеся факты уже потомъ подвели хитро-сплетенныя доказательства предвидѣнія и геніальности полководцевъ, которые

изъ всѣхъ непроизвольныхъ орудій міровыхъ событій были самыми рабскими и непроизвольными дѣятелями.

Древніе оставили намъ образцы героическихъ поэмъ, въ которыхъ герои составляютъ весь интересъ исторіи, и мы все еще не можемъ привыкнуть къ тому, что для нашего человѣческаго времени исторія такого рода не имѣетъ смысла.

На другой вопросъ — какъ даны были Бородинское и предшествующее ему Шевардинское сраженія — существуетъ точно такъ же весьма опредѣленное и всѣмъ извѣстное, совершенно ложное представленіе. Всѣ историки описываютъ дѣло слѣдующимъ образомъ:

Русская армія, будто бы, въ отступленіи своемъ отъ Смоленска, отыскивала себѣ наилучшую позицію для генеральнаго сраженія, и таковая позиція была найдена, будто бы, у Бородина.

Русскіе, будто бы, укрѣпили впередъ эту позицію, влѣво отъ дороги (изъ Москвы въ Смоленскъ), подъ прямымъ почти угломъ къ ней, отъ Бородина къ Утицѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ произошло сраженіе.

Впереди этой позиціи, будто бы, былъ выставленъ для наблюденія за непріятелемъ укрѣпленный передовой постъ на Шевардинскомъ курганѣ. 24-го, будто бы, Наполеонъ атаковалъ передовой постъ и взялъ его; 26-го же атаковалъ всю русскую армію, стоявшую на позиціи на Бородинскомъ полѣ.

Такъ говорится въ исторіяхъ, и все это совершенно несправедливо, въ чемъ легко убѣдится всякій, кто захочетъ вникнуть въ сущность дѣла.

Русскіе не отыскивали лучшей позиціи, а напротивъ, въ отступленіи своемъ прошли много позицій, которыя были лучше Бородинской. Они не остановились ни на одной изъ этихъ позицій: и потому, что Кутузовъ не хотѣлъ принять позицію, избранную не имъ, и потому, что требованіе народнаго сраженія еще недостаточно сильно высказалось, и потому, что не подошелъ еще Милорадовичъ съ ополченіемъ, и еще по другимъ причинамъ, которыя неисчислимы. Фактъ тотъ — что прежнія позиціи были сильнѣе и что Бородинская позиція (та, на которой дано сраженіе) не только не сильна, но вовсе не есть почему-нибудь *позиція* болѣе, чѣмъ всякое другое мѣсто въ Россійской имперіи, на которое, гадая, указать бы булавкой на картѣ.

Русскіе не только не укрѣпляли позицію Бородинскаго поля влѣво подъ прямымъ угломъ отъ дороги (то-есть мѣсто, на которомъ произошло сраженіе), но и никогда до 25-го августа 1812 года не думали о томъ, чтобы сраженіе могло произойти

на этомъ мѣстѣ. Этому служитъ доказательствомъ, во-первыхъ, то, что не только 25-го не были на этомъ мѣстѣ укрѣпленія, но что, начатыя 25-го числа, и 26-го они не были кончены; во-вторыхъ, положеніе Шевардинскаго редута: Шевардинскій редутъ, впереди той позиціи, на которой принято сраженіе, не имѣетъ никакого смысла. Для чего былъ сильнѣе всѣхъ другихъ пунктовъ укрѣпленъ этотъ редутъ? И для чего, защищая его 24-го числа до поздней ночи, были истощены всѣ усилія и потеряно шесть тысячъ человѣкъ? Для наблюденія за непріятелемъ достаточно было казачьяго разъѣзда. Въ-третьихъ, доказательствомъ того, что позиція, на которой произошло сраженіе, не была предвидѣна и что Шевардинскій редутъ не былъ передовымъ пунктомъ этой позиціи, служитъ то, что Барклай-де-Толли и Багратіонъ до 25-го числа находились въ убѣжденіи, что Шевардинскій редутъ есть *лѣвый* флангъ позиціи и что самъ Кутузовъ въ донесеніи своемъ, писанномъ сгоряча послѣ сраженія, называетъ Шевардинскій редутъ *лѣвымъ* флангомъ позиціи. Уже гораздо послѣ, когда писались на просторѣ донесенія о Бородинскомъ сраженіи, было (вѣроятно, для оправданія ошибокъ главнокомандующаго, имѣющаго быть непогрѣшимымъ) выдумано то несправедливое и странное показаніе, будто Шевардинскій редутъ служилъ *передовымъ* постомъ (тогда какъ это былъ только укрѣпленный пунктъ лѣваго фланга) и будто Бородинское сраженіе было принято нами на укрѣпленной и впередъ избранной позиціи, тогда какъ оно произошло на совершенно неожиданномъ и почти неукрѣпленномъ мѣстѣ.

Дѣло же, очевидно, было такъ: позиція была избрана по рѣкѣ Колочѣ, пересѣкающей большую дорогу не подъ прямымъ, а подъ острымъ угломъ, такъ что лѣвый флангъ былъ въ Шевардинѣ, правый около селенія Новаго и центръ въ Бородинѣ, при сліяніи рѣкъ Колочи и Войны. Позиція эта, подъ прикрытіемъ рѣки Колочи, для арміи, имѣющей цѣлью остановить непріятеля, движущагося по Смоленской дорогѣ къ Москвѣ, очевидна для всякаго, кто посмотритъ на Бородинское поле, забывъ о томъ, какъ произошло сраженіе.

Наполеонъ, выѣхавъ 24-го къ Валуеву, не увидалъ (какъ говорится въ исторіяхъ) позицію русскихъ отъ Утицы къ Бородину (онъ не могъ увидать эту позицію, потому что ея не было) и не увидалъ передовой постъ русской арміи, а наткнулся въ преслѣдованіи русскаго арьергарда на лѣвый флангъ позиціи русскихъ — на Шевардинскій редутъ, и неожиданно для русскихъ перевелъ войска черезъ Колочу. И русскіе, не успѣвъ вступить въ генеральное сраженіе, отступили своимъ лѣвымъ

крыломъ изъ позиціи, которую они намѣревались занять, и заняли новую позицію, которая была не предвидѣна и не укрѣплена. Перейдя на лѣвую сторону Колочи, влѣво отъ дороги, Наполеонъ передвинулъ все будущее сраженіе справа налѣво (со стороны русскихъ) и перенесъ его въ поле между Утицей, Семеновскимъ и Бородинымъ (въ это поле, не имѣющее въ себѣ ничего болѣе выгоднаго для позиціи, чѣмъ всякое другое поле въ Россіи), и на этомъ полѣ произошло все сраженіе 26-го числа. Въ грубой формѣ планъ предполагаемаго сраженія и происшедшаго сраженія будетъ слѣдующій:

Ежели бы Наполеонъ не выѣхалъ вечеромъ 24-го числа на Колочу и не велѣлъ бы тотчасъ же вечеромъ атаковать редутъ, а началъ бы атаку на другой день утромъ, то никто бы не усомнился въ томъ, что Шевардинскій редутъ былъ лѣвый флангъ нашей позиціи, и сраженіе произошло бы такъ, какъ мы его ожидали. Въ такомъ случаѣ мы, вѣроятно, еще упорнѣе защищали бы Шевардинскій редутъ — нашъ лѣвый флангъ, атаковали бы Наполеона въ центрѣ или справа, и 24-го произошло бы генеральное сраженіе на той позиціи, которая была укрѣплена и предвидѣна. Но такъ какъ атака на нашъ лѣвый флангъ произошла вечеромъ вслѣдъ за отступленіемъ нашего арьергарда, т.-е. непосредственно послѣ сраженія при Гридневой, и такъ какъ русскіе военачальники не хотѣли или не успѣли начать тогда же 24-го вечеромъ генеральнаго сраженія, то первое и главное дѣйствіе Бородинскаго сраженія было проиграно еще 24-го числа и, очевидно, вело къ проигрышу и того, которое было дано 26-го числа.

Послѣ потери Шевардинскаго редута къ утру 25-го числа мы оказались безъ позиціи на лѣвомъ флангѣ и были поставлены въ необходимость отогнуть наше лѣвое крыло и поспѣшно укрѣплять его, гдѣ ни попало.

Но мало того, что 26-го августа русскія войска стояли только подъ защитой слабыхъ, неконченныхъ укрѣпленій, невыгода этого положенія увеличилась еще тѣмъ, что русскіе военачальники, не признавъ вполнѣ совершившагося факта (потери позиціи на лѣвомъ флангѣ и перенесенія всего будущаго поля сраженія справа налѣво), оставались въ своей растянутой позиціи отъ села Новаго до Утицы и вслѣдствіе того должны были передвигать свои войска во время сраженія справа налѣво. Такимъ образомъ во все время сраженія русскіе имѣли противъ всей французской арміи, направленной на наше лѣвое крыло, вдвое слабѣйшія силы.

(Дѣйствія Понятовскаго противъ Утицы и Уварова на правомъ флангѣ французовъ составляли отдѣльныя отъ хода сраженія дѣйствія). Итакъ, Бородинское сраженіе произошло совсѣмъ не такъ, какъ (стараясь скрыть ошибки нашихъ военачальниковъ и вслѣдствіе того умаляя славу русскаго войска и народа) описываютъ его. Бородинское сраженіе не произошло на избранной и укрѣпленной позиціи съ нѣсколько только слабѣйшими со стороны русскихъ силами, а Бородинское сраженіе вслѣдствіе потери Шевардинскаго редута принято было русскими на открытой, почти не укрѣпленной мѣстности съ вдвое слабѣйшими силами противъ французовъ, т.-е. въ такихъ условіяхъ, въ

которыхъ не только немыслимо было драться десять часовъ и сдѣлать сраженіе нерѣшительнымъ, но немыслимо было удержать въ продолженіе трехъ часовъ армію отъ совершеннаго разгрома и бѣгства.

XX.

25-го утромъ Пьеръ выѣзжалъ изъ Можайска. На спускѣ съ огромной крутой и кривой горы, ведущей изъ города мимо стоящаго направо собора, въ которомъ шла служба и благовѣстили, Пьеръ вылѣзъ изъ экипажа и пошелъ пѣшкомъ. За нимъ спускался на горѣ какой-то конный полкъ съ пѣсенниками впереди. Навстрѣчу ему поднимался поѣздъ телѣгъ съ ранеными во вчерашнемъ дѣлѣ. Возчики-мужики, крича на лошадей и хлеща ихъ кнутами, перебѣгали съ одной стороны на другую. Телѣги, на которыхъ лежали и сидѣли по три и по четыре солдата раненыхъ, прыгали по набросаннымъ въ видѣ мостовой камнямъ на крутомъ подъемѣ. Раненые, обвязанные тряпками, блѣдные, съ поджатыми губами и нахмуренными бровями, держась за грядки, прыгали и толкались въ телѣгахъ. Всѣ почти съ наивнымъ дѣтскимъ любопытствомъ смотрѣли на бѣлую шляпу и зеленый фракъ Пьера.

Кучеръ Пьера сердито кричалъ на обозъ раненыхъ, чтобы они держали къ одной. Кавалерійскій полкъ, съ пѣснями, спускаясь съ горы, надвинулся на дрожки Пьера и стѣснилъ дорогу. Пьеръ остановился, прижавшись къ краю скопанной въ горѣ дороги. Изъ-за откоса горы солнце не доставало въ углубленіе дороги — тутъ было холодно, сыро; надъ головой Пьера было яркое августовское утро и весело разносился трезвонъ. Одна подвода съ ренеными остановилась у края дороги подлѣ самаго Пьера. Возчикъ въ лаптяхъ, запыхавшись, подбѣжалъ къ своей телѣгѣ, подсунулъ камень подъ заднія, нешиненыя колеса и сталъ оправлять шлею на своей ставшей лошаденкѣ.

Одинъ раненый старый солдатъ, съ подвязанной рукой, шедшій за телѣгой, взялся за нее здоровой рукой и оглянулся на Пьера.

— Что жъ, землячокъ, тутъ положатъ насъ, что ль? Али до Москвы?—сказалъ онъ.

Пьеръ такъ задумался, что не разслышалъ вопроса. Онъ смотрѣлъ то на кавалерійскій, повстрѣчавшійся теперь съ поѣздомъ раненыхъ, полкъ, то на ту телѣгу, у которой онъ стоялъ и на которой сидѣли двое раненыхъ и лежалъ одинъ, и ему казалось,

что тутъ, въ нихъ, заключается разрѣшеніе занимавшаго его вопроса. Одинъ изъ сидѣвшихъ на телѣгѣ солдатъ былъ, вѣроятно, раненъ въ щеку. Вся голова его была обвязана тряпками, и одна щека раздулась съ дѣтскую голову. Ротъ и носъ у него были на сторону. Этотъ солдатъ глядѣлъ на соборъ и крестился. Другой, молодой мальчикъ, рекрутъ, бѣлокурый и бѣлый, какъ бы совершенно безъ крови въ тонкомъ лицѣ, съ остановившейся доброй улыбкой смотрѣлъ на Пьера; третій лежалъ ничкомъ, и лица его не было видно. Кавалеристы-пѣсенники проходили надъ самой телѣгой.

— Ахъ! запропала... да ежова голова... Да на чужой сторонѣ живучи...—выдѣлывали они плясовую солдатскую пѣсню.

Какъ бы вторя имъ, но въ другомъ родѣ веселья, перебивались въ вышинѣ металлическіе звуки трезвона. И еще въ другомъ родѣ веселья обливали вершину противоположнаго откоса жаркіе лучи солнца. Но подъ откосомъ у телѣги съ ранеными, подлѣ запыхавшейся лошаденки, у которой стоялъ Пьеръ, было сыро, пасмурно и грустно.

Солдатъ съ распухшей щекой сердито глядѣлъ на пѣсенниковъ-кавалеристовъ.

— Охъ, щегольки!—проговорилъ онъ укоризненно.

— Нынче не то что солдатъ, а и мужичковъ видалъ! Мужичковъ, и тѣхъ гонятъ,—сказалъ съ грустной улыбкой солдатъ, стоявшій за телѣгой и обращаясь къ Пьеру.—Нынче не разбираютъ... Всѣмъ народомъ навалиться хотятъ; одно слово—Москва. Одинъ конецъ сдѣлать хотятъ.

Несмотря на неясность словъ солдата, Пьеръ понялъ все то, что онъ хотѣлъ сказать, и одобрительно кивнулъ головой.

Дорога расчистилась, и Пьеръ сошелъ подъ гору и поѣхалъ дальше.

Пьеръ ѣхалъ, оглядываясь по обѣ стороны дороги, отыскивая знакомыя лица и вездѣ встрѣчая только незнакомыя военныя лица разныхъ родовъ войскъ, одинаково съ удивленіемъ смотрѣвшія на его бѣлую шляпу и зеленый фракъ.

Проѣхавъ версты четыре, онъ встрѣтилъ перваго знакомаго и радостно обратился къ нему. Знакомый этотъ былъ одинъ изъ начальствующихъ докторовъ въ арміи. Онъ въ бричкѣ ѣхалъ навстрѣчу Пьеру, сидя рядомъ съ молодымъ докторомъ, и, узнавъ Пьера, остановилъ своего казака, сидѣвшаго на козлахъ вмѣсто кучера.

— Графъ! Ваше сіятельство, вы какъ тутъ?—спросилъ докторъ.

— Да вотъ хотѣлось посмотрѣть...

— Да, да будетъ что посмотрѣть...

Пьеръ слѣзъ и, остановившись, разговорился съ докторомъ, объясняя ему свое намѣреніе участвовать въ сраженіи.

Докторъ посовѣтовалъ Безухову прямо обратиться къ свѣтлѣйшему.

— Что же вамъ Богъ знаетъ гдѣ находиться во время сраженія, въ безызвѣстности, — сказалъ онъ, переглянувшись съ своимъ молодымъ товарищемъ, — а свѣтлѣйшій все-таки знаетъ васъ и приметъ милостиво. Такъ, батюшка, и сдѣлайте, — сказалъ докторъ.

Докторъ казался усталымъ и спѣшащимъ.

— Такъ вы думаете... А я еще хотѣлъ спросить васъ, гдѣ же самая позиція?—сказалъ Пьеръ.

— Позиція?—сказалъ докторъ,—ужъ это не по моей части. Проѣдете Татаринову, тамъ что-то много копаютъ. Тамъ на курганъ войдите: оттуда видно,—сказалъ докторъ.

— И видно оттуда?.. Ежели бы вы...

Но докторъ перебилъ его и подвинулся къ бричкѣ.

— Я бы васъ проводилъ, да ей-Богу — вотъ (докторъ показалъ на горло), скачу къ корпусному командиру. Вѣдь у насъ какъ?.. Вы знаете, графъ, завтра сраженіе; на сто тысячъ войска малымъ числомъ 20 тысячъ раненыхъ считать надо. А у насъ ни носилокъ, ни коекъ, ни фельдшеровъ, ни лѣкарей на 6 тысячъ нѣтъ. 10 тысячъ телѣгъ есть, да вѣдь нужно и другое. Какъ хочешь, такъ и дѣлай.

Та странная мысль, что изъ числа тѣхъ тысячъ людей, живыхъ, здоровыхъ, молодыхъ и старыхъ, которые съ веселымъ удивленіемъ смотрѣли на его шляпу, было навѣрное 20 тысячъ обреченныхъ на раны и смерть (можетъ-быть, тѣ самые, которыхъ онъ видѣлъ),—поразила Пьера.

«Они, можетъ-быть, умрутъ завтра; зачѣмъ они думаютъ о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ смерти?» И ему вдругъ по какой-то тайной связи мыслей живо представился спускъ съ можайской горы, телѣги съ ранеными, трезвонъ, косые лучи солнца и пѣсня кавалеристовъ.

«Кавалеристы идутъ на сраженіе и встрѣчаютъ раненыхъ и ни на минуту не задумываются надъ тѣмъ, что ихъ ждетъ, а идутъ мимо и подмигиваютъ раненымъ. А изъ этихъ всѣхъ 20 тысячъ обречены на смерть, а они удивляются на мою шляпу! Странно!» думалъ Пьеръ, направляясь дальше къ Татариновой.

У помѣщичьяго дома, на лѣвой сторонѣ дороги, стояли экипажи, фургоны, толпы денщиковъ и часовые. Тутъ стоялъ свѣтлѣйшій. Но въ то время, какъ пріѣхалъ Пьеръ, его не было,

и почти никого не было изъ штабныхъ. Всѣ были на молебствіи. Пьеръ поѣхалъ впередъ къ Горамъ.

Выѣхавъ на гору и въѣхавъ въ небольшую улицу деревни, Пьеръ увидалъ въ первый разъ мужиковъ-ополченцевъ съ крестами на шапкахъ и въ бѣлыхъ рубашкахъ, которые, съ громкимъ говоромъ и хохотомъ, оживленные и потные, что-то работали направо отъ дороги, на огромномъ курганѣ, обросшемъ травою.

Одни изъ нихъ копали лопатами гору, другіе возили по доскамъ землю въ тачкахъ, третьи стояли, ничего не дѣлая.

Два офицера стояли на курганѣ, распоряжаясь ими. Увидавъ этихъ мужиковъ, очевидно забавляющихся еще своимъ новымъ военнымъ положеніемъ, Пьеръ опять вспомнилъ раненыхъ солдатъ въ Можайскѣ, и ему понятно стало то, что хотѣлъ выразить солдатъ, говорившій о томъ, что *всѣмъ народомъ навалиться хотятъ.* Видъ этихъ работающихъ на полѣ сраженія бородатыхъ мужиковъ, съ ихъ странными неуклюжими сапогами, съ ихъ потными шеями и кое у кого разстегнутыми косыми воротами рубахъ, изъ-подъ которыхъ виднѣлись загорѣлыя кости ключицъ, подѣйствовалъ на Пьера сильнѣе всего того, что онъ видѣлъ и слышалъ до сихъ поръ о торжественности и значительности настоящей минуты.

XXI.

Пьеръ вышелъ изъ экипажа и мимо работающихъ ополченцевъ взошелъ на тотъ курганъ, съ котораго, какъ сказалъ ему докторъ, было видно поле сраженія.

Было часовъ 11 утра. Солнце стояло нѣсколько влѣво и сзади Пьера и ярко освѣщало, сквозь чистый, рѣдкій воздухъ, огромную, амфитеатромъ по поднимающейся мѣстности открывшуюся передъ нимъ панораму.

Вверхъ и влѣво по этому амфитеатру, разрѣзывая его, вилась большая Смоленская дорога, шедшая черезъ село съ бѣлою церковью, лежавшее въ 500-хъ шагахъ впереди кургана и ниже его (это было Бородино). Дорога переходила подъ деревней черезъ мостъ и черезъ спуски и подъемы вилась все выше и выше къ виднѣвшемуся верстъ за шесть селенію Валуеву (въ немъ стоялъ Наполеонъ). За Валуевымъ дорога скрывалась въ желтѣвшемъ лѣсу на горизонтѣ. Въ лѣсу этомъ, березовомъ и еловомъ, вправо отъ направленія дороги, блестѣлъ на солнцѣ дальній крестъ и колокольня Колоцкаго монастыря. По всей

этой синей дали, вправо и влѣво отъ лѣса и дороги, въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись дымящіеся костры и неопредѣленныя массы войскъ нашихъ и непріятельскихъ. Направо, по теченію рѣкъ Колочи и Москвы, мѣстность была ущелиста и гориста. Между ущельями ихъ вдали виднѣлись деревни Беззубово, Захарьино. Налѣво мѣстность была ровнѣе, были поля съ хлѣбомъ, и виднѣлась одна дымящаяся сожженная деревня — Семеновская.

Все, что видѣлъ Пьеръ направо и налѣво, было такъ неопредѣленно, что ни лѣвая, ни правая сторона поля не удовлетворяла вполнѣ его представленію. Вездѣ было не поле сраженія, которое онъ ожидалъ видѣть, а поля, поляны, войска, лѣса, дымы костровъ, деревни, курганы, ручьи; и сколько ни разбиралъ Пьеръ, онъ въ этой живой мѣстности не могъ найти позиціи и не могъ даже отличить нашихъ войскъ отъ непріятельскихъ.

«Надо спросить у знающаго», подумалъ онъ и обратился къ офицеру, съ любопытствомъ смотрѣвшему на его невоенную огромную фигуру.

— Позвольте спросить, — обратился Пьеръ къ офицеру:—это какая деревня впереди?

— Бурдино или какъ?—сказалъ офицеръ, съ вопросомъ обращаясь къ своему товарищу.

— Бородино,—поправляя, отвѣчалъ другой.

Офицеръ, видимо довольный случаемъ поговорить, подвинулся къ Пьеру.

— Тамъ наши? — спросилъ Пьеръ.

— Да, а вонъ подальше и французы,—сказалъ офицеръ.— Вонъ они, вонъ видны.

— Гдѣ? гдѣ?—спросилъ Пьеръ.

— Простымъ глазомъ видно. Да вотъ.

Офицеръ показалъ рукой на дымы, виднѣвшіеся влѣво за рѣкой, и на лицѣ его показалось то строгое и серьезное выраженіе, которое Пьеръ видѣлъ на многихъ лицахъ, встрѣчавшихся ему.

— Ахъ, это французы! А тамъ?...—Пьеръ показалъ влѣво на курганъ, около котораго виднѣлись войска.

— Это наши.

— Ахъ, наши! А тамъ?..—Пьеръ показалъ на другой далекій курганъ съ большимъ деревомъ подлѣ деревни, виднѣвшейся въ ущельѣ, у которой тоже дымились костры и чернѣлось что-то.

— Это опять *онъ*,—сказалъ офицеръ (это былъ Шевардинскій редутъ).—Вчера было наше, а теперь *его*.

— Такъ какъ же наша позиція?

— Позиція?—сказалъ офицеръ съ улыбкой удовольствія,—я это могу разсказать вамъ ясно, потому что я почти всѣ укрѣпленія наши строилъ. Вотъ, видите ли, центръ нашъ въ Бородинѣ, вотъ тутъ.—Онъ указалъ на деревню съ бѣлою церковью, бывшую впереди.—Тутъ переправа черезъ Колочу. Вотъ тутъ, видите, гдѣ еще въ низочкѣ ряды скошеннаго сѣна лежатъ, вотъ тутъ и мостъ. Это нашъ центръ. Правый флангъ нашъ вотъ гдѣ (онъ указалъ круто направо, далеко въ ущелье); тамъ Москва рѣка, и тамъ мы три редута построили, очень сильные. Лѣвый флангъ...—тутъ офицеръ остановился.—Видите ли, это трудно вамъ объяснить... Вчера лѣвый флангъ нашъ былъ вонъ тамъ, въ Шевардинѣ; вонъ видите, гдѣ дубъ; а теперь мы отнесли назадъ лѣвое крыло; теперь вонъ, вонъ видите деревню и дымъ,— это Семеновское; да вотъ здѣсь,—онъ указалъ на курганъ Раевскаго.—Только врядъ ли будетъ тутъ сраженіе. Что *онъ* перевелъ сюда войска, это обманъ; *онъ*, вѣрно, обойдетъ справа отъ Москвы. Ну, да гдѣ бы ни было, многихъ завтра не досчитаемся!—сказалъ офицеръ.

Старый унтеръ-офицеръ, подошедшій къ офицеру во время его разсказа, молча ожидалъ конца рѣчи своего начальника; но въ этомъ мѣстѣ онъ, очевидно недовольный словами офицера, перебилъ его.

— За турами ѣхать надо,—сказалъ онъ строго.

Офицеръ какъ будто смутился, какъ будто онъ понялъ, что можно думать о томъ, сколь многихъ не досчитаются завтра, но не слѣдуетъ говорить объ этомъ.

— Ну да, посылай третью роту опять,—поспѣшно сказалъ офицеръ.

— А вы кто же, не изъ докторовъ?

— Нѣтъ, я такъ,—отвѣчалъ Пьеръ.

И Пьеръ пошелъ подъ гору опять мимо ополченцевъ.

— Ахъ, проклятые!—проговорилъ слѣдовавшій за нимъ офицеръ, зажимая носъ и пробѣгая мимо работающихъ.

— Вонъ они!.. Несутъ, идутъ... Вонъ они... сейчасъ войдутъ...—послышались вдругъ голоса, и офицеры, солдаты и ополченцы побѣжали впередъ по дорогѣ.

Изъ-подъ горы отъ Бородина поднималось церковное шествіе. Впереди всѣхъ по пыльной дорогѣ стройно шла пѣхота съ снятыми киверами и ружьями, опущенными книзу. Позади пѣхоты слышалось церковное пѣніе.

Обгоняя Пьера, безъ шапокъ бѣжали навстрѣчу идущимъ соладты и ополченцы.

— Матушку несутъ! Заступницу!.. Иверскую!..

— Смоленскую матушку, — поправилъ другой.

Ополченцы, и тѣ, которые были въ деревнѣ, и тѣ, которые работали на батареѣ, побросавъ лопаты, побѣжали навстрѣчу церковному шествію. За батальономъ, шедшимъ по пыльной дорогѣ, шли въ ризахъ священники,—одинъ старичокъ въ клобукѣ съ причтомъ и пѣвчими. За ними солдаты и офицеры несли большую, съ чернымъ ликомъ, въ окладѣ, икону. Это была икона, вывезенная изъ Смоленска и съ того времени возимая за арміей. За иконой—кругомъ ея, впереди ея, со всѣхъ сторонъ—шли, бѣжали и кланялись въ землю съ обнаженными головами толпы военныхъ.

Взойдя на гору, икона остановилась; державшіе на полотенцахъ икону люди перемѣнились, дьячки зажгли вновь кадила, и начался молебенъ. Жаркіе лучи солнца били отвѣсно сверху; слабый, свѣжій вѣтерокъ игралъ волосами открытыхъ головъ и лентами, которыми была убрана икона; пѣніе негромко раздавалось подъ открытымъ небомъ. Огромная толпа, съ открытыми головами, офицеровъ, солдатъ, ополченцевъ окружала икону. Позади священника и дьячка на очищенномъ мѣстѣ стояли чиновные люди. Одинъ плѣшивый генералъ съ Георгіемъ на шеѣ стоялъ прямо за спиной священника и, не крестясь (очевидно, нѣмецъ), терпѣливо дожидался конца молебна, который онъ считалъ нужнымъ выслушать, вѣроятно, для возбужденія патріотизма русскаго народа. Другой генералъ стоялъ въ воинственной позѣ и потряхивалъ рукой передъ грудью, оглядываясь вокругъ себя. Между этимъ чиновнымъ кружкомъ Пьеръ, стоявшій въ толпѣ мужиковъ, узналъ нѣкоторыхъ знакомыхъ; но онъ не смотрѣлъ на нихъ: все вниманіе его было поглощено серьезнымъ выраженіемъ лицъ въ этой толпѣ солдатъ и ополченцевъ, однообразно-жадно смотрѣвшихъ на икону. Какъ только уставшіе дьячки (пѣвшіе двадцатый молебенъ) начинали лѣниво и привычно пѣть: «спаси отъ бѣдъ рабы Твоя, Богородице», и священникъ и дьяконъ подхватывали: «яко вси по Бозѣ къ Тебѣ прибѣгаемъ, яко нерушимой стѣнѣ и предстательству»,—на всѣхъ лицахъ вспыхивало опять то же выраженіе сознанія торжественности наступающей минуты, которое онъ видѣлъ подъ горой въ Можайскѣ и урывками на многихъ и многихъ лицахъ, встрѣченныхъ имъ въ это утро; и чаще опускались головы, встряхивались волосы и слышались вздохи и удары крестовъ по грудямъ.

Толпа, окружавшая икону, вдругъ раскрылась и надавила Пьера. Кто-то, вѣроятно очень важное лицо, судя по поспѣшности, съ которой передъ нимъ сторонились, подходилъ къ иконѣ.

Это былъ Кутузовъ, объѣзжавшій позицію. Онъ, возвращаясь къ Татариновой, подошелъ къ молебну. Пьеръ тотчасъ же узналъ Кутузова по его особенной, отличавшейся отъ всѣхъ фигурѣ.

Въ длинномъ сюртукѣ на огромномъ толщиной тѣлѣ, съ сутуловатой спиной, съ открытой бѣлой головой и съ вытекшимъ бѣлымъ глазомъ на оплывшемъ лицѣ, Кутузовъ вошелъ своей ныряющей, раскачивающейся походкой въ кругъ и остановился позади священника. Онъ перекрестился привычнымъ жестомъ, досталъ рукой до земли и, тяжело вздохнувъ, опустилъ свою сѣдую голову. За Кутузовымъ былъ Бенигсенъ и свита. Несмотря на присутствіе главнокомандующаго, обратившаго на себя вниманіе всѣхъ высшихъ чиновъ, ополченцы и солдаты, не глядя на него, продолжали молиться.

Когда кончился молебенъ, Кутузовъ подошелъ къ иконѣ, тяжело опустился на колѣни, кланяясь въ землю, и долго пытался и не могъ встать отъ тяжести и слабости. Сѣдая голова его подергивалась отъ усилій. Наконецъ онъ всталъ и съ дѣтски-наивнымъ вытягиваніемъ губъ приложился къ иконѣ и опять поклонился, дотронувшись рукой до земли. Генералитетъ послѣдовалъ его примѣру; потомъ офицеры, и за ними, давя другъ друга, топчась, пыхтя и толкаясь, съ взволнованными лицами полѣзли солдаты и ополченцы.

XXII.

Покачиваясь отъ давки, охватившей его, Пьеръ оглядывался вокругъ себя.

— Графъ, Петръ Кирилычъ! Вы какъ здѣсь?—сказалъ чей-то голосъ.

Пьеръ оглянулся. Борисъ Друбецкой, обчищая рукой колѣнки, которыя онъ запачкалъ (вѣроятно, тоже прикладываясь къ иконѣ), улыбаясь подходилъ къ Пьеру. Борисъ былъ одѣтъ элегантно, съ оттѣнкомъ походной воинственности: на немъ былъ длинный сюртукъ и плеть черезъ плечо, такъ же, какъ у Кутузова.

Кутузовъ между тѣмъ подошелъ къ деревнѣ и сѣлъ въ тѣни ближайшаго дома на лавку, которую бѣгомъ принесъ одинъ казакъ, а другой поспѣшно покрылъ коврикомъ. Огромная блестящая свита окружила главнокомандующаго.

Икона тронулась дальше, сопутствуемая толпой. Пьеръ шагахъ въ тридцати отъ Кутузова остановился, разговаривая съ Борисомъ.

Пьеръ объяснилъ свое намѣреніе участвовать въ сраженіи и осмотрѣть позицію.

— Вотъ какъ сдѣлайте,—сказалъ Борисъ.—Je vous ferai les honneurs du camp [1]). Лучше всего вы увидите все оттуда, гдѣ будетъ графъ Бенигсенъ. Я вѣдь при немъ состою. Я ему доложу. А если хотите объѣхать позицію, то поѣдемте съ нами: мы сейчасъ ѣдемъ на лѣвый флангъ. А потомъ вернемся, и милости прошу у меня ночевать, и партію составимъ. Вы вѣдь знакомы съ Дмитріемъ Сергѣевичемъ? Онъ вотъ тутъ стоитъ,—онъ указалъ третій домъ въ Горкахъ.

— Но мнѣ бы хотѣлось видѣть правый флангъ; говорятъ, онъ очень силенъ,—сказалъ Пьеръ.—Я бы хотѣлъ проѣхать отъ Москвы рѣки и всю позицію.

— Ну, это послѣ можете, а главный—лѣвый флангъ...

— Да, да. А гдѣ же полкъ князя Болконскаго, не можете вы указать мнѣ?—спросилъ Пьеръ.

— Андрея Николаевича? Мы мимо проѣдемъ, я васъ проведу къ нему.

— Что жъ лѣвый флангъ?—спросилъ Пьеръ.

— По правдѣ вамъ сказать, entre nous [2]), лѣвый флангъ нашъ Богъ знаетъ въ какомъ положеніи,—сказалъ Борисъ, довѣрчиво понижая голосъ:—графъ Бенигсенъ совсѣмъ не то предполагалъ. Онъ предполагалъ укрѣпить вонъ тотъ курганъ совсѣмъ не такъ, но...—Борисъ пожалъ плечами,—свѣтлѣйшій не захотѣлъ, или ему наговорили. Вѣдь...—И Борисъ не договорилъ, потому что въ это время къ Пьеру подошелъ Кайсаровъ, адъютантъ Кутузова. — А! Паисій Сергѣичъ, — сказалъ Борисъ, съ свободной улыбкой обращаясь къ Кайсарову.—А я вотъ стараюсь объяснить графу позицію. Удивительно, какъ могъ свѣтлѣйшій такъ вѣрно угадать замыслы французовъ!

— Вы про лѣвый флангъ?—сказалъ Кайсаровъ.

— Да, да, именно. Лѣвый флангъ нашъ теперь очень, очень силенъ.

Несмотря на то, что Кутузовъ выгонялъ всѣхъ лишнихъ изъ штаба, Борисъ послѣ перемѣнъ, произведенныхъ Кутузовымъ, сумѣлъ удержаться при главной квартирѣ. Борисъ пристроился къ графу Бенигсену. Графъ Бенигсенъ, какъ и всѣ люди, при которыхъ находился Борисъ, считалъ молодого князя Друбецкого неоцѣненнымъ человѣкомъ.

---

1) Я васъ угощу лагеремъ.

2) Между нами.

Въ начальствованіи арміей были двѣ рѣзкія, опредѣленныя партіи: партія Кутузова и партія Бенигсена, начальника штаба. Борисъ находился при этой послѣдней партіи, и никто такъ, какъ онъ, не умѣлъ, воздавая раболѣпное уваженіе Кутузову, давать чувствовать, что старикъ плохъ и что все дѣло ведется Бенигсеномъ. Теперь наступила рѣшительная минута сраженія, которая должна или уничтожить Кутузова и передать власть Бенигсену, или, ежели бы даже Кутузовъ выигралъ сраженіе, дать почувствовать, что все сдѣлано Бенигсеномъ. Во всякомъ случаѣ за завтрашній день должны были быть розданы большія награды и выдвинуты впередъ новые люди. И вслѣдствіе этого Борисъ находился въ раздраженномъ оживленіи весь этотъ день.

За Кайсаровымъ къ Пьеру еще подошли другіе изъ его знакомыхъ, и онъ не успѣвалъ отвѣчать на разспросы о Москвѣ, которыми они засыпали его и не успѣвалъ выслушивать разсказовъ, которые ему дѣлали. На всѣхъ лицахъ выражались оживленіе и тревога. Но Пьеру казалось, что причина возбужденія, выражавшагося на нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, лежала больше въ вопросахъ личнаго успѣха, и у него не выходило изъ головы то другое выраженіе возбужденія, которое онъ видѣлъ на другихъ лицахъ и которое говорило о вопросахъ не личныхъ, а общихъ, вопросахъ жизни и смерти. Кутузовъ замѣтилъ фигуру Пьера и группу, собравшуюся около него.

— Позовите его ко мнѣ, — сказалъ Кутузовъ.

Адъютантъ передалъ желаніе свѣтлѣйшаго, и Пьеръ направился къ скамейкѣ. Но прежде всего къ Кутузову подошелъ рядовой ополченецъ. Это былъ Долоховъ.

— Этотъ какъ тутъ? — спросилъ Пьеръ.

— Это такая бестія, вездѣ пролѣзетъ! — отвѣчали Пьеру. — Вѣдь онъ разжалованъ. Теперь ему выскочить надо. Какіе-то проекты подавалъ и въ цѣпь непріятельскую ночью лазилъ... Но молодецъ!..

Пьеръ, снявъ шляпу, почтительно наклонился передъ Кутузовымъ.

— Я рѣшилъ, что ежели я доложу вашей свѣтлости, вы можете прогнать меня или сказать, что вамъ извѣстно то, что я докладываю, и тогда меня не убудетъ... — говорилъ Долоховъ.

— Такъ, такъ.

— А ежели я правъ, то я принесу пользу отечеству, для котораго я готовъ умереть.

— Такъ... такъ...

— И ежели вашей свѣтлости понадобится человѣкъ, который бы не жалѣлъ своей шкуры, то извольте вспомнить обо мнѣ... Можетъ-быть, я пригожусь вашей свѣтлости.

— Такъ... такъ... — повторилъ Кутузовъ, смѣющимся, суживающимся глазомъ глядя на Пьера.

Въ это время Борисъ, съ своею придворною ловкостью, выдвинулся рядомъ съ Пьеромъ въ близость начальства и съ самымъ естественнымъ видомъ и негромко, какъ бы продолжая начатый разговоръ, сказалъ Пьеру:

— Ополченцы — тѣ прямо надѣли чистыя, бѣлыя рубахи, чтобъ приготовиться къ смерти. Какое геройство, графъ!

Борисъ сказалъ это Пьеру, очевидно, для того, чтобы быть услышаннымъ свѣтлѣйшимъ. Онъ зналъ, что Кутузовъ обратитъ вниманіе на эти слова, и дѣйствительно свѣтлѣйшій обратился къ нему:

— Ты что говоришь про ополченье?—сказалъ онъ Борису.

— Они, ваша свѣтлость, готовясь къ завтрашнему дню, къ смерти, надѣли бѣлыя рубахи.

— А!.. Чудесный, безподобный народъ,—сказалъ Кутузовъ и, закрывъ глаза, покачалъ головой.—Безподобный народъ!—повторилъ онъ со вздохомъ.

— Хотите пороху понюхать? — сказалъ онъ Пьеру. — Да, пріятный запахъ. Имѣю честь быть обожателемъ супруги вашей, здорова она? Мой привалъ къ вашимъ услугамъ.

И, какъ это часто бываетъ съ старыми людьми, Кутузовъ сталъ разсѣянно оглядываться, какъ будто забывъ все, что ему нужно было сказать или сдѣлать.

Очевидно, вспомнивъ то, что онъ искалъ, онъ подманилъ къ себѣ Андрея Сергѣевича Кайсарова, брата своего адъютанта.

— Какъ, какъ стихи-то Марина: какъ стихи, какъ? Что на Геракова написалъ: «Будешь въ корпусѣ учитель...» Скажи, скажи,—заговорилъ Кутузовъ, очевидно собираясь посмѣяться. Кайсаровъ прочелъ... Кутузовъ, улыбаясь, кивалъ головой въ тактъ стиховъ.

Когда Пьеръ отошелъ отъ Кутузова, Долоховъ, подвинувшись къ нему, взялъ его за руку.

— Очень радъ встрѣтить васъ здѣсь, графъ,—сказалъ онъ ему громко и, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ, съ особенною рѣшительностью и торжественностью. — Наканунѣ дня, въ который Богъ знаетъ кому изъ насъ суждено остаться въ живыхъ, я радъ случаю сказать вамъ, что я жалѣю о тѣхъ недоразумѣніяхъ, которыя были между нами, и желалъ бы, чтобы вы не имѣли противъ меня ничего. Прошу васъ простить меня.

Пьеръ, улыбаясь, глядѣлъ на Долохова, не зная, что сказать ему. Долоховъ со слезами, выступившими ему на глаза, обнялъ и поцѣловалъ Пьера.

Борисъ что-то сказалъ своему генералу, и графъ Бенигсенъ обратился къ Пьеру и предложилъ ѣхать съ собою вмѣстѣ по линіи.

— Вамъ это будетъ интересно, — сказалъ онъ.

— Да, очень интересно, — сказалъ Пьеръ.

Черезъ полчаса Кутузовъ уѣхалъ въ Татаринову, и Бенигсенъ со свитой, въ числѣ которой былъ и Пьеръ, поѣхалъ по линіи.

XXIII.

Бенигсенъ отъ Горокъ спустился по большой дорогѣ къ мосту, на который Пьеру указывалъ офицеръ съ кургана, какъ на центръ позиціи, и у котораго на берегу лежали ряды скошенной пахнувшей сѣномъ травы. Черезъ мостъ они проѣхали въ село Бородино, оттуда повернули влѣво и мимо огромнаго количества войскъ и пушекъ выѣхали къ высокому кургану, на которомъ копали землю ополченцы. Это былъ редутъ, еще не имѣвшій названія, потомъ получившій названіе редута Раевскаго, или курганной батареи.

Пьеръ не обратилъ особеннаго вниманія на этотъ редутъ. Онъ не зналъ, что это мѣсто будетъ для него памятнѣе всѣхъ мѣстъ Бородинскаго поля. Потомъ они поѣхали черезъ оврагъ къ Семеновскому, въ которомъ солдаты растаскивали послѣднія бревна избъ и овиновъ. Потомъ подъ гору и на гору, они проѣхали впередъ черезъ поломанную, выбитую градомъ рожь, по вновь проложенной артиллеріею по колчамъ пашни дорогѣ на флеши [1]), тоже тогда еще копаемыя.

Бенигсенъ остановился на флешахъ и сталъ смотрѣть впередъ на (бывшій еще вчера нашимъ) Шевардинскій редутъ, на которомъ виднѣлось нѣсколько всадниковъ. Офицеры говорили, что тамъ былъ Наполеонъ или Мюратъ. И всѣ жадно смотрѣли на эту кучку всадниковъ. Пьеръ тоже смотрѣлъ туда, стараясь угадать, который изъ этихъ чуть виднѣвшихся людей былъ Наполеонъ. Наконецъ всадники съѣхали съ кургана и скрылись.

Бенигсенъ обратился къ подошедшему къ нему генералу и сталъ пояснять все положеніе нашихъ войскъ. Пьеръ слушалъ слова Бенигсена, напрягая всѣ свои умственныя силы къ тому,

---

1) Родъ укрѣпленія.

чтобы понять сущность предстоящаго сраженія, но съ огорченіемъ чувствовалъ, что умственныя способности его для этого были недостаточны. Онъ ничего не понималъ. Бенигсенъ пересталъ говорить и, замѣтивъ фигуру прислушивавшагося Пьера:

— Вамъ, я думаю, не интересно? — сказалъ онъ, вдругъ обращаясь къ нему.

— Ахъ, напротивъ, очень интересно! — повторилъ Пьеръ не совсѣмъ правдиво.

Съ флешъ они поѣхали еще лѣвѣе дорогою, вьющеюся по частому, невысокому березовому лѣсу. Въ серединѣ этого лѣса выскочилъ передъ ними на дорогу коричневый съ бѣлыми ногами заяцъ и, испуганный топотомъ большого количества лошадей, такъ растерялся, что долго прыгалъ по дорогѣ впереди ихъ, возбуждая общее вниманіе и смѣхъ, и только, когда въ нѣсколько голосовъ крикнули на него, бросился въ сторону и скрылся въ чащѣ. Проѣхавъ версты двѣ по лѣсу, они выѣхали на поляну, на которой стояли войска корпуса Тучкова, долженствовавшаго защищать лѣвый флангъ.

Здѣсь, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, Бенигсенъ много и горячо говорилъ и сдѣлалъ, какъ казалось Пьеру, важное въ военномъ отношеніи распоряженіе. Впереди расположенія войскъ Тучкова находилось возвышеніе. Это возвышеніе не было занято войсками. Бенигсенъ громко критиковалъ эту ошибку, говоря, что было безумно оставить незанятою командующую мѣстностью высоту и поставить войско подъ нею. Нѣкоторые генералы выражали то же мнѣніе. Одинъ въ особенности съ воинскою горячностью говорилъ о томъ, что ихъ поставили тутъ на убой. Бенигсенъ приказалъ своимъ именемъ передвинуть войска на высоту.

Распоряженіе это на лѣвомъ флангѣ еще болѣе заставило Пьера усомниться въ его способности понять военное дѣло. Слушая Бенигсена и генераловъ, осуждавшихъ положеніе войскъ подъ горою, Пьеръ вполнѣ понималъ ихъ и раздѣлялъ ихъ мнѣніе; но именно вслѣдствіе этого онъ не могъ понять, какимъ образомъ могъ тотъ, кто поставилъ ихъ тутъ подъ горою, сдѣлать такую очевидную и грубую ошибку.

Пьеръ не зналъ того, что войска эти были поставлены не для защиты позиціи, какъ думалъ Бенигсенъ, а были поставлены въ скрытое мѣсто для засады, т.-е. для того, чтобы быть незамѣченными и вдругъ ударить на подвигавшагося непріятеля. Бенигсенъ не зналъ этого и передвинулъ войска впередъ по особеннымъ соображеніямъ, не сказавъ объ этомъ главнокомандующему.

XXIV.

Князь Андрей въ этотъ ясный августовскій вечеръ 25-го числа лежалъ, облокотившись на руку, въ разломанномъ сараѣ деревни Князькова, на краю расположенія своего полка. Въ отверстіе сломанной стѣны онъ смотрѣлъ на шедшую вдоль по забору полосу тридцатилѣтнихъ березъ съ обрубленными нижними сучьями, на пашню съ разбитыми на ней копнами овса и на кустарникъ, по которому виднѣлись дымы костровъ — солдатскихъ кухонь.

Какъ ни тѣсна, ни никому не нужна и ни тяжка теперь казалась князю Андрею его жизнь, онъ такъ же, какъ и семь лѣтъ тому назадъ въ Аустерлицѣ, наканунѣ сраженія, чувствовалъ себя взволнованнымъ и раздраженнымъ.

Приказанія на завтрашнее сраженіе были отданы и получены имъ. Дѣлать ему было больше нечего. Но мысли, самыя простыя, ясныя и потому страшныя мысли, не оставляли его въ покоѣ. Онъ зналъ, что завтрашнее сраженіе должно было быть самое страшное изъ всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, и возможность смерти въ первый разъ въ его жизни, безъ всякаго отношенія къ житейскому, безъ соображеній о томъ, какъ она подѣйствуетъ на другихъ, а только по отношенію къ нему самому, къ его душѣ, съ живостью, почти съ достовѣрностью, просто и ужасно представилась ему. И съ высоты этого представленія все, что прежде мучило и занимало его, вдругъ освѣтилось холоднымъ, бѣлымъ свѣтомъ, безъ тѣней, безъ перспективы, безъ различія очертаній. Вся жизнь представилась ему волшебнымъ фонаремъ, въ который онъ долго смотрѣлъ сквозь стекло и при искусственномъ освѣщеніи. Теперь онъ увидалъ вдругъ безъ стекла, при яркомъ дневномъ свѣтѣ, эти дурно намалеванныя картины. «Да, да, вотъ они, тѣ волновавшіе и восхищавшіе и мучившіе меня ложные образы», говорилъ онъ себѣ, перебирая въ своемъ воображеніи главныя картины своего волшебнаго фонаря жизни, глядя теперь на нихъ при этомъ холодномъ, бѣломъ свѣтѣ дня — ясной мысли о смерти. «Вотъ онѣ, эти грубо намалеванныя фигуры, которыя представлялись чѣмъ-то прекраснымъ и таинственнымъ. Слава, общественное благо, любовь къ женщинѣ, самое отечество — какъ велики казались мнѣ эти картины, какого глубокаго смысла казались онѣ исполненными! И все это такъ просто, блѣдно и грубо при холодномъ, бѣломъ свѣтѣ того утра, которое, я чувствую, поднимается для меня». Три главныя горя его жизни въ особенности

останавливали его вниманіе: его любовь къ женщинѣ, смерть его отца и французское нашествіе, захватившее половину Россіи. «Любовь!.. Эта дѣвочка, мнѣ казавшаяся преисполненною таинственныхъ силъ! Какъ же? я любилъ ее, я дѣлалъ поэтическіе планы о любви, о счастьѣ съ нею. О, милый мальчикъ!» съ злостью вслухъ проговорилъ онъ. «Какъ же! я вѣрилъ въ какую-то идеальную любовь, которая должна была мнѣ сохранить ея вѣрность за цѣлый годъ моего отсутствія. Какъ нѣжный голубокъ басни, она должна была зачахнуть въ разлукѣ со мной. А все это гораздо проще... Все это ужасно просто, гадко!»

«Отецъ тоже строилъ въ Лысыхъ Горахъ и думалъ, что это его мѣсто, его земля, его воздухъ, его мужики; а пришелъ Наполеонъ и, не зная о его существованіи, какъ щепку съ дороги, столкнулъ его, и развалились его Лысыя Горы и вся его жизнь. А княжна Марья говоритъ, что это испытаніе, посланное свыше. Для чего же испытаніе, когда уже его нѣтъ и не будетъ? никогда больше не будетъ! Его нѣтъ. Такъ кому же это испытаніе?—Отечество, погибель Москвы! А завтра меня убьетъ — и не французъ даже, а свой, какъ вчера разрядилъ солдатъ ружье около моего уха; и придутъ французы, возьмутъ меня за ноги и за голову и швырнутъ въ яму, чтобъ я не воняль имъ подъ носомъ; и сложатся новыя условія жизни, которыя будутъ такъ же привычны для другихъ, и я не буду знать про нихъ, и меня не будетъ».

Онъ поглядѣлъ на полосу березъ, съ ихъ неподвижной желтизной, зеленью и бѣлой корой, блестѣвшихъ на солнцѣ. «Умереть... Чтобы меня убили... завтра... Чтобы меня не было... Чтобы все это было, а меня бы не было». Онъ живо представилъ себѣ отсутствіе себя отъ этой жизни. И эти березы съ ихъ свѣтомъ и тѣнью, и эти курчавыя облака, и этотъ дымъ костровъ, все это вокругъ преобразилось для него и показалось чѣмъ-то страшнымъ и угрожающимъ. Морозъ пробѣжалъ по его спинѣ. Быстро вставъ, онъ вышелъ изъ сарая и сталъ ходить.

За сараемъ послышались голоса.

— Кто тамъ? — окликнулъ князь Андрей.

Красноносый капитанъ Тимохинъ, бывшій ротный командиръ Долохова, теперь, за убылью офицеровъ, батальонный командиръ, робко вошелъ въ сарай. За нимъ вошли адъютантъ и казначей полка.

Князь Андрей поспѣшно всталъ, выслушалъ то, что по службѣ имѣли передать ему офицеры, передалъ имъ еще нѣкоторыя приказанія и сбирался отпустить ихъ, когда изъ-за сарая послышался знакомый пришепетывающій голосъ.

— Que diable! [1])—сказалъ голосъ человѣка, стукнувшагося обо что-то.

Князь Андрей, выглянувъ изъ сарая, увидалъ подходящаго къ нему Пьера, который споткнулся на лежавшую жердь и чуть не упалъ. Князю Андрею вообще непріятно было видѣть людей изъ своего міра, въ особенности же Пьера, который напоминалъ ему всѣ тѣ тяжелыя минуты, которыя онъ пережилъ въ послѣдній пріѣздъ въ Москву.

— А, вотъ какъ! — сказалъ онъ. — Какими судьбами? Вотъ не ждалъ.

Въ то время какъ онъ говорилъ это, въ глазахъ его и выраженіи всего лица было больше чѣмъ сухость,—была враждебность, которую тотчасъ же замѣтилъ Пьеръ. Онъ подходилъ къ сараю въ самомъ оживленномъ состояніи духа, но, увидавъ выраженіе лица князя Андрея, онъ почувствовалъ себя стѣсненнымъ и неловкимъ.

— Я пріѣхалъ... такъ... знаете... пріѣхалъ... мнѣ интересно, — сказалъ Пьеръ, уже столько разъ въ этотъ день повторявшій это слово «интересно». — Я хотѣлъ видѣть сраженіе.

— Да, да, а братья-масоны что говорятъ о войнѣ? Какъ предотвратить ее? — сказалъ князь Андрей насмѣшливо.—Ну, что Москва? Что мои? Пріѣхали ли наконецъ въ Москву? — спросилъ онъ серьезно.

— Пріѣхали. Жюли Друбецкая говорила мнѣ. Я поѣхалъ къ нимъ и не засталъ. Они уѣхали въ подмосковную.

XXV.

Офицеры хотѣли откланяться, но князь Андрей, какъ будто не желая оставаться съ глазу на глазъ съ своимъ другомъ, предложилъ имъ посидѣть и напиться чаю. Подали скамейки и чай. Офицеры не безъ удивленія смотрѣли на толстую, громадную фигуру Пьера и слушали его разсказы о Москвѣ и о расположеніи нашихъ войскъ, которыя ему удалось объѣздить. Князь Андрей молчалъ, и лицо его такъ было непріятно, что Пьеръ обращался болѣе къ добродушному батальонному командиру Тимохину, чѣмъ къ Болконскому.

— Такъ ты понялъ все расположеніе войскъ?—перебилъ его князь Андрей.

---

[1]) Чортъ возьми.

— Да, т.-е. какъ?—сказалъ Пьеръ,—какъ не военный человѣкъ я не могу сказать, чтобы вполнѣ, но все-таки понялъ общее расположеніе.

— Eh bien, vous êtes plus avancé que qui cela soit [1]),— сказалъ князь Андрей.

— А!—сказалъ Пьеръ съ недоумѣніемъ, черезъ очки глядя на князя Андрея. — Ну, какъ вы скажете насчетъ назначенія Кутузова? — сказалъ онъ.

— Я очень радъ буду этому назначенію, вотъ все, что я знаю, — сказалъ князь Андрей.

— Ну, а скажите, какое ваше мнѣніе насчетъ Барклая-де-Толли? Въ Москвѣ Богъ знаетъ что говорили про него. Какъ вы судите о немъ?

— Спроси вотъ у нихъ, — сказалъ князь Андрей, указывая на офицеровъ.

Пьеръ съ снисходительно - вопросительной улыбкой, съ которой невольно всѣ обращались къ Тимохину, посмотрѣлъ на него.

— Свѣтъ увидали, ваше сіятельство, какъ свѣтлѣйшій поступилъ, — робко и безпрестанно оглядываясь на своего полкового командира, сказалъ Тимохинъ.

— Отчего же такъ? — спросилъ Пьеръ.

— Да вотъ хоть бы насчетъ дровъ или кормовъ, доложу вамъ. Вѣдь мы отъ Свенціанъ отступали, не смѣй хворостины тронуть или сѣнца тамъ, или что. Вѣдь мы уходимъ, *ему* достается, не такъ ли, ваше сіятельство?—обратился онъ къ своему князю,—а ты не смѣй. Въ нашемъ полку подъ судъ двухъ офицеровъ отдали за этакія дѣла. Ну, какъ свѣтлѣйшій поступилъ, такъ насчетъ этого просто стало. Свѣтъ увидали...

— Такъ отчего же онъ запрещалъ?

Тимохинъ сконфуженно оглядывался, не понимая, какъ и что отвѣчать на такой вопросъ. Пьеръ съ тѣмъ же вопросомъ обратился къ князю Андрею.

— А чтобы не разорять край, который мы оставляли непріятелю, — злобно-насмѣшливо сказалъ князь Андрей. — Это очень основательно: нельзя позволять грабить край и пріучаться войскамъ къ мародерству. Ну, и въ Смоленскѣ онъ тоже правильно разсудилъ, что французы могутъ обойти насъ и что у нихъ больше силъ. Но онъ не могъ понять того,—вдругъ какъ бы вырвавшимся тонкимъ голосомъ закричалъ князь Андрей, — но онъ не могъ понять, что мы въ первый разъ дрались тамъ за

---

[1]) Ну, такъ вы знаете больше, чѣмъ кто бы то ни было.

русскую землю, что въ войскахъ былъ такой духъ, какого никогда я не видалъ, что мы два дня сряду отбивали французовъ и что этотъ успѣхъ удесятерялъ наши силы. Онъ велѣлъ отступать, и всѣ усилія и потери пропали даромъ. Онъ не думалъ объ измѣнѣ, онъ старался все сдѣлать какъ можно лучше, онъ все обдумалъ; но отъ этого-то онъ и не годится. Онъ не годится теперь именно потому, что онъ все обдумываетъ очень основательно и аккуратно, какъ и слѣдуетъ всякому нѣмцу. Какъ бы тебѣ сказать... Ну, у отца твоего нѣмецъ-лакей, и онъ прекрасный лакей, и удовлетворитъ всѣмъ его нуждамъ лучше тебя, и пускай онъ служитъ; но ежели отецъ при смерти боленъ, ты прогонишь лакея и своими непривычными, неловкими руками станешь ходить за отцомъ и лучше успокоишь его, чѣмъ искусный, но чужой человѣкъ. Такъ и сдѣлали съ Барклаемъ. Пока Россія была здорова, ей могъ служить чужой, и былъ прекрасный министръ; но какъ только она въ опасности, нуженъ свой, родной человѣкъ. А у васъ въ клубѣ выдумали, что онъ измѣнникъ! Тѣмъ, что его оклеветали измѣнникомъ, сдѣлаютъ только то, что потомъ, устыдившись своего ложнаго нареканія, изъ измѣнниковъ сдѣлаютъ вдругъ героемъ или геніемъ, что еще будетъ несправедливѣе. Онъ честный и очень аккуратный нѣмецъ...

— Однако, говорятъ, онъ искусный полководецъ, — сказалъ Пьеръ.

— Я не понимаю, что такое значитъ искусный полководецъ, — съ насмѣшкой сказалъ князь Андрей.

— Искусный полководецъ, — сказалъ Пьеръ, — ну, тотъ, который предвидѣлъ всѣ случайности... ну, угадалъ мысли противника.

— Да это невозможно, — сказалъ князь Андрей, какъ будто про давно рѣшенное дѣло.

Пьеръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Однако, — сказалъ онъ, — вѣдь говорятъ же, что война подобна шахматной игрѣ.

— Да, — сказалъ князь Андрей, — только съ тою маленькою разницей, что въ шахматахъ надъ каждымъ шагомъ ты можешь думать сколько угодно, что ты тамъ внѣ условій времени, и еще съ той разницей, что конь всегда сильнѣе пѣшки и двѣ пѣшки всегда сильнѣе одной, а на войнѣ одинъ батальонъ иногда сильнѣе дивизіи, а иногда слабѣе роты. Относительная сила войскъ никому не можетъ быть извѣстна. Повѣрь мнѣ, — сказалъ онъ, — что ежели бы что зависѣло отъ распоряженій штабовъ, то я бы былъ тамъ и дѣлалъ бы распоряженія, а вмѣ-

сто того я имѣю честь служить здѣсь, въ полку, вотъ съ этими господами, и считаю, что отъ насъ дѣйствительно будетъ зависѣть завтрашній день, а не отъ нихъ... Успѣхъ никогда не зависѣлъ и не будетъ зависѣть ни отъ позиціи, ни отъ вооруженія, ни даже отъ числа; а ужъ меньше всего отъ позиціи.

— А отъ чего же?

— Отъ того чувства, которое есть во мнѣ, въ немъ, — онъ указалъ на Тимохина, — въ каждомъ солдатѣ.

Князь Андрей взглянулъ на Тимохина, который испуганно и недоумѣвая смотрѣлъ на своего командира. Въ противность своей прежней сдержанной молчаливости, князь Андрей казался теперь взволнованнымъ. Онъ, видимо, не могъ удержаться отъ высказыванія тѣхъ мыслей, которыя неожиданно приходили ему.

— Сраженіе выигрываетъ тотъ, кто твердо рѣшилъ его выиграть. Отчего мы подъ Аустерлицомъ проиграли сраженіе? У насъ потеря была почти равная съ французами, но мы сказали себѣ очень рано, что мы проиграли сраженіе, и проиграли. А сказали мы это потому, что намъ тамъ не зачѣмъ было драться: поскорѣе хотѣлось уйти съ поля сраженія. «Проиграли — ну такъ бѣжать!» мы и побѣжали. Ежели бы до вечера мы не говорили этого, Богъ знаетъ что бы было. А завтра мы этого не скажемъ. Ты говоришь: наша позиція, лѣвый флангъ слабъ, правый флангъ растянутъ, — продолжалъ онъ, — все это вздоръ, ничего этого нѣтъ. А что намъ предстоитъ завтра? Сто милліоновъ самыхъ разнообразныхъ случайностей, которыя будутъ рѣшаться мгновенно тѣмъ, что побѣжали или побѣгутъ они или наши, что убьютъ того, убьютъ другого; а то, что дѣлается теперь, — все это забава. Дѣло въ томъ, что тѣ, съ кѣмъ ты ѣздилъ по позиціи, не только не содѣйствуютъ общему ходу дѣлъ, но мѣшаютъ ему. Они заняты только своими маленькими интересами.

— Въ такую минуту? — укоризненно сказалъ Пьеръ.

— *Въ такую минуту*, — повторилъ князь Андрей, — для нихъ это только такая минута, въ которую можно подкопаться подъ врага и получить лишній крестикъ или ленточку. Для меня на завтра вотъ что: стотысячное русское и стотысячное французское войска сошлись драться, и фактъ въ томъ, что эти 200 тысячъ дерутся, и кто будетъ злѣй драться и себя меньше жалѣть, тотъ побѣдитъ. И хочешь, я тебѣ скажу, что, что̀ бы тамъ ни было, что̀ бы ни путали тамъ вверху, мы выиграемъ сраженіе завтра. Завтра, что̀ бы тамъ ни было, мы выиграемъ сраженіе!

— Вотъ, ваше сіятельство, правда; правда истинная, — проговорилъ Тимохинъ. — Что себя жалѣть теперь? Солдаты въ

моемъ батальонѣ, повѣрите ли, не стали водку пить: не такой день, говорятъ.

Всѣ помолчали. Офицеры поднялись. Князь Андрей вышелъ съ ними за сарай, отдавая послѣднія приказанія адъютанту. Когда офицеры ушли, Пьеръ подошелъ къ князю Андрею и только что хотѣлъ начать разговоръ, какъ по дорогѣ недалеко отъ сарая застучали копыта трехъ лошадей, и, взглянувъ по этому направленію, князь Андрей узналъ Вольцогена съ Клаузевицемъ, сопутствуемыхъ казакомъ. Они близко проѣхали, продолжая разговаривать, и Пьеръ съ княземъ Андреемъ невольно услыхали слѣдующія фразы:

— Der Krieg muss im Raum verlegt werden. Der Ansicht kann ich nicht genug Preis geben [1]), — говорилъ одинъ.

— O, ja, — сказалъ другой голосъ, — der Zveck ist nur den Feind zu schwächen, so kann man gewiss nicht den Verlust der Privat-Personen in Achtung nehmen.

— O, ja [2]), — подтвердилъ первый голосъ.

— Да, im Raum verlegen [3]), — повторилъ, злобно фыркая носомъ, князь Андрей, когда они проѣхали. — Im Raum-то [4]) у меня остался отецъ и сынъ, и сестра въ Лысыхъ Горахъ. Ему это все равно. Вотъ оно то, что̀ я тебѣ говорилъ, — эти господа-нѣмцы завтра не выиграютъ сраженія, а только нагадятъ, сколько ихъ силъ будетъ; потому что въ его нѣмецкой головѣ только разсужденія, не стоящія выѣденнаго яйца, а въ сердцѣ нѣтъ того, что одно только и нужно на завтра, — то, что есть въ Тимохинѣ. Они всю Европу отдали *ему* и пріѣхали насъ учить — славные учителя! — опять взвизгнулъ его голосъ.

— Такъ вы думаете, что завтрашнее сраженіе будетъ выиграно? — сказалъ Пьеръ.

— Да, да, — разсѣянно сказалъ князь Андрей. — Одно, что бы я сдѣлалъ, ежели бы имѣлъ власть, — началъ онъ опять, — я не бралъ бы плѣнныхъ. Что такое плѣнные? Это рыцарство. Французы разорили мой домъ и идутъ разорить Москву; оскорбили и оскорбляютъ меня всякую секунду. Они враги мои, они преступники всѣ по моимъ понятіямъ. И такъ же думаетъ Ти-

---

[1]) Война должна быть перенесена въ пространство. Я не могу нахвалиться такимъ воззрѣніемъ.

[2]) О, да, такъ какъ цѣль состоитъ только въ томъ, чтобы ослабить врага, то, конечно, нельзя принимать во вниманіе потерю частныхъ лицъ. — О, да.

[3]) Да, перенесть въ пространство.

[4]) Въ пространствѣ.

мохинъ и вся армія. Надо ихъ казнить. Ежели они враги мои, то не могутъ быть друзьями, какъ бы они тамъ ни разговаривали въ Тильзитѣ.

— Да, да,—проговорилъ Пьеръ, блестящими глазами глядя на князя Андрея,—я совершенно согласенъ съ вами!

Тотъ вопросъ, который съ Можайской горы и во весь этотъ день тревожилъ Пьера, теперь представился ему совершенно яснымъ и вполнѣ разрѣшеннымъ. Онъ понялъ теперь весь смыслъ и все значеніе этой войны и предстоящаго сраженія. Все, что онъ видѣлъ въ этотъ день, всѣ значительныя, строгія выраженія лицъ, которыя онъ мелькомъ видѣлъ, освѣтились для него новымъ свѣтомъ. Онъ понялъ ту скрытую (latente), какъ говорится въ физикѣ, теплоту патріотизма, которая была во всѣхъ тѣхъ людяхъ, которыхъ онъ видѣлъ, и которая объясняла ему то, зачѣмъ всѣ эти люди спокойно и какъ будто легкомысленно готовились къ смерти.

— Не брать плѣнныхъ,—продолжалъ князь Андрей.—Это одно измѣнило бы всю войну и сдѣлало бы ее менѣе жестокой. А то мы играли въ войну—вотъ что скверно; мы великодушничаемъ и т. п. Это великодушничанье и чувствительность—въ родѣ великодушія и чувствительности барыни, съ которой дѣлается дурнота, когда она видитъ убиваемаго теленка: она такъ добра, что не можетъ видѣть кровь, но она съ аппетитомъ кушаетъ этого теленка подъ соусомъ. Намъ толкуютъ о правахъ войны, о рыцарствѣ, о парламентерствѣ, щадить несчастныхъ и т. д. Все вздоръ. Я видѣлъ въ 1805 году рыцарство, парламентерство: насъ надули, мы надули. Грабятъ чужіе дома, пускаютъ фальшивыя ассигнаціи, да хуже всего—убиваютъ моихъ дѣтей, моего отца, и говорятъ о правилахъ войны и великодушіи къ врагамъ. Не брать плѣнныхъ, а убивать и идти на смерть! Кто дошелъ до этого такъ, какъ я, тѣми же страданіями...

Князь Андрей, думавшій, что ему было все равно, возьмутъ ли или не возьмутъ Москву такъ, какъ взяли Смоленскъ, внезапно остановился въ своей рѣчи отъ неожиданной судороги, схватившей его за горло. Онъ прошелся нѣсколько разъ молча, но глаза его лихорадочно блестѣли и губа дрожала, когда онъ опять сталъ говорить:

— Ежели бы не было великодушничанья на войнѣ, то мы шли бы только тогда, когда стоитъ того идти на вѣрную смерть, какъ теперь. Тогда не было бы войны за то, что Павелъ Иванычъ обидѣлъ Михаила Иваныча. А ежели война, какъ теперь, такъ война. И тогда интенсивность войскъ была бы не та, какъ те-

перь. Тогда бы всѣ эти вестфальцы и гессенцы, которыхъ ведетъ Наполеонъ, не пошли бы за нимъ въ Россію, и мы бы не ходили драться въ Австрію и въ Пруссію, сами не зная зачѣмъ. Война—не любезность, а самое гадкое дѣло въ жизни; и надо понимать это, а не играть въ войну. Надо принимать строго и серьезно эту страшную необходимость. Все въ этомъ: откинуть ложь, и война, такъ война, а не игрушка. А то война — это любимая забава праздныхъ и легкомысленныхъ людей. Военное сословіе — самое почетное.

— А что такое война, что нужно для успѣха въ военномъ дѣлѣ, какіе нравы военнаго общества? Цѣль войны—убійство; орудіе войны—шпіонство, измѣна и поощреніе ея, разореніе жителей, ограбленіе ихъ или воровство для продовольствія арміи; обманъ и ложь, называемое военными хитростями; нравы военнаго сословія—отсутствіе свободы, т.-е. дисциплина, праздность, невѣжество, жестокость, развратъ, пьянство. И несмотря на то, это—высшее сословіе, почитаемое всѣми. Всѣ цари, кромѣ китайскаго, носятъ военный мундиръ, и тому, кто больше убилъ народа, даютъ бо̀льшую награду.

— Сойдутся, какъ завтра, на убійство другъ друга, перебьютъ, перекалѣчатъ десятки тысячъ людей, а потомъ будутъ служить благодарственные молебны за то, что побили много людей (которыхъ число еще прибавляютъ), и провозглашаютъ побѣду, полагая, что чѣмъ больше побито людей, тѣмъ больше заслуга. Какъ Богъ оттуда смотритъ и слушаетъ ихъ! — тонкимъ, пискливымъ голосомъ прокричалъ князь Андрей.—Ахъ, душа моя, послѣднее время мнѣ стало тяжело жить. Я вижу, что сталъ понимать слишкомъ много. А не годится человѣку вкушать отъ древа познанія добра и зла... Ну, да не надолго!— прибавилъ онъ.

— Однако ты спишь, да и мнѣ пора; поѣзжай въ Горки,— вдругъ сказалъ князь Андрей.

— О нѣтъ! — отвѣчалъ Пьеръ, испуганно-соболѣзнующими глазами глядя на князя Андрея.

— Поѣзжай, поѣзжай: передъ сраженіемъ нужно выспаться, — повторилъ князь Андрей.

Онъ быстро подошелъ къ Пьеру, обнялъ его и поцѣловалъ.

— Прощай, ступай, — прокричалъ онъ. — Увидимся ли, нѣтъ...—и онъ, поспѣшно повернувшись, ушелъ въ сарай.

Было уже темно, и Пьеръ не могъ разобрать того выраженія, которое было на лицѣ князя Андрея, было ли оно злобно или нѣжно.

Пьеръ постоялъ нѣсколько времени молча, раздумывая, пойти ли за нимъ или ѣхать домой. «Нѣтъ, ему не нужно!» рѣшилъ самъ собой Пьеръ, «и я знаю, что это наше послѣднее свиданіе». Онъ тяжело вздохнулъ и поѣхалъ назадъ въ Горки.

Князь Андрей, вернувшись въ сарай, легъ на коверъ, но не могъ спать.

Онъ закрылъ глаза. Одни образы смѣнялись другими. На одномъ онъ долго, радостно остановился. Онъ живо вспомнилъ одинъ вечеръ въ Петербургѣ. Наташа съ оживленнымъ, взволнованнымъ лицомъ разсказывала ему, какъ она въ прошлое лѣто, ходя за грибами, заблудилась въ большомъ лѣсу. Она несвязно описывала ему и глушь лѣса, и свои чувства, и разговоры съ пчельникомъ, котораго она встрѣтила, и, всякую минуту перерываясь въ своемъ разсказѣ, говорила: «нѣтъ, не могу, я не такъ разсказываю; нѣтъ, вы не понимаете», несмотря на то, что князь Андрей успокоивалъ ее, говоря, что онъ понимаетъ, и дѣйствительно понималъ все, что она хотѣла сказать. Наташа была недовольна своими словами,—она чувствовала, что не выходило то страстно-поэтическое ощущеніе, которое она испытала въ тотъ день и которое она хотѣла выворотить наружу. «Это такая прелесть былъ этотъ старикъ, и темно такъ въ лѣсу... и такіе добрые у него... нѣтъ, я не умѣю разсказать», говорила она, краснѣя и волнуясь. Князь Андрей улыбнулся теперь той же радостной улыбкой, которой онъ улыбался тогда, глядя ей въ глаза. «Я понималъ ее», думалъ князь Андрей. «Не только понималъ, но эту-то душевную силу, эту искренность, эту открытость душевную, это-то душу ея, которую какъ будто связывало тѣло, эту-то душу я и любилъ въ ней... такъ сильно, такъ счастливо любилъ...» И вдругъ онъ вспомнилъ о томъ, чѣмъ кончилась его любовь. «*Ему* ничего этого не нужно было. *Онъ* ничего этого не видѣлъ и не понималъ. Онъ видѣлъ въ ней хорошенькую и *свѣженькую* дѣвочку, съ которой онъ не удостоилъ связать свою судьбу. А я?.. И до сихъ поръ онъ живъ и веселъ».

Князь Андрей, какъ будто кто-нибудь обжегъ его, вскочилъ и сталъ опять ходить передъ сараемъ.

XXVI.

25-го августа, наканунѣ Бородинскаго сраженія, префектъ дворца императора французовъ m-r de Beausset и полковникъ Fabvier пріѣхали, первый изъ Парижа, второй изъ Мадрита, къ императору Наполеону въ его стоянку у Валуева.

Переодѣвшись въ придворный мундиръ, m-r de Beausset приказалъ нести впереди себя привезенную имъ императору посылку и вошелъ въ первое отдѣленіе палатки Наполеона, гдѣ, переговариваясь съ окружившими его адъютантами Наполеона, занялся раскупориваніемъ ящика.

Fabvier, не входя въ палатку, остановился разговорясь съ знакомыми генералами, у входа въ нее.

Императоръ Наполеонъ еще не выходилъ изъ своей спальни и оканчивалъ свой туалетъ. Онъ, пофыркивая и покряхтывая, поворачивался то толстой спиной, то обросшей жирной грудью подъ щетку, которою камердинеръ растиралъ его тѣло. Другой камердинеръ, придерживая пальцемъ стклянку, брызгалъ одеколономъ на выхоленное тѣло императора съ такимъ выраженіемъ, которое говорило, что онъ одинъ могъ знать, сколько и куда надо брызнуть одеколону. Короткіе волосы Наполеона были мокры и спутаны на лобъ. Но лицо его, хотя опухшее и желтое, выражало физическое удовольствіе: «Allez ferme, allez toujours...» [1]) приговаривалъ онъ, пожимаясь и покряхтывая, растиравшему камердинеру. Адъютантъ, вошедшій въ спальню съ тѣмъ, чтобы доложить императору о томъ, сколько было во вчерашнемъ дѣлѣ взято плѣнныхъ, передавъ то, что нужно было, стоялъ у двери, ожидая позволенія уйти. Наполеонъ сморщась взглянулъ исподлобья на адъютанта.

— Point de prissoniers, —повторилъ онъ слова адъютанта.— Ils se font démolir. Tant pis pour l'armée russe,—сказалъ онъ.— Allez toujours, allez ferme [2]),—проговорилъ онъ, горбатясь и подставляя свои жирныя плечи.

— C'est bien! Faites entrer m-r de Beausset, ainsi que Fabvier [3]),—сказалъ онъ адъютанту, кивнувъ головой.

— Oui, Sire [4]),—и адъютантъ исчезъ въ дверь палатки.

Два камердинера быстро одѣли его величество, и онъ, въ гвардейскомъ синемъ мундирѣ, твердыми, быстрыми шагами вышелъ въ пріемную.

Боссе въ это время торопился руками, устанавливая привезенный имъ подарокъ отъ императрицы на двухъ стульяхъ, прямо передъ входомъ императора. Но императоръ такъ неожиданно скоро одѣлся и вышелъ, что онъ не успѣлъ вполнѣ приготовить сюрпризъ.

---

1) Валяй крѣпче, валяй.

2) Нѣтъ плѣнныхъ. Они заставляютъ насъ уничтожать ихъ. Тѣмъ хуже для русской арміи. — Валяй, валяй крѣпче.

3) Хорошо! Впустите г. де-Боссе и Фабвье также.

4) Слушаю, ваше величество!

Наполеонъ тотчасъ замѣтилъ то, что они дѣлали, и догадался, что они были еще не готовы. Онъ не захотѣлъ лишить ихъ удовольствія сдѣлать ему сюрпризъ. Онъ притворился, что не видитъ господина Боссе, и подозвалъ къ себѣ Фабвье. Наполеонъ слушалъ, строго нахмурившись и молча, то, что говорилъ Фабвье о храбрости и преданности его войскъ, дравшихся при Саламанкѣ на другомъ концѣ Европы и имѣвшихъ только одну мысль—быть достойными своего императора и одинъ страхъ—не угодить ему. Результатъ сраженія былъ печальный. Наполеонъ дѣлалъ ироническія замѣчанія во время разсказа Fabvier, какъ будто онъ и не предполагалъ, чтобы дѣло могло идти иначе въ его отсутствіе.

— Я долженъ поправить это въ Москвѣ, — сказалъ Наполеонъ.— A tantôt [1]),—прибавилъ онъ и подозвалъ де-Боссе, который въ это время уже успѣлъ приготовить сюрпризъ, уставивъ что-то на стульяхъ, и накрылъ что-то покрываломъ.

Де-Боссе низко поклонился тѣмъ придворнымъ французскимъ поклономъ, которымъ умѣли кланяться только старые слуги Бурбоновъ, и подошелъ, подавая конвертъ.

Наполеонъ весело обратился къ нему и подралъ его за ухо.

— Вы поспѣшили, очень радъ. Ну, что говоритъ Парижъ?—сказалъ онъ, вдругъ измѣняя свое прежде строгое на самое ласковое выраженіе.

— Sire, tout Paris regrette votre absence [2]), — какъ и должно, отвѣтилъ де-Боссе.

Но хотя Наполеонъ зналъ, что Боссе долженъ сказать это или тому подобное, хотя онъ въ свои ясныя минуты зналъ, что это было неправда, ему пріятно было это слышать отъ де-Боссе. Онъ опять удостоилъ его прикосновенія за ухо.

— Je suis fâché de vous avoir fait faire tant de chemin [3]),—сказалъ онъ.

— Sire! Je ne m'attendais pas à moins qu'à vous trouver aux portes de Moscou [4]), — сказалъ Боссе.

Наполеонъ улыбнулся и, разсѣянно поднявъ голову, оглянулся направо. Адъютантъ плывущимъ шагомъ подошелъ съ золотой табакеркой и подставилъ ее. Наполеонъ взялъ ее.

— Да, хорошо случилось для васъ, — сказалъ онъ, приставляя раскрытую табакерку къ носу: — вы любите путешество-

---

[1]) До свиданія.
[2]) Весь Парижъ сожалѣетъ о вашемъ отсутствіи.
[3]) Мнѣ жаль, что я заставилъ васъ такъ далеко проѣхаться.
[4]) Я ожидалъ найти васъ, государь, по крайней мѣрѣ у воротъ Москвы.

вать, черезъ три дня вы увидите Москву. Вы, вѣрно, не ждали увидать азіатскую столицу. Вы сдѣлаете пріятное путешествіе.

Боссе поклонился съ благодарностью за эту внимательность къ его (неизвѣстной ему до сей поры) склонности путешествовать.

— А! это что?—сказалъ Наполеонъ, замѣтивъ, что всѣ придворные смотрѣли на что-то, покрытое покрываломъ.

Боссе съ придворною ловкостью, не показывая спины, сдѣлалъ въ полуоборотъ два шага назадъ и въ одно и то же время сдернулъ покрывало и проговорилъ:

— Подарокъ вашему величеству отъ императрицы.

Это былъ яркими красками написанный Жераромъ портретъ мальчика, рожденнаго отъ Наполеона и дочери австрійскаго императора, котораго почему-то всѣ называли королемъ Рима.

Весьма красивый курчавый мальчикъ со взглядомъ, похожимъ на взглядъ Христа въ Сикстинской Мадоннѣ, изображенъ былъ играющимъ въ бильбоке. Шаръ представлялъ земной шаръ, а палочка въ другой рукѣ изображала скипетръ.

Хотя не совсѣмъ ясно было, что̀ именно хотѣлъ выразить живописецъ, представивъ такъ называемаго короля Рима протыкающимъ земной шаръ палочкой, но аллегорія эта такъ же, какъ и всѣмъ видѣвшимъ картину въ Парижѣ, такъ и Наполеону, очевидно показалась ясною и весьма понравилась.

— Roi de Rome [1]),—сказалъ онъ, грандіознымъ жестомъ руки указывая на портретъ.—Admirable! [2]).

Со свойственною итальянцамъ способностью измѣнять произвольно выраженіе лица онъ подошелъ къ портрету и сдѣлалъ видъ задумчивой нѣжности. Онъ чувствовалъ, что то, что̀ онъ скажетъ и сдѣлаетъ теперь, есть исторія. И ему казалось, что лучшее, что̀ онъ можетъ сдѣлать теперь,—это то, чтобы онъ съ своимъ величіемъ, вслѣдствіе котораго сынъ его въ бильбоке игралъ земнымъ шаромъ, чтобы онъ выказалъ въ противоположность этого величія самую простую отеческую нѣжность. Глаза его отуманились, онъ подвинулся, оглянулся на стулъ (стулъ подскочилъ подъ него) и сѣлъ на него противъ портрета. Одинъ жестъ его—и всѣ на цыпочкахъ вышли, предоставляя самому себѣ и его чувству великаго человѣка.

Посидѣвъ нѣсколько времени и дотронувшись, самъ не зная для чего, до шероховатости блика портрета, онъ всталъ и опять позвалъ Боссе и дежурнаго. Онъ приказалъ вынести портретъ

---

[1]) Король римскій.

[2]) Прелестно.

передъ палатку, чтобы не лишить старую гвардію, стоявшую около его палатки, счастья видѣть римскаго короля, сына и наслѣдника ихъ обожаемаго государя.

Какъ онъ и ожидалъ, въ то время, какъ онъ завтракалъ съ господиномъ Боссе, удостоившимся этой чести, передъ палаткой слышались восторженные клики сбѣжавшихся къ портрету офицеровъ и солдатъ старой гвардіи.

— Vive l'Empereur! Vive le Roi de Rome! Vive l'Empereur! [1])—слышались восторженные голоса.

Послѣ завтрака Наполеонъ, въ присутствіи Боссе, продиктовалъ свой приказъ по арміи.

— Courte et énergique! [2]) — проговорилъ Наполеонъ, когда онъ прочелъ самъ сразу, безъ поправокъ, написанную прокламацію. Въ приказѣ было:

«Воины! вотъ сраженіе, котораго вы столько желали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она необходима для насъ; она доставитъ намъ все нужное, удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспоминаетъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою!»

— De la Moskowa! — повторилъ Наполеонъ, и, пригласивъ къ своей прогулкѣ господина Боссе, любившаго путешествовать, онъ вышелъ изъ палатки къ осѣдланнымъ лошадямъ.

— Votre Majesté a trop de bonté [3]),—сказалъ Боссе на приглашеніе сопутствовать императору: ему хотѣлось спать, и онъ не умѣлъ и боялся ѣздить верхомъ.

Но Наполеонъ кивнулъ головой путешественнику, и Боссе долженъ былъ ѣхать. Когда Наполеонъ вышелъ изъ палатки, крики гвардейцевъ передъ портретомъ его сына еще болѣе усилились. Наполеонъ нахмурился.

— Снимите его, — сказалъ онъ, граціозно-величественнымъ жестомъ указывая на портретъ.—Ему еще рано видѣть поле сраженія.

Боссе, закрывъ глаза и склонивъ голову, глубоко вздохнулъ, этимъ жестомъ показывая, какъ онъ умѣлъ цѣнить и понимать слова императора.

---

[1]) Да здравствуетъ императоръ! Да здравствуетъ король римскій.
[2]) Коротко и энергично!
[3]) Вы слишкомъ добры, ваше величество.

XXVII.

Весь этотъ день 25-го августа, какъ говорятъ его историки, Наполеонъ провелъ на конѣ, осматривая мѣстность, обсуживая планы, представляемые ему его маршалами, и отдавая лично приказанія своимъ генераламъ.

Первоначальная линія расположенія русскихъ войскъ, по Колочѣ, была переломлена, и часть этой линіи, именно лѣвый флангъ русскихъ, вслѣдствіе взятія Шевардинскаго редута 24-го числа, была отнесена назадъ. Эта часть линіи была не укрѣплена, не защищена болѣе рѣкою, и передъ нею одною было болѣе открытое и ровное мѣсто. Очевидно было для всякаго военнаго и не-военнаго, что эту часть линіи и должно было атаковать французамъ. Казалось, что для этого не нужно было много соображеній, не нужно было такой заботливости и хлопотливости императора и его маршаловъ и вовсе не нужно той особенной высшей способности, называемой геніальностью, которую такъ любятъ приписывать Наполеону; но историки, впослѣдствіи описывавшіе это событіе, и люди, тогда окружавшіе Наполеона, и онъ самъ думали иначе.

Наполеонъ ѣздилъ по полю, глубокомысленно вглядывался въ мѣстность, самъ съ собой одобрительно или недовѣрчиво качалъ головой и, не сообщая окружавшимъ его генераламъ того глубокомысленнаго хода, который руководилъ его рѣшеніями, передавалъ имъ только окончательные выводы въ формѣ приказаній. Выслушавъ предложеніе Даву, называемаго герцогомъ Экмюльскимъ, о томъ, чтобы обойти лѣвый флангъ русскихъ, Наполеонъ сказалъ, что этого не нужно дѣлать, не объясняя, почему этого не нужно было дѣлать. На предложеніе же генерала Компана (который долженъ былъ атаковать флеши) провести свою дивизію лѣсомъ Наполеонъ изъявилъ свое согласіе, несмотря на то, что такъ называемый герцогъ Эльхингенскій, т.-е. Ней, позволилъ себѣ замѣтить, что движеніе по лѣсу опасно и можетъ разстроить дивизію.

Осмотрѣвъ мѣстность противъ Шевардинскаго редута, Наполеонъ подумалъ нѣсколько времени молча и указалъ на мѣста, на которыхъ должны были быть устроены къ завтраму двѣ батареи для дѣйствія противъ русскихъ укрѣпленій, и мѣста, гдѣ рядомъ съ ними должна была выстроиться полевая артиллерія.

Отдавъ эти и другія приказанія, онъ вернулся въ свою ставку, и подъ его диктовку была написана диспозиція сраженія.

Диспозиція эта, про которую съ восторгомъ говорятъ французскіе историки и съ глубокимъ уваженіемъ другіе историки, была слѣдующая:

«Съ разсвѣтомъ двѣ новыя батареи, устроенныя въ ночи на равнинѣ, занимаемой принцемъ Экмюльскимъ, откроютъ огонь по двумъ противостоящимъ батареямъ непріятельскимъ.

«Въ это же время начальникъ артиллеріи 1-го корпуса генералъ Пернетти, съ 30-ю орудіями дивизіи Компана и всѣми гаубицами дивизій Дессе́ и Фріана, двинется впередъ, откроетъ огонь и засыплетъ гранатами непріятельскую батарею, противъ которой будутъ дѣйствовать:

24 орудія гвардейской артиллеріи,
30 орудій дивизіи Компана
и 8 орудій дивизіи Фріана и Дессе́.

Всего... 62 орудія.

«Начальникъ артиллеріи 3-го корпуса генералъ Фуше поставитъ всѣ гаубицы 3-го и 8-го корпусовъ, всего 16, по флангамъ батареи, которая назначена обстрѣливать лѣвое укрѣпленіе, что составитъ противъ него вообще 40 орудій.

«Генералъ Сорбье долженъ быть готовъ по первому приказанію вынестись со всѣми гаубицами гвардейской артиллеріи противъ одного, либо другого укрѣпленія.

«Въ продолженіе канонады князь Понятовскій направится на деревню, въ лѣсъ, и обойдетъ непріятельскую позицію.

«Генералъ Компанъ двинется черезъ лѣсъ, чтобы овладѣть первымъ укрѣпленіемъ.

«По вступленіи такимъ образомъ въ бой будутъ даны приказанія соотвѣтственно дѣйствіямъ непріятеля.

«Канонада на лѣвомъ флангѣ начнется, какъ только будетъ услышана канонада праваго крыла. Стрѣлки дивизіи Морана и дивизій вице-короля откроютъ сильный огонь, увидя начало атаки праваго крыла.

«Вице-король завладѣетъ деревней[1]) и перейдетъ по своимъ тремъ мостамъ, слѣдуя на одной высотѣ съ дивизіями Морана и Жерара, которыя, подъ его предводительствомъ, направятся къ редуту и войдутъ въ линію съ прочими войсками арміи.

«Все это должно быть исполнено въ порядкѣ (le tout se fera avec ordre et methode), сохраняя по возможности войска въ резервѣ.

---

[1]) Бородинымъ.

«Въ императорскомъ лагерѣ, близъ Можайска, 6-го сентября 1812 года».

Диспозиція эта, весьма неясно и спутанно написанная, ежели позволить себѣ безъ религіознаго ужаса къ геніальности Наполеона относиться къ распоряженіямъ его, заключала въ себѣ четыре пункта—четыре распоряженія. Ни одно изъ этихъ распоряженій не могло быть и не было исполнено.

Въ диспозиціи сказано, первое, *чтобы устроенныя на выбранномъ Наполеономъ мѣстѣ батареи съ имѣющими выравняться съ ними орудіями Пернетти и Фуше, всего 102 орудія, открыли огонь и засыпали русскіе флеши и редутъ снарядами.* Это не могло быть сдѣлано, такъ какъ съ назначенныхъ Наполеономъ мѣстъ снаряды не долетали до русскихъ работъ, и эти 102 орудія стрѣляли попустому до тѣхъ поръ, пока ближайшій начальникъ, противно приказанію Наполеона, не выдвинулъ ихъ впередъ.

Второе распоряженіе состояло въ томъ, чтобы *Понятовскій, направясь на деревню въ лѣсъ, обошелъ лѣвое крыло русскихъ.* Это не могло быть и не было сдѣлано потому, что Понятовскій, направясь на деревню въ лѣсъ, встрѣтилъ тамъ загораживающаго ему дорогу Тучкова и не могъ обойти и не обошелъ русскую позицію.

Третье распоряженіе: *Генералъ Компанъ двинется въ лѣсъ, чтобы овладѣть первымъ укрѣпленіемъ.* Дивизія Компана не овладѣла первымъ укрѣпленіемъ, а была отбита, потому что, выходя изъ лѣса, она должна была строиться подъ картечнымъ огнемъ, чего не зналъ Наполеонъ.

Четвертое: *Вице-король овладѣетъ деревнею* (Бородинымъ) *и перейдетъ по своимъ тремъ мостамъ, слѣдуя на одной высотѣ съ дивизіями Морана и Фріана* (о которыхъ не сказано, куда и когда онѣ будутъ двигаться), *которыя подъ его предводительствомъ направятся къ редуту и войдутъ въ линію съ прочими войсками.*

Сколько можно понять, если не изъ безтолковаго періода этого, то изъ тѣхъ попытокъ, которыя дѣланы были вице-королемъ исполнить данныя ему приказанія, онъ долженъ былъ двинуться черезъ Бородино слѣва на редутъ, дивизіи же Морана и Фріана должны были двинуться одновременно съ фронта.

Все это такъ же, какъ и другіе пункты диспозиціи, не было и не могло быть исполнено. Пройдя Бородино, вице-король былъ отбитъ на Колочѣ и не могъ пройти дальше; дивизіи же Морана и Фріана не взяли редутъ, а были отбиты, и редутъ въ концѣ сраженія уже былъ захваченъ кавалеріей (вѣроятно, не-

предвидѣнное дѣло для Наполеона и неслыханное). Итакъ, ни одно изъ распоряженій диспозиціи не было и не могло быть исполнено. Но въ диспозиціи сказано, что: *по вступленіи такимъ образомъ въ бой будутъ даны приказанія, соотвѣтственныя дѣйствіямъ непріятеля,* и потому могло бы казаться, что во время сраженія будутъ сдѣланы Наполеономъ всѣ нужныя распоряженія; но этого не было и не могло быть, потому что во все время сраженія Наполеонъ находился такъ далеко отъ него, что (какъ это и оказалось впослѣдствіи) ходъ сраженія ему не могъ быть извѣстенъ, и ни одно распоряженіе его во время сраженія не могло быть исполнено.

XXVIII.

Многіе историки говорятъ, что Бородинское сраженіе не выиграно французами потому, что у Наполеона былъ насморкъ; что ежели бы у него не было насморка, то распоряженія его до и во время сраженія были бы еще геніальнѣе, и Россія бы погибла, et la face du monde eut été changée [1]). Для историковъ, признающихъ то, что Россія образовалась по волѣ одного человѣка—Петра Великаго, и Франція изъ республики сложилась въ имперію, и французскія войска пошли въ Россію по волѣ одного человѣка — Наполеона, такое разсужденіе, что Россія осталась могущественна, потому что у Наполеона былъ большой насморкъ 26-го числа,—такое разсужденіе для такихъ историковъ неизбѣжно-послѣдовательно.

Ежели отъ воли Наполеона зависѣло дать или не дать Бородинское сраженіе и отъ его воли зависѣло сдѣлать такое или другое распоряженіе, то очевидно, что насморкъ, имѣвшій вліяніе на проявленіе его воли, могъ быть причиной спасенія Россіи, и что поэтому тотъ камердинеръ, который забылъ подать Наполеону 24 числа непромокаемые сапоги, былъ спасителемъ Россіи. На этомъ пути мысли выводъ этотъ несомнѣненъ; такъ же несомнѣненъ, какъ тотъ выводъ, который, шутя (самъ не зная надъ чѣмъ), дѣлалъ Вольтеръ, говоря, что Варѳоломеевская ночь произошла отъ разстройства желудка Карла IX. Но для людей, не допускающихъ того, чтобы Россія образовалась по волѣ одного человѣка, Петра I, и чтобы французская имперія сложилась и война съ Россіей началась по волѣ одного человѣка,

---

[1]) И обликъ міра измѣнился бы.

Наполеона, разсужденіе это не только представляется невѣрнымъ, неразумнымъ, но и противнымъ всему существу человѣческому. На вопросъ о томъ, что составляетъ причину историческихъ событій, представляется другой отвѣтъ, заключающійся въ томъ, что ходъ міровыхъ событій предопредѣленъ свыше, зависитъ отъ совпаденія всѣхъ произволовъ людей, участвующихъ въ этихъ событіяхъ, и что вліяніе Наполеоновъ на ходъ этихъ событій есть только внѣшнее и фиктивное.

Какъ ни странно кажется съ перваго взгляда предположеніе того, что Варѳоломеевская ночь, приказаніе на которую отдано Карломъ IX, произошла не по его волѣ, а что ему только казалось, что онъ велѣлъ это сдѣлать, и что Бородинское побоище 80-ти тысячъ человѣкъ произошло не по волѣ Наполеона (несмотря на то, что онъ отдавалъ приказанія о началѣ и ходѣ сраженія), а что ему казалось только, что онъ это велѣлъ, — какъ ни странно кажется это предположеніе, но человѣческое достоинство, говорящее мнѣ, что всякій изъ насъ, ежели не больше, то никакъ не меньше, человѣкъ, чѣмъ всякій Наполеонъ, велитъ допустить это рѣшеніе вопроса; и историческія изслѣдованія обильно подтверждаютъ это предположеніе.

Въ Бородинскомъ сраженіи Наполеонъ ни въ кого не стрѣлялъ и никого не убилъ. Все это дѣлали солдаты. Стало-быть, не онъ убивалъ людей.

Солдаты французской арміи шли убивать другъ друга въ Бородинскомъ сраженіи не вслѣдствіе приказанія Наполеона, но по собственному желанію. Вся армія — французы, итальянцы, нѣмцы, поляки, голодные, оборванные и измученные походомъ — въ виду арміи, загораживавшей отъ нихъ Москву, чувствовала, что le vin est tiré et qu'il faut le boire [1]). Ежели бы Наполеонъ запретилъ имъ теперь драться съ русскими, они бы его убили и пошли бы драться съ русскими, потому что это было имъ необходимо.

Когда они слушали приказъ Наполеона, представлявшаго имъ за ихъ увѣчья и смерть въ утѣшеніе слова потомства о томъ, что и они были въ битвѣ подъ Москвою, они кричали: «Vive l'Empereur!» точно такъ же, какъ они кричали «Vive l'Empereur» при видѣ изображенія мальчика, протыкающаго земной шаръ палочкой отъ бильбоке, точно такъ же, какъ бы они кричали «Vive l'Empereur» при всякой безсмыслицѣ, которую бы имъ сказали. Имъ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ кричать «Vive l'Empereur» и идти драться, чтобы найти пищу,

---

1) Вино откупорено, надо его выпить.

и отдыхъ побѣдителей въ Москвѣ. Стало-быть, не вслѣдствіе приказанія Наполеона они убивали себѣ подобныхъ.

И не Наполеонъ распоряжался ходомъ сраженія, потому что изъ диспозиціи его ничего не было исполнено, и во время сраженія онъ не зналъ про то, что происходило впереди его. Стало-быть, и то, какимъ образомъ эти люди убивали другъ друга, происходило не по волѣ Наполеона, а шло независимо отъ него, по волѣ сотенъ тысячъ людей, участвовавшихъ въ общемъ дѣлѣ. Наполеону *казалось только*, что все происходило по волѣ его. И потому вопросъ о томъ, былъ ли или не былъ у Наполеона насморкъ, не имѣетъ для исторіи большаго интереса, чѣмъ вопросъ о насморкѣ послѣдняго фурштадтскаго солдата.

Тѣмъ болѣе 26-го августа насморкъ Наполеона не имѣлъ значенія, что показанія писателей о томъ, будто насморкъ Наполеона былъ причиной его (не такъ хорошо составленной, какъ прежнія) диспозиціи и распоряженій во время сраженія, не столько хорошихъ, какъ прежнія, совершенно несправедливы.

Выписанная здѣсь диспозиція нисколько не была хуже, а даже лучше всѣхъ прежнихъ диспозицій, по которымъ выигрывались сраженія. Мнимыя распоряженія во время сраженія были тоже не хуже прежнихъ, а точно такія же, какъ и всегда. Но диспозиція и распоряженія эти кажутся только хуже прежнихъ потому, что Бородинское сраженіе было первое, которое не выигралъ Наполеонъ. Всѣ самыя прекрасныя и глубокомысленныя диспозиціи и распоряженія кажутся очень дурными, и каждый ученый военный съ значительнымъ видомъ критикуетъ ихъ, когда сраженіе по нимъ не выиграно; и самыя плохія диспозиціи и распоряженія кажутся очень хорошими, и серьезные люди въ цѣлыхъ томахъ доказываютъ достоинства плохихъ распоряженій, когда по нимъ выиграно сраженіе.

Диспозиція, составленная Вейротеромъ въ Аустерлицкомъ сраженіи, была образецъ совершенства въ сочиненіяхъ этого рода, но ее все-таки осудили, осудили за ея совершенство, за слишкомъ большую подробность.

Наполеонъ въ Бородинскомъ сраженіи исполнялъ свое дѣло представителя власти такъ же хорошо и еще лучше, чѣмъ въ другихъ сраженіяхъ. Онъ не сдѣлалъ ничего вреднаго для хода сраженія; онъ склонялся на мнѣнія болѣе благоразумныя; онъ не путалъ, не противорѣчилъ самъ себѣ, не испугался и не убѣжалъ съ поля сраженія, а, съ своимъ большимъ тактомъ и опытомъ войны, спокойно и достойно исполнялъ свою роль кажущагося начальствованія.

XXIX.

Вернувшись послѣ второй озабоченной поѣздки по линіи, Наполеонъ сказалъ:

— Шахматы поставлены, игра начнется завтра.

Велѣвъ подать себѣ пуншу и призвавъ Боссе, онъ началъ съ нимъ разговоръ о Парижѣ, о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ, которыя онъ намѣренъ былъ сдѣлать въ maison de l'impératrice[1]), удивляя префекта своею памятливостью ко всѣмъ мелкимъ подробностямъ придворныхъ отношеній.

Онъ интересовался пустяками, шутилъ о любви къ путешествіямъ Боссе и небрежно болталъ такъ, какъ это дѣлаетъ знаменитый, увѣренный и знающій свое дѣло операторъ въ то время, какъ онъ засучиваетъ рукава и надѣваетъ фартукъ, а больного привязываютъ къ койкѣ. «Дѣло все въ моихъ рукахъ и въ головѣ, ясно и опредѣленно. Когда надо будетъ приступить къ дѣлу, я сдѣлаю его, какъ никто другой, а теперь могу шутить; и чѣмъ больше я шучу и спокоенъ, тѣмъ больше вы должны быть увѣрены, спокойны и удивлены моему генію».

Окончивъ свой второй стаканъ пунша, Наполеонъ пошелъ отдохнуть передъ серьезнымъ дѣломъ, которое, какъ ему казалось, предстояло ему на завтра.

Онъ такъ интересовался этимъ предстоящимъ ему дѣломъ, что не могъ спать, и, несмотря на усилившійся отъ вечерней сырости насморкъ, въ три часа ночи, громко сморкаясь, вышелъ въ большое отдѣленіе палатки. Онъ спросилъ о томъ, не ушли ли русскіе. Ему отвѣчали, что непріятельскіе огни все на тѣхъ же мѣстахъ. Онъ одобрительно кивнулъ головой.

Дежурный адъютантъ вошелъ въ палатку.

— Eh bien, Rapp, croyez-vous, que nous ferons de bonnes affaires aujourd'hui? [2]) — обратился онъ къ нему.

— Sans aucun doute, Sire [3]), — отвѣчалъ Раппъ.

Наполеонъ посмотрѣлъ на него.

— Vous rappelez-vous, Sire, ce que vous m'avez fait l'honneur de dire à Smolensk, — сказалъ Раппъ: — le vin est tiré, il faut le boire [4]).

---

1) Придворномъ штатѣ императрицы.

2) Ну, Раппъ, какъ вы думаете: хороши ли будутъ наши дѣла сегодня?

3) Безъ сомнѣнія, ваше величество.

4) Помните, ваше величество, что вы изволили сказать мнѣ въ Смоленскѣ: вино откупорено, надо его пить.

— Наполеонъ нахмурился и долго молча сидѣлъ, опустивъ голову на руки.

— Cette pauvre armée, — сказалъ онъ вдругъ, — elle a bien diminué depuis Smolensk. La fortune est une franche courtisane, Rapp; je le disais toujours, et je commence à l'éprouver. Mais la garde, Rapp, la garde est intacte? [1]—вопросительно сказалъ онъ

— Oui, Sire [2], — отвѣчалъ Раппъ.

Наполеонъ взялъ пастильку, положилъ ее въ ротъ и посмотрѣлъ на часы. Спать ему не хотѣлось, до утра было еще далеко; а чтобы убить время — распоряженій никакихъ нельзя уже было дѣлать, потому что всѣ были сдѣланы и приводились теперь въ исполненіе:

— A-t-on distribué les biscuits et le riz aux régiments de la garde? [3] — строго спросилъ Наполеонъ.

— Oui, Sire.

— Mais le riz? [4])

Раппъ отвѣчалъ, что онъ передалъ приказанія государя о рисѣ; но Наполеонъ недовольно покачалъ головой, какъ будто онъ не вѣрилъ, чтобы исполнено было его приказаніе. Слуга вошелъ съ пуншемъ. Наполеонъ велѣлъ подать другой стаканъ Раппу и молча отпивалъ глотки изъ своего.

— У меня нѣтъ ни вкуса, ни обонянія,—сказалъ онъ, принюхиваясь къ стакану.—Этотъ насморкъ надоѣлъ мнѣ. Они толкуютъ про медицину. Какая медицина, когда они не могутъ вылѣчить насморка! Корвизаръ далъ мнѣ эти пастильки, но онѣ ничего не помогаютъ. Что они могутъ лѣчить? Лѣчить нельзя. Notre corps est une machine à vivre. Il est organisé pour cela, c'est sa nature; laissez-y la vie à son aise, qu'elle s'y défende elle-même: elle fera plus que si vous la paralysiez en l'encombrant de remèdes. Notre corps est comme une montre parfaite que doit aller un certain temps; l'horloger n'a pas la faculté de l'ouvrir, il ne peut la manier qu'a tâtons et les yeux bandés... Notre corps est une machine à vivre, voilà tout [5]).

---

[1]) Эта бѣдная армія, она очень уменьшилась по пути отъ Смоленска. Судьба просто распутница, Раппъ. Я всегда это говорилъ и теперь начинаю это испытывать. Но гвардія, Раппъ, гвардія цѣла?

[2]) Да, ваше величество.

[3]) Розданы сухари и рисъ гвардейскимъ полкамъ?

[4]) Да, ваше величество. — А рисъ?

[5]) Наше тѣло — это машина для жизни. Оно для этого устроено, въ этомъ состоитъ его природа; оставьте въ немъ жизнь въ покоѣ, пусть сама защищается: она сдѣлаетъ больше, чѣмъ когда вы будете пичкать тѣло лѣкарствами. Наше тѣло подобно часамъ, которые должны идти извѣстное время; часовщикъ не можетъ открыть ихъ, онъ можетъ

И какъ будто вступивъ на путь опредѣленій, définitions, которыя любилъ Наполеонъ, онъ вдругъ неожиданно сдѣлалъ новое опредѣленіе.

— Вы знаете ли, Раппъ, что такое военное искусство?— спросилъ онъ.—Искусство быть сильнѣе непріятеля въ извѣстный моментъ. Voilá tout.

Раппъ ничего не отвѣтилъ.

— Demain nous allons avoir affaire à Koutouzoff! [1])—сказалъ Наполеонъ.—Посмотримъ. Помните, въ Браунау онъ командовалъ арміей и ни разу въ три недѣли не сѣлъ на лошадь, чтобы осмотрѣть укрѣпленія. Посмотримъ!

Онъ поглядѣлъ на часы. Было еще только 4 часа. Спать не хотѣлось, пуншъ былъ допитъ и дѣлать все-таки было нечего. Онъ всталъ, прошелся взадъ и впередъ, надѣлъ теплый сюртукъ и шляпу и вышелъ изъ палатки. Ночь была темная и сырая; чуть слышная сырость падала сверху. Костры не ярко горѣли вблизи, во французской гвардіи, и далеко сквозь дымъ блестѣли по русской линіи. Вездѣ было тихо, и ясно слышались шорохъ и топотъ начавшагося уже движенія французскихъ войскъ для занятія позиціи.

Наполеонъ прошелся передъ палаткой, посмотрѣлъ на огни, прислушался къ топоту и, проходя мимо высокаго гвардейца въ мохнатой шапкѣ, стоявшаго часовымъ у его палатки и, какъ черный столбъ, вытянувшагося при появленіи императора, остановился противъ него.

— Съ котораго года въ службѣ?—спросилъ онъ съ той привычной аффектаціей грубой и ласковой воинственности, съ которой онъ всегда обращался съ солдатами.

Солдатъ отвѣчалъ ему.

— Ah! un des vieux! [2]) Получили рисъ въ полкъ?

— Получили, ваше величество.

Наполеонъ кивнулъ головой и отошелъ отъ него.

Въ половинѣ шестого Наполеонъ верхомъ ѣхалъ къ деревнѣ Шевардину.

Начинало свѣтать, небо расчистило, только одна туча лежала на востокѣ. Покинутые костры догорали въ слабомъ свѣтѣ утра.

Вправо раздался густой одинокій пушечный выстрѣлъ, пронесся и замеръ среди общей тишины. Прошло нѣсколько ми-

---

управлять ими только ощупью и съ завязанными глазами. Да, наше тѣло— машина жизни, и только.

[1]) Завтра будемъ имѣть дѣло съ Кутузовымъ.

[2]) А! Изъ стариковъ!

нуть. Раздался второй, третій выстрѣлъ; заколебался воздухъ; четвертый, пятый раздались близко и торжественно гдѣ-то справа.

Еще не отзвучали первые выстрѣлы, какъ раздались еще другіе, еще и еще, сливаясь и перебивая одинъ другой.

Наполеонъ подъѣхалъ со свитой къ Шевардинскому редуту и слѣзъ съ лошади. Игра началась.

XXX.

Вернувшись отъ князя Андрея въ Горки, Пьеръ, приказавъ берейтору приготовить лошадей и рано утромъ разбудить его, тотчасъ же заснулъ за перегородкой, въ уголкѣ, который Борисъ уступилъ ему.

Когда Пьеръ очнулся на другое утро, въ избѣ уже никого не было. Стекла дребезжали въ маленькихъ окнахъ. Берейторъ стоялъ, расталкивая его.

— Ваше сіятельство, ваше сіятельство, ваше сіятельство...— упорно, не глядя на Пьера и, видимо, потерявъ надежду разбудить его, раскачивая за плечо, приговаривалъ берейторъ.

— Что? Началось? Пора?—заговорилъ Пьеръ, проснувшись.

— Изволите слышать пальбу,—сказалъ берейторъ, отставной солдатъ,—уже всѣ господа повышли, сами свѣтлѣйшіе давно проѣхали.

Пьеръ поспѣшно одѣлся и выбѣжалъ на крыльцо. На дворѣ было ясно, свѣжо, росисто и весело. Солнце, только что вырвавшись изъ-за тучи, заслонявшей его, брызнуло до половины переломленными тучей лучами черезъ крыши противоположной улицы на покрытую росою пыль дороги, на стѣны домовъ, на окна забора и на лошадей Пьера, стоявшихъ у избы. Гулъ пушекъ яснѣе слышался на дворѣ. По улицѣ прорысилъ адъютантъ съ казакомъ.

— Пора, графъ, пора!—прокричалъ адъютантъ.

Приказавъ вести за собой лошадь, Пьеръ пошелъ по улицѣ къ кургану, съ котораго онъ вчера смотрѣлъ на поле сраженія. На курганѣ этомъ была толпа военныхъ, и слышался французскій говоръ штабныхъ, и виднѣлась сѣдая голова Кутузова, съ его бѣлой съ краснымъ околышемъ фуражкой и сѣдымъ затылкомъ, утонувшимъ въ плечи. Кутузовъ смотрѣлъ въ трубу впередъ по большой дорогѣ.

Войдя по ступенькамъ входа на курганъ, Пьеръ взглянулъ впереди себя и замеръ отъ восхищенія передъ красотою зрѣ-

лица. Это была та же панорама, которою онъ любовался вчера съ этого кургана; но теперь вся эта мѣстность была покрыта войсками и дымами выстрѣловъ, и косые лучи яркаго солнца, поднимавшагося сзади лѣвѣе Пьера, кидали на нее въ чистомъ утреннемъ воздухѣ пронизывающій съ золотымъ и розовымъ оттѣнкомъ свѣтъ и темныя длинныя тѣни. Дальніе лѣса, заканчивающіе панораму, точно высѣченные изъ какого-то драгоцѣннаго желто-зеленаго камня, виднѣлись своей изогнутой чертой вершинъ на горизонтѣ, и между ними за Валуевымъ прорѣзывалась большая Смоленская дорога, вся покрытая войсками. Ближе блестѣли золотыя поля и перелѣски. Вездѣ—спереди, справа и слѣва — виднѣлись войска. Все это было оживленно, величественно и неожиданно; но то, что̀ болѣе всего поразило Пьера,—это былъ видъ самаго поля сраженія, Бородина и лощины надъ Колочею, по обѣимъ сторонамъ ея.

Надъ Колочею, въ Бородинѣ и по обѣимъ сторонамъ его, особенно влѣво, тамъ, гдѣ въ болотистыхъ берегахъ Война впадаетъ въ Колочу, стоялъ тотъ туманъ, который таетъ, расплывается и просвѣчиваетъ при выходѣ яркаго солнца и волшебно окрашиваетъ и очерчиваетъ все виднѣющееся сквозь него. Къ этому туману присоединился дымъ выстрѣловъ, и по этому туману и дыму вездѣ блестѣли молніи утренняго свѣта то по водѣ, то по росѣ, то по штыкамъ войскъ, толпившихся по берегамъ и въ Бородинѣ. Сквозь туманъ этотъ виднѣлась бѣлая церковь, кое-гдѣ крыши избъ Бородина, кое-гдѣ сплошныя массы солдатъ, кое-гдѣ зеленые ящики, пушки. И все это двигалось или казалось движущимся, потому что туманъ и дымъ тянулись по всему этому пространству. Какъ въ этой мѣстности низовъ около Бородина, покрытыхъ туманомъ, такъ и внѣ его, выше и особенно лѣвѣе, по всей линіи, по лѣсамъ, по полямъ, въ низахъ, на вершинахъ возвышеній, зарождались безпрестанно сами собой изъ ничего пушечные, то одинокіе, то гуртовые, то рѣдкіе, то частые клубы дымовъ, которые, распухая, разрастаясь, клубясь, сливаясь, виднѣлись по всему этому пространству.

Эти дымы выстрѣловъ и, странно сказать, звуки ихъ производили главную красоту зрѣлища.

Пуффъ!—вдругъ виднѣлся круглый, плотный, играющій лиловымъ, сѣрымъ и молочно-бѣлымъ цвѣтами дымъ, и *буммъ!*—раздавался черезъ секунду звукъ этого дыма.

Пуфъ, пуфъ!—поднимались два дыма, толкаясь и сливаясь; и бумъ, бумъ! — подтверждали звуки то, что̀ видѣлъ глазъ.

Пьеръ оглядывался на первый дымъ, который онъ оставилъ округлымъ, плотнымъ мячикомъ, и уже на мѣстѣ его были шары

дыма, тянущагося въ сторону; и «пуфъ... (съ остановкой) пуфъ, пуфъ!» — зарождались еще три, еще четыре, и на каждый съ тѣми же разстановками «бумъ... бумъ, бумъ!»—отвѣчали красивые, твердые, вѣрные звуки. Казалось то, что дымы эти бѣжали, то, что они стояли, и мимо нихъ бѣжали лѣса, поля и блестящіе штыки. Съ лѣвой стороны по полямъ и кустамъ безпрестанно зарождались эти большіе дымы съ своими торжественными отголосками, и ближе еще по низамъ и лѣсамъ вспыхивали маленькіе, не успѣвшіе округляться, дымки ружей и точно такъ же давали свои маленькіе отголоски. «Трахъ-та-та-тахъ», трещали ружья, хотя и часто, но неправильно и бѣдно въ сравненіи съ орудійными выстрѣлами.

Пьеру захотѣлось быть тамъ, гдѣ были эти дымы, эти блестящіе штыки, это движеніе, эти звуки. Онъ оглянулся на Кутузова и на его свиту, чтобы свѣрить свое впечатлѣніе съ другими. Всѣ точно такъ же, какъ и онъ, и, какъ ему казалось, съ тѣмъ же чувствомъ смотрѣли впередъ на поле сраженія. На всѣхъ лицахъ свѣтилась теперь та скрытая теплота (chaleur latente) чувства, которое Пьеръ замѣчалъ вчера и которое онъ понялъ совершенно послѣ своего разговора съ княземъ Андреемъ.

— Поѣзжай, голубчикъ, поѣзжай, Христосъ съ тобой,—говорилъ Кутузовъ, не спуская глазъ съ поля сраженія, генералу, стоявшему подлѣ него.

Выслушавъ приказаніе, генералъ этотъ прошелъ мимо Пьера къ сходу съ кургана.

— Къ переправѣ! — холодно и строго сказалъ генералъ въ отвѣтъ на вопросъ одного изъ штабныхъ, куда онъ ѣдетъ.

«И я, и я», подумалъ Пьеръ и пошелъ по направленію за генераломъ.

Генералъ садился на лошадь, которую подалъ ему казакъ. Пьеръ подошелъ къ своему берейтору, державшему лошадей. Спросивъ, которая посмирнѣе, Пьеръ взлѣзъ на лошадь, схватился за гриву, прижалъ каблуки вывернутыхъ ногъ къ животу лошади и, чувствуя, что очки его спадаютъ и что онъ не въ силахъ отнять рукъ отъ гривы и поводьевъ, поскакалъ за генераломъ, возбуждая улыбки штабныхъ, съ кургана смотрѣвшихъ на него.

XXXI.

Генералъ, за которымъ скакалъ Пьеръ, спустившись подъ гору, круто повернулъ влѣво, и Пьеръ, потерявъ его изъ вида, вскакалъ въ ряды пѣхотныхъ солдатъ, шедшихъ впереди его.

Онъ пытался выѣхать изъ нихъ то впередъ, то влѣво, то вправо; но вездѣ были солдаты, съ одинаково-озабоченными лицами, занятыми какимъ-то невиднымъ, но, очевидно, важнымъ дѣломъ. Всѣ съ одинаково недовольно-вопросительнымъ взглядомъ смотрѣли на этого толстаго человѣка въ бѣлой шляпѣ, неизвѣстно для чего топчущаго ихъ своею лошадью.

— Чего ѣздитъ посреди батальона! — крикнулъ на него одинъ.

Другой толкнулъ прикладомъ его лошадь, и Пьеръ, прижавшись къ лукѣ и едва удерживая шарахнувшуюся лошадь, выскакалъ впередъ солдатъ, гдѣ было просторно.

Впереди его былъ мостъ, а у моста, стрѣляя, стояли другіе солдаты. Пьеръ подъѣхалъ къ нимъ. Самъ того не зная, Пьеръ заѣхалъ къ мосту черезъ Колочу, который былъ между Горками и Бородинымъ и который въ первомъ дѣйствіи сраженія (занявъ Бородино) атаковали французы. Пьеръ видѣлъ, что впереди его былъ мостъ и что съ обѣихъ сторонъ моста и на томъ лугу, въ рядахъ лежащаго сѣна, котораго онъ не замѣтилъ вчера въ дыму, что-то дѣлали солдаты; но, несмотря на неумолкающую стрѣльбу, происходившую въ этомъ мѣстѣ, онъ никакъ не думалъ, что тутъ-то и было поле сраженія. Онъ не слыхалъ звуковъ пуль, визжавшихъ со всѣхъ сторонъ, и снарядовъ, перелетавшихъ черезъ него; не видалъ непріятеля, бывшаго на той сторонѣ рѣки, и долго не видалъ убитыхъ и раненыхъ, хотя многіе падали недалеко отъ него. Съ улыбкой, не сходившей съ его лица, онъ оглядывался вокругъ себя.

— Что ѣздитъ этотъ передъ линіей? — опять крикнулъ на него кто-то.

— Влѣво, вправо возьми...—кричали ему.

Пьеръ взялъ вправо и неожиданно съѣхался съ знакомымъ ему адъютантомъ генерала Раевскаго. Адъютантъ этотъ сердито взглянулъ на Пьера, очевидно сбираясь тоже крикнуть на него, но, узнавъ его, кивнулъ ему головой.

— Вы какъ тутъ? — проговорилъ онъ и поскакалъ дальше.

Пьеръ, чувствуя себя не на своемъ мѣстѣ и безъ дѣла, боясь опять помѣшать кому-нибудь, поскакалъ за адъютантомъ.

— Это здѣсь что же? Можно мнѣ съ вами? — спрашивалъ онъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, — отвѣчалъ адъютантъ и, подскакавъ къ толстому полковнику, стоявшему на лугу, что-то передалъ ему и тогда уже обратился къ Пьеру.

— Вы зачѣмъ сюда попали, графъ?—сказалъ онъ ему съ улыбкой. — Все любопытствуете?

— Да, да, — сказалъ Пьеръ.

Но адъютантъ, повернувъ лошадь, ѣхалъ дальше.

— Здѣсь-то слава Богу,—сказалъ адъютантъ,—но на лѣвомъ флангѣ у Багратіона ужасная жарня идетъ.

— Неужели!—спросилъ Пьеръ. — Это гдѣ же?

— Да вотъ поѣдемте со мной на курганъ. Отъ насъ видно. А у насъ на батареѣ еще сносно, — сказалъ адъютантъ.

— Да, я съ вами,—сказалъ Пьеръ, глядя вокругъ себя и отыскивая глазами своего берейтора.

Тутъ только въ первый разъ Пьеръ увидалъ раненыхъ, бредущихъ пѣшкомъ и несомыхъ на носилкахъ. На томъ самомъ лужкѣ съ пахучими рядами сѣна, по которымъ онъ проѣзжалъ вчера, поперекъ рядовъ, неловко подвернувъ голову, неподвижно лежалъ одинъ солдатъ съ свалившимся киверомъ.

— А этого отчего не подняли?—началъ было Пьеръ; но, увидавъ строгое лицо адъютанта, оглянувшагося въ ту же сторону, онъ остановился.

Пьеръ не нашелъ своего берейтора и вмѣстѣ съ адъютантомъ низомъ поѣхалъ по лощинѣ къ кургану Раевскаго. Лошадь Пьера отставала отъ адъютанта и равномѣрно встряхивала его.

— Вы, видно, не привыкли верхомъ ѣздить, графъ? — спросилъ адъютантъ.

— Нѣтъ, ничего; но что-то она прыгаетъ очень,—съ недоумѣніемъ сказалъ Пьеръ.

— Э-э!.. да она ранена,—сказалъ адъютантъ:—правая передняя, выше колѣна. Пуля, должно-быть. Поздравляю, графъ,— сказалъ онъ,—le baptême du feu[1]).

Проѣхавъ къ дыму по шестому корпусу, позади артиллеріи, которая, выдвинутая впередъ, стрѣляла, оглашая своими выстрѣлами, они пріѣхали къ небольшому лѣсу. Въ лѣсу было прохладно, тихо и пахло осенью. Пьеръ и адъютантъ слѣзли съ лошадей и пѣшкомъ взошли на гору.

— Здѣсь генералъ? — спросилъ адъютантъ, подходя къ кургану.

— Сейчасъ были, поѣхали сюда, — указывая вправо, отвѣчали ему.

Адъютантъ оглянулся на Пьера, какъ бы не зная, что ему теперь съ нимъ дѣлать.

— Не безпокойтесь,—сказалъ Пьеръ.—Я пойду на курганъ, можно?

---

1) Крещеніе огнемъ.

— Да, пойдите, оттуда все видно и не такъ опасно. А я заѣду за вами.

Пьеръ пошелъ на батарею, и адъютантъ поѣхалъ дальше. Больше они не видались, и уже гораздо послѣ Пьеръ узналъ, что этому адъютанту въ этотъ день оторвало руку.

Курганъ, на который взошелъ Пьеръ, былъ то знаменитое (потомъ извѣстное у русскихъ подъ именемъ курганной батареи или батареи Раевскаго, а у французовъ подъ именемъ la grande redoute, la fatale redoute, la redoute du centre[1]), мѣсто, вокругъ котораго положены десятки тысячъ людей и которое французы считали важнѣйшимъ пунктомъ позиціи.

Редутъ этотъ состоялъ изъ кургана, на которомъ съ трехъ сторонъ были выкопаны канавы. Въ окопанномъ канавами мѣстѣ стояли десять стрѣлявшихъ пушекъ, высунутыхъ въ отверстія валовъ.

Въ линію съ курганомъ стояли съ обѣихъ сторонъ пушки, тоже безпрестанно стрѣлявшія. Немного позади пушекъ стояли пѣхотныя войска. Всходя на этотъ курганъ, Пьеръ никакъ не думалъ, что это окопанное небольшими канавами мѣсто, на которомъ стояло и стрѣляло нѣсколько пушекъ, было самое важное мѣсто въ сраженіи.

Пьеру, напротивъ, казалось, что это мѣсто (именно потому, что онъ находился на немъ) было одно изъ самыхъ незначительныхъ мѣстъ сраженія.

Взойдя на курганъ, Пьеръ сѣлъ въ концѣ канавы, окружающей батарею, и съ безсознательно-радостной улыбкой смотрѣлъ на то, что дѣлалось вокругъ него. Изрѣдка Пьеръ все съ той же улыбкой вставалъ и, стараясь не помѣшать солдатамъ, заряжавшимъ и накатывавшимъ орудія, безпрестанно пробѣгавшимъ мимо него съ сумками и зарядами, прохаживался по батареѣ. Пушки съ этой батареи безпрестанно одна за другой стрѣляли, оглушая своими звуками и застилая всю окрестность пороховымъ дымомъ.

Въ противоположность той жуткости, которая чувствовалась между пѣхотными солдатами прикрытія, здѣсь, на батареѣ, гдѣ небольшое количество людей, занятыхъ дѣломъ, было отграничено, отдѣлено отъ другихъ канавой, здѣсь чувствовалось одинаковое и общее всѣмъ, какъ бы семейное оживленіе.

Появленіе невоенной фигуры Пьера въ бѣлой шляпѣ сначала непріятно поразило этихъ людей. Солдаты, проходя мимо него, удивленно и даже испуганно косились на его фигуру. Старшій

[1]) Большой редутъ, роковой редутъ, центральный редутъ.

артиллерійскій офицеръ, высокій, съ длинными ногами, рябой человѣкъ, какъ будто для того, чтобы смотрѣть на дѣйствіе крайняго орудія, подошелъ къ Пьеру и любопытно посмотрѣлъ на него.

Молоденькій круглолицый офицерикъ, еще совершенный ребенокъ, очевидно только что выпущенный изъ корпуса, распоряжаясь весьма старательно порученными ему двумя пушками, строго обратился къ Пьеру.

— Господинъ, позвольте васъ попросить съ дороги,—сказалъ онъ ему,—здѣсь нельзя.

Солдаты неодобрительно покачивали головами, глядя на Пьера. Но когда всѣ убѣдились, что этотъ человѣкъ въ бѣлой шляпѣ не только не дѣлалъ ничего дурного, но или смирно сидѣлъ на откосѣ вала, или съ робкой улыбкой, учтиво сторонясь передъ солдатами, прохаживался по батареѣ подъ выстрѣлами такъ же спокойно, какъ по бульвару, тогда понемногу чувство недоброжелательнаго недоумѣнія къ нему стало переходить въ ласковое и шутливое участіе, подобное тому, которое солдаты имѣютъ къ своимъ животнымъ: собакамъ, пѣтухамъ, козламъ и вообще животнымъ, живущимъ при воинскихъ командахъ. Солдаты эти сейчасъ же мысленно приняли Пьера въ свою семью, присвоили себѣ и дали ему прозвище. «Нашъ баринъ» прозвали его и про него ласково смѣялись между собой.

Одно ядро взрыло землю въ двухъ шагахъ отъ Пьера. Онъ, обчищая взбрызнутую ядромъ землю съ платья, съ улыбкой оглянулся вокругъ себя.

— И какъ это вы не боитесь, баринъ, право! — обратился къ Пьеру краснорожій широкій солдатъ, оскаливая крѣпкіе бѣлые зубы.

— А ты развѣ боишься?—спросилъ Пьеръ.

— А то какъ же?—отвѣчалъ солдатъ.—Вѣдь она не помилуетъ. Она шмякнетъ, такъ кишки вонъ. Нельзя не бояться,—сказалъ онъ смѣясь.

Нѣсколько солдатъ съ веселыми и ласковыми лицами остановились подлѣ Пьера. Они какъ будто не ожидали того, чтобы онъ говорилъ, какъ всѣ, и это открытіе обрадовало ихъ.

— Наше дѣло солдатское. А вотъ баринъ, такъ удивительно! Вотъ такъ баринъ!

— По мѣстамъ!—крикнулъ молоденькій офицеръ на собравшихся вокругъ Пьера солдатъ.

Молоденькій офицеръ этотъ, видимо, исполнялъ свою должность въ первый или во второй разъ и потому съ особенною отчетливостью и форменностью обращался и съ солдатами и съ начальникомъ.

Перекатная пальба пушекъ и ружей усиливалась по всему полю, въ особенности влѣво, тамъ, гдѣ были флеши Багратіона; но изъ-за дыма выстрѣловъ, съ того мѣста, гдѣ былъ Пьеръ, нельзя было почти ничего видѣть. Притомъ наблюденія за тѣмъ какъ бы семейнымъ (отдѣленнымъ отъ всѣхъ другихъ) кружкомъ людей, находившихся на батареѣ, поглощали все вниманіе Пьера. Первое его безсознательно-радостное возбужденіе, произведенное видомъ и звуками поля сраженія, замѣнилось теперь, въ особенности послѣ вида этого одиноко лежащаго солдата на лугу, другимъ чувствомъ. Сидя теперь на откосѣ канавы, онъ наблюдалъ окружавшія его лица.

Къ десяти часамъ уже человѣкъ двадцать унесли съ батареи: два орудія были разбиты, и чаще и чаще на батарею попадали снаряды и залетали, жужжа и свистя, дальнія пули. Но люди, бывшіе на батареѣ, какъ будто не замѣчали этого: со всѣхъ сторонъ слышался веселый говоръ и шутки.

— Чиненка!—кричалъ солдатъ на приближающуюся летѣвшую со свистомъ гранату.

— Не сюда! Къ пѣхотнымъ! — съ хохотомъ прибавлялъ другой, замѣтивъ, что граната перелетѣла и попала въ ряды прикрытія.

— Что, знакомая?—смѣялся другой солдатъ на присѣвшаго мужика подъ пролетѣвшимъ ядромъ.

Нѣсколько солдатъ собрались у вала, разглядывая то, что дѣлалось впереди.

— И цѣпь сняли, видишь; назадъ прошли,—говорили они, указывая черезъ валъ.

— Свое дѣло гляди, — крикнулъ на нихъ старый унтеръ-офицеръ.—Назадъ прошли,—значитъ, назади дѣло есть.

И унтеръ-офицеръ, взявъ за плечо одного изъ солдатъ, толкнулъ его колѣнкой. Послышался хохотъ.

— Къ пятому орудію, накатывай!—кричали съ одной стороны.

— Разомъ, дружнѣе, по-бурлацки, — слышались веселые крики перемѣнявшихъ пушку.

— Ай, нашему барину чуть шляпку не сбила,—показывая зубы, смѣялся на Пьера краснорожій шутникъ.—Эхъ, нескладная,—укоризненно прибавилъ онъ на ядро, попавшее въ колесо и ногу человѣка.

— Ну вы, лисицы!—смѣялся другой на изгибающихся ополченцевъ, всходившихъ на батарею за раненымъ.

— Аль не вкусна каша? Ахъ, вороны, заколянились!—кричали на ополченцевъ, замявшихся передъ солдатомъ съ оторванной ногой.

— Тое-кое, малый,—передразнивали мужиковъ.—Страсть не любятъ!

Пьеръ замѣчалъ, какъ послѣ каждаго попавшаго ядра, послѣ каждой потери все болѣе и болѣе разгоралось общее оживленіе.

Какъ изъ придвигающейся грозовой тучи, чаще и чаще, свѣтлѣе и свѣтлѣе вспыхивали на лицахъ всѣхъ этихъ людей (какъ бы въ отпоръ совершающагося) молніи скрытаго, разгорающагося огня.

Пьеръ не смотрѣлъ впередъ на поле сраженія и не интересовался знать о томъ, что тамъ дѣлалось: онъ весь былъ погруженъ въ созерцаніе этого все болѣе и болѣе разгорающагося огня, который точно такъ же (онъ чувствовалъ) разгорался и въ его душѣ.

Въ десять часовъ пѣхотные солдаты, бывшіе впереди батареи въ кустахъ и по рѣчкѣ Каменкѣ, отступили. Съ батареи видно было, какъ они пробѣгали назадъ мимо нея, неся на ружьяхъ раненыхъ. Какой-то генералъ со свитой взошелъ на курганъ и, поговоривъ съ полковникомъ, сердито посмотрѣвъ на Пьера, сошелъ опять внизъ, приказавъ прикрытію пѣхоты, стоявшему позади батареи, лечь, чтобы менѣе подвергаться выстрѣламъ. Вслѣдъ за этимъ въ рядахъ пѣхоты, правѣе батареи, послышался барабанъ, командные крики, и съ батареи видно было, какъ ряды пѣхоты двинулись впередъ.

Пьеръ смотрѣлъ черезъ валъ. Одно лицо особенно бросилось ему въ глаза. Это былъ офицеръ, который съ блѣднымъ молодымъ лицомъ шелъ задомъ, неся опущенную шпагу, и безпокойно оглядывался.

Ряды пѣхотныхъ солдатъ скрылись въ дыму, послышался ихъ протяжный крикъ и частая стрѣльба ружей. Черезъ нѣсколько минутъ толпы раненыхъ и носилокъ прошли оттуда. На батарею еще чаще стали попадать снаряды. Нѣсколько человѣкъ лежали неубранные. Около пушекъ хлопотливѣе и оживленнѣе двигались солдаты. Никто уже не обращалъ вниманія на Пьера. Раза два на него сердито крикнули за то, что онъ былъ на дорогѣ. Старшій офицеръ, съ нахмуреннымъ лицомъ, большими, быстрыми шагами переходилъ отъ одного орудія къ другому. Молоденькій офицерикъ, еще больше разрумянившись, еще старательнѣе командовалъ солдатами. Солдаты подавали заряды, поворачивались, заряжали и дѣлали свое дѣло съ напряженнымъ щегольствомъ. Они на ходу подпрыгивали, какъ на пружинахъ.

Грозовая туча надвинулась, и ярко во всѣхъ лицахъ горѣлъ тотъ огонь, за разгораніемъ котораго слѣдилъ Пьеръ. Онъ сто-

ялъ подлѣ старшаго офицера. Молоденькій офицерикъ подбѣжалъ, съ рукой къ киверу, къ старшему.

— Имѣю честь доложить, господинъ полковникъ, зарядовъ имѣется только восемь, прикажете ли продолжать огонь? — спросилъ онъ.

— Картечь! — не отвѣчая, крикнулъ старшій офицеръ, смотрѣвшій черезъ валъ.

Вдругъ что-то случилось; офицерикъ ахнулъ и, свернувшись, сѣлъ на землю, какъ на лету подстрѣленная птица. Все сдѣлалось странно, неясно и пасмурно въ глазахъ Пьера.

Одно за другимъ свистѣли ядра и бились въ брустверъ, въ солдатъ, въ пушки. Пьеръ, прежде не слыхавшій этихъ звуковъ, теперь только слышалъ одни эти звуки. Съ боку батареи, справа, съ крикомъ «ура» бѣжали солдаты не впередъ, а назадъ, какъ показалось Пьеру.

Ядро ударило въ самый край вала, передъ которымъ стоялъ Пьеръ, ссыпало землю, и въ глазахъ его мелькнулъ черный мячикъ, и въ то же мгновеніе шлепнуло во что-то. Ополченцы, вошедшіе было на батарею, побѣжали назадъ.

— Всѣ картечью! — кричалъ офицеръ.

Унтеръ офицеръ подбѣжалъ къ старшему офицеру и испуганнымъ шопотомъ (какъ за обѣдомъ докладываетъ дворецкій хозяину, что нѣтъ больше требуемаго вина) сказалъ, что зарядовъ больше не было.

— Разбойники, что дѣлаютъ! — закричалъ офицеръ, оборачиваясь къ Пьеру.

Лицо старшаго офицера было красно и потно, нахмуренные глаза блестѣли.

— Бѣги къ резервамъ, приводи ящики! — крикнулъ онъ, сердито обходя взглядомъ Пьера и обращаясь къ своему солдату.

— Я пойду, — сказалъ Пьеръ.

Офицеръ, не отвѣчая ему, большими шагами пошелъ въ другую сторону.

— Не стрѣлять... Выжидай! — кричалъ онъ.

Солдатъ, которому приказано было идти за зарядами, столкнулся съ Пьеромъ.

— Эхъ, баринъ, не мѣсто тебѣ тутъ, — сказалъ онъ и побѣжалъ внизъ.

Пьеръ побѣжалъ за солдатомъ, обходя то мѣсто, на которомъ сидѣлъ молоденькій офицерикъ.

Одно, другое, третье ядро пролетало надъ нимъ, ударялось впереди, съ боковъ, сзади. Пьеръ сбѣжалъ внизъ. «Куда я?»

вдругъ вспомнилъ онъ, уже подбѣгая къ зеленымъ ящикамъ. Онъ остановился въ нерѣшительности, идти ему назадъ или впередъ. Вдругъ страшный толчокъ откинулъ его назадъ, на землю. Въ то же мгновенiе блескъ большого огня освѣтилъ его, и въ то же мгновенiе раздался оглушающiй, зазвенѣвшiй въ ушахъ громъ, трескъ и свистъ.

Пьеръ, очнувшись, сидѣлъ на заду, опираясь руками о землю; ящика, около котораго онъ былъ, не было; только валялись зеленыя обожженныя доски и тряпки на выжженной травѣ, и лошадь, трепля обломками оглобель, проскакала отъ него, а другая такъ же, какъ и самъ Пьеръ, лежала на землѣ и пронзительно, протяжно визжала.

XXXII.

Пьеръ, не помня себя отъ страха, вскочилъ и побѣжалъ назадъ на батарею, какъ на единственное убѣжище отъ всѣхъ ужасовъ, окружавшихъ его.

Въ то время, какъ Пьеръ входилъ въ окопъ, онъ замѣтилъ, что на батареѣ выстрѣловъ не слышно было, но какiе-то люди что-то дѣлали тамъ. Пьеръ не успѣлъ понять того, какiе это были люди. Онъ увидѣлъ старшаго полковника, задомъ къ нему лежащаго на валу, какъ будто разсматривающаго что-то внизу, и видѣлъ одного, замѣченнаго имъ солдата, который, порываясь впередъ отъ людей, державшихъ его за руку, кричалъ: «братцы!» и видѣлъ еще что-то странное.

Но онъ не успѣлъ еще сообразить того, что полковникъ былъ убитъ, что кричавшiй «братцы» былъ плѣнный, что въ глазахъ его былъ заколотъ штыкомъ въ спину другой солдатъ. Едва онъ вбѣжалъ въ окопъ, какъ худощавый, желтый, съ потнымъ лицомъ человѣкъ, въ синемъ мундирѣ, со шпагой въ рукѣ, набѣжалъ на него, крича что-то. Пьеръ, инстинктивно обороняясь отъ толчка, такъ какъ они, не видавъ, разбѣжались другъ противъ друга, выставилъ руки и схватилъ этого человѣка (это былъ французскiй офицеръ) одной рукой за плечо, другой за горло. Офицеръ, выпустивъ шпагу, схватилъ Пьера за шиворотъ.

Нѣсколько секундъ они оба испуганными глазами смотрѣли на чуждыя другъ другу лица, и оба были въ недоумѣнiи о томъ, что они сдѣлали и что имъ дѣлать. «Я ли взятъ въ плѣнъ или онъ взятъ въ плѣнъ мною?» думалъ каждый изъ нихъ. Но,

очевидно, французскій офицеръ болѣе склонялся къ мысли, что въ плѣнъ взятъ онъ, потому что сильная рука Пьера, движимая невольнымъ страхомъ, все крѣпче и крѣпче сжимала его горло. Французъ что-то хотѣлъ сказать, какъ вдругъ надъ самой головой ихъ низко и страшно просвистѣло ядро, и Пьеру показалось, что голова французскаго офицера оторвана: такъ быстро онъ согнулъ ее.

Пьеръ тоже нагнулъ голову и опустилъ руки. Не думая болѣе о томъ, кто кого взялъ въ плѣнъ, французъ побѣжалъ назадъ на батарею, а Пьеръ подъ гору, спотыкаясь на убитыхъ и раненыхъ, которые, казалось ему, ловятъ его за ноги. Но не успѣлъ онъ сойти внизъ, какъ навстрѣчу ему показались плотныя толпы бѣгущихъ русскихъ солдатъ, которые, падая, спотыкаясь и крича, весело и бурно бѣжали на батарею. (Это была та атака, которую себѣ приписывалъ Ермоловъ, говоря, что только его храбрости и счастью возможно было сдѣлать этотъ подвигъ, и та атака, въ которой онъ будто бы кидалъ на курганъ Георгіевскіе кресты, бывшіе у него въ карманѣ).

Французы, занявшіе батарею, побѣжали. Наши войска съ крикомъ «ура», такъ далеко за батарею прогнали французовъ, что трудно было остановить ихъ.

Съ батареи свезли плѣнныхъ, въ томъ числѣ раненаго французскаго генерала, котораго окружили офицеры. Толпы раненыхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ Пьеру, русскихъ и французовъ, съ изуродованными страданіемъ лицами, шли, ползли и на носилкахъ неслись съ батареи. Пьеръ взошелъ на курганъ, гдѣ провелъ болѣе часа времени, и изъ того семейнаго кружка, который принялъ его къ себѣ, онъ не нашелъ никого. Много было тутъ мертвыхъ, незнакомыхъ ему. Но нѣкоторыхъ онъ узналъ. Молоденькій офицеръ сидѣлъ, все такъ же свернувшись, у края вала, въ лужѣ крови. Краснорожій солдатъ еще дергался, но его не убирали.

Пьеръ побѣжалъ внизъ.

«Нѣтъ, теперь они оставятъ это; теперь они ужаснутся того, что они сдѣлали!» думалъ Пьеръ, безцѣльно направляясь за толпами носилокъ, двигавшихся съ поля сраженія.

Но солнце, застилаемое дымомъ, стояло еще высоко, и впереди, и въ особенности налѣво, у Семеновскаго, кипѣло что-то въ дыму, и гулъ выстрѣловъ, стрѣльба и канонада не только не ослабѣвали, но усиливались до отчаянности, какъ человѣкъ, который, надрываясь, кричитъ изъ послѣднихъ силъ.

XXXIII.

Главное дѣйствіе Бородинскаго сраженія произошло на пространствѣ 1.000 саженъ между Бородинымъ и флешами Багратіона. (Внѣ этого пространства съ одной стороны была сдѣлана русскими въ половинѣ дня демонстрація кавалеріей Уварова, съ другой стороны за Утицей было столкновеніе Понятовскаго съ Тучковымъ; но это были два отдѣльныя и слабыя дѣйствія въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило въ серединѣ поля сраженія.) На полѣ между Бородинымъ и флешами, у лѣса, на открытомъ и видномъ съ обѣихъ сторонъ протяженіи, произошло главное дѣйствіе сраженія самымъ простымъ, безхитростнымъ образомъ.

Сраженіе началось канонадой съ обѣихъ сторонъ изъ нѣсколькихъ сотенъ орудій.

Потомъ, когда дымъ застлалъ все поле, въ этомъ дыму двинулись (со стороны французовъ) справа двѣ дивизіи Дессе и Компана — на флеши и слѣва полки вице-короля — на Бородино.

Отъ Шевардинскаго редута, на которомъ стоялъ Наполеонъ, флеши находились на разстояніи версты, а Бородино болѣе чѣмъ въ двухъ верстахъ разстоянія по прямой линіи, и потому Наполеонъ не могъ видѣть того, что происходило тамъ, тѣмъ болѣе что дымъ, сливаясь съ туманомъ, скрывалъ всю мѣстность. Солдаты дивизіи Дессе, направленные на флеши, были видны только до тѣхъ поръ, пока они не спустились подъ оврагъ, отдѣлявшій ихъ отъ флешъ. Какъ скоро они спустились въ оврагъ, дымъ выстрѣловъ орудійныхъ и ружейныхъ на флешахъ сталъ такъ густъ, что застлалъ весь подъемъ той стороны оврага. Сквозь дымъ мелькало тамъ что-то черное, вѣроятно люди, и иногда блескъ штыковъ. Но двигались они или стояли, были ли это французы или русскіе, нельзя было видѣть съ Шевардинскаго редута.

Солнце взошло свѣтло и било косыми лучами прямо въ лицо Наполеона, смотрѣвшаго изъ-подъ руки на флеши. Дымъ стлался передъ флешами, и то казалось, что дымъ двигался, то казалось, что войска двигались. Слышны были иногда изъ-за выстрѣловъ крики людей, но нельзя было знать, что они тамъ дѣлали.

Наполеонъ, стоя на курганѣ, смотрѣлъ въ трубу, и въ маленькій кругъ трубы онъ видѣлъ дымъ и людей, иногда своихъ,

иногда русскихъ; но гдѣ было то, что онъ видѣлъ, онъ не зналъ, когда смотрѣлъ опять простымъ глазомъ.

Онъ сошелъ съ кургана и сталъ взадъ и впередъ ходить передъ нимъ.

Изрѣдка онъ останавливался, прислушивался къ выстрѣламъ и вглядывался въ поле сраженія.

Не только съ того мѣста внизу, гдѣ онъ стоялъ; не только съ кургана, на которомъ стояли теперь нѣкоторые его генералы, но и съ самыхъ флешей, на которыхъ находились теперь вмѣстѣ и поперемѣнно то русскіе, то французскіе — мертвые, раненые и живые, испуганные или обезумѣвшіе — солдаты, нельзя было понять того, что дѣлалось на этомъ мѣстѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ на этомъ мѣстѣ, среди неумолкаемой стрѣльбы ружейной и пушечной, то появлялись одни русскіе, то одни французскіе, то пѣхотные, то кавалерійскіе солдаты; появлялись, падали, стрѣляли, сталкивались, не зная, что дѣлать другъ съ другомъ, кричали и бѣжали назадъ.

Съ поля сраженія безпрестанно прискакивали къ Наполеону его посланные адъютанты и ординарцы его маршаловъ съ докладами о ходѣ дѣла; но всѣ эти доклады были ложны: и потому, что въ жару сраженія невозможно сказать, что̀ происходитъ въ данную минуту; и потому, что многіе адъютанты не доѣзжали до настоящаго мѣста сраженія, а передавали то, что̀ они слышали отъ другихъ; и еще потому, что пока проѣзжалъ адъютантъ тѣ двѣ-три версты, которыя отдѣляли его отъ Наполеона, обстоятельства измѣнялись, и извѣстіе, которое онъ везъ, уже становилось невѣрно. Такъ, отъ вице-короля прискакалъ адъютантъ съ извѣстіемъ, что Бородино занято и мостъ на Колочѣ въ рукахъ французовъ. Адъютантъ спрашивалъ у Наполеона, прикажетъ ли онъ переходить войскамъ. Наполеонъ приказалъ выстроиться на той сторонѣ и ждать. Но не только въ то время, какъ Наполеонъ отдавалъ это приказаніе, но даже когда адъютантъ только что отъѣхалъ отъ Бородина, мостъ уже былъ отбитъ и сожженъ русскими въ той самой схваткѣ, въ которой участвовалъ Пьеръ въ самомъ началѣ сраженія.

Прискакавшій съ флешъ съ блѣднымъ, испуганнымъ лицомъ адъютантъ донесъ Наполеону, что атака отбита и что Компанъ раненъ и Даву убитъ; а между тѣмъ флеши были заняты другою частью войскъ въ то время, какъ адъютанту говорили, что французы были отбиты, и Даву былъ живъ и только слегка контуженъ. Соображаясь съ таковыми необходимо-ложными донесеніями, Наполеонъ дѣлалъ свои распоряженія, которыя или

уже были исполнены прежде, чѣмъ онъ дѣлалъ ихъ, или же не могли быть и не были исполняемы.

Маршалы и генералы, находившіеся въ болѣе близкомъ разстояніи отъ поля сраженія, но такъ же, какъ и Наполеонъ, не участвовавшіе въ самомъ сраженіи и только изрѣдка заѣзжавшіе подъ огонь пуль, не спрашиваясь Наполеона, дѣлали свои распоряженія и отдавали свои приказанія о томъ, куда и откуда стрѣлять и куда скакать коннымъ и куда бѣжать пѣшимъ солдатамъ. Но даже и ихъ распоряженія, точно такъ же, какъ распоряженія Наполеона, въ самой малой степени и рѣдко приводились въ исполненіе. Большею частью выходило противное тому, что они приказывали. Солдаты, которымъ велѣно было идти впередъ, подпавъ подъ картечный выстрѣлъ, бѣжали назадъ; солдаты, которымъ велѣно было стоять на мѣстѣ, вдругъ, видя противъ себя неожиданно показавшихся русскихъ, иногда бросались впередъ, и конница скакала безъ приказанія догонять бѣгущихъ русскихъ. Такъ два полка кавалеріи поскакали черезъ семеновскій оврагъ, и только что выѣхали на гору, повернулись и во весь духъ поскакали назадъ. Такъ же двигались и пѣхотные солдаты, иногда забѣгая совсѣмъ не туда, куда имъ велѣно было. Всѣ распоряженія о томъ, куда и когда подвинуть пушки, когда послать пѣшихъ солдатъ стрѣлять, когда конныхъ — топтать русскихъ пѣшихъ, всѣ эти распоряженія дѣлали сами ближайшіе начальники частей, бывшіе въ рядахъ, не спрашиваясь даже Нея, Даву и Мюрата, не только Наполеона. Они не боялись взысканія за неисполненіе приказанія или за самовольное распоряженіе, потому что въ сраженіи дѣло касается самаго дорогого для человѣка — собственной жизни; и иногда кажется, что спасеніе заключается въ бѣгствѣ назадъ, иногда въ бѣгствѣ впередъ, и сообразно съ настроеніемъ минуты поступали эти люди, находившіеся въ самомъ пылу сраженія. Въ сущности же всѣ эти движенія впередъ и назадъ не облегчали и не измѣняли положенія войскъ. Всѣ ихъ набѣганія и наскакиванья другъ на друга почти не производили имъ вреда, а вредъ, смерть и увѣчья наносили ядра и пули, летавшія вездѣ по тому пространству, по которому метались эти люди. Какъ только эти люди выходили изъ того пространства, по которому летали ядра и пули, такъ ихъ тотчасъ же стоявшіе сзади начальники формировали, подчиняли дисциплинѣ и подъ вліяніемъ этой дисциплины вводили опять въ область огня, въ которой они опять (подъ вліяніемъ страха смерти) теряли дисциплину и метались по случайному настроенію толпы.

XXXIV.

Генералы Наполеона — Даву, Ней и Мюратъ, находившіеся въ близости этой области огня и даже иногда заѣзжавшіе въ нее—нѣсколько разъ вводили въ эту область огня стройныя и огромныя массы войскъ. Но противно тому, что̀ неизмѣнно совершалось во всѣхъ прежнихъ сраженіяхъ, вмѣсто ожидаемаго извѣстія о бѣгствѣ непріятеля, стройныя массы войскъ возвращались *оттуда* разстроенными, испуганными толпами. Они вновь устраивали ихъ, но людей все становилось меньше. Въ половинѣ дня Мюратъ послалъ къ Наполеону своего адъютанта съ требованіемъ подкрѣпленія.

Наполеонъ сидѣлъ подъ курганомъ и пилъ пуншъ, когда къ нему прискакалъ адъютантъ Мюрата съ увѣреніями, что русскіе будутъ разбиты, ежели его величество дастъ еще дивизію.

— Подкрѣпленія?—сказалъ Наполеонъ съ строгимъ удивленіемъ, какъ бы не понимая его словъ, и глядя на красиваго мальчика-адъютанта съ длинными завитыми черными волосами (такъ же, какъ носилъ волосы Мюратъ).

«Подкрѣпленія!» подумалъ Наполеонъ. «Какого они просятъ подкрѣпленія, когда у нихъ въ рукахъ половина арміи, направленной на слабое, неукрѣпленное крыло русскихъ!»

— Dites au roi de Naples,—строго сказалъ Наполеонъ,— qu'il n'est pas midi et que je ne vois pas encore clair sur mon échiquier. Allez... [1]).

Красивый мальчикъ-адъютантъ съ длинными волосами, не отпуская руку отъ шляпы, тяжело вздохнувъ, поскакалъ опять туда, гдѣ убивали людей.

Наполеонъ всталъ и, подозвавъ Коленкура и Бертье, сталъ разговаривать съ ними о дѣлахъ, не касающихся сраженія.

Въ серединѣ разговора, который начиналъ занимать Наполеона, глаза Бертье обратились на генерала съ свитой, который на потной лошади скакалъ къ кургану. Это былъ Бельяръ. Онъ, слѣзши съ лошади, быстрыми шагами подошелъ къ императору и смѣло, громкимъ голосомъ сталъ доказывать необходимость подкрѣпленій. Онъ клялся честью, что русскіе погибли, ежели императоръ дастъ еще дивизію.

Наполеонъ вздернулъ плечами и, ничего не отвѣтивъ, продолжалъ свою прогулку. Бельяръ громко и оживленно сталъ говорить съ генералами свиты, окружившими его.

---

[1]) Скажите неаполитанскому королю, что теперь еще не полдень и что я еще неясно вижу на своей шахматной доскѣ. Ступайте...

— Вы очень пылки, Бельяръ, — сказалъ Наполеонъ, опять подходя къ подъѣхавшему генералу. — Легко ошибиться въ пылу огня. Поѣзжайте и посмотрите, и тогда пріѣзжайте ко мнѣ.

Не успѣлъ еще Бельяръ скрыться изъ вида, какъ съ другой стороны прискакалъ новый посланный съ поля сраженія.

— Eh bien qu'est-ce qu'il y a? [1]) — сказалъ Наполеонъ тономъ человѣка, раздраженнаго безпрестанными помѣхами.

— Sire, le Prince... [2]) — началъ адъютантъ.

— Проситъ подкрѣпленія?—съ гнѣвнымъ жестомъ проговорилъ Наполеонъ.

Адъютантъ утвердительно наклонилъ голову и сталъ докладывать; но императоръ отвернулся отъ него, сдѣлалъ два шага, остановился, вернулся назадъ и подозвалъ Бертье.

— Надо дать резервы, — сказалъ онъ, слегка разводя руками. — Кого послать туда, какъ вы думаете?—обратился онъ къ Бертье, къ этому oison que j'ai fait aigle [3]), какъ онъ впослѣдствіи называлъ его.

— Государь, послать дивизію Клапареда,—сказалъ Бертье, помнившій наизусть всѣ дивизіи, полки и батальоны.

Наполеонъ утвердительно кивнулъ головой.

Адъютантъ поскакалъ къ дивизіи Клапареда. И черезъ нѣсколько минутъ молодая гвардія, стоявшая позади кургана, тронулась съ своего мѣста. Наполеонъ молча смотрѣлъ по этому направленію.

— Нѣтъ, — обратился онъ вдругъ къ Бертье, — я не могу послать Клапареда. Пошлите дивизію Фріана, — сказалъ онъ.

Хотя не было никакого преимущества въ томъ, чтобы вмѣсто Клапареда посылать дивизію Фріана, и даже было очевидное неудобство и замедленіе въ томъ, чтобы остановить теперь Клапареда и посылать Фріана, но приказаніе было съ точностью исполнено. Наполеонъ не видѣлъ того, что онъ въ отношеніи своихъ войскъ игралъ ту роль доктора, который мѣшаетъ своими лѣкарствами,—роль, которую онъ такъ вѣрно понималъ и осуждалъ.

Дивизія Фріана такъ же, какъ и другія, скрылась въ дыму поля сраженія. Съ разныхъ сторонъ продолжали прискакивать адъютанты, и всѣ, какъ бы сговорившись, говорили одно и то же. Всѣ просили подкрѣпленій, всѣ говорили, что русскіе держатся на своихъ мѣстахъ и производятъ un feu d'enfer [4]), отъ котораго таетъ французское войско.

---

1) Ну, чего вамъ?
2) Ваше величество, принцъ...
3) Гусенокъ, котораго я сдѣлалъ орломъ.
4) Адскій огонь.

Наполеонъ сидѣлъ въ задумчивости на складномъ стулѣ.

Проголодавшійся съ утра m. de Beausset, любившій путешествовать, подошелъ къ императору и осмѣлился почтительно предложить его величеству позавтракать.

— Я надѣюсь, что теперь уже я могу поздравить ваше величество съ побѣдой, — сказалъ онъ.

Наполеонъ молча отрицательно покачалъ головой. Полагая, что отрицаніе относится къ побѣдѣ, а не къ завтраку, m. de Beausset позволилъ себѣ игриво-почтительно замѣтить, что нѣтъ въ мірѣ причинъ, которыя могли бы помѣшать завтракать, когда можно это сдѣлать.

— Allez vous... [1])—вдругъ мрачно сказалъ Наполеонъ и отвернулся.

Блаженная улыбка сожалѣнія, раскаянія и восторга просіяла на лицѣ господина Боссе, и онъ плывущимъ шагомъ отошелъ къ другимъ генераламъ.

Наполеонъ испытывалъ тяжелое чувство, подобное тому, которое испытываетъ всегда счастливый игрокъ, безумно кидавшій свои деньги, всегда выигрывавшій и вдругъ, именно тогда, когда онъ разсчиталъ всѣ случайности игры, чувствующій, что чѣмъ болѣе обдуманъ его ходъ, тѣмъ вѣрнѣе онъ проигрываетъ.

Войска были тѣ же, генералы тѣ же, тѣ же были приготовленія, та же диспозиція, та же proclamation courte et énergique; онъ самъ былъ тотъ же, онъ это зналъ; онъ зналъ, что онъ былъ даже гораздо опытнѣе и искуснѣе теперь, чѣмъ онъ былъ прежде; даже врагъ былъ тотъ же, какъ подъ Аустерлицемъ и Фридландомъ,—но страшный размахъ руки падалъ волшебно-безсильно.

Всѣ тѣ прежніе пріемы, бывало неизмѣнно увѣнчиваемые успѣхомъ: и сосредоточеніе батарей на одинъ пунктъ, и атака резервовъ для прорванія линіи, и атака кавалеріи des hommes de fer [2]),—всѣ эти пріемы уже были употреблены, и не только не было побѣды, но со всѣхъ сторонъ приходили одни и тѣ же извѣстія объ убитыхъ и раненыхъ генералахъ, о необходимости подкрѣпленій, о невозможности сбить русскихъ и о разстройствѣ войскъ.

Прежде послѣ двухъ-трехъ распоряженій, двухъ-трехъ фразъ скакали съ поздравленіями и веселыми лицами маршалы и адъютанты, объявляя трофеями: корпуса плѣнныхъ, des faisceaux

---

[1]) Пошли къ...
[2]) Желѣзныхъ людей.

de drapeaux et d'aigles ennemis [1]), и пушки, и обозы,—и Мюратъ просилъ только позволенія пускать кавалерію для забранія обозовъ. Такъ было подъ Лоди, Маренго, Арколемъ, Іеной, Аустерлицемъ, Ваграмомъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Теперь же что-то странное происходило съ его войсками.

Несмотря на извѣстіе о взятіи флешей, Наполеонъ видѣлъ, что это было не то, совсѣмъ не то, что было во всѣхъ его прежнихъ сраженіяхъ. Онъ видѣлъ, что то же чувство, которое испытывалъ онъ, испытывали и всѣ его окружающіе люди, опытные въ дѣлѣ сраженій. Всѣ лица были печальны, всѣ глаза избѣгали другъ друга. Только одинъ Боссе могъ не понимать значенія того, что совершалось. Наполеонъ же послѣ своего долгаго опыта войны зналъ хорошо, что значило въ продолженіе 8-ми часовъ, послѣ всѣхъ употребленныхъ усилій, невыигранное атакующимъ сраженіе. Онъ зналъ, что это было почти проигранное сраженіе и что малѣйшая случайность могла теперь,— на той натянутой точкѣ колебанія, на которой стояло сраженіе— погубить его и его войска.

Когда онъ перебиралъ въ воображеніи всю эту странную русскую кампанію, въ которой не было выиграно ни одно сраженіе, въ которой въ два мѣсяца не взято ни знаменъ, ни пушекъ, ни корпусовъ войскъ; когда глядѣлъ на скрытно-печальныя лица окружающихъ и слушалъ донесенія о томъ, что русскіе все стоятъ, — страшное чувство, подобное чувству, испытываемому въ сновидѣніяхъ, охватывало его, и ему приходили въ голову всѣ несчастныя случайности, могущія погубить его. Русскіе могли напасть на его лѣвое крыло; могли разорвать его середину; шальное ядро могло убить его самого. Все это было возможно. Въ прежнихъ сраженіяхъ своихъ онъ обдумывалъ только случайности успѣха, теперь же безчисленное количество несчастныхъ случайностей представлялось ему, и онъ ожидалъ ихъ всѣхъ. Да, это было какъ во снѣ, когда человѣку представляется наступающій на него злодѣй, и человѣкъ во снѣ размахнулся и ударилъ своего злодѣя съ тѣмъ страшнымъ усиліемъ, которое, онъ знаетъ, должно уничтожить его, и чувствуетъ, что рука его, безсильная и мягкая, падаетъ какъ тряпка, и ужасъ неотразимой погибели охватываетъ безпомощнаго человѣка.

Извѣстіе о томъ, что русскіе атакуютъ лѣвый флангъ французской арміи, возбудило въ Наполеонѣ этотъ ужасъ. Онъ молча сидѣлъ подъ курганомъ на складномъ стулѣ, опустивъ го-

---

[1]) Связки непріятельскихъ орловъ и знаменъ.

лову и положивъ локти на колѣни. Бертье подошелъ къ нему и предложилъ проѣхаться по линіи, чтобы убѣдиться, въ какомъ положеніи находилось дѣло.

— Что? Что вы говорите? — сказалъ Наполеонъ. — Да, велите подать мнѣ лошадь.

Онъ сѣлъ верхомъ и поѣхалъ къ Семеновскому.

Въ медленно расходившемся пороховомъ дыму по всему тому пространству, по которому ѣхалъ Наполеонъ, въ лужахъ крови лежали лошади и люди поодиночкѣ и кучами. Подобнаго ужаса, такого количества убитыхъ на такомъ маломъ пространствѣ никогда не видали еще и Наполеонъ, и никто изъ его генераловъ. Гулъ орудій, не перестававшій 10 часовъ сряду и измучившій ухо, придавалъ особенную значительность зрѣлищу (какъ музыка при живыхъ картинахъ). Наполеонъ выѣхалъ на высоту Семеновскаго и сквозь дымъ увидалъ ряды людей въ мундирахъ цвѣтовъ, непривычныхъ для его глаза. Это были русскіе.

Русскіе плотными рядами стояли позади Семеновскаго и кургана, и ихъ орудія не переставая гудѣли и дымили по ихъ линіи. Сраженія уже не было. Было продолжавшееся убійство, которое ни къ чему не могло повести ни русскихъ, ни французовъ. Наполеонъ остановилъ лошадь и впалъ опять въ задумчивость, изъ которой вывелъ его Бертье; онъ не могъ остановить того дѣла, которое дѣлалось передъ нимъ и вокругъ него и которое считалось руководимымъ имъ и зависящимъ отъ него, и дѣло это ему, въ первый разъ вслѣдствіе неуспѣха, представлялось ненужнымъ и ужаснымъ.

Одинъ изъ генераловъ, подъѣхавшихъ къ Наполеону, позволилъ себѣ предложить ему ввести въ дѣло старую гвардію. Ней и Бертье, стоявшіе подлѣ Наполеона, переглянулись между собой и презрительно улыбались на безсмысленное предложеніе этого генерала.

Наполеонъ опустилъ голову и долго молчалъ.

— A huit cent lieux de France je ne ferai pas démolir ma garde! [1] — сказалъ онъ и, повернувъ лошадь, поѣхалъ назадъ къ Шевардину.

XXXV.

Кутузовъ сидѣлъ, понуривъ сѣдую голову и опустившись тяжелымъ тѣломъ, на покрытой ковромъ лавкѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ утромъ его видѣлъ Пьеръ. Онъ не дѣлалъ

---

1) За 3500 верстъ отъ Франціи я не дамъ разгромить свою гвардію.

никакихъ распоряженій, а только соглашался или не соглашался на то, что предлагали ему.

«Да, да, сдѣлайте это», отвѣчалъ онъ на различныя предложенія. «Да, да, съѣзди, голубчикъ, посмотри», обращался онъ то къ тому, то къ другому изъ приближенныхъ; или: «Нѣтъ, не надо; лучше подождемъ», говорилъ онъ. Онъ выслушивалъ привозимыя ему донесенія, отдавалъ приказанія, когда это требовалось подчиненными; но, выслушивая донесенія, онъ, казалось, не интересовался смысломъ словъ того, что ему говорили, а что-то другое въ выраженіи лицъ, въ тонѣ рѣчи доносившихъ интересовало его. Долголѣтнимъ военнымъ опытомъ онъ зналъ и старческимъ умомъ понималъ, что руководить сотнями тысячъ человѣкъ, борющихся со смертью, нельзя одному человѣку, и зналъ, что рѣшаютъ участь сраженія не распоряженія главнокомандующаго, не мѣсто, на которомъ стоятъ войска, не количество пушекъ и убитыхъ людей, а та неуловимая сила, называемая духомъ войска, и онъ слѣдилъ за этой силой и руководилъ ею, насколько это было въ его власти.

Общее выраженіе лица Кутузова было сосредоточенное, спокойное вниманіе и напряженіе, едва превозмогавшее усталость слабаго и стараго тѣла.

Въ 11 часовъ утра ему привезли извѣстіе о томъ, что занятыя французами флеши были опять отбиты, но что князь Багратіонъ раненъ. Кутузовъ ахнулъ и покачалъ головой.

— Поѣзжай къ князю Петру Ивановичу и подробно узнай, что и какъ, — сказалъ онъ одному изъ адъютантовъ, и вслѣдъ затѣмъ обратился къ принцу Виртембергскому, стоявшему позади него:

— Не угодно ли будетъ вашему высочеству принять командованіе 2-ой арміей.

Вскорѣ послѣ отъѣзда принца, такъ скоро, что онъ еще не могъ доѣхать до Семеновскаго, адъютантъ принца вернулся отъ него и доложилъ свѣтлѣйшему, что принцъ проситъ войскъ.

Кутузовъ поморщился и послалъ Дохтурову приказаніе принять командованіе 2-ой арміей, а принца, безъ котораго, какъ онъ сказалъ, онъ не можетъ обойтись въ эти важныя минуты, просилъ вернуться къ себѣ. Когда привезено было извѣстіе о взятіи въ плѣнъ Мюрата и штабные поздравляли Кутузова, онъ улыбнулся.

— Подождите, господа, — сказалъ онъ. — Сраженіе выиграно, и въ плѣненіи Мюрата нѣтъ ничего необыкновеннаго. Но лучше подождать радоваться.

Однако онъ послалъ адъютанта проѣхать по войскамъ съ этимъ извѣстіемъ.

Когда съ лѣваго фланга прискакалъ Щербининъ съ донесеніемъ о занятіи французами флешей и Семеновскаго, Кутузовъ, по звукамъ поля сраженія и по лицу Щербинина угадавъ, что извѣстія были нехорошія, всталъ, какъ бы разминая ноги, и, взявъ подъ руку Щербинина, отвелъ его въ сторону.

— Съѣзди, голубчикъ,—сказалъ онъ Ермолову,—посмотри, нельзя ли что сдѣлать.

Кутузовъ былъ въ Горкахъ, въ центрѣ позиціи русскаго войска. Направленная Наполеономъ атака на нашъ лѣвый флангъ была нѣсколько разъ отбиваема. Въ центрѣ французы не подвинулись далѣе Бородина. Съ лѣваго фланга кавалерія Уварова заставила бѣжать французовъ.

Въ третьемъ часу атаки французовъ прекратились. На всѣхъ лицахъ, пріѣзжавшихъ съ поля сраженія, и на тѣхъ, которыя стояли вокругъ него, Кутузовъ читалъ выраженіе напряженности, дошедшей до высшей степени. Кутузовъ былъ доволенъ успѣхомъ дня сверхъ ожиданія. Но физическія силы оставляли старика. Нѣсколько разъ голова его низко опускалась, какъ бы падая, и онъ задремывалъ. Ему подали обѣдать.

Флигель-адъютантъ Вольцогенъ, тотъ самый, который, проѣзжая мимо князя Андрея, говорилъ, что войну надо im Raum verlegen [1]), и котораго такъ ненавидѣлъ Багратіонъ, во время обѣда подъѣхалъ къ Кутузову. Вольцогенъ пріѣхалъ отъ Барклая съ донесеніемъ о ходѣ дѣлъ на лѣвомъ флангѣ. Благоразумный Барклай-де-Толли, видя толпы отбѣгающихъ раненыхъ и разстроенные зады арміи, взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла, рѣшилъ, что сраженіе проиграно, и съ этимъ извѣстіемъ прислалъ къ главнокомандующему своего любимца.

Кутузовъ съ трудомъ жевалъ жареную курицу и сузившимися, повеселѣвшими глазами взглянулъ на Вольцогена.

Вольцогенъ, небрежно разминая ноги, съ полупрезрительной улыбкой на губахъ, подошелъ къ Кутузову, слегка дотронувшись до козырька рукою.

Вольцогенъ обращался съ свѣтлѣйшимъ съ нѣкоторой аффектированной небрежностью, имѣющей цѣлью показать, что онъ, какъ высоко образованный военный, предоставляетъ русскимъ дѣлать кумира изъ этого стараго, безполезнаго человѣка, а самъ знаетъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. «Der alte Herr (какъ называли Кутузова въ своемъ кругу нѣмцы) macht sich ganz

---

[1]) Перенести въ пространство.

bequem» [1]), подумалъ Вольцогенъ и, строго взглянувъ на тарелки, стоявшія передъ Кутузовымъ, началъ докладывать старому господину положеніе дѣлъ на лѣвомъ флангѣ такъ, какъ приказалъ ему Барклай и какъ онъ самъ его видѣлъ и понялъ.

— Всѣ пункты нашей позиціи въ рукахъ у непріятеля и отбить нечѣмъ, потому что войскъ нѣтъ; они бѣгутъ, и нѣтъ возможности остановить ихъ, — докладывалъ онъ.

Кутузовъ, остановившись жевать, удивленно, какъ будто не понимая то, что ему говорили, уставился на Вольцогена. Вольцогенъ, замѣтивъ волненіе des alten Herrn [2]), съ улыбкой сказалъ:

— Я не считалъ себя въ правѣ скрыть отъ вашей свѣтлости того, что я видѣлъ. Войска въ полномъ разстройствѣ...

— Вы видѣли? Вы видѣли?.. — нахмурившись, закричалъ Кутузовъ, быстро вставая и наступая на Вольцогена. — Какъ вы... какъ вы смѣете!.. — дѣлая угрожающіе жесты трясущимися руками и захлебываясь, закричалъ онъ. — Какъ смѣете вы, милостивый государь, говорить это *мнѣ*. Вы ничего не знаете. Передайте отъ меня генералу Барклаю, что его свѣдѣнія несправедливы и что настоящій ходъ сраженія извѣстенъ мнѣ, главнокомандующему, лучше, чѣмъ ему.

Вольцогенъ хотѣлъ возразить что-то, но Кутузовъ перебилъ его.

— Непріятель отбитъ на лѣвомъ и пораженъ на правомъ флангѣ. Ежели вы плохо видѣли, милостивый государь, то не позволяйте себѣ говорить того, чего вы не знаете. Извольте ѣхать къ генералу Барклаю и передать ему на завтра мое непремѣнное намѣреніе атаковать непріятеля, — строго сказалъ Кутузовъ.

Всѣ молчали, и слышно было одно тяжелое дыханіе запыхавшагося стараго генерала.

— Отбиты вездѣ, за что я благодарю Бога и наше храброе войско. Непріятель побѣжденъ, и завтра погонимъ его изъ священной земли русской, — сказалъ Кутузовъ, крестясь, и вдругъ всхлипнулъ отъ наступившихъ слезъ.

Вольцогенъ, пожавъ плечами и скрививъ губы, молча отошелъ къ сторонѣ, удивляясь über diese Eingenommenheit des alten Herrn [3]).

— Да, вотъ онъ — мой герой, — сказалъ Кутузовъ къ полному, красивому, черноволосому генералу, который въ это время входилъ на курганъ.

---

[1]) Старый господинъ покойно устраивается.

[2]) Стараго господина.

[3]) На это самодурство стараго господина.

Это былъ Раевскій, проведшій весь день на главномъ пунктѣ Бородинскаго поля.

Раевскій доносилъ, что войска твердо стоятъ на своихъ мѣстахъ и что французы не смѣютъ атаковать болѣе.

Выслушавъ его, Кутузовъ по-французски сказалъ:

— Vous ne pensez donc pas *comme les autres* que nous sommes obligés de nous retirer?

— Au contraire, votre altesse, dans les affaires indécises c'est toujours le plus opiniâtre qui reste victorieux, — отвѣчалъ Раевскій, — et mon opinion... [1]).

— Кайсаровъ! — кликнулъ Кутузовъ своего адъютанта. — Садись, пиши приказъ на завтрашній день. А ты, — обратился онъ къ другому, — поѣзжай по линіи и объяви, что завтра мы атакуемъ.

Пока шелъ разговоръ съ Раевскимъ и диктовался приказъ, Вольцогенъ вернулся отъ Барклая и доложилъ, что генералъ Барклай-де-Толли желалъ бы имѣть письменное подтвержденіе того приказа, который отдавалъ фельдмаршалъ.

Кутузовъ, не глядя на Вольцогена, приказалъ написать этотъ приказъ, который весьма основательно, для избѣжанія личной отвѣтственности, желалъ имѣть бывшій главнокомандующій.

И по неопредѣлимой, таинственной связи, поддерживающей во всей арміи одно и то же настроеніе, называемое духомъ арміи и составляющее главный нервъ войны, слова Кутузова, его приказъ къ сраженію на завтрашній день передались одновременно во всѣ концы войска.

Далеко не самыя слова, не самый приказъ передавались въ послѣдней цѣпи этой связи. Даже ничего не было похожаго въ тѣхъ разсказахъ, которые передавали другъ другу на разныхъ концахъ арміи, на то, что̀ сказалъ Кутузовъ; но смыслъ его словъ сообщился повсюду, потому что то, что́ сказалъ Кутузовъ вытекало не изъ хитрыхъ соображеній, а изъ чувства, которое лежало въ душѣ главнокомандующаго, такъ же, какъ и въ душѣ каждаго русскаго человѣка.

И, узнавъ то, что на завтра мы атакуемъ непріятеля, изъ высшихъ сферъ арміи услыхавъ подтвержденіе того, чему они хотѣли вѣрить, измученные, колеблющіеся люди утѣшались и ободрялись.

---

[1]) Вы, значитъ, не думаете, какъ другіе, что мы должны отступить?
— Напротивъ, ваша свѣтлость, въ нерѣшительныхъ случаяхъ всегда самый упорный остается побѣдителемъ, и мое мнѣніе...

XXXVI.

Полкъ князя Андрея былъ въ резервахъ, которые до 2-го часа стояли позади Семеновскаго въ бездѣйствіи подъ сильнымъ огнемъ артиллеріи. Во второмъ часу полкъ, потерявшій уже болѣе 200 человѣкъ, былъ двинутъ впередъ на стоптанное овсяное поле, на тотъ промежутокъ между Семеновскимъ и курганной батареей, на которомъ въ этотъ день были побиты тысячи людей и на который во второмъ часу дня былъ направленъ усиленно-сосредоточенный огонь изъ нѣсколькихъ сотъ непріятельскихъ орудій.

Не сходя съ этого мѣста и не выпустивъ ни одного заряда, полкъ потерялъ здѣсь еще третью часть своихъ людей. Спереди и въ особенности съ правой стороны въ нерасходившемся дыму бубухали пушки, и изъ таинственной области дыма, застилавшей всю мѣстность впереди, не переставая, съ шипящимъ быстрымъ свистомъ, вылетали ядра и медлительно-свистѣвшія гранаты. Иногда, какъ бы давая отдыхъ, проходило четверть часа, во время которыхъ всѣ ядра и гранаты перелетали, но иногда въ продолженіе минуты нѣсколько человѣкъ вырывало изъ полка, и безпрестанно оттаскивали убитыхъ и уносили раненыхъ.

Съ каждымъ новымъ ударомъ все меньше и меньше случайностей жизни оставалось для тѣхъ, которые еще не были убиты. Полкъ стоялъ въ батальонныхъ колоннахъ на разстояніи 300 шаговъ, но, несмотря на то, всѣ люди находились всегда подъ вліяніемъ одного и того же настроенія. Всѣ люди полка одинаково были молчаливы и мрачны. Рѣдко слышался между рядами говоръ, но говоръ этотъ замолкалъ всякій разъ, какъ слышался попавшій ударъ и крикъ: носилки! Большую часть времени люди полка по приказанію начальства сидѣли на землѣ. Кто, снявъ киверъ, старательно распускалъ и опять собиралъ сборки; кто сухой глиной, распорошивъ ее въ ладоняхъ, начищалъ штыкъ; кто разминалъ ремень и перетягивалъ пряжку перевязи; кто старательно расправлялъ и перегибалъ по-новому подвертки и переобувался. Нѣкоторые строили домики изъ калмыжекъ пашни или плели плетеночки изъ соломы жнивья. Всѣ казались вполнѣ погружены въ эти занятія. Когда ранило и убивало людей, когда тянулись носилки, когда наши возвращались назадъ, когда виднѣлись сквозь дымъ большія массы непріятелей, никто не обращалъ никакого вниманія на эти обстоятельства. Когда же впередъ проѣзжала артиллерія, кавалерія, виднѣлись движенія нашей пѣхоты, одобрительныя замѣчанія слышались со

всѣхъ сторонъ. Но самое большое вниманіе заслуживали событія совершенно постороннія, не имѣвшія никакого отношенія къ сраженію. Какъ будто вниманіе этихъ нравственно-измученныхъ людей отдыхало на этихъ обычныхъ, житейскихъ событіяхъ. Батарея артиллеріи прошла передъ фронтомъ полка. Въ одномъ изъ артиллерійскихъ ящиковъ пристяжная заступила постромку. «Эй, пристяжную-то!.. Выправь! Упадетъ... Эхъ, не видятъ!..» по всему полку одинаково кричали изъ рядовъ. Въ другой разъ общее вниманіе обратила небольшая коричневая собачонка, съ твердо-поднятымъ хвостомъ, которая, Богъ знаетъ откуда взявшись, озабоченной рысцой выбѣжала предъ ряды и вдругъ отъ близко ударившаго ядра взвизгнула и, поджавъ хвостъ, бросилась въ сторону. По всему полку раздалось гоготанье и взвизги. Но развлеченія такого рода продолжались минуты, а люди уже болѣе восьми часовъ стояли безъ ѣды и безъ дѣла подъ непроходящимъ ужасомъ смерти, и блѣдныя и нахмуренныя лица все болѣе блѣднѣли и хмурились.

Князь Андрей точно такъ же, какъ и всѣ люди полка, нахмуренный и блѣдный, ходилъ взадъ и впередъ по лугу подлѣ овсяного поля отъ одной межи до другой, заложивъ назадъ руки и опустивъ голову. Дѣлать и приказывать ему нечего было. Все дѣлалось само собой. Убитыхъ оттаскивали за фронтъ, раненыхъ относили, ряды смыкались. Ежели отбѣгали солдаты, то они тотчасъ же поспѣшно возвращались. Сначала князь Андрей, считая своею обязанностью возбуждать мужество солдатъ и показывать имъ примѣръ, прохаживался по рядамъ; но потомъ онъ убѣдился, что ему нечему и нечѣмъ учить ихъ. Всѣ силы его души точно такъ же, какъ и каждаго солдата, были безсознательно направлены на то, чтобы удержаться только отъ созерцанія ужаса того положенія, въ которомъ они были. Онъ ходилъ по лугу, волоча ноги, шаршавя траву и наблюдая пыль, которая покрывала его сапоги: то онъ шагалъ большими шагами, стараясь попадать въ слѣды, оставленные косцами по лугу; то онъ, считая свои шаги, дѣлалъ расчеты, сколько разъ онъ долженъ пройти отъ межи до межи, чтобы сдѣлать версту; то ошмурыгивалъ полыни, растущія на межѣ, и растиралъ эти цвѣтки въ ладоняхъ и принюхивался къ душисто-горькому, крѣпкому запаху. Изъ всей вчерашней работы мысли не оставалось ничего. Онъ ни о чемъ не думалъ. Онъ прислушивался усталымъ слухомъ все къ тѣмъ же звукамъ, различая свистѣнье полетовъ отъ гула выстрѣловъ, посматривалъ на приглядѣвшіяся лица людей 1-го батальона и ждалъ. «Вотъ она... эта опять къ намъ!» думалъ онъ, прислушиваясь къ приближавше-

муся свисту чего-то изъ закрытой области дыма. «Одна, другая! Еще! Попало...» Онъ остановился и поглядѣлъ на ряды. «Нѣтъ, перенесло. А вотъ это попало». И онъ опять принимался ходить, стараясь дѣлать большіе шаги, чтобы въ 16 шаговъ дойти до межи. Свистъ и ударъ! Въ пяти шагахъ отъ него взрыло сухую землю и скрылось ядро. Невольный холодъ пробѣжалъ по его спинѣ. Онъ опять поглядѣлъ на ряды. Вѣроятно, вырвало многихъ; большая толпа собралась у 2-го батальона.

— Г-нъ адъютантъ, — прокричалъ онъ, — прикажите, чтобы не толпились.

Адъютантъ, исполнивъ приказаніе, подходилъ къ князю Андрею. Съ другой стороны подъѣхалъ верхомъ командиръ батальона.

«Берегитесь!» послышался испуганный крикъ солдата, и, какъ свистящая на быстромъ полетѣ, присѣдающая на землю птичка, въ двухъ шагахъ отъ князя Андрея, подлѣ лошади батальоннаго командира, негромко шлепнулась граната. Лошадь первая, не спрашивая того, хорошо или дурно было выказывать страхъ, фыркнула, взвилась, чуть не сронивъ майора, и отскакала въ сторону. Ужасъ лошади сообщился людямъ.

— Ложись! — крикнулъ голосъ адъютанта, прилегшаго къ землѣ.

Князь Андрей стоялъ въ нерѣшительности. Граната, какъ волчокъ, дымясь, вертѣлась между нимъ и лежащимъ адъютантомъ на краю пашни и луга, подлѣ куста полыни.

«Неужели это смерть?» думалъ князь Андрей, совершенно новымъ, завистливымъ взглядомъ глядя на траву, на полынь и на струйку дыма, вьющуюся отъ вертящагося чернаго мячика. «Я не могу, я не хочу умереть, я люблю жизнь, люблю эту траву, землю, воздухъ...» Онъ думалъ это и вмѣстѣ съ тѣмъ помнилъ о томъ, что на него смотрятъ.

— Стыдно, господинъ офицеръ! — сказалъ онъ адъютанту, — какой...

Онъ не договорилъ. Въ одно и то же время послышался взрывъ, свистъ осколковъ какъ бы разбитой рамы, душный запахъ пороха, и князь Андрей рванулся въ сторону и, поднявъ кверху руку, упалъ на грудь.

Нѣсколько офицеровъ подбѣжало къ нему. Съ правой стороны живота расходилось по травѣ большое пятно крови.

Вызванные ополченцы съ носилками остановились позади офицеровъ. Князь Андрей лежалъ на груди, опустившись лицомъ до травы, и тяжело, всхрипывая, дышалъ.

— Ну, что стали, подходи!

Мужики подошли и взяли его за плечи и ноги, но онъ жалобно застоналъ, и мужики, переглянувшись, опять опустили его.

— Берись, клади, все одно! — крикнулъ чей-то голосъ.

Его другой разъ взяли за плечи и положили на носилки.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! Что жъ это... Животъ! Это конецъ! Ахъ, Боже мой!—слышались голоса между офицерами.

— На волосокъ мимо уха прожужжала, — говорилъ адъютантъ.

Мужики, приладивши носилки на плечахъ, поспѣшно тронулись по протоптанной ими дорожкѣ къ перевязочному пункту.

— Въ ногу идите... Э!.. мужичье! — крикнулъ офицеръ, за плечи останавливая неровно шедшихъ и трясущихъ носилки мужиковъ.

— Подлаживай, что ль, Хведоръ, а Хведоръ, — говорилъ передній мужикъ.

— Вотъ такъ, важно, — радостно сказалъ задній, попавъ въ ногу.

— Ваше сіятельство, а, князь? — дрожащимъ голосомъ сказалъ, подбѣжавши, Тимохинъ, заглядывая на носилки.

Князь Андрей открылъ глаза и посмотрѣлъ изъ-за носилокъ, въ которыя глубоко ушла его голова, на того, кто говорилъ, и опять опустилъ вѣки.

Ополченцы принесли князя Андрея къ лѣсу, гдѣ стояли фуры и гдѣ былъ перевязочный пунктъ. Перевязочный пунктъ состоялъ изъ трехъ раскинутыхъ, съ завороченными полами, палатокъ на краю березника. Въ березникѣ стояли фуры и лошади. Лошади въ хребтугахъ ѣли овесъ, и воробьи слетали къ нимъ и подбирали просыпанныя зерна. Воронья, чуя кровь, нетерпѣливо каркая, перелетали на березахъ. Вокругъ палатокъ, больше чѣмъ на двѣ десятины мѣста, лежали, сидѣли, стояли окровавленные люди въ различныхъ одеждахъ. Вокругъ раненыхъ съ унылыми и внимательными лицами стояли толпы солдатъ-носильщиковъ, которыхъ тщетно оттоняли отъ этого мѣста распоряжавшіеся порядкомъ офицеры. Не слушая офицеровъ, солдаты стояли, опираясь на носилки, и пристально, какъ будто пытаясь понять трудное значеніе зрѣлища, смотрѣли на то, что̀ дѣлалось передъ ними. Изъ палатокъ слышались то громкіе, злые вопли, то жалобныя стенанія. Изрѣдка выбѣгали оттуда фельдшера за водою и указывали на тѣхъ, которыхъ надо было вносить. Раненые, ожидая у палатки своей очереди, хрипѣли,

стонали, плакали, кричали, ругались, просили водки. Нѣкоторые бредили. Князя Андрея, какъ полкового командира, шагая черезъ неперевязанныхъ раненыхъ, принесли ближе къ одной изъ палатокъ и остановились, ожидая приказанія. Князь Андрей открылъ глаза и долго не могъ понять того, что дѣлалось вокругъ него. Лугъ, полынь, пашня, черный крутящійся мячикъ и его страстный порывъ любви къ жизни вспомнились ему. Въ двухъ шагахъ отъ него, громко говоря и обращая на себя общее вниманіе, стоялъ, опершись на сукъ и съ обвязанной головой, высокій, красивый, черноволосый унтеръ-офицеръ. Онъ былъ раненъ въ голову и ногу пулями. Вокругъ него, жадно слушая его рѣчь, собралась толпа раненыхъ и носильщиковъ.

— Мы его оттеда какъ долбанули, такъ все побросалъ, сомого короля забрали, — блестя черными разгоряченными глазами и оглядываясь вокругъ себя, кричалъ солдатъ. — Подойди только въ тотъ самый разъ лезервы, его бъ, братецъ ты мой, званія не осталось, потому вѣрно тебѣ говорю...

Князь Андрей такъ же, какъ и всѣ окружавшіе разсказчика, блестящимъ взглядомъ смотрѣлъ на него и испытывалъ утѣшительное чувство. «Но развѣ не все равно теперь», подумалъ онъ. «А что будетъ тамъ и что̀ такое было здѣсь? Отчего мнѣ такъ жалко было разставаться съ жизнью? Что-то было въ этой жизни, чего я не понималъ и не понимаю».

XXXVII.

Одинъ изъ докторовъ въ окровавленномъ фартукѣ и съ окровавленными небольшими руками, въ одной изъ которыхъ онъ между мизинцемъ и большимъ пальцемъ (чтобъ не запачкать ее) держалъ сигару, вышелъ изъ палатки. Докторъ этотъ поднялъ голову и сталъ смотрѣть по сторонамъ, но выше раненыхъ. Онъ, очевидно, хотѣлъ отдохнуть немного. Поводивъ нѣсколько времени головой вправо и влѣво, онъ вздохнулъ и опустилъ глаза.

— Ну, сейчасъ,—сказалъ онъ на слова фельдшера, указывавшаго ему на князя Андрея, и велѣлъ нести его въ палатку.

Въ толпѣ ожидавшихъ раненыхъ поднялся ропотъ.

— Видно, и на томъ свѣтѣ господамъ однимъ жить, — проговорилъ одинъ.

Князя Андрея внесли и положили на только что очистившійся столъ, съ котораго фельдшеръ споласкивалъ что-то. Князь Андрей не могъ разобрать въ отдѣльности того, что было

въ палаткѣ. Жалобные стоны съ разныхъ сторонъ, мучительная боль бедра, живота и спины развлекали его. Все, что онъ видѣлъ вокругъ себя, слилось для него въ одно общее впечатлѣніе обнаженнаго окровавленнаго человѣческаго тѣла, которое, казалось, наполняло всю низкую палатку, какъ нѣсколько недѣль тому назадъ въ этотъ жаркій августовскій день это же тѣло наполняло грязный прудъ по Смоленской дорогѣ. Да, это было то самое тѣло, та самая chair à canon, видъ которой еще тогда, какъ бы предсказывая теперешнее, возбудилъ въ немъ ужасъ.

Въ палаткѣ было три стола. Два были заняты, на третій положили князя Андрея. Нѣсколько времени его оставили одного, и онъ невольно увидалъ то, что дѣлалось на другихъ двухъ столахъ. На ближнемъ столѣ сидѣлъ татаринъ, вѣроятно казакъ, судя по мундиру, брошенному подлѣ. Четверо солдатъ держали его. Докторъ въ очкахъ что-то рѣзалъ въ его коричневой, мускулистой спинѣ.

— Ухъ, ухъ, ухъ!.. — какъ будто хрюкалъ татаринъ, и вдругъ, поднявъ кверху свое скуластое, черное, курносое лицо, оскаливъ бѣлые зубы, начиналъ рваться, дергаться и визжать пронзительно-звенящимъ, протяжнымъ визгомъ. На другомъ столѣ, около котораго толпилось много народа, на спинѣ лежалъ большой, полный человѣкъ съ закинутой назадъ головой (вьющіеся волосы, ихъ цвѣтъ и форма головы показались странно знакомы князю Андрею. Нѣсколько человѣкъ фельдшеровъ навалились на грудь этому человѣку и держали его. Бѣлая большая, полная нога быстро и часто, не переставая дергалась лихорадочными трепетаніями. Человѣкъ этотъ судорожно рыдалъ и захлебывался. Два доктора молча — одинъ былъ блѣденъ и дрожалъ—что-то дѣлали надъ другой красной ногой этого человѣка. Управившись съ татариномъ, на котораго накинули шинель, докторъ, въ очкахъ, обтирая руки, подошелъ къ князю Андрею.

Онъ взглянулъ въ лицо князя Андрея и поспѣшно отвернулся.

— Раздѣть! Что стоите? — крикнулъ онъ сердито на фельдшеровъ.

Самое первое далекое дѣтство вспомнилось князю Андрею, когда фельдшеръ торопившимися засученными руками разстегивалъ ему пуговицы и снималъ съ него платье. Докторъ низко нагнулся надъ раной, ощупалъ ее и тяжело вздохнулъ. Потомъ онъ сдѣлалъ знакъ кому-то. И мучительная боль внутри живота заставила князя Андрея потерять сознаніе. Когда онъ

очнулся, разбитыя кости бедра были вынуты, клоки мяса отрѣзаны и рана перевязана. Ему прыскали въ лицо водой. Какъ только князь Андрей открылъ глаза, докторъ нагнулся надъ нимъ, молча поцѣловалъ его въ губы и поспѣшно отошелъ.

Послѣ перенесеннаго страданія князь Андрей чувствовалъ блаженство, давно не испытанное имъ. Всѣ лучшія, счастливѣйшія минуты въ его жизни, въ особенности самое дальнее дѣтство, когда его раздѣвали и клали въ кроватку, когда няня, убаюкивая, пѣла надъ нимъ, когда, зарывшись головой въ подушки, онъ чувствовалъ себя счастливымъ однимъ сознаніемъ жизни, представлялись его воображенію, даже не какъ прошедшее, а какъ дѣйствительность. Около того раненаго, очертанія головы котораго казались знакомыми князю Андрею, суетились доктора; его поднимали и успокоивали.

— Покажите мнѣ... Ооооо! о! ооооо!—слышался его прерываемый рыданіями, испуганный и покорившійся страданію стонъ.

Слушая эти стоны, князь Андрей хотѣлъ плакать. Оттого ли, что онъ безъ славы умиралъ; оттого ли, что жалко ему было разставаться съ жизнью; отъ этихъ ли невозвратимыхъ дѣтскихъ воспоминаній; оттого ли, что онъ страдалъ, что другіе страдали и такъ жалостно передъ нимъ стоналъ этотъ человѣкъ, — но ему хотѣлось плакать дѣтскими, добрыми, почти радостными слезами.

Раненому показали въ сапогѣ съ запекшеюся кровью отрѣзанную ногу.

— О! Ооооо! — зарыдалъ онъ какъ женщина.

Докторъ, стоявшій передъ раненымъ, загораживая его лицо, отошелъ.

— Боже мой! Что это? Зачѣмъ онъ здѣсь?—сказалъ себѣ князь Андрей.

Въ несчастномъ, рыдающемъ, обезсилѣвшемъ человѣкѣ, которому только что отняли ногу, онъ узналъ Анатоля Курагина. Анатоля держали на рукахъ и предлагали ему воду въ стаканѣ, края котораго онъ не могъ поймать дрожащими распухшими губами. Анатоль тяжело всхлипывалъ. «Да, это онъ; да, этотъ человѣкъ чѣмъ-то близко и тяжело связанъ со мною», думалъ князь Андрей, не понимая еще ясно того, что было передъ нимъ. «Въ чемъ состоитъ связь этого человѣка съ моимъ дѣтствомъ, съ моею жизнью?» спрашивалъ онъ себя, не находя отвѣта. И вдругъ новое, неожиданное воспоминаніе изъ міра дѣтскаго, чистаго и любовнаго представилось князю Андрею. Онъ вспомнилъ Наташу такою, какою онъ видѣлъ ее

въ первый разъ на балѣ 1810 года, съ тонкой шеей, руками, съ готовымъ на восторгъ, испуганнымъ, счастливымъ лицомъ, и любовь и пѣжность къ ней еще живѣе и сильнѣе чѣмъ когда-либо проснулись въ его душѣ. Онъ вспомнилъ теперь ту связь, которая существовала между нимъ и этимъ человѣкомъ, сквозь слезы, наполнявшія распухшіе глаза, мутно смотрѣвшимъ на него. Князь Андрей вспомнилъ все, и восторженная жалость и любовь къ человѣку наполнили его счастливое сердце.

Князь Андрей не могъ удерживаться болѣе и заплакалъ нѣжными, любовными слезами надъ людьми, надъ собой и надъ ихъ и своими заблужденіями.

«Состраданіе, любовь къ братьямъ, къ любящимъ; любовь къ ненавидящимъ насъ, любовь къ врагамъ; да, та любовь, которую проповѣдывалъ Богъ на землѣ, которой меня учила княжна Марья и которой я не понималъ, — вотъ отчего мнѣ жалко было жизни, вотъ оно то, что еще оставалось мнѣ, ежели бы я былъ живъ. Но теперь уже поздно. Я знаю это!»

XXXVIII.

Страшный видъ поля сраженія, покрытаго трупами и ранеными, въ соединеніи съ тяжестью головы и съ извѣстіями объ убитыхъ и раненыхъ двадцати знакомыхъ генералахъ и съ сознаніемъ безсильности своей прежде сильной руки произвели неожиданное впечатлѣніе на Наполеона, который обыкновенно любилъ разсматривать убитыхъ и раненыхъ, испытывая тѣмъ свою душевную силу (какъ онъ думалъ). Въ этотъ день ужасный видъ поля сраженія побѣдилъ ту душевную силу, въ которой онъ полагалъ свою заслугу и величіе. Онъ поспѣшно уѣхалъ съ поля сраженія и возвратился къ Шевардинскому кургану. Желтый, опухлый, тяжелый, съ мутными глазами, краснымъ носомъ и охриплымъ голосомъ, онъ сидѣлъ на складномъ стулѣ, невольно прислушиваясь къ звукамъ пальбы и не поднимая глазъ. Онъ съ болѣзненной тоской ожидалъ конца того дѣла, которому онъ считалъ себя причастнымъ, но котораго онъ не могъ остановить. Личное человѣческое чувство на короткое мгновеніе взяло верхъ надъ тѣмъ искусственнымъ призракомъ жизни, которому онъ служилъ такъ долго. Онъ на себя переносилъ тѣ страданія и ту смерть, которыя онъ видѣлъ на полѣ сраженія. Тяжесть головы и груди напоминала ему о возможности и для себя страданій и смерти. Онъ въ эту минуту не

хотѣлъ для себя ни Москвы, ни побѣды, ни славы (какой нужно было ему еще славы!). Одно, чего онъ желалъ теперь, — отдыха, спокойствія и свободы. Но когда онъ былъ на Семеновской высотѣ, начальникъ артиллеріи предложилъ ему выставить нѣсколько батарей на эти высоты для того, чтобы усилить огонь по столпившимся передъ Князьковымъ русскимъ войскамъ. Наполеонъ согласился и приказалъ привезти ему извѣстіе о томъ, какое дѣйствіе произведутъ эти батареи.

Адъютантъ пріѣхалъ сказать, что по приказанію императора 200 орудій направлены на русскихъ, но что русскіе все такъ же стоятъ.

— Нашъ огонь рядами вырываетъ ихъ, а они стоятъ, — сказалъ адъютантъ.

— Ils en veulent encore!.. [1]) — сказалъ Наполеонъ охриплымъ голосомъ.

— Sire [2]) — повторилъ нерасслушавшій адъютантъ.

— Ils en veulent encore, — нахмурившись, прохрипѣлъ Наполеонъ осиплымъ голосомъ, — donnez leur-en [3]).

И безъ его приказанія дѣлалось то, чего онъ не хотѣлъ, и онъ распорядился только потому, что думалъ, что отъ него ждали приказанія. И онъ опять перенесся въ свой прежній искусственный міръ призраковъ какого-то величія, и опять (какъ та лошадь, ходящая на покатомъ колесѣ привода, воображаетъ себѣ, что она что-то дѣлаетъ для себя) онъ покорно сталъ исполнять ту жестокую, печальную и тяжелую, нечеловѣческую роль, которая ему была предназначена.

И не на одинъ только этотъ часъ и день были помрачены умъ и совѣсть этого человѣка, тяжеле всѣхъ другихъ участниковъ этого дѣла, носившаго на себѣ всю тяжесть совершавшагося; но и никогда, до конца жизни своей, не могъ понимать онъ ни добра, ни красоты, ни истины, ни значенія своихъ поступковъ, которые были слишкомъ противоположны добру и правдѣ, слишкомъ далеки отъ всего человѣческаго для того, чтобы онъ могъ понимать ихъ значеніе. Онъ не могъ отречься отъ своихъ поступковъ, восхваляемыхъ половиной свѣта, и потому долженъ былъ отречься отъ правды и добра и всего человѣческаго.

Не въ одинъ только этотъ день, объѣзжая поле сраженія, уложенное мертвыми и изувѣченными людьми (какъ онъ думалъ,

---

1) Они еще захотѣли!
2) Государь.
3) Они еще захотѣли! Такъ задайте же имъ.

по его волѣ), онъ, глядя на этихъ людей, считалъ, сколько приходится русскихъ на одного француза, и, обманывая себя, находилъ причины радоваться, что на одного француза приходилось пять русскихъ. Не въ одинъ только этотъ день онъ писалъ въ письмѣ въ Парижъ, что «le champ de bataille a été superbe» [1]), потому что на немъ было 50 тысячъ труповъ; но и на островѣ Св. Елены, въ тиши уединенія, гдѣ онъ говорилъ, что онъ намѣренъ былъ посвятить свои досуги изложенію великихъ дѣлъ, которыя онъ сдѣлалъ, онъ написалъ:

«Le guerre de Russie a dû être la plus populaire des temps modernes: c'était celle du bon sens et des vrais intérêts, celle du repos et de la securité de tous; elle était purement pacifique et conservatrice.

«C'était pour la grande cause, la fin des hasards et le commencement de la securité. Un nouvel horizon, de nouveaux travaux allaient se dérouler, tout pleins du bien-être et de la prospérité de tous. Le système européen se trouvait fondé; il n'était plus question que de l'organiser.

«Satisfait sur ces grands points et tranquille partout, j'aurais eu aussi mon *congrès* et ma *sainte-alliance*. Ce sont des idées qu'on m'a volées. Dans cette réunion de grands souverains, nous eussions traité de nos intérêts en famille et compté de clerc à maître avec les peuples.

«L'Europe n'eût bientôt fait de la sorte véritablement qu'un même peuple, et chacun, en voyageant partout, se fût trouvé toujours dans la patrie commune. J'eus demandé toutes les rivières navigables pour tous, la communauté des mers, et que les grandes armées permanentes fussent réduites désormais à la seule garde des souverains.

«De retour en France, au sein de la patrie, grande, forte, magnifique, tranquille, glorieuse, j'eusse proclamé ses limites immuables; toute guerre future, purement *défensive;* tout agrandissement nouveau *antinational*. J'eusse associé mon fils à l'empire; ma *dictature* eût fini, et son règne constitutionnel eût commencé...

«Paris eût été la capitale du monde, et les français, l'envie des nations!..

«Mes loisirs ensuite et mes vieux jours eussent été consacrés, en compagnie de l'impératrice et durant l'apprentissage royal de mon fils, à visiter lentement et en vrai couple campagnard, avec nos propres chevaux, tous les reccins de l'Empire, recevant les plain-

---

[1]) Поле сраженія было великолѣпно.

tes, redressant les torts, semant de toutes parts et partout les monuments et les bienfaits»[1]).

Онъ, предназначенный Провидѣніемъ на печальную, несвободную роль палача народовъ, увѣрялъ себя, что цѣль его поступковъ была благо народовъ и что онъ могъ руководить судьбами милліоновъ и путемъ власти дѣлать благодѣянія!

«Des 400.000 hommes qui passèrent la Vistule, — писалъ онъ дальше о русской войнѣ, — la moitié était autrichiens, prussiens, saxons, polonais, bavarois, wurtembergeois, mecklembergeois, espagnols, italiens, napolitains. L'armée impériale, proprement dite, était pour un tiers composée de hollandais, belges, habitants des bords du Rhin, piémontais, suisses, genevois, toscans, romains, habitans de la 32-e division militaire, Brême, Hambourg, etc.; elle comtait à peine 140.000 hommes parlant français. L'expédition de Russie coûta moins de 50.000 hommes à la France actu-

---

[1]) «Русская война должна бы была быть самая популярная въ новѣйшія времена: это была война здраваго смысла и настоящихъ выгодъ, война спокойствія и безопасности всѣхъ; она была чисто миролюбивая и консервативная.

«Это было для великой цѣли, для конца случайностей и для начала спокойствія. Новый горизонтъ, новые труды открывались бы, полные благосостоянія и благоденствія всѣхъ. Система европейская была основана, вопросъ заключался бы уже только въ ея устройствѣ.

«Удовлетворенный въ этихъ великихъ вопросахъ и вездѣ спокойный, я бы тоже имѣлъ свой *конгрессъ* и свой *Священный союзъ*. Это мысли, которыя у меня украли. Въ этомъ собраніи великихъ государей мы обсуживали бы наши интересы семейно и считались бы съ народами, какъ писецъ съ хозяиномъ.

«Европа дѣйствительно скоро составила бы такимъ образомъ одинъ и тотъ же народъ, и всякій, путешествуя гдѣ бы то ни было, находился бы всегда въ общей родинѣ.

«Я бы выговорилъ, чтобы всѣ рѣки были судоходны для всѣхъ, чтобы море было общее, чтобы постоянныя, большія арміи были уменьшены исключительно до гвардіи государей.

«Возвратясь во Францію, на родину, великую, сильную, великолѣпную, спокойную, славную, я провозгласилъ бы границы ея неизмѣнными; всякую будущую войну — *защитительной;* всякое новое распространеніе — антинаціональнымъ; я присоединилъ бы своего сына къ имперіи; мое *диктаторство* кончилось бы, и началось бы его конституціонное правленіе..

«Парижъ былъ бы столицей міра, и французы — предметомъ зависти всѣхъ націй!..

«Потомъ мои досуги и послѣдніе дни были бы посвящены, съ помощью императрицы и во время царственнаго воспитыванія моего сына, на то, чтобы мало-по-малу посѣщать, какъ настоящая деревенская чета, на собственныхъ лошадяхъ, всѣ уголки государства, принимая жалобы, устраняя несправедливости, разсѣвая во всѣ стороны и вездѣ зданія и благодѣянія».

elle: l'armée russe dans la retraite de Wilna à Moscou, dans les différentes batailles, a perdu quatre fois plus que l'armée française; l'incendie de Moscou a coûté la vie à 100.000 russes, morts de froid et de misère dans les bois; enfin, dans sa marche de Moscou à l'Oder, l'armée russe fut aussi atteinte par l'intempérie de la saison; elle ne comptait à son arrivée à Wilna que 50.000 hommes, et à Kalisch moins de 18.000» [1]).

Онъ воображалъ себѣ, что по его волѣ произошла война съ Россіей, и ужасъ совершившагося не поражалъ его душу. Онъ смѣло принималъ на себя всю отвѣтственность событія, и его помраченный умъ видѣлъ оправданіе въ томъ, что въ числѣ сотенъ тысячъ погибшихъ людей было меньше французовъ, чѣмъ гессенцевъ и баварцевъ.

XXXIX.

Нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ лежало мертвыми въ разныхъ положеніяхъ и мундирахъ на поляхъ и лугахъ, принадлежавшихъ г-мъ Давыдовымъ и казеннымъ крестьянамъ, на тѣхъ поляхъ и лугахъ, на которыхъ сотни лѣтъ одновременно сбирали урожаи и пасли скотъ крестьяне деревень Бородина, Горокъ, Шевардина и Семеновскаго. На перевязочныхъ пунктахъ, на десятину мѣста, трава и земля были пропитаны кровью. Толпы раненыхъ и нераненыхъ разныхъ командъ людей, съ испуганными лицами, съ одной стороны брели назадъ — къ Можайску, съ другой стороны назадъ — къ Валуеву. Другія толпы, измученныя и голодныя, ведомыя начальниками, шли впередъ. Третьи стояли на мѣстахъ и продолжали стрѣлять.

Надъ всѣмъ полемъ, прежде столь весело красивымъ, съ его блестками штыковъ и дымами въ утреннемъ солнцѣ, стояла те-

---

[1]) «Изъ 400.000 человѣкъ, которые перешли Вислу, половина была австрійцы, пруссаки, саксонцы, поляки, баварцы, виртембергцы, мекленбургцы, испанцы, итальянцы и неаполитанцы. Императорская армія, собственно говоря, была на треть составлена изъ голландцевъ, бельгійцевъ, жителей береговъ Рейна, пьемонцевъ, швейцарцевъ, женевцевъ, тосканцевъ, римлянъ, жителей 32-й военной дивизіи, Бремена, Гамбурга и т. д., въ ней едва ли было 140.000 человѣкъ, говорящихъ по-французски.

«Русская экспедиція стоила собственно Франціи менѣе 50.000 человѣкъ; русская армія въ отступленіи изъ Вильны въ Москву въ различныхъ сраженіяхъ потеряла въ четыре раза болѣе, чѣмъ французская армія; пожаръ Москвы стоилъ жизни 100.000 русскихъ, умершихъ отъ холода и нищеты въ лѣсахъ; наконецъ, во время своего перехода отъ Москвы къ Одеру, русская армія тоже пострадала отъ суровости времени года; по приходѣ въ Вильну она состояла только изъ 50.000 людей, а въ Калишѣ менѣе 18.000».

перь мгла сырости и дыма, и пахло странной кислотой селитры и крови. Собрались тучки, и сталъ накрапывать дождикъ на убитыхъ, на раненыхъ, на испуганныхъ и на изнуренныхъ, и на сомнѣвающихся людей. Какъ будто онъ говорилъ: «Довольно, довольно, люди. Перестаньте... Опомнитесь. Что вы дѣлаете?»

Измученнымъ безъ пищи и безъ отдыха людямъ той и другой стороны начинало одинаково приходить сомнѣніе о томъ, слѣдуетъ ли имъ еще истреблять другъ друга, и на всѣхъ лицахъ было замѣтно колебаніе, и въ каждой душѣ одинаково поднимался вопросъ: «Зачѣмъ, для кого мнѣ убивать и быть убитому? Убивайте, кого хотите; дѣлайте, что хотите, а я не хочу больше!» Мысль эта къ вечеру одинаково созрѣла въ душѣ каждаго. Всякую минуту могли всѣ эти люди ужаснуться того, что они дѣлали, бросить все и побѣжать, куда попало.

Но хотя уже къ концу сраженія люди чувствовали весь ужасъ своего поступка, хотя они и рады бы были перестать, какая-то непонятная, таинственная сила еще продолжала руководить ими, и запотѣлые, въ порохѣ и крови, оставшіеся по одному на три, артиллеристы, хотя и спотыкаясь и задыхаясь отъ усталости, приносили заряды, заряжали, наводили, прикладывали фитили: и ядра такъ же быстро и жестоко перелетали съ обѣихъ сторонъ и расплющивали человѣческое тѣло, и продолжало совершаться то страшное дѣло, которое совершается не по волѣ людей, а по волѣ Того, Кто руководитъ людьми и мірами.

Тотъ, кто посмотрѣлъ бы на разстроенные зады русской арміи, сказалъ бы, что французамъ стоитъ сдѣлать еще одно маленькое усиліе, и русская армія исчезнетъ; и тотъ, кто посмотрѣлъ бы на зады французовъ, сказалъ бы, что русскимъ стоитъ сдѣлать еще одно маленькое усиліе, и французы погибли. Но ни французы, ни русскіе не дѣлали этого усилія, и пламя сраженія медленно догорало.

Русскіе не дѣлали этого усилія, потому что не они атаковали французовъ. Въ началѣ сраженія они только стояли по дорогѣ въ Москву, загораживая ее, и точно такъ же они продолжали стоять при концѣ сраженія, какъ они стояли при началѣ его. Но ежели бы даже цѣль русскихъ состояла въ томъ, чтобы сбить французовъ, они не могли сдѣлать это послѣднее усиліе, потому что всѣ войска русскихъ были разбиты, не было ни одной части войска, не пострадавшей въ сраженіи, и русскіе, оставаясь на своихъ мѣстахъ, потеряли половину своего войска.

Французамъ, съ воспоминаніемъ всѣхъ прежнихъ 15-лѣтнихъ побѣдъ, съ увѣренностью въ непобѣдимости Наполеона, съ сознаніемъ того, что они завладѣли частью поля сраженія, что

они потеряли только одну четверть людей и что у нихъ еще есть 20-тысячная нетронутая гвардія, легко было сдѣлать это усиліе. Французамъ, атаковавшимъ русскую армію съ цѣлью сбить ее съ позиціи, должно было сдѣлать это усиліе, потому что до тѣхъ поръ, пока русскіе точно такъ же, какъ и до сраженія, загораживали дорогу въ Москву, цѣль французовъ не была достигнута, и всѣ ихъ усилія и потери пропали даромъ. Но французы не сдѣлали этого усилія. Нѣкоторые историки говорятъ, что Наполеону стоило дать свою нетронутую старую гвардію для того, чтобы сраженіе было выиграно. Говорить о томъ, что бы было, если бы Наполеонъ далъ свою гвардію, все равно, что говорить о томъ, что бы было, если бы осенью сдѣлалась весна. Этого не могло быть. Но Наполеонъ не далъ свою гвардію, потому что не захотѣлъ этого, но этого нельзя было сдѣлать. Всѣ генералы, офицеры, солдаты французской арміи знали, что этого нельзя было сдѣлать, потому что упадшій духъ войска не позволялъ этого.

Не одинъ Наполеонъ испытывалъ то похожее на сновидѣніе чувство, что страшный размахъ руки падаетъ безсильно; но всѣ генералы, всѣ участвовавшіе и не участвовавшіе солдаты французской арміи, послѣ всѣхъ опытовъ прежнихъ сраженій (гдѣ послѣ вдесятеро меньшихъ усилій непріятель бѣжалъ), испытывали одинаковое чувство ужаса передъ тѣмъ врагомъ, который, потерявъ половину войска, стоялъ такъ же грозно въ концѣ, какъ и въ началѣ сраженія. Нравственная сила французской атакующей арміи была истощена. Не та побѣда, которая опредѣляется подхваченными кусками матеріи на палкахъ, называемыхъ знаменами, и тѣмъ пространствомъ, на которомъ стояли и стоятъ войска, а побѣда нравственная, та, которая убѣждаетъ противника въ нравственномъ превосходствѣ своего врага въ своемъ безсиліи, была одержана русскими подъ Бородинымъ. Французское нашествіе, какъ разъяренный звѣрь, получившій въ своемъ разбѣгѣ смертельную рану, чувствовало свою погибель; но оно не могло остановиться такъ же, какъ и не могло не отклониться вдвое слабѣйшее русское войско. Послѣ даннаго толчка французское войско еще могло докатиться до Москвы; но тамъ, безъ новыхъ усилій со стороны русскаго войска, оно должно было погибнуть, истекая кровью отъ смертельной, нанесенной въ Бородинѣ, раны. Прямымъ слѣдствіемъ Бородинскаго сраженія было безпричинное бѣгство Наполеона изъ Москвы, возвращеніе по старой Смоленской дорогѣ, погибель 500-тысячнаго нашествія и погибель Наполеоновской Франціи, на которую въ первый разъ подъ Бородинымъ была наложена рука сильнѣйшаго духомъ противника.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Для человѣческаго ума непонятна абсолютная непрерывность движенія. Человѣку становятся понятны законы какого бы то ни было движенія только тогда, когда онъ разсматриваетъ произвольно взятыя единицы этого движенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этого-то произвольнаго дѣленія непрерывнаго движенія на прерывныя единицы проистекаетъ большая часть человѣческихъ заблужденій.

Извѣстенъ такъ называемый софизмъ древнихъ, состоящій въ томъ, что Ахиллесъ никогда не догонитъ впереди идущую черепаху, несмотря на то, что Ахиллесъ идетъ въ десять разъ скорѣе черепахи: какъ только Ахиллесъ пройдетъ пространство, отдѣляющее его отъ черепахи, черепаха пройдетъ впереди его одну десятую этого пространства; Ахиллесъ пройдетъ эту десятую, черепаха пройдетъ одну сотую и т. д. до безконечности. Задача эта представлялась древнимъ неразрѣшимою. Безсмысленность рѣшенія (что Ахиллесъ никогда не догонитъ черепаху) вытекала изъ того только, что произвольно были допущены прерывныя единицы движенія, тогда какъ движеніе и Ахиллеса и черепахи совершалось непрерывно.

Принимая все болѣе и болѣе мелкія единицы движенія, мы только приближаемся къ рѣшенію вопроса, но никогда не достигаемъ его. Только допустивъ безконечно-малую величину и восходящую отъ нея прогрессію до одной десятой и взявъ сумму этой геометрической прогрессіи, мы достигаемъ рѣшенія вопроса. Новая отрасль математики, достигнувъ искусства обращаться съ безкнечно-малыми величинами, и въ другихъ болѣе сложныхъ вопросахъ движенія даетъ теперь отвѣты на вопросы, казавшіеся неразрѣшимыми.

Эта новая, неизвѣстная древнимъ, отрасль математики, при разсмотрѣніи вопросовъ движенія, допуская безконечно-малыя

величины, т.-е. такія, при которыхъ возстановляется главное условіе движенія (абсолютная непрерывность), тѣмъ самымъ исправляетъ ту неизбѣжную ошибку, которую умъ человѣческій не можетъ не дѣлать, разсматривая вмѣсто непрерывнаго движенія отдѣльныя единицы движенія.

Въ отысканіи законовъ историческаго движенія происходитъ совершенно то же.

Движеніе человѣчества, вытекая изъ безчисленнаго количества людскихъ произволовъ, совершается непрерывно.

Постиженіе законовъ этого движенія есть цѣль исторіи. Но для того, чтобы постигнуть законы непрерывнаго движенія суммы всѣхъ произволовъ людей, умъ человѣческій допускаетъ произвольныя, прерывныя единицы. Первый пріемъ исторіи состоитъ въ томъ, чтобы, взявъ произвольный рядъ непрерывныхъ событій, разсматривать его отдѣльно отъ другихъ, тогда какъ нѣтъ и не можетъ быть начала никакого событія, а всегда одно событіе непрерывно вытекаетъ изъ другого. Второй пріемъ состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать дѣйствія одного человѣка, царя, полководца, какъ сумму произволовъ людей, тогда какъ сумма произволовъ людскихъ никогда не выражается въ дѣятельности одного историческаго лица.

Историческая наука въ движеніи своемъ постоянно принимаетъ все меньшія и меньшія единицы для разсмотрѣнія и этимъ путемъ стремится приблизиться къ истинѣ. Но какъ ни мелки единицы, которыя принимаетъ исторія, мы чувствуемъ, что допущеніе единицы, отдѣленной отъ другой, допущеніе *начала* какого-нибудь явленія и допущеніе того, что произволы всѣхъ людей выражаются въ дѣйствіяхъ одного историческаго лица, ложны сами по себѣ.

Всякій выводъ исторіи, безъ малѣйшаго усилія со стороны критики, распадается, какъ прахъ, ничего не оставляя за собой, только вслѣдствіе того, что критика избираетъ за предметъ наблюденія бо́льшую или меньшую прерывную единицу; на что она всегда имѣетъ право, такъ какъ взятая историческая единица всегда произвольна.

Только допустивъ безконечно-малую единицу для наблюденія—дифференціалъ исторіи, т.-е. однородныя влеченія людей—и достигнувъ искусства интегрировать (брать суммы этихъ безконечно-малыхъ), мы можемъ надѣяться на постигновеніе законовъ исторіи.

Первыя 15 лѣтъ XIX столѣтія въ Европѣ представляютъ необыкновенное движеніе милліоновъ людей. Люди оставляютъ

свои обычныя занятія, стремятся съ одной стороны Европы въ другую, грабятъ, убиваютъ одинъ другого, торжествуютъ и отчаиваются; и весь ходъ жизни на нѣсколько лѣтъ измѣняется и представляетъ усиленное движеніе, которое сначала идетъ возрастая, потомъ ослабѣвая. Какая причина этого движенія или по какимъ законамъ происходило оно? — спрашиваетъ умъ человѣческій.

Историки, отвѣчая на этотъ вопросъ, излагаютъ намъ дѣянія и рѣчи нѣсколькихъ десятковъ людей въ одномъ изъ зданій города Парижа, называя эти дѣянія и рѣчи словомъ революція; потомъ даютъ подробную біографію Наполеона и нѣкоторыхъ сочувственныхъ и враждебныхъ ему лицъ, разсказываютъ о вліяніи однихъ изъ этихъ лицъ на другія и говорятъ: вотъ отчего произошло это движеніе, и вотъ законы его.

Но умъ человѣческій не только отказывается вѣрить въ это объясненіе, но прямо говоритъ, что пріемъ объясненія невѣренъ, потому что при этомъ объясненіи слабѣйшее явленіе принимается за причину сильнѣйшаго. Сумма людскихъ произволовъ сдѣлала и революцію и Наполеона, и только сумма этихъ произволовъ терпѣла ихъ и уничтожила.

«Но всякій разъ, когда были завоеванія, были завоеватели; всякій разъ, когда дѣлались перевороты въ государствѣ, были великіе люди», говоритъ исторія. Дѣйствительно, всякій разъ, когда являлись завоеватели, были и войны, отвѣчаетъ умъ человѣческій, но это не доказываетъ, чтобы завоеватели были причинами войнъ и чтобы возможно было найти законы войны въ личной дѣятельности одного человѣка. Всякій разъ, когда я, глядя на свои часы, вижу, что стрѣлка подошла къ 10, я слышу, что въ сосѣдней церкви начинается благовѣстъ; но изъ того, что всякій разъ стрѣлка приходитъ на 10 часовъ тогда, какъ начинается благовѣстъ, я не имѣю права заключить, что положеніе стрѣлки есть причина движенія колоколовъ.

Всякій разъ, какъ я вижу движеніе паровоза, я слышу звукъ свиста, вижу открытіе клапана и движеніе колесъ; но изъ этого я не имѣю права заключить, что свистъ и движеніе колесъ суть причины движенія паровоза.

Крестьяне говорятъ, что поздней весной дуетъ холодный вѣтеръ, потому что почка дуба развертывается, и дѣйствительно, всякую весну дуетъ холодный вѣтеръ, когда развертывается дубъ. Но хотя причина дующаго при развертываніи дуба холоднаго вѣтра мнѣ неизвѣстна, я не могу согласиться съ крестьянами въ томъ, что причина холоднаго вѣтра есть развертыванье почки дуба, потому что сила вѣтра находится внѣ

вліяній почки. Я вижу только совпаденіе тѣхъ условій, которыя бываютъ во всякомъ жизненномъ явленіи, и вижу, что, сколько бы и какъ бы подробно я ни наблюдалъ стрѣлку часовъ, клапанъ и колеса паровоза, и почку дуба, я не узнаю причину благовѣста, движенія паровоза и весенняго вѣтра. Для этого я долженъ измѣнить совершенно свою точку наблюденія и изучать законы движенія пара, колокола и вѣтра. То же должна сдѣлать исторія. И попытки этого уже были сдѣланы.

Для изученія законовъ исторіи мы должны измѣнить совершенно предметъ наблюденія, оставить въ покоѣ царей, министровъ и генераловъ, а изучать однородные, безконечно-малые элементы, которые руководятъ массами. Никто не можетъ сказать, насколько дано человѣку достигнуть этимъ путемъ пониманія законовъ исторіи; но очевидно, что на этомъ пути только лежитъ возможность уловленія историческихъ законовъ, и что на этомъ пути не положено еще умомъ человѣческимъ одной милліонной доли тѣхъ усилій, которыя положены историками на описаніе дѣяній различныхъ царей, полководцевъ и министровъ и на изложеніе своихъ соображеній по случаю этихъ дѣяній.

II.

Силы двунадесяти языковъ Европы ворвались въ Россію. Русское войско и населеніе отступаютъ, избѣгая столкновенія до Смоленска и отъ Смоленска до Бородина. Французское войско съ постоянно увеличивающеюся силой стремительности несется къ Москвѣ, къ цѣли своего движенія. Сила стремительности его, приближаясь къ цѣли, увеличивается подобно увеличенію быстроты падающаго тѣла по мѣрѣ приближенія его къ землѣ. Назади—тысячи верстъ голодной, враждебной страны; впереди—десятки верстъ, отдѣляющія отъ цѣли. Это чувствуетъ всякій солдатъ наполеоновской арміи, и нашествіе надвигается само собой, по одной силѣ стремительности.

Въ русскомъ войскѣ, по мѣрѣ отступленія, все болѣе и болѣе разгорается духъ озлобленія противъ врага: отступая назадъ, онъ сосредоточивается и нарастаетъ. Подъ Бородинымъ происходитъ столкновеніе. Ни то, ни другое войско не распадаются, но русское войско непосредственно послѣ столкновенія отступаетъ такъ же необходимо, какъ необходимо откатывается шаръ, столкнувшись съ другимъ, съ большею стремительностью несущимся на него шаромъ; и такъ же необходимо (хотя и потерявшій всю свою силу въ столкновеніи) стремительно разбѣ-

жавшійся шаръ нашествія прокатывается еще нѣкоторое пространство.

Русскіе отступаютъ за 120 верстъ — за Москву, французы доходятъ до Москвы и тамъ останавливаются. Въ продолженіе пяти недѣль послѣ этого нѣтъ ни одного сраженія. Французы не двигаются. Подобно смертельно раненому звѣрю, который, истекая кровью, зализываетъ свои раны, они пять недѣль остаются въ Москвѣ, ничего не предпринимая, и вдругъ безъ всякой новой причины бѣгутъ назадъ: бросаются на Калужскую дорогу (и послѣ побѣды, такъ какъ опять поле сраженія осталось за ними подъ Мало-Ярославцемъ), не вступая ни въ одно серьезное сраженіе, бѣгутъ еще быстрѣе назадъ въ Смоленскъ, за Смоленскъ, за Вильну, за Березину и далѣе.

Въ вечеръ 26-го августа и Кутузовъ, и вся русская армія были увѣрены, что Бородинское сраженіе выиграно. Кутузовъ такъ и писалъ государю. Кутузовъ приказалъ готовиться на новый бой, чтобы добить непріятеля, не потому, чтобы онъ хотѣлъ кого-нибудь обманывать, но потому, что онъ зналъ, что врагъ побѣжденъ, такъ же, какъ зналъ это каждый изъ участниковъ сраженія.

Но въ тотъ же вечеръ и на другой день стали одно за другимъ приходить извѣстія о потеряхъ неслыханныхъ, о потерѣ половины арміи; и новое сраженіе оказалось физически невозможнымъ.

Нельзя было давать сраженіе, когда еще не собраны были свѣдѣнія, не убраны раненые, не пополнены снаряды, не сочтены убитые, не назначены новые начальники на мѣста убитыхъ, не наѣлись и не выспались люди. А вмѣстѣ съ тѣмъ сейчасъ же послѣ сраженія, на другое утро, французское войско (по той стремительной силѣ движенія, увеличеннаго теперь какъ бы въ обратномъ отношеніи квадратовъ разстояній) уже надвигалось само собой на русское войско. Кутузовъ хотѣлъ атаковать на другой день, и вся армія хотѣла этого. Но для того, чтобы атаковать, недостаточно желанія сдѣлать это; нужно, чтобы была возможность это сдѣлать, а возможности этой не было. Нельзя было не отступить на одинъ переходъ, потомъ точно такъ же нельзя было не отступить на другой и на третій переходъ, и, наконецъ, 1-го сентября, когда армія подошла къ Москвѣ, несмотря на всю силу поднявшагося чувства въ рядахъ войска, сила вещей требовала того, чтобы войска эти шли за Москву. И войска отступили еще на одинъ — на послѣдній — переходъ и отдали Москву непріятелю.

Для тѣхъ людей, которые привыкли думать, что планы войнъ и сраженій составляются полководцами такимъ же образомъ, какъ каждый изъ насъ, сидя въ своемъ кабинетѣ надъ картой, дѣлаетъ соображенія о томъ, какъ и какъ бы онъ распорядился въ такомъ-то и такомъ-то сраженіи, представляются вопросы: почему Кутузовъ при отступленіи не поступилъ такъ-то и такъ-то, почему онъ не занялъ позиціи прежде Филей, почему онъ не отступилъ сразу на Калужскую дорогу, оставивъ Москву и т. д. Люди, привыкшіе такъ думать, забываютъ или не знаютъ тѣхъ неизбѣжныхъ условій, въ которыхъ всегда происходитъ дѣятельность всякаго главнокомандующаго. Дѣятельность полководца не имѣетъ ни малѣйшаго подобія съ тою дѣятельностью, которую мы воображаемъ себѣ, сидя свободно въ кабинетѣ, разбирая какую-нибудь кампанію на картѣ, съ извѣстнымъ количествомъ войска съ той и другой стороны и въ извѣстной мѣстности, и начиная наши соображенія съ какого-нибудь извѣстнаго момента. Главнокомандующій никогда не бываетъ въ тѣхъ условіяхъ *начала* какого-нибудь событія, въ которыхъ мы всегда разсматриваемъ событіе. Главнокомандующій всегда находится въ срединѣ движущагося ряда событій и такъ, что никогда, ни въ какую минуту онъ не бываетъ въ состояніи обдумать все значеніе совершающагося событія. Событіе незамѣтно, мгновеніе за мгновеніемъ, вырѣзается въ свое значеніе, и въ каждый моментъ этого послѣдовательнаго, непрерывнаго вырѣзыванія событія главнокомандующій находится въ центрѣ сложнѣйшей игры интригъ, заботъ, зависимости, власти, проектовъ, совѣтовъ, угрозъ, обмановъ, находится постоянно въ необходимости отвѣчать на безчисленное количество предлагаемыхъ ему, всегда противорѣчащихъ другъ другу вопросовъ.

Намъ пресерьезно говорятъ ученые военные, что Кутузовъ еще гораздо прежде Филей долженъ былъ двинуть войска на Калужскую дорогу, что даже кто-то предлагалъ таковой проектъ. Но передъ главнокомандующимъ, особенно въ трудную минуту, бываетъ не одинъ проектъ, а всегда десятки одновременно. И каждый изъ этихъ проектовъ, основанныхъ на стратегіи и тактикѣ, противорѣчитъ одинъ другому. Дѣло главнокомандующаго, казалось бы, состоитъ только въ томъ, чтобы выбрать одинъ изъ этихъ проектовъ. Но и этого онъ не можетъ сдѣлать. Событія и время не ждутъ. Ему предлагаютъ, положимъ, 28 числа перейти на Калужскую дорогу; но въ это время прискакиваетъ адъютантъ отъ Милорадовича и спрашиваетъ, завязывать ли сейчасъ дѣло съ французами или отступить. Ему надо сейчасъ, сію минуту отдать приказаніе. А приказаніе отступить сбиваетъ

пасъ съ поворота на Калужскую дорогу. И вслѣдъ за адъютантомъ интендантъ спрашиваетъ, куда везти провіантъ, а начальникъ госпиталей — куда везти раненыхъ; а курьеръ изъ Петербурга привозитъ письмо государя, не допускающее возможности оставить Москву; а соперникъ главнокомандующаго, тотъ, кто подкапывается подъ него (такіе всегда есть, и не одинъ, а нѣсколько), предлагаетъ новый проектъ, діаметрально-противоположный плану выхода на Калужскую дорогу; а силы самого главнокомандующаго требуютъ сна и подкрѣпленія; а обойденный наградой почтенный генералъ приходитъ жаловаться; а жители умоляютъ о защитѣ; посланный офицеръ для осмотра мѣстности пріѣзжаетъ и доноситъ совершенно противоположное тому, что говорилъ передъ нимъ посланный офицеръ; а лазутчикъ, плѣнный и дѣлавшій рекогносцировку генералъ—всѣ описываютъ различно положеніе непріятельской арміи. Люди, привыкшіе не понимать или забывать эти необходимыя условія дѣятельности всякаго главнокомандующаго, представляютъ намъ, напримѣръ, положеніе войскъ въ Филяхъ и при этомъ предполагаютъ, что главнокомандующій могъ 1-го сентября совершенно свободно разрѣшать вопросъ объ оставленіи или защитѣ Москвы, тогда какъ при положеніи русской арміи въ 5 верстахъ отъ Москвы вопроса этого не могло быть. Когда же рѣшился этотъ вопросъ? И подъ Дриссой, и подъ Смоленскомъ, и ощутительнѣе всего 24-го подъ Шевардинымъ, и 26-го подъ Бородинымъ, и въ каждый день, и часъ, и минуту отступленія отъ Бородина до Филей.

III.

Когда Ермоловъ, посланный Кутузовымъ для того, чтобы осмотрѣть позицію, сказалъ фельдмаршалу, что подъ Москвою на этой позиціи нельзя драться и надо отступить, Кутузовъ посмотрѣлъ на него молча.

— Дай-ка руку,—сказалъ онъ, и, повернувъ ее такъ, чтобы ощупать его пульсъ, онъ сказалъ: — Ты не здоровъ, голубчикъ. Подумай, что ты говоришь.

Кутузовъ еще не могъ понять того, чтобы было возможно отступить за Москву безъ сраженія.

Кутузовъ на Поклонной горѣ, въ шести верстахъ отъ Дорогомиловской заставы, вышелъ изъ экипажа и сѣлъ на лавку на краю дороги. Огромная толпа генераловъ собралась вокругъ него. Графъ Растопчинъ, пріѣхавъ изъ Москвы, присоединился къ нимъ. Все это блестящее общество, разбившись на нѣсколько

кружковъ, говорило между собой о выгодахъ и невыгодахъ позиціи, о положеніи войскъ, о предполагаемыхъ планахъ, о состояніи Москвы, вообще о вопросахъ военныхъ. Всѣ чувствовали, что хотя и не были призваны на то, что хотя это не было такъ названо, но что это былъ военный совѣтъ. Разговоры всѣ держались въ области общихъ вопросовъ. Ежели кто и сообщалъ или узнавалъ личныя новости, то про это говорилось шопотомъ, и тотчасъ переходили опять къ общимъ вопросамъ: ни шутокъ, ни смѣха, ни улыбокъ даже не было замѣтно между всѣми этими людьми. Всѣ, очевидно, съ усиліемъ старались держаться на высотѣ положенія. И всѣ группы, разговаривая между собой, старались держаться въ близости главнокомандующаго (лавка котораго составляла центръ въ этихъ кружкахъ) и говорили такъ, чтобы онъ могъ ихъ слышать. Главнокомандующій слушалъ и иногда переспрашивалъ то, что говорили вокругъ него, но самъ не вступалъ въ разговоръ и не выражалъ никакого мнѣнія. Большею частью, послушавъ разговоръ какого-нибудь кружка, онъ съ видомъ разочарованія — какъ будто совсѣмъ не о томъ они говорили, что онъ желалъ знать — отворачивался. Одни говорили о выбранной позиціи, критикуя не столько самую позицію, сколько умственныя способности тѣхъ, которые ее выбрали; другіе доказывали, что ошибка была сдѣлана прежде, что надо было принять сраженіе еще третьяго дня; третьи говорили о битвѣ при Саламанкѣ, про которую разсказывалъ только что пріѣхавшій французъ Кросаръ, въ испанскомъ мундирѣ. (Французъ этотъ вмѣстѣ съ однимъ изъ нѣмецкихъ принцевъ, служившихъ въ русской арміи, разбиралъ осаду Сарагосы, предвидя возможность такъ же защищать Москву.) Въ четвертомъ кружкѣ графъ Растопчинъ говорилъ о томъ, что съ московской дружиной готовъ погибнуть подъ стѣнами столицы, но что все-таки онъ не можетъ не сожалѣть о той неизвѣстности, въ которой онъ былъ оставленъ, и что ежели бы онъ это зналъ прежде, было бы другое... Пятые, выказывая глубину своихъ стратегическихъ соображеній, говорили о томъ направленіи, которое должны будутъ принять войска. Шестые говорили совершенную безсмыслицу. Лицо Кутузова становилось все озабоченнѣе и печальнѣе. Изъ всѣхъ разговоровъ этихъ Кутузовъ видѣлъ одно: защищать Москву не было *никакой физической возможности* въ полномъ значеніи этихъ словъ, т.-е. до такой степени не было возможности, что ежели бы какой-нибудь безумный главнокомандующій отдалъ приказъ о дачѣ сраженія, то произошла бы путаница и сраженія все-таки бы не было; не было бы потому, что всѣ высшіе начальники не

только признавали эту позицію невозможной, но въ разговорахъ своихъ обсуждали только то, что произойдетъ послѣ несомнѣннаго оставленія этой позиціи. Какъ же могли начальники вести свои войска на поле сраженія, которое они считали невозможнымъ? Низшіе начальники, даже солдаты (которые тоже разсуждаютъ, также признавали позицію невозможной и потому не могли идти драться съ увѣренностью пораженія. Ежели Бенигсенъ настаивалъ на защитѣ этой позиціи и другіе еще обсуждали ее, то вопросъ этотъ уже не имѣлъ значенія самъ по себѣ, а имѣлъ значеніе только какъ предлогъ для спора и интриги. Это понималъ Кутузовъ.

Бенигсенъ, выбравъ позицію, горячо выставляя свой русскій патріотизмъ (котораго не могъ, не морщась, выслушивать Кутузовъ), настаивалъ на защитѣ Москвы. Кутузовъ ясно, какъ день, видѣлъ цѣль Бенигсена: въ случаѣ неудачи защиты — свалить вину на Кутузова, доведшаго войска безъ сраженія до Воробьевыхъ горъ; а въ случаѣ успѣха — себѣ приписать его; въ случаѣ же отказа — очистить себя въ преступленіи оставленія Москвы. Но этотъ вопросъ интриги не занималъ теперь стараго человѣка. Одинъ страшный вопросъ занималъ его. И на вопросъ этотъ онъ ни отъ кого не слышалъ отвѣта. Вопросъ состоялъ для него теперь только въ томъ: «неужели это я допустилъ до Москвы Наполеона, и когда же я это сдѣлалъ? Когда это рѣшилось? Неужели вчера, когда я послалъ къ Платову приказъ отступить, или третьяго дня вечеромъ, когда я задремалъ и приказалъ Бенигсену распорядиться? Или еще прежде?.. Но когда, когда же рѣшилось это страшное дѣло? Москва должна быть оставлена. Войска должны отступить, и надо отдать это приказаніе». Отдать это страшное приказаніе казалось ему одно и то же, что отказаться отъ командованія арміей. А мало того, что онъ любилъ власть, привыкъ къ ней (почетъ, отдаваемый князю Прозоровскому, при которомъ онъ состоялъ въ Турціи, дразнилъ его), онъ былъ убѣжденъ, что ему было предназначено спасеніе Россіи, и потому только, противъ воли государя и по волѣ народа, онъ былъ избранъ главнокомандующимъ. Онъ былъ убѣжденъ, что онъ одинъ въ этихъ трудныхъ условіяхъ могъ держаться во главѣ арміи, что онъ одинъ во всемъ мірѣ былъ въ состояніи безъ ужаса знать своимъ противникомъ непобѣдимаго Наполеона; и онъ ужасался мысли о томъ приказаніи, которое онъ долженъ былъ отдать. Но надо было рѣшить что-нибудь, надо было прекратить эти разговоры вокругъ него, которые начинали принимать слишкомъ свободный характеръ.

Онъ подозвалъ къ себѣ старшихъ генераловъ.

— Ma tête, fût-elle bonne ou mauvaise, n'a qu'à s'àider d'ellemême[1]),—сказалъ онъ, вставая съ лавки, и поѣхалъ въ Фили, гдѣ стояли его экипажи.

IV.

Въ просторной, лучшей избѣ мужика Андрея Савостьянова въ два часа собрался совѣтъ. Мужики, бабы и дѣти мужицкой большой семьи тѣснились въ черной избѣ черезъ сѣни. Одна только внучка Андрея, Малаша, шестилѣтняя дѣвочка, которой свѣтлѣйшій, приласкавъ ее, далъ за чаемъ кусокъ сахара, оставалась на печи въ большой избѣ. Малаша робко и радостно смотрѣла съ печи на лица, мундиры и кресты генераловъ, одинъ за другимъ входившихъ въ избу и разсаживавшихся въ красномъ углу на широкихъ лавкахъ подъ образами. Самъ дѣдушка, какъ внутренно называла Малаша Кутузова, сидѣлъ отъ нихъ особо, въ темномъ углу за печкой. Онъ сидѣлъ, глубоко опустившись въ складное кресло, и безпрестанно покряхтывалъ и расправлялъ воротникъ сюртука, который, хотя и разстегнутый, все какъ будто жалъ его шею. Входившіе одинъ за другимъ подходили къ фельдмаршалу; нѣкоторымъ онъ пожималъ руку, нѣкоторымъ кивалъ головой. Адъютантъ Кайсаровъ хотѣлъ было отдернуть занавѣску въ окнѣ противъ Кутузова, но Кутузовъ сердито замахалъ ему рукой, и Кайсаровъ понялъ, что свѣтлѣйшій не хочетъ, чтобы видѣли его лицо.

Вокругъ мужицкаго еловаго стола, на которомъ лежали карты, планы, карандаши, бумаги, собралось такъ много народа, что денщики принесли еще лавку и поставили у стола. На лавку эту сѣли пришедшіе: Ермоловъ, Кайсаровъ и Толь. Подъ самыми образами на первомъ мѣстѣ сидѣлъ съ Георгіемъ на шеѣ, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ и съ своимъ высокимъ лбомъ, сливающимся съ голой головой, Барклай-де-Толли. Второй уже день онъ мучился лихорадкой, и въ это самое время его знобило и ломало. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Уваровъ и негромкимъ голосомъ (какъ и всѣ говорили) что-то, быстро дѣлая жесты, сообщалъ Барклаю. Маленькій, кругленькій Дохтуровъ, приподнявъ брови и сложивъ руки на животѣ, внимательно прислушивался. Съ другой стороны сидѣлъ, облокотивши на руку свою широкую съ смѣлыми чертами и блестящими глазами

---

[1]) Хороша ли, дурна ли моя голова, а положиться не на кого, какъ на нее.

голову, графъ Остерманъ-Толстой и казался погруженнымъ въ свои мысли. Раевскій съ выраженіемъ нетерпѣнія, привычнымъ жестомъ напередъ курчавя свои черные волосы на вискахъ, поглядывалъ то на Кутузова, то на входную дверь. Твердое, красивое и доброе лицо Коновницына свѣтилось нѣжной и хитрой улыбкой. Онъ встрѣтилъ взглядъ Малаши и глазами дѣлалъ ей знаки, которые заставляли дѣвочку улыбаться.

Всѣ ждали Бенигсена, который доканчивалъ свой вкусный обѣдъ, подъ предлогомъ новаго осмотра позиціи. Его ждали отъ четырехъ до шести часовъ и во все это время не приступали къ совѣщанію и тихими голосами вели посторонніе разговоры.

Только когда въ избу вошелъ Бенигсенъ, Кутузовъ выдвинулся изъ своего угла и подвинулся къ столу, но настолько, что лицо его не было освѣщено поданными на столъ свѣчами.

Бенигсенъ открылъ совѣтъ вопросомъ: «оставить ли безъ боя священную и древнюю столицу Россіи или защищать ее?» Послѣдовало долгое и общее молчаніе. Всѣ лица нахмурились, и въ тишинѣ слышалось сердитое кряхтѣнье и покашливанье Кутузова. Всѣ глаза смотрѣли на него. Малаша тоже смотрѣла на дѣдушку. Она ближе всѣхъ была къ нему и видѣла, какъ лицо его сморщилось: онъ точно собрался плакать. Но это продолжалось недолго.

— *Священную, древнюю столицу Россіи!* — вдругъ заговорилъ онъ, сердитымъ голосомъ повторяя слова Бенигсена и этимъ указывая на фальшивую ноту этихъ словъ.—Позвольте вамъ сказать, ваше сіятельство, что вопросъ этотъ не имѣетъ смысла для русскаго человѣка. (Онъ перевалился впередъ своимъ тяжелымъ тѣломъ.) Такой вопросъ нельзя ставить, и такой вопросъ не имѣетъ смысла. Вопросъ, для котораго я просилъ собраться этихъ господъ, это вопросъ военный. Вопросъ слѣдующій: «Спасеніе Россіи въ арміи. Выгоднѣе ли рисковать потерею арміи и Москвы, принявъ сраженіе, или отдать Москву безъ сраженія?» Вотъ на какой вопросъ я желаю знать ваше мнѣніе. (Онъ откачнулся назадъ на спинку кресла.)

Начались пренія. Бенигсенъ не считалъ еще игру проигранною. Допуская мнѣніе Барклая и другихъ о невозможности принять оборонительное сраженіе подъ Филями, онъ, проникнувшись русскимъ патріотизмомъ и любовью къ Москвѣ, предлагалъ перевести войска въ ночи съ праваго на лѣвый флангъ и ударить на другой день на правое крыло французовъ. Мнѣнія раздѣлились, были споры въ пользу и противъ этого мнѣнія. Ермоловъ, Дохтуровъ и Раевскій согласились съ мнѣніемъ Бенигсена. Руководимые ли чувствомъ потребности жертвы передъ оставле-

ніемъ столицы или другими личными соображеніями, но эти генералы какъ бы не понимали того, что настоящій совѣтъ не могъ измѣнить неизбѣжнаго хода дѣлъ и что Москва уже теперь оставлена. Остальные генералы понимали это и, оставляя въ сторонѣ вопросъ о Москвѣ, говорили о томъ направленіи, которое въ своемъ отступленіи должно было принять войско. Малаша, которая, не спуская глазъ, смотрѣла на то, что дѣлалось передъ ней, иначе понимала значеніе этого совѣта. Ей казалось, что дѣло было только въ личной борьбѣ между «дѣдушкой» и «длиннополымъ», какъ она называла Бенигсена. Она видѣла, что они злились, когда говорили другъ съ другомъ, и въ душѣ своей она держала сторону дѣдушки. Въ серединѣ разговора она замѣтила быстрый, лукавый взглядъ, брошенный дѣдушкой на Бенигсена, и вслѣдъ затѣмъ къ радости своей замѣтила, что дѣдушка, сказавъ что-то длиннополому, осадилъ его: Бенигсенъ вдругъ покраснѣлъ и сердито прошелся по избѣ. Слова, такъ подѣйствовавшія на Бенигсена, были спокойнымъ и тихимъ голосомъ выраженное Кутузовымъ мнѣніе о выгодѣ и невыгодѣ предложенія Бенигсена: о переводѣ въ ночи войскъ съ праваго на лѣвый флангъ для атаки праваго крыла французовъ.

— Я, господа, — сказалъ Кутузовъ, — не могу одобрить плана графа. Передвиженія войскъ въ близкомъ разстояніи отъ непріятеля всегда бываютъ опасны, и военная исторія подтверждаетъ это соображеніе. Такъ, напримѣръ... (Кутузовъ какъ будто задумался, пріискивая примѣръ и свѣтлымъ, наивнымъ взглядомъ глядя на Бенигсена). Да вотъ хоть бы Фридландское сраженіе, которое, какъ я думаю, графъ хорошо помнитъ, было... не вполнѣ удачно только оттого, что войска наши перестраивались въ слишкомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля...

Послѣдовало показавшееся всѣмъ очень продолжительнымъ минутное молчаніе.

Пренія опять возобновились, но часто наступали перерывы, и чувствовалось, что говорить больше не о чемъ.

Во время одного изъ такихъ перерывовъ Кутузовъ тяжело вздохнулъ, какъ бы собираясь говорить. Всѣ оглянулись на него.

— Eh bien, messieurs! Je vois que c'est moi qui payerai les pots cassés [1], — сказалъ онъ. И, медленно приподнявшись, онъ подошелъ къ столу. — Господа, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ несогласны со мной. Но я (онъ остановился)

---

[1] Итакъ, господа, стало-быть, мнѣ платить за перебитые горшки.

властью, врученною мнѣ моимъ государемъ и отечествомъ, я — приказываю отступленіе.

Вслѣдъ за этимъ генералы стали расходиться съ той же торжественной и молчаливой осторожностью, съ которой расходятся послѣ похоронъ.

Нѣкоторые изъ генераловъ негромкимъ голосомъ, совсѣмъ въ другомъ діапазонѣ, чѣмъ когда они говорили на совѣтѣ, передали кое-что главнокомандующему.

Малаша, которую уже давно ждали ужинать, осторожно спустилась задомъ съ полатей, цѣпляясь босыми ножонками за уступы печки, и, замѣшавшись между ногъ генераловъ, шмыгнула въ дверь.

Отпустивъ генераловъ, Кутузовъ долго сидѣлъ, облокотившись на столъ, и думалъ все о томъ же страшномъ вопросѣ:

«Когда же, когда же, наконецъ, рѣшилось то, что оставлена Москва? Когда было сдѣлано то, что рѣшило вопросъ, и кто виноватъ въ этомъ?»

— Этого, этого я не ждалъ, — сказалъ онъ вошедшему къ нему уже поздно ночью адъютанту Шнейдеру, — этого я не ждалъ! Этого я не думалъ!

— Вамъ надо отдохнуть, ваша свѣтлость, — сказалъ Шнейдеръ.

— Да нѣтъ же! Будутъ же они лошадиное мясо жрать, какъ турки, — не отвѣчая прокричалъ Кутузовъ, ударяя пухлымъ кулакомъ по столу, — будутъ и они, только бы...

V.

Въ противоположность Кутузову, въ то же время, въ событіи еще болѣе важнѣйшемъ, чѣмъ отступленіе арміи безъ боя, — въ оставленіи Москвы и сожженіи ея, — Растопчинъ, представляющійся намъ руководителемъ этого событія, дѣйствовалъ совершенно иначе.

Событіе это — оставленіе Москвы и сожженіе ея—было такъ же неизбѣжно, какъ и отступленіе войскъ безъ боя за Москву послѣ Бородинскаго сраженія.

Каждый русскій человѣкъ, не на основаніи умозаключеній, а на основаніи того чувства, которое лежитъ въ насъ и лежало въ нашихъ отцахъ, могъ бы предсказать то, что совершилось.

Начиная отъ Смоленска, во всѣхъ городахъ и деревняхъ русской земли, безъ участія графа Растопчина и его афишъ, происходило то же самое, что произошло въ Москвѣ. Народъ

съ безпечностью ждалъ непріятеля, не бунтовалъ, не волновался, никого не раздиралъ на куски, а спокойно ждалъ своей судьбы, чувствуя въ себѣ силы въ самую трудную минуту найти то, что должно было сдѣлать. И какъ только непріятель подходилъ, богатѣйшіе элементы населенія уходили, оставляя свое имущество; бѣднѣйшіе оставались и зажигали и истребляли то, что оставалось.

Сознаніе того, что это такъ будетъ и всегда такъ будетъ, лежало и лежитъ въ душѣ русскаго человѣка. И сознаніе это и, болѣе того, предчувствіе того, что Москва будетъ взята, лежало въ русскомъ московскомъ обществѣ 12-го года. Тѣ, которые стали выѣзжать изъ Москвы еще въ іюлѣ и началѣ августа, показали, что они ждали этого. Тѣ, которые выѣзжали съ тѣмъ, что они могли захватить, оставляя дома и половину имущества, дѣйствовали такъ, вслѣдствіе того скрытаго (latent) патріотизма, который выражается не фразами, не убійствомъ дѣтей для спасенія отечества и т. п. неестественными дѣйствіями, а который выражается незамѣтно, просто, органически и потому производитъ всегда самые сильные результаты.

«Стыдно бѣжать отъ опасности; только трусы бѣгутъ изъ Москвы», говорили имъ. Растопчинъ въ своихъ афишкахъ внушалъ имъ, что уѣзжать изъ Москвы было позорно. Имъ совѣстно было получать наименованіе трусовъ, совѣстно было ѣхать, но они все-таки ѣхали, зная, что такъ надо было. Зачѣмъ они ѣхали? Нельзя предположить, чтобы Растопчинъ напугалъ ихъ ужасами, которые производилъ Наполеонъ въ покоренныхъ земляхъ. Уѣзжали и первые уѣхали богатые, образованные люди, знавшіе очень хорошо, что Вѣна и Берлинъ остались цѣлы и что тамъ, во время занятія ихъ Наполеономъ, весело проводили время жители съ обворожительными французами, которыхъ такъ любили тогда русскіе мужчины и въ особенности дамы.

Они ѣхали потому, что для русскихъ людей не могло быть вопроса: хорошо ли или дурно будетъ подъ управленіемъ французовъ въ Москвѣ. Подъ управленіемъ французовъ нельзя было быть: это было хуже всего. Они уѣзжали и до Бородинскаго сраженія и, еще быстрѣе, послѣ Бородинскаго сраженія, невзирая на воззванія къ защитѣ, несмотря на заявленія главнокомандующаго Москвы о намѣреніи его поднять Иверскую и идти драться, и на воздушные шары, которые должны были погубить французовъ, и несмотря на весь тотъ вздоръ, о которомъ писалъ Растопчинъ въ своихъ афишахъ. Они знали, что войско должно драться, и ежели оно не можетъ, то съ барыш-

нями и дворовыми людьми нельзя идти на Три Горы воевать съ Наполеономъ, а что надо уѣзжать, какъ ни жалко оставлять на погибель свое имущество. Они уѣзжали и не думали о величественномъ значеніи этой громадной, богатой столицы, оставленной жителями и, очевидно, сожженной (не разрушить, не сжечь пустые дома не въ духѣ русскаго народа); они уѣзжали каждый для себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ, только вслѣдствіе того, что они уѣхали, и совершилось то величественное событіе, которое навсегда останется лучшей славой русскаго народа. Та барыня, которая еще въ іюнѣ мѣсяцѣ, съ своими арапами и шутихами, поднималась изъ Москвы въ саратовскую деревню, съ смутнымъ сознаніемъ того, что она Бонапарту не слуга, и со страхомъ, чтобы ея не остановили по приказанію графа Растопчина, дѣлала просто и истинно то великое дѣло, которое спасло Россію. Графъ же Растопчинъ, который то стыдилъ тѣхъ, которые уѣзжали; то вывозилъ присутственныя мѣста; то выдавалъ никуда негодное оружіе пьяному сброду; то поднималъ образа; то запрещалъ Августину вывозить мощи и иконы; то захватывалъ всѣ частныя подводы, бывшія въ Москвѣ; то на 136 подводахъ увозилъ дѣлаемый Леппихомъ воздушный шаръ; то намекалъ на то, что онъ сожжетъ Москву; то разсказывалъ, какъ онъ сжегъ свой домъ и написалъ прокламацію французамъ, гдѣ торжественно упрекалъ ихъ, что они разорили его дѣтскій пріютъ; то принималъ славу сожженія Москвы, то отрекался отъ нея; то приказывалъ народу ловить всѣхъ шпіоновъ и приводить къ нему, то упрекалъ за это народъ; то высылалъ всѣхъ французовъ изъ Москвы, то оставлялъ въ городѣ г-жу Оберъ-Шальме, составлявшую центръ всего французскаго московскаго населенія, а безъ особой вины приказывалъ схватить и увезти въ ссылку стараго почтеннаго почтдиректора Ключарева; то собиралъ народъ на Три Горы, чтобы драться съ французами; то, чтобы отдѣлаться отъ этого народа, отдавалъ ему на убійство человѣка и самъ уѣзжалъ въ заднія ворота; то говорилъ, что онъ не переживетъ несчастья Москвы; то писалъ въ альбомы по-французски стихи о своемъ участіи въ этомъ дѣлѣ [1],—этотъ человѣкъ не понималъ значенія совершающагося событія, а хотѣлъ только что̀-то сдѣлать самъ, удивить кого-то, что̀-то совершить патріотически-геройское, и какъ мальчикъ рѣзвился

---

[1]) Je suis né Tartare. Je voulus être Romain. Les Français m'appelèrent barbare, les Russes — Georges Dandin. Т.-е. я родился татариномъ. Я хотѣлъ быть римляниномъ. Французы называли меня варваромъ, русскіе — Жоржемъ Данденомъ.

надъ величавымъ и неизбѣжнымъ событіемъ оставленія и сожженія Москвы и старался своей маленькой рукой то поощрять, то задерживать теченіе громаднаго, уносившаго его вмѣстѣ съ собой, народнаго потока.

VI.

Элень, возвратившись вмѣстѣ съ Дворомъ изъ Вильны въ Петербургъ, находилась въ затруднительномъ положеніи.

Въ Петербургѣ Элень пользовалась особымъ покровительствомъ вельможи, занимавшаго одну изъ высшихъ должностей въ государствѣ. Въ Вильнѣ же она сблизилась съ молодымъ иностраннымъ принцемъ. Когда она возвратилась въ Петербургъ, принцъ и вельможа были оба въ Петербургѣ, оба заявляли свои права, и для Элень представилась новая еще въ ея карьерѣ задача: сохранить свою близость отношеній съ обоими, не оскорбивъ ни одного.

То, что̀ показалось бы труднымъ и даже невозможнымъ для другой женщины, ни разу не заставило задуматься графиню Безухову, не даромъ, видно, пользовавшуюся репутаціей умнѣйшей женщины. Ежели бы она стала скрывать свои поступки, выпутываться хитростью изъ неловкаго положенія, она бы этимъ самымъ испортила свое дѣло, сознавъ себя виноватою; но Элень, напротивъ, сразу, какъ истинно великій человѣкъ, который можетъ все то, что̀ хочетъ, поставила себя въ положеніе правоты, въ которую она искренно вѣрила, а всѣхъ другихъ—въ положеніе виноватости.

Въ первый разъ, какъ молодое иностранное лицо позволило себѣ дѣлать ей упреки, она, гордо поднявъ свою красивую голову въ полуоборотъ повернувшись къ нему, твердо сказала:

— Voilà l'égoïsme et la cruauté des hommes! Je ne m'attendais pas à autre chose. La femme se sacrifie pour vous, elle souffre, et voilà sa récompense. Quel droit avez-vous, Monseigneur, de me demander compte de mes amitiés, de mes affections? C'est un homme qui a été plus qu'un père pour moi [1]).

Лицо хотѣло что-то сказать. Элень перебила его.

— Eh bien, oui, — сказала она, — peut-être qu'il a pour moi d'autres sentiments que ceux d'un père, mais ce n'est pas une rai-

---

[1]) Вотъ эгоизмъ и жестокость мужчинъ! Я другого и не ожидала. Женщина приноситъ себя въ жертву вамъ; она страдаетъ, и вотъ ей награда. Ваше высочество, какое имѣете вы право требовать отъ меня отчета въ моихъ привязанностяхъ и дружескихъ чувствахъ? Это человѣкъ, бывшій для меня больше чѣмъ отцомъ.

son pour que je lui ferme ma porte. Je ne suis pas un homme pour être ingrate. Sachez, Monseigneur, pour tout ce qui a rapport à mes sentiments intimes, je ne rends compte qu'à Dieu et a ma conscience [1]), — кончила она, дотрогиваясь рукой до высоко поднявшейся красивой груди и взглядывая на небо.

— Mais écoutez-moi, au nom de Dieu.

— Epousez-moi, et je serai votre esclave.

— Mais c'est impossible.

— Vous ne daignez pas descendre jusqu'à moi, vous... [2]) — заплакавъ, сказала Эленъ.

Лицо стало утѣшать ее; Эленъ же сквозь слезы говорила (какъ бы забывшись), что ничто не можетъ мѣшать ей выйти замужъ, что есть примѣры (тогда еще мало было примѣровъ, но она назвала Наполеона и другихъ высокихъ особъ), что она никогда не была женою своего мужа, что она была принесена въ жертву.

— Но законы, религія... — уже сдаваясь, говорило лицо.

— Законы, религія... На что бы они были выдуманы, ежели бы они не могли сдѣлать этого! — сказала Эленъ.

Важное лицо было удивлено тѣмъ, что такое простое разсужденіе могло не приходить ему въ голову, и обратилось за совѣтомъ къ святымъ братьямъ общества Іисусова, съ которыми оно находилось въ близкихъ отношеніяхъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого на одномъ изъ обворожительныхъ праздниковъ, который давала Эленъ на своей дачѣ на Каменномъ Острову, ей былъ представленъ немолодой, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами и черными блестящими глазами, обворожительный M. de Jobert, un jésuite à robe courte [3]), который долго въ саду, при свѣтѣ иллюминаціи и при звукахъ музыки, бесѣдовалъ съ Эленъ о любви къ Богу, къ Христу, къ сердцу Божіей Матери и объ утѣшеніяхъ, доставляемыхъ въ этой и будущей жизни единою и истинною, католическою религіей. Эленъ была тронута, и нѣсколько разъ у нея и у M. Jobert въ глазахъ стояли слезы и дрожалъ голосъ. Танецъ, на который кавалеръ пришелъ звать Эленъ, разстроилъ ея бесѣду

---

[1]) Ну, хорошо; можетъ-быть, чувства, которыя онъ питаетъ ко мнѣ, не совсѣмъ отеческія; но вѣдь изъ-за этого не слѣдуетъ же мнѣ отказывать ему отъ моего дома. Я не мужчина, чтобы платить неблагодарностью. Да будетъ извѣстно вашему высочеству, что въ моихъ задушевныхъ чувствахъ я отдаю отчетъ только Богу и моей совѣсти.

[2]) Но выслушайте меня, ради Бога. — Женитесь на мнѣ, и я буду вашею рабой. — Но это невозможно. — Вы не удостоиваете снизойти до брака со мною, вы...

[3]) Мосье Жоберъ, короткополый іезуитъ.

съ ея будущимъ directeur de conscience [1]); но на другой день M. de Jobert пришелъ одинъ вечеромъ къ Эленъ, и съ того времени часто сталъ бывать у нея.

Въ одинъ день онъ сводилъ графиню въ католическій храмъ, гдѣ она стала на колѣни передъ алтаремъ, къ которому она была подведена. Немолодой обворожительный французъ положилъ ей на голову руки, и, какъ она сама потомъ разсказывала, она почувствовала что-то въ родѣ дуновенія свѣжаго вѣтра, которое сошло ей въ душу. Ей объяснили, что это была la grâce [2]),

Потомъ ей привели аббата à robe longue [3]), онъ исповѣдывалъ ее и отпустилъ ей грѣхи ея. На другой день ей принесли ящикъ, въ которомъ было причастіе, и оставили его ей на дому для употребленія. Послѣ нѣсколькихъ дней Эленъ, къ удовольствію своему, узнала, что она теперь вступила въ истинную, католическую церковь и что на-дняхъ самъ папа узнаетъ о ней и пришлетъ ей какую-то бумагу.

Все, что дѣлалось за это время вокругъ нея и съ нею, все это вниманіе, обращенное на нее столькими умными людьми и выражающееся въ такихъ пріятныхъ, утонченныхъ формахъ, и голубиная чистота, въ которой она теперь находилась (она носила все это время бѣлыя платья съ бѣлыми лентами), — все это доставляло ей удовольствіе; но изъ-за этого удовольствія она ни на минуту не упускала своей цѣли. И какъ всегда бываетъ, что въ дѣлѣ хитрости глупый человѣкъ проводитъ болѣе умныхъ, она, понявъ, что цѣль всѣхъ этихъ словъ и хлопотъ состояла преимущественно въ томъ, чтобы, обративъ ее въ католичество, взять съ нея денегъ въ пользу іезуитскихъ учрежденій (о чемъ ей дѣлали намеки),—Эленъ, прежде чѣмъ давать деньги, настаивала на томъ, чтобы надъ нею произвели тѣ различныя операціи, которыя бы освободили ее отъ мужа. Въ ея понятіяхъ значеніе всякой религіи состояло только въ томъ, чтобы при удовлетвореніи человѣческихъ желаній соблюдать извѣстныя приличія. И съ этою цѣлью она въ одной изъ своихъ бесѣдъ съ духовникомъ настоятельно потребовала отъ него отвѣта на вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ ея бракъ связываетъ ее.

Они сидѣли въ гостиной у окна. Были сумерки. Изъ окна пахло цвѣтами. Эленъ была въ бѣломъ платьѣ, просвѣчивающемъ на груди и плечахъ. Аббатъ, хорошо откормленный, съ

---

[1]) Руководитель совѣсти.
[2]) Благодать.
[3]) Долгополаго.

пухлой, гладко бритой бородой, пріятнымъ, крѣпкимъ ртомъ и бѣлыми руками, сложенными кротко на колѣняхъ, сидѣлъ близко къ Элепъ и, съ тонкой улыбкой на губахъ, мирно-восхищеннымъ ея красотою взглядомъ смотрѣлъ изрѣдка на ея лицо и излагалъ свой взглядъ на занимавшій ихъ вопросъ. Элепъ, безпокойно улыбаясь, глядѣла на его вьющіеся волосы, гладко выбритыя, чернѣющіяся, полныя щеки и всякую минуту ждала новаго оборота разговора. Но аббатъ, хотя, очевидно, и наслаждаясь красотой своей собесѣдницы, былъ увлеченъ мастерствомъ своего дѣла.

Ходъ разсужденія руководителя совѣсти былъ слѣдующій. Въ невѣдѣніи значенія того, что̀ вы предпринимали, вы дали обѣтъ брачной вѣрности человѣку, который, съ своей стороны, вступивъ въ бракъ и не вѣря въ религіозное значеніе брака, совершилъ кощунство. Бракъ этотъ не имѣлъ двоякаго значенія, которое долженъ онъ имѣть. Но, несмотря на то, обѣтъ вашъ связывалъ васъ. Вы отступили отъ него. Что вы совершили этимъ? Péché véniel или péché mortel? [1])—Péché véniel, потому что вы безъ дурного умысла совершили поступокъ. Ежели вы теперь, съ цѣлью имѣть дѣтей, вступили бы въ новый бракъ, то грѣхъ вашъ могъ бы быть прощенъ. Но вопросъ опять распадается на-двое: первое...

— Но я думаю,—сказала вдругъ соскучившаяся Элепъ, съ своей обворожительной улыбкой, — что я, вступивъ въ истинную религію, не могу быть связана тѣмъ, что̀ наложила на меня ложная религія.

Directeur de conscience [2]) былъ изумленъ этимъ постановленіемъ передъ нимъ съ такою простотою Колумбова яйца. Онъ восхищенъ былъ неожиданной быстротой успѣховъ своей ученицы, но не могъ отказаться отъ своего умственнаго, трудами построеннаго, зданія аргументовъ.

— Entendons-nous, comtesse [3]), — сказалъ онъ съ улыбкой и сталъ опровергать разсужденія своей духовной дочери.

VII.

Элепъ понимала, что дѣло было очень просто и легко съ духовной точки зрѣнія, но что ея руководители дѣлали затрудненія только потому, что они опасались, какимъ образомъ свѣтская власть посмотритъ на это дѣло.

---

[1]) Грѣхъ простительный или грѣхъ смертный.
[2]) Руководитель совѣсти.
[3]) Поймемъ же другъ друга, графиня.

И вслѣдствіе этого Эленъ рѣшила, что надо было въ обществѣ подготовить это дѣло. Она вызвала ревность старика-вельможи и сказала ему то же, что первому искателю, т.-е. поставила вопросъ такъ, что единственное средство получить права на нее состояло въ томъ, чтобы жениться на ней. Старое важное лицо первую минуту было такъ же поражено этимъ предложеніемъ выйти замужъ отъ живого мужа, какъ и первое, молодое лицо; но непоколебимая увѣренность Эленъ въ томъ, что это такъ же просто и естественно, какъ и выходъ дѣвушки замужъ, подѣйствовала и на него. Ежели бы замѣтны были хоть малѣйшіе признаки колебанія, стыда или скрытности въ самой Эленъ, то дѣло бы ея несомнѣнно было проиграно; но не только не было этихъ признаковъ скрытности и стыда, но, напротивъ, она съ простотою и добродушною наивностью разсказывала своимъ близкимъ друзьямъ (а это былъ весь Петербургъ), что ей сдѣлали предложенія и принцъ и вельможа и что она любитъ обоихъ и боится огорчить того и другого.

По Петербургу мгновенно распространился слухъ не о томъ, что Эленъ хочетъ развестись съ своимъ мужемъ (ежели бы распространился этотъ слухъ, очень многіе возстали бы противъ такого незаконнаго намѣренія), но прямо распространился слухъ о томъ, что несчастная, интересная Эленъ находится въ недоумѣніи о томъ, за кого изъ двухъ ей выйти замужъ. Вопросъ уже не состоялъ въ томъ, въ какой степени это возможно, а только въ томъ, какая партія выгоднѣе и какъ Дворъ посмотритъ на это. Были дѣйствительно нѣкоторые закоснѣлые люди, не умѣвшіе подняться на высоту вопроса и видѣвшіе въ этомъ замыслѣ поруганіе таинства брака; но такихъ было мало, и они молчали, большинство же интересовалось вопросами о счастьи, которое постигло Эленъ, и какой выборъ лучше. О томъ же, хорошо ли или дурно выходить отъ живого мужа замужъ, не говорили, потому что вопросъ этотъ, очевидно, былъ уже рѣшенный для людей поумнѣе насъ съ вами (какъ говорили) и усомниться въ правильности рѣшенія вопроса — значило рисковать выказать свою глупость и неумѣніе жить въ свѣтѣ.

Одна только Марья Дмитріевна Ахросимова, пріѣзжавшая въ это лѣто въ Петербургъ для свиданія съ однимъ изъ своихъ сыновей, позволила себѣ прямо выразить свое, противное общественному, мнѣніе. Встрѣтивъ Эленъ на балѣ, Марья Дмитріевна остановила ее посрединѣ залы и, при общемъ молчаніи, своимъ грубымъ голосомъ сказала ей: «У васъ тутъ отъ живого мужа замужъ выходить стали. Ты, можетъ, думаешь, что

ты это новенькое выдумала? Упредили, матушка. Ужъ давно выдумано. Во всѣхъ... такъ-то дѣлаютъ». И съ этими словами Марья Дмитріевна съ привычнымъ, грознымъ жестомъ, засучивая свои широкіе рукава и строго оглядываясь, прошла черезъ комнату.

На Марью Дмитріевну, хотя и боялись ея, смотрѣли въ Петербургѣ какъ на шутиху, и потому изъ словъ, сказанныхъ ею, замѣтили только грубое слово и шопотомъ повторяли его другъ другу, предполагая, что въ этомъ словѣ заключалась вся соль сказаннаго.

Князь Василій, послѣднее время особенно часто забывавшій то, что онъ говорилъ, и повторявшій по сотнѣ разъ одно и то же, говорилъ всякій разъ, когда ему случалось видѣть свою дочь:

— Hélène, j'ai un mot à vous dire, — говорилъ онъ ей, отводя ее въ сторону и дергая внизъ за руку. — J'ai eu vent de certains projets relatifs à... Vous savez. Eh bien, ma chère enfant, vous savez que mon coeur de père se réjouit de vous savoir... Vous avez tant souffert... Mais, chère enfant... ne consultez que votre coeur. C'est tout ce que je vous dis [1]).

И, скрывая всегда одинаковое волненіе, онъ прижималъ свою щеку къ щекѣ дочери и отходилъ.

Билибинъ, не утратившій репутацію умнѣйшаго человѣка и бывшій безкорыстнымъ другомъ Элленъ, однимъ изъ тѣхъ друзей, которые бываютъ всегда у блестящихъ женщинъ, друзей-мужчинъ, никогда не могущихъ перейти въ роль влюбленныхъ, — Билибинъ однажды въ petit comité [2]) высказалъ своему другу Элленъ взглядъ свой на все это дѣло.

— Ecoutez, Bilibine (Элленъ такихъ друзей, какъ Билибинъ, всегда называла по фамиліи), — и она дотронулась своей бѣлой въ кольцахъ рукой до рукава его фрака. — Dites-moi comme vous diriez à une soeur, que dois-je faire? Lequel des deux?

Билибинъ собралъ кожу надъ бровями и съ улыбкой на губахъ задумался.

— Vous ne me prenez pas en расплохъ, vous savez, — сказалъ онъ. — Comme véritable ami j'ai pensé et repensé à votre affaire. Voyez-vous, si vous épousez le prince (это былъ молодой человѣкъ), — онъ загнулъ палецъ, — vous perdez pour toujours

---

1) Элленъ, мнѣ надо тебѣ кое-что сказать. Я прослышалъ о нѣкоторыхъ видахъ касательно... ты знаешь. Ну такъ, милое дитя мое, ты знаешь, что сердце отца твоего радуется тому, что ты... Ты столько терпѣла... Но, милое дитя... Поступай, какъ велитъ тебѣ сердце. Вотъ весь мой совѣтъ.

2) Въ маленькомъ интимномъ кружкѣ.

la chance d'épouser l'autre, et puis vous mecontentez la Cour (comme vous savez, il y a une espèce de parenté). Mais si vous épousez le vieux comte, vous faites le bonheur de ses derniers jours, et puis comme veuve du grand... le prince ne fait plus de mésalliance en vous épousant [1]), — и Билибинъ распустилъ кожу.

— Voila un véritable ami! — сказала просіявшая Эленъ, еще разъ дотрогиваясь рукой до рукава Билибина. — Mais c'est que j'aime l'un et l'autre, je ne voudrais pas leur faire de chagrin. Je donnerais ma vie pour leur bonheur à tous deux [2]), — сказала она.

Билибинъ пожалъ плечами, выражая, что такому горю даже и онъ пособить уже не можетъ.

«Une maîtresse-femme! Voilà ce qui s'appelle poser carrément la question. Elle voudrait épouser tous les trois à fa fois» [3]), подумалъ Билибинъ.

— Но скажите, какъ мужъ вашъ посмотритъ на это дѣло? — сказалъ онъ, вслѣдствіе твердости своей репутаціи не боясь уронить себя такимъ наивнымъ вопросомъ. — Согласится ли онъ?

— Ah! Il m'aime tant! — сказала Эленъ, которой почему-то казалось, что Пьеръ тоже ее любилъ. — Il fera tout pour moi [4]).

Билибинъ подобралъ кожу, чтобы обозначить готовящійся mot.

— Même le divorce [5]), — сказалъ онъ.

Эленъ засмѣялась.

Въ числѣ людей, которые позволяли себѣ сомнѣваться въ законности предпринимаемаго брака, была мать Эленъ, княгиня Курагина. Она постоянно мучилась завистью къ своей дочери и теперь, когда предметъ зависти былъ самый близкій

---

[1]) Послушайте, Билибинъ: скажите мнѣ, какъ бы сказали вы сестрѣ, что мнѣ дѣлать? Котораго изъ двухъ?

Вы знаете, вы меня не захватываете врасплохъ. Какъ истинный другъ, я долго обдумывалъ ваше дѣло. Вотъ видите: если выйти за принца, то вы навсегда лишаетесь возможности быть женою того, и вдобавокъ Дворъ будетъ недоволенъ (вы знаете, тутъ замѣшано родство). А если выйти за стараго графа, то вы составите счастье послѣднихъ дней его, и потомъ, какъ вдова вельможи... принцъ ужъ не дѣлаетъ неравнаго брака, женясь на васъ.

[2]) Вотъ истинный другъ! Но вѣдь я люблю того и другого и не хотѣла бы огорчать никого. Для счастья обоихъ я готова пожертвовать жизнью.

[3]) Молодецъ-женщина! Вотъ что называется ребромъ поставить вопросъ. Она хотѣла бы быть женою всѣхъ троихъ въ одно время.

[4]) Ахъ! онъ меня такъ любитъ! Для меня онъ на все готовъ.

[5]) Даже на разводъ.

сердцу княгини, она не могла примириться съ этою мыслью. Она совѣтовалась съ русскимъ священникомъ о томъ, въ какой мѣрѣ возможенъ разводъ и вступленіе въ бракъ при живомъ мужѣ, и священникъ сказалъ ей, что это невозможно, и, къ радости ея, указалъ ей на евангельскій текстъ, въ которомъ прямо отвергается возможность вступленія въ бракъ отъ живого мужа.

Вооруженная этими аргументами, казавшимися ей неопровержимыми, княгиня рано утромъ, чтобы застать ее одну, поѣхала къ своей дочери.

Выслушавъ возраженія своей матери, Элень кротко и насмѣшливо улыбнулась.

— Да вѣдь прямо сказано: кто женится на разводной женѣ... — сказала старая графиня.

— Ah, maman, ne dites pas de bêtises. Vous ne comprenez rien. Dans ma position j'ai des devoirs [1]), — заговорила Элень, переводя разговоръ на французскій съ русскаго языка, на которомъ ей всегда казалась какая-то неясность въ ея дѣлѣ.

— Но, мой другъ...

— Ah, maman, comment est-ce que vous ne comprenez pas que le Saint Père qui a le droit de donner des dispenses... [2]).

Въ это время дама-компаньонка, жившая у Элень, вошла къ ней доложить, что его высочество въ залѣ и желаетъ ее видѣть.

— Non, dites-lui que je ne veux pas le voir, que je suis furieuse contre lui, parce qu'il m'a manqué parole.

— Comtesse, à tout péché miséricorde [3]), — сказалъ, входя, молодой бѣлокурый человѣкъ съ длиннымъ лицомъ и носомъ.

Старая княгиня почтительно встала и присѣла. Вошедшій молодой человѣкъ не обратилъ на нее вниманія. Княгиня кивнула головой дочери и поплыла къ двери.

«Нѣтъ, она права», думала старая княгиня, всѣ убѣжденія которой разрушились передъ появленіемъ его высочества. «Она права; но какъ это мы въ нашу невозвратную молодость не знали этого? А это такъ было просто», думала, садясь въ карету, старая княгиня.

---

[1]) Ахъ, маменька, не говорите глупостей. Вы ничего не понимаете. Въ моемъ положеніи есть обязанности.

[2]) Ахъ, маменька, какъ вы не понимаете, что святой отецъ, имѣющій власть отпущеній...

[3]) Нѣтъ, скажите ему, что я не хочу его видѣть, онъ меня взбѣсилъ, потому что не сдержалъ слова.—Графиня, на всякій грѣхъ есть прощеніе.

Въ началѣ августа дѣло Элень совершенно опредѣлилось, и она написала своему мужу (который ее очень любилъ, какъ она думала) письмо, въ которомъ извѣщала его о своемъ намѣреніи выйти замужъ за N. N. и о томъ, что она вступила въ единую истинную религію и что она проситъ его исполнить всѣ тѣ необходимыя для развода формальности, о которыхъ передастъ ему податель сего письма.

«Sur ce je prie Dieu, mon ami, de vous avoir sous Sa sainte et puissante garde. Votre amie Hélène» [1]).

Это письмо было привезено въ домъ Пьера въ то время, какъ онъ находился на Бородинскомъ полѣ.

VIII.

Во второй разъ, уже въ концѣ Бородинскаго сраженія, сбѣжавъ съ батареи Раевскаго, Пьеръ съ толпами солдатъ направился по оврагу къ Князькову, дошелъ до перевязочнаго пункта и, увидавъ кровь и услыхавъ крики и стоны, поспѣшно пошелъ дальше, замѣшавшись въ толпы солдатъ.

Одно, чего желалъ теперь Пьеръ всѣми силами своей души, было то, чтобы выйти поскорѣе изъ тѣхъ страшныхъ впечатлѣній, въ которыхъ онъ жилъ этотъ день, вернуться къ обычнымъ условіямъ жизни и заснуть спокойно въ комнатѣ на своей постели. Только въ обычныхъ условіяхъ жизни онъ чувствовалъ, что будетъ въ состояніи понять самого себя и все то, что онъ видѣлъ и испыталъ. Но этихъ обычныхъ условій жизни не было.

Хотя ядра и пули не свистали здѣсь по дорогѣ, по которой онъ шелъ, но со всѣхъ сторонъ было то же, что было тамъ, на полѣ сраженія. Тѣ же были страдающія, измученныя и иногда странно равнодушныя лица, та же кровь, тѣ же солдатскія шинели, тѣ же звуки стрѣльбы, хотя и отдаленной, но все еще наводящей ужасъ; кромѣ того, была духота и пыль.

Пройдя версты три по большой Можайской дорогѣ, Пьеръ сѣлъ на краю ея.

Сумерки спустились на землю, и гулъ орудій затихъ. Пьеръ, облокотившись на руку, легъ и лежалъ такъ долго, глядя на продвигавшіяся мимо него въ темнотѣ тѣни. Безпрестанно ему казалось, что съ страшнымъ свистомъ налетало на него ядро;

---

[1]) Затѣмъ молю Бога, да будете вы, мой другъ, подъ святымъ и сильнымъ покровомъ Его. Другъ вашъ Элень.

онъ вздрагивалъ и приподнимался. Онъ не помнилъ, сколько времени онъ пробылъ тутъ. Въ серединѣ ночи трое солдатъ, притащивъ сучьевъ, помѣстились подлѣ него и стали разводить огонь.

Солдаты, покосившись на Пьера, развели огонь, поставили на него котелокъ, накрошили въ него сухарей и положили сала. Пріятный запахъ съѣстного и жирнаго яства слился съ запахомъ дыма. Пьеръ приподнялся и вздохнулъ. Солдаты (ихъ было трое) ѣли, не обращая вниманія на Пьера, и разговаривали между собой.

— Да ты изъ какихъ будешь?—вдругъ обратился къ Пьеру одинъ изъ солдатъ, очевидно подъ этимъ вопросомъ подразумѣвая то, что и думалъ Пьеръ, именно: ежели ты ѣсть хочешь, мы дадимъ, только скажи, честный ли ты человѣкъ.

— Я? я?..—сказалъ Пьеръ, чувствуя необходимость умалить какъ возможно свое общественное положеніе съ тѣмъ, чтобы быть ближе и понятнѣе для солдатъ. — Я по-настоящему ополченный офицеръ, только моей дружины тутъ нѣтъ; я пріѣзжалъ на сраженіе и потерялъ своихъ.

— Вишь ты! — сказалъ одинъ изъ солдатъ.

Другой солдатъ покачалъ головой.

— Что жъ, поѣшь, коли хочешь, кавардачку!—сказалъ первый и подалъ Пьеру, облизавъ ее, деревянную ложку.

Пьеръ подсѣлъ къ огню и сталъ ѣсть кавардачокъ, то кушанье, которое было въ котелкѣ и которое ему казалось самымъ вкуснымъ изъ всѣхъ кушаній, которыя онъ когда-либо ѣлъ. Въ то время, какъ онъ жадно, нагнувшись надъ котелкомъ, забирая большія ложки, пережевывалъ одну за другой и лицо его было видно въ свѣтѣ огня, солдаты молча смотрѣли на него.

— Тебѣ куды надо-то? Ты скажи!—спросилъ опять одинъ изъ нихъ.

— Мнѣ въ Можайскъ.

— Ты, стало, баринъ?

— Да.

— А какъ звать?

— Петръ Кирилловичъ.

— Ну, Петръ Кирилловичъ, пойдемъ; мы тебя отведемъ.

Въ совершенной темнотѣ солдаты вмѣстѣ съ Пьеромъ пошли къ Можайску.

Уже пѣтухи пѣли, когда они дошли до Можайска и стали подниматься на крутую городскую гору. Пьеръ шелъ вмѣстѣ съ солдатами, совершенно забывъ, что его постоялый дворъ

былъ внизу подъ горой и что онъ уже прошелъ его. Онъ бы не вспомнилъ этого (въ такомъ онъ находился состояніи потерянности), ежели бы съ нимъ не столкнулся на половинѣ горы его берейторъ, ходившій его отыскивать по городу и возвращавшійся назадъ къ своему постоялому двору. Берейторъ узналъ Пьера по его шляпѣ, бѣлѣвшей въ темнотѣ.

— Ваше сіятельство,—проговорилъ онъ,—а ужъ мы отчаялись. Что жъ вы пѣшкомъ? Куда же вы, пожалуйте!

— Ахъ да,—сказалъ Пьеръ.

Солдаты пріостановились.

— Ну что, нашелъ своихъ?—сказалъ одинъ изъ нихъ.— Ну, прощавай! Петръ Кирилловичъ, кажись?

— Прощавай, Петръ Кирилловичъ!—сказали другіе голоса.

— Прощайте,—сказалъ Пьеръ и направился съ своимъ берейторомъ къ постоялому двору.

«Надо дать имъ!» подумалъ Пьеръ, взявшись за карманъ. «Нѣтъ, не надо», сказалъ ему какой-то голосъ.

Въ горницахъ постоялаго двора не было мѣста: всѣ были заняты. Пьеръ прошелъ на дворъ и, укрывшись съ головой, легъ въ свою коляску.

IX.

Едва Пьеръ прилегъ головой на подушку, какъ онъ почувствовалъ, что засыпаетъ; но вдругъ съ ясностью почти дѣйствительности послышались бумъ, бумъ, бумъ выстрѣловъ, послышались стоны, крики, шлепанье снарядовъ, запахло кровью и порохомъ, и чувство ужаса, страха смерти охватило его. Онъ испуганно открылъ глаза и поднялъ голову изъ-подъ шинели. Все было тихо на дворѣ. Только въ воротахъ, разговаривая съ дворникомъ и шлепая по грязи, шелъ какой-то денщикъ. Надъ головой Пьера, подъ темной изнанкой тесоваго навѣса, встрепенулись голубки отъ движенія, которое онъ сдѣлалъ, приподнимаясь. По всему двору былъ разлитъ тотъ мирный, радостный для Пьера въ эту минуту, крѣпкій запахъ постоялаго двора, запахъ сѣна, навоза и дегтя. Между двумя черными навѣсами виднѣлось чистое, звѣздное небо.

«Слава Богу, что этого нѣтъ больше», подумалъ Пьеръ, опять закрываясь съ головой. «О, какъ ужасенъ страхъ и какъ позорно я отдался ему! А они... *они* все время до конца были тверды, спокойны...» подумалъ онъ.

Они, въ понятіи Пьера, были солдаты, тѣ, которые были на батареѣ, и тѣ, которые кормили его, и тѣ, которые молились на икону. *Они* эти странные, невѣдомые ему доселѣ, *они*—ясно и рѣзко отдѣлялись въ его мысли отъ всѣхъ другихъ людей.

«Солдатомъ быть, просто солдатомъ», думалъ Пьеръ, засыпая. «Войти въ эту общую жизнь всѣмъ существомъ, проникнуться тѣмъ, что̀ дѣлаетъ ихъ такими. Но какъ скинуть съ себя все это лишнее, дьявольское, все бремя этого внѣшняго человѣка? Одно время я могъ быть этимъ. Я могъ бѣжать отъ отца, какъ я хотѣлъ. Я могъ еще послѣ дуэли съ Долоховымъ быть посланъ солдатомъ». И въ воображеніи Пьера мелькнулъ обѣдъ въ клубѣ, на которомъ онъ вызвалъ Долохова, и благодѣтель въ Торжкѣ. И вотъ Пьеру представляется торжественная столовая ложа. Ложа эта происходитъ въ Англійскомъ клубѣ. И кто-то знакомый, близкій, дорогой, сидитъ въ концѣ стола. Да это онъ! Это благодѣтель. «Да вѣдь онъ умеръ?» подумалъ Пьеръ. «Да, умеръ; но я не зналъ, что онъ живъ. И какъ мнѣ жаль, что онъ умеръ, и какъ я радъ, что онъ живъ опять!» Съ одной стороны стола сидѣли Анатоль, Долоховъ, Несвицкій, Денисовъ и другіе такіе же (категорія этихъ людей такъ же ясно была во снѣ опредѣлена въ душѣ Пьера, какъ и категорія тѣхъ людей, которыхъ онъ называлъ *они*), и эти люди, Анатоль, Долоховъ, громко кричали, пѣли; но изъ-за ихъ крика слышенъ былъ голосъ благодѣтеля, неумолкаемо говорившій, и звукъ его словъ былъ такъ же значителенъ и непрерывенъ, какъ гулъ поля сраженія, но онъ былъ пріятенъ и утѣшителенъ. Пьеръ не понималъ того, что̀ говорилъ благодѣтель, но онъ зналъ (категорія мыслей также ясна была во снѣ), что благодѣтель говорилъ о добрѣ, о возможности быть тѣмъ, чѣмъ были *они*. И *они* со всѣхъ сторонъ, съ своими простыми, добрыми, твердыми лицами, окружали благодѣтеля. Но они хотя и были добры, они не смотрѣли на Пьера, не знали его. Пьеръ захотѣлъ обратить на себя ихъ вниманіе и сказать. Онъ привсталъ, но въ то же мгновеніе ноги его похолодѣли и обнажились.

Ему стало стыдно, и онъ рукой закрылъ свои ноги, съ которыхъ дѣйствительно свалилась шинель. На мгновеніе Пьеръ, поправляя шинель, открылъ глаза и увидалъ тѣ же навѣсы, столбы, дворъ, но все это было теперь синевато, свѣтло и подернуто блестками росы или мороза.

«Разсвѣтаетъ», подумалъ Пьеръ. «Но это не то. Мнѣ надо дослушать и понять слова благодѣтеля». Онъ опять укрылся

шинелью, но ни столовой ложи, ни благодѣтеля уже не было. Были только мысли, ясно выражаемыя словами, мысли, которыя кто-то говорилъ или самъ передумывалъ Пьеръ.

Пьеръ, вспоминая потомъ эти мысли, несмотря на то, что онѣ были вызваны впечатлѣніями этого дня, былъ убѣжденъ, что кто-то внѣ его говорилъ ихъ ему. Никогда, какъ ему казалось, онъ наяву не былъ въ состояніи такъ думать и выражать свои мысли.

«Наитруднѣйшее дѣло есть подчиненіе свободы человѣка законамъ Бога», говорилъ голосъ. «Простота есть покорность Богу; отъ Него не уйдешь. И *они* просты. *Они* не говорятъ, но дѣлаютъ. Сказанное слово—серебряное, а не сказанное—золотое. Ничѣмъ не можетъ владѣть человѣкъ, пока онъ боится смерти. А кто не боится ея, тому принадлежитъ все. Ежели бы не было страданія, человѣкъ не зналъ бы границъ себѣ, не зналъ бы себя самого. Самое трудное (продолжалъ во снѣ думать или слышать Пьеръ) состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть соединять въ душѣ своей значеніе всего. Все соединить?» сказалъ себѣ Пьеръ. «Нѣтъ, не соединить. Нельзя соединять мысли, а *сопрягать* всѣ эти мысли, вотъ что нужно! Да, *сопрягать надо, сопрягать надо!*» съ внутреннимъ восторгомъ повторилъ себѣ Пьеръ, чувствуя, что этими именно и только этими словами выражается то, что онъ хочетъ выразить, и разрѣшается весь мучащій его вопросъ.

— Да, сопрягать надо, пора сопрягать.

— Запрягать надо, пора запрягать, ваше сіятельство! Ваше сіятельство, — повторилъ какой-то голосъ, — запрягать надо, пора запрягать...

Это былъ голосъ берейтора, будившаго Пьера. Солнце било прямо въ лицо Пьера. Онъ взглянулъ на грязный постоялый дворъ, въ серединѣ котораго у колодца солдаты поили худыхъ лошадей и съ котораго въ ворота выѣзжали подводы. Пьеръ съ отвращеніемъ отвернулся и, закрывъ глаза, поспѣшно повалился опять на сидѣнье коляски. «Нѣтъ, я не хочу этого, не хочу этого видѣть и понимать; я хочу понять то, что открывалось мнѣ во время сна. Еще одна секунда—и я все понялъ бы. Да что же мнѣ дѣлать? Сопрягать, но какъ сопрягать все?» И Пьеръ съ ужасомъ почувствовалъ, что все значеніе того, что онъ видѣлъ и думалъ во снѣ, было разрушено.

Берейторъ, кучеръ и дворникъ разсказывали Пьеру, что пріѣзжалъ офицеръ съ извѣстіемъ, что французы подвинулись подъ Можайскъ и что наши уходятъ.

Пьеръ всталъ и, велѣвъ закладывать и догонять себя, пошелъ пѣшкомъ черезъ городъ.

Войска выходили и оставляли около 10-ти тысячъ раненыхъ. Раненые эти виднѣлись въ дворахъ и въ окнахъ домовъ и толпились на улицахъ. На улицахъ около телѣгъ, которыя должны были увозить раненыхъ, слышны были крики, ругательства и удары. Пьеръ отдалъ догнавшую его коляску знакомому раненому генералу и съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ до Москвы. Дорогой Пьеръ узналъ про смерть своего шурина и про смерть князя Андрея.

X.

30-го числа Пьеръ вернулся въ Москву. Почти у заставы ему встрѣтился адъютантъ графа Растопчина.

— А мы васъ вездѣ ищемъ, — сказалъ адъютантъ.—Графу васъ непремѣнно нужно видѣть. Онъ проситъ васъ сейчасъ же пріѣхать къ нему по очень важному дѣлу.

Пьеръ, не заѣзжая домой, взялъ извозчика и поѣхалъ къ главнокомандующему.

Графъ Растопчинъ только въ это утро пріѣхалъ въ городъ съ своей загородной дачи въ Сокольникахъ. Прихожая и пріемная въ домѣ графа были полны чиновниковъ, явившихся по требованію его или за приказаніями. Васильчиковъ и Платовъ уже видѣлись съ графомъ и объяснили ему, что защищать Москву невозможно и что она будетъ сдана. Извѣстія эти хотя и скрывались отъ жителей, но чиновники, начальники различныхъ управленій знали, что Москва будетъ въ рукахъ непріятеля, такъ же, какъ и зналъ это графъ Растопчинъ; и всѣ они, чтобы сложить съ себя отвѣтственность, пришли къ главнокомандующему съ вопросами, какъ имъ поступать съ ввѣренными имъ частями.

Въ то время, какъ Пьеръ входилъ въ пріемную, курьеръ, пріѣзжавшій изъ арміи, выходилъ отъ графа.

Курьеръ безнадежно махнулъ рукой на вопросы, съ которыми обратились къ нему, и прошелъ черезъ залу.

Дожидаясь въ пріемной, Пьеръ усталыми глазами оглядывалъ различныхъ старыхъ и молодыхъ, военныхъ и статскихъ чиновниковъ, бывшихъ въ комнатѣ. Всѣ казались недовольными и безпокойными. Пьеръ подошелъ къ одной группѣ чиновниковъ, въ которой одинъ былъ его знакомый. Поздоровавшись съ Пьеромъ, они продолжали свой разговоръ.

— Какъ выслать да опять вернуть, бѣды не будетъ; а въ такомъ положеніи ни за что нельзя отвѣчать.

— Да вѣдь вотъ, онъ пишетъ... — говорилъ другой, указывая на печатную бумагу, которую онъ держалъ въ рукѣ.

— Это другое дѣло. Для народа это нужно, — сказалъ первый.

— Что это? — спросилъ Пьеръ.

— А вотъ новая афиша.

Пьеръ взялъ ее въ руки и сталъ читать:

«Свѣтлѣйшій князь, чтобы скорѣй соединиться съ войсками, которыя идутъ къ нему, перешелъ Можайскъ и сталъ на крѣпкомъ мѣстѣ, гдѣ непріятель не вдругъ на него пойдетъ. Къ нему отправлено отсюда 48 пушекъ съ снарядами, и свѣтлѣйшій говоритъ, что Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ и готовъ хоть въ улицахъ драться. Вы, братцы, не смотрите на то, что присутственныя мѣста закрыли дѣла: прибрать надобно; а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся! Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ и городскихъ и деревенскихъ. Я кличъ кликну дня за два, а теперь не надо, я и молчу. Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной, а всего лучше вилы-тройчатки: французъ не тяжеле снопа ржаного. Завтра, послѣ обѣда, я поднимаю Иверскую въ Екатерининскую гошпиталь, къ раненымъ. Тамъ воду освятимъ: они скорѣе выздоровѣютъ; и я теперь здоровъ: у меня болѣлъ глазъ, а теперь смотрю въ оба».

— А мнѣ говорили военные люди, — сказалъ Пьеръ, — что въ городѣ никакъ нельзя сражаться и что позиція...

— Ну да, про то-то мы и говоримъ, — сказалъ первый чиновникъ.

— А что это значитъ: у меня болѣлъ глазъ, а теперь смотрю въ оба? — сказалъ Пьеръ.

— У графа былъ ячмень, — сказалъ адъютантъ улыбаясь, — и онъ очень безпокоился, когда я ему сказалъ, что приходилъ народъ спрашивать, что съ нимъ. А что, графъ? — сказалъ вдругъ адъютантъ, съ улыбкой обращаясь къ Пьеру: — мы слышали, что у васъ семейныя тревоги, что будто графиня, ваша супруга...

— Я ничего не слыхалъ, — равнодушно сказалъ Пьеръ. — А что вы слышали?

— Нѣтъ, знаете, вѣдь часто выдумываютъ. Я говорю, что слышалъ.

— Что же вы слышали?

— Да говорятъ, — опять съ той же улыбкой сказалъ адъютантъ, — что графиня, ваша жена, собирается за границу. Вѣроятно, вздоръ...

— Можетъ-быть, — сказалъ Пьеръ, разсѣянно оглядываясь вокругъ себя. — А это кто? — спросилъ онъ, указывая на невысокаго стараго человѣка въ чистой синей чуйкѣ, съ бѣлой, какъ снѣгъ, бородой, такими же бровями и румянымъ лицомъ.

— Это? это купецъ одинъ, т.-е. онъ трактирщикъ, Верещагинъ. Вы слышали, можетъ-быть, эту исторію о прокламаціи.

— Ахъ, такъ это Верещагинъ! — сказалъ Пьеръ, вглядываясь въ твердое и спокойное лицо стараго купца и отыскивая въ немъ выраженіе измѣнничества.

— Это не онъ самый. Это отецъ того, который написалъ прокламацію, — сказалъ адъютантъ. — Тотъ, молодой, сидитъ въ ямѣ, и ему, кажется, плохо будетъ.

Одинъ старичокъ въ звѣздѣ и другой чиновникъ-нѣмецъ, съ крестомъ на шеѣ, подошли къ разговаривающимъ.

— Видите ли, — разсказывалъ адъютантъ, — это запутанная исторія. Явилась тогда, мѣсяца два тому назадъ, эта прокламація. Графу донесли. Онъ приказалъ разслѣдовать. Вотъ Гаврила Иванычъ разыскивалъ; прокламація эта побывала ровно въ 63 рукахъ. Пріѣдемъ къ одному: вы отъ кого имѣете? Отъ того-то. Онъ ѣдетъ къ тому: вы отъ кого? и т. д. Добрались до Верещагина... недоученный купчикъ; знаете, купчикъ-голубчикъ, — улыбаясь сказалъ адъютантъ. — Спрашиваютъ у него: «ты отъ кого имѣешь?» И главное, что мы знаемъ, отъ кого онъ имѣетъ. Ему больше не отъ кого имѣть, какъ отъ почтдиректора. Но ужъ, видно, тамъ между ними стачка была. Говоритъ: «ни отъ кого, я самъ сочинилъ». И грозили и просили; сталъ на этомъ: самъ сочинилъ. Такъ и доложили графу. Графъ велѣлъ призвать его. «Отъ кого у тебя прокламація?» — «Самъ сочинилъ». Ну, вы знаете графа! — съ гордой и веселой улыбкой сказалъ адъютантъ. — Онъ ужасно вспылилъ, да и подумайте: этакая наглость, ложь и упорство!..

— А! графу нужно было, чтобъ онъ указалъ на Ключарева, понимаю! — сказалъ Пьеръ.

— Совсѣмъ не нужно, — испуганно сказалъ адъютантъ. — За Ключаревымъ и безъ этого были грѣшки, за что онъ и сосланъ. Но дѣло въ томъ, что графъ очень былъ возмущенъ. «Какъ же ты могъ сочинить?» говоритъ графъ. Взялъ со стола эту Гамбургскую газету. «Вотъ она! Ты не сочинилъ, а перевелъ и перевелъ-то скверно, потому что ты и по-французски, дуракъ, не знаешь». Что же вы думаете? «Нѣтъ», гово-

ритъ, «я никакихъ газетъ не читалъ, я сочинилъ».—«А коли такъ, то ты измѣнникъ, и я тебя предамъ суду, и тебя повѣсятъ. Говори, отъ кого получилъ?»—«Я никакихъ газетъ не видалъ, а сочинилъ». Такъ и осталось. Графъ и отца призывалъ: стоитъ на своемъ. И отдали подъ судъ и приговорили, кажется, къ каторжной работѣ. Теперь отецъ пришелъ просить за него. Но дрянной мальчишка! Знаете, этакой купеческій сынишка, франтикъ, соблазнитель; слушалъ гдѣ-то лекціи и ужъ думаетъ, что ему чортъ не братъ. Вѣдь это какой молодчикъ? У отца его трактиръ тутъ у Каменнаго моста, такъ въ трактирѣ, знаете, большой образъ Бога Вседержителя, и представленъ — въ одной рукѣ скипетръ, въ другой держава; такъ онъ взялъ этотъ образъ домой на нѣсколько дней и что же сдѣлалъ! Нашелъ мерзавца-живописца...

XI.

Въ серединѣ этого новаго разсказа Пьера позвали къ главнокомандующему.

Пьеръ вошелъ въ кабинетъ графа Растопчина. Растопчинъ, сморщившись, потиралъ лобъ и глаза рукой въ то время, какъ вошелъ Пьеръ. Невысокій человѣкъ говорилъ что-то и, какъ только вошелъ Пьеръ, замолчалъ и вышелъ.

— А, здравствуйте, воинъ великій, — сказалъ Растопчинъ, какъ только вышелъ этотъ человѣкъ. — Слышали про ваши prouesses! [1]) Но не въ томъ дѣло. Mon cher, entre nous [2]), вы масонъ? — сказалъ графъ Растопчинъ строгимъ тономъ, какъ будто было что-то дурное въ этомъ, но что онъ намѣренъ былъ простить. Пьеръ молчалъ.—Mon cher, je suis bien informé [3]), но я знаю, что есть масоны и масоны, и надѣюсь, что вы не принадлежите къ тѣмъ, которые подъ видомъ спасенія рода человѣческаго хотятъ погубить Россію.

— Да, я масонъ, — отвѣчалъ Пьеръ.

— Ну, вотъ видите ли, мой милый. Вамъ, я думаю, небезызвѣстно, что господа Сперанскій и Магницкій отправлены куда слѣдуетъ; то же сдѣлано съ господиномъ Ключаревымъ; то же и съ другими, которые подъ видомъ сооруженія храма Соломона старались разрушить храмъ своего отечества. Вы можете понимать, что на это есть причины и что я не могъ бы

---

[1]) Ваше молодечество.
[2]) Мой милый, между нами.
[3]) Мой милый, мнѣ хорошо извѣстно.

сослать здѣшняго почтдиректора, ежели бы онъ не былъ вредный человѣкъ. Теперь мнѣ извѣстно, что вы послали ему свой экипажъ для подъема изъ города и даже что вы приняли отъ него бумаги для храненія. Я васъ люблю и не желаю вамъ зла; и какъ вы два раза моложе меня, то я, какъ отецъ, совѣтую вамъ прекратить всякое сношеніе съ такого рода людьми и самому уѣзжать отсюда какъ можно скорѣе.

— Но въ чемъ же, графъ, вина Ключарева? — спросилъ Пьеръ.

— Это мое дѣло знать и не ваше меня спрашивать, — вскрикнулъ Растопчинъ.

— Ежели его обвиняютъ въ томъ, что онъ распространялъ прокламаціи Наполеона, то вѣдь это не доказано, — сказалъ Пьеръ (не глядя на Растопчина), — и Верещагина...

— Nous y voilà [1]), — вдругъ нахмурившись, перебивая Пьера, еще громче прежняго вскрикнулъ Растопчинъ.—Верещагинъ измѣнникъ и предатель, который получитъ заслуженную казнь, — сказалъ Растопчинъ съ тѣмъ жаромъ злобы, съ которымъ говорятъ люди при воспоминаніи объ оскорбленіи.—Но я не призвалъ васъ для того, чтобы обсуждать мои дѣла, а для того, чтобы дать вамъ совѣтъ, или приказаніе, ежели вы этого хотите. Прошу васъ прекратить сношенія съ такими господами, какъ Ключаревъ, и ѣхать отсюда. А я дурь выбью, въ комъ бы она ни была. — И, вѣроятно спохватившись, что онъ какъ будто кричалъ на Безухова, который еще ни въ чемъ не былъ виноватъ, онъ прибавилъ, дружески взявъ за руку Пьера:—Nous sommes à la veille d'un désastre public, et je n'ai pas le temps de dire des gentillesses à tous ceux qui ont affaire à moi. Голова иногда кругомъ идетъ! Eh bien, mon cher, qu'est-ce que vous faites, vous personnellement? [2])

— Mais rien [3]), — отвѣчалъ Пьеръ, все не поднимая глазъ и не измѣняя выраженія задумчиваго лица.

Графъ нахмурился.

— Un conseil d'ami, mon cher. Décampez et au plutôt, c'est tout ce que je vous dis. A bon entendeur salut! [4]) Прощайте, мой милый. Ахъ, да,—прокричалъ онъ ему изъ двери,—правда

---

[1]) Въ томъ-то и дѣло!

[2]) Мы наканунѣ общественнаго бѣдствія, и мнѣ некогда быть любезнымъ со всѣми, у которыхъ есть до меня дѣло. — Итакъ, мой милый, что вы предпринимаете, вы лично?

[3]) Да ничего.

[4]) Я вамъ дамъ дружескій совѣтъ. Выбирайтесь скорѣе, вотъ что я вамъ скажу. Блаженъ, кто умѣетъ слушать.

ли, что графиня попалась въ лапки des saints pères de la Société de Jésus? [1])

Пьеръ ничего не отвѣтилъ и, нахмуренный и сердитый, какимъ еще никогда не видали, вышелъ отъ Растопчина.

Когда онъ пріѣхалъ домой, уже смеркалось. Человѣкъ восемь разныхъ людей побывало у него въ этотъ вечеръ: секретарь комитета, полковникъ его батальона, управляющій, дворецкій и разные просители. У всѣхъ были дѣла до Пьера, которыя онъ долженъ былъ разрѣшить. Пьеръ ничего не понималъ, не интересовался этими дѣлами и давалъ на всѣ вопросы только такіе отвѣты, которые бы освободили его отъ этихъ людей. Наконецъ, оставшись одинъ, онъ распечаталъ и прочелъ письмо жены.

«*Они* — солдаты на батареѣ, князь Андрей убитъ... старикъ... Простота есть покорность Богу. Страдать надо... значеніе всего... сопрягать надо... жена идетъ замужъ... Забыть и понять надо...» И онъ, подойдя къ постели, не раздѣваясь, повалился на нее и тотчасъ же заснулъ.

Когда онъ проснулся на другой день утромъ, дворецкій пришелъ доложить, что отъ графа Растопчина пришелъ нарочно присланный полицейскій чиновникъ—узнать, уѣхалъ ли или уѣзжаетъ ли графъ Безуховъ.

Человѣкъ десять разныхъ людей, имѣющихъ дѣло до Пьера, ждали его въ гостиной. Пьеръ поспѣшно одѣлся и, вмѣсто того, чтобы идти къ тѣмъ, которые ожидали его, онъ пошелъ на заднее крыльцо и оттуда вышелъ въ ворота.

Съ тѣхъ поръ и до конца московскаго разоренія никто изъ домашнихъ Безуховыхъ, несмотря на всѣ поиски, не видалъ больше Пьера и не зналъ, гдѣ онъ находился.

XII.

Ростовы до 1-го сентября, т.-е. до кануна вступленія непріятеля въ Москву, оставались въ городѣ.

Послѣ поступленія Пети въ полкъ казаковъ Оболенскаго и отъѣзда его въ Бѣлую Церковь, гдѣ формировался этотъ полкъ, на графиню напалъ страхъ. Мысль о томъ, что оба ея сына находятся на войнѣ, что оба они ушли изъ-подъ ея крыла, что нынче или завтра каждый изъ нихъ, а можетъ-быть, и оба вмѣстѣ, какъ три сына одной ея знакомой, могутъ быть убиты, въ первый разъ теперь въ это лѣто съ жестокою ясностью пришла

[1]) Въ лапки святыхъ отцовъ общества Іисуса.

ей въ голову. Она пыталась вытребовать къ себѣ Николая, хотѣла сама ѣхать къ Петѣ, опредѣлить его куда-нибудь въ Петербургѣ, но и то и другое оказывалось невозможнымъ. Петя не могъ быть возвращенъ иначе, какъ вмѣстѣ съ полкомъ или посредствомъ перевода въ другой дѣйствующій полкъ. Николай находился гдѣ-то въ арміи и послѣ своего послѣдняго письма, въ которомъ подробно описывалъ свою встрѣчу съ княжной Марьей, не давалъ о себѣ слуха. Графиня не спала ночей и, когда засыпала, видѣла во снѣ убитыхъ сыновей. Послѣ многихъ совѣтовъ и переговоровъ графъ придумалъ наконецъ средство для успокоенія графини. Онъ перевелъ Петю изъ полка Оболенскаго въ полкъ Безухова, который формировался подъ Москвою. Хотя Петя и оставался въ военной службѣ, но при этомъ переводѣ графиня имѣла утѣшеніе видѣть хоть одного сына у себя подъ крылышкомъ и надѣялась устроить своего Петю такъ, чтобы больше не выпускать его и записывать всегда въ такія мѣста службы, гдѣ бы онъ никакъ не могъ попасть въ сраженіе. Пока одинъ Nicolas былъ въ опасности, графинѣ казалось (и она даже каялась въ этомъ), что она любитъ старшаго больше всѣхъ остальныхъ дѣтей; но когда меньшой, шалунъ, дурно учившійся, все ломавшій въ домѣ и всѣмъ надоѣвшій Петя, этотъ курносый Петя, съ своими веселыми черными глазами, свѣжимъ румянцемъ и чуть пробивающимся пушкомъ на щекахъ, попалъ туда, къ этимъ большимъ, страшнымъ, жестокимъ мужчинамъ, которые тамъ *что-то* сражаются и что-то въ этомъ находятъ радостнаго, — тогда матери показалось, что его-то она любила больше, гораздо больше всѣхъ своихъ дѣтей. Чѣмъ ближе подходило то время, когда долженъ былъ вернуться въ Москву ожидаемый Петя, тѣмъ болѣе увеличивалось безпокойство графини. Она думала уже, что никогда не дождется этого счастья. Присутствіе не только Сони, но и любимой Наташи, даже мужа, раздражало графиню. «Что мнѣ за дѣло до нихъ, мнѣ никого не нужно, кромѣ Пети!» думала она.

Въ послѣднихъ числахъ августа Ростовы получили второе письмо отъ Николая. Онъ писалъ изъ Воронежской губерніи, куда онъ былъ посланъ за лошадьми. Письмо это не успокоило графиню. Зная одного сына внѣ опасности, она еще сильнѣе стала тревожиться за Петю.

Несмотря на то, что уже съ 20-го числа августа почти всѣ знакомые Ростовыхъ повыѣхали изъ Москвы, несмотря на то, что всѣ уговаривали графиню уѣзжать какъ можно скорѣе, она ничего не хотѣла слышать объ отъѣздѣ до тѣхъ поръ, пока не вернется ея сокровище, обожаемый Петя. 28-го августа прі-

ѣхалъ Петя. Болѣзненно-страстная нѣжность, съ которою мать встрѣтила его, не понравилась 16-тилѣтнему офицеру. Несмотря на то, что мать скрыла отъ него свое намѣреніе не выпускать его теперь изъ-подъ своего крылышка, Петя понялъ ея замыслы, и, инстинктивно боясь того, чтобы съ матерью не разнѣжничаться, не обабиться (такъ онъ думалъ самъ съ собой), онъ холодно обошелся съ ней, избѣгалъ ея и во время своего пребыванія въ Москвѣ исключительно держался общества Наташи, къ которой онъ всегда имѣлъ особенную, почти влюбленную, братскую нѣжность.

По обычной безпечности графа, 28-го августа ничто еще не было готово для отъѣзда, и ожидаемыя изъ рязанской и московской деревень подводы для подъема изъ дома всего имущества пришли только 30-го.

28-го по 31-е августа вся Москва была въ хлопотахъ и движеніи Каждый день въ Дорогомиловскую заставу ввозили и развозили по Москвѣ тысячи раненыхъ въ Бородинскомъ сраженіи, и тысячи подводъ, съ жителями и имуществомъ, выѣзжали въ другія заставы. Несмотря на афишки Растопчина, или независимо отъ нихъ, или вслѣдствіе ихъ, самыя противорѣчащія и странныя новости передавались по городу. Кто говорилъ о томъ, что не велѣно никому выѣзжать; кто, напротивъ, разсказывалъ, что подняли всѣ иконы изъ церквей и что всѣхъ высылаютъ насильно; кто говорилъ, что было еще сраженіе послѣ Бородинскаго, въ которомъ разбиты французы; кто говорилъ, напротивъ, что все русское войско уничтожено; кто говорилъ о московскомъ ополченіи, которое пойдетъ, съ духовенствомъ впереди, на Три Горы; кто потихоньку разсказывалъ, что Августину не велѣно выѣзжать, что пойманы измѣнники, что мужики бунтуютъ и грабятъ тѣхъ, кто выѣзжаетъ, и т. п., и т. п. Но это только говорили, а въ сущности и тѣ, которые ѣхали, и тѣ, которые оставались (несмотря на то, что еще не было совѣта въ Филяхъ, на которомъ рѣшено было оставить Москву), всѣ чувствовали, хотя и не выказывали этого, что Москва непремѣнно будетъ сдана и что надо какъ можно скорѣе убираться самимъ и спасать свое имущество. Чувствовалось, что все вдругъ должно разорваться и измѣниться; но до 1-го числа ничто еще не измѣнялось. Какъ преступникъ, котораго ведутъ на казнь, знаетъ, что вотъ-вотъ онъ долженъ погибнуть, но все еще приглядывается вокругъ себя и поправляетъ дурно надѣтую шапку, такъ и Москва невольно продолжала свою обычную жизнь, хотя знала, что близко то время погибели, когда разорвутся всѣ тѣ условныя отношенія жизни, которымъ привыкли покоряться.

Въ продолженіе этихъ трехъ дней, предшествовавшихъ плѣненію Москвы, все семейство Ростовыхъ находилось въ различныхъ житейскихъ хлопотахъ. Глава семейства, графъ Илья Андреевичъ, безпрестанно ѣздилъ по городу, собирая со всѣхъ сторонъ ходившіе слухи, и дома дѣлалъ общія поверхностныя и торопливыя распоряженія о приготовленіяхъ къ отъѣзду.

Графиня слѣдила за уборкой вещей, всѣмъ была недовольна и ходила за безпрестанно убѣгавшимъ отъ нея Петей, ревнуя его къ Наташѣ, съ которой онъ проводилъ все время. Соня одна распоряжалась практической стороной дѣла — укладываньемъ вещей. Но Соня была особенно грустна и молчалива все это послѣднее время. Письмо Nicolas, въ которомъ онъ упоминалъ о княжнѣ Марьѣ, вызвало въ ея присутствіи радостныя разсужденія графини о томъ, какъ во встрѣчѣ княжны Марьи съ Nicolas она видѣла промыслъ Божій.

— Я никогда не радовалась тогда,—сказала графиня,—когда Болконскій былъ женихомъ Наташи, а я всегда желала, и у меня есть предчувствіе, что Николенька женится на княжнѣ. И какъ бы это хорошо было!

Соня чувствовала, что это было правда, что единственная возможность поправленія дѣлъ Ростовыхъ была женитьба на богатой и что княжна была хорошая партія. Но ей было это очень горько. Несмотря на свое горе, или, можетъ-быть, именно вслѣдствіе своего горя, она на себя взяла всѣ трудныя заботы распоряженій объ уборкѣ и укладкѣ вещей и цѣлые дни была занята. Графъ и графиня обращались къ ней, когда имъ что-нибудь нужно было приказывать. Петя и Наташа, напротивъ, не только не помогали родителямъ, но большею частью всѣмъ въ домѣ надоѣдали и мѣшали. И цѣлый день почти слышны были въ домѣ ихъ бѣготня, крики и безпричинный хохотъ. Они смѣялись и радовались вовсе не оттого, что была причина ихъ смѣху; но имъ на душѣ было радостно и весело, и потому все, что ни случалось, было для нихъ причиной радости и смѣха. Петѣ было весело оттого, что, уѣхавъ изъ дома мальчикомъ, онъ вернулся (какъ ему говорили всѣ) молодцомъ-мужчиной; весело было оттого, что онъ дома; оттого, что онъ изъ Бѣлой Церкви, гдѣ не скоро была надежда попасть въ сраженіе, попалъ въ Москву, гдѣ на-дняхъ будутъ драться, и, главное, весело оттого, что Наташа, настроенію духа которой онъ всегда покорялся, была весела. Наташа же была весела потому, что она слишкомъ долго была грустна, и теперь ничто не напоминало ей причину ея грусти, и она была здорова. Еще она была весела потому, что былъ человѣкъ, который ею восхищался (восхищеніе другихъ была та мазь

колесъ, которая была необходима для того, чтобы ея машина совершенно свободно двигалась), и Петя восхищался ею. Главное же, веселы они были потому, что война была подъ Москвой, что будутъ сражаться у заставы, что раздаютъ оружіе, что всѣ бѣгутъ, уѣзжаютъ куда-то, что вообще происходитъ что-то необычайное, что всегда радостно для человѣка, въ особенности для молодого.

XIII.

31-го августа, въ субботу, въ домѣ Ростовыхъ все казалось перевернутымъ вверхъ дномъ. Всѣ двери были растворены, вся мебель вынесена или переставлена, зеркала, картины сняты. Въ комнатахъ стояли сундуки, валялось сѣно, оберточная бумага и веревки. Мужики и дворовые, выносившіе вещи, тяжелыми шагами ходили по паркету. На дворѣ тѣснились мужицкія телѣги, нѣкоторыя уже уложенныя вéрхомъ и увязанныя, нѣкоторыя еще пустыя.

Голоса и шаги огромной дворни и пріѣхавшихъ съ подводами мужиковъ звучали, перекликиваясь, на дворѣ и въ домѣ. Графъ съ утра выѣхалъ куда-то. Графиня, у которой разболѣлась голова отъ суеты и шума, лежала въ новой диванной съ уксусными повязками на головѣ. Пети не было дома (онъ пошелъ къ товарищу, съ которымъ намѣревался изъ ополченцевъ перейти въ дѣйствующую армію). Соня присутствовала въ залѣ при укладкѣ хрусталя и фарфора. Наташа сидѣла въ своей разоренной комнатѣ на полу между разбросанными платьями, лентами, шарфами и, неподвижно глядя на полъ, держала въ рукахъ старое бальное платье, то самое (уже старое по модѣ) платье, въ которомъ она въ первый разъ была на петербургскомъ балѣ.

Наташѣ совѣстно было ничего не дѣлать въ домѣ, тогда какъ всѣ были такъ заняты, и она нѣсколько разъ съ утра еще пробовала приняться за дѣло; но душа ея не лежала къ этому дѣлу; а она не могла и не умѣла дѣлать что-нибудь не отъ всей души, не изъ всѣхъ своихъ силъ. Она постояла надъ Соней при укладкѣ фарфора, хотѣла помочь, но тотчасъ же бросила и пошла къ себѣ укладывать свои вещи. Сначала ее веселило то, что она раздавала свои платья и ленты горничнымъ, но потомъ, когда остальное все-таки надо было укладывать, ей это показалось скучнымъ.

— Дуняша, ты уложишь, голубушка? Да? Да? — И когда Дуняша охотно обѣщалась ей все сдѣлать, Наташа сѣла на полъ,

взяла въ руки старое бальное платье и задумалась совсѣмъ не о томъ, что бы должно было занимать ее теперь. Изъ задумчивости, въ которой находилась Наташа, вывелъ ее говоръ дѣвушекъ въ сосѣдней дѣвичьей и звуки ихъ поспѣшныхъ шаговъ изъ дѣвичьей на заднее крыльцо. Наташа встала и посмотрѣла въ окно. На улицѣ остановился огромный поѣздъ раненыхъ.

Дѣвушки, лакеи, ключница, няня, повара, кучера, форейторы, поваренки стояли у воротъ, глядя на раненыхъ.

Наташа, накинувъ бѣлый носовой платокъ на волосы и придерживая его обѣими руками за кончики, вышла на улицу.

Бывшая ключница, старушка Мавра Кузьминична, отдѣлилась отъ толпы, стоявшей у воротъ, и, подойдя къ телѣгѣ, на которой была рогожная кибиточка, разговаривала съ лежавшимъ въ этой телѣгѣ молодымъ, блѣднымъ офицеромъ. Наташа подвинулась на нѣсколько шаговъ и робко остановилась, продолжая придерживать свой платокъ и слушая то, что говорила ключница.

— Что жъ, у васъ, значитъ, никого и нѣтъ въ Москвѣ?— говорила Мавра Кузьминична.—Вамъ бы покойнѣе гдѣ на квартирѣ... Вотъ бы хоть къ намъ. Господа уѣзжаютъ.

— Не знаю, позволятъ ли,—слабымъ голосомъ сказалъ офицеръ. — Вонъ начальникъ... спросите, — и онъ указалъ на толстаго майора, который возвращался назадъ по улицѣ по ряду телѣгъ.

Наташа испуганными глазами заглянула въ лицо раненаго офицера и тотчасъ же пошла навстрѣчу майору.

— Можно раненымъ у насъ въ домѣ остановиться? — спросила она.

Майоръ съ улыбкой приложилъ руку къ козырьку.

— Кого вамъ угодно, мамзель?—сказалъ онъ, суживая глаза и улыбаясь.

Наташа спокойно повторила свой вопросъ, и лицо и вся манера ея, несмотря на то, что она продолжала держать свой платокъ за кончики, были такъ серьезны, что майоръ пересталъ улыбаться и, сначала задумавшись, какъ бы спрашивая себя, въ какой степени это можно, отвѣтилъ ей утвердительно.

— О, да, отчего же, можно,—сказалъ онъ.

Наташа слегка наклонила голову и быстрыми шагами вернулась къ Маврѣ Кузьминичнѣ, стоявшей надъ офицеромъ и съ жалобнымъ участіемъ разговаривавшей съ нимъ.

— Можно, онъ сказалъ, можно!—шопотомъ сказала Наташа.

Офицеръ въ кибиточкѣ завернулъ во дворъ Ростовыхъ, и десятки телѣгъ съ раненными стали, по приглашеніямъ городскихъ

жителей, заворачивать во дворы и подъѣзжать къ подъѣздамъ домовъ Поварской улицы. Наташѣ, видимо, понравились эти внѣ обычныхъ условій жизни отношенія съ новыми людьми. Она вмѣстѣ съ Маврой Кузьминичной старалась заворотить на свой дворъ какъ можно больше раненыхъ.

— Надо все-таки папашѣ доложить, — сказала Мавра Кузьминична.

— Ничего, ничего, развѣ не все равно! На одинъ день мы въ гостиную перейдемъ. Можно всю нашу половину имъ отдать.

— Ну, ужъ вы, барышня, придумаете! Да хоть и въ флигеля, въ холостую, къ нянюшкѣ и то спросить надо.

— Ну, я спрошу.

Наташа побѣжала въ домъ и на цыпочкахъ вошла въ полуотворенную дверь диванной, изъ которой пахло уксусомъ и гофманскими каплями.

— Вы спите, мама?

— Ахъ, какой сонъ!—сказала, пробуждаясь, только что задремавшая графиня.

— Мама, голубчикъ,—сказала Наташа, становясь на колѣни передъ матерью и близко приставляя свое лицо къ ея лицу.— Виновата, простите, никогда не буду; я васъ разбудила. Меня Мавра Кузьминична послала; тутъ раненыхъ привезли, офицеровъ. Позволите? А имъ некуда дѣваться; я знаю, что вы позволите... — говорила она быстро, не переводя духа.

— Какіе офицеры? Кого привезли? ничего не понимаю,— сказала графиня.

Наташа засмѣялась, графиня тоже слабо улыбалась.

— Я знала, что вы позволите... Такъ я такъ и скажу.

И Наташа, поцѣловавъ мать, встала и пошла къ двери.

Въ залѣ она встрѣтила отца, съ дурными извѣстіями возвратившагося домой.

— Досидѣлись мы!—съ невольной досадой сказалъ графъ:— и клубъ закрытъ, и полиція выходитъ.

— Папа, ничего, что я раненыхъ пригласила въ домъ?— сказала ему Наташа.

— Разумѣется, ничего,—разсѣянно сказалъ графъ. — Не въ томъ дѣло; а теперь прошу, чтобъ пустяками не заниматься, а помогать укладывать и ѣхать, ѣхать, ѣхать завтра...

И графъ передалъ дворецкому и людямъ то же приказаніе. За обѣдомъ вернувшійся Петя разсказывалъ свои новости.

Онъ говорилъ, что нынче народъ разбиралъ оружіе въ Кремлѣ, что въ афишѣ Растопчина хотя и сказано, что онъ кличъ кликнетъ дня за два, но что ужъ сдѣлано распоряженіе

навѣрное о томъ, чтобы завтра весь народъ шелъ на Три Горы съ оружіемъ, и что тамъ будетъ большое сраженіе.

Графиня съ робкимъ ужасомъ посматривала на веселое, разгоряченное лицо своего сына въ то время, какъ онъ говорилъ это. Она знала, что ежели она скажетъ слово о томъ, что она проситъ Петю не ходить на это сраженіе (она знала, что онъ радуется этому предстоящему сраженію), то онъ скажетъ что-нибудь о мужчинахъ, о чести, объ отечествѣ, что-нибудь такое безсмысленное, мужское, упрямое, противъ чего нельзя возражать, и дѣло будетъ испорчено; и поэтому, надѣясь устроить такъ, чтобы уѣхать до этого и взять съ собой Петю, какъ защитника и покровителя, она ничего не сказала Петѣ, а послѣ обѣда призвала графа и со слезами умоляла его увезти ее скорѣе, въ эту же ночь, если возможно. Съ женской, невольной хитростью любви она, до сихъ поръ выказывавшая совершенное безстрашіе, говорила, что она умретъ отъ страха, ежели не уѣдутъ нынче ночью. Она, не притворяясь, боялась теперь всего.

XIV.

M-me Schosse, ходившая къ своей дочери, еще болѣе увеличила страхъ графини разсказами о томъ, что она видѣла на Мясницкой улицѣ въ питейной конторѣ. Возвращаясь по улицѣ, она не могла пройти домой отъ пьяной толпы народа, бушевавшей у конторы. Она взяла извозчика и объѣхала переулкомъ домой; и извозчикъ разсказывалъ ей, что народъ разбивалъ бочки въ питейной конторѣ, что такъ велѣно.

Послѣ обѣда всѣ домашніе Ростовыхъ съ восторженною поспѣшностью принялись за дѣло укладки вещей и приготовленій къ отъѣзду. Старый графъ, вдругъ принявшись за дѣло, все послѣ обѣда не переставая ходилъ со двора въ домъ и обратно, безтолково крича на торопящихся людей и еще болѣе торопя ихъ. Петя распоряжался на дворѣ. Соня не знала, что дѣлать подъ вліяніемъ противорѣчивыхъ приказаній графа, и совсѣмъ терялась. Люди, крича, споря и шумя, бѣгали по комнатамъ и двору. Наташа, со свойственной ей во всемъ страстностью, вдругъ тоже принялась за дѣло. Сначала вмѣшательство ея въ дѣло укладыванья было встрѣчено недовѣріемъ. Отъ нея все ждали шутки и не хотѣли слушаться ея, но она съ упорствомъ и страстностью требовала себѣ покорности, сердилась, чуть не плакала, что ея не слушаютъ, и, наконецъ,

добилась того, что въ нее повѣрили. Первый подвигъ ея, стоившій ей огромныхъ усилій и давшій ей власть, была укладка ковровъ. У графа въ домѣ были дорогіе gobelins и персидскіе ковры. Когда Наташа взялась за дѣло, въ залѣ стояли два ящика открытые: одинъ почти доверху уложенный фарфоромъ, другой съ коврами. Фарфора было еще много наставлено на столахъ и еще все несли изъ кладовой. Надо было начинать новый, третій ящикъ, и за нимъ пошли люди.

— Соня, постой, да мы все такъ уложимъ, — сказала Наташа.

— Нельзя, барышня, ужъ пробовали,—сказалъ буфетчикъ.

— Нѣтъ, постой, постой, пожалуйста.

И Наташа быстро начала доставать изъ ящика завернутыя въ бумагу блюда и тарелки.

— Блюда надо сюда, въ ковры,—сказала она.

— Да еще и ковры-то дай Богъ на три ящика разложить,— сказалъ буфетчикъ.

— Да постой, пожалуйста.—И Наташа быстро, ловко начала разбирать.—Это не надо,—говорила она про кіевскія тарелки.— Это — да, это въ ковры, — говорила она про саксонскія блюда.

— Да оставь, Наташа; ну полно, мы уложимъ,—съ упрекомъ говорила Соня.

— Эхъ, барышня...—говорилъ дворецкій.

Но Наташа не сдалась, выкинула всѣ вещи и быстро начала опять укладывать, рѣшая, что плохіе домашніе ковры и лишнюю посуду не надо совсѣмъ брать. Когда все было вынуто, начали опять укладывать. И дѣйствительно, выкинувъ почти все дешевое, то, что̀ не стоило брать съ собой, все цѣнное уложили въ два ящика. Не закрывалась только крышка ковернаго ящика. Можно было вынуть немного вещей, но Наташа хотѣла настоять на своемъ. Она укладывала, перекладывала, нажимала, заставляла буфетчика и Петю, котораго она увлекла за собой въ дѣло укладыванья, нажимать крышку и сама дѣлала отчаянныя усилія.

— Да полно, Наташа,—говорила ей Соня.—Я вижу, ты права, да вынь одинъ верхній.

— Не хочу,—кричала Наташа, одной рукой придерживая распустившіеся волосы по потному лицу, другой надавливая ковры.—Да жми же, Петька, жми! Васильичъ, нажимай! — кричала она.

Ковры нажались, и крышка закрылась. Наташа, хлопая въ ладоши, завизжала отъ радости, и слезы брызнули у нея изъ

глазъ. Но это продолжалось секунду. Тотчасъ же она принялась за другое дѣло, и уже ей вполнѣ вѣрили, и графъ не сердился, когда ему говорили, что Наталья Ильинична отмѣнила его приказаніе, и дворовые приходили къ Наташѣ спрашивать, увязывать или нѣтъ подводу, и довольно ли она наложена. Дѣло спорилось, благодаря распоряженіямъ Наташи: оставлялись ненужныя вещи и укладывались самымъ тѣснымъ образомъ самыя дорогія.

Но какъ ни хлопотали всѣ люди, къ поздней ночи еще не все могло быть уложено. Графиня заснула, и графъ, отложивъ отъѣздъ до утра, пошелъ спать.

Соня, Наташа спали, не раздѣваясь, въ диванной.

Въ эту ночь еще новаго раненаго провозили черезъ Поварскую, и Мавра Кузьминична, стоявшая у воротъ, заворотила его къ Ростовымъ. Раненый этотъ, по соображеніямъ Мавры Кузьминичны, былъ очень значительный человѣкъ. Его везли въ коляскѣ, совершенно закрытой фартукомъ и съ спущеннымъ верхомъ. На козлахъ вмѣстѣ съ извозчикомъ сидѣлъ старикъ, почтенный камердинеръ. Сзади въ повозкѣ ѣхали докторъ и два солдата.

— Пожалуйте къ намъ, пожалуйте. Господа уѣзжаютъ, весь домъ пустой, — сказала старушка, обращаясь къ старому слугѣ.

— Да что, — отвѣчалъ камердинеръ, вздыхая, — и довезти не чаемъ! У насъ и свой домъ въ Москвѣ, да далеко, да и не живетъ никто.

— Къ намъ милости просимъ, у нашихъ господъ всего много, пожалуйте,—говорила Мавра Кузьминична.—А что, очень нездоровы? — прибавила она.

Камердинеръ махнулъ рукой.

— Не чаемъ довезти! У доктора спросить надо.

И камердинеръ сошелъ съ козелъ и подошелъ къ повозкѣ.

— Хорошо, — сказалъ докторъ.

Камердинеръ подошелъ опять къ коляскѣ, заглянулъ въ нее, покачалъ головой, велѣлъ кучеру заворачивать на дворъ и остановился подлѣ Мавры Кузьминичны.

— Господи Іисусе Христе! — проговорила она.

Мавра Кузьминична предлагала внести раненаго въ домъ.

— Господа ничего не скажутъ...—говорила она.

Но надо было избѣжать подъема на лѣстницу, и потому раненаго внесли во флигель и положили въ бывшей комнатѣ m-me Schoss. Раненый этотъ былъ князь Андрей Болконскій.

XV.

Наступилъ послѣдній день Москвы. Была ясная, веселая осенняя погода. Было воскресенье. Какъ и въ обыкновенныя воскресенья, благовѣстили къ обѣднѣ во всѣхъ церквахъ. Никто, казалось, еще не могъ понять того, что ожидаетъ Москву.

Только два указателя состоянія общества выражали то положеніе, въ которомъ была Москва: чернь, т.-е. сословіе бѣдныхъ людей, и цѣны на предметы. Фабричные, дворовые и мужики огромной толпой, въ которую замѣшались чиновники, семинаристы, дворяне, въ этотъ день рано утромъ вышли на Три Горы. Постоявъ тамъ и не дождавшись Растопчина и убѣдившись въ томъ, что Москва будетъ сдана, эта толпа разсыпалась по Москвѣ, по питейнымъ домамъ и трактирамъ. Цѣны въ этотъ день тоже указывали на положеніе дѣлъ. Цѣны на оружіе, на золото, на телѣги и лошадей все шли возвышаясь, а цѣны на бумажки и на городскія вещи все шли уменьшаясь, такъ что въ серединѣ дня были случаи, что дорогіе товары, какъ сукна, извозчики вывозили исполу, а за мужицкую лошадь платили 500 рублей; мебель же, зеркала, бронзы отдавали даромъ.

Въ степенномъ и старомъ домѣ Ростовыхъ распаденіе прежнихъ условій жизни выразилось очень слабо. Въ отношеніи людей было только то, что въ ночь пропало три человѣка изъ огромной дворни, но ничего не было украдено; и въ отношеніи цѣнъ вещей оказалось то, что 30 подводъ, пришедшія изъ деревень, были огромное богатство, которому многіе завидовали и за которыя Ростовымъ предлагали огромныя деньги. Мало того, что за эти подводы предлагали огромныя деньги, съ вечера и рано утромъ 1 сентября на дворъ къ Ростовымъ приходили посланные денщики и слуги отъ раненыхъ офицеровъ и притаскивались сами раненые, помѣщенные у Ростовыхъ и въ сосѣднихъ домахъ, и умоляли людей Ростовыхъ похлопотать о томъ, чтобы имъ дали подводъ для выѣзда изъ Москвы. Дворецкій, къ которому обращались съ такими просьбами, хотя и жалѣлъ раненыхъ, рѣшительно отказывалъ, говоря, что онъ даже и не посмѣетъ доложить о томъ графу. Какъ ни жалки были остающіеся раненые, было очевидно, что отдай одну подводу, не было причины не отдать другую, всѣ,— отдать и свои экипажи. Тридцать подводъ не могли спасти всѣхъ раненыхъ, а въ общемъ бѣдствіи нельзя было не думать о себѣ и своей семьѣ. Такъ думалъ дворецкій за своего барина.

Проснувшись утромъ 1-го числа, графъ Илья Андреевичъ потихоньку вышелъ изъ спальни, чтобы не разбудить къ утру только заснувшую графиню, и въ своемъ лиловомъ шелковомъ халатѣ вышелъ на крыльцо. Подводы увязанныя стояли на дворѣ. У крыльца стояли экипажи. Дворецкій стоялъ у подъѣзда, разговаривая съ старикомъ-денщикомъ и молодымъ блѣднымъ офицеромъ съ подвязанной рукой. Дворецкій, увидавъ графа, сдѣлалъ офицеру и денщику значительный и строгій знакъ, чтобы они удалились.

— Ну, что, все готово, Васильичъ? — сказалъ графъ, потирая свою лысину и добродушно глядя на офицера и денщика и кивая имъ головой. (Графъ любилъ новыя лица.)

— Хоть сейчасъ запрягать, ваше сіятельство.

— Ну, и славно, вотъ и графиня проснется, и съ Богомъ! Вы что, господа? — обратился онъ къ офицеру. — У меня въ домѣ?

Офицеръ придвинулся ближе. Блѣдное лицо его вспыхнуло вдругъ яркой краской.

— Графъ, сдѣлайте одолженіе, позвольте мнѣ... ради Бога... гдѣ-нибудь пріютиться на вашихъ подводахъ. Здѣсь у меня ничего съ собой нѣтъ... Мнѣ на возу, все равно...

Еще не успѣлъ договорить офицеръ, какъ денщикъ съ той же просьбой для своего господина обратился къ графу.

— Ахъ, да, да, да, — поспѣшно заговорилъ графъ. — Я очень, очень радъ. Васильичъ, ты распорядись, ну тамъ очистить одну или двѣ телѣги, ну тамъ... что же... что нужно... — какими-то неопредѣленными выраженіями что-то приказывая, сказалъ графъ.

Но въ то же мгновеніе горячее выраженіе благодарности офицера уже закрѣпило то, что онъ приказывалъ. Графъ оглянулся вокругъ себя: на дворѣ, въ воротахъ, въ окнѣ флигеля виднѣлись раненые и денщики. Всѣ они смотрѣли на графа и подвигались къ крыльцу.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, въ галлерею: тамъ какъ прикажете насчетъ картинъ? — сказалъ дворецкій.

И графъ вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ домъ, повторяя свое приказаніе о томъ, чтобы не отказывать раненымъ, которые просятся ѣхать.

— Ну, что же, можно сложить что-нибудь, — прибавилъ онъ тихимъ, таинственнымъ голосомъ, какъ будто боясь, чтобы кто-нибудь его не услышалъ.

Въ 9 часовъ проснулась графиня, и Матрена Тимоѳеевна, бывшая ея горничная, исполнявшая въ отношеніи графини должность шефа жандармовъ, пришла доложить своей бывшей барышнѣ, что Марья Карловна очень обижены и что барышнинымъ лѣтнимъ платьямъ нельзя остаться здѣсь. На разспросы графини, почему m-me Schoss обижена, открылось, что ея сундукъ сняли съ подводы, и всѣ подводы развязываютъ, добро снимаютъ и набираютъ съ собой раненыхъ, которыхъ графъ, по своей простотѣ, приказалъ забирать съ собой. Графиня велѣла попросить къ себѣ мужа.

— Что это, мой другъ, я слышу, вещи опять снимаютъ?

— Знаешь, ma chère [1]), я вотъ что хотѣлъ тебѣ сказать... ma chère графинюшка... ко мнѣ приходилъ офицеръ, просятъ, чтобъ дать нѣсколько подводъ подъ раненыхъ. Вѣдь это все дѣло наживное; а каково имъ оставаться, подумай!.. Право, у насъ на дворѣ, сами мы ихъ зазвали, офицеры тутъ есть... Знаешь, думаю, право, ma chère, вотъ, ma chère... пускай ихъ свезутъ... куда же торопиться?

Графъ робко сказалъ это, какъ онъ всегда говорилъ, когда дѣло шло о деньгахъ. Графиня же привыкла къ этому тону, всегда предшествовавшему дѣлу, разорявшему дѣтей, какъ какая-нибудь постройка галлереи, оранжереи, устройство домашняго театра или музыки, и привыкла, и долгомъ считала всегда противоборствовать тому, что выражалось этимъ робкимъ тономъ.

Она приняла свой покорно-плачевный видъ и сказала мужу:

— Послушай, графъ, ты довелъ до того, что за домъ ничего не даютъ, а теперь и все наше — *дѣтское* — состояніе погубить хочешь. Вѣдь ты самъ говоришь, что въ домѣ на 100 тысячъ добра. Я, мой другъ, несогласна и несогласна. Воля твоя! На раненыхъ есть правительство. Они знаютъ. Посмотри: вонъ напротивъ, у Лопухиныхъ, еще третьяго дня все дочиста вывезли. Вотъ какъ люди дѣлаютъ. Одни мы дураки. Пожалѣй хоть не меня, такъ дѣтей.

Графъ замахалъ руками и, ничего не сказавъ, вышелъ изъ комнаты.

— Папа, о чемъ вы это? — сказала ему Наташа, вслѣдъ за нимъ вошедшая въ комнату матери.

— Ни о чемъ! Тебѣ что за дѣло! — сердито проговорилъ графъ.

---

[1]) Моя милая.

— Нѣтъ, я слышала, — сказала Наташа. — Отчего же маменька не хочетъ?

— Тебѣ что за дѣло! — крикнулъ графъ.

Наташа отошла къ окну и задумалась.

— Папенька, Бергъ къ намъ пріѣхалъ,—сказала она, глядя въ окно.

XVI.

Бергъ, зять Ростовыхъ, былъ уже полковникъ съ Владиміромъ и Анной на шеѣ и занималъ все то же покойное и пріятное мѣсто помощника начальника штаба помощника перваго отдѣленія начальника штаба второго корпуса.

Онъ 1-го сентября пріѣхалъ изъ арміи въ Москву.

Ему въ Москвѣ нечего было дѣлать; но онъ замѣтилъ, что всѣ изъ арміи просились въ Москву и что-то тамъ дѣлали. Онъ счелъ тоже нужнымъ отпроситься для домашнихъ и семейныхъ дѣлъ.

Бергъ въ своихъ аккуратныхъ дрожечкахъ на парѣ сытыхъ саврасенькихъ, точно такихъ, какія были у одного князя, подъѣхалъ къ дому своего тестя. Онъ внимательно посмотрѣлъ во дворъ на подводы и, всходя на крыльцо, вынулъ чистый носовой платокъ и завязалъ узелъ.

Изъ передней Бергъ плывущимъ, нетерпѣливымъ шагомъ вбѣжалъ въ гостиную и обнялъ графа, поцѣловалъ ручки у Наташи и Сони и поспѣшно спросилъ о здоровьѣ мамаши.

— Какое теперь здоровье? Ну, разсказывай же,—и сказалъ графъ,—что войска? Отступаютъ или будетъ еще сраженіе?

— Одинъ предвѣчный Богъ, папаша, — сказалъ Бергъ, — можетъ рѣшить судьбы отечества. Армія горитъ духомъ геройства, и теперь вожди, такъ сказать, собрались на совѣщаніе. Что будетъ — неизвѣстно. Но я вамъ скажу вообще, папаша, такого геройскаго духа, истинно-древняго мужества россійскихъ войскъ, которое они, оно (поправился онъ), показали или выказали въ этой битвѣ 26-го числа, нѣтъ никакихъ словъ достойныхъ, чтобы ихъ описать... Я вамъ скажу, папаша (онъ ударилъ себя въ грудь такъ же, какъ ударялъ себя одинъ разсказывавшій при немъ генералъ, хотя нѣсколько поздно, потому что ударить себя въ грудь надо было при словѣ: «россійское войско»), я вамъ скажу откровенно, что мы, начальники, не только не должны были подгонять солдатъ или что-нибудь такое, но мы насилу могли удерживать эти, эти... да, мужествен-

ные и древніе подвиги,—сказалъ онъ скороговоркой. — Генералъ Барклай-де-Толли жертвовалъ жизнью своей вездѣ впереди войска, я вамъ скажу. Нашъ же корпусъ былъ поставленъ на скатѣ горы. Можете себѣ представить!

И тутъ Бергъ разсказалъ все, что онъ запомнилъ изъ разныхъ слышанныхъ за это время разсказовъ. Наташа не спуская взгляда, который смущалъ Берга, какъ будто отыскивая на его лицѣ рѣшенія какого-то вопроса, смотрѣла на него.

— Такое геройство вообще, каковое выказали россійскіе воины, нельзя представить и достойно восхвалить! — сказалъ Бергъ, оглядываясь на Наташу и, какъ бы желая ее задобрить, улыбаясь ей въ отвѣтъ на ея упорный взглядъ. — «Россія не въ Москвѣ, она въ сердцахъ ея сыновъ!» Такъ, папаша? — сказалъ Бергъ.

Въ это время изъ диванной съ усталымъ и недовольнымъ видомъ вышла графиня. Бергъ поспѣшно вскочилъ, поцѣловалъ ручку графини, освѣдомился о ея здоровьѣ и, выражая свое сочувствіе покачиваньемъ головы, остановился подлѣ нея.

— Да, мамаша, я вамъ истинно скажу, тяжелыя и грустныя времена для всякаго русскаго. Но зачѣмъ же такъ безпокоиться? Вы еще успѣете уѣхать...

— Я не понимаю, что дѣлаютъ люди, — сказала графиня, обращаясь къ мужу: — мнѣ сейчасъ сказали, что еще ничего не готово. Вѣдь надо же кому-нибудь распорядиться. Вотъ и пожалѣешь о Митенькѣ. Это конца не будетъ!

Графъ хотѣлъ что-то сказать, но, видимо, воздержался. Онъ всталъ съ своего стула и пошелъ къ двери.

Бергъ въ это время, какъ бы для того, чтобы высморкаться, досталъ платокъ и, глядя на узелокъ, задумался, грустно и значительно покачивая головой.

— А у меня къ вамъ, папаша, большая просьба, — сказалъ онъ.

— Гм?.. — сказалъ графъ, останавливаясь.

— Ѣду я сейчасъ мимо Юсупова дома, — смѣясь сказалъ Бергъ. — Управляющій, мнѣ знакомый, выбѣжалъ и проситъ: «не купите ли что-нибудь?» Я зашелъ, знаете, изъ любопытства, и тамъ одна шифоньерочка и туалетъ. Вы знаете, какъ Вѣрушка этого желала и какъ мы спорили объ этомъ. (Бергъ невольно перешелъ въ тонъ радости о своей благоустроенности, когда онъ началъ говорить про шифоньерку и туалетъ). И такая прелесть! — выдвигается, и съ аглицкимъ секретомъ, знаете? А Вѣрочкѣ давно хотѣлось. Такъ мнѣ хочется ей сюрпризъ сдѣлать. Я видѣлъ у васъ такъ много этихъ мужиковъ

на дворѣ. Дайте мнѣ одного, пожалуйста, я ему хорошенько заплачу и...

Графъ сморщился и заперхалъ.

— У графини просите, а я не распоряжаюсь.

— Ежели затруднительно, пожалуйста не надо, — сказалъ Бергъ. — Мнѣ для Вѣрушки только очень бы хотѣлось.

— Ахъ, убирайтесь вы всѣ къ чорту, къ чорту, къ чорту и къ чорту!.. — закричалъ старый графъ. — Голова кругомъ идетъ.

И онъ вышелъ изъ комнаты. Графиня заплакала.

— Да, да, маменька, очень тяжелыя времена! — сказалъ Бергъ.

Наташа вышла вмѣстѣ съ отцомъ и, какъ будто съ трудомъ соображая что-то, сначала пошла за нимъ, а потомъ побѣжала внизъ.

На крыльцѣ стоялъ Петя, занимавшійся вооруженіемъ людей, которые ѣхали изъ Москвы. На дворѣ все такъ же стояли заложенныя подводы. Двѣ изъ нихъ были развязаны, и на одну изъ нихъ взлѣзалъ офицеръ, поддерживаемый денщикомъ.

— Ты знаешь за что? — спросилъ Петя Наташу.

Наташа поняла, что Петя разумѣлъ, за что поссорились отецъ съ матерью. Она не отвѣчала.

— За то, что папенька хотѣлъ отдать всѣ подводы подъ раненыхъ, — сказалъ Петя. — Мнѣ Васильичъ сказалъ. По-моему...

— По-моему, — вдругъ закричала почти Наташа, обращая свое озлобленное лицо къ Петѣ, — по-моему это такая гадость, такая мерзость, такая... я не знаю. Развѣ мы нѣмцы какіе-нибудь?..

Горло ея задрожало отъ судорожныхъ рыданій, и она, боясь ослабѣть и выпустить даромъ зарядъ своей злобы, повернулась и стремительно бросилась по лѣстницѣ.

Бергъ сидѣлъ подлѣ графини и родственно-почтительно утѣшалъ ее. Графъ съ трубкой въ рукахъ ходилъ по комнатѣ, когда Наташа съ изуродованнымъ злобой лицомъ, какъ буря, ворвалась въ комнату и быстрыми шагами подошла къ матери.

— Это гадость! Это мерзость! — закричала она.—Это не можетъ быть, чтобъ вы приказали.

Бергъ и графиня недоумѣвающе и испуганно смотрѣли на нее. Графъ остановился у окна, прислушиваясь.

— Маменька, это нельзя: посмотрите, что на дворѣ! — закричала она. — Они остаются!..

— Что съ тобой? Кто они? Что тебѣ надо?

— Раненые, вотъ кто! Это нельзя, маменька; это ни на что не похоже... Нѣтъ, маменька, голубушка, это не то, простите, пожалуйста, голубушка... Маменька, ну, что намъ то, что мы увеземъ; вы посмотрите только, что на дворѣ... Маменька!.. Это не можетъ быть!..

Графъ стоялъ у окна и, не поворачивая лица, слушалъ слова Наташи. Вдругъ онъ засопѣлъ носомъ и приблизилъ свое лицо къ окну.

Графиня взглянула на дочь, увидала ея пристыженное за мать лицо, увидала ея волненіе, поняла, отчего мужъ теперь не оглядывался на нее, и съ растеряннымъ видомъ оглянулась вокругъ себя.

— Ахъ, да дѣлайте, какъ хотите! Развѣ я мѣшаю кому-нибудь! — сказала она, еще не вдругъ сдаваясь.

— Маменька, голубушка, простите меня!..

Но графиня оттолкнула дочь и подошла къ графу.

— Mon cher, ты распорядись, какъ надо... Я вѣдь не знаю этого, — сказала она, виновато опуская глаза.

— Яйца... яйца курицу учатъ...—сквозь счастливыя слезы проговорилъ графъ и обнялъ жену, которая рада была скрыть на его груди свое пристыженное лицо.

— Папенька, маменька! Можно распорядиться? Можно?..— спрашивала Наташа. — Мы все-таки возьмемъ все самое нужное... — говорила Наташа.

Графъ утвердительно кивнулъ ей головой, и Наташа тѣмъ быстрымъ бѣгомъ, которымъ она бѣгивала въ горѣлки, побѣжала по залѣ въ переднюю и по лѣстницѣ на дворъ.

Люди собрались около Наташи и до тѣхъ поръ не могли повѣрить тому странному приказанію, которое она передавала, пока самъ графъ именемъ своей жены не подтвердилъ приказанія о томъ, чтобы отдавать всѣ подводы подъ раненыхъ, а сундуки сносить въ кладовыя. Понявъ приказаніе, люди съ радостью и хлопотливостью принялись за новое дѣло. Прислугѣ теперь это не только не казалось страннымъ, но, напротивъ, казалось, что не могло быть иначе, точно такъ же, какъ за четверть часа передъ этимъ никому не только не казалось страннымъ, что оставляютъ раненыхъ, а берутъ вещи, но казалось, что не могло быть иначе.

Всѣ домашніе, какъ бы выплачивая за то, что они раньше не взялись за это, принялись съ хлопотливостью за новое дѣло размѣщенія раненыхъ. Раненые повыползли изъ своихъ комнатъ и съ радостными блѣдными лицами окружили подводы. Въ сосѣднихъ домахъ тоже разнесся слухъ, что есть подводы,

и на дворъ къ Ростовымъ стали приходить раненые изъ другихъ домовъ. Многіе изъ раненыхъ просили не снимать вещи и только посадить ихъ сверху. Но разъ начавшееся дѣло свалки вещей уже не могло остановиться. Было все равно, оставлять все или половину. На дворѣ лежали неубранные сундуки съ посудой, съ бронзой, съ картинами, зеркалами, которыя такъ старательно укладывали въ прошлую ночь, и все искали и находили возможность сложить то и то и отдать еще и еще подводы.

— Четверыхъ еще можно взять, — говорилъ управляющій, — я свою повозку отдаю, а то куда же ихъ?

— Да отдайте мою гардеробную, — говорила графиня. — Дуняша со мной сядетъ въ карету.

Отдали еще и гардеробную повозку и отправили ее за ранеными черезъ два дома. Всѣ домашніе и прислуга были весело оживлены. Наташа находилась въ торжественно-счастливомъ оживленіи, котораго она давно не испытывала.

— Куда же его привязать? — говорили люди, прилаживая сундукъ къ узкой запяткѣ кареты. — Надо хоть одну подводу оставить.

— Да съ чѣмъ онъ? — спрашивала Наташа.

— Съ книгами графскими.

— Оставьте, Васильичъ уберетъ. Это не нужно.

Въ бричкѣ все было полно людей; сомнѣвались о томъ, куда сядетъ Петръ Ильичъ.

— Онъ на козлы. Вѣдь ты на козлы, Петя? — кричала Наташа.

Соня, не переставая, хлопотала тоже; но цѣль хлопотъ ея была противоположна цѣли Наташи: она убирала тѣ вещи, которыя должны были остаться, записывала ихъ по желанію графини и старалась захватить съ собой какъ можно больше.

XVII.

Во 2-мъ часу заложенные и уложенные четыре экипажа Ростовыхъ стояли у подъѣзда. Подводы съ ранеными одна за другой съѣзжали со двора.

Коляска, въ которой везли князя Андрея, проѣзжая мимо крыльца, обратила на себя вниманіе Сони, устраивавшей вмѣстѣ съ дѣвушкой сидѣнье для графини въ ея огромной высокой каретѣ, стоявшей у подъѣзда.

— Это чья же коляска? — спросила Соня, высунувшись въ окно кареты.

— А вы развѣ не знали, барышня?—отвѣчала горничная.— Князь раненый: онъ у насъ ночевалъ и тоже съ нами ѣдутъ.

— Да кто это? какъ фамилія?

— Самый нашъ женихъ бывшій. Князь Болконскій! — вздыхая отвѣчала горничная. — Говорятъ, при смерти.

Соня выскочила изъ кареты и побѣжала къ графинѣ. Графиня, уже одѣтая по-дорожному, въ шали и шляпѣ, усталая, ходила по гостиной, ожидая домашнихъ съ тѣмъ, чтобы посидѣть съ закрытыми дверями и помолиться передъ отъѣздомъ. Наташи не было въ комнатѣ.

— Maman,— сказала Соня, — князь Андрей здѣсь, раненый при смерти. Онъ ѣдетъ съ нами.

Графиня испуганно открыла глаза и, схвативъ за руку Соню, оглянулась.

— Наташа? — проговорила она.

И для Сони и для графини извѣстіе это имѣло въ первую минуту только одно значеніе. Они знали свою Наташу, и ужасъ о томъ, что будетъ съ нею при этомъ извѣстіи, заглушалъ для нихъ всякое сочувствіе къ человѣку, котораго онѣ обѣ любили.

— Наташа не знаетъ еще; но онъ ѣдетъ съ нами,—сказала Соня.

— Ты говоришь, при смерти?

Соня кивнула головой.

Графиня обняла Соню и заплакала.

«Пути Господни неисповѣдимы!» думала она, чувствуя, что во всемъ, что дѣлалось теперь, начинала выступать скрывавшаяся прежде отъ взгляда людей Всемогущая рука.

— Ну, мама, все готово. О чемъ вы? — спросила съ оживленнымъ лицомъ Наташа, вбѣгая въ комнату.

— Ни о чемъ,—сказала графиня.—Готово, такъ поѣдемъ. И графиня нагнулась къ своему ридикюлю, чтобы скрыть разстроенное лицо. Соня обняла Наташу и поцѣловала ее. Наташа вопросительно взглянула на нее.

— Что ты? Что такое случилось?

— Ничего... нѣтъ...

— Очень дурное для меня? Что такое?—спрашивала чуткая Наташа.

Соня вздохнула и ничего не отвѣчала. Графъ, Петя, m-me Schoss, Мавра Кузьминична, Васильичъ вошли въ гостиную, и,

затворивъ двери, всѣ сѣли и молча, не глядя другъ на друга, посидѣли нѣсколько секундъ.

Графъ первый всталъ и, громко вздохнувъ, сталъ креститься на образъ. Всѣ сдѣлали то же. Потомъ графъ сталъ обнимать Мавру Кузьминичну и Васильича, которые оставались въ Москвѣ, и въ то время, какъ они ловили его руку и цѣловали его въ плечо, слегка трепалъ ихъ по спинѣ, приговаривая что-то неясное, ласково-успокоительное. Графиня ушла въ образную, и Соня нашла ее тамъ на колѣняхъ передъ разрозненно по стѣнѣ остававшимися образами. (Самые дорогіе по семейнымъ преданіямъ образа везлись съ собою.)

На крыльцѣ и на дворѣ уѣзжавшіе люди съ кинжалами и саблями, которыми ихъ вооружилъ Петя, съ заправленными панталонами въ сапоги и туго перепоясанные ремнями и кушаками, прощались съ тѣми, которые оставались.

Какъ и всегда при отъѣздахъ, много было забыто и не такъ уложено, и довольно долго два гайдука стояли съ обѣихъ сторонъ отворенной дверцы и ступенекъ кареты, готовясь подсадить графиню, въ то время какъ бѣгали дѣвушки съ подушками и узелками изъ дому въ кареты и коляску, и бричку и обратно.

— Вѣкъ свой все перезабудутъ!—говорила графиня.—Вѣдь ты знаешь, что я не могу такъ сидѣть.

И Дуняша, стиснувъ зубы и не отвѣчая, съ выраженіемъ упрека на лицѣ, бросилась въ карету передѣлывать сидѣнье.

— Ахъ, народъ этотъ!—говорилъ графъ, покачивая головой.

Старый кучеръ Ефимъ, съ которымъ однимъ только рѣшалась ѣздить графиня, сидя высоко на своихъ козлахъ, даже не оглядывался на то, что̀ дѣлалось позади его. Онъ тридцатилѣтнимъ опытомъ зналъ, что не скоро еще ему скажутъ: «съ Богомъ!» и что когда скажутъ, то еще два раза остановятъ его и пошлютъ за забытыми вещами, и уже послѣ этого еще разъ остановятъ, и графиня сама высунется къ нему въ окно и попроситъ его Христомъ Богомъ ѣхать осторожно на спускахъ. Онъ зналъ это и потому терпѣливѣе своихъ лошадей (въ особенности лѣваго рыжаго—Сокола, который билъ ногой и, пережевывая, перебиралъ удила) ожидалъ того, что̀ будетъ. Наконецъ всѣ усѣлись; ступеньки собрались и закинулись въ карету, дверка захлопнулась, послали за шкатулкой, графиня высунулась и сказала, что̀ должно. Тогда Ефимъ медленно снялъ шляпу съ своей головы и сталъ креститься. Форейторъ и всѣ люди сдѣлали то же. «Съ Богомъ!» сказалъ

Ефимъ, надѣвъ шляпу, «вытягивай!» Форейторъ тронулъ. Правый дышловой влегъ въ хомутъ, хрустнули высокія рессоры, и качнулся кузовъ. Лакей на ходу вскочилъ на козлы. Встряхнуло карету при выѣздѣ со двора на тряскую мостовую, такъ же встряхнуло и другіе экипажи, и поѣздъ тронулся вверхъ по улицѣ. Въ каретахъ, коляскѣ и бричкѣ всѣ крестились на церковь, которая была напротивъ. Остававшіеся въ Москвѣ люди шли по обоимъ бокамъ экипажей, провожая ихъ.

Наташа рѣдко испытывала столь радостное чувство, какъ то, которое она испытывала теперь, сидя въ каретѣ подлѣ графини и глядя на медленно подвигавшіяся мимо нея стѣны оставляемой встревоженной Москвы. Она изрѣдка высовывалась въ окно кареты и глядѣла назадъ и впередъ на длинный поѣздъ раненыхъ, предшествующій имъ. Почти впереди всѣхъ виднѣлся ей закрытый верхъ коляски князя Андрея. Она не знала, кто былъ въ ней, и всякій разъ, соображая область своего обоза, отыскивала глазами эту коляску. Она знала, что она была впереди всѣхъ.

Въ Кудринѣ изъ Никитской, отъ Прѣсни, отъ Подновинскаго съѣхалось нѣсколько такихъ же поѣздовъ, какъ былъ поѣздъ Ростовыхъ, и по Садовой уже въ два ряда ѣхали экипажи и подводы.

Объѣзжая Сухареву башню, Наташа, любопытно и быстро осматривавшая народъ ѣдущій и идущій, вдругъ радостно и удивленно вскрикнула:

— Батюшки! Мама, Соня, посмотрите, это онъ!

— Кто, кто?

— Смотрите, ей-Богу, Безуховъ! — говорила Наташа, высовываясь въ окно кареты и глядя на высокаго, толстаго человѣка въ кучерскомъ кафтанѣ, очевидно наряженнаго барина по походкѣ и осанкѣ, который рядомъ съ желтымъ безбородымъ старичкомъ во фризовой шинели подошелъ подъ арку Сухаревой башни.

— Ей-Богу, Безуховъ, въ кафтанѣ, съ какимъ-то старымъ мальчикомъ. Ей-Богу, — говорила Наташа, — смотрите, смотрите!

— Да нѣтъ, это не онъ. Можно ли такія глупости!

— Мама, — кричала Наташа, — я вамъ голову дамъ на отсѣченіе, что это онъ. Я васъ увѣряю. Постой, постой! — кричала она кучеру.

Но кучеръ не могъ остановиться, потому что изъ Мѣщанской выѣхали еще подводы и экипажи, и на Ростовыхъ кричали, чтобъ они трогались и не задерживали другихъ.

Дѣйствительно, хотя уже гораздо дальше, чѣмъ прежде, всѣ Ростовы увидали Пьера или человѣка, необыкновенно похожаго на Пьера, въ кучерскомъ кафтанѣ, шедшаго по улицѣ съ нагнутой головой и серьезнымъ лицомъ, подлѣ маленькаго безбородаго старичка, имѣвшаго видъ лакея. Старичокъ этотъ замѣтилъ высунувшееся на него лицо изъ кареты и, почтительно дотронувшись до локтя Пьера, что-то сказалъ ему, указывая на карету. Пьеръ долго не могъ понять того, что̀ онъ говорилъ,—такъ онъ, видимо, погруженъ былъ въ свои мысли. Наконецъ, когда онъ понялъ его, посмотрѣлъ по указанію и, узнавъ Наташу, въ ту же секунду, отдаваясь первому впечатлѣнію, быстро направился къ каретѣ. Но, пройдя шаговъ десять, онъ, видимо вспомнивъ что-то, остановился.

Высунувшееся изъ кареты лицо Наташи сіяло насмѣшливою ласкою.

— Петръ Кириллычъ, идите же! Вѣдь мы узнали! Это удивительно!—кричала она, протягивая ему руку.—Какъ это вы? Зачѣмъ вы такъ?

Пьеръ взялъ протянутую руку и на ходу (такъ какъ карета продолжала двигаться) неловко поцѣловалъ ее.

— Что съ вами, графъ?—спросила удивленнымъ и соболѣзнующимъ голосомъ графиня.

— Что? Что? Зачѣмъ? Не спрашивайте у меня,—сказалъ Пьеръ и оглянулся на Наташу, сіяющій, радостный взглядъ которой (онъ чувствовалъ это, не глядя на нее) обдавалъ его своею прелестью.

— Что же вы, или въ Москвѣ остаетесь?

Пьеръ помолчалъ.

— Въ Москвѣ?—сказалъ онъ вопросительно.—Да, въ Москвѣ. Прощайте.

— Ахъ, желала бы я быть мужчиной, я бы непремѣнно осталась съ вами. Ахъ, какъ это хорошо! — сказала Наташа.— Мама, позвольте, я останусь.

Пьеръ разсѣянно посмотрѣлъ на Наташу и что-то хотѣлъ сказать, но графиня перебила его:

— Вы были на сраженіи, мы слышали?

— Да, я былъ, — отвѣчалъ Пьеръ. — Завтра будетъ опять сраженіе... — началъ было онъ, но Наташа перебила его:

— Да что же съ вами, графъ? Вы на себя не похожи...

— Ахъ, не спрашивайте, не спрашивайте меня; я ничего самъ не знаю. Завтра... Да нѣтъ! Прощайте, прощайте,—проговорилъ онъ, — ужасное время!

И, отставъ отъ кареты, онъ отошелъ на тротуаръ.

Наташа долго еще высовывалась изъ окна, сіяя на него ласковой и немного насмѣшливой, радостной улыбкой.

XVIII.

Пьеръ со времени исчезновенія своего изъ дома уже второй день жилъ на пустой квартирѣ покойнаго Баздѣева. Вотъ какъ это случилось.

Проснувшись на другой день послѣ своего возвращенія въ Москву и свиданія съ графомъ Растопчинымъ, Пьеръ долго не могъ понять того, гдѣ онъ находился и чего отъ него хотѣли. Когда ему, между именами прочихъ лицъ дожидавшихся его въ пріемной, доложили, что его дожидается еще французъ, привезшій письмо отъ графини Елены Васильевны, на него нашло вдругъ то чувство спутанности и безнадежности, которому онъ способенъ былъ поддаваться. Ему вдругъ представилось, что все теперь кончено, все смѣшалось, все разрушилось, что нѣтъ ни праваго, ни виноватаго, что впереди ничего не будетъ и что выхода изъ этого положенія нѣтъ никакого. Онъ, неестественно улыбаясь и что-то бормоча, то садился на диванъ въ безпомощной позѣ, то вставалъ, подходилъ къ двери и заглядывалъ въ щелку въ пріемную; то, махая руками, возвращался назадъ и брался за книгу. Дворецкій въ другой разъ пришелъ доложить Пьеру, что французъ, привезшій отъ графини письмо, очень желаетъ видѣть его хоть на минутку и что приходили отъ вдовы І. А. Баздѣева просить принять книги, такъ какъ сама г-жа Баздѣева уѣхала въ деревню.

— Ахъ, да, сейчасъ, подожди... или нѣтъ! Да нѣтъ, поди скажи, что сейчасъ приду, — сказалъ Пьеръ дворецкому.

Но какъ только вышелъ дворецкій, Пьеръ взялъ шляпу, лежавшую на столѣ, и вышелъ въ заднюю дверь изъ кабинета. Въ коридорѣ никого не было. Пьеръ прошелъ во всю длину коридора до лѣстницы и, морщась и растирая лобъ обѣими руками, спустился до первой площадки. Швейцаръ стоялъ у парадной двери. Съ площадки, на которую спустился Пьеръ, другая лѣстница вела къ заднему ходу. Пьеръ пошелъ по ней и вышелъ на дворъ. Никто не видалъ его. Но на улицѣ, какъ только онъ вышелъ въ ворота, кучера, стоявшіе съ экипажами, и дворникъ увидали барина и сняли передъ нимъ шапки. Почувствовавъ на себѣ устремленные взгляды, Пьеръ поступилъ, какъ страусъ, который прячетъ голову въ кустъ съ тѣмъ,

чтобы его не видали: онъ опустилъ голову и, прибавивъ шагу, пошелъ по улицѣ.

Изъ всѣхъ дѣлъ, предстоявшихъ Пьеру въ это утро, дѣло разборки книгъ и бумагъ Іосифа Алексѣевича показалось ему самымъ нужнымъ.

Онъ взялъ перваго попавшагося ему извозчика и велѣлъ ему ѣхать на Патріаршіе пруды, гдѣ былъ домъ вдовы Баздѣева. Безпрестанно оглядываясь на со всѣхъ сторонъ двигавшіеся обозы выѣзжавшихъ изъ Москвы и оправляясь своимъ тучнымъ тѣломъ, чтобы не соскользнуть съ дребезжащихъ, старыхъ дрожекъ, Пьеръ, испытывая радостное чувство, подобное тому, которое испытываетъ мальчикъ, убѣжавшій изъ школы, разговорился съ извозчикомъ.

Извозчикъ разсказалъ ему, что нынѣшній день разбираютъ въ Кремлѣ оружіе, и что на завтрашній народъ выгоняютъ весь за Трехгорную заставу, и что тамъ будетъ большое сраженіе.

Пріѣхавъ на Патріаршіе пруды, Пьеръ отыскалъ домъ Баздѣева, въ которомъ онъ давно не бывалъ. Онъ подошелъ къ калиткѣ. Герасимъ, тотъ самый желтый безбородый старичокъ, котораго Пьеръ видѣлъ пять лѣтъ тому назадъ въ Торжкѣ съ Іосифомъ Алексѣевичемъ, вышелъ на его стукъ.

— Дома? — спросилъ Пьеръ.

— По обстоятельствамъ нынѣшнимъ Софья Даниловна съ дѣтьми уѣхали въ торжковскую деревню, ваше сіятельство.

— Я все-таки войду, мнѣ надо книги разобрать,—сказалъ Пьеръ.

— Пожалуйте, милости просимъ; братецъ покойника—царство небесное—Макаръ Алексѣевичъ остались, да, какъ изволите знать, они въ слабости, — сказалъ старый слуга.

Макаръ Алексѣевичъ былъ, какъ зналъ Пьеръ, полусумасшедшій, пившій запоемъ братъ Іосифа Алексѣевича.

— Да, да, знаю. Пойдемъ, пойдемъ...—сказалъ Пьеръ и вошелъ въ домъ.

Высокій, плѣшивый старый человѣкъ въ халатѣ, съ краснымъ носомъ, въ калошахъ на босу ногу, стоялъ въ передней; увидавъ Пьера, онъ сердито пробормоталъ что-то и ушелъ въ коридоръ.

— Большого ума были, а теперь, какъ изволите видѣть, ослабѣли,—сказалъ Герасимъ.—Въ кабинетъ угодно? (Пьеръ кивнулъ головой). Кабинетъ какъ былъ запечатанъ, такъ и остался. Софья Даниловна приказывали, ежели отъ васъ придутъ, то отпустить книги.

Пьеръ вошелъ въ тотъ самый мрачный кабинетъ, въ который онъ еще при жизни благодѣтеля входилъ съ такимъ трепетомъ. Кабинетъ этотъ, теперь запыленный и не тронутый со времени кончины Іосифа Алексѣевича, былъ еще мрачнѣе.

Герасимъ открылъ одинъ ставень и на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты. Пьеръ обошелъ кабинетъ, подошелъ къ шкапу, въ которомъ лежали рукописи, и досталъ одну изъ важнѣйшихъ когда-то святынь ордена. Это были подлинные шотландскіе акты съ примѣчаніями и объясненіями благодѣтеля. Онъ сѣлъ за письменный запыленный столъ и положилъ передъ собою рукописи, раскрывалъ, закрывалъ ихъ и, наконецъ, отодвинувъ ихъ отъ себя, облокотившись головой на руки, задумался.

Нѣсколько разъ Герасимъ осторожно заглядывалъ въ кабинетъ и видѣлъ, что Пьеръ сидѣлъ въ томъ же положеніи. Прошло болѣе двухъ часовъ. Герасимъ позволилъ себѣ пошумѣть въ дверяхъ, чтобы обратить вниманіе Пьера. Пьеръ не слышалъ его.

— Извозчика отпустить прикажете?

— Ахъ, да!—очнувшись сказалъ Пьеръ, поспѣшно вставая.— Послушай,—сказалъ онъ, взявъ Герасима за пуговицу сюртука и сверху внизъ блестящими, влажными, восторженными глазами глядя на старичка. — Послушай, ты знаешь, что завтра будетъ сраженіе?

— Сказывали, — отвѣчалъ Герасимъ.

— Я прошу тебя никому не говорить, кто я. И сдѣлай, что я скажу...

— Слушаю-съ,—сказалъ Герасимъ.—Кушать прикажете?

— Нѣтъ, но мнѣ другое нужно. Мнѣ нужно крестьянское платье и пистолетъ,—сказалъ Пьеръ, неожиданно покраснѣвъ.

— Слушаю-съ, — подумавъ, сказалъ Герасимъ.

Весь остатокъ этого дня Пьеръ провелъ одинъ въ кабинетѣ благодѣтеля, безпокойно шагая изъ одного угла въ другой, какъ слышалъ Герасимъ, и что-то самъ съ собой разговаривая, и ночевалъ на приготовленной ему тутъ же постели.

Герасимъ съ привычкой слуги, видавшаго много странныхъ вещей на своемъ вѣку, принялъ переселеніе Пьера безъ удивленія и, казалось, былъ доволенъ тѣмъ, что ему было кому услуживать. Онъ въ тотъ же вечеръ, не спрашивая даже и самого себя, для чего это было нужно, досталъ Пьеру кафтанъ и шапку и обѣщалъ на другой день пріобрѣсти требуемый пистолетъ. Макаръ Алексѣевичъ въ этотъ вечеръ два раза, шлепая своими калошами, подходилъ къ двери и останавливался, заискивающе глядя на Пьера. Но какъ только Пьеръ оборачи-

вался къ нему, онъ стыдливо и сердито запахивалъ свой халатъ и поспѣшно удалялся. Въ то время, какъ Пьеръ въ кучерскомъ кафтанѣ, пріобрѣтенномъ и выпаренномъ для него Герасимомъ, ходилъ съ нимъ покупать пистолетъ у Сухаревой башни, онъ встрѣтилъ Ростовыхъ.

XIX.

1-го сентября въ ночь отданъ приказъ Кутузова объ отступленіи русскихъ войскъ черезъ Москву на Рязанскую дорогу.

Первыя войска двинулись въ ночь. Войска, шедшія ночью, не торопились и двигались медленно и степенно; но на разсвѣтѣ двигавшіяся войска, подходя къ Дорогомиловскому мосту, увидали впереди себя, на другой сторонѣ, тѣснящіяся, спѣшащія по мосту и на той сторонѣ поднимающіяся и запружающія улицы и переулки, а позади себя напирающія, безконечныя массы войскъ. И безпричинная поспѣшность и тревога овладѣли войсками. Все бросилось впередъ къ мосту, на мостъ, въ броды и въ лодки. Кутузовъ велѣлъ обвезти себя задними улицами на ту сторону Москвы.

Къ 10-ти часамъ утра 2-го сентября въ дорогомиловскомъ предмѣстьи оставались на просторѣ одни войска арьергарда. Армія была уже на той сторонѣ Москвы и за Москвою.

Въ это же время, въ 10 часовъ утра 2-го сентября, Наполеонъ стоялъ между своими войсками на Поклонной горѣ и смотрѣлъ на открывавшееся передъ нимъ зрѣлище. Начиная съ 26-го августа и по 2-е сентября, отъ Бородинскаго сраженія и до вступленія непріятеля въ Москву, во всѣ дни этой тревожной, этой памятной недѣли, стояла та необычайная, всегда удивляющая людей, осенняя погода, когда низкое солнце грѣетъ жарче, чѣмъ весной; когда все блеститъ въ рѣдкомъ, чистомъ воздухѣ такъ, что глаза рѣжетъ; когда грудь крѣпнетъ и свѣжѣетъ, вдыхая осенній пахучій воздухъ; когда ночи даже бываютъ теплыя, и когда въ темныхъ, теплыхъ ночахъ этихъ съ неба безпрестанно, пугая и радуя, сыплются золотыя звѣзды.

2-го сентября въ 10 часовъ утра была такая погода.

Блескъ утра былъ волшебный. Москва съ Поклонной горы разстилалась просторно съ своею рѣкой, своими садами и церквами и, казалось, жила своею жизнью, трепеща, какъ звѣзды, своими куполами въ лучахъ солнца.

При видѣ страннаго города съ невиданными формами необыкновенной архитектуры Наполеонъ испытывалъ то нѣсколько

завистливое и безпокойное любопытство, которое испытываютъ люди при видѣ формъ не знающей о нихъ, чуждой жизни. Очевидно, городъ этотъ жилъ всѣми силами своей жизни. По тѣмъ неопредѣлимымъ признакамъ, по которымъ на дальнемъ разстояніи безошибочно узнается живое тѣло отъ мертваго, Наполеонъ съ Поклонной горы видѣлъ трепетаніе жизни въ городѣ и чувствовалъ какъ бы дыханіе этого большого и красиваго тѣла.

Всякій русскій человѣкъ, глядя на Москву, чувствуетъ, что она мать; всякій иностранецъ, глядя на нее и не зная ея материнскаго значенія, долженъ чувствовать женственный характеръ этого города; и Наполеонъ чувствовалъ его.

— Cette ville asiatique aux innombrables églises, Moscou la sainte. La voilà donc enfin, cette fameuse ville! Il était temps a[1])— сказалъ Наполеонъ и, слѣзши съ лошади, велѣлъ разложить передъ собою планъ этой Moscou и подозвалъ переводчика Lelorme d'Ideville. «Une ville occupée par l'ennemi ressemble à une file qui a perdu son honneur» [2]), думалъ онъ (какъ онъ и говорилъ это Тучкову въ Смоленскѣ). И съ этой точки зрѣнія онъ смотрѣлъ на лежавшую передъ нимъ, невиданную еще имъ, восточную красавицу. Ему странно было самому, что, наконецъ, свершилось его давнишнее, казавшееся ему невозможнымъ, желаніе. Въ ясномъ утреннемъ свѣтѣ онъ смотрѣлъ то на городъ, то на планъ, провѣряя подробности этого города, и увѣренность обладанія волновала и ужасала его.

Но развѣ могло быть иначе?» подумалъ онъ. «Вотъ она — эта столица — у моихъ ногъ, ожидая судьбы своей. Гдѣ теперь Александръ, и что думаетъ онъ? Странный, красивый, величественный городъ! И странная и величественная эта минута! Въ какомъ свѣтѣ представляюсь я имъ!» думалъ онъ о своихъ войскахъ. «Вотъ она — награда — для всѣхъ этихъ маловѣрныхъ (думалъ онъ, оглядываясь на приближенныхъ и на подходившія и строившіяся войска). Одно мое слово, одно движеніе моей руки, и погибла эта древняя столица des Czars. Mais ma clémence est toujours prompte à descendre sur les vaincus [3]). Я долженъ быть великодушенъ и истинно великъ... Но нѣтъ, это неправда, что я въ Москвѣ (вдругъ приходило ему въ голову). Однако вотъ она лежитъ у моихъ ногъ, играя и дрожа золотыми ку-

---

[1]) Вотъ онъ, наконецъ, этотъ знаменитый азіатскій городъ съ своими безчисленными церквами, священная Москва! Давно пора!

[2]) Городъ, занятый непріятелемъ, подобенъ дѣвушкѣ, потерявшей невинность.

[3]) Но мое милосердіе всегда готово снизойти къ побѣжденнымъ.

полами и крестами въ лучахъ солнца. Но я пощажу ее. На древнихъ памятникахъ варварства и деспотизма я напишу великія слова справедливости и милосердія... Александръ больнѣе всего пойметъ именно это, я знаю его. (Наполеону казалось, что главное значеніе того, что совершалось, заключалось въ личной борьбѣ его съ Александромъ.) Съ высотъ Кремля — да, это Кремль, да! — я дамъ имъ законы справедливости, я покажу имъ значеніе истинной цивилизаціи, я заставлю поколѣнія бояръ съ любовью поминать имя своего завоевателя. Я скажу депутаціи, что я не хотѣлъ и не хочу войны; что я велъ войну только съ ложной политикой ихъ Двора; что я люблю и уважаю Александра, и что приму условія мира въ Москвѣ, достойныя меня и моихъ народовъ. Я не хочу воспользоваться счастьемъ войны для униженія уважаемаго государя. «Бояре!» скажу я имъ, «я не хочу войны, а хочу мира и благоденствія всѣхъ моихъ подданныхъ». Впрочемъ, я знаю, что присутствіе ихъ воодушевитъ меня, и я скажу имъ, какъ я всегда говорю: ясно, торжественно и велико. Но неужели это правда, что я въ Москвѣ? Да, вотъ она!»

— Qu'on m'amène les boyards [1]),—обратился онъ къ свитѣ.

Генералъ съ блестящей свитой тотчасъ же поскакалъ за боярами.

Прошло два часа. Наполеонъ позавтракалъ и опять стоялъ на томъ же мѣстѣ на Поклонной горѣ, ожидая депутаціи. Рѣчь его къ боярамъ уже ясно сложилась въ его воображеніи. Рѣчь эта была исполнена достоинства и того величія, которое понималъ Наполеонъ.

Тотъ тонъ великодушія, въ которомъ намѣренъ былъ дѣйствовать въ Москвѣ Наполеонъ, увлекъ его самого. Онъ въ воображеніи своемъ назначалъ дни réunion dans le palais des Czars [2]), гдѣ должны были сходиться русскіе вельможи съ вельможами французскаго императора. Онъ назначалъ мысленно губернатора, такого, который бы сумѣлъ привлечь къ себѣ населеніе. Узнавъ о томъ, что въ Москвѣ много богоугодныхъ заведеній, онъ въ воображеніи своемъ рѣшалъ, что всѣ эти заведенія будутъ осыпаны его милостями. Онъ думалъ, что какъ въ Африкѣ надо было сидѣть въ бурнусѣ въ мечети, такъ и въ Москвѣ надо было быть милостивымъ, какъ цари. И, чтобы окончательно тронуть сердца русскихъ, онъ, какъ и каждый французъ, не могущій себѣ вообразить ничего чувствительнаго

---

1) Пусть приведутъ ко мнѣ бояръ.

2) Дни собраній во дворцѣ царей.

безъ упоминанія о *ma chère, ma tendre, ma pauvre mère* [1]), онъ рѣшилъ, что на всѣхъ этихъ заведеніяхъ онъ велитъ написать большими буквами: «Etablissement dédié à ma chère Mère». Нѣтъ, просто: «Maison de ma Mère [2]), рѣшилъ онъ самъ съ собой. «Но неужели я въ Москвѣ? Да, вотъ она передо мной; но что же такъ долго не является депутація города?» думалъ онъ.

Между тѣмъ въ задахъ свиты императора происходило шопотомъ взволнованное совѣщаніе между его генералами и маршалами. Посланные за депутаціей вернулись съ извѣстіемъ, что Москва пуста, что всѣ уѣхали и ушли изъ нея. Лица совѣщавшихся были блѣдны и взволнованы. Не то, что Москва была оставлена жителями (какъ ни важно казалось это событіе) пугало ихъ, но ихъ пугало то, какимъ образомъ объявить о томъ императору, какимъ образомъ, не ставя его величество въ то страшное, называемое французами ridicule [3]), положеніе, объявить ему, что онъ напрасно ждалъ бояръ такъ долго, что есть толпы пьяныхъ, но никого больше. Одни говорили, что надо было во что бы то ни стало собрать хоть какую-нибудь депутацію; другіе оспаривали это мнѣніе и утверждали, что надо, осторожно и умно приготовивъ императора, объявить ему правду.

— Il faudra le lui dire tout de même... [4])—говорили господа свиты. —Mais messieurs...

Положеніе было тѣмъ тяжеле, что императоръ, обдумывая свои планы великодушія, терпѣливо ходилъ взадъ и впередъ передъ планомъ, посматривая изрѣдка изъ-подъ руки по дорогѣ въ Москву и весело и гордо улыбаясь.

— Mais c'est impossible... [5]) — пожимая плечами, говорили господа свиты, не рѣшаясь выговорить подразумѣваемое страшное слово: le ridicule...

Между тѣмъ императоръ, уставши отъ тщетнаго ожиданія и своимъ актерскимъ чутьемъ чувствуя, что величественная минута, продолжаясь слишкомъ долго, начинаетъ терять свою величественность, подалъ рукой знакъ. Раздался одинокій выстрѣлъ сигнальной пушки, и войска, съ разныхъ сторонъ обложившія Москву, двинулись въ Москву—въ Тверскую, Калуж-

---

1) Моей милой, нѣжной, бѣдной матери.

2) Заведеніе, посвященное моей матери. — Нѣтъ, просто: Домъ моей матери.

3) Смѣшнымъ.

4) А все-таки надо ему сказать.

5) Но это невозможно...

скую и Дорогомиловскую заставы. Быстрѣе и быстрѣе, перегоняя одни другихъ, бѣглымъ шагомъ и рысью, двигались войска, скрываясь въ поднимаемыхъ ими облакахъ пыли и оглашая воздухъ сливающимися гулами криковъ.

Увлеченный движеніемъ войскъ, Наполеонъ доѣхалъ съ войсками до Дорогомиловской заставы, но тамъ опять остановился и, слѣзши съ лошади, долго ходилъ у Камеръ-Коллежскаго вала, ожидая депутаціи.

XX.

Москва между тѣмъ была пуста. Въ ней были еще люди, въ ней оставалась еще пятидесятая часть всѣхъ бывшихъ прежде жителей, но она была пуста. Она была пуста, какъ бываетъ пустъ домирающій, обезматочившій улей.

Въ обезматочившемъ ульѣ уже нѣтъ жизни, но на поверхностный взглядъ онъ кажется такимъ же живымъ, какъ и другіе.

Такъ же весело, въ жаркихъ лучахъ полуденнаго солнца, вьются пчелы вокругъ обезматочившаго улья, какъ и вокругъ другихъ живыхъ ульевъ; такъ же издалека пахнетъ отъ него медомъ; такъ же вылетаютъ изъ него пчелы. Но сто́итъ приглядѣться къ нему, чтобы понять, что въ ульѣ этомъ нѣтъ уже жизни. Не такъ, какъ въ живыхъ ульяхъ, летаютъ пчелы, не тотъ запахъ, не тотъ звукъ поражаютъ пчеловода. На стукъ пчеловода въ стѣнку больного улья, вмѣсто прежняго, мгновеннаго, дружнаго отвѣта, шипѣнья десятковъ тысячъ пчелъ, грозно поджимающихъ задъ и быстрымъ боемъ крыльевъ производящихъ этотъ воздушный жизненный звукъ, ему отвѣчаютъ разрозненныя жужжанія, гулко раздающіяся въ разныхъ мѣстахъ пустого улья. Изъ летка не пахнетъ, какъ прежде, спиртовымъ, душистымъ запахомъ меда и яда, не несетъ оттуда тепломъ полноты, а съ запахомъ меда сливается запахъ пустоты и гнили. У летка нѣтъ больше готовящихся на погибель для защиты, поднявшихъ кверху зады, трубящихъ тревогу стражей. Нѣтъ больше того ровнаго и тихаго звука, трепетанья труда, подобнаго звуку кипѣнья, а слышится нескладный, разрозненный шумъ безпорядка. Въ улей и изъ улья робко и увертливо влетаютъ и вылетаютъ черныя, продолговатыя, смазанныя медомъ пчелы-грабительницы; онѣ не жалятъ, а ускользаютъ отъ опасности. Прежде только съ ношами влетали, а вылетали пустыя пчелы; теперь вылетаютъ съ ношами.

Пчеловодъ открываетъ нижнюю колодезню и вглядывается въ нижнюю часть улья. Вмѣсто прежде висѣвшихъ до уза (нижняго дна) черныхъ, усмиренныхъ трудомъ плетей сочныхъ пчелъ, держащихъ за ноги другъ друга и съ непрерывнымъ шопотомъ труда тянущихъ вощину, сонныя, ссохшіяся пчелы въ разныя стороны бредутъ разсѣянно по дну и стѣнкамъ улья. Вмѣсто чисто залѣпленнаго клеемъ и сметеннаго вѣерами крыльевъ пола, на днѣ лежатъ крошки вощинъ, испражненія пчелъ, полумертвыя, чуть шевелящія ножками, и совершенно мертвыя, неприбранныя пчелы.

Пчеловодъ открываетъ верхнюю колодезню и осматриваетъ голову улья. Вмѣсто облѣпившихъ всѣ промежутки сотовъ, грѣющихъ дѣтву, сплошныхъ рядовъ пчелъ, онъ видитъ искусную, сложную работу сотовъ, но уже не въ томъ видѣ дѣвственности, въ которомъ она была прежде. Все запущено и загажено. Грабительницы—черныя пчелы шныряютъ быстро и украдисто по работамъ; свои пчелы, ссохшіяся, короткія, вялыя, какъ будто старыя, медленно бродятъ, никому не мѣшая, ничего не желая и потерявъ сознаніе жизни. Трутни, шершни, бабочки безтолково стучатся на лету о стѣнки улья. Кое-гдѣ между вощинами съ мертвыми дѣтьми и медомъ изрѣдка слышится съ разныхъ сторонъ сердитое брюзжаніе. Гдѣ-нибудь двѣ пчелы, по старой привычкѣ и памяти, очищая гнѣздо улья, старательно сверхъ силъ тащатъ прочь мертвую пчелу или шмеля, сами не зная, для чего онѣ это дѣлаютъ. Въ другомъ углу другія двѣ старыя пчелы лѣниво дерутся, или чистятся, или кормятъ одна другую, сами не зная, враждебно или дружелюбно онѣ это дѣлаютъ. Въ третьемъ мѣстѣ толпа пчелъ, давя другъ друга, нападаетъ на какую-нибудь жертву и бьетъ и душитъ ее. И ослабѣвшая или убитая пчела медленно, легко, какъ пухъ, спадаетъ сверху въ кучу труповъ. Пчеловодъ разворачиваетъ двѣ среднія вощины, чтобы видѣть гнѣздо. Вмѣсто прежнихъ сплошныхъ черныхъ круговъ спинка съ спинкой сидящихъ тысячъ пчелъ и блюдущихъ высшія тайны родного дѣла, онъ видитъ сотни унылыхъ, полуживыхъ и заснувшихъ остововъ пчелъ. Онѣ почти всѣ умерли, сами не зная этого, сидя на святынѣ, которую онѣ блюли и которой уже нѣтъ больше. Отъ нихъ пахнетъ гнилью и смертью. Только нѣкоторыя изъ нихъ шевелятся, поднимаются, вяло летятъ и садятся на руку врагу, не въ силахъ умереть жаля его; остальныя, мертвыя, какъ рыбья чешуя, легко сыплются внизъ. Пчеловодъ закрываетъ колодезню, отмѣчаетъ мѣломъ колодку и, выбравъ время, выламываетъ и выжигаетъ ее.

Такъ пуста была Москва, когда Наполеонъ, усталый, безпокойный и нахмуренный, ходилъ взадъ и впередъ у Камеръ-Коллежскаго вала, ожидая того хотя внѣшняго, но необходимаго, по его понятіямъ, соблюденія приличій — депутаціи.

Въ разныхъ углахъ Москвы только безсмысленно еще шевелились люди, соблюдая старыя привычки и не понимая того, что̀ они дѣлали.

Когда Наполеону съ должною осторожностью было объявлено, что Москва пуста, онъ сердито взглянулъ на доносившаго объ этомъ и, отвернувшись, продолжалъ ходить молча.

— Подать экипажъ, — сказалъ онъ.

Онъ сѣлъ въ карету рядомъ съ дежурнымъ адъютантомъ и поѣхалъ въ предмѣстье. «Moscou déserte! Quel évènement invraisemblable»[1]), говорилъ онъ самъ съ собой.

Онъ не поѣхалъ въ городъ, а остановился на постояломъ дворѣ дорогомиловскаго предмѣстья.

Le coup de théâtre avait raté [2]).

XXI.

Войска проходили черезъ Москву съ двухъ часовъ ночи и до двухъ часовъ дня и увлекали за собой послѣднихъ уѣзжавшихъ жителей и раненыхъ.

Самая большая давка во время движенія войскъ происходила на мостахъ Каменномъ, Москворѣцкомъ и Яузскомъ.

Въ то время, какъ, раздвоившись вокругъ Кремля, войска сперлись на Москворѣцкомъ и Каменномъ мостахъ, огромное число солдатъ, пользуясь остановкой и тѣснотой, возвращались назадъ отъ мостовъ и украдчиво и молчаливо прошныривали мимо Василія Блаженнаго и подъ Боровицкія ворота назадъ въ гору къ Красной площади, на которой по какому-то чутью они чувствовали, что можно брать безъ труда чужое. Такая же толпа людей, какъ на дешевыхъ товарахъ, наполняла Гостиный дворъ во всѣхъ его ходахъ и переходахъ. Но не было ласково-притворныхъ, заманивающихъ голосовъ гостинодворцевъ, не было разносчиковъ и пестрой, женской толпы покупателей — одни были мундиры и шинели солдатъ безъ ружей, молчаливо съ ношами выходившихъ и безъ ноши входившихъ въ ряды. Купцы и сидѣльцы (ихъ было мало), какъ потерянные, ходили между

---

1) Москва пуста! Какое невѣроятное событіе.

2) Не удалась развязка театральнаго представленія.

солдатами, отпирали и запирали свои лавки, и сами съ молодцами куда-то выносили свои товары. На площади у Гостинаго двора стояли барабанщики и били сборъ. Но звукъ барабана заставлялъ солдатъ-грабителей не какъ прежде сбѣгаться на зовъ, а, напротивъ, заставлялъ ихъ отбѣгать дальше отъ барабана. Между солдатами, по лавкамъ и проходамъ, виднѣлись люди въ сѣрыхъ кафтанахъ и съ бритыми головами. Два офицера, одинъ въ шарфѣ по мундиру, на худой темно-сѣрой лошади, другой въ шинели, пѣшкомъ, стояли у угла Ильинки и о чемъ-то говорили. Третій офицеръ подскакалъ къ нимъ.

— Генералъ приказалъ, во что бы то ни стало, сейчасъ выгнать всѣхъ. Что жъ, это ни на что не похоже! Половина людей разбѣжались.

— Ты куда?.. Вы куда?..—крикнулъ онъ на трехъ пѣхотныхъ солдатъ, которые безъ ружей, подобравъ полы шинелей, проскользнули мимо него въ ряды.—Стой, канальи!

— Да, вотъ извольте ихъ собрать,—отвѣчалъ другой офицеръ. — Ихъ не соберешь; надо идти скорѣе, чтобъ послѣдніе не ушли, вотъ и все!

— Какъ же идти: тамъ стали, сперлися на мосту и не двигаются. Или цѣпь поставить, чтобы послѣдніе не разбѣжались?

— Да подите же туда! Гони жъ ихъ вонъ!—крикнулъ старшій офицеръ.

Офицеръ въ шарфѣ слѣзъ съ лошади, крикнулъ барабанщика и вошелъ съ нимъ вмѣстѣ подъ арки. Нѣсколько солдатъ бросилось бѣжать толпой. Купецъ съ красными прыщами по щекамъ около носа, съ спокойно-непоколебимымъ выраженіемъ расчета на сытомъ лицѣ, поспѣшно и щеголевато, размахивая руками, подошелъ къ офицеру.

— Ваше благородіе,—сказалъ онъ,—сдѣлайте милость, защитите. Намъ не расчетъ пустякъ какой ни на есть; мы съ нашимъ удовольствіемъ; пожалуйте, сукна сейчасъ вынесу, для благороднаго человѣка хоть два куска; съ нашимъ удовольствіемъ, потому мы чувствуемъ; а это что жъ? Одинъ разбой! Пожалуйте! Караулъ что ли бы приставили, хоть запереть дали бы.

Нѣсколько купцовъ столпилось около офицера.

— Э! попусту брехать-то,—сказалъ одинъ изъ нихъ, худощавый, съ строгимъ лицомъ.—Снявши голову, по волосамъ не плачутъ. Бери, что кому любо! — И онъ энергическимъ жестомъ махнулъ рукой и бокомъ повернулся къ офицеру.

— Тебѣ, Иванъ Сидорычъ, хорошо говорить, — сердито заговорилъ первый купецъ.—Вы пожалуйте, ваше благородіе.

— Что говорить!—крикнулъ худощавый,—у меня тутъ въ трехъ лавкахъ на 100 тысячъ товару. Развѣ убережешь, когда войско ушло. Эхъ, народъ! Божью власть не руками скласть.

— Пожалуйте, ваше благородіе,—говорилъ первый купецъ, кланяясь.

Офицеръ стоялъ въ недоумѣніи, и на лицѣ его видна была нерѣшительность.

— Да мнѣ что за дѣло!—крикнулъ онъ вдругъ и пошелъ быстрыми шагами впередъ по ряду.

Въ одной отпертой лавкѣ слышались удары и ругательства, и въ то время, какъ офицеръ подходилъ къ ней, изъ двери выскочилъ вытолкнутый человѣкъ въ сѣромъ армякѣ и съ бритой головой.

Человѣкъ этотъ, согнувшись, проскочилъ мимо купцовъ и офицера. Офицеръ напустился на солдатъ, бывшихъ въ лавкѣ. Но въ это время страшные крики огромной толпы послышались на Москворѣцкомъ мосту, и офицеръ выбѣжалъ па площадь.

— Что такое? Что такое?—спрашивалъ онъ, но товарищъ его уже скакалъ по направленію къ крикамъ, мимо Василія Блаженнаго.

Офицеръ сѣлъ верхомъ и поѣхалъ за нимъ. Когда онъ подъѣхалъ къ мосту, онъ увидалъ снятыя съ передковъ двѣ пушки, пѣхоту, идущую по мосту, нѣсколько поваленныхъ телѣгъ, нѣсколько испуганныхъ лицъ и смѣющіяся лица солдатъ. Подлѣ пушекъ стояла одна повозка, запряженная парой. За повозкой сзади колесъ жались четыре борзыя собаки въ ошейникахъ. На повозкѣ была гора вещей, и на самомъ верху, рядомъ съ дѣтскимъ, кверху ножками перевернутымъ, стульчикомъ, сидѣла баба, пронзительно и отчаянно визжавшая. Товарищи разсказывали офицеру, что крикъ толпы и визги бабы произошли отъ того, что наѣхавшій на эту толпу генералъ Ермоловъ, узнавъ, что солдаты разбредаются по лавкамъ, а толпы жителей запружаютъ мостъ, приказалъ снять орудія съ передковъ и сдѣлать примѣръ, что онъ будетъ стрѣлять по мосту. Толпа, валя повозки, давя другъ друга, отчаянно крича и тѣснясь, расчистила мостъ, и войска двинулись впередъ.

XXII.

Въ самомъ городѣ между тѣмъ было пусто. По улицамъ никого почти не было. Ворота и лавки всѣ были заперты; коегдѣ около кабаковъ слышались одинокіе крики или пьяное пѣніе. Никто не ѣздилъ по улицамъ, и рѣдко слышались шаги

пѣшеходовъ. На Поварской было совершенно тихо и пустынно. На огромномъ дворѣ дома Ростовыхъ валялись объѣдки сѣна, кало съѣхавшаго обоза и не было видно ни одного человѣка. Въ оставшемся со всѣмъ своимъ добромъ домѣ Ростовыхъ два человѣка были въ большой гостиной. Это были дворникъ Игнатъ и казачокъ Мишка, внукъ Васильича, оставшійся въ Москвѣ съ дѣдомъ. Мишка, открывъ клавикорды, игралъ на нихъ однимъ пальцемъ. Дворникъ, подбоченившись и радостно улыбаясь, стоялъ передъ большимъ зеркаломъ.

— Вотъ ловко-то! А? Дядюшка Игнатъ!—говорилъ мальчикъ, вдругъ начиная хлопать обѣими руками по клавишамъ.

— Ишь ты!—отвѣчалъ Игнатъ, дивуясь на то, какъ все болѣе и болѣе улыбалось его лицо въ зеркалѣ.

— Безсовѣстные! Право, безсовѣстные! — заговорилъ сзади ихъ голосъ тихо вошедшей Мавры Кузьминичны.—Эка толсторожій зубы-то скалитъ. На это васъ взять! Тамъ все не прибрано, Васильичъ съ ногъ сбился. Дай срокъ.

Игнатъ, поправляя поясокъ, переставъ улыбаться и покорно опустивъ глаза, пошелъ вонъ изъ комнаты.

— Тетенька, я полегоньку,—сказалъ мальчикъ.

— Я те дамъ полегоньку. Пострѣленокъ!—крикнула Мавра Кузьминична, замахиваясь на него рукой.—Иди, дѣду самоваръ ставь.

Мавра Кузьминична, смахнувъ пыль, закрыла клавикорды и, тяжело вздохнувъ, вышла изъ гостиной и заперла входную дверь.

Выйдя на дворъ, Мавра Кузьминична задумалась о томъ, куда ей идти теперь; пить ли чай къ Васильичу во флигель или въ кладовую прибрать то, что еще не было прибрано.

Въ тихой улицѣ послышались быстрые шаги. Шаги остановились у калитки; щеколда стала стучать подъ рукой, старавшейся отпереть ее.

Мавра Кузьминична подошла къ калиткѣ.

— Кого надо?

— Графа, графа Илью Андреича Ростова.

— Да вы кто?

— Я офицеръ. Мнѣ бы видѣть нужно,—сказалъ русскій пріятный и барскій голосъ.

Мавра Кузьминична отперла калитку. И на дворъ вошелъ лѣтъ 18-ти круглолицый офицеръ, типомъ лица похожій на Ростовыхъ.

— Уѣхали, батюшка. Вчерашняго числа въ вечерни изволили уѣхать,—ласково сказала Мавра Кузьминична.

Молодой человѣкъ, стоя въ калиткѣ, какъ бы въ нерѣшительности войти или не войти ему, пощелкалъ языкомъ.

— Ахъ, какая досада!—проговорилъ онъ.—Мнѣ бы вчера... Ахъ, какъ жалко...

Мавра Кузьминична между тѣмъ внимательно и сочувственно разглядывала знакомыя ей черты Ростовской породы въ лицѣ молодого человѣка и изорванную шинель и стоптанные сапоги, которые были на немъ.

— Вамъ зачѣмъ же графа надо было? — спросила она.

— Да ужъ... что дѣлать!—съ досадой проговорилъ офицеръ и взялся за калтику, какъ бы намѣреваясь уйти.

Онъ опять остановился въ нерѣшительности.

— Видите ли? — вдругъ сказалъ онъ. — Я родственникъ графу, и онъ всегда очень добръ былъ ко мнѣ. Такъ вотъ, видите ли (онъ съ доброй и веселой улыбкой посмотрѣлъ на свой плащъ и сапоги), обносился, и денегъ ничего нѣтъ; такъ я хотѣлъ попросить графа...

Мавра Кузьминична не дала договорить ему.

— Вы минуточку бы повременили, батюшка. Однаю минуточку, — сказала она.

И какъ только офицеръ опустилъ руку отъ калитки, Мавра Кузьминична повернулась и быстрымъ старушечьимъ шагомъ пошла на задній дворъ къ своему флигелю.

Въ то время, какъ Мавра Кузьминична бѣгала къ себѣ, офицеръ, опустивъ голову и глядя на свои прорванные сапоги, слегка улыбаясь, прохаживался по двору. «Какъ жалко, что я не засталъ дядюшку. А славная старушка! Куда она побѣжала? И какъ бы мнѣ узнать, какими улицами мнѣ ближе догнать полкъ, который теперь долженъ подходить къ Рогожской?» думалъ въ это время молодой офицеръ. Мавра Кузьминична, съ испуганнымъ и вмѣстѣ рѣшительнымъ лицомъ, неся въ рукахъ свернутый клѣтчатый платочекъ, вышла изъ-за угла. Не доходя нѣсколько шаговъ, она, развернувъ платокъ, вынула изъ него бѣлую 25-рублевую ассигнацію и поспѣшно отдала ее офицеру.

— Были бы ихъ сіятельство дома, извѣстно бы, они бы точно по-родственному, а вотъ можетъ... теперече...

Мавра Кузьминична заробѣла и смѣшалась. Но офицеръ, не отказываясь и не торопясь, взялъ бумажку и поблагодарилъ Мавру Кузьминичну.

— Какъ бы графъ дома былъ, —извиняясь все говорила Мавра Кузьминична.—Христосъ съ вами, батюшка. Спаси васъ Богъ,—говорила Мавра Кузьминична, кланяясь и провожая его.

Офицеръ, какъ бы смѣясь надъ собой, улыбаясь и покачивая головой, почти рысью побѣжалъ по пустымъ улицамъ догонять свой полкъ къ Яузскому мосту.

А Мавра Кузьминична еще долго съ мокрыми глазами стояла передъ затворенной калиткой, задумчиво покачивая головой и чувствуя неожиданный приливъ материнской нѣжности и жалости къ неизвѣстному ей офицерику.

XXIII.

Въ недостроенномъ домѣ на Варваркѣ, внизу котораго былъ питейный домъ, слышались пьяные крики и пѣсни. На лавкахъ у столовъ въ небольшой, грязной комнатѣ сидѣло человѣкъ десять фабричныхъ. Всѣ они, пьяные, потные, съ мутными глазами, напруживаясь и широко разѣвая рты, пѣли какую-то пѣсню. Они пѣли врозь, съ трудомъ, съ усиліемъ, очевидно, не для того, что имъ хотѣлось пѣть, но для того только, чтобы доказать, что они пьяны и гуляютъ. Одинъ изъ нихъ, высокій бѣлокурый малый въ чистой синей чуйкѣ, стоялъ надъ ними. Лицо его съ тонкимъ прямымъ носомъ было бы красиво, ежели бы не тонкія, поджатыя, безпрестанно двигающіяся губы и мутные и нахмуренные, неподвижные глаза. Онъ стоялъ надъ тѣми, которые пѣли, и, видимо воображая себѣ что-то, торжественно и угловато размахивалъ надъ ихъ головами засученной по локоть бѣлой рукой, грязные пальцы которой онъ неестественно старался растопыривать. Рукавъ его чуйки безпрестанно спускался, и малый старательно лѣвой рукой опять засучивалъ его, какъ будто что-то особенно было важное въ томъ, чтобы эта бѣлая, жилистая, махавшая рука была непремѣнно голая. Въ серединѣ пѣсни, въ сѣняхъ на крыльцѣ, послышались крики драки и удары. Высокій малый махнулъ рукой.

— Шабашъ! — крикнулъ онъ повелительно. — Драка, ребята! — и онъ, не переставая засучивать рукавъ, вышелъ на крыльцо.

Фабричные пошли за нимъ. Фабричные, пившіе въ кабакѣ въ это утро подъ предводительствомъ высокаго малаго, принесли цѣловальнику кожи съ фабрики, и за это имъ было дано вино. Кузнецы изъ сосѣднихъ кузенъ, услыхавъ гульбу въ кабакѣ и полагая, что кабакъ разбитъ, силой хотѣли ворваться въ него. На крыльцѣ завязалась драка.

Цѣловальникъ въ дверяхъ дрался съ кузнецомъ, и въ то время, какъ выходили фабричные, кузнецъ оторвался отъ цѣловальника и упалъ лицомъ на мостовую.

Другой кузнецъ рвался въ дверь, грудью наваливаясь на цѣловальника.

Малый съ засученнымъ рукавомъ на ходу еще ударилъ въ лицо рвавшагося въ дверь кузнеца и дико закричалъ:

— Ребята! нашихъ бьютъ!

Въ это время первый кузнецъ поднялся съ земли и, расцарапывая кровь на разбитомъ лицѣ, закричалъ плачущимъ голосомъ:

— Караулъ! Убили!.. Человѣка убили! Братцы!..

— Ой, батюшки, убили, до смерти убили человѣка! — завизжала баба, вышедшая изъ сосѣднихъ воротъ.

Толпа народа собралась около окровавленнаго кузнеца.

— Мало ты народъ-то грабилъ, рубахи снималъ,—сказалъ чей-то голосъ, обращаясь къ цѣловальнику,—что жъ ты человѣка убилъ? Разбойникъ!

Высокій малый, стоя на крыльцѣ, мутными глазами водилъ то на цѣловальника, то на кузнецовъ, какъ бы соображая, съ кѣмъ теперь слѣдуетъ драться.

— Душегубъ! — вдругъ крикнулъ онъ на цѣловальника. — Вяжи его, ребята!

— Какъ же, связалъ одного такого-то! — крикнулъ цѣловальникъ, отмахнувшись отъ набросившихся на него людей, и, сорвавъ съ себя шапку, онъ бросилъ ее на землю. Какъ будто дѣйствіе это имѣло какое-то таинственное угрожающее значеніе: фабричные, обступившіе цѣловальника, остановились въ нерѣшительности.

— Порядокъ-то я, братъ, знаю очень прекрасно. Я до частнаго пойду. Ты думаешь, не дойду? Разбойничать-то нонче никому не велятъ!—прокричалъ цѣловальникъ, поднимая шапку.

— И пойдемъ, ишь ты! И пойдемъ... ишь ты, — повторяли другъ за другомъ цѣловальникъ и высокій малый, и оба вмѣстѣ двинулись впередъ по улицѣ.

Окровавленный кузнецъ шелъ рядомъ съ ними. Фабричные и посторонній народъ съ говоромъ и крикомъ шли за ними.

У угла Маросейки, противъ большого съ запертыми ставнями дома, на которомъ была вывѣска сапожнаго мастера, стояли съ унылыми лицами человѣкъ двадцать сапожниковъ, худыхъ, истомленныхъ людей въ халатахъ и оборванныхъ чуйкахъ.

— Онъ народъ разочти, какъ слѣдуетъ! — говорилъ худой мастеровой съ жидкой бородкой и нахмуренными бровями.—А что жъ онъ нашу кровь сосалъ, да и квитъ. Онъ насъ водилъ, водилъ — всю недѣлю. А теперь довелъ до послѣдняго конца, а самъ уѣхалъ.

Увидавъ народъ и окровавленнаго человѣка, говорившій мастеровой замолчалъ, и всѣ сапожники съ поспѣшнымъ любопытствомъ присоединились къ двигавшейся толпѣ.

— Куда идетъ народъ-то?

— Извѣстно куда, къ начальству идетъ.

— Что жъ, али взаправду наша не взяла сила?

— А ты думалъ какъ! Гляди-ко, что народъ говоритъ.

Слышались вопросы и отвѣты. Цѣловальникъ, воспользовавшись увеличеніемъ толпы, отсталъ отъ народа и вернулся къ своему кабаку.

Высокій малый, не замѣчая исчезновенія своего врага-цѣловальника, размахивая оголенной рукой, не переставалъ говорить, обращая тѣмъ на себя общее вниманіе. На него-то преимущественно жался народъ, предполагая отъ него получить разрѣшеніе занимавшихъ всѣхъ вопросовъ.

— Онъ покажи порядокъ, законъ покажи, на то начальство поставлено! Такъ ли я говорю, православные? — говорилъ высокій малый, чуть замѣтно улыбаясь. — Онъ думаетъ, и начальства нѣтъ? Развѣ безъ начальства можно? А то грабить-то мало ли ихъ.

— Что пустое говорить!—отзывались въ толпѣ. — Какъ же, такъ и бросятъ Москву-то? Тебѣ на смѣхъ сказали, а ты и повѣрилъ. Мало ли войсковъ нашихъ идетъ. Такъ его и пустили! На то начальство. Вонъ послушай, что народъ-то баетъ,— говорили, указывая на высокаго малаго.

У стѣны Китай-города другая, небольшая кучка людей окружала человѣка во фризовой шинели, держащаго въ рукахъ бумагу.

— Указъ, указъ читаютъ! Указъ читаютъ! — послышалось въ толпѣ, и народъ хлынулъ къ чтецу.

Человѣкъ во фризовой шинели читалъ афишку отъ 31 августа. Когда толпа окружила его, онъ какъ бы смутился, но на требованіе высокаго малаго, протѣснившагося до него, онъ съ легкимъ дрожаніемъ въ голосѣ началъ читать афишку съ начала.

«Я завтра рано ѣду къ свѣтлѣйшему князю», читалъ онъ (свѣтлѣющему!—торжественно, улыбаясь ртомъ и хмуря брови, повторилъ высокій малый), «чтобы съ нимъ переговорить, дѣйствовать и помогать войскамъ истреблять злодѣевъ; станемъ и мы изъ нихъ духъ...» продолжалъ чтецъ и остановился. (Видалъ? — побѣдоносно прокричалъ малый. — Онъ тебѣ всю дистанцію развяжетъ...) «искоренять и этихъ гостей къ чорту от-

правлять; я пріѣду назадъ къ обѣду и примемся за дѣло; сдѣлаемъ, додѣлаемъ и злодѣевъ отдѣлаемъ».

Послѣднія слова были прочтены чтецомъ въ совершенномъ молчаніи. Высокій малый грустно опустилъ голову. Очевидно было, что никто не понялъ этихъ послѣднихъ словъ. Въ особенности слова: «я пріѣду завтра къ обѣду», видимо даже огорчили и чтеца и слушателей. Пониманіе народа было настроено на высокій ладъ, а это было слишкомъ просто и ненужно-понятно; это было то самое, чтó каждый изъ нихъ могъ бы сказать и что поэтому не могъ говорить указъ, исходящій отъ высшей власти.

Всѣ стояли въ уныломъ молчаніи. Высокій малый водилъ губами и пошатывался.

— У него спросить бы?.. Это самъ и есть!.. Какъ же, упросилъ!.. А то что жъ... Онъ укажетъ...—вдругъ послышалось въ заднихъ рядахъ толпы, и общее вниманіе обратилось на выѣзжавшія на площадь дрожки полицмейстера, сопутствуемаго двумя конными драгунами.

Полицмейстеръ, ѣздившій въ это утро по приказанію графа сжигать бараки и по случаю этого порученія выручившій большую сумму денегъ, находившуюся у него въ эту минуту въ карманѣ, увидавъ двинувшуюся къ нему толпу людей, приказалъ кучеру остановиться

— Что за народъ?—крикнулъ онъ на людей, разрозненно и робко приближавшихся къ дрожкамъ.

— Что за народъ? Я васъ спрашиваю,—повторилъ полицмейстеръ, не получавшій отвѣта.

— Они, ваше благородіе...—сказалъ приказный во фризовой шинели.—Они, ваше благородіе, по объявленію сіятельнѣйшаго графа, не щадя живота, желали послужить, а не то, чтобы бунтъ какой, какъ сказано отъ сіятельнѣйшаго графа...

— Графъ не уѣхалъ, онъ здѣсь, и о васъ распоряженіе будетъ,—сказалъ полицмейстеръ.—Пошелъ! — сказалъ онъ кучеру.

Толпа остановилась, скучиваясь около тѣхъ, которые слышали то, что сказало начальство, и глядя на отъѣзжающія дрожки.

Полицмейстеръ въ это время испуганно оглянулся, что-то сказалъ кучеру, и лошади его поѣхали быстрѣе.

— Обманъ, ребята! Веди къ самому!—крикнулъ голосъ высокаго малаго.—Не пущай, ребята! Пущай отчетъ подастъ! Держи!—закричали голоса, и народъ бѣгомъ бросился за дрожками.

Толпа за полицмейстеромъ съ шумнымъ говоромъ направилась на Лубянку.

— Что жъ, господа и купцы повыѣхали, а мы за то и пропадемъ. Что жъ мы собаки, что ль! — слышалось чаще въ толпѣ.

XXIV.

Вечеромъ 1-го сентября, послѣ своего свиданія съ Кутузовымъ, графъ Растопчинъ, огорченный и оскорбленный тѣмъ, что его не пригласили на военный совѣтъ, что Кутузовъ не обращалъ никакого вниманія на его предложеніе принять участіе въ защитѣ столицы, и удивленный новымъ открывшимся ему въ лагерѣ взглядомъ, при которомъ вопросъ о спокойствіи столицы и о патріотическомъ ея настроеніи оказывался не только второстепеннымъ, но совершенно ненужнымъ и ничтожнымъ, — огорченный, оскорбленный и удивленный всѣмъ этимъ, графъ Растопчинъ вернулся въ Москву. Поужинавъ, графъ, не раздѣваясь, прилегъ на канапе и въ 1-мъ часу былъ разбуженъ курьеромъ, который привезъ ему письмо отъ Кутузова. Въ письмѣ говорилось, что такъ какъ войска отступаютъ на Рязанскую дорогу за Москву, то не угодно ли графу выслать полицейскихъ чиновниковъ для проведенія войскъ черезъ городъ. Извѣстіе это не было новостью для Растопчина. Не только со вчерашняго свиданія съ Кутузовымъ на Поклонной горѣ, но и съ самаго Бородинскаго сраженія, когда всѣ пріѣзжавшіе въ Москву генералы въ одинъ голосъ говорили, что нельзя дать сраженія, и когда съ разрѣшенія графа каждую ночь уже вывозили казенное имущество и жители до половины повыѣхали, графъ Растопчинъ зналъ, что Москва будетъ оставлена; но тѣмъ не менѣе извѣстіе это, сообщенное въ формѣ простой записки съ приказаніемъ отъ Кутузова и полученное ночью, во время перваго сна, удивило и раздражило графа.

Впослѣдствіи, объясняя свою дѣятельность за это время, графъ Растопчинъ въ своихъ запискахъ нѣсколько разъ писалъ, что у него тогда были двѣ важныя цѣли: de maintenir la tranquillité à Moscou et d'en faire partir les habitants [1]). Если допустить эту двоякую цѣль, всякое дѣйствіе Растопчина оказывается безукоризненнымъ. Для чего не вывезены московская святыня, оружіе, патроны, порохъ, запасы хлѣба; для чего тысячи жителей обмануты тѣмъ, что Москву не сдадутъ, и разо-

---

1) Соблюсти спокойствіе въ Москвѣ и выпроводить изъ нея жителей.

рены?—Для того, чтобы соблюсти спокойствіе въ столицѣ, отвѣчаетъ объясненіе графа Растопчина. Для чего вывозились кипы ненужныхъ бумагъ изъ присутственныхъ мѣстъ и шаръ Леппиха и другіе предметы?—Для того, чтобы оставить городъ пустымъ, отвѣчаетъ объясненіе графа Растопчина. Стоитъ только допустить, что что-нибудь угрожало народному спокойствію, и всякое дѣйствіе становится оправданнымъ.

Всѣ ужасы террора основывались только на заботѣ о народномъ спокойствіи.

На чемъ же основывался страхъ графа Растопчина о народномъ спокойствіи въ Москвѣ въ 1812 году? Какая причина была предполагать въ городѣ склонность къ возмущенію? Жители уѣзжали; войска, отступая, наполняли Москву. Почему долженъ былъ вслѣдствіе этого бунтовать народъ?

Не только въ Москвѣ, но по всей Россіи при вступленіи непріятеля не произошло ничего похожаго на возмущеніе. 1-го и 2-го сентября болѣе 10 тысячъ людей оставалось въ Москвѣ, и, кромѣ толпы, собравшейся на дворѣ главнокомандующаго и привлеченной имъ самимъ, ничего не было. Очевидно, что еще менѣе надо было ожидать волненія въ народѣ, ежели бы, послѣ Бородинскаго сраженія, когда оставленіе Москвы стало очевидно или, по крайней мѣрѣ, вѣроятно, ежели бы тогда, вмѣсто того, чтобы волновать народъ раздачей оружія и афишами, Растопчинъ принялъ мѣры къ вывозу всей святыни, пороху, зарядовъ и денегъ и прямо объявилъ бы народу, что городъ оставляется.

Растопчинъ, пылкій, сангвиническій человѣкъ, всегда вращавшійся въ высшихъ кругахъ администраціи, хотя и съ патріотическимъ чувствомъ, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ народѣ, которымъ онъ думалъ управлять. Съ самаго начала вступленія непріятеля въ Смоленскъ Растопчинъ въ воображеніи своемъ составилъ для себя роль руководителя народнаго чувства «сердца Россіи». Ему не только казалось (какъ это кажется каждому администратору), что онъ управлялъ внѣшними дѣйствіями жителей Москвы, но ему казалось, что онъ руководилъ ихъ настроеніемъ посредствомъ своихъ воззваній и афишъ, писанныхъ тѣмъ ёрническимъ языкомъ, который въ своей средѣ презираетъ народъ и который онъ не понимаетъ, когда слышитъ его сверху. Красивая роль руководителя народнаго чувства такъ понравилась Растопчину, онъ такъ сжился съ нею, что необходимость выйти изъ этой роли, необходимость оставленія Москвы безъ всякаго героическаго эффекта застала его врасплохъ, и онъ вдругъ потерялъ изъ-подъ ногъ почву,

на которой стоялъ, и рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать. Онъ хотя и зналъ, но не вѣрилъ всею душою до послѣдней минуты въ оставленіе Москвы и ничего не дѣлалъ съ этой цѣлью. Жители выѣзжали противъ его желанія. Ежели вывозили присутственныя мѣста, то только по требованію чиновниковъ, съ которыми неохотно соглашался графъ. Самъ же онъ былъ занятъ только тою ролью, которую онъ для себя сдѣлалъ. Какъ это часто бываетъ съ людьми, одаренными пылкимъ воображеніемъ, онъ зналъ уже давно, что Москву оставятъ, но зналъ только по разсужденію, но всей душой не вѣрилъ въ это, не перенесся воображеніемъ въ это новое положеніе.

Вся дѣятельность его, старательная и энергическая (насколько она была полезна и отражалась на народъ, это другой вопросъ), вся дѣятельность его была направлена только на то, чтобы возбудить въ жителяхъ то чувство, которое онъ самъ испытывалъ — патріотическую ненависть къ французамъ и увѣренность въ себѣ.

Но когда событіе принимало свои настоящіе, историческіе размѣры; когда оказалось недостаточнымъ только словами выражать свою ненависть къ французамъ; когда нельзя было даже сраженіемъ выразить эту ненависть; когда увѣренность въ себѣ оказалась безполезной по отношенію къ одному вопросу Москвы; когда все населеніе, какъ одинъ человѣкъ, бросая свои имущества, потекло вонъ изъ Москвы, показывая этимъ отрицательнымъ дѣйствіемъ всю силу своего народнаго чувства, — тогда роль, выбранная Растопчинымъ, оказалась вдругъ безсмысленной. Онъ почувствовалъ себя вдругъ одинокимъ, слабымъ и смѣшнымъ, безъ почвы подъ ногами.

Получивъ, пробужденный отъ сна, холодную и повелительную записку отъ Кутузова, Растопчинъ почувствовалъ себя тѣмъ болѣе раздраженнымъ, чѣмъ болѣе онъ чувствовалъ себя виновнымъ. Въ Москвѣ оставалось все то, что именно было поручено ему, все то казенное, что ему должно было вывезти. Вывезти все не было возможности.

«Кто же виноватъ въ этомъ, кто допустилъ до этого?» думалъ онъ. «Разумѣется, не я. У меня все было готово, я держалъ Москву вотъ какъ! И вотъ до чего они довели дѣло! Мерзавцы, измѣнники!» думалъ онъ, не опредѣляя хорошенько того, кто были эти мерзавцы и измѣнники, но чувствуя необходимость ненавидѣть этихъ кого-то измѣнниковъ, которые были виноваты въ томъ фальшивомъ и смѣшномъ положеніи, въ которомъ онъ находился.

Всю эту ночь графъ Растопчинъ отдавалъ приказанія, за которыми со всѣхъ сторонъ Москвы пріѣзжали къ нему. Приближенные никогда не видали графа столь мрачнымъ и раздраженнымъ.

«Ваше сіятельство, изъ вотчиннаго департамента пришли, отъ директора за приказаніями... Изъ консисторіи, изъ сената, изъ университета, изъ воспитательнаго дома; викарный прислалъ... спрашиваетъ... О пожарной командѣ какъ прикажете? Изъ острога смотритель... изъ желтаго дома смотритель...» всю ночь, не переставая, докладывали графу.

На всѣ эти вопросы графъ давалъ короткіе и сердитые отвѣты, показывавшіе, что приказанія его теперь не нужны, что все старательно подготовленное имъ дѣло теперь испорчено кѣмъ-то и что этотъ кто-то будетъ нести всю отвѣтственность за все то, что произойдетъ теперь.

— Ну, скажи ты этому болвану,—отвѣчалъ онъ на запросъ отъ вотчиннаго департамента,—чтобы онъ оставался караулить свои бумаги. Ну, что ты спрашиваешь вздоръ о пожарной командѣ? Есть лошади, пускай ѣдутъ во Владиміръ. Не французамъ оставлять.

— Ваше сіятельство, пріѣхалъ надзиратель изъ сумасшедшаго дома, какъ прикажете?

— Какъ прикажу? Пускай ѣдутъ всѣ, вотъ и все... А сумасшедшихъ выпустить въ городъ. Когда у насъ сумасшедшіе арміями командуютъ, такъ этимъ и Богъ велѣлъ.

На вопросъ о колодникахъ, которые сидѣли въ ямѣ, графъ сердито крикнулъ на смотрителя:

— Что жъ, тебѣ два батальона конвоя дать, котораго нѣтъ. Пустить ихъ, и все!

— Ваше сіятельство, есть политическіе: Мѣшковъ, Верещагинъ.

— Верещагинъ! Онъ еще не повѣшенъ? — крикнулъ Растопчинъ. — Привести его ко мнѣ.

XXV.

Къ 9-ти часамъ утра, когда войска уже двинулись черезъ Москву, никто больше не приходилъ спрашивать распоряженій графа. Всѣ, кто могъ ѣхать, ѣхали сами собой; тѣ, кто оставались, рѣшали сами съ собой, что имъ надо было дѣлать.

Графъ велѣлъ подавать лошадей, чтобы ѣхать въ Сокольники, и, нахмуренный, желтый и молчаливый, сложивъ руки, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ.

Каждому администратору въ спокойное, небурное время кажется, что только его усиліями движется все ему подвѣдомственное народонаселеніе, и въ этомъ сознаніи своей необходимости каждый администраторъ чувствуетъ главную награду за свои труды и усилія. Понятно, что до тѣхъ поръ, пока историческое море спокойно, правителю-администратору, съ своей утлой лодочкой упирающемуся шестомъ въ корабль народа и самому двигающемуся, должно казаться, что его усиліями двигается корабль, въ который онъ упирается. Но стóитъ подняться бурѣ, взволноваться морю и двинуться самому кораблю, и тогда ужъ заблужденіе невозможно. Корабль идетъ своимъ громаднымъ, независимымъ ходомъ, шестъ не достаетъ до двинувшагося корабля, и правитель вдругъ изъ положенія властителя, источника силы, переходитъ въ ничтожнаго, безполезнаго и слабаго человѣка.

Растопчинъ чувствовалъ это, и это-то раздражало его.

Полицмейстеръ, котораго остановила толпа, вмѣстѣ съ адъютантомъ, который пришелъ доложить, что лошади готовы, вошли къ графу. Оба они были блѣдны, и полицмейстеръ, передавъ объ исполненіи своего порученія, сообщилъ, что на дворѣ графа стояла огромная толпа народа, желавшаго его видѣть.

Растопчинъ, ни слова не отвѣчая, всталъ и быстрыми шагами направился въ свою роскошную, свѣтлую гостиную, подошелъ къ двери балкона, взялся за ручку, оставилъ ее и перешелъ къ окну, изъ котораго виднѣе была вся толпа. Высокій малый стоялъ въ переднихъ рядахъ и съ строгимъ лицомъ, размахивая рукой, говорилъ что-то. Окровавленный кузнецъ съ мрачнымъ видомъ стоялъ подлѣ него. Сквозь закрытыя окна слышенъ былъ гулъ голосовъ.

— Готовъ экипажъ?—сказалъ Растопчинъ, отходя отъ окна.

— Готовъ, ваше сіятельство,—сказалъ адъютантъ.

Растопчинъ опять подошелъ къ двери балкона.

— Да чего они хотятъ?—спросилъ онъ у полицмейстера.

— Ваше сіятельство, они говорятъ, что собрались идти на французовъ по вашему приказанію, про измѣну что-то кричали. Но буйная толпа, ваше сіятельство. Я насилу уѣхалъ. Ваше сіятельство, осмѣлюсь предложить...

— Извольте идти, я безъ васъ знаю, что дѣлать,—сердито крикнулъ Растопчинъ.

Онъ стоялъ у двери балкона, глядя на толпу. «Вотъ что они сдѣлали съ Россіей! Вотъ что они сдѣлали со мной!» думалъ Растопчинъ, чувствуя поднимающійся въ своей душѣ неудержимый гнѣвъ противъ кого-то того, кому можно было при-

писать причину всего случившагося. Какъ это часто бываетъ съ горячими людьми, гнѣвъ уже владѣлъ имъ, но онъ искалъ еще для него предмета. «La voilà la populace, la lie du peuple», думалъ онъ, глядя на толпу: «la plèbe qu'ils ont soulevée par leur sottise. Il leur faut une victime» [1], пришло ему въ голову, глядя на размахивающаго рукой высокаго малаго. И по тому самому это пришло ему въ голову, что ему самому нужна была эта жертва, этотъ предметъ для своего гнѣва.

— Готовъ экипажъ? — въ другой разъ спросилъ онъ.

— Готовъ, ваше сіятельство. Что прикажете насчетъ Верещагина? Онъ ждетъ у крыльца, — отвѣчалъ адъютантъ.

— А! — вскрикнулъ Растопчинъ, какъ пораженный какимъ-то неожиданнымъ воспоминаніемъ.

И, быстро отворивъ дверь, онъ вышелъ рѣшительными шагами на балконъ. Говоръ вдругъ умолкъ, шапки и картузы снялись, и всѣ глаза поднялись къ вышедшему графу.

— Здравствуйте, ребята! — сказалъ графъ быстро и громко. — Спасибо, что пришли. Я сейчасъ выйду къ вамъ, но прежде всего намъ надо управиться съ злодѣемъ. Намъ надо наказать злодѣя, отъ котораго погибла Москва. Подождите меня!

И графъ такъ же быстро вернулся въ покои, крѣпко хлопнувъ дверью.

По толпѣ пробѣжалъ одобрительный ропотъ удовольствія. «Онъ, значитъ, злодѣевъ управитъ усѣхъ! А ты говоришь — французъ... онъ тебѣ всѣ порядки укажетъ!» говорили люди, какъ будто упрекая другъ друга въ своемъ маловѣріи.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ парадныхъ дверей поспѣшно вышелъ офицеръ, приказалъ что-то, и драгуны вытянулись. Толпа отъ балкона жадно подвинулась къ крыльцу. Выйдя гнѣвно-быстрыми шагами на крыльцо, Растопчинъ поспѣшно оглянулся вокругъ себя, какъ бы отыскивая кого-то.

— Гдѣ онъ? — сказалъ графъ.

И въ ту же минуту, какъ онъ сказалъ это, онъ увидалъ изъ-за угла дома выходившаго между двухъ драгунъ молодого человѣка съ длинной, тонкой шеей, съ до половины выбритой и заросшей головой. Молодой человѣкъ этотъ былъ одѣтъ въ когда-то щегольской, крытый синимъ сукномъ, потертый лисій тулупчикъ и въ грязныя посконныя арестантскія шаровары, засунутыя въ нечищенные, стоптанные тонкіе сапоги. На тонкихъ,

---

[1]) Вотъ она народная толпа, эти подонки населенія, чернь, которую они подняли своею глупостью! Имъ нужна жертва.

слабыхъ ногахъ тяжело висѣли кандалы, затруднявшіе нерѣшительную походку молодого человѣка.

— А! — сказалъ Растопчинъ, поспѣшно отворачивая свой взглядъ отъ молодого человѣка въ лисьемъ тулупчикѣ и указывая на нижнюю ступеньку крыльца: — Поставьте его сюда!

Молодой человѣкъ, бренча кандалами, тяжело переступилъ на указываемую ступеньку, придержавъ пальцемъ нажимавшій воротникъ тулупчика, повернулъ два раза длинной шеей и, вздохнувъ, покорнымъ жестомъ сложилъ передъ животомъ тонкія, нерабочія руки.

Нѣсколько секундъ, пока молодой человѣкъ устанавливался на ступенькѣ, продолжалось молчаніе. Только въ заднихъ рядахъ сдавливающихся къ одному мѣсту людей слышались кряхтѣнье, стоны, толчки и топотъ переставляемыхъ ногъ.

Растопчинъ, ожидая того, чтобы онъ остановился на указанномъ мѣстѣ, хмурясь, потиралъ рукою лицо.

— Ребята! — сказалъ Растопчинъ металлически-звонкимъ голосомъ,—этотъ человѣкъ, Верещагинъ—тотъ самый мерзавецъ, отъ котораго погибла Москва.

Молодой человѣкъ въ лисьемъ тулупчикѣ стоялъ въ покорной позѣ, сложивъ кисти рукъ вмѣстѣ передъ животомъ и немного согнувшись. Исхудалое съ безнадежнымъ выраженіемъ, изуродованное бритою головою молодое лицо его было опущено внизъ. При первыхъ словахъ графа онъ медленно поднялъ голову и поглядѣлъ снизу на графа, какъ бы желая что-то сказать ему или хоть встрѣтить его взглядъ. Но Растопчинъ не смотрѣлъ на него. На длинной, тонкой шеѣ молодого человѣка, какъ веревка, напружилась и посинѣла жила за ухомъ, и вдругъ покраснѣло лицо.

Всѣ глаза были устремлены на него. Онъ посмотрѣлъ на толпу, и, какъ бы обнадеженный тѣмъ выраженіемъ, которое онъ прочелъ на лицахъ людей, онъ печально и робко улыбнулся и, опять опустивъ голову, поправился ногами на ступенькѣ.

— Онъ измѣнилъ своему царю и отечеству, онъ передался Бонапарту, онъ одинъ изъ всѣхъ русскихъ осрамилъ имя русскаго, и отъ него погибаетъ Москва, — говорилъ Растопчинъ ровнымъ, рѣзкимъ голосомъ; но вдругъ быстро взглянулъ внизъ на Верещагина, продолжавшаго стоять въ той же покорной позѣ. Какъ будто взглядъ этотъ взорвалъ его, онъ, поднявъ руку, закричалъ почти, обращаясь къ народу:

— Своимъ судомъ расправляйтесь съ нимъ! Отдаю его вамъ!

Народъ молчалъ и только все тѣснѣе и тѣснѣе нажималъ другъ на друга. Держать другъ друга, дышать въ этой зара-

женной духотѣ, не имѣть силы пошевелиться и ждать чего-то неизвѣстнаго, непонятнаго и страшнаго становилось невыносимо. Люди, стоявшіе въ переднихъ рядахъ, видѣвшіе и слышавшіе все то, что происходило передъ ними, всѣ съ испуганно широко-раскрытыми глазами и разинутыми ртами, напрягая всѣ свои силы, удерживали на своихъ спинахъ напоръ заднихъ.

— Бей его!.. Пускай погибнетъ измѣнникъ и не срамитъ имя русскаго!—закричалъ Растопчинъ.—Руби! Я приказываю!

Услыхавъ не слова, но гнѣвные звуки голоса Растопчина, толпа застонала и надвинулась, но опять остановилась.

— Графъ!..—проговорилъ среди опять наступившей минутной тишины робкій и вмѣстѣ театральный голосъ Верещагина.— Графъ, одинъ Богъ надъ нами...—сказалъ Верещагинъ, поднявъ голову, и опять налилась кровью толстая жила на его тонкой шеѣ, и краска быстро выступила и сбѣжала съ его лица.

Онъ не договорилъ того, что хотѣлъ сказать.

— Руби его! Я приказываю!..—прокричалъ Растопчинъ, вдругъ поблѣднѣвъ такъ же, какъ и Верещагинъ.

— Сабли вонъ!—крикнулъ офицеръ драгунамъ, самъ вынимая саблю.

Другая еще сильнѣйшая волна взмыла по народу, и, добѣжавъ до переднихъ рядовъ, волна эта сдвинула переднихъ и шатая поднесла къ самымъ ступенямъ крыльца. Высокій малый, съ окаменѣлымъ выраженіемъ лица и съ остановившейся поднятой рукой, стоялъ рядомъ съ Верещагинымъ.

— Руби!—прошепталъ почти офицеръ драгунамъ.

И одинъ изъ солдатъ вдругъ съ исказившимся злобой лицомъ ударилъ Верещагина тупымъ палашомъ по головѣ.

«А!» коротко и удивленно вскрикнулъ Верещагинъ, испуганно оглядываясь и какъ будто не понимая, зачѣмъ это было съ нимъ сдѣлано. Такой же стонъ удивленія и ужаса пробѣжалъ по толпѣ. «О, Господи!» послышалось чье-то печальное восклицаніе.

Но вслѣдъ за восклицаніемъ удивленія, вырвавшимся у Верещагина, онъ жалобно вскрикнулъ отъ боли, и этотъ крикъ погубилъ его. Та натянутая до высшей степени преграда человѣческаго чувства, которая держала еще толпу, порвалась мгновенно. Преступленіе было начато, необходимо было довершить его. Жалобный стонъ упрека былъ заглушенъ грознымъ и гнѣвнымъ ревомъ толпы. Какъ послѣдній седьмой валъ, разбивающій корабли, взмыла изъ заднихъ рядовъ эта послѣдняя неудержимая волна, донеслась до переднихъ, сбила ихъ и поглотила все. Ударившій драгунъ хотѣлъ повторить свой ударъ.

Верещагинъ съ крикомъ ужаса, заслонясь руками, бросился къ народу. Высокій малый, на котораго онъ наткнулся, вцѣпился руками въ тонкую шею Верещагина и съ дикимъ крикомъ съ нимъ вмѣстѣ упалъ подъ ноги навалившагося ревущаго народа.

Одни били и рвали Верещагина, другіе—высокаго малаго. И крики задавленныхъ людей и тѣхъ, которые старались спасти высокаго малаго, только возбуждали ярость толпы. Долго драгуны не могли освободить окровавленнаго, до полусмерти избитаго фабричнаго. И долго, несмотря на всю горячечную поспѣшность, съ которою толпа старалась довершить разъ начатое дѣло, тѣ люди, которые били, душили и рвали Верещагина, не могли убить его; но толпа давила ихъ со всѣхъ сторонъ, съ ними въ серединѣ, какъ одна масса, колыхалась изъ стороны въ сторону и не давала имъ возможности ни добить, ни бросить его.

«Топоромъ-то бей, что ли!.. Задавили?.. Измѣнщикъ, Христа продалъ!.. Живъ... живущъ... По дѣламъ вору мука. Топоромъ-то!.. Али живъ?»

Только когда уже перестала бороться жертва и вскрики ея замѣнились равномѣрнымъ протяжнымъ хрипѣньемъ, толпа стала торопливо перемѣщаться около лежащаго окровавленнаго трупа. Каждый подходилъ, взглядывалъ на то, что было сдѣлано, и съ ужасомъ, упрекомъ и удивленіемъ тѣснился назадъ.

«О Господи, народъ-то что звѣрь; гдѣ же живому быть!» слышалось въ толпѣ. «И малый-то молодой... должно, изъ купцовъ. То-то народъ!.. Сказываютъ — не тотъ... Какъ же не тотъ... О, Господи!.. Другого избили; говорятъ, чуть живъ... Эхъ, народъ... кто грѣха не боится...» говорили теперь тѣ же люди, съ болѣзненно-жалостнымъ выраженіемъ глядя на мертвое тѣло съ посинѣвшимъ, измазаннымъ кровью и пылью лицомъ и съ разрубленной длинной, тонкой шеей.

Полицейскій старательный чиновникъ, найдя неприличнымъ присутствіе трупа на дворѣ его сіятельства, приказалъ драгунамъ вытащить тѣло на улицу. Два драгуна взялись за изуродованныя ноги и поволокли тѣло. Окровавленная, измазанная въ пыли, мертвая бритая голова на длинной шеѣ, подворачиваясь, волочилась по землѣ. Народъ жался прочь отъ трупа.

Въ то время, какъ Верещагинъ упалъ и толпа съ дикимъ ревомъ стѣснилась и заколыхалась надъ нимъ, Растопчинъ вдругъ поблѣднѣлъ, и вмѣсто того, чтобы идти къ заднему крыльцу, у котораго ждали его лошади, онъ, самъ не зная куда и зачѣмъ, опустивъ голову, быстрыми шагами пошелъ по коридору, ведущему въ комнаты нижняго этажа. Лицо графа было

блѣдно, и онъ не могъ остановить трясущуюся, какъ въ лихорадкѣ, нижнюю челюсть.

— Ваше сіятельство, сюда... куда изволите?.. Сюда пожалуйте,—проговорилъ сзади его дрожащій, испуганный голосъ.

Графъ Растопчинъ не въ силахъ былъ ничего отвѣчать и, послушно повернувшись, пошелъ туда, куда ему указывали. У задняго крыльца стояла коляска. Далекій гулъ ревущей толпы слышался и здѣсь. Графъ Растопчинъ торопливо сѣлъ въ коляску и велѣлъ ѣхать въ свой загородный домъ въ Сокольникахъ.

Выѣхавъ на Мясницкую и не слыша больше криковъ толпы, графъ сталъ раскаиваться. Онъ съ неудовольствіемъ вспомнилъ теперь волненіе и испугъ, которые онъ выказалъ передъ своими подчиненными. «La populace est terrible, elle est hideuse», думалъ онъ по-французски. «Ils sont comme les loups qu'on ne peut apaiser qu'avec de la chair» [1]). «Графъ! одинъ Богъ надъ нами!» вдругъ вспомнились ему слова Верещагина, и непріятное чувство холода пробѣжало по спинѣ графа Растопчина. Но чувство это было мгновенно, и графъ Растопчинъ презрительно улыбнулся самъ надъ собой. «J'avais d'autres devoirs», подумалъ онъ. «Il fallait apaiser le peuple. Bien d'autres victimes ont péri et périssent pour le bien public» [2]); и онъ сталъ думать о тѣхъ общихъ обязанностяхъ, которыя онъ имѣлъ въ отношеніи своего семейства, своей (порученной ему) столицы и о самомъ себѣ—не какъ о Ѳедорѣ Васильевичѣ Растопчинѣ (онъ полагалъ, что Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ жертвуетъ собою для bien public), но о себѣ, какъ о главнокомандующемъ, о представителѣ власти и уполномоченномъ царя. «Ежели бы я былъ только Ѳедоръ Васильевичъ, ma ligne de conduite aurait été tout autrement tracée [3]), но я долженъ былъ сохранить и жизнь и достоинство главнокомандующаго».

Слегка покачиваясь на мягкихъ рессорахъ экипажа и не слыша болѣе страшныхъ звуковъ толпы, Растопчинъ физически успокоился, и, какъ это всегда бываетъ, одновременно съ физическимъ успокоеніемъ умъ поддѣлалъ для него и причины нравственнаго успокоенія. Мысль, успокоившая Растопчина, была не новая. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ и люди убиваютъ другъ друга, никогда ни одинъ человѣкъ не совершилъ пре-

---

[1]) Народная толпа страшна, она отвратительна. Они — какъ волки: ихъ ничѣмъ не удовлетворишь, кромѣ мяса.

[2]) У меня были другія обязанности — слѣдовало удовлетворить народъ. Много другихъ жертвъ погибло и гибнетъ для общественнаго блага.

[3]) Путь моей жизни былъ бы совсѣмъ иначе начертанъ.

ступленія надъ себѣ подобнымъ, не успокоивая себя этой самой мыслью. Мысль эта есть le bien public [1]), предполагаемое благо другихъ людей.

Для человѣка, не одержимаго страстью, благо это никогда неизвѣстно; но человѣкъ, совершающій преступленіе, всегда вѣрно знаетъ, въ чемъ состоитъ это благо. И Растопчинъ теперь зналъ это.

Онъ не только въ разсужденіяхъ своихъ не упрекалъ себя въ сдѣланномъ имъ поступкѣ, но находилъ причины самодовольства въ томъ, что онъ такъ удачно умѣлъ воспользоваться этимъ à propos [2]) — наказать преступника и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоить толпу.

«Верещагинъ былъ судимъ и приговоренъ къ смертной казни», думалъ Растопчинъ (хотя Верещагинъ сенатомъ былъ только приговоренъ къ каторжной работѣ). «Онъ былъ предатель и измѣнникъ; я не могъ оставить его безнаказаннымъ, и потомъ je faisais d'une pierre deux coups [3]): я для успокоенія отдавалъ жертву народу и казнилъ злодѣя».

Пріѣхавъ въ свой загородный домъ и занявшись домашними распоряженіями, графъ совершенно успокоился.

Черезъ полчаса графъ ѣхалъ на быстрыхъ лошадяхъ черезъ Сокольничье поле, уже не вспоминая о томъ, что́ было, и думая и соображая только о томъ, что́ будетъ. Онъ ѣхалъ теперь къ Яузскому мосту, гдѣ, ему сказали, былъ Кутузовъ.

Графъ Растопчинъ готовилъ въ своемъ воображеніи тѣ гнѣвные и колкіе упреки, которые онъ выскажетъ Кутузову за его обманъ. Онъ дастъ почувствовать этой старой придворной лисицѣ, что отвѣтственность за всѣ несчастья, имѣющія произойти отъ оставленія столицы, отъ погибели Россіи (какъ думалъ Растопчинъ), ляжетъ на одну его, выжившую изъ ума, старую голову. Обдумывая впередъ то, что́ онъ скажетъ ему, Растопчинъ гнѣвно поворачивался въ коляскѣ и сердито оглядывался по сторонамъ.

Сокольничье поле было пустынно. Только въ концѣ его, у богадѣльни и желтаго дома, виднѣлись кучки людей въ бѣлыхъ одеждахъ и нѣсколько одинокихъ, такихъ же людей, которые шли по полю, что-то крича и размахивая руками.

Одинъ изъ нихъ бѣжалъ на перерѣзъ коляскѣ графа Растопчина. И самъ графъ Растопчинъ, и его кучеръ, и драгуны, всѣ смотрѣли съ смутнымъ чувствомъ ужаса и любопытства на

---

[1]) Общественное благо.
[2]) Удобнымъ случаемъ.
[3]) Однимъ камнемъ дѣлалъ два удара.

этихъ выпущенныхъ сумасшедшихъ и въ особенности на того, который подбѣжалъ къ нимъ.

Шатаясь на своихъ длинныхъ, худыхъ ногахъ, въ развѣвающемся халатѣ, сумасшедшій этотъ стремительно бѣжалъ, не спуская глазъ съ Растопчина, крича ему что-то хриплымъ голосомъ и дѣлая знаки, чтобы онъ остановился. Обросшее неровными клочками бороды, сумрачное и торжественное лицо сумасшедшаго было худо и желто. Черные, агатовые зрачки его бѣгали низко и тревожно по шафранно-желтымъ бѣлкамъ.

— Стой! Остановись! Я говорю! — вскрикивалъ онъ пронзительно и опять что-то, задыхаясь, кричалъ съ внушительными интонаціями и жестами.

Онъ поравнялся съ коляской и бѣжалъ съ ней рядомъ.

— Трижды убили меня, трижды воскресалъ изъ мертвыхъ. Они побили каменьями, распяли меня... Я воскресну... воскресну... воскресну. Растерзали мое тѣло. Царствіе Божіе разрушится... Трижды разрушу и трижды воздвигну его! — кричалъ онъ, все возвышая и возвышая голосъ.

Графъ Растопчинъ вдругъ поблѣднѣлъ такъ, какъ онъ поблѣднѣлъ тогда, когда толпа бросилась на Верещагина. Онъ отвернулся. — Пош... пошелъ скорѣй! — крикнулъ онъ на кучера дрожащимъ голосомъ. Коляска помчалась во всѣ ноги лошадей; но долго еще позади себя графъ Растопчинъ слышалъ отдаляющійся безумный отчаянный крикъ, а передъ глазами видѣлъ одно удивленно-испуганное, окровавленное лицо измѣнника въ мѣховомъ тулупчикѣ.

Какъ ни свѣжо было это воспоминаніе, Растопчинъ чувствовалъ теперь, что оно глубоко, до крови, врѣзалось въ его сердце. Онъ ясно чувствовалъ теперь, что кровавый слѣдъ этого воспоминанія никогда не заживетъ, но что, напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ злѣе, мучительнѣе будетъ жить до конца жизни это страшное воспоминаніе въ его сердцѣ. Онъ слышалъ, ему казалось теперь, звуки своихъ словъ: «Руби его, вы головой отвѣтите мнѣ!» — «Зачѣмъ я сказалъ эти слова? Какъ-то нечаянно сказалъ. Я могъ не сказать ихъ», думалъ онъ: «тогда *ничего* бы не было». Онъ видѣлъ испуганное и потомъ вдругъ ожесточившееся лицо ударившаго драгуна и взглядъ молчаливаго, робкаго упрека, который бросилъ на него этотъ мальчикъ въ лисьемъ тулупѣ. «Но я не для себя сдѣлалъ это. Я долженъ былъ поступить такъ. La plèbe, le traître... le bien public» [1]), думалъ онъ.

---

[1]) Чернь, измѣнникъ... общественное благо.

У Яузскаго моста все еще тѣснилось войско. Было жарко. Кутузовъ, нахмуренный, унылый, сидѣлъ на лавкѣ около моста и плетью игралъ по песку, когда съ шумомъ подскакала къ нему коляска. Человѣкъ въ генеральскомъ мундирѣ, въ шляпѣ съ плюмажемъ, съ бѣгающими, не то гнѣвными, не то испуганными глазами, подошелъ къ Кутузову и сталъ по-французски говорить ему что-то. Это былъ графъ Растопчинъ. Онъ говорилъ Кутузову, что явился сюда потому, что Москвы и столицы нѣтъ больше и есть одна армія.

— Было бы другое, ежели бы ваша свѣтлость не сказали мнѣ, что вы не сдадите Москвы, не давши еще сраженія: всего этого не было бы! — сказалъ онъ.

Кутузовъ глядѣлъ на Растопчина и, какъ будто не понимая значенія обращенныхъ къ нему словъ, старательно усиливался прочесть что-то особенное, написанное въ эту минуту на лицѣ говорившаго съ нимъ человѣка. Растопчинъ, смутившись, замолчалъ. Кутузовъ слегка покачалъ головой и, не спуская испытующаго взгляда съ лица Растопчина, тихо проговорилъ:

— Да, я не отдамъ Москвы, не давъ сраженія.

Думалъ ли Кутузовъ совершенно о другомъ, говоря эти слова, или нарочно, зная ихъ безсмысленность, сказалъ ихъ, но графъ Растопчинъ ничего не отвѣтилъ и поспѣшно отошелъ отъ Кутузова. И — странное дѣло! — главнокомандующій Москвы, гордый графъ Растопчинъ, взявъ въ руки нагайку, подошелъ къ мосту и сталъ съ крикомъ разгонять столпившіяся повозки.

XXVI.

Въ 4-мъ часу пополудни войска Мюрата вступали въ Москву. Впереди ѣхалъ отрядъ виртембергскихъ гусаръ, позади верхомъ, съ большой свитой, ѣхалъ самъ неаполитанскій король.

Около середины Арбата, близъ Николы Явленнаго, Мюратъ, остановился, ожидая извѣстія отъ передового отряда о томъ, въ какомъ положеніи находилась городская крѣпость — *le Kremlin*.

Вокругъ Мюрата собралась небольшая кучка людей изъ остававшихся въ Москвѣ жителей. Всѣ съ робкимъ недоумѣніемъ смотрѣли на страннаго, изукрашеннаго перьями и золотомъ длинноволосаго начальника.

— Что жъ, это самъ, что ли, царь ихній? Ничего!—слышались тихіе голоса.

Переводчикъ подъѣхалъ къ кучкѣ народа.

— Шапку-то сними... шапку-то, — заговорили въ толпѣ, обращаясь другъ къ другу.

Переводчикъ обратился къ одному старому дворнику и спросилъ, далеко ли до Кремля. Дворникъ, прислушиваясь съ недоумѣніемъ къ чуждому ему польскому акценту и не признавая звуки говора переводчика за русскую рѣчь, не понималъ, что́ ему говорили, и прятался за другихъ.

Мюратъ подвинулся къ переводчику и велѣлъ спросить, гдѣ русскія войска. Одинъ изъ русскихъ людей понялъ, чего у него спрашивали, и нѣсколько голосовъ вдругъ стали отвѣчать переводчику. Французскій офицеръ изъ передового отряда подъѣхалъ къ Мюрату и доложилъ, что ворота въ крѣпость задѣланы и что, вѣроятно, тамъ засада. «Хорошо», сказалъ Мюратъ и, обратившись къ одному изъ господъ своей свиты, приказалъ выдвинуть четыре легкихъ орудія и обстрѣлять ворота.

Артиллерія на рысяхъ выѣхала изъ-за колонны, шедшей за Мюратомъ, и поѣхала по Арбату. Спустившись до конца Воздвиженки, артиллерія остановилась и выстроилась на площади. Нѣсколько французскихъ офицеровъ распоряжались пушками, разстанавливая ихъ, и смотрѣли въ Кремль въ зрительную трубу.

Въ Кремлѣ раздавался благовѣстъ къ вечернѣ, и этотъ звонъ смущалъ французовъ. Они предполагали, что это былъ призывъ къ оружію. Нѣсколько человѣкъ пѣхотныхъ солдатъ бѣжали къ Кутафьевскимъ воротамъ. Въ воротахъ лежали бревна и тесовые щиты. Два ружейные выстрѣла раздались изъ-подъ воротъ, какъ только офицеръ съ командой сталъ подбѣгать къ нимъ. Генералъ, стоявшій у пушекъ, крикнулъ офицеру командныя слова, и офицеръ съ солдатомъ побѣжалъ назадъ.

Послышалось еще три выстрѣла изъ воротъ.

Одинъ выстрѣлъ задѣлъ въ ногу французскаго солдата, и странный крикъ немногихъ голосовъ послышался изъ-за щитовъ. На лицахъ французскихъ генерала, офицеровъ и солдатъ одновременно, какъ по командѣ, прежнее выраженіе веселости и спокойствія замѣнилось упорнымъ, сосредоточеннымъ выраженіемъ готовности на борьбу и страданія. Для нихъ всѣхъ, начиная отъ маршала и до послѣдняго солдата, это мѣсто не было Воздвиженка, Моховая, Кутафья и Троицкія ворота, а это была новая мѣстность новаго поля, вѣроятно, кровопролитнаго сраженія. И всѣ приготовились къ этому сраженію. Крики изъ воротъ затихли. Орудія были выдвинуты. Артиллеристы сдули нагорѣвшіе пальники. Офицеръ скомандовалъ: feu! [1]), и два свистящіе звука

[1]) Пли!

жестянокъ раздались одинъ за другимъ. Картечныя пули затрещали по камню воротъ, бревнамъ и щитамъ, и два облака дыма заколебались на площади.

Нѣсколько мгновеній послѣ того, какъ затихли перекаты выстрѣловъ по каменному Кремлю, странный звукъ послышался надъ головами французовъ. Огромная стая галокъ поднялась надъ стѣнами и, каркая и шумя тысячами крылъ, закружилась въ воздухѣ. Вмѣстѣ съ этимъ звукомъ раздался человѣческій одинокій крикъ въ воротахъ, и изъ-за дыма появилась фигура человѣка безъ шапки и въ кафтанѣ. Держа ружье, онъ цѣлился во французовъ. «Feu!» повторилъ артиллерійскій офицеръ, и въ одно и то же время раздались одинъ ружейный и два орудійныхъ выстрѣла. Дымъ опять закрылъ ворота.

За щитами больше ничего не шевелилось, и пѣхотные французскіе солдаты съ офицерами пошли къ воротамъ. Въ воротахъ лежало три раненыхъ и четыре убитыхъ человѣка. Два человѣка въ кафтанахъ убѣгали низомъ вдоль стѣнъ къ Знаменкѣ.

— Enlevez-moi ça [1]),—сказалъ офицеръ, указывая на бревна и трупы, и французы, добивъ раненыхъ, перебросили трупы внизъ за ограду.

Кто были эти люди, никто не зналъ. «Enlevez-moi ça», только сказано было про нихъ, и ихъ выбросили и прибрали потомъ, чтобы они не воняли. Одинъ Тьеръ посвятилъ ихъ памяти нѣсколько краснорѣчивыхъ строкъ: «Ces misérables avaient envahi la citadelle sacrée, s'étaient emparés des fusils de l'arsenal, et tiraient (ces misérables) sur les français. On en sabra quelques-uns et on purgea le Kremlin de leur présence» [2]).

Мюрату было доложено, что путь расчищенъ. Французы вошли въ ворота и стали размѣщаться лагеремъ на Сенатской площади. Солдаты выкидывали стулья изъ оконъ сената на площадь и раскладывали огни.

Другіе отряды проходили черезъ Кремль и размѣщались по Маросейкѣ, Лубянкѣ, Покровкѣ. Третьи еще размѣщались по Воздвиженкѣ, Знаменкѣ, Никольской, Тверской. Вездѣ, не находя хозяевъ, французы размѣщались не какъ въ городѣ на квартирахъ, а какъ въ лагерѣ, который расположенъ въ городѣ.

Хотя и оборванные, голодные, измученные и уменьшенные до 1/3 части своей прежней численности, французскіе солдаты

---

[1]) Уберите это.

[2]) Эти несчастные захватили священную крѣпость, овладѣли ружьями арсенала и стрѣляли по французамъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ порубили саблями и очистили Кремль отъ ихъ присутствія.

вступили въ Москву еще въ стройномъ порядкѣ. Это было измученное, истощенное, но еще боевое и грозное войско. Но это было войско только до той минуты, пока солдаты этого войска не разошлись по квартирамъ. Какъ только люди полковъ стали расходиться по пустымъ и богатымъ домамъ, такъ навсегда уничтожилось войско, и образовались не жители и не солдаты, а что-то среднее, называемое мародерами. Когда, черезъ пять недѣль, тѣ же самые люди вышли изъ Москвы, они уже не составляли болѣе войска. Это была толпа мародеровъ, изъ которыхъ каждый везъ или несъ съ собой кучу вещей, которыя ему казались цѣнны и нужны. Цѣль каждаго изъ этихъ людей при выходѣ изъ Москвы не состояла, какъ прежде, въ томъ, чтобы завоевать, а только въ томъ, чтобы удержать пріобрѣтенное. Подобно той обезьянѣ, которая, запустивъ руку въ узкое горло кувшина и захвативъ горсть орѣховъ, не разжимаетъ кулака, чтобы не потерять схваченнаго, и этимъ губитъ себя, французы, при выходѣ изъ Москвы, очевидно, должны были погибнуть вслѣдствіе того, что они тащили съ собой награбленное, но бросить это награбленное имъ было такъ же невозможно, какъ невозможно обезьянѣ разжать горсть съ орѣхами. Черезъ десять минутъ послѣ вступленія каждаго французскаго полка въ какой-нибудь кварталъ Москвы не оставалось ни одного солдата и офицера. Въ окнахъ домовъ видны были люди въ шинеляхъ и штиблетахъ, смѣясь прохаживающіеся по комнатамъ; въ погребахъ, въ подвалахъ такіе же люди хозяйничали съ провизіей; на дворахъ такіе же люди отпирали или отбивали ворота сараевъ и конюшенъ; въ кухняхъ раскладывали огни, съ засученными рукавами пекли, мѣсили и варили, пугали, смѣшили и ласкали женщинъ и дѣтей. И этихъ людей вездѣ, и по лавкамъ и по домамъ, было много; но войска уже не было.

Въ тотъ же день приказъ за приказомъ отдавались французскими начальниками о томъ, чтобы запретить войскамъ расходиться по городу, строго запретить насилія жителей и мародерство, о томъ, чтобы нынче же вечеромъ сдѣлать общую перекличку; но, несмотря ни на какія мѣры, люди, прежде составлявшіе войско, расплывались по богатому, обильному удобствами и запасами, пустому городу. Какъ голодное стадо идетъ кучей по голому полю, но тотчасъ же неудержимо разбредается, какъ только нападетъ на богатыя пастбища, такъ неудержимо разбредалось и войско по богатому городу.

Жителей въ Москвѣ не было, и солдаты, какъ вода въ песокъ, всачивались въ нее и неудержимой звѣздой расплывались

во всѣ стороны отъ Кремля, въ который они вошли прежде всего. Солдаты-кавалеристы, входя въ оставленный со всѣмъ добромъ купеческій домъ и находя стойла не только для своихъ лошадей, но и лишнія, все-таки шли рядомъ занимать другой домъ, который имъ казался лучше. Многіе занимали нѣсколько домовъ, надписывая мѣломъ, кѣмъ онъ занятъ, и спорили и даже дрались съ другими командами. Не успѣвъ помѣститься еще, солдаты бѣжали на улицу осматривать городъ и по слуху о томъ, что все брошено, стремились туда, гдѣ можно было забрать даромъ цѣнныя вещи. Начальники ходили останавливать солдатъ и сами вовлекались невольно въ тѣ же дѣйствія. Въ Каретномъ ряду оставались лавки съ экипажами, и генералы толпились тамъ, выбирая коляски и кареты. Остававшіеся жители приглашали къ себѣ начальниковъ, надѣясь тѣмъ обезпечиться отъ грабежа. Богатствъ было пропасть, и конца имъ не видно было; вездѣ кругомъ того мѣста, которое заняли французы, были еще неизвѣданныя, незанятыя мѣста, въ которыхъ, какъ казалось французамъ, было еще больше богатствъ. И Москва все дальше и дальше всасывала ихъ въ себя. Точно какъ вслѣдствіе того, что нальется вода на сухую землю, исчезаетъ вода и сухая земля: точно такъ же вслѣдствіе того, что голодное войско вошло въ обильный пустой городъ, уничтожилось войско, и уничтожился обильный городъ; и сдѣлалась грязь, сдѣлались пожары и мародерство.

Французы приписывали пожаръ Москвы au patriotisme féroce de Rastopchine[1]), русскіе — изувѣрству французовъ. Въ сущности же причинъ пожара Москвы въ томъ смыслѣ, чтобы отнести пожаръ этотъ на отвѣтственность одного или нѣсколькихъ лицъ, такихъ причинъ не было и не могло быть. Москва сгорѣла вслѣдствіе того, что она была поставлена въ такія условія, при которыхъ всякій деревянный городъ долженъ сгорѣть, независимо отъ того, имѣются ли или не имѣются въ городѣ 130 плохихъ пожарныхъ трубъ. Москва должна была сгорѣть вслѣдствіе того, что изъ нея выѣхали жители, и такъ же неизбѣжно, какъ должна загорѣться куча стружекъ, на которую въ продолженіе нѣсколькихъ дней будутъ сыпаться искры огня. Деревянный городъ, въ которомъ при жителяхъ-владѣльцахъ домовъ и при полиціи бываютъ почти каждый день пожары, не можетъ не сгорѣть, когда въ немъ нѣтъ жителей, а живутъ

---

[1]) Дикому патріотизму Растопчина.

войска, курящія трубки, раскладывающія костры на Сенатской площади изъ сенатскихъ стульевъ и варящія себѣ ѣсть два раза въ день. Стòитъ въ мирное время войскамъ расположиться на квартирахъ по деревнямъ въ извѣстной мѣстности, и количество пожаровъ въ этой мѣстности тотчасъ увеличивается. Въ какой же степени должна увеличиться вѣроятность пожаровъ въ пустомъ деревянномъ городѣ, въ которомъ расположится чужое войско? Le patriotisme féroce de Rastopchine и изувѣрство французовъ тутъ ни въ чемъ не виноваты. Москва загорѣлась отъ трубокъ, отъ кухонь, отъ костровъ, отъ неряшливости непріятельскихъ солдатъ, жителей-нехозяевъ домовъ. Ежели и были поджоги (чтò весьма сомнительно, потому что поджигать никому не было никакой причины, а во всякомъ случаѣ хлопотливо и опасно), то поджоги нельзя принять за причину, такъ какъ безъ поджоговъ было бы то же самое.

Какъ ни лестно было французамъ обвинять звѣрство Растопчина и русскимъ обвинять злодѣя Бонапарта или потомъ влагать героическій факелъ въ руки своего народа, нельзя не видѣть, что такой непосредственной причины пожара не могло быть, потому что Москва должна была сгорѣть, какъ должна сгорѣть каждая деревня, фабрика, всякій домъ, изъ котораго выйдутъ хозяева и въ который пустятъ хозяйничать и варить себѣ кашу чужихъ людей. Москва сожжена жителями, это правда; но не тѣми жителями, которые оставались въ ней, а тѣми, которые выѣхали изъ нея. Москва, занятая непріятелемъ, не осталась цѣла, какъ Берлинъ, Вѣна и другіе города, только вслѣдствіе того, что жители ея не подносили хлѣбъ-соль и ключи французамъ, а выѣхали изъ нея.

XXVII.

Расходившееся звѣздой по Москвѣ всачиваніе французовъ въ день 2-го сентября достигло квартала, въ которомъ жилъ теперь Пьеръ, только къ вечеру.

Пьеръ находился, послѣ двухъ послѣднихъ уединенно и необычайно проведенныхъ дней, въ состояніи, близкомъ къ сумасшествію. Всѣмъ существомъ его овладѣла одна неотвязная мысль. Онъ самъ не зналъ, какъ и когда, но мысль эта овладѣла имъ теперь такъ, что онъ ничего не помнилъ изъ прошедшаго, ничего не понималъ изъ настоящаго; и все, что онъ видѣлъ и слышалъ, происходило передъ нимъ какъ во снѣ.

Пьеръ ушелъ изъ своего дома только для того, чтобы избавиться отъ сложной путаницы требованій жизни, охватившей его и которую онъ, въ тогдашнемъ состояніи, не въ силахъ былъ распутать. Онъ поѣхалъ на квартиру Іосифа Алексѣевича подъ предлогомъ разбора книгъ и бумагъ покойнаго только потому, что онъ искалъ успокоенія отъ жизненной тревоги, а съ воспоминаніемъ о Іосифѣ Алексѣевичѣ связывался въ его душѣ міръ вѣчныхъ, спокойныхъ и торжественныхъ мыслей, совершенно противоположныхъ тревожной путаницѣ, въ которую онъ чувствовалъ себя втягиваемымъ. Онъ искалъ тихаго убѣжища и дѣйствительно нашелъ его въ кабинетѣ Іосифа Алексѣевича. Когда онъ, въ мертвой тишинѣ кабинета, сѣлъ, облокотившись на руки надъ запыленнымъ письменнымъ столомъ покойника, въ его воображеніи спокойно и значительно, одно за другимъ, стали представляться воспоминанія послѣднихъ дней, въ особенности Бородинскаго сраженія и того непреодолимаго для него ощущенія своей ничтожности и лживости въ сравненіи съ правдой, простотой и силой того разряда людей, которые отпечатались у него въ душѣ подъ названіемъ: *они*. Когда Герасимъ разбудилъ его отъ его задумчивости, Пьеру пришла мысль о томъ, что онъ приметъ участіе въ предполагаемой — какъ онъ это зналъ — народной защитѣ Москвы. И съ этою цѣлью онъ тотчасъ же попросилъ Герасима достать ему кафтанъ и пистолетъ и объявилъ ему свое намѣреніе, скрывая свое имя, остаться въ домѣ Іосифа Алексѣевича. Потомъ въ продолженіе перваго уединенно и праздно проведеннаго дня (Пьеръ нѣсколько разъ пытался и не могъ остановить своего вниманія на масонскихъ рукописяхъ) ему нѣсколько разъ смутно представлялась и прежде приходившая мысль о кабалистическомъ значеніи своего имени въ связи съ именемъ Бонапарта; но мысль эта о томъ, что ему l'Russe Besuhof предназначено положить предѣлъ власти *звѣря*, приходила ему еще только какъ одно изъ мечтаній, которыя безпричинно и безслѣдно пробѣгаютъ въ воображеніи.

Когда, купивъ кафтанъ (съ цѣлью только участвовать въ народной защитѣ Москвы), Пьеръ встрѣтилъ Ростовыхъ и Наташа сказала ему: «Вы остаетесь? Ахъ, какъ это хорошо!» въ головѣ его мелькнула мысль, что дѣйствительно хорошо бы было, даже ежели бы и взяли Москву, ему остаться въ ней и исполнить то, что ему предопредѣлено.

На другой день онъ, съ одною мыслью не жалѣть себя и не отставать ни въ чемъ отъ *нихъ*, ходилъ за Трехгорную заставу. Но когда онъ вернулся домой, убѣдившись, что Москву защищать не будутъ, онъ вдругъ почувствовалъ, что то, что

ему прежде представлялось только возможностью, теперь сдѣлалось необходимостью и неизбѣжностью. Онъ долженъ былъ, скрывая имя свое, остаться въ Москвѣ, встрѣтить Наполеона и убить его, съ тѣмъ, чтобы или погибнуть, или прекратить несчастье всей Европы, происходившее, по мнѣнію Пьера, отъ одного Наполеона.

Пьеръ зналъ всѣ подробности покушенія нѣмецкаго студента на жизнь Бонапарта въ Вѣнѣ въ 1809 году и зналъ то, что студентъ этотъ былъ разстрѣлянъ. И та опасность, которой онъ подвергалъ свою жизнь при исполненіи своего намѣренія, еще сильнѣе возбуждала его.

Два одинаково сильныя чувства неотразимо привлекали Пьера къ его намѣренію. Первое было чувство потребности жертвы и страданія при сознаніи общаго несчастья, то чувство, вслѣдствіе котораго онъ 25-го. поѣхалъ въ Можайскъ и заѣхалъ въ самый пылъ сраженія, теперь убѣжалъ изъ своего дома и, вмѣсто привычной роскоши и удобствъ жизни, спалъ не раздѣваясь на жесткомъ диванѣ и ѣлъ одну пищу съ Герасимомъ; другое было то неопредѣленное, исключительно русское чувство презрѣнія ко всему условному, искусственному, человѣческому, ко всему тому, что считается большинствомъ людей высшимъ благомъ міра. Въ первый разъ Пьеръ испыталъ это странное и обаятельное чувство въ Слободскомъ дворцѣ, когда онъ вдругъ почувствовалъ, что и богатство, и власть, и жизнь—все то, что съ такимъ стараніемъ устраиваютъ и берегутъ люди, все это ежели и стòитъ чего-нибудь, то только по тому наслажденію, съ которымъ все это можно бросить.

Это было то чувство, вслѣдствіе котораго охотникъ-рекрутъ пропиваетъ послѣднюю копейку, запившій человѣкъ перебиваетъ зеркала и стекла безъ всякой видимой причины и зная, что это будетъ стоить ему послѣднихъ денегъ; то чувство, вслѣдствіе котораго человѣкъ, совершая (въ пошломъ смыслѣ) безумныя дѣла, какъ бы пробуетъ свою личную власть и силу, заявляя присутствіе высшаго, стоящаго внѣ человѣческихъ условій, суда надъ жизнью.

Съ самаго того дня, какъ Пьеръ въ первый разъ испыталъ это чувство въ Слободскомъ дворцѣ, онъ непрестанно находился подъ его вліяніемъ, но теперь только нашелъ ему полное удовлетвореніе. Кромѣ того, въ настоящую минуту Пьера поддерживало въ его намѣреніи и лишало возможности отречься отъ него то, что уже было сдѣлано имъ на этомъ пути. И его бѣгство изъ дому, и его кафтанъ, и пистолетъ, и его заявленіе Ростовымъ, что онъ остается въ Москвѣ, — все по-

теряло бы не только смыслъ, но все это было бы презрѣнно и смѣшно (къ чему Пьеръ былъ чувствителенъ), ежели бы онъ послѣ всего этого такъ же, какъ и другіе, уѣхалъ изъ Москвы.

Физическое состояніе Пьера, какъ и всегда это бываетъ, совпадало съ нравственнымъ. Непривычная, грубая пища, водка, которую онъ пилъ эти дни, отсутствіе вина и сигаръ, грязное, неперемѣненное бѣлье, наполовину безсонныя двѣ ночи, проведенныя на короткомъ диванѣ безъ постели, — все это поддерживало Пьера въ состояніи раздраженія, близкомъ къ помѣшательству.

Былъ уже 2-й часъ послѣ полудня. Французы уже вступили въ Москву. Пьеръ зналъ это, но вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, онъ думалъ только о своемъ предпріятіи, перебирая всѣ его малѣйшія будущія подробности. Пьеръ въ своихъ мечтаніяхъ не представлялъ себѣ живо ни самаго процесса нанесенія удара, ни смерти Наполеона, но съ необыкновенною яркостью и съ грустнымъ наслажденіемъ представлялъ себѣ свою погибель и свое геройское мужество.

«Да, одинъ за всѣхъ, я долженъ совершить или погибнуть!» думалъ онъ. «Да, я подойду... и потомъ вдругъ... Пистолетомъ или кинжаломъ?» думалъ Пьеръ. «Впрочемъ, все равно. Не я, а рука Провидѣнія казнитъ тебя... скажу я» (думалъ Пьеръ слова, которыя онъ произнесетъ, убивая Наполеона). «Ну, что жъ, берите, казните меня», говорилъ дальше самъ себѣ Пьеръ съ грустнымъ, но твердымъ выраженіемъ на лицѣ, опуская голову.

Въ то же время, какъ Пьеръ, стоя посрединѣ комнаты, разсуждалъ съ собой такимъ образомъ, дверь кабинета отворилась, и на порогѣ показалась совершенно измѣнившаяся фигура всегда прежде робкаго Макара Алексѣевича.

Халатъ его былъ распахнутъ. Лицо было красно и безобразно. Онъ, очевидно, былъ пьянъ. Увидавъ Пьера, онъ смутился въ первую минуту, но, замѣтивъ смущеніе и на лицѣ Пьера, онъ тотчасъ ободрился и шатающимися тонкими ногами вышелъ на середину комнаты.

— Они оробѣли,—сказалъ онъ хриплымъ, довѣрчивымъ голосомъ.—Я говорю: не сдамся, я говорю... такъ ли, господинъ?

Онъ задумался и вдругъ, увидавъ пистолетъ на столѣ, неожиданно быстро схватилъ его и выбѣжалъ въ коридоръ.

Герасимъ и дворникъ, шедшіе слѣдомъ за Макаромъ Алексѣевичемъ, остановили его въ сѣняхъ и стали отнимать пи-

столетъ. Пьеръ, выйдя въ коридоръ, съ жалостью и отвращеніемъ смотрѣлъ на этого полусумасшедшаго старика. Макаръ Алексѣевичъ, морщась отъ усилій, удерживалъ пистолетъ и кричалъ хриплымъ голосомъ, видимо себѣ воображая что-то торжественное.

— Къ оружію! На абордажъ! Врешь, не отнимешь!—кричалъ онъ.

— Будетъ, пожалуйста, будетъ. Сдѣлайте милость; пожалуйста, оставьте. Ну, пожалуйста, баринъ...—говорилъ Герасимъ, осторожно за локти стараясь поворотить Макара Алексѣевича къ двери.

— Ты кто? Бонапартъ!..—кричалъ Макаръ Алексѣевичъ.

— Это нехорошо, сударь. Вы пожалуйте въ комнаты, вы отдохните. Пожалуйте пистолетикъ.

— Прочь, рабъ презрѣнный! Не прикасайся! Видѣлъ?—кричалъ Макаръ Алексѣевичъ, потрясая пистолетомъ.—На абордажъ!

— Берись,—шепнулъ Герасимъ дворнику.

Макара Алексѣевича схватили за руки и потащили къ двери.

Сѣни наполнились безобразными звуками возни и пьяными, хрипящими звуками запыхавшагося голоса.

Вдругъ новый пронзительный, женскій крикъ раздался отъ крыльца, и кухарка вбѣжала въ сѣни.

— Они! Батюшки родимые!.. Ей-Богу, они. Четверо, конные!..—кричала она.

Герасимъ и дворникъ выпустили изъ рукъ Макара Алексѣевича, и въ затихшемъ коридорѣ ясно послышался стукъ нѣсколькихъ рукъ во входную дверь.

XXVIII.

Пьеръ, рѣшившій самъ съ собой, что ему, до исполненія своего намѣренія, не надо было открывать ни своего званія, ни знанія французскаго языка, стоялъ въ полуоткрытыхъ дверяхъ коридора, намѣреваясь тотчасъ же скрыться, какъ скоро войдутъ французы. Но французы вошли, и Пьеръ все не отходилъ отъ двери: непреодолимое любопытство удерживало его.

Ихъ было двое. Одинъ офицеръ — высокій, бравый и красивый мужчина; другой, очевидно, солдатъ или денщикъ — приземистый, худой, загорѣлый человѣкъ съ ввалившимися щеками и тупымъ выраженіемъ лица. Офицеръ, опираясь на палку и прихрамывая, шелъ впереди. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, офи-

церъ, какъ бы рѣшивъ самъ съ собой, что квартира эта хороша, остановился, обернулся назадъ къ стоявшимъ въ дверяхъ солдатамъ и громкимъ начальническимъ голосомъ крикнулъ имъ, чтобы они вводили лошадей. Окончивъ это дѣло, офицеръ молодецкимъ жестомъ, высоко поднявъ локоть руки, расправилъ усы и дотронулся рукой до шляпы.

— Bonjour la compagnie! [1])—весело проговорилъ онъ, улыбаясь и оглядываясь вокругъ себя.

Никто ничего не отвѣчалъ.

— Vous êtes le bourgeois? [2]) —обратился офицеръ къ Герасиму.

Герасимъ испуганно-вопросительно смотрѣлъ на офицера.

— Quartire, quartire, logement,—сказалъ офицеръ, сверху внизъ, съ снисходительной и добродушной улыбкой, глядя на маленькаго человѣка.—Les français sont de bons enfants. Que diable! Voyons! Ne nous fâchons pas, mon vieux [3]),—прибавилъ онъ, трепля по плечу испуганнаго и молчаливаго Герасима.

— A ça! Dites donc, on ne parle donc pas français dans cette boutique [4]),—прибавилъ онъ, оглядываясь кругомъ и встрѣчаясь глазами съ Пьеромъ. Пьеръ отстранился отъ двери.

Офицеръ опять обратился къ Герасиму. Онъ требовалъ, чтобы Герасимъ показалъ ему комнаты въ домѣ.

— Баринъ нѣту—не понимай...моя вашъ...—говорилъ Герасимъ, стараясь сдѣлать свои слова понятнѣе тѣмъ, что онъ ихъ говорилъ навыворотъ.

Французскій офицеръ, улыбаясь, развелъ руками передъ носомъ Герасима, давая чувствовать, что и онъ не понимаетъ его, и прихрамывая пошелъ къ двери, у которой стоялъ Пьеръ. Пьеръ хотѣлъ отойти, чтобы скрыться отъ него, но въ это самое время онъ увидалъ изъ отворившейся двери кухни высунувшагося Макара Алексѣевича съ пистолетомъ въ рукахъ. Съ хитростью безумнаго Макаръ Алексѣевичъ оглядѣлъ француза и, приподнявъ пистолетъ, прицѣлился.

— На абордажъ!..—закричалъ пьяный, нажимая спускъ пистолета. Французскій офицеръ обернулся на крикъ, и въ то же мгновеніе Пьеръ бросился на пьянаго. Въ то время, какъ Пьеръ схватилъ и приподнялъ пистолетъ, Макаръ Алексѣевичъ

---

[1]) Здравствуйте, господа.

[2]) Вы хозяинъ?

[3]) Квартиру, квартиру; французы—добрые ребята, чортъ возьми, не будемъ ссориться, старикъ.

[4]) Что жъ, или тутъ никто не говоритъ по-французски?

попалъ, наконецъ, пальцами на спускъ, и раздался оглушившій и обдавшій всѣхъ пороховымъ дымомъ выстрѣлъ. Французъ поблѣднѣлъ и бросился назадъ къ двери.

Забывшій свое намѣреніе не открывать своего знанія французскаго языка, Пьеръ, вырвавъ пистолетъ и бросивъ его, подбѣжалъ къ офицеру и по-французски заговорилъ съ нимъ.

— Vous n'êtes pas blessé?—сказалъ онъ.

— Je crois que non [1]), — отвѣчалъ офицеръ, ощупывая себя: — mais je l'ai manqué belle cette fois-ci [2]), — прибавилъ онъ, указывая на отбившуюся штукатурку въ стѣнѣ. — Quel est cet homme? [3]) — строго взглянувъ на Пьера, сказалъ офицеръ.

— Ah, je suis vraiment au désespoir de ce qui vient d'arriver [4]),—быстро говорилъ Пьеръ, совершенно забывъ свою роль.— C'est un fou, un malheureux qui ne savait pas ce qu'il faisait [5]).

Офицеръ подошелъ къ Макару Алексѣевичу и схватилъ его за воротъ.

Макаръ Алексѣевичъ, распустивъ губы, какъ бы засыпая, качался, прислонившись къ стѣнѣ.

— Brigand, tu me la payeras!—сказалъ французъ отнимая руку.—Nous autres nous sommes cléments après la victoire; mais nous ne pardonnons pas aux traîtres [6]),—прибавилъ онъ съ мрачною торжественностью въ лицѣ и съ красивымъ энергическимъ жестомъ.

Пьеръ продолжалъ по-французски уговаривать офицера не взыскивать съ этого пьянаго, безумнаго человѣка. Французъ молча слушалъ, не измѣняя мрачнаго вида, и вдругъ съ улыбкой обратился къ Пьеру. Онъ нѣсколько секундъ молча посмотрѣлъ на него. Красивое лицо его приняло трагически-нѣжное выраженіе, и онъ протянулъ руку.

— Vous m'avez sauvé la vie! Vous êtes français [7]),—сказалъ онъ.

Для француза выводъ этотъ былъ несомнѣненъ. Совершить великое дѣло могъ только французъ, а спасеніе жизни его, m-r

---

[1]) Вы не ранены? — Я думаю, что нѣтъ.

[2]) Но я счастливо отдѣлался на этотъ разъ.

[3]) Кто этотъ человѣкъ?

[4] Ахъ, я, право, въ отчаяніи отъ того, что случилось.

[5]) Это несчастный сумасшедшій, который не зналъ, что дѣлалъ.

[6]) Разбойникъ, ты мнѣ поплатишься за это. Нашъ братъ милостивъ послѣ побѣды, но мы не прощаемъ измѣнникамъ.

[7]) Вы спасли мнѣ жизнь. Вы французъ.

Ramball'я capitaine du 13-me léger, было, безъ сомнѣнія, самымъ великимъ дѣломъ.

Но какъ ни несомнѣненъ былъ этотъ выводъ и основанное на немъ убѣжденіе офицера, Пьеръ счелъ нужнымъ разочаровать его.

— Je suis russe [1]), — быстро сказалъ Пьеръ.

— Титити, à d'autres, —махая пальцемъ себѣ передъ носомъ, улыбаясь сказалъ французъ. — Tout à l'heure vous allez me conter ça,—сказалъ онъ.—Charmé de rencontrer un compatriote. Eh bien! qu'allons-nous faire de cet homme? [2])—прибавилъ онъ, обращаясь къ Пьеру, уже какъ къ своему брату.

Ежели бы Пьеръ даже не былъ французъ, получивъ разъ это высшее на свѣтѣ наименованіе, не могъ же онъ отречься отъ него, говорило выраженіе лица и тонъ французскаго офицера. На послѣдній вопросъ Пьеръ еще разъ объяснилъ, кто былъ Макаръ Алексѣевичъ, объяснилъ, что передъ самымъ ихъ приходомъ этотъ пьяный, безумный человѣкъ утащилъ заряженный пистолетъ, который не успѣли отнять у него, и просилъ оставить его поступокъ безъ наказанія.

Французъ выставилъ грудь и сдѣлалъ царскій жестъ рукой.

— Vous m'avez sauvé la vie! Vous êtes français. Vous me demandez sa grâce? Je vous l'accorde. Qu'on emmène cet homme [3]),— быстро и энергично проговорилъ французскій офицеръ, взявъ подъ руку произведеннаго имъ за спасеніе его жизни во французы Пьера, и пошелъ съ нимъ въ домъ.

Солдаты, бывшіе на дворѣ, услыхавъ выстрѣлъ, вошли въ сѣни, спрашивая, что случилось, и изъявляя готовность наказать виновныхъ; но офицеръ строго остановилъ ихъ:

— On vous demandera quand on aura besoin de vous [4]),— сказалъ онъ.

Солдаты вышли. Денщикъ, успѣвшій между тѣмъ побывать въ кухнѣ, подошелъ къ офицеру.

— Capitaine, ils ont de la soupe et du gigot de mouton dans la cuisine, — сказалъ онъ. — Faut-il vous l'apporter?

— Oui, et le vin [5]),— сказалъ капитанъ.

---

[1]) Я русскій.

[2]) Сейчасъ вы мнѣ все это разскажете. Очень пріятно встрѣтить соотечественника. Ну! что же намъ дѣлать съ этимъ человѣкомъ?

[3]) Вы спасли мнѣ жизнь, вы французъ. Вы хотите, чтобы я простилъ его? Я прощаю его. Увести этого человѣка.

[4]) Когда будетъ нужно, васъ позовутъ.

[5]) Капитанъ, у нихъ въ кухнѣ есть супъ и жареная баранина. Прикажете принести? — Да, и вино.

XXIX.

Когда французскій офицеръ вмѣстѣ съ Пьеромъ вошли въ домъ, Пьеръ счелъ своимъ долгомъ опять увѣрить капитана, что онъ былъ не французъ, и хотѣлъ уйти, но французскій офицеръ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Онъ былъ до такой степени учтивъ, любезенъ, добродушенъ и истинно благодаренъ за спасеніе своей жизни, что Пьеръ не имѣлъ духа отказать ему и присѣлъ вмѣстѣ съ нимъ въ залѣ, въ первой комнатѣ, въ которую они вошли. На утвержденіе Пьера, что онъ не французъ, капитанъ, очевидно не понимая, какъ можно было отказываться отъ такого лестнаго званія, пожалъ плечами и сказалъ, что ежели онъ непремѣнно хочетъ слыть за русскаго, то пускай это такъ будетъ, но что онъ все-таки, несмотря на то, все такъ же навѣки связанъ съ нимъ чувствомъ благодарности за спасеніе жизни.

Ежели бы этотъ человѣкъ былъ одаренъ хоть сколько-нибудь способностью понимать чувства другихъ и догадывался бы объ ощущеніяхъ Пьера, Пьеръ, вѣроятно, ушелъ бы отъ него; но оживленная непроницаемость этого человѣка ко всему тому, что не было онъ самъ, побѣдила Пьера.

— Français ou prince russe incognito [1],—сказалъ французъ, оглядѣвъ хотя и грязное, но тонкое бѣлье Пьера и перстень на его рукѣ. — Je vous dois la vie et je vous offre mon amitié. Un français n'oublie jamais ni une insulte ni un service. Je vous offre mon amitié. Je ne vous dis que ça [2]).

Въ звукахъ голоса, въ выраженіи лица, въ жестахъ этого офицера было столько добродушія и благородства (во французскомъ смыслѣ), что Пьеръ, отвѣчая безсознательной улыбкой на улыбку француза, пожалъ протянутую руку.

— Capitaine Ramball du 13-me léger, decoré pour l'affaire du sept [3]),—отрекомендовался онъ съ самодовольной, неудержимой улыбкой, которая морщила его губы подъ усами.—Voudrez-vous bien me dire à présent, à qui j'ai l'honneur de parler aussi

---

[1]) Французъ или русскій князь инкогнито.

[2]) Я обязанъ вамъ жизнью, и я предлагаю вамъ свою дружбу. Французъ никогда не забываетъ ни оскорбленія, ни услуги. Я предлагаю вамъ мою дружбу. Вотъ и все, что я могу вамъ сказать.

[3]) Капитанъ Рамбаль 13-го легкаго полка, кавалеръ почетнаго легіона за дѣло 7-го числа.

agréablement au lieu de rester à l'ambulance avec la balle de ce fou dans le corps [1]).

Пьеръ отвѣчалъ, что не можетъ сказать своего имени, и, покраснѣвъ, началъ было, пытаясь выдумывать имя, говорить о причинахъ, по которымъ онъ не можетъ сказать этого, но французъ поспѣшно перебилъ его.

— De grâce, — сказалъ онъ. — Je comprends vos raisons, vous êtes officier... officier supérieur, peut-être. Vous avez porté les armes contre nous...—Ce n'est pas mon affaire. Je vous dois la vie. Cela me suffit. Je suis tout à vous. Vous êtes gentilhomme? [2]) прибавилъ онъ съ оттѣнкомъ вопроса. (Пьеръ наклонилъ голову.) Votre nom de baptême, s'il vous plait? Je ne demande pas davantage. M-r Pierre, dites-vous... Parfait. C'est tout ce que je désire savoir [3]).

Когда принесены были баранина, яичница, самоваръ, водка и вино изъ русскаго погреба, которое съ собой привезли французы, Рамбаль попросилъ Пьера принять участіе въ этомъ обѣдѣ и тотчасъ же самъ жадно и быстро, какъ здоровый и голодный человѣкъ, принялся ѣсть, быстро пережевывая своими сильными зубами, безпрестанно причмокивая и приговаривая: excellent, exquis! [4]) Лицо его раскраснѣлось и покрылось потомъ. Пьеръ былъ голоденъ и съ удовольствіемъ принялъ участіе въ обѣдѣ. Морель, денщикъ, принесъ кастрюлю съ теплой водой и поставилъ въ нее бутылку краснаго вина. Кромѣ того, онъ принесъ бутылку съ квасомъ, которую онъ для пробы взялъ въ кухнѣ. Напитокъ этотъ былъ уже извѣстенъ французамъ и получилъ названіе. Они называли квасъ limonade de cochon (свиной лимонадъ), и Морель хвалилъ этотъ limonade de cochon, который онъ нашелъ на кухнѣ. Но такъ какъ у капитана было вино, добытое при переходѣ черезъ Москву, то онъ предоставилъ квасъ Морелю и взялся за бутылку бордо. Онъ завернулъ бутылку по горлышко въ салфетку и налилъ себѣ и Пьеру вина. Утоленный голодъ и вино еще болѣе оживили капитана, и онъ, не переставая, разговаривалъ во время обѣда.

---

[1]) Будете ли вы такъ добры сказать мнѣ теперь, съ кѣмъ я имѣю честь разговаривать такъ пріятно, вмѣсто того, чтобы быть на перевязочномъ пунктѣ съ пулей этого сумасшедшаго въ тѣлѣ.

[2]) Полноте. Я понимаю ваши причины, вы офицеръ... штабъ-офицеръ, можетъ-быть. Вы служили противъ насъ. Это не мое дѣло. Я обязанъ вамъ жизнью. Мнѣ этого довольно. Я къ вашимъ услугамъ. Вы дворянинъ?

[3]) Ваше имя, сдѣлайте одолженіе, я больше ничего не спрашиваю. Господинъ Пьеръ, вы сказали? Прекрасно. Это все, что мнѣ нужно.

[4]) Отлично, превосходно!

— Oui, mon cher m-r Pierre, je vous dois une fière chandelle de m'avoir sauvé... de cet enragé... J'en ai assez, voyez-vous, de balles dans le corps. En voilà une (онъ показалъ на бокъ) à Wagram et de deux à Smolensk, — онъ показалъ на шрамъ, который былъ на щекѣ. — Et cette jambe, comme vous voyez, qui ne veut pas marcher. C'est à la grande bataille du 7 à la Moskowa que j'ai reçu ça. Sacré Dieu, c'était beau! Il fallait voir ça, c'était un déluge de feu. Vous nous avez taillé une rude besogne; vous pouvez vous en vanter, nom d'un petit bon homme. Et, ma parole, malgré la toux, que j'y ai gagné, je serais prêt à recommencer. Je plains ceux qui n'ont pas vu ça.

— J'y ai été, — сказалъ Пьеръ.

— Bah, vraiment! Eh bien, tant mieux,—сказалъ французъ.— Vous êtes de fiers ennemis, tout de même. La grande redoute a été tenace, nom d'une pipe. Et vous nous l'avez fait crânement payer. J'y suis allé trois fois, tel que vous me voyez. Trois fois nous étions sur les canons et trois fois on nous a culbuté et comme des capucins de cartes. Oh! s'était beau, m-r Pierre. Vos grenadiers ont été superbes, tonnerre de Dieu. Je les ai vu six fois de suite serrer les rangs et marcher comme à une revue. Les beaux hommes! Notre roi de Naples qui s'y cannait a crié: bravo! — Ah! ah! soldat comme nous autres! — сказалъ онъ улыбаясь послѣ минутнаго молчанія. — Tant mieux, tant mieux, m-r Pierre. Terribles en bataille... galants... (онъ подмигнулъ съ улыбкой) avec les belles. voilà les français, m-r Pierre, n'est-ce pas [1]).

---

[1]) Да, мой милый господинъ Пьеръ, я обязанъ поставить хорошую свѣчку за то, что вы спасли меня отъ этого бѣшенаго. Съ меня, видите ли, довольно тѣхъ пуль, которыя у меня въ тѣлѣ. Вотъ одна получена въ Ваграмѣ, другая въ Смоленскѣ. А эта нога, вы видите, не хочетъ двигаться. Это я нажилъ при большомъ сраженіи 7-го подъ Москвою. Эхъ, это было чудесно! Надо было видѣть; это былъ потопъ огня. Задали вы намъ трудную работу, можете похвалиться, ей-Богу, право! И честное слово, несмотря на простуду, которую я тамъ схватилъ, я былъ бы готовъ начать все снова. Жалѣю тѣхъ, которые не видали этого.

— Я былъ тамъ.

— Ба, въ самомъ дѣлѣ? Тѣмъ лучше. Вы лихіе враги тѣмъ не менѣе. Хорошо держался большой редутъ, клянусь трубкой. И дорого же вы заставили насъ поплатиться. Я тамъ три раза былъ, это вѣрно какъ то, что вы меня видите. Три раза мы были на пушкахъ, три раза насъ опрокидывали, какъ карточныхъ солдатиковъ. Это было красиво, господинъ Пьеръ! Ваши гренадеры были великолѣпны, ей-Богу. Я видѣлъ, какъ ихъ ряды шесть разъ смыкались и какъ они выступали точно на парадѣ. Чудесный народъ! Нашъ неаполитанскій король, который въ этихъ дѣлахъ собаку съѣлъ, кричалъ имъ: браво! Ха, ха, какъ нашъ братъ солдатъ! — Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, господинъ Пьеръ. Страшны въ сраженіяхъ, любезны съ красавицами, вотъ французы, господинъ Пьеръ. Не правда ли?

До такой степени капитанъ былъ наивно и добродушно веселъ, и цѣленъ, и доволенъ собой, что Пьеръ чуть-чуть самъ не подмигнулъ, весело глядя на него. Вѣроятно, слово «galant» навело капитана на мысль о положенiи Москвы.

— A propos, dites donc, est-ce vrai que toutes les femmes ont quitté Moscou? Une drôle d'idée! Qu'avaient-elles à craindre?

— Est-ce que les dames françaises ne quitteraient pas Paris, si les russes y entraient? [1]) — сказалъ Пьеръ.

— Ah, ah, ah!..— Французъ весело, сангвинически расхохотался, трепля по плечу Пьера.— Ah! elle est forte, celle-là,— проговорилъ онъ. — Paris?.. Mais, Paris, Paris...

— Paris, la capitale du monde... [2]) — сказалъ Пьеръ, доканчивая его рѣчь.

Капитанъ посмотрѣлъ на Пьера. Онъ имѣлъ привычку въ серединѣ разговора остановиться и поглядѣть пристально смѣющимися, ласковыми глазами.

— Eh bien, si vous ne m'aviez pas dit que vous êtes russe, j'aurai parié que vous êtes parisien. Vous avez ce je ne sais quoi, ce...[3]) — и, сказавъ этотъ комплиментъ, онъ опять молча посмотрѣлъ.

– J'ai été à Paris, j'y ai passé des années,—сказалъ Пьеръ.

— Oh, ça se voit bien. Paris!.. Un homme qui ne connait pas Paris, est un sauvage. Un parisien, ça se sent à deux lieues. Paris, c'est Talma, la Duschénois, Potier, la Sorbonne, les boulevards [4]), — и, замѣтивъ, что заключенiе слабѣе предыдущаго, онъ поспѣшно прибавилъ: — il n'y a qu'un Paris au monde. Vous avez été à Paris et vous êtes resté russe. Eh bien, je ne vous en estime pas moins [5]).

Подъ влiянiемъ выпитаго вина и послѣ дней, проведенныхъ въ уединенiи съ своими мрачными мыслями, Пьеръ испытывалъ

---

[1]) Кстати, скажите пожалуйста, правда ли, что всѣ женщины уѣхали изъ Москвы? Странная мысль, чего онѣ боялись?

— А развѣ французскiя дамы не покинули бы Парижъ, если бы русскiе вступили бы?

[2]) Ну, отмочилъ: Парижъ?.. Но то Парижъ... Парижъ...

— Парижъ — столица мiра...

[3]) Ну, если бъ вы мнѣ не сказали, что вы русскiй, я бы побился объ закладъ, что вы парижанинъ. Въ васъ что-то есть, эта...

[4]) Я былъ въ Парижѣ, я провелъ тамъ цѣлые годы.

— О, это видно. Парижъ!.. Человѣкъ, который не знаетъ Парижа,— дикарь. Парижанина узнаешь за двѣ мили. Парижъ—это Тальма, Дюшенуа, Потье, Сорбонна, бульвары.

[5]) Во всемъ мiрѣ существуетъ только одинъ Парижъ. Вы были въ Парижѣ и остались русскимъ. Ну, что же, я васъ за то не менѣе уважаю.

невольное удовольствіе въ разговорѣ съ этимъ веселымъ и добродушнымъ человѣкомъ.

— Pour en revenir à vos dames, on les dit bien belles. Quelle fichue idée d'aller s'enterrer dans les steppes, quand l'armée française est à Moscou. Quelle chance elles ont manqué, celles-là. Vos moujiks, c'est autre chose, mais vous autres, gens civilisés, vous devriez nous connaître mieux que ça. Nous avons pris Vienne, Berlin, Madrid, Naples, Rome, Varsovie, toutes les capitales du monde... On nous craint, mais on nous aime. Nous sommes bons à connaître [1]). Et puis, l'Empereur...—началъ онъ, но Пьеръ перебилъ его.

— L'Empereur, — повторилъ Пьеръ, и лицо его вдругъ приняло грустное и сконфуженное выраженіе. — Est-ce que l'Empereur... [2]).

— L'Empereur? C'est la générosité, la clémence, la justice, l'ordre, le génie, voilà l'Empereur! C'est moi, Ramball, qui vous le dis... Tel que vous me voyez, j'étais son ennemi il y a encore huit ans. Mon père a été comte émigré... Mais il m'a vaincu, cet homme. Il m'a empoigné. Je n'ai pas pu résister au spectacle de grandeur et de gloire dont il couvrait la France. Quand j'ai compris ce qu'il voulait, quand j'ai vu qu'il nous faisait une litière de lauriers, voyez-vous, je me suis dit: voilà un souverain, et je me suis donné à lui. Eh voilà! Oh, oui, mon cher, c'est le plus grand homme des siècles passés et à venir.

— Est-il à Moscou? [3]) — замявшись и съ преступнымъ лицомъ сказалъ Пьеръ.

Французъ посмотрѣлъ на преступное лицо Пьера и усмѣхнулся.

---

[1]) Но воротимся къ вашимъ дамамъ: говорятъ, что онѣ очень красивы. Что за дурацкая мысль поѣхать, зарыться въ степи, когда французская армія въ Москвѣ! Онѣ пропустили чудесный случай. Ваши мужики, я понимаю; но вы—люди образованные—должны бы были знать насъ лучше этого. Мы брали Вѣну, Берлинъ, Мадридъ, Неаполь, Римъ, Варшаву, всѣ столицы міра. Насъ боятся, но насъ любятъ. Не вредно знать насъ поближе. И потомъ императоръ...

[2]) Развѣ императоръ...

[3]) Императоръ? Это великодушіе, милосердіе, справедливость, порядокъ, геній—вотъ что такое императоръ! Это я, Рамбаль, говорю вамъ. Увѣряю васъ, я былъ его врагомъ тому назадъ восемь лѣтъ. Мой отецъ былъ графъ и эмигрантъ. Но онъ побѣдилъ меня, этотъ человѣкъ. Онъ завладѣлъ мною. Я не могъ устоять передъ зрѣлищемъ величія и славы, которымъ онъ покрывалъ Францію Когда я понялъ, чего онъ хотѣлъ, когда я увидалъ, что онъ готовитъ для насъ ложе изъ лавровъ, я сказалъ себѣ: вотъ государь, и я отдался ему. И вотъ! О да, мой милый, это самый великій человѣкъ прошедшихъ и будущихъ вѣковъ.

— Что, онъ въ Москвѣ?

— Non, il fera son entrée demain [1]), — сказалъ онъ и продолжалъ свои разсказы.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ крикомъ нѣсколькихъ голосовъ у воротъ и приходомъ Мореля, который пришелъ объявить капитану, что пріѣхали виртембергскіе гусары и хотятъ ставить лошадей на тотъ же дворъ, на которомъ стояли лошади капитана. Затрудненіе происходило преимущественно оттого, что гусары не понимали того, что̀ имъ говорили.

Капитанъ велѣлъ позвать къ себѣ старшаго унтеръ-офицера и строгимъ голосомъ спросилъ у него, къ какому полку онъ принадлежитъ, кто ихъ начальникъ и на какомъ основаніи онъ позволяетъ себѣ занимать квартиру, которая уже занята. На первые два вопроса нѣмецъ, плохо понимавшій по-французски, назвалъ свой полкъ и своего начальника; но на послѣдній вопросъ онъ, не понявъ его, вставляя ломаныя французскія слова въ нѣмецкую рѣчь, отвѣчалъ, что онъ квартиргеръ полка и что ему велѣно отъ начальника занимать всѣ дома подъ рядъ. Пьеръ, знавшій по-нѣмецки, перевелъ капитану то, что̀ говорилъ нѣмецъ, и отвѣтъ капитана передалъ по-нѣмецки виртембергскому гусару. Понявъ то, что̀ ему говорили, нѣмецъ сдался и увелъ своихъ людей. Капитанъ вышелъ на крыльцо, громкимъ голосомъ отдавая какія-то приказанія.

Когда онъ вернулся назадъ въ комнату, Пьеръ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ прежде, опустивъ руки на голову. Лицо его выражало страданіе. Онъ дѣйствительно страдалъ въ эту минуту. Когда капитанъ вышелъ и Пьеръ остался одинъ, онъ вдругъ опомнился и созналъ то положеніе, въ которомъ находился. Не то, что Москва была взята, и не то, что эти счастливые побѣдители хозяйничали въ ней и покровительствовали ему, какъ ни тяжело чувствовалъ это Пьеръ, не это мучило его въ настоящую минуту. Его мучило сознаніе своей слабости. Нѣсколько стакановъ выпитаго вина, разговоръ съ этимъ добродушнымъ человѣкомъ уничтожили сосредоточенно-мрачное расположеніе духа, въ которомъ жилъ Пьеръ эти послѣдніе дни и которое было необходимо для исполненія его намѣренія. Пистолетъ и кинжалъ и армякъ были готовы, Наполеонъ въѣзжалъ завтра. Пьеръ точно такъ же считалъ полезнымъ и достойнымъ убить злодѣя; но онъ чувствовалъ, что теперь онъ не сдѣлаетъ этого. Почему — онъ не зналъ, но предчувствовалъ какъ будто, что онъ не исполнитъ своего намѣренія. Онъ боролся противъ сознанія своей слабости, но

---

[1]) Нѣтъ, онъ сдѣлаетъ свой въѣздъ завтра.

смутно чувствовалъ, что ему не одолѣть ея, что прежній мрачный строй мысли о мщеніи, убійствѣ и самопожертвованіи разлетѣлся какъ прахъ при прикосновеніи перваго человѣка.

Капитанъ, слегка прихрамывая и насвистывая что-то, вошелъ въ комнату.

Забавлявшая прежде Пьера болтовня француза теперь показалась ему противна. И насвистываемая пѣсенка, и походка, и жестъ покручиванья усовъ—все казалось теперь оскорбительнымъ Пьеру. «Я сейчасъ уйду, я ни слова больше не скажу съ нимъ», думалъ Пьеръ. Онъ думалъ это, а между тѣмъ сидѣлъ все на томъ же мѣстѣ. Какое-то странное чувство слабости приковало его къ своему мѣсту; онъ хотѣлъ и не могъ встать и уйти.

Капитанъ, напротивъ, казался очень веселъ. Онъ прошелся два раза по комнатѣ. Глаза его блестѣли, и усы слегка подергивались, какъ будто онъ улыбался, самъ съ собой, какой-то забавной выдумкѣ.

— Charmant, — сказалъ онъ вдругъ, — le colonel de ces wurtembergeois! C'est un allemand; mais brave garçon, s'il en fût. Mais allemand [1]). (Онъ сѣлъ противъ Пьера.) A propos, vous savez donc l'allemand, vous? [2])

Пьеръ смотрѣлъ на него молча.

— Comment dites-vous asile en allemand? [3])

— Asile? — повторилъ Пьеръ. — Asile en allemand — Unterkunft [4]),

— Comment dites-vous? [5])—недовѣрчиво и быстро переспросилъ капитанъ.

— Unterkunft, — повторилъ Пьеръ.

— Onterkoff, — сказалъ капитанъ и нѣсколько секундъ смѣющимися глазами смотрѣлъ на Пьера.—Les allemands sont de fières bêtes. N'est-ce pas, m-r Pierre? [6]) — заключилъ онъ.

— Eh bien, encore une bouteille de ce bordeau moscovite, n'est-ce pas? Morel, va nous chauffer encore une petite bouteille. Morel! [7]) — весело крикнулъ капитанъ.

---

[1]) Прелестенъ полковникъ этихъ вюртембергцевъ. Онъ нѣмецъ, но славный малый, несмотря на то. Но нѣмецъ.

[2]) Кстати, вы, стало-быть, знаете по-нѣмецки?

[3]) Какъ по-нѣмецки убѣжище?

[4]) Убѣжище? Убѣжище по-нѣмецки—Unterkunft.

[5]) Какъ вы говорите?

[6]) Нѣмцы большіе дурни. Не правда ли, г-нъ Пьеръ?

[7]) Ну, еще бутылочку этого московскаго бордо, не такъ ли? Морель, поди согрѣй-ка намъ еще бутылочку. Морель!

Морель подалъ свѣчей и бутылку вина. Капитанъ посмотрѣлъ на Пьера при освѣщеніи, и его, видимо, поразило разстроенное лицо его собесѣдника. Рамбаль съ искреннимъ огорченіемъ и участіемъ въ лицѣ подошелъ къ Пьеру и нагнулся надъ нимъ.

— Eh bien, nous sommes triste [1]), — сказалъ онъ, трогая Пьера за руку. — Vous aurai-je fait de la peine? Non, vrai, avez-vous quelque chose contre moi? — переспрашивалъ онъ. — Peut-être, rapport à la situation? [2])

Пьеръ ничего не отвѣчалъ, но ласково смотрѣлъ въ глаза французу. Это выраженіе участія было пріятно ему.

— Parole d'honneur, sans parler de ce que je vous dois, j'ai de l'amitié pour vous. Puis-je faire quelque chose pour vous? Disposez de moi. C'est à la vie et à la mort [3]). C'est la main sur le coeur que je vous le dis, — сказалъ онъ, ударяя себя въ грудь.

— Merci, — сказалъ Пьеръ.

Капитанъ посмотрѣлъ пристально на Пьера, такъ же, какъ онъ смотрѣлъ, когда узналъ, какъ убѣжище называлось по-нѣмецки, и лицо его вдругъ просіяло.

— Ah! dans ce cas je bois à notre amitié! [4]) — весело крикнулъ онъ, наливая два стакана вина.

Пьеръ взялъ налитой стаканъ и выпилъ его. Рамбаль выпилъ свой, пожалъ еще разъ руку Пьера и въ задумчиво-меланхолической позѣ облокотился на столъ.

— Oui, mon cher ami, voilà les caprices de la fortune, — началъ онъ. — Qui m'aurait dit que je serai soldat et capitaine de dragons au service de Bonaparte, comme nous l'appellions jadis. Et cependant me voilà à Moscou avec lui. Il faut vous dire, mon cher [5]), — продолжалъ онъ грустнымъ и мѣрнымъ голосомъ человѣка, который сбирается разсказывать длинную исторію, — que notre nom est l'un des plus anciens de la France [6]).

---

[1]) Что же это, мы грустны?

[2]) Можетъ, я огорчилъ васъ? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, не имѣете ли вы что-нибудь противъ меня? Можетъ-быть, ваша грусть относится къ положенію дѣлъ?..

[3]) Честное слово, не говоря уже про то, чѣмъ я вамъ обязанъ, я чувствую къ вамъ дружбу. Не могу ли я сдѣлать для васъ что-нибудь? Располагайте мною. Это на жизнь и на смерть. Я говорю вамъ это, кладя руку на сердце.

[4]) А, въ такомъ случаѣ я пью за нашу дружбу!

[5]) Да, мой другъ, вотъ прихоти судьбы! Кто сказалъ бы мнѣ, что я буду солдатъ и капитанъ драгуновъ на службѣ у Бонапарта, какъ мы его бывало называли. Однако же вотъ я въ Москвѣ съ нимъ. Надо вамъ сказать, мой милый.

[6]) Что имя наше одно изъ самыхъ древнихъ во Франціи.

И съ легкой и наивной откровенностью француза капитанъ разсказалъ Пьеру исторію своихъ предковъ, свое дѣтство, отрочество и возмужалость, всѣ свои родственныя, имущественныя и семейныя отношенія. «Ma pauvre mére» играла, разумѣется, важную роль въ этомъ разсказѣ.

— Mais tout ça ce n'est que la mise en scéne de la vie, le fond c'est l'amour! L'amour! N'est-ce pas, m-r Pierre?—сказалъ онъ оживляясь.—Encore un verre [1])

Пьеръ опять выпилъ и налилъ себѣ третій.

— Oh! les femmes, les femmes! [2]) — и капитанъ, замаслившимися глазами глядя на Пьера, началъ говорить о любви и о своихъ любовныхъ похожденіяхъ.

Ихъ было очень много, чему легко было повѣрить, глядя на самодовольное, красивое лицо офицера и на восторженное оживленіе, съ которымъ онъ говорилъ о женщинахъ. Несмотря на то, что всѣ любовныя исторіи Рамбаля имѣли тотъ характеръ пакостности, въ которомъ французы видятъ исключительную прелесть и поэзію любви, капитанъ разсказывалъ свою исторію съ такимъ искреннимъ убѣжденіемъ, что онъ одинъ испыталъ и позналъ всѣ прелести любви, и такъ заманчиво описывалъ женщинъ, что Пьеръ съ любопытствомъ слушалъ его.

Очевидно было, что l'amour, которую такъ любилъ французъ, была ни та низшаго и простого рода любовь, которую Пьеръ испытывалъ когда-то къ своей женѣ, ни та раздуваемая имъ самимъ романтическая любовь, которую онъ испытывалъ къ Наташѣ (оба рода этой любви Рамбаль одинаково презиралъ — одна была l'amour des charretiers, другая — l'amour des nigauds [3]); l'amour, которой поклонялся французъ, заключалась преимущественно въ неестественности отношеній къ женщинѣ и въ комбинаціи уродливости, которыя придавали главную прелесть чувству.

Такъ, капитанъ разсказалъ трогательную исторію своей любви къ одной обворожительной 35-лѣтней маркизѣ и въ то же время къ прелестному, невинному 17-лѣтнему ребенку, дочери обворожительной маркизы. Борьба великодушія между матерью и дочерью, окончившаяся тѣмъ, что мать, жертвуя собой, предложила свою дочь въ жены своему любовнику, еще и теперь, хотя уже давно прошедшее воспоминаніе, волновала капитана. Потомъ онъ разсказалъ одинъ эпизодъ, въ которомъ

---

[1]) Но все это есть только обстановка жизни, сущность же ея—это любовь. Любовь! Не правда ли, г-нъ Пьеръ? Еще стаканчикъ.

[2]) О женщины, женщины!

[3]) Любовь бурлацкая, другая любовь дурней.

мужъ игралъ роль любовника, а онъ (любовникъ) — роль мужа, и нѣсколько комическихъ эпизодовъ изъ souvenirs d'Allemagne, гдѣ asile значитъ Unterkunft, гдѣ les maris mangent de la choux croute и гдѣ les jeunes filles sont trop blondes [1]).

Наконецъ послѣднiй эпизодъ въ Польшѣ, еще свѣжiй въ памяти капитана, который онъ разсказывалъ съ быстрыми жестами и разгорѣвшимся лицомъ, состоялъ въ томъ, что онъ спасъ жизнь одному поляку (вообще, въ разсказахъ капитана эпизодъ спасенiя жизни встрѣчался безпрестанно), и полякъ этотъ ввѣрилъ ему свою обворожительную жену parisienne de coeur [2]) въ то время, какъ самъ поступилъ во французскую службу. Капитанъ былъ счастливъ, обворожительная полька хотѣла бѣжать съ нимъ; но, движимый великодушiемъ, капитанъ возвратилъ мужу жену, при этомъ сказалъ ему: «je vous ai sauvé la vie, et je sauve votre honneur!» [3]) Повторивъ эти слова, капитанъ протеръ глаза и встряхнулся, какъ бы отгоняя отъ себя охватившую его слабость при этомъ трогательномъ воспоминанiи.

Слушая разсказы капитана, какъ это часто бываетъ въ позднюю вечернюю пору и подъ влiянiемъ вина, Пьеръ слѣдилъ за всѣмъ тѣмъ, что говорилъ капитанъ, понималъ все и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдилъ за рядомъ личныхъ воспоминанiй, вдругъ почему-то представшихъ его воображенiю. Когда онъ слушалъ эти разсказы любви, его собственная любовь къ Наташѣ вдругъ неожиданно вспомнилась ему и, перебирая въ своемъ воображенiи картины этой любви, онъ мысленно сравнивалъ ихъ съ разсказами Рамбаля. Слѣдя за разсказомъ о борьбѣ долга съ любовью, Пьеръ видѣлъ предъ собою всѣ малѣйшiя подробности своей послѣдней встрѣчи съ предметомъ своей любви у Сухаревой башни. Тогда эта встрѣча не произвела на него влiянiя; онъ даже ни разу не вспомнилъ о ней. Но теперь ему казалось, что встрѣча эта имѣла что-то очень значительное и поэтическое.

«Петръ Кирилычъ, идите сюда, я узнала», слышалъ онъ теперь сказанныя ею слова, видѣлъ передъ собой ея глаза, улыбку, дорожный чепчикъ, выбившуюся прядь волосъ... и что-то трогательное, умиляющее представлялось ему во всемъ этомъ.

---

[1]) Воспоминанiй о Германiи, гдѣ мужья ѣдятъ капустный супъ и гдѣ молодыя дѣвушки слишкомъ бѣлокуры.

[2]) Парижанка въ душѣ.

[3]) Я спасъ вашу жизнь и спасаю вашу честь.

Окончивъ свой разсказъ объ обворожительной полькѣ, капитанъ обратился къ Пьеру съ вопросомъ, испытывалъ ли онъ подобное чувство самопожертвованія для любви и зависти къ законному мужу.

Вызванный этимъ вопросомъ, Пьеръ поднялъ голову и почувствовалъ необходимость высказать занимавшія его мысли; онъ сталъ объяснять, какъ онъ нѣсколько иначе понимаетъ любовь къ женщинѣ. Онъ сказалъ, что онъ во всю свою жизнь любилъ и любитъ только одну женщину и что эта женщина никогда не можетъ принадлежать ему.

— Tiens! [1]) — сказалъ капитанъ.

Потомъ Пьеръ объяснилъ, что онъ любилъ эту женщину съ самыхъ юныхъ лѣтъ; но не смѣлъ думать о ней потому, что она была слишкомъ молода, а онъ былъ незаконный сынъ безъ имени. Потомъ же, когда онъ получилъ имя и богатство, онъ не смѣлъ думать о ней, потому что слишкомъ любилъ ее, слишкомъ высоко ставилъ ее надъ всѣмъ міромъ и потому тѣмъ болѣе надъ самимъ собой.

Дойдя до этого мѣста своего разсказа, Пьеръ обратился къ капитану съ вопросомъ: понимаетъ ли онъ это?

Капитанъ сдѣлалъ жестъ, выражающій то, что ежели бы онъ не понималъ, то онъ все-таки проситъ продолжать.

— L'amour platonique, les nuages... [2]) — пробормоталъ онъ.

Выпитое ли вино или потребность откровенности, или мысль, что этотъ человѣкъ не знаетъ и не узнаетъ никого изъ дѣйствующихъ лицъ его исторіи, или все вмѣстѣ развязало языкъ Пьеру. И онъ шамкающимъ ртомъ, и масляными глазами глядя куда-то вдаль, разсказалъ всю свою исторію: и свою женитьбу, и исторію любви Наташи къ его лучшему другу, и ея измѣну, и всѣ свои несложныя отношенія къ ней. Вызываемый вопросами Рамбаля, онъ разсказалъ и то, что скрывалъ сначала — свое положеніе въ свѣтѣ, и даже открылъ ему свое имя.

Болѣе всего изъ разсказа Пьера поразило капитана то, что Пьеръ былъ очень богатъ, что онъ имѣлъ два дворца въ Москвѣ и что онъ бросилъ все и не уѣхалъ изъ Москвы, а остался въ городѣ, скрывая свое имя и званіе.

Уже поздно ночью они вмѣстѣ вышли на улицу. Ночь была теплая и свѣтлая. Налѣво отъ дома свѣтило зарево перваго начавшагося въ Москвѣ, на Петровкѣ, пожара. Направо стоялъ высоко молодой серпъ мѣсяца, и въ противоположной отъ

---

1) Каково!

2) Платоническая любовь, облака...

мѣсяца сторонѣ висѣла та свѣтлая комета, которая связывалась въ душѣ Пьера съ его любовью. У воротъ стояли Герасимъ, кухарка и два француза. Слышны были ихъ смѣхъ и разговоръ на непонятномъ другъ для друга языкѣ. Они смотрѣли на зарево, виднѣвшееся въ городѣ.

Ничего страшнаго не было въ небольшомъ отдаленномъ пожарѣ въ огромномъ городѣ.

Глядя на высокое звѣздное небо, на мѣсяцъ, на комету и на зарево, Пьеръ испытывалъ радостное умиленіе. «Ну, вотъ какъ хорошо, чего еще надобно?» подумалъ онъ. И вдругъ, когда онъ вспомнилъ свое намѣреніе, голова его закружилась, съ нимъ сдѣлалось дурно, такъ что онъ прислонился къ забору, чтобы не упасть.

Не простившись съ своимъ новымъ другомъ, Пьеръ нетвердыми шагами отошелъ отъ воротъ и, вернувшись въ свою комнату, легъ на диванъ и тотчасъ же заснулъ.

XXX.

На зарево перваго занявшагося 2-го сентября пожара съ разныхъ дорогъ и съ разными чувствами смотрѣли убѣгавшіе и уѣзжавшіе жители и отступавшія войска.

Поѣздъ Ростовыхъ въ эту ночь стоялъ въ Мытищахъ въ 20-ти верстахъ отъ Москвы. 1-го сентября они выѣхали такъ поздно, дорога такъ была загромождена повозками и войсками, столько вещей было забыто, за которыми были посылаемы люди, что въ эту ночь было рѣшено ночевать въ пяти верстахъ за Москвой. На другое утро проснулись поздно, и опять было столько остановокъ, что доѣхали только до Большихъ Мытищъ. Въ 10 часовъ господа Ростовы и раненые, ѣхавшіе съ ними, всѣ размѣстились по дворамъ и избамъ большого села. Люди, кучера Ростовыхъ и денщики раненыхъ, убравъ господъ, поужинали, задали корму лошадямъ и вышли на крыльцо.

Въ сосѣдней избѣ лежалъ раненый адъютантъ Раевскаго, съ разбитою кистью руки, и страшная боль, которую онъ чувствовалъ, заставляла его жалобно, не переставая, стонать, и стоны эти страшно звучали въ осенней темнотѣ ночи. Въ первую ночь адъютантъ этотъ ночевалъ на томъ же дворѣ, на которомъ стояли и Ростовы. Графиня говорила, что она не могла сомкнуть глазъ отъ этого стона, и въ Мытищахъ она перешла въ худшую избу только для того, чтобы быть подальше отъ этого раненаго.

Одинъ изъ людей въ темнотѣ ночи, изъ-за высокаго кузова стоявшей у подъѣзда кареты, замѣтилъ другое небольшое зарево пожара. Одно зарево давно уже видно было, и всѣ знали, что это горѣли Малыя Мытищи, зажженныя Мамоновскими казаками.

— А вѣдь это, братцы, другой пожаръ,—сказалъ денщикъ.

Всѣ обратили вниманіе на зарево.

— Да вѣдь сказывали, Малыя Мытищи Мамоновскіе казаки зажгли.

— Онѣ? Нѣтъ, это не Мытищи, это далѣ.

— Глянь-ко, точно въ Москвѣ.

Двое изъ людей сошли съ крыльца, зашли за карету и присѣли на подножку.

— Это лѣвѣй, какъ же: Мытищи вонъ гдѣ, а это вовсе въ другой сторонѣ.

Нѣсколько людей присоединились къ первымъ.

— Вишь, полыхаетъ, — сказалъ одинъ, — это, господа, въ Москвѣ пожаръ: либо въ Сущевской, либо въ Рогожской.

Никто не отвѣтилъ на это замѣчаніе. И довольно долго всѣ эти люди молча смотрѣли на далекое разгоравшееся пламя новаго пожара.

Старикъ, графскій камердинеръ (какъ его называли), Данила Терентьичъ подошелъ къ толпѣ и крикнулъ Мишку.

— Ты чего не видалъ, шалава!.. Графъ спроситъ, а никого нѣтъ; иди, платье собери.

— Да я только за водой бѣжалъ,—сказалъ Мишка.

— А вы какъ думаете, Данила Терентьичъ, вѣдь это будто въ Москвѣ зарево? — сказалъ одинъ изъ лакеевъ.

Данила Терентьичъ ничего не отвѣчалъ, и долго опять всѣ молчали. Зарево расходилось и колыхалось все дальше и дальше.

— Помилуй Богъ!.. Вѣтеръ да сушь...—опять сказалъ голосъ.

— Глянь-ко, какъ пошло. О, Господи! ажъ галки видно; Господи, помилуй насъ грѣшныхъ.

— Потушатъ, небось.

— Кому тушить-то? — послышался голосъ Данилы Терентьича, молчавшаго до сихъ поръ. (Голосъ его былъ спокоенъ и медлителенъ). — Москва и есть, братцы, — сказалъ онъ, — она матушка бѣлока... — голосъ его оборвался, и онъ вдругъ старчески всхлипнулъ.

И какъ будто только этого ждали всѣ, чтобы понять то значеніе, которое имѣло для нихъ это виднѣвшееся зарево. Послышались вздохи, слова молитвы и всхлипываніе стараго графскаго камердинера.

XXXI.

Камердинеръ, вернувшись, доложилъ графу, что горитъ Москва. Графъ надѣлъ халатъ и вышелъ посмотрѣть. Съ нимъ вмѣстѣ вышли и не раздѣвавшаяся еще Соня, и madame Schoss. Наташа и графиня однѣ оставались въ комнатѣ. (Пети не было больше съ семействомъ: онъ пошелъ съ своимъ полкомъ, шедшимъ къ Троицѣ).

Графиня заплакала, услыхавши вѣсть о пожарѣ Москвы. Наташа, блѣдная, съ остановившимися глазами, сидѣвшая подъ образами на лавкѣ (на томъ самомъ мѣстѣ, на которое она сѣла пріѣхавши), не обратила никакого вниманія на слова отца. Она прислушивалась къ неумолкаемому стону адъютанта, слышному черезъ три дома.

— Ахъ, какой ужасъ!—сказала, возвратившись со двора, иззябшая и испуганная Соня.—Я думаю, вся Москва сгоритъ; ужасное зарево! Наташа, посмотри, теперь отсюда, изъ окошка видно,—сказала она сестрѣ, видимо желая чѣмъ-нибудь развлечь ее.

Но Наташа посмотрѣла на нее, какъ бы не понимая того, что̀ у ней спрашивали, и опять уставилась глазами въ уголъ печи. Наташа находилась въ этомъ состояніи столбняка съ нынѣшняго утра, съ того самаго времени, какъ Соня, къ удивленію и досадѣ графини, непонятно для чего, нашла нужнымъ объявить Наташѣ о ранѣ князя Андрея и о его присутствіи съ ними въ поѣздѣ. Графиня разсердилась на Соню, какъ она рѣдко сердилась. Соня плакала и просила прощенія и теперь, какъ бы стараясь загладить свою вину, не переставая, ухаживала за сестрой.

— Посмотри, Наташа, какъ ужасно горитъ,—сказала Соня.

— Что горитъ? — спросила Наташа. — Ахъ, да, Москва.

И какъ бы для того, чтобы не обидѣть Соню отказомъ и отдѣлаться отъ нея, она подвинула голову къ окну, поглядѣла такъ, что, очевидно, не могла ничего видѣть, и опять сѣла въ свое прежнее положеніе.

— Да ты не видѣла?

— Нѣтъ, право, я видѣла,—умоляющимъ о спокойствіи голосомъ сказала она.

И графинѣ и Сонѣ понятно было, что Москва, пожаръ Москвы, что̀ бы то ни было, конечно, не могло имѣть значенія для Наташи.

Графъ опять пошелъ за перегородку и легъ. Графиня подошла къ Наташѣ, дотронулась перевернутой рукой до ея головы, какъ это она дѣлала, когда дочь ея бывала больна, потомъ дотронулась до ея лба губами, какъ бы для того, чтобы узнать, есть ли жаръ, и поцѣловала ее.

— Ты озябла? Ты вся дрожишь. Ты бы ложилась,— сказала она.

— Ложиться? Да, хорошо, я лягу. Я сейчасъ лягу,—сказала Наташа.

Съ тѣхъ поръ, какъ Наташѣ въ нынѣшнее утро сказали о томъ, что князь Андрей тяжело раненъ и ѣдетъ съ ними, она только въ первую минуту много спрашивала о томъ: куда? какъ? опасно ли онъ раненъ? и можно ли ей видѣть его? Но послѣ того, какъ ей сказали, что видѣть его ей нельзя, что онъ раненъ тяжело, но что жизнь его не въ опасности, она, очевидно не повѣривъ тому, что̀ ей говорили, но убѣдившись, что, сколько бы она ни говорила, ей будутъ отвѣчать одно и то же, перестала спрашивать и говорить. Всю дорогу, съ большими глазами, которые такъ знала и которыхъ выраженія такъ боялась графиня, Наташа сидѣла неподвижно въ углу кареты и такъ же сидѣла теперь на лавкѣ, на которую сѣла. Что-то она задумала, что-то она рѣшала или уже рѣшила въ своемъ умѣ теперь—это знала графиня; но что̀ это такое было, она не знала, и это-то страшило и мучило ее.

— Наташа, раздѣнься, голубушка; ложись на мою постель. (Только графинѣ одной была постлана постель на кровати: m-me Schoss и обѣ барышни должны были спать на полу на сѣнѣ.)

— Нѣтъ, мама, я лягу тутъ на полу,—сердито сказала Наташа, подошла къ окну и отворила его.

Стоны адъютанта послышались изъ открытаго окна явственнѣе. Она высунула голову въ сырой воздухъ ночи, и графиня видѣла, какъ тонкая шея ея тряслась отъ рыданій и билась о раму. Наташа знала, что стоналъ не князь Андрей. Она знала, что князь Андрей лежалъ въ той же связи, гдѣ они были, въ другой избѣ черезъ сѣни; но этотъ страшный неумолкавшій стонъ заставилъ зарыдать ее. Графиня переглянулась съ Соней.

— Ложись, голубушка; ложись, дружочекъ,— сказала графиня, слегка дотрогиваясь рукой до плеча Наташи.—Ну, ложись же.

— Ахъ, да... Я сейчасъ, сейчасъ лягу,—сказала Наташа, поспѣшно раздѣваясь и обрывая завязки юбокъ.

Скинувъ платье и надѣвъ кофту, она, подвернувъ ноги, сѣла на приготовленную на полу постель и, перекинувъ черезъ

плечо напередъ свою недлинную тонкую косу, стала переплетать ее. Тонкіе, длинные привычные пальцы быстро, ловко разбирали, плели, завязывали косу. Голова Наташи привычнымъ жестомъ поворачивалась то въ одну, то въ другую сторону, но глаза, лихорадочно открытые, неподвижно смотрѣли прямо. Когда ночной костюмъ былъ оконченъ, Наташа тихо опустилась на простыню, постланную на сѣно, съ края отъ двери.

— Наташа, ты въ середину лягъ, — сказала Соня.

— Я тутъ,—проговорила Наташа.—Да ложитесь же,—прибавила она съ досадой. И она зарылась лицомъ въ подушку.

Графиня, m-me Schoss и Соня поспѣшно раздѣлись и легли. Одна лампадка осталась въ комнатѣ. Но на дворѣ свѣтило отъ пожара Малыхъ Мытищъ за двѣ версты, и гудѣли ночные крики народа въ кабакѣ, который разбили Мамоновскіе казаки, на перекоскѣ, на улицѣ, и все слышался неумолкаемый стонъ адъютанта.

Долго прислушивалась Наташа къ внутреннимъ и внѣшнимъ звукамъ, доносившимся до нея, и не шевелилась. Она слышала сначала молитву и вздохи матери, трещаніе подъ ней ея кровати, знакомый съ свистомъ храпъ m-me Schoss, тихое дыханіе Сони. Потомъ графиня окликнула Наташу. Наташа не отвѣчала ей.

— Кажется, спитъ, мама,—тихо отвѣчала Соня.

Графиня, помолчавъ немного, окликнула еще, но уже никто ей не откликнулся.

Скоро послѣ этого Наташа услышала ровное дыханіе матери. Наташа не шевелилась, несмотря на то, что ея маленькая босая нога, вывернувшись изъ-подъ одѣяла, зябла на голомъ полу.

Какъ бы празднуя побѣду надъ всѣми, въ щели закричалъ сверчокъ. Пропѣлъ пѣтухъ далеко, откликнулся близкій. Въ кабакѣ затихли крики; только слышался тотъ же стонъ адъютанта. Наташа приподнялась.

— Соня, ты спишь? Мама!—прошептала она.

Никто не отвѣтилъ. Наташа медленно и осторожно встала, перекрестилась и ступила осторожно узкой и гибкой босой ступней на грязный холодный полъ. Скрипнули половицы. Она, быстро перебирая ногами, пробѣжала, какъ котенокъ, нѣсколько шаговъ и взялась за холодную скобку двери.

Ей казалось, что-то тяжелое, равномѣрно ударяя, стучитъ во всѣ стѣны избы: это билось ея замиравшее отъ страха, отъ ужаса и любви разрывающееся сердце.

Она отворила дверь, перешагнула порогъ и ступила на сырую холодную землю сѣней. Обхватившій холодъ освѣжилъ ее.

Она ощупала босой ногой спящаго человѣка, перешагнула черезъ него и отворила дверь въ избу, гдѣ лежалъ князь Андрей. Въ избѣ этой было темно. Въ заднемъ углу у кровати, на которой лежало что-то, на лавкѣ стояла нагорѣвшая большимъ грибомъ сальная свѣчка.

Наташа съ утра еще, когда ей сказали про рану и присутствіе князя Андрея, рѣшила, что она должна видѣть его. Она не знала, для чего это должно было, но она знала, что свиданіе будетъ мучительно, и тѣмъ болѣе она была убѣждена, что оно было необходимо.

Весь день она жила только надеждой того, что ночью она увидитъ его. Но теперь, когда наступила эта минута, на нее нашелъ ужасъ того, что̀ она увидитъ. Какъ онъ былъ изуродованъ? Что оставалось отъ него? Такой ли онъ былъ, какой былъ этотъ неумолкавшій стонъ адъютанта? Да, онъ весь такой. Онъ былъ въ ея воображеніи олицетвореніе этого ужаснаго стона. Когда она увидала неясную массу въ углу и приняла его поднятыя подъ одѣяломъ колѣни за его плечи, она представила себѣ какое-то ужасное тѣло и въ ужасѣ остановилась. Но непреодолимая сила влекла ее впередъ. Она осторожно ступила одинъ шагъ, другой и очутилась на серединѣ небольшой загроможденной избы. Въ избѣ подъ образами лежалъ на лавкахъ другой человѣкъ (это былъ Тимохинъ), и на полу лежали еще два какіе-то человѣка (это были докторъ и камердинеръ).

Камердинеръ приподнялся и прошепталъ что-то. Тимохинъ, страдая отъ боли въ раненой ногѣ, не спалъ и во всѣ глаза смотрѣлъ на странное явленіе дѣвушки въ бѣлой рубашкѣ, кофтѣ и ночномъ чепчикѣ. Сонныя и испуганныя слова камердинера: «чего вамъ, зачѣмъ?» только заставили скорѣе Наташу подойти къ тому, что̀ лежало въ углу. Какъ ни страшно непохоже на человѣка было это тѣло, она должна была его видѣть. Она миновала камердинера; нагорѣвшій грибъ свѣчки свалился, и она ясно увидала лежащаго съ выпростанными руками на одѣялѣ князя Андрея такого, какимъ она его всегда видѣла.

Онъ былъ такой же, какъ всегда; но воспаленный цвѣтъ его лица, блестящіе глаза, устремленные восторженно на нее, а въ особенности нѣжная дѣтская шея, выступавшая изъ отложеннаго воротника рубашки, давали ему особый невинный, ребяческій видъ, котораго, однако, она никогда не видала въ князѣ Андреѣ. Она подошла къ нему и быстрымъ, гибкимъ, молодымъ движеніемъ стала на колѣни.

Онъ улыбнулся и протянулъ ей руку.

XXXII.

Для князя Андрея прошло семь дней съ того времени, какъ онъ очнулся на перевязочномъ пунктѣ Бородинскаго поля. Все это время онъ находился почти въ постоянномъ безпамятствѣ. Горячечное состояніе и воспаленіе кишекъ, которыя были повреждены, по мнѣнію доктора, ѣхавшаго съ раненымъ, должны были унести его. Но на 7-й день онъ съ удовольствіемъ съѣлъ ломоть хлѣба съ чаемъ, и докторъ замѣтилъ, что общій жаръ уменьшился. Князь Андрей поутру пришелъ въ сознаніе. Первую ночь послѣ выѣзда изъ Москвы было довольно тепло, и князь Андрей былъ оставленъ для ночлега въ коляскѣ; но въ Мытищахъ раненый самъ потребовалъ, чтобы его вынесли и чтобы ему дали чаю. Боль, причиненная ему переноской въ избу, заставила князя Андрея громко стонать и потерять опять сознаніе. Когда его уложили на походной кровати, онъ долго лежалъ съ закрытыми глазами безъ движенія. Потомъ онъ открылъ ихъ и тихо прошепталъ: «Что же чаю?» Памятливость эта къ мелкимъ подробностямъ жизни поразила доктора. Онъ пощупалъ пульсъ и къ удивленію и неудовольствію своему замѣтилъ, что пульсъ былъ лучше. Къ неудовольствію своему это замѣтилъ докторъ потому, что онъ по опыту своему былъ убѣжденъ, что жить князь Андрей не можетъ и что ежели онъ не умретъ теперь, то онъ только съ бо̀льшими страданіями умретъ нѣсколько времени послѣ. Съ княземъ Андреемъ везли присоединившагося къ нимъ въ Москвѣ майора его полка Тимохина съ краснымъ носикомъ, раненаго въ ногу въ томъ же Бородинскомъ сраженіи. При нихъ ѣхалъ докторъ, камердинеръ князя, его кучеръ и два денщика.

Князю Андрею дали чаю. Онъ жадно пилъ, лихорадочными глазами глядя впередъ себя на дверь, какъ бы стараясь что-то понять и припомнить.

— Не хочу больше. Тимохинъ тутъ? — спросилъ онъ.

— Тимохинъ подползъ къ нему по лавкѣ.

— Я здѣсь, ваше сіятельство.

— Какъ рана?

— Моя-то-съ? Ничего. Вотъ вы-то?

Князь Андрей опять задумался, какъ будто припоминая что-то.

— Нельзя ли достать книгу? — сказалъ онъ.

— Какую книгу?

— Евангеліе! У меня нѣтъ.

Докторъ обѣщался достать и сталъ разспрашивать князя о томъ, что̀ онъ чувствуетъ. Князь Андрей неохотно, но разумно отвѣчалъ на всѣ вопросы доктора и потомъ сказалъ, что ему надо бы подложить валикъ, а то неловко и очень больно. Докторъ и камердинеръ подняли шинель, которою онъ былъ накрытъ, и, морщась отъ тяжкаго запаха гнилого мяса, распространявшагося отъ раны, стали разсматривать это страшное мѣсто. Докторъ чѣмъ-то очень остался недоволенъ, что-то иначе передѣлалъ, перевернулъ раненаго такъ, что тотъ опять застоналъ и отъ боли во время поворачиванія опять потерялъ сознаніе и сталъ бредить. Онъ все говорилъ о томъ, чтобы ему достали поскорѣе эту книгу и подложили бы ее туда.

— И что это вамъ сто̀итъ!—говорилъ онъ.—У меня ея нѣтъ—достаньте, пожалуйста; подложите на минуточку,—говорилъ онъ жалкимъ голосомъ.

Докторъ вышелъ въ сѣни, чтобы умыть руки.

— Ахъ, безсовѣстные, право,—говорилъ докторъ камердинеру, лившему ему воду на руки.—Только на минуту не досмотрѣлъ. Вѣдь это такая боль, что я удивляюсь, какъ онъ терпитъ.

— Мы, кажется, подложили, Господи Іисусе Христе,—говорилъ камердинеръ.

Въ первый разъ князь Андрей понялъ, гдѣ онъ былъ и что̀ съ нимъ было, и вспомнилъ то, что онъ былъ раненъ и какъ въ ту минуту, когда коляска остановилась въ Мытищахъ, онъ попросился въ избу. Спутавшись опять отъ боли, онъ опомнился другой разъ въ избѣ, когда пилъ чай, и тутъ опять, повторивъ въ своемъ воспоминаніи все, что съ нимъ было, онъ живѣе всего представилъ себѣ ту минуту на перевязочномъ пунктѣ, когда, при видѣ страданій нелюбимаго имъ человѣка, ему пришли эти новыя, сулившія ему счастье мысли. И мысли эти, хотя и неясно и неопредѣленно, теперь опять овладѣли его душой. Онъ вспомнилъ, что у него было теперь новое счастье и что это счастье имѣло что-то такое общее съ евангеліемъ. Потому-то онъ попросилъ евангеліе. Но дурное положеніе, которое дали его ранѣ, новое переворачиваніе опять смѣшали его мысли, и онъ въ третій разъ очнулся къ жизни уже въ совершенной тишинѣ ночи. Всѣ спали вокругъ него. Сверчокъ кричалъ черезъ сѣни; на улицѣ кто-то кричалъ и пѣлъ; тараканы шелестили по столу, образамъ и стѣнамъ; толстая муха билась у него по изголовью и около сальной свѣчи, нагорѣвшей большимъ грибомъ и стоявшей подлѣ него.

Душа его была не въ нормальномъ состояніи. Здоровый человѣкъ обыкновенно мыслитъ, ощущаетъ и вспоминаетъ одновременно о безчисленномъ количествѣ предметовъ, но имѣетъ власть и силу, избравъ одинъ рядъ мыслей или явленій, на этомъ рядѣ явленій остановить все свое вниманіе. Здоровый человѣкъ въ минуту глубочайшаго размышленія отрывается, чтобы сказать учтивое слово вошедшему человѣку, и опять возвращается къ своимъ мыслямъ. Душа же князя Андрея была не въ нормальномъ состояніи въ этомъ отношеніи. Всѣ силы его души были дѣятельнѣе, яснѣе, чѣмъ когда-нибудь, но онѣ дѣйствовали внѣ его воли. Самыя разнообразныя мысли и представленія одновременно владѣли имъ. Иногда мысль его вдругъ начинала работать, и съ такой силой, ясностью и глубиною, съ какой никогда она не была въ силахъ дѣйствовать въ здоровомъ состояніи; но вдругъ, посрединѣ своей работы, она обрывалась, замѣнялась какимъ-нибудь неожиданнымъ представленіемъ, и не было силъ возвратиться къ ней.

«Да, мнѣ открылось новое счастье, неотъемлемое отъ человѣка», думалъ онъ, лежа въ полутемной тихой избѣ и глядя впередъ лихорадочно-раскрытыми, остановившимися глазами. «Счастье, находящееся внѣ матеріальныхъ силъ, внѣ матеріальныхъ внѣшнихъ вліяній на человѣка, счастье одной души, счастье любви! Понять его можетъ всякій человѣкъ, но сознать и предписать его могъ только одинъ Богъ. Но какъ же Богъ предписалъ этотъ законъ? Почему сынъ?..»

И вдругъ ходъ мыслей этихъ оборвался, и князь Андрей услыхалъ (не зная, въ бреду или въ дѣйствительности онъ слышитъ это), услыхалъ какой-то тихій шепчущій голосъ, неумолкаемо въ тактъ твердившій: «пити-пити-пити» и потомъ «и ти-ти», и опять «и пити-пити-пити», и опять «и ти-ти». Вмѣстѣ съ этимъ, подъ звукъ этой шепчущей музыки, князь Андрей чувствовалъ, что надъ лицомъ его, надъ самой серединой, воздвигалось какое-то странное воздушное зданіе изъ тонкихъ иголокъ или лучинокъ. Онъ чувствовалъ (хотя это и тяжело ему было), что ему надо было старательно держать равновѣсіе для того, чтобы воздвигавшееся зданіе это не завалилось; но оно все-таки заваливалось и опять медленно воздвигалось при звукахъ равномѣрно шепчущей музыки. «Тянется! тянется! растягивается и все тянется», говорилъ себѣ князь Андрей. Вмѣстѣ съ прислушиваньемъ къ шопоту и съ ощущеніемъ этого тянущагося и воздвигающагося зданія изъ иголокъ князь Андрей видѣлъ урывками и красный окруженный свѣтъ свѣчки и слышалъ шуршанье таракановъ и шуршанье мухи, бившейся на подушкѣ и на лицѣ его.

И всякій разъ, какъ муха прикасалась къ его лицу, она производила жгучее ощущеніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ его удивляло то, что, ударяясь въ самую область воздвигавшагося на лицѣ его зданія, муха не разрушала его. Но, кромѣ этого, было еще одно важное. Это было бѣлое у двери, это была статуя сфинкса, которая тоже давила его.

«Но, можетъ-быть, это моя рубашка на столѣ», думалъ князь Андрей, «а это мои ноги, а это дверь; но отчего же все тянется и выдвигается «и пити-пити-пити и ти-ти—и пити-пити-пити...» Довольно, перестань, пожалуйста, оставь», тяжело просилъ кого-то князь Андрей. И вдругъ опять выплывала мысль и чувство съ необыкновенною ясностью и силой.

«Да, любовь (думалъ онъ опять съ совершенною ясностью), но не та любовь, которая любитъ за что-нибудь, для чего-нибудь или почему-нибудь, но та любовь, которую я испыталъ въ первый разъ, когда, умирая, я увидалъ своего врага и все-таки полюбилъ его. Я испыталъ то чувство любви, которая есть самая сущность души и для которой не нужно предмета. Я и теперь испытываю это блаженное чувство.—Любить ближнихъ, любить враговъ своихъ. Все любить — любить Бога во всѣхъ проявленіяхъ. Любить человѣка дорогого можно человѣческою любовью; но только врага можно любить любовью божеской. И отъ этого-то я испыталъ такую радость, когда я почувствовалъ, что люблю того человѣка. Что съ нимъ? Живъ ли онъ?..

«Любя человѣческою любовью, можно отъ любви перейти къ ненависти; но божеская любовь не можетъ измѣниться. Ничто, ни смерть, ничто не можетъ разрушить ее. Она есть сущность души. А сколь многихъ людей я ненавидѣлъ въ своей жизни. И изъ всѣхъ людей никого больше не любилъ я и не ненавидѣлъ, какъ ее». И онъ живо представилъ себѣ Наташу не такъ, какъ онъ представлялъ себѣ ее прежде; съ одной ея прелестью, радостной для себя; но въ первый разъ представилъ себѣ ея душу. И онъ понялъ ея чувство, ея страданія, стыдъ, раскаяніе. Онъ теперь въ первый разъ понялъ всю жестокость своего отказа, видѣлъ жестокость своего разрыва съ нею. «Ежели бы мнѣ было возможно только еще одинъ разъ увидать ее. Одинъ разъ, глядя въ эти глаза, сказать...»

«И пити-пити-пити и ти-ти и пити-пити»—бумъ! ударилась муха. И вниманіе его вдругъ перенеслось въ другой міръ дѣйствительности и бреда, въ которомъ что-то происходило особенное. Все такъ же въ этомъ мірѣ все воздвигалось, не разрушаясь, зданіе, все такъ же тянулось что-то, такъ же съ краснымъ кругомъ горѣла свѣчка, та же рубашка-сфинксъ лежала

у двери; но, кромѣ всего этого, что-то скрипнуло, пахнуло-свѣжимъ вѣтромъ, и новый бѣлый сфинксъ, стоячій, явился передъ дверью. И въ головѣ этого сфинкса было блѣдное лицо и блестящіе глаза той самой Наташи, о которой онъ сейчасъ думалъ.

«О, какъ тяжелъ этотъ неперестающій бредъ!» подумалъ князь Андрей, стараясь изгнать это лицо изъ своего воображенія. Но лицо это стояло передъ нимъ съ силою дѣйствительности, и лицо это приближалось. Князь Андрей хотѣлъ вернуться къ прежнему міру чистой мысли, но онъ не могъ, и бредъ втягивалъ его въ свою область. Тихій шепчущій голосъ продолжалъ свой мѣрный лепетъ, что-то давило, тянулось, и странное лицо стояло передъ нимъ. Князь Андрей собралъ всѣ свои силы, чтобы опомниться; онъ пошевелился, и вдругъ въ ушахъ его зазвенѣло, въ глазахъ помутилось, и онъ, какъ человѣкъ, окунувшійся въ воду, потерялъ сознаніе. Когда онъ очнулся, Наташа, та самая живая Наташа, которую изъ всѣхъ людей въ мірѣ ему болѣе всего хотѣлось любить той новой, чистой, божеской любовью, которая была теперь открыта ему, стояла передъ нимъ на колѣняхъ. Онъ понялъ, что это была живая, настоящая Наташа, и не удивился, но тихо обрадовался. Наташа, стоя на колѣняхъ, испуганно, но прикованно (она не могла двинуться) глядѣла на него, удерживая рыданія. Лицо ея было блѣдно и неподвижно. Только въ нижней части его трепетало что-то.

Князь Андрей облегчительно вздохнулъ, улыбнулся и протянулъ руку.

— Вы? — сказалъ онъ. — Какъ счастливо!

Наташа быстрымъ, но осторожнымъ движеніемъ подвинулась къ нему на колѣняхъ и, взявъ осторожно его руку, нагнулась надъ ней лицомъ и стала цѣловать ее, чуть дотрогиваясь губами.

— Простите! — сказала она шопотомъ, поднявъ голову и взглядывая на него. — Простите меня!

— Я васъ люблю, — сказалъ князь Андрей.

— Простите...

— Что простить? — спросилъ князь Андрей.

— Простите меня за то, что я сдѣ...лала, — чуть слышнымъ прерывнымъ шопотомъ проговорила Наташа и чаще стала, чуть дотрогиваясь губами, цѣловать руку.

— Я люблю тебя больше, лучше, чѣмъ прежде, — сказалъ князь Андрей, поднимая рукой ея лицо такъ, чтобы онъ могъ глядѣть въ ея глаза.

Глаза эти, налитые счастливыми слезами, робко, сострадательно и радостно-любовно смотрѣли на него. Худое и блѣдное

лицо Наташи, съ распухшими губами, было болѣе чѣмъ некрасиво, — оно было страшно. Но князь Андрей не видѣлъ этого лица, онъ видѣлъ сіяющіе глаза, которые были прекрасны. Сзади ихъ послышался говоръ.

Петръ, камердинеръ, теперь совсѣмъ очнувшійся отъ сна, разбудилъ доктора. Тимохинъ, не спавшій все время отъ боли въ ногѣ, давно уже видѣлъ все, что̀ дѣлалось, и, старательно закрывая простыней свое неодѣтое тѣло, ежился на лавкѣ.

— Это что такое? — сказалъ докторъ, приподнявшись съ своего ложа. — Извольте идти, сударыня.

Въ это же время въ дверь стучалась дѣвушка, посланная графиней, хватившейся дочери.

Какъ сомнамбулка, которую разбудили въ серединѣ ея сна, Наташа вышла изъ комнаты и, вернувшись въ свою избу, рыдая упала на свою постель.

Съ этого дня во время всего дальнѣйшаго путешествія Ростовыхъ, на всѣхъ отдыхахъ и ночлегахъ, Наташа не отходила отъ раненаго Болконскаго, и докторъ долженъ былъ признаться, что онъ не ожидалъ отъ дѣвицы ни такой твердости, ни такого искусства ходить за раненымъ.

Какъ ни страшна казалась для графини мысль, что князь Андрей могъ (весьма вѣроятно, по словамъ доктора) умереть во время дороги на рукахъ ея дочери, она не могла противиться Наташѣ. Хотя вслѣдствіе теперь установившагося сближеніе между раненымъ княземъ Андреемъ и Наташей и приходило въ голову, что въ случаѣ выздоровленія прежнія отношенія жениха и невѣсты будутъ возобновлены, никто, еще менѣе Наташа и князь Андрей, не говорилъ объ этомъ: нерѣшенный, висящій вопросъ жизни или смерти не только надъ Болконскимъ, но надъ Россіей заслонялъ всѣ другія предположенія.

XXXIII.

Пьеръ проснулся 3-го сентября поздно. Голова его болѣла; платье, въ которомъ онъ спалъ, не раздѣваясь, тяготило его тѣло; и на душѣ было смутное сознаніе чего-то постыднаго, совершоннаго накануне. Это постыдное былъ вчерашній разговоръ съ капитаномъ Рамбалемъ.

Часы показывали 11, но на дворѣ казалось особенно пасмурно. Пьеръ всталъ, протеръ глаза, и, увидавъ пистолетъ съ

вырѣзнымъ ложемъ, который Герасимъ положилъ опять на письменный столъ, Пьеръ вспомнилъ то, гдѣ онъ находился и что ему предстояло именно въ нынѣшній день.

«Ужъ не опоздалъ ли я?» подумалъ Пьеръ. «Нѣтъ; вѣроятно, *онъ* сдѣлаетъ свой въѣздъ въ Москву не ранѣе 12-ти».

Пьеръ не позволялъ себѣ размышлять о томъ, что ему предстояло, но торопился поскорѣе дѣйствовать.

Оправивъ на себѣ платье, Пьеръ взялъ въ руки пистолетъ и сбирался уже идти. Но тутъ ему въ первый разъ пришла мысль о томъ, какимъ образомъ, не въ рукѣ же, по улицѣ нести ему это оружіе. Даже подъ широкимъ кафтаномъ трудно было спрятать большой пистолетъ. Ни за поясомъ, ни подъ мышкой нельзя было помѣстить его незамѣтнымъ. Кромѣ того, пистолетъ былъ разряженъ, а Пьеръ не успѣлъ зарядить его. «Все равно, кинжалъ», сказалъ себѣ Пьеръ, хотя онъ не разъ, обсуживая исполненіе своего намѣренія, рѣшалъ самъ собою, что главная ошибка студента въ 1809 году состояла въ томъ, что онъ хотѣлъ убить Наполеона кинжаломъ. Но какъ будто главная цѣль Пьера состояла не въ томъ, чтобы исполнить задуманное дѣло, а въ томъ, чтобы показать самому себѣ, что онъ не отрекается отъ своего намѣренія и дѣлаетъ все для исполненія его, Пьеръ поспѣшно взялъ купленный у Сухаревой башни вмѣстѣ съ пистолетомъ тупой зазубренный кинжалъ въ зеленыхъ ножнахъ и спряталъ его подъ жилетъ.

Подпоясавъ кафтанъ и надвинувъ шапку, Пьеръ, стараясь не шумѣть и не встрѣтить капитана, прошелъ по коридору и вышелъ на улицу.

Тотъ пожаръ, на который такъ равнодушно смотрѣлъ онъ наканунѣ вечеромъ, за ночь значительно увеличился. Москва горѣла уже съ разныхъ сторонъ. Горѣли въ одно и то же время Каретный рядъ, Замосворѣчье, Гостиный дворъ, Поварская, барки на Москвѣ-рѣкѣ и дровяной рынокъ у Дорогомиловскаго моста.

Путь Пьера лежалъ черезъ переулки на Поварскую и оттуда на Арбатъ къ Николѣ Явленному, у котораго онъ въ воображеніи своемъ давно опредѣлилъ мѣсто, на которомъ должно быть совершено его дѣло. У большей части домовъ были заперты ворота и ставни. Улицы и переулки были пустынны. Въ воздухѣ пахло гарью и дымомъ. Изрѣдка встрѣчались русскіе съ безпокойно-робкими лицами и французы съ негородскимъ, лагернымъ видомъ, шедшіе посрединѣ улицъ. И тѣ и другіе съ удивленіемъ смотрѣли на Пьера. Кромѣ большого роста и толщины, кромѣ страннаго мрачно-сосредоточеннаго и страдальческаго выраженія лица и всей фигуры, русскіе присматривались

къ Пьеру потому, что не понимали, къ какому сословію могъ принадлежать этотъ человѣкъ; французы же съ удивленіемъ провожали его глазами въ особенности потому, что Пьеръ, противно всѣмъ другимъ русскимъ, испуганно или любопытно смотрѣвшимъ на французовъ, не обращалъ на нихъ никакого вниманія. У воротъ одного дома три француза, толковавшіе что-то непонимавшимъ ихъ русскимъ людямъ, остановили Пьера, спрашивая, не знаетъ ли онъ по-французски.

Пьеръ отрицательно покачалъ головой и пошелъ дальше. Въ другомъ переулкѣ на него крикнулъ часовой, стоявшій у зеленаго ящика, и Пьеръ только на повторенный грозный крикъ и звукъ ружья, взятаго часовымъ на руку, понялъ, что онъ долженъ былъ обойти другой стороной улицы. Онъ ничего не слышалъ и не видѣлъ вокругъ себя. Онъ, какъ что-то страшное и чуждое ему, съ поспѣшностью и ужасомъ несъ въ себѣ свое намѣреніе, боясь — наученный опытомъ прошлой ночи — какъ-нибудь растерять его. Но Пьеру не суждено было донести въ цѣлости свое настроеніе до того мѣста, куда онъ направлялся. Кромѣ того, ежели бы онъ и не былъ ничѣмъ задержанъ на пути, намѣреніе его не могло быть исполнено уже потому, что Наполеонъ тому назадъ болѣе 4-хъ часовъ проѣхалъ изъ Дорогомиловскаго предмѣстья черезъ Арбатъ въ Кремль и теперь въ самомъ мрачномъ расположеніи духа сидѣлъ въ царскомъ кабинетѣ Кремлевскаго дворца и отдавалъ подробныя, обстоятельныя приказанія о мѣрахъ, которыя должны были быть приняты немедленно для тушенія пожара, предупрежденія мародерства и успокоенія жителей. Но Пьеръ не зналъ этого; онъ, весь поглощенный предстоящимъ, мучился, какъ мучатся люди, упрямо предпринявшіе дѣло невозможное — не по трудностямъ, но по несвойственности дѣла со своей природой; онъ мучился страхомъ того, что онъ ослабѣетъ въ рѣшительную минуту и вслѣдствіе того потеряетъ уваженіе къ себѣ.

Онъ хотя ничего не видѣлъ и не слышалъ вокругъ себя, но инстинктомъ соображалъ дорогу и не ошибался переулками, выводившими его на Поварскую.

По мѣрѣ того, какъ Пьеръ приближался къ Поварской, дымъ становился сильнѣе и сильнѣе; становилось даже тепло отъ огня пожара. Изрѣдка взвивались огненные языки изъ-за крышъ домовъ. Больше народу встрѣчалось на улицахъ, и народъ этотъ былъ тревожнѣе. Но Пьеръ хотя и чувствовалъ, что что-то такое необыкновенное творилось вокругъ него, не отдавалъ себѣ отчета о томъ, что онъ подходитъ къ пожару.

Проходя по тропинкѣ, шедшей по большому незастроенному мѣсту, примыкавшему одной стороной къ Поварской, другой—къ садамъ дома князя Грузинскаго, Пьеръ вдругъ услыхалъ подлѣ самого себя отчаянный плачъ женщины. Онъ остановился, какъ бы пробудившись отъ сна, и поднялъ голову.

Въ сторонѣ отъ тропинки, на засохшей пыльной травѣ, были свалены кучей домашніе пожитки: перины, самоваръ, образа и сундуки. На землѣ подлѣ сундуковъ сидѣла немолодая, худая женщина, съ длинными высунувшимися верхними зубами, одѣтая въ черный салопъ и чепчикъ. Женщина эта, качаясь и приговаривая что-то, надрываясь плакала. Двѣ дѣвочки, отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ, одѣтыя въ грязныя коротенькія платьица и салопчики, съ выраженіемъ недоумѣнія на блѣдныхъ, испуганныхъ лицахъ смотрѣли на мать. Меньшой мальчикъ лѣтъ семи, въ чуйкѣ и въ чужомъ огромномъ картузѣ, плакалъ на рукахъ старухи няньки. Босоногая, грязная дѣвка сидѣла на сундукѣ и, распустивъ бѣлесую косу, обдергивала опаленные волосы, принюхиваясь къ нимъ. Мужъ, невысокій, сутуловатый человѣчекъ въ вицмундирѣ съ колесообразными бакенбардочками и гладкими височками, виднѣвшимися изъ-подъ прямо надѣтаго картуза, съ неподвижнымъ лицомъ раздвигалъ сундуки, поставленные одинъ на другомъ, и вытаскивалъ изъ-подъ нихъ какія-то одѣянія.

Женщина почти бросилась къ ногамъ Пьера, когда она увидала его.

— Батюшки родимые, христіане православные, спасите, помогите, голубчикъ!.. Кто-нибудь помогите, — выговаривала она сквозь рыданія. — Дѣвочку!.. Дочь!.. Дочь мою меньшую оставили!.. Сгорѣла! Ооо! Для того я тебя лелѣ... Ооо!

— Полно, Марья Николаевна,—тихимъ голосомъ обратился мужъ къ женѣ, очевидно для того только, чтобы оправдаться передъ постороннимъ человѣкомъ.—Должно, сестрица унесла, а то больше гдѣ же быть! — прибавилъ онъ.

— Истуканъ, злодѣй! — злобно закричала женщина, вдругъ прекративъ плачъ. — Сердца въ тебѣ нѣтъ, свое дѣтище не жалѣешь. Другой бы изъ огня досталъ. А это истуканъ, а не человѣкъ, не отецъ. Вы благородный человѣкъ, — скороговоркой, всхлипывая, обратилась женщина къ Пьеру.—Загорѣлось рядомъ, бросило къ намъ. Дѣвка закричала: горитъ! Бросились собирать. Въ чемъ были, въ томъ и выскочили... Вотъ что̀ захватили... Божье благословеніе да приданую постель, а то все пропало. Хвать дѣтей—Катечки нѣтъ. Ооо! О, Господи!..— и опять она зарыдала. — Дитятко мое милое, сгорѣло! сгорѣло!

— Да гдѣ же, гдѣ же она осталась? — сказалъ Пьеръ.

По выраженію оживившагося лица его женщина поняла, что этотъ человѣкъ могъ помочь ей.

— Батюшка! Отецъ! — закричала она, хватая его за ноги. — Благодѣтель, хоть сердце мое успокой... Аниска, иди, мерзкая, проводи, — крикнула она на дѣвку, сердито раскрывая ротъ и этимъ движеніемъ еще больше выказывая свои длинные зубы.

— Проводи, проводи, я... я... сдѣлаю я, — запыхавшимся голосомъ поспѣшно сказалъ Пьеръ.

Грязная дѣвка вышла изъ-за сундука, прибрала косу и, вздохнувъ, пошла тупыми босыми ногами впередъ по тропинкѣ. Пьеръ какъ бы вдругъ очнулся къ жизни послѣ тяжелаго обморока. Онъ выше поднялъ голову, глаза его засвѣтились блескомъ жизни, и онъ быстрыми шагами пошелъ за дѣвкой, обогналъ ее и вышелъ на Поварскую. Вся улица была застлана тучей чернаго дыма. Языки пламени кое-гдѣ вырывались изъ этой тучи. Народъ большой толпой тѣснился передъ пожаромъ. Въ серединѣ улицы стоялъ французскій генералъ и говорилъ что-то окружающимъ его. Пьеръ, сопутствуемый дѣвкой, подошелъ было къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ генералъ, но французскіе солдаты остановили его.

— On ne passe pas [1]), — крикнулъ ему голосъ.

— Сюда, дяденька, — крикнула дѣвка: — мы переулкомъ черезъ Никулиныхъ пройдемъ.

Пьеръ повернулся назадъ и пошелъ, изрѣдка подпрыгивая, чтобы поспѣвать за нею. Дѣвка перебѣжала улицу, повернула налѣво въ переулокъ и, пройдя три дома, завернула направо въ ворота.

— Вотъ тутъ сейчасъ, — сказала дѣвка.

И, пробѣжавъ дворъ, она отворила калитку въ тесовомъ заборѣ и, остановившись, указала Пьеру на небольшой деревянный флигель, горѣвшій свѣтло и жарко. Одна сторона его обрушилась, другая горѣла, и пламя ярко выбивалось изъ-подъ отверстій оконъ и изъ-подъ крыши.

Пройдя въ калитку, Пьера обдало жаромъ, и онъ невольно остановился.

— Который, который вашъ домъ? — спросилъ онъ.

— О-о-охъ! — завыла дѣвка, указывая на флигель. — Онъ самый, она самая наша фатера была. Сгорѣла ты, наше сокровище. Катечка, барышня моя ненаглядная, о-охъ! — за-

1) Тутъ не проходятъ.

выла Аниска при видѣ пожара, почувствовавши необходимость выказать и свои чувства.

Пьеръ сунулся къ флигелю, но жаръ былъ такъ силенъ, что онъ невольно описалъ дугу вокругъ флигеля и очутился подлѣ большого дома, который еще горѣлъ только съ одной стороны съ крыши и около котораго кишѣла толпа французовъ. Пьеръ сначала не понялъ, что дѣлали эти французы, таскавшіе что-то; но, увидавъ передъ собой француза, который билъ тупымъ тесакомъ мужика, отнимая у него лисью шубу, Пьеръ понялъ смутно, что тутъ грабили, но ему некогда было останавливаться на этой мысли.

Звукъ треска и гула заваливающихся стѣнъ и потолковъ, свиста и шипѣнья пламени и оживленныхъ криковъ народа; видъ колеблющихся, то насупливающихся густыхъ черныхъ, то взмывающихъ, свѣтлѣющихъ облаковъ дыма, съ блестками искръ и гдѣ силошного, сноповиднаго, краснаго, гдѣ чешуйчато-золотого, перебирающагося по стѣнамъ пламени; ощущеніе жара и дыма и быстроты движенія—произвели на Пьера свое обычное возбуждающее дѣйствіе пожаровъ. Дѣйствіе это было въ особенности сильно на Пьера потому, что Пьеръ вдругъ, при видѣ этого пожара, почувствовалъ себя освобожденнымъ отъ тяготившихъ его мыслей. Онъ чувствовалъ себя молодымъ, веселымъ, ловкимъ и рѣшительнымъ. Онъ обѣжалъ флигелекъ со стороны дома и хотѣлъ уже бѣжать въ ту часть его, которая еще стояла, когда надъ самой головой его послышался крикъ нѣсколькихъ голосовъ и вслѣдъ затѣмъ трескъ и звонъ чего-то тяжелаго, упавшаго подлѣ него.

Пьеръ оглянулся и увидалъ въ окнахъ дома французовъ, выкинувшихъ ящикъ комода, наполненный какими-то металлическими вещами. Другіе французскіе солдаты, стоявшіе внизу, подошли къ ящику.

— Eh bien, qu'est-ce qu'il veut celui-là [1],—крикнулъ одинъ изъ французовъ на Пьера.

— Un enfant dans cette maison. N'avez-vous pas vu un enfant? [2] —сказалъ Пьеръ.

— Tiens, qu'est-ce qu'il chante celui'là? Va te promener [3],—послышались голоса, и одинъ изъ солдатъ, видимо, боясь, чтобы Пьеръ не вздумалъ отнимать у нихъ серебро и бронзы, которыя были въ ящикѣ, угрожающе надвинулся на него.

---

[1]) Этому что еще надо?
[2]) Ребенка въ этомъ домѣ. Не видали ли вы ребенка?
[3]) Этотъ что еще толкуетъ, провались ты.

— Un enfant? — закричалъ сверху французъ, — j'ai entendu piailler quelque chose au jardin. Peut-être c'est son moutard au bonhomme. Faut être humain, voyez-vous...

— Où est-il? Où est-il? [1]) — спрашивалъ Пьеръ.

— Par ici! par ici! [2]) — кричалъ ему французъ изъ окна, показывая на садъ, бывшій за домомъ.—Attendez, je vais descendre [3]).

И дѣйствительно, черезъ минуту французъ, черноглазый малый съ какимъ-то пятномъ на щекѣ, въ одной рубашкѣ, выскочилъ изъ окна нижняго этажа и, хлопнувъ Пьера по плечу, побѣжалъ съ нимъ въ садъ.

— Dépêchez-vous, vous autres, — крикнулъ онъ своимъ товарищамъ, — commence à faire chaud [4]).

Выбѣжавъ за домъ на усыпанную пескомъ дорожку, французъ дернулъ за руку Пьера и указалъ ему на кругъ. Подъ скамейкой лежала трехлѣтняя дѣвочка въ розовомъ платьицѣ.

— Voilà votre moutard. Ah, une petite, tant mieux,—сказалъ французъ.—Au revoir, mon gros. Faut être humain. Nous sommes tous mortels, voyez-vous [5]), — и французъ съ пятномъ на щекѣ побѣжалъ назадъ къ своимъ товарищамъ.

Пьеръ, задыхаясь отъ радости, побѣжалъ къ дѣвочкѣ и хотѣлъ взять ее на руки. Но, увидавъ чужого человѣка, золотушноболѣзненная, похожая на мать, непріятная на видъ дѣвочка закричала и бросилась бѣжать. Пьеръ, однако, схватилъ ее и поднялъ на руки; она завизжала отчаянно-злобнымъ голосомъ и своими маленькими ручонками стала отрывать отъ себя руки Пьера и сопливымъ ртомъ кусать ихъ. Пьера охватило чувство ужаса и гадливости, подобное тому, которое онъ испытывалъ при прикосновеніи къ какому-нибудь маленькому животному. Но онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой, чтобы не бросить ребенка, и побѣжалъ съ нимъ назадъ къ большому дому. Но пройти уже нельзя было назадъ той же дорогой: дѣвки Аниски уже не было, и Пьеръ, съ чувствомъ жалости и отвращенія прижимая къ себѣ какъ можно нѣжнѣе страдальчески всхлипывавшую и мокрую дѣвочку, побѣжалъ черезъ садъ искать другого выхода.

---

[1]) Ребенокъ? я слышалъ, что-то пищало въ саду. Можетъ-быть, малый своего парнишку ищетъ. Надо вѣдь быть человѣчнымъ.—Гдѣ онъ? Гдѣ онъ?

[2]) Здѣсь! Здѣсь!

[3]) Погодите, я сейчасъ сойду.

[4]) Эй вы, поспѣшайте, дѣлается жарко.

[5]) Вотъ вашъ парнишка. А, это дѣвочка, тѣмъ лучше. До свиданія. Надо быть человѣчнымъ. Мы всѣ вѣдь смертные.

XXXIV.

Когда Пьеръ, обѣжавъ дворами и переулками, вышелъ назадъ съ своей ношей къ саду Грузинскаго, на углу Поварской, онъ въ первую минуту не узналъ того мѣста, съ котораго онъ пошелъ за ребенкомъ: такъ оно было загромождено народомъ и вытащенными изъ домовъ пожитками. Кромѣ русскихъ семей съ своимъ добромъ, спасавшихся здѣсь отъ пожара, тутъ же было и нѣсколько французскихъ солдатъ въ различныхъ одѣяніяхъ. Пьеръ не обратилъ на нихъ вниманія. Онъ спѣшилъ найти семейство чиновника, съ тѣмъ чтобы отдать дочь матери и идти опять спасать еще кого-то. Пьеру казалось, что ему что-то еще многое и поскорѣе нужно сдѣлать. Разогрѣвшись отъ жара и бѣготни, Пьеръ еще сильнѣе въ эту минуту испытывалъ то чувство молодости, оживленія и рѣшительности, которое охватило его въ то время, какъ онъ бѣжалъ спасать ребенка. Дѣвочка затихла теперь и, держась ручонками за кафтанъ Пьера, сидѣла на его рукѣ и, какъ дикій звѣрокъ, оглядывалась вокругъ себя. Пьеръ изрѣдка поглядывалъ на нее и слегка улыбался. Ему казалось, что онъ видѣлъ что-то трогательно-невинное въ этомъ испуганномъ и болѣзненномъ личикѣ.

На прежнемъ мѣстѣ ни чиновника, ни его жены уже не было. Пьеръ быстрыми шагами ходилъ между народомъ, оглядывая разныя лица, попадавшіяся ему. Невольно онъ замѣтилъ грузинское или армянское семейство, состоявшее изъ красиваго, съ восточнымъ типомъ лица, очень стараго человѣка, одѣтаго въ новый крытый тулупъ и новые сапоги, старухи такого же типа и молодой женщины. Очень молодая женщина эта показалась Пьеру совершенствомъ восточной красоты, съ ея рѣзкими, дугами очерченными, черными бровями и длиннымъ, необыкновенно нѣжно-румянымъ и красивымъ лицомъ безъ всякаго выраженія. Среди раскиданныхъ пожитковъ, въ толпѣ, на площади она въ своемъ богатомъ атласномъ салопѣ и ярко лиловомъ платкѣ, накрывавшемъ ея голову, напоминала нѣжное тепличное растеніе, выброшенное на снѣгъ. Она сидѣла на узлахъ нѣсколько позади старухи и неподвижно-большими, черными, продолговатыми съ длинными рѣсницами глазами смотрѣла въ землю. Видимо, она знала свою красоту и боялась за нее. Лицо это поразило Пьера, и онъ, въ своей поспѣшности, проходя вдоль забора, нѣсколько разъ оглянулся на нее. Дойдя до забора и все-таки не найдя тѣхъ, кого ему было нужно, Пьеръ остановился, оглядываясь.

Фигура Пьера съ ребенкомъ на рукахъ теперь была болѣе замѣчательна, чѣмъ прежде, и около него собралось нѣсколько человѣкъ русскихъ, мужчинъ и женщинъ.

— Или потерялъ кого, милый человѣкъ?—Сами вы изъ благородныхъ, что ли?—Чей ребенокъ-то?—спрашивали у него.

Пьеръ отвѣчалъ, что ребенокъ принадлежитъ женщинѣ въ черномъ салопѣ, которая сидѣла съ дѣтьми на этомъ мѣстѣ, и спрашивалъ, не знаетъ ли кто ее и куда она перешла.

— Вѣдь это Анферовы, должно-быть,—сказалъ старый дьяконъ, обращаясь къ рябой бабѣ.—Господи помилуй, Господи помилуй, — прибавилъ онъ привычнымъ басомъ.

— Гдѣ Анферовы?—сказала баба.—Анферовы еще съ утра уѣхали. А это либо Марьи Николаевны, либо Ивановы.

— Онъ говоритъ — женщина, а Марья Николаевна — барыня, — сказалъ дворовый человѣкъ.

— Да вы знаете ее, зубы длинные, худая,—говорилъ Пьеръ.

— И есть Марья Николаевна. Они ушли въ садъ, какъ тутъ волки-то эти налетѣли, — сказала баба, указывая на французскихъ солдатъ.

— О, Господи помилуй, — прибавилъ опять дьяконъ.

— Вы пройдите вотъ туда-то, они тамъ. Она и есть. Все убивалась, плакала,—сказала опять баба. — Она и есть. Вотъ сюда-то.

Но Пьеръ не слушалъ бабу. Онъ уже нѣсколько секундъ, не спуская глазъ, смотрѣлъ на то, что̀ дѣлалось въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Онъ смотрѣлъ на армянское семейство и двухъ французскихъ солдатъ, подошедшихъ къ армянамъ. Одинъ изъ этихъ солдатъ, маленькій, вертлявый человѣкъ, былъ одѣтъ въ синюю шинель, подпоясанную веревкой. На головѣ его былъ колпакъ, и ноги были босыя. Другой, который особенно поразилъ Пьера, былъ длинный, сутуловатый, бѣлокурый, худой человѣкъ съ медлительными движеніями и идіотическимъ выраженіемъ лица. Этотъ былъ одѣтъ во фризовый капотъ, въ синіе штаны и большія рваныя ботфорты. Маленькій французъ, безъ сапогъ, въ синей шинели, подойдя къ армянамъ, тотчасъ же, сказавъ что-то, взялся за ноги старика, и старикъ тотчасъ же поспѣшно сталъ снимать сапоги. Другой, въ капотѣ, остановился противъ красавицы-армянки и молча, неподвижно, держа руки въ карманахъ, смотрѣлъ на нее.

— Возьми, возьми ребенка, — проговорилъ Пьеръ, подавая дѣвочку и повелительно и поспѣшно обращаясь къ бабѣ.—Ты отдай имъ, отдай! — закричалъ онъ почти на бабу, сажая за-

кричавшую дѣвочку на землю, и опять оглянулся на французовъ и на армянское семейство.

Старикъ уже сидѣлъ босой. Маленькій французъ снялъ съ него послѣдній сапогъ и похлопывалъ сапогами одинъ о другой. Старикъ всхлипывая говорилъ что-то, но Пьеръ только мелькомъ видѣлъ это; все вниманіе его было обращено на француза въ капотѣ, который въ это время, медлительно раскачиваясь, подвинулся къ молодой женщинѣ и, вынувъ руки изъ кармановъ, взялся за ея шею.

Красавица-армянка продолжала сидѣть въ томъ же неподвижномъ положеніи съ опущенными длинными рѣсницами и какъ будто не видала и не чувствовала того, что дѣлалъ съ нею солдатъ.

Пока Пьеръ пробѣжалъ тѣ нѣсколько шаговъ, которые отдѣляли его отъ французовъ, длинный мародеръ въ капотѣ уже рвалъ съ шеи армянки ожерелье, которое было на ней, и молодая женщина, хватаясь руками за шею, кричала пронзительнымъ голосомъ.

— Laissez cette femme! [1] —бѣшенымъ голосомъ прохрипѣлъ Пьеръ, схватывая длиннаго сутуловатаго солдата за плечи и отбрасывая его.

Солдатъ упалъ, приподнялся и побѣжалъ прочь. Но товарищъ его, бросивъ сапоги, вынулъ тесакъ и грозно надвинулся на Пьера.

— Voyons, pas de bêtises! [2]—крикнулъ онъ.

Пьеръ былъ въ томъ восторгѣ бѣшенства, въ которомъ онъ ничего не помнилъ и въ которомъ силы его удесятерялись. Онъ бросился на босого француза и прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ вынуть свой тесакъ, уже сбилъ его съ ногъ и молотилъ по немъ кулаками. Послышался одобрительный крикъ окружавшей толпы, и въ то же время изъ-за угла показался конный разъѣздъ французскихъ уланъ. Уланы рысью подъѣхали къ Пьеру и французу и окружили ихъ. Пьеръ ничего не помнилъ изъ того, что̀ было дальше. Онъ помнилъ, что онъ билъ кого-то, его били и что подъ конецъ онъ почувствовалъ, что руки его связаны, что толпа французскихъ солдатъ стоитъ вокругъ него и обыскиваетъ его платье.

— Il a un poignard, lieutenant [3],—были первыя слова, которыя понялъ Пьеръ.

---

[1] Оставьте эту жещину.

[2] Эй, глупости-то оставь!

[3] У него кинжалъ есть, лейтенантъ.

— Ah, une arme [1]),—сказалъ офицеръ и обратился къ босому солдату, который былъ взятъ съ Пьеромъ:—C'est bon, vous direz tout cela au conseil de guerre [2]),—сказалъ офицеръ и вслѣдъ затѣмъ повернулся къ Пьеру:—Parlez-vous français vous? [3]).

Пьеръ оглядывался вокругъ себя налившимися кровью глазами и не отвѣчалъ. Вѣроятно, лицо его показалось очень страшно, потому что офицеръ что-то шопотомъ сказалъ, и еще четыре улана отдѣлились отъ команды и стали по обѣимъ сторонамъ Пьера.

— Parlez - vous français?— повторилъ ему вопросъ офицеръ, держась вдали отъ него. – Faites venir l'interprète [4]).

Изъ-за рядовъ выѣхалъ маленькій человѣчекъ въ штатскомъ русскомъ платьѣ. Пьеръ по одѣянію и говору его тотчасъ же узналъ въ немъ француза изъ одного московскаго магазина.

— Il n'a pas l'air d'un homme du peuple [5]),—сказалъ переводчикъ, оглядѣвъ Пьера.

— Oh, oh! ça m'a bien l'air d'un des incendiaires,—сказалъ офицеръ.—Demandez-lui ce qu'il ets? [6])—прибавилъ онъ.

— Ти кто? — спросилъ переводчикъ. — Ти должно отвѣчать начальство, — сказалъ онъ.

— Je ne vous dirai pas qui je suis. Je suis votre prisonnier, Emmenez-moi [7]), — вдругъ по-французски сказалъ Пьеръ.

— Ah! ah! — проговорилъ офицеръ, нахмурившись.—Marchons! [8])

Около уланъ собралась толпа. Ближе всѣхъ къ Пьеру стояла рябая баба съ дѣвочкой; когда объѣздъ тронулся, она подвинулась впередъ.

— Куда же это ведутъ тебя, голубчикъ ты мой?—сказала она. — Дѣвочку - то, дѣвочку - то куда я дѣну, коли она не ихняя! — говорила баба.

— Qu'est-ce qu'elle veut cette femme? [9]) —спросилъ офицеръ.

Пьеръ былъ какъ пьяный. Восторженное состояніе это еще усилилось при видѣ дѣвочки, которую онъ спасъ.

---

[1]) А! оружіе!
[2]) Хорошо, вы все это скажете на военномъ совѣтѣ.
[3]) Вы говорите по-французски?
[4]) Приведите переводчика.
[5]) Онъ не похожъ на человѣка изъ народа.
[6]) О, о, онъ очень похожъ на поджигателя. Спросите его, кто онъ;
[7]) Я не скажу вамъ, кто я. Я вашъ плѣнный. Уводите меня.
[8]) Идемъ.
[9]) Чего она хочетъ, эта женщина?

— Ce qu'elle dit? — проговорилъ онъ — Elle m'apporte ma fille que je viens de sauver des flammes,—проговорилъ онъ.— Adieu! [1]) — и онъ, самъ не зная, какъ вырвалась у него эта безцѣльная ложь, рѣшительнымъ, торжественнымъ шагомъ пошелъ между французами.

Разъѣздъ французовъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые были посланы по распоряженію Дюронеля по разнымъ улицамъ Москвы для пресѣченія мародерства и въ особенности для поимки поджигателей, которые, по общему, въ тотъ день проявившемуся мнѣнію у французовъ высшихъ чиновъ, были причиною пожаровъ. Объѣхавъ нѣсколько улицъ, разъѣздъ забралъ еще человѣкъ пять подозрительныхъ русскихъ,—одного лавочника, двухъ семинаристовъ, мужика и двороваго человѣка, — и нѣсколькихъ мародеровъ. Но изъ всѣхъ подозрительныхъ людей подозрительнѣе всѣхъ казался Пьеръ. Когда ихъ всѣхъ привели на ночлегъ въ большой домъ на Зубовскомъ валу, въ которомъ была учреждена гауптвахта, то Пьера подъ строгимъ карауломъ помѣстили отдѣльно.

---

[1]) Что она говоритъ? Она приноситъ мнѣ мою дочь, которую я только что спасъ отъ пламени. Прощай!

Примѣчанія къ III тому „Войны и мира".

Источникомъ нижеприводимыхъ приложеній намъ послужило то же собраніе корректурныхъ гранокъ, о которомъ мы уже упоминали въ примѣчаніяхъ ко II тому «Войны и мира». Это собраніе корректурныхъ гранокъ хранится въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ, въ отдѣлѣ Чертковской библіотеки.

Печатаемыя ниже приложенія содержать мало новаго, но, тѣмъ не менѣе, въ каждомъ изъ нихъ есть нѣсколько художественныхъ черточекъ, дающихъ болѣе полное представленіе какъ объ описанныхъ событіяхъ, такъ и характерахъ героевъ, и потому мы полагаемъ полезнымъ дать читателямъ возможность познакомиться съ этими отрывками, выброшенными авторомъ изъ первоначальной редакціи.

Приложенія къ III тому „Войны и мира“.

№ 1. Ч. II, глава 4-ая.

Губернаторъ, прочтя письмо князя, лично принялъ Алпатыча и сказалъ ему, чтобъ онъ передалъ князю, что не только въ Лысыхъ горахъ, но и въ Смоленскѣ нѣтъ никакой опасности, потому что въ этомъ завѣрилъ его главнокомандующій, и кромѣ письма къ князю передалъ ему незапечатанную копію съ послѣдней части письма Барклая-де-Толли.

— Можешь самъ прочесть и показать здѣсь своимъ знакомымъ,— сказалъ ему губернаторъ, отдавая эту бумагу. — Еще передай...— началъ что-то губернаторъ, но въ это время въ комнату безъ доклада вбѣжалъ запыленный офицеръ.

— Отъ генералъ Раевскаго,—сказалъ офицеръ, и губернаторъ, кивнувъ головой Алпатычу, съ офицеромъ вошелъ въ кабинетъ. Алпатычъ пошелъ въ присутственныя мѣста. Выходя отъ губернатора, Алпатычъ услыхалъ близкіе выстрѣлы за городомъ, но не обратилъ на нихъ вниманія.

Къ вечеру выстрѣлы затихли и Яковъ Алпатычъ, вернувшись домой и прочтя начинавшему тревожиться Ѳерапонтову бумагу губернатора, рано, по своему обыкновенію, легъ спать на дворѣ— на сѣнѣ.

На другой день, 5-го августа, рано Алпатычъ разбудилъ кучера, и, собравшись ѣхать, вышелъ на крыльцо. По улицѣ шли войска. Только что выѣхала Алпатычева тройка саврасыхъ, какъ одинъ офицеръ, ѣхавшій верхомъ, указалъ на кибитку и что-то сказалъ. Двое солдатъ вскочили въ кибитку и велѣли ей ѣхать въ Петербургскій форштадтъ за раненымъ полковникомъ. Алпатычъ, махнувъ рукой кучеру, чтобы онъ не ѣхалъ, подошелъ къ офицеру, желая объяснить ему его ошибку.

— Ваше благородіе, господинъ интендантъ, — сказалъ онъ, учтиво снявъ шляпу,—какъ кибитка, такъ и лошади, и кучеръ, и я самъ, — сказалъ онъ съ гордой улыбкой, — принадлежатъ его сіятельству генералъ-аншефу князю Болконскому.

— Пошелъ, пошелъ, — крикнулъ офицеръ солдатамъ. — Ступай за ними, имъ по дорогѣ! — и офицеръ поскакалъ, стуча по каменной мостовой.

Алпатычъ вернулся на квартиру и тотчасъ же сталъ сочинять прошеніе противъ офицера, не извѣстнаго по имени и чину, но, вѣроятно, виномъ до безпамятства доведеннаго, не мою, но принадлежащую его сіятельству генералъ-аншефу князю Болконскому повозку взявшаго. Написавъ и перебѣливъ прошеніе, Яковъ Алпатычъ сѣлъ у окна. Канонада явственно слышна была въ городѣ. Алпатычъ сидѣлъ у окна въ кухнѣ. Хозяинъ входилъ и уходилъ съ мужиками, которыхъ онъ нанималъ для увоза товара. Кухарка стряпала обѣдъ, но безпрестанно выбѣгала на улицу смотрѣть то на проходившія войска, то для того, чтобы поговорить съ сосѣдями.

Алпатычъ молча смотрѣлъ на улицу, не отвѣчая на вопросы, съ которыми обращались къ нему то кухарка, то приказчикъ, входившіе въ кухню.

Въ два часа Ѳерапонтовъ вошелъ въ кухню и сталъ обѣдать, пригласивъ съ собою и Алпатыча. Ни Ѳерапонтовъ не говорилъ о томъ, что онъ нанималъ подводы для того, чтобы вывозиться, ни Алпатычъ—не говорилъ о томъ, что у него была взята повозка. Они перекрестились, молча сѣли за обѣдъ. Одна кухарка, громко вздыхая и приговаривая, ставила на столъ перемѣны.

За обѣдомъ, хотя канонада была болѣе чѣмъ за версту, изрѣдка слабо подрагивали стекла въ окнахъ. Но эти звуки и подрагиваніе продолжались съ самаго утра и уже сдѣлались привычными.

— Потому что ежели бы онъ не пьяный былъ,—началъ вдругъ Алпатычъ,—онъ не можетъ партикулярную собственность взять...

Ѳерапонтовъ утвердительно кивнулъ головой.

— На перевозку военныхъ принадлежностей существуютъ штаты,—продолжалъ Алпатычъ.—Мы сами знаемъ; и когда князь командовалъ, то у насъ для перевозки одной, я думаю, тысячи подводъ было. Бывало, прикажетъ князь...—и Алпатычъ разсказалъ о томъ, какъ подъ Очаковымъ князь дѣйствовалъ и три тысячи турокъ забралъ.

Ѳерапонтовъ сообщилъ Алпатычу, что въ городѣ разсказываютъ, какъ Платовъ Матвѣй Иванычъ крѣпко побилъ французовъ на рѣкѣ Маринѣ (хотя никакой похожей по имени рѣки не было).—Осьмнадцать тысячъ въ одну-то ночь утопилъ, — но что нынѣшній день были слышны выстрѣлы поблизости, и что многіе купцы стали было товаръ увозить, но отъ губернатора былъ указъ, что французовъ въ Смоленскъ не пустятъ.

№ 2. Ч. II. Глава 10-ая.

Вернувшись съ кладбища, княжна Марья ушла въ свою комнату (бывшій кабинетъ князя Андрея) и съ сухими глазами сѣла на постель, глядя передъ собою. Въ комнату къ ней входили ея дѣвушки, няня, докторъ, Михаилъ Иванычъ архитекторъ, уговаривая ее поѣсть что-нибудь, прогуляться выйти въ гостиную; она всѣхъ просила только оставить ее, и какъ только кто-нибудь входилъ къ ней, она, какъ будто пряча онъ нихъ свое сухое, безъ слезъ, лицо, ложилась на свою постель, поворачиваясь лицомъ къ стѣнѣ. И входившіе слышали ея сердитый голосъ, говорившій о томъ, чтобы оставили ее. Но какъ только выходили изъ комнаты и она оставалась одна, она опять садилась на кровать, устремивъ глаза на полъ, и сидѣла, думая и какъ будто стараясь разъяснить себѣ что-то, и какъ будто только въ этомъ положеніи, въ томъ самомъ, которое она случайно приняла, придя съ кладбища, она могла разъяснить себѣ то, что ее занимало. Одно воспоминаніе за другимъ смѣнялось въ ея воображеніи. То она представляла себѣ его такимъ, какимъ онъ, сердито бормоча и волоча ногу, шелъ изъ аллеи, то съ комическимъ трудомъ языка выговаривающаго ей ласкательныя слова, то она вспоминала далекое дѣтское прошедшее, когда онъ надъ ней во время болѣзни сидѣлъ надъ кроваткой и входилъ и выходилъ на цыпочкахъ. Еще много другихъ воспоминаній проходило въ ея воображеніи, но мысль одна только, одна приходила ей: она думала о томъ, что она желала этого. «Ну вотъ онъ умеръ, довольна ты?», говорила она себѣ. «Теперь тебѣ удобнѣе будетъ ѣхать за Николушкой».

№ 3. Часть II. Глава 10-ая.

— Такъ ты ничего не слыхалъ? — сказала ему княжна.

Ежели бы онъ зналъ это!—сама себѣ проговорила княжна.

Тихонъ не выдержалъ этого обращенія и заплакалъ, цѣлуя руку княжны.

«А я жалѣла тогда Тихона!» подумала княжна Марья и сама заплакала, отрывая отъ Тихона руку, которую онъ мочилъ слезами. «Да, мы съ нимъ его больше всѣхъ любили!» подумала она, но въ то время, какъ она думала это, въ комнату вошелъ потребованный староста Дронъ, котораго она называла Дронушкой, и съ выраженіемъ хитраго и тупого довѣрія сталъ у притолоки.

Дронушка 23 года тому назадъ уже бывши старостой, вдругъ началъ пить, его строго наказали и смѣнили изъ старостъ. Вслѣдъ

за тѣмъ Дронушка бѣжалъ и пропадалъ около года, обходилъ монастыри и пустыни, былъ въ Лаврахъ и въ Соловецкихъ. Вернувшись оттуда, онъ объявился. Его опять наказали и поставили на тягло. Но онъ не сталъ работать и тотчасъ же пропалъ. Черезъ недѣлю онъ, изнуренный и худой, едва таща ноги, пришелъ къ себѣ въ избу и легъ на печь. Недѣлю эту Дронъ провелъ въ пещерѣ, которую онъ самъ вырылъ въ горѣ, въ лѣсу, и которую сзади себя онъ заложилъ камнями, смазанными глиной. Онъ шесть дней, почти безъ ѣды и питья, пробылъ въ этой пещерѣ, желая спастись, но на седьмой день на него нашелъ страхъ смерти, онъ съ трудомъ откопался и пришелъ домой. Съ тѣхъ поръ Дронъ перестал пить вино и браниться дурнымъ словомъ, и былъ сдѣланъ опять старостой. Въ этой должности съ тѣхъ поръ Дронъ ни разу не былъ ни пьянъ ни боленъ, никогда ни отъ какого труда ни отъ безсонныхъ ночей не выказывалъ усталости, никогда не забывалъ ни одной десятины (сколько было на ней копенъ), за 20 лѣтъ тому назадъ, не забывалъ ни одного пуда муки, который онъ выдалъ, и безупречно пробылъ 23 года старостой, бурмистромъ, никогда никуда не торопясь и вездѣ поспѣвая. Дронушка управлялъ имѣніемъ въ 1000 душъ такъ же легко и свободно, какъ хорошій ямщикъ складно пріѣзжанной тройкой.

№ 4. Часть II, глава 12-ая.

— «Такъ-то я не спалъ разъ въ Крыму... тамъ теплыя ночи... Все думалось... Императрица прислала за мной...» они что-то говорили объ императрицѣ, Тихонъ молчалъ, потомъ онъ сталъ говорить о постройкахъ.—«Да, уже такъ не построятъ теперь,—говорилъ онъ.—Вѣдь я началъ строить, какъ пріѣхалъ сюда. Тутъ ничего не было. Ты не помнишь, какъ сгорѣлъ флигель батюшкинъ? Нѣтъ, гдѣ тебѣ. Такъ не построятъ нынче. Тихонъ! Я отсюда обведу галлерею и тамъ будутъ Николаши покои-спальни, гдѣ невѣстка живетъ. Что она уѣхала?.. Невѣстка уѣхала? А?..»

— Уѣхали-съ, — отвѣчалъ кроткій голосъ Тихона. — Извольте ложиться. — Постель затрещала подъ нимъ, онъ ложился, и громко и тяжело кашлянулъ и замолкъ.

— Богъ мой, Богъ мой! — прокричалъ онъ вдругъ, потомъ опять затрещала кровать и зашлепали туфли, и онъ подвинулся къ двери, у которой стояла княжна Марья. Княжна Марья и теперь, казалось, слышала это шлепанье туфлями и кромѣ того чувства, которое она и тогда испытывала, она теперь ужасалась тому, что онъ, мертвецъ, сейчасъ войдетъ къ ней.

Опять совершенно невольно княжна Марья вступила въ ту сдѣлавшуюся ей привычной со времени болѣзни отца колею личныхъ надеждъ и мечтаній о предстоящей ей теперь свободной жизни, какъ ни упрекала она себя, какъ ни раскаивалась въ томъ, что послѣ того, что было такъ недавно, она могла думать о возможности для себя любви и семейнаго счастія. Какъ будто такъ долго задержанныя и подавленныя въ ней надежды на личное счастіе, неудержимо прорвались теперь и, несмотря на свою неумѣстность, охватили ее.

«Какъ бы я любила *его*», думала княжна Марья, представляя себѣ своего будущаго мужа. Она представляла себѣ того человѣка, котораго она будетъ любить, совсѣмъ противоположнымъ тѣмъ двумъ мужчинамъ — отцу и брату, которыхъ она знала ближе всѣхъ, и на которыхъ она сама была похожа. Она представляла его себѣ веселымъ, красивымъ, рыцарски благороднымъ и великодушнымъ, безъ той гордости (души) (ума), которая была въ отцѣ и братѣ, и непремѣнно военнымъ, преимущественно гусаромъ.

«Онъ полюбилъ бы меня хоть за мою любовь къ нему!» думала княжна Марья, ощущая въ себѣ всю силу и преданность этой будущей любви.

По дорогѣ за садомъ послышался топотъ нѣсколькихъ лошадей и бренчанье желѣза. (Это мужики ѣхали въ ночное).

«Кто знаетъ, можетъ-быть, это мое положеніе теперь здѣсь и въ опасности сведетъ меня съ *нимъ*,—подумала княжна Марья, прислушиваясь къ топоту лошадей.—Можетъ, завтра на насъ нападутъ непріятели и онъ спасетъ меня. Можетъ-быть, это *онъ* ѣдетъ теперь... А можетъ-быть, это разбойники,—вдругъ пришло въ голову и на нее нашелъ страхъ: сначала страхъ разбойниковъ, потомъ страхъ французовъ и наконецъ безпричинный страхъ чего-то таинственнаго и неизвѣстнаго.

№ 5. Часть II, глава 13-ая.

Яковъ Алпатычъ, держа руку за пазухой, мрачно стоялъ передъ княжной Марьей, желая и не рѣшаясь сказать ей всю правду.

— Для чего они тутъ стоятъ? — сказала княжна Марья, указывая на толпу.

Алпатычъ прокашлялся.

— Не могу знать, ваше сіятельство. Вѣроятно, проститься желаютъ, — сказалъ онъ.

— Впрочемъ, осмѣлюсь доложить, по ихъ необразованію...

— Ты бы сказалъ имъ, чтобы они шли, — сказала княжна Марья.

Яковъ Алпатычъ покачалъ головой въ то время, какъ не могла его видѣть княжна Марья.

— Слушаю-съ, — сказалъ онъ.

— И тогда вели подавать.

Алпатычъ, не отвѣчая болѣе, вышелъ, и княжна Марья видѣла, какъ онъ подошелъ къ мужикамъ и что-то сталъ говорить съ ними. Поднялся крикъ, маханье руками и Алпатычъ отошелъ отъ нихъ, но не вернулся къ княжнѣ.

Дуняша вбѣжала къ княжнѣ и задыхающимся голосомъ передала ей, что въ народѣ бунтъ, что мужики собрались съ тѣмъ, чтобы не выпускать ее изъ деревни, что они грозятся, что отпрягутъ лошадей.

— Они говорятъ... они что ничего худого не сдѣлаютъ и повиноваться будутъ и на барщину ходить, только бы вы не уѣзжали. Ужъ лучше не ѣздить, княжна, матушка! что съ нами будетъ,— говорила плачущая Дуняша.

— Позови Алпатыча, — сказала княжна Марья. Алпатыча не было,—онъ куда-то ушелъ. Въ заднихъ комнатахъ слышны были бѣготня и шептанье. Кучера и мужики, приведшіе было къ крыльцу лошадей, увели ихъ назадъ. Къ мужикамъ подъѣхала телѣга съ боченкомъ. Толпа окружила телѣгу и слышался громкій говоръ и веселые крики.

Княжна Марья сидѣла въ дорожномъ платьѣ у окна, глядя на нихъ.

«Вотъ оно и наказанье! — думала она; — но я не покорюсь такъ вдругъ,—сказала она, вставая.—Я пойду къ нимъ, я велю закладывать и поѣду. Пускай они останавливаютъ меня! Дуняша, няня, чего вы боитесь? Отчего вы спрятались? Велите закладывать, а я пойду къ нимъ.

— Матушка! Христосъ съ тобой! Они пьяные, о голубушка! Пропали мы — уговаривали и плакали и стонали Дуняша и няня. Михаилъ Ивановичъ съ растерянным лицомъ и Тихонъ вошли въ комнату. Нѣсколько голосовъ говорили вмѣстѣ. Особенно женскіе голоса и особенно голосъ прачки Натальи наполнялъ комнату. Княжна Марья чувствовала, что, глядя на эти растерянныя лица, она сама теряется, но неизвѣстное ей самой въ себѣ чувство оскорбленной гордости и злобы поддержали ее.

— Они! французы... французы!.. Нѣтъ, не французы... Они!.. послышался говоръ сзади ея, и она увидала во весь духъ лошадей скачущихъ трехъ верховыхъ, которые у дома стали сдерживать разскакавшихся лошадей. Въ то же время Алпатычъ подошелъ къ княжнѣ Марьѣ.

— Всевышній перстъ, ваше сіятельство! —сказалъ онъ, торжественно поднимая руку и палецъ — офицеры русской арміи!

№ 6. Часть III, глава 1-ая.

Движенie общей человѣческой жизни совершается во времени. Во всѣхъ безъ исключенiя какъ письменныхъ такъ и изустныхъ критикахъ на 4-й томъ «Войны и мира» мнѣ было замѣчено, что напрасно я излагалъ свой взглядъ на исторiю, что я очень мило пишу военныя сцены, но что разсуждать не мое дѣло, и что все, что я излагалъ какъ новость такимъ догматическимъ тономъ — давно не только всѣмъ извѣстно, но даже давно оставлено и нынѣ уже не въ модѣ, что это мистическая, фаталическая, боклевская школа исторiи. Къ несчастью, несмотря на то, что прежде чѣмъ изложить такiя, какъ мнѣ казалось, странныя и противорѣчащiя общему взгляду мысли, я перечиталъ много, чтобы узнать, насколько я въ своемъ взглядѣ расхожусь съ другими людьми, думавшими о томъ же, я не нашелъ нигдѣ этой мистической или какой другой школы, на которую мнѣ указываютъ. Еще къ большему несчастью, ни одинъ изъ тѣхъ критиковъ, которые говорили мнѣ, что это давно извѣстно, не указали мнѣ на тѣ сочиненiя, въ которыхъ бы я могъ найти это давно извѣстное. Такъ что въ началѣ 5-го тома, излагая опять нѣкоторыя мысли касательно исторiи, я иду на рискъ повторять давно извѣстное; но не могу воздержаться отъ этого, потому что чувствую необходимость подѣлиться тѣмъ радостнымъ чувствомъ, которое мнѣ доставили эти мысли, съ читателями, которые, можетъ-быть, нѣкоторые думаютъ, такъ же, какъ и я, и такъ же, какъ и я, по несчастной случайности, не попадали на тѣ сочиненiя мистической или боклевской школы, въ которой все это давнымъ-давно изложено и вышло уже изъ моды. Тѣмъ болѣе считаю нужнымъ подѣлиться съ публикой этими мыслями, что мысли эти были для меня не одной умственной забавой, но оказались весьма плодотворными въ томъ трудѣ, которымъ я былъ занятъ. Не имѣя замысла исключительно историческаго при сочиненiи моей книги, мнѣ, не имѣющему ни военныхъ знанiй ни богатыхъ новыхъ матерьяловъ, удалось только съ помощью этого взгляда на исторiю (мимоходомъ, какъ говорятъ критики) освѣтить подъ новымъ и, какъ кажется, вѣрнымъ угломъ нѣкоторыя историческiя событiя... Ежели мнѣ уладось это сдѣлать, то отнюдь не потому, чтобы я былъ счастливъ, или потому что у меня талантъ, какъ говорятъ критики, но только потому, что я смотрѣлъ на историческiя событiя такъ, какъ я изложилъ это въ 4-мъ томѣ.

Бородинское сраженiе представлялось побѣдой всѣмъ его участникамъ. Какъ о побѣдѣ, доносилъ о немъ фельдмаршалъ, и какъ несомнѣнная побѣда, подобная полтавской, осталось это въ созна-

нія русскаго народа. Всякій русскій мальчикъ, учащійся читать, знаетъ, что Бородинское сраженіе есть слава русскаго оружія, и что оно выиграно. Но тотъ же мальчикъ, возрастая и начиная читать *научныя* военныя сочиненія, узнаетъ, что сраженіе, послѣ котораго отступило войско, проиграно; вслѣдъ за Бородинскимъ сраженіемъ войска отступили, и Москва отдана непріятелю. Кто изъ русскихъ людей воспитанныхъ на убѣжденіи, что Бородинское сраженіе есть лучшая слава русскаго оружія, — есть побѣда, не приходилъ въ тяжелое и грустное недоумѣніе, читая эти научныя иностранныя и, что еще убѣдительнѣе, русскія, писанныя подъ иждевеніемъ правительства описанія этой войны. Послѣ Бородина русскіе отступили, и французы заняли Москву. Слѣдовательно, говорятъ историки, русскіе проиграли сраженіе. Но сознаніе народа, которое основывается не на исторіяхъ, а на своихъ страданіяхъ и радостяхъ, торжествуетъ Бородинское сраженіе, какъ лучшую свою побѣду. Народное сознаніе не спрашиваетъ себя, что такое есть выигранное или невыигранное сраженіе, что такое стратегика и тактика. Что намѣренъ былъ сдѣлать Кутузовъ или Наполеонъ? Народное сознаніе ощущаетъ событія во всей ихъ непрерывности. Для народнаго сознанія отъ Нѣмана въ іюлѣ до Нѣмана въ ноябрѣ представляется непрерывный рядъ событій.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 084202750